

КЕМБРИДЖСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Том 2
1870 — наши дни

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

КЕМБРИДЖСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЕВРОПЫ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

THE CAMBRIDGE
ECONOMIC HISTORY
OF MODERN EUROPE

Volume 2
1870 to the Present

Edited by
STEPHEN BROADBERRY *and*
KEVIN H. O'ROURKE

CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS • 2010

КЕМБРИДЖСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

Том 2
1870 — наши дни

Под редакцией
Стивена Бродберри и Кевина О'Рурка

Перевод с английского
Николая Эдельмана
Научная редакция
Татьяны Дробышевой

1032466

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА • 2013

УДК 339.9
ББК 65.5
К35

**Кембриджская экономическая история Европы
Нового и Новейшего времени**

К35 Том 2: 1870—наши дни [Текст] / пер. с англ. Н. Эдельмана;
под ред. Т. Дробышевской. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 624 с.
ISBN 978-5-93255-371-8

В отличие от большинства работ по экономической истории Европы Нового и Новейшего времени, в которых рассматривается развитие отдельных стран, в «Кембриджской экономической истории Европы Нового и Новейшего времени» европейское развитие с 1700 г. переосмысливается как единое панъевропейское явление, причем материал организован по нескольким крупным темам, а не по отдельным государствам.

Во втором томе рассматриваются три основных этапа экономической истории Европы после 1870 г. Первый этап — эпоха глобализации и европейского экономического и политического господства, которая продлилась до начала Первой мировой войны. Второй этап (1914–1945 гг.) — эпоха войн, депрессии и отхода от глобализации. Третий этап был временем возрастающей интеграции не только внутри Европы, но и между Европой и глобальной экономикой.

Ведущие авторы предлагают всестороннее и доступное описание этих процессов глобализации и деглобализации, а также рассматривают ключевые темы современной экономической истории, включая рост, экономические циклы, развитие различных секторов экономики и уровень жизни населения.

УДК 339.9
ББК 65.5

© Published by the Press Syndicate of the University of Cambridge, 2010
© Издательство Института Гайдара, 2013

ISBN 978-5-93255-371-8

Содержание

Предисловие · 9

Введение ко второму тому · 12;

ЧАСТЬ I. ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава 1. Глобализация в 1870–1914 гг. · 15

Документальное подтверждение глобализации · 17;

Результаты глобализации · 35; Реакция на глобализацию · 44

Глава 2. Совокупный рост в 1870–1914 гг.: развитие на пределе производственных возможностей · 51

Введение: от Маркса к Маршаллу — и Ленину · 53;

Европейский экономический рост: общая оценка · 54;

Закономерности национального роста: единство и разнообразие · 66; Источники роста: непосредственные и глубинные причины · 76;

Глубинные причины роста · 80; Глубинные

технические изменения: эффективность инвестиций · 84;

Заключительные замечания: рост на пределе производственных возможностей · 88; Приложение: источники · 89

Глава 3. Развитие по секторам экономики в 1870–1914 гг. · 91

Введение · 93; Структура экономики · 94; Сельское хозяйство · 97; Непосредственные причины роста: вклад факторов

производства и СПФ · 100; Скрытые причины роста: технический прогресс или интеграция рынков? · 103;

Промышленность · 105; Услуги · 116; Заключение · 124

Глава 4. Деловые циклы в 1870–1914 гг. · 125

Введение · 127; Макроэкономические показатели · 129;

Внешняя корректировка, золотой стандарт и деловые циклы · 140; Заключение · 155

Глава 5. Население и уровень жизни в 1870–1914 гг. · 157

Введение · 159; Численность населения · 160; Снижение

смертности и рост продолжительности жизни · 161; Оценка

уровня жизни: Индекс человеческого развития · 163;

Модернизация, урбанизация и условия жизни · 165;
Санитарные условия, уход за детьми и успехи просвещения · 176; Сравнение неравенства · 182; Заключение · 187

ЧАСТЬ II. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ И МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Глава 6. Война и период распада в 1914–1950 гг. · 189

Введение · 191; Глобализация, империи и войны · 193;
Война, экономическое развитие и диктатура · 200;
Ведение войны · 204; Итоги войны · 219; Заключение · 219

Глава 7. Деловые циклы и экономическая политика в 1914–1945 гг. · 221

Введение · 223; Выявление европейского делового цикла · 227;
Монетарные факторы в межвоенном европейском деловом
цикле · 230; Социальный конфликт и межвоенный европей-
ский деловой цикл · 242; Международная торговля · 245;
Потоки капитала, международные конфликты и межвоенный
европейский деловой цикл · 247; Заключение · 251

Глава 8. Совокупный рост в 1913–1950 гг. · 253

Европейский экономический рост в 1913–1950 гг.: сравнитель-
ная перспектива · 255; Объяснение европейских темпов роста
в межвоенный период · 271; Заключение · 286

Глава 9. Развитие по секторам экономики в 1914–1945 гг. · 289

Введение · 291; Важнейшие структурные изменения · 292;
Сельское хозяйство · 294; Промышленность · 303; Сфера
услуг · 316

Глава 10. Население и уровень жизни в 1914–1945 гг. · 323

Введение · 325; Общественное здравоохранение и ожидаемая
продолжительность жизни · 326; Семья и работа: экономиче-
ские факторы, стоявшие за снижением рождаемости · 336;
Экономическая миграция · 343; Изменение дохода и развитие
человеческого потенциала · 350; Рост как показатель уровня
жизни в 1914–1945 гг. · 356; Заключение · 362

ЧАСТЬ III. ОТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Глава 11. Экономическое влияние европейской интеграции · 365

Введение · 367; Контрфактуальный подход · 372;

Аналитические соображения · 373; Несколько
контрфактуальных моделей · 379; Заключение · 400

Глава 12. Совокупный рост в 1950–2005 гг. · 405

Введение · 407; Европейский рост в долгосрочной перспективе · 410; Оценки источников роста · 416; Золотой век · 422; Замедление после окончания золотого века · 432; Эпоха «новой экономики» и переходный период · 442; Заключение · 452

Глава 13. Развитие отдельных секторов экономики в 1945–2000 гг. · 455

Введение · 457; Сельское хозяйство · 457; Промышленность · 468; Услуги · 480

Глава 14. Деловые циклы и экономическая политика в 1945–2007 гг. · 493

Введение · 495; Концептуальные рамки · 496; К вопросу об общевропейском цикле · 504; Аналитические соображения · 515; Деловые циклы в Восточной Европе и России в 1945–2006 гг. · 528; Заключение · 535

Глава 15. Население и уровень жизни в 1945–2005 гг. · 537

Введение · 539; Роль государства · 540; Анализ изменений уровня жизни · 550; Причины и последствия демографических изменений · 560; Заключение · 579

Библиография · 581

Предисловие

АМЕРИКАНСКИЕ студенты были бы немало удивлены, услышав предложение прослушать курсы по экономической истории не США, а, например, штата, в котором расположен их университет. В то же время в большинстве современных учебников по европейской экономической истории рассматривается исключительно развитие отдельных стран. Данное построение сопряжено с риском, что студенты будут неправильно интерпретировать феномен континентального развития только в масштабе некоего одного государства, устанавливая характерные только для него причинно-следственные зависимости. Пришло время для учебника по европейской экономической истории, в котором явным образом использовался бы панъевропейский подход, когда предлагаемый к изучению материал организован по темам, а не по различным государствам.

Таким образом, цель нашего проекта заключается в том, чтобы предложить читателям единую экономическую историю Европы в Новое и Новейшее время. В качестве модели мы использовали изданную в Кембридже новаторскую работу под редакцией Р. Флауда и Д. Макклоски «Экономическая история Англии» (Floud and McCloskey, 1981). Каждая глава учебника написана двумя или тремя ведущими специалистами в рассматриваемой области, что позволило им охватить каждый из трех важнейших регионов Европы (Северную Европу, Южную Европу и Центральную и Восточную Европу). Следуя матрице, предложенной Флаудом и Макклоски, мы представили учебник в двух томах, охватывающих 1700–1870 гг. и 1870–2000 гг. соответственно. В каждом из томов содержатся главы, в которых рассматриваются доминирующие в современной экономической истории темы: агрегированный экономический рост и экономические циклы, анализ

различных сфер экономики и уровень жизни населения. Мы использовали количественный подход и явным образом выраженный экономический анализ. Полученные результаты преподносятся так, чтобы они были понятны студентам.

Еще два десятилетия назад подобный проект был немислим. Для того чтобы наглядно убедиться в существовании традиции панъвропейской экономической истории, достаточно познакомиться с более ранними изданиями *Cambridge Economic History of Europe* («Кембриджской экономической истории Европы»). Данные, содержащиеся в трудах многих гигантов экономической истории, публиковавшихся в Кембридже, позволили нам взглянуть на экономическое развитие континента в целом. Однако впоследствии, в более поздних томах этой серии, начиная с тех, которые были посвящены промышленной революции, возобладало представление событий в рамках истории отдельных государств. При этом выбор как государств, так и научных тем носил в высшей степени избирательный характер. Начиная с 1970-х гг. на экономических факультетах европейских университетов начала писаться количественная экономическая история, которая в большинстве своем была национальной по масштабам. Вероятно, это было неизбежно, поскольку количественные оценки долгосрочного экономического роста осуществлялись на основе национальной статистики стран, в которых работали специалисты-историки. Более того, количество клиометристов, работавших в других, помимо Великобритании и Ирландии, странах, оставалось сравнительно небольшим, а их профессиональный состав был раздробленным, особенно по сравнению с нашими североамериканскими коллегами.

Сегодня все изменилось. Критически важной поворотной точкой стало создание в 1991 г. Европейского общества исторической экономики (ЕОИЭ, EHES) с целью объединения специалистов по экономической истории нашего континента для совместной работы как в историческом направлении, так и в сфере экономической теории. В 1997 г. ЕОИЭ учредило журнал *European Economic History Review*, со временем превратившийся в своеобразный форум европейских специалистов. Еще одним важным прорывом стали начатые в 2003 г. инициативные исследования в области экономической истории лондонского Центра исследований экономической полити-

ки (ЦИЭП, CEPB), представляющего собой крупнейшую в Европе сетевую структуру в сфере экономических исследований. Результатом усилий ЦИЭП, подкрепленных финансированием панъевропейских исследовательских инициатив со стороны Европейского союза, стало появление динамичной профессиональной группы экономических историков, представители которой имеют полное право называть себя «европейскими» специалистами.

Мы «провели» наших авторов через две «тяжкие» конференции (в Лунде в 2006 г. и в ЦИЭП в 2007 г.), на которых обсуждались первоначальные наброски каждой главы учебника, и выражаем огромную признательность местным организаторам обоих форумов. Мы благодарны всем нашим авторам за проявленные ими в обоих случаях энтузиазм и стойкость, а также своевременное предоставление текстов.

Наш проект стал своего рода «ответвлением» финансируемой ЕС Исследовательской и учебной сети имени Марии Кюри «Изучение общего европейского опыта: исторические уроки панъевропейского развития» (контракт № MRTN-СТ-2004-512439). Разумеется, мы благодарны Европейской комиссии за щедрую финансовую поддержку, без которой наш проект, скорее всего, никогда не смог бы «оторваться от земли». Мы признательны персоналу ЦИЭП, предоставившему нам экспертную помощь в получении гранта и администрировании проектом. Значительная часть работы над этой книгой была проделана в то время, когда О'Рурк работал старшим научным сотрудником правительства Ирландии. Он благодарит за неоценимую помощь Ирландский совет по научным исследованиям в области гуманитарных и общественных наук.

В 2007 г. наша учебная сеть понесла невосполнимую утрату — безвременно, в возрасте 46 лет, скончался Стефан (Ларри) Эпштейн, один из наиболее уважаемых, пользовавшийся всеобщей любовью ее участник. Смерть Ларри стала огромной потерей для нашей профессии. Нам будет очень не хватать его. Эта книга посвящается Ларри.

*Стивен Бродберри
Кевин О'Рурк*

Введение ко второму тому

СТИВЕН БРОДБЕРРИ

КЕВИН О'РУРК

ЭКОНОМИЧЕСКУЮ историю Европы после 1870 г. можно разделить на три периода. Первый период, продолжавшийся до Первой мировой войны, был эпохой глобализации, а также мирового экономического и политического доминирования Европы. Промышленная революция, освещавшаяся в первом томе, привела к освоению новой техники, использующей силу пара, — такой, как пароходы и железная дорога, колоссально снизившие транспортные издержки, — в то время как телеграф ускорил передачу информации. Кроме того, промышленная революция породила резко асимметричный мир, в котором промышленное производство все сильнее сосредоточивалось в Европе и заморских странах, основанных европейцами. Используя опирающуюся на это обстоятельство военную силу, Европа осуществляла политическое господство над Азией и Африкой — либо откровенно империалистическими методами, либо более косвенным образом. Итогом стала неслыханная экономическая интеграция самой Европы и всего мира, несмотря на торговую политику, посредством которой европейские страны время от времени пытались защитить своих фермеров от заморской конкуренции.

Те обещания, которые промышленная революция несла простым рабочим, в течение этого периода во все большей мере осуществлялись по всей Европе. Согласно цифрам, приведенным в главе 2, ежегодный экономический рост в 1870–1913 гг. в среднем составлял чуть более 2%. Реальные заработки возрастали, и простые люди жили дольше, при этом становясь все более здоровыми и образованными. В то время как для этого периода, несомненно, были характерны колебания делового цикла, в целом власти приходили к выводу, что ограничения, накладывае-

мые на них золотым стандартом, были не слишком обременительны.

Второй период (1914–1945 гг.) — это эпоха войн, деглобализации и кризисов: «вторая Тридцатилетняя война», в ходе которой Европа раскололась и с тех пор так и не вернула себе прежнее доминирование в мировых делах. Данный период стал печальным подтверждением банальной истины о том, что «история имеет значение»: корни межвоенных экономических бедствий (а соответственно, и Второй мировой войны) восходят главным образом к многочисленным внутринациональным и международным неурядицам, вызванным войной 1914–1918 гг. Поддержание золотого стандарта оказалось невозможным, хотя политики поняли это далеко не сразу, а военное противостояние привело к принятию различных протекционистских мер так же, как и к возникновению новых юрисдикций, на которые они распространялись. Между тем ядовитое наследие военных долгов и репараций сильно затрудняло международное сотрудничество, в то время как русская революция 1917 г. стала антиглобализационным потрясением, влияние которого мир ощущал на себе вплоть до 1990-х гг.

В экономическом плане этот период был временем медленного и чрезвычайно нестабильного роста, гиперинфляции и массовой безработицы, несмотря на продолжающийся технический прогресс и структурные изменения. Экономические бедствия этого периода (и в частности, Великая депрессия) были рукотворными событиями, свидетельствовавшими о том, как сильно экономическая политика могла изменить жизнь людей к лучшему или к худшему. Двустороннее взаимодействие между политикой и экономикой является постоянной чертой данного периода: помимо дурной политики, породившей Великую депрессию, присущая этому периоду безработица непосредственно ответственна за избрание Адольфа Гитлера. В тех обществах, которым удавалось держаться в стороне от конфликтов данного периода, повышались ожидаемая продолжительность жизни и уровень образования, однако войны и геноцид привели к гибели миллионов людей.

Европа, возникшая на руинах Второй мировой войны, оказалась в тени двух основных победителей — США и Советского Союза, разделивших материк на две сферы влияния. Экономическая история Европы 1950–1980-е гг. — это история расколотого материка, на котором существовали

две крайне отличавшиеся друг от друга экономические системы: коммунизм на востоке и смешанная система с сочетанием рынков и более или менее активных государств на западе. Послевоенный период — это время постепенного восстановления международных экономических связей между некоммунистическими индустриальными странами; Западная Европа принимала участие в этой широкой тенденции, одновременно осуществляя собственную глубокую региональную интеграцию. В 1990-е гг. в сферу этой региональной интеграции попала большая часть Восточной Европы.

И в Западной, и в Восточной Европе в 1950–1960-е гг. наблюдался стремительный экономический рост: 1950–1973 гг. были золотым веком Западной Европы и (о чем говорится в главе 12) серебряным веком Восточной Европы. Оба региона также испытывали последнее замедление роста, которое в случае Восточной Европы оказалось достаточно дестабилизирующим для того, чтобы привести к краху коммунистической системы в конце 1980-х гг.

Третий период (после 1973 г.) отмечен нефтяными шоками, стагфляцией и постепенным переходом к эпохе низкой волатильности и стабильного роста, которая сейчас подходит к концу (и которая при наличии достаточной проницательности, возможно, задним числом будет восприниматься как эпоха одного продолжительного и неустойчивого экономического бума).

Структура тома 2 отражает вышеприведенную периодизацию, включая в себя три раздела, посвященные трем эпохам: глобализации, деглобализации и реглобализации. Для того чтобы обеспечить возможность их сопоставления, каждый раздел содержит пять глав. Первая из них задает контекст, освещая глобализационные либо деглобализационные тенденции, характерные для данной эпохи. Затем следуют главы об экономическом росте, деловых циклах, секторальном развитии, а также о населении и уровне жизни.

ЧАСТЬ I
ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА 1
Глобализация
в 1870–1914 гг.

ГИЙОМ ДОДЕН
МАТТИАС МОРИС
КЕВИН Х. О'РУРК

СОДЕРЖАНИЕ

Документальное подтверждение глобализации · 17
Результаты глобализации · 35
Реакция на глобализацию · 44

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Введение

ПЕРИОД с 1870 по 1914 г. представляет собой вершину глобализационных процессов XIX в., которые, как показано в главе 4 тома 1, начались сразу же после эпохи Наполеоновских войн. В данной главе будет рассмотрено несколько аспектов этой глобализации, а также влияние, оказанное ею на европейскую экономику. Поскольку эта тема очень обширна, основное внимание мы уделим связям Европы с остальным миром, а не усиливавшейся интеграции самой европейской экономики, хотя она тоже будет упоминаться.

Глобализация XIX в. включала в себя возрастание потоков товаров, людей, капитала и идей как внутри материков, так и между ними. Самым непосредственным критерием для оценки интеграции будет просто рост объемов этих международных потоков, возможно приведенный к более общим показателям экономической активности: например, отношение объемов торговли к ВВП или численность мигрантов на душу населения. Другим показателем может служить стоимость товаров или факторов производства, пересекающих границы, которая демонстрирует величину разрыва цен между странами. Поскольку измерить интеграцию на международных «рынках» идей и технологий не так просто, эти потоки нередко не учитываются экономистами при описании глобализационных процессов, но они достаточно важны для того, чтобы уделить им здесь немного внимания, невзирая на проблему их количественного выражения.

Показав в цифрах возрастание интеграции международных рынков в конце XIX в., мы затем обсудим некоторые последствия этой беспрецедентной глобализации.

Наконец, рассмотрим вопрос о том, насколько устойчивой была относительно либеральная мировая экономика XIX в.: могла ли глобализация беспрепятственно продолжаться после 1914 г., если бы ей не помешала Первая мировая война, или же существовали силы, которые подорвали бы открытые рынки даже при отсутствии этого катаклизма?

Торговля в 1870–1914 гг.

Европейская международная торговля в текущих ценах возрастала в 1870–1913 гг. со скоростью 4,1% в год по сравнению с 16,1% в год в 1830–1870 гг.¹ В ценах 1990 г. европейская международная торговля возрастала на 6,8% в год (Maddison 2001, p. 362), причем особенно высокий рост наблюдался в Бельгии, Германии, Швейцарии и Финляндии (табл. 1.1). Отношение объемов европейской торговли к ВВП (включая внутриевропейскую торговлю) увеличилось с 29,9 до 36,9%, а без учета внутриевропейской торговли — с 9,2 до 13,5% (табл. 1.2), что несколько выше, чем цифра для США (12% в 1913 г.).

Данные по ценам также свидетельствуют о происходившей в тот период впечатляющей международной интеграции. С 1870 по 1913 г. разрыв в ценах на пшеницу между Ливерпулем и Чикаго сократился с 57,6 до 15,6%, а разрыв в ценах на бекон между Лондоном и Цинциннати — с 92,5 до 17,9%. Кроме того, в этот период снизился разрыв в ценах между США и Великобританией на такие промышленные товары, как хлопчатобумажные ткани, стальные бруски, чугун и медь, — с 13,7 до -3,6%; с 75 до 20,6%; с 85,2 до 19,3%; с 32,7 до -0,1% соответственно (O'Rourke and Williamson 1994). Также сокращался разрыв в ценах и между Европой и Азией. Разрыв в ценах на рис между Лондоном и Рангуном уменьшился с 93 до 26%, а разрыв в ценах на хлопок между Ливерпулем и Бомбеем снизился с 57 до 20% (Findlay and O'Rourke 2007, pp. 404–405). Однако и Federico and Persson (2007), и Jacks (2005) указывают, что разрыв в ценах на зерно едва ли не сильнее сократился между 1830 или 1840 и 1870 г., чем между 1870 и 1913 г.

Международная торговля расширялась по многим причинам. Стоимость международных товарных перевозок стабильно снижалась в результате постоянных технических усовершенствований и более широкого использования

1. Bairoch 1976, p. 77; Prados de la Escosura 2000 и его личное сообщение автору.

ТАБЛИЦА 1.1.
Европейская реальная торговля в 1870–1913 гг.

Страна	1870 г., млн долл. 1990 г.	Рост в 1870–1913, %
Австрия	467	+333
Бельгия	1237	+492
Дания	314	+376
Финляндия	310	+415
Франция	3512	+222
Германия	6761	+465
Италия	1788	+158
Нидерланды	1727	+151
Норвегия	223	+283
Испания	850	+335
Швеция	713	+274
Швейцария	1107	+418
Великобритания	12 237	+222
Средневзвешенный прирост		+294
Средневзвешенный прирост, остальной мир		+379

Источник: Maddison 2001. Данные включают внутрисвропейскую торговлю.

быстроходных пароходов, совершавших регулярные рейсы, особенно после открытия в 1869 г. Суэцкого канала (доступного только для пароходов). Однако, поскольку сухопутный транспорт был намного дороже, чем водный, особенно важным было снижение внутренних транспортных издержек благодаря развитию железных дорог (рис. 1.1). Стоимость перевозки пшеницы в Нью-Йорк, выраженная в процентах от цены на пшеницу в Чикаго, снизилась с 17,2 до 5,5%, в то время как стоимость ее перевозки из Нью-Йорка в Ливерпуль упала с 11,6 до 4,7% (Findlay and O'Rourke 2007, p. 382). Железные дороги имели наибольшее значение в таких крупных странах, как Россия (Metzger 1974).

Кроме того, развитию торговли содействовал мир, царивший в отношениях между главными державами в 1871–1914 гг. (Jacks 2006). Создание европейских формальных и неформальных империй вело к росту внешней европейской торговли благодаря устранению торговых барьеров, включению колоний в валютные союзы и большей защи-

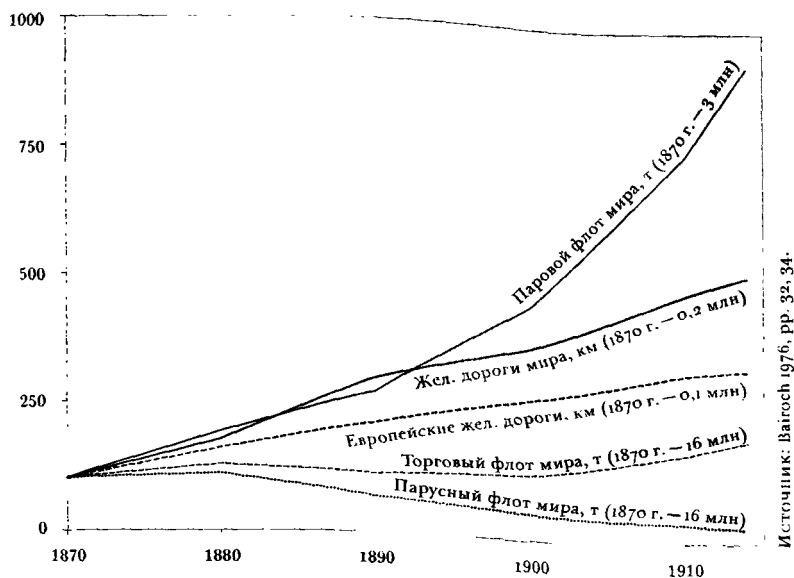
ТАБЛИЦА 1.2.
Экспорт плюс импорт как доля от ВВП, %

Страна	1870	1880	1890	1900	1913
Австрия	29,0	25,5	25,2	26,8	24,1
Бельгия	35,6	53,2	55,6	65,3	101,4
Дания	35,7	45,8	48,0	52,8	61,5
Финляндия	31,7	50,8	39,3	47,6	56,2
Франция	23,6	33,5	28,2	26,8	30,8
Германия	36,8	32,1	30,1	30,5	37,2
Греция	45,6	42,3	39,4	42,3	29,4
Венгрия	19,4	23,7	22,1	22,3	20,8
Италия	18,3	18,3	15,9	19,0	23,9
Нидерланды	115,4	100,5	112,3	124,1	179,6
Норвегия	33,9	36,1	43,6	43,4	50,9
Португалия	33,7	43,8	45,3	48,9	57,4
Россия		14,4	15,0	11,4	13,8
Испания	12,1	14,8	18,8	22,6	22,3
Швеция	29,4	37,3	44,9	39,4	34,7
Швейцария		78,2	81,9	67,2	64,5
Великобритания	43,6	46,0	46,6	42,4	51,2
Отношение объемов европейской торговли к ВВП, наиболее надежная оценка	29,9	33,4	32,5	31,9	36,9
То же, только для внутриевропейской торговли	9,2	10,7	10,8	11,1	13,4

Примечание: Османская империя, Болгария, Румыния и Сербия не учитываются.

Источники: Bairosch 1976 и данные, любезно предоставленные Леандро Прадосом де ла Эскусура.

ценности (европейских) прав собственности (Mitchener and Weidenmier 2007). Вместе с тем постепенное распространение золотого стандарта гасило колебания обменных курсов и снижало неуверенность в торговых операциях. Однако оказывали ли дополнительный позитивный эффект на торговлю такие международные валютные соглашения, как Латинский валютный союз (LMU) и Скандинавский валютный союз (SCU), — вопрос спорный (Estevadeordal, Frantz, and Persson 2003; López-Córdova and Meissner 2003; Flandreau and Maurel 2005).

Источник: Bairoch 1976, pp. 32, 34.

РИС. 1.1.
Транспортная инфраструктура в 1870–1913 гг.
(показатели за 1870 г. = 100)

Снижение транспортных издержек влекло за собой возрастание потенциала к интеграции рынков, но политики всегда имели возможность затормозить этот процесс и даже обратить его вспять посредством протекционистских мер. Начиная с 1870-х гг. страны континентальной Европы начали создавать барьеры в сфере торговли зерном и другими товарами (Bairoch 1989). Так, Federico and Persson (2007) подчеркивают, что если в данный период разрыв в ценах на зерно между странами, сохранявшими свободу торговли, сокращался, то это более чем компенсировалось значительным возрастанием разброса в ценах между странами свободной торговли и странами с протекционистским режимом.

Что касается структуры торговли, то Европа в целом была нетто-экспортером промышленных товаров и нетто-импортером сырья, хотя отдельные регионы в этом отношении сильно отличались друг от друга. Крайний случай представляла собой Великобритания, чрезвычайно зависимая от ввоза продовольствия и сырья, за которые расплачивалась экспортом промышленных товаров и услуг.

Остальные страны Северо-Западной Европы имели аналогичную, но не столь резко выраженную специализацию. Тем не менее Восточная и Южная Европа, несмотря на развитие индустриализации, по-прежнему оставалась нетто-экспортером сырья и нетто-импортером промышленных товаров. Общий европейский дефицит в товарной торговле частично уравнивался нетто-экспортом услуг. Чтобы дать представление об их масштабах, отметим, что превышение экспорта деловых услуг над их импортом в Великобритании в 1911–1913 гг. в среднем составляло более 800 млн долларов, притом что общие объемы европейского экспорта в 1913 г. равнялись 11 млрд долларов (Imlah 1952).

Потоки капитала в 1870–1914 гг.

Крайне впечатляющей была в этот период интеграция международных рынков капитала. Европа являлась банком всего мира (Feis 1930), и те регионы, которые обладали хорошим доступом к европейскому капиталу и обширными ресурсами (такие, как США, Канада, Аргентина и Австралия), были в 1870–1913 гг. наиболее процветающими. Кроме того, наблюдались менее значительные, но все же важные потоки капитала из западноевропейского ядра в более периферийные экономики Южной, Центральной и Восточной Европы.

По оценкам Edelstein (2004, p. 193), в 1913 г. за рубежом находилось 32% чистого национального богатства Великобритании. Таков был итог четырех десятилетий, в течение которых отношение зарубежных инвестиций к величине (внутренних) сбережений равнялось приблизительно 1:3 (табл. 1.3). В течение 40 с лишним лет Великобритания направляла в среднем около 4% своего ВВП на формирование капитала за границей, что представляло собой беспрецедентное явление. В целом Европа доминировала в зарубежных инвестициях. В 1914 г. 87% общих зарубежных инвестиций приходилось на долю Великобритании (42%), Франции (20%), Германии (13%), Бельгии, Нидерландов и Швейцарии, вместе взятых (Maddison 1995, p. 65).

Интеграция рынков капитала за последние 150 лет может быть представлена в виде U-образной кривой (Obstfeld and Taylor 2004): за интеграцией в конце XIX в. последовали межвоенная дезинтеграция и медленное движение

ТАБЛИЦА 1.3.

Зарубежные инвестиции Великобритании, Франции и Германии в 1870–1913 гг.

	Великобритания			Франция	Германия
	Отноше- ние объема сбереже- ний к ВВП, %	Отношение объема зару- бежных инвестиций к ВВП, %	Зарубеж- ные инве- стиции как доля сбере- жений, %	Зарубеж- ные инве- стиции как доля сбере- жений, %	Зарубеж- ные инве- стиции как доля сбере- жений, %
1870–1979	12,3	4,0	32,5	23,9	10,2
1880–1989	12,2	4,7	38,5	5,1	18,8
1890–1999	11,0	3,4	30,9	16,5	12,1
1900–1904	12,6	3,7	29,4	19,1	8,3
1905–1914	13,1	6,5	49,6	17,3	7,5
Доля чистого национального богат- ства, находящаяся за рубежом в 1914 г.			32,1		
Доля в глобальных зарубежных инвестициях			41,8	19,8	12,8

Источники: Feis 1930; Edelstein 1982, 2004; Maddison 1995, 2003; Lévy-Leboyer and Bourguignon 1990; Jones and Obstfeld 2001.

в сторону реинтеграции в конце XX в. Согласно Obstfeld and Taylor (2004, p. 55), зарубежные активы в 1870 г. составляли 7% мирового ВВП и почти 20% в 1900–1914 гг. Эта цифра равнялась всего 8% в 1930 г., 5% в 1945 г. и (по-прежнему) только 6% в 1960 г. Однако затем она подскочила до 25% в 1980 г., 49% в 1990 г. и 92% в 2000 г. По этим оценкам, уровень интеграции, наблюдавшийся до 1914 г., восстановился лишь в 1970-х гг. Другой критерий интеграции предлагают Feldstein and Horioka (1980). Международная мобильность капитала разрывает связь между внутренними сбережениями и внутренними инвестициями, поскольку внутренние сбережения можно инвестировать за рубежом, а внутренние инвестиции можно финансировать из внешних источников. Таким образом, чем слабее связь между внутренними сбережениями и внутренними инвестициями, тем выше международная мобильность капитала. Соответствующие цифры снова дают нам U-образную кривую. В качестве третьего критерия можно использовать спреды по облигациям. Спреды между периферийными экономиками (как европейскими, так и из других

регионов) и Англией, Францией и Германией в среднем сократились приблизительно от 5% в 1870 г. до 1% в 1914 г. (Flandreau and Zumer 2004). Mauro, Sussman, and Yafeh (2002) отмечают, что спреды по облигациям относительно зарождающихся рынков в то время составляли в среднем менее половины от соответствующих значений для 1990-х гг., что демонстрирует, насколько безопасными считались тогда у инвесторов зарубежные инвестиции.

Интеграция рынков капитала не представляла собой непрерывный процесс. Как и сегодня, в то время также наблюдались откаты, становившиеся для стран — получателей капитала «внезапными остановками» (Calvo 1998). Первая волна финансовой интеграции завершилась с паникой 1890 г. Приблизительно на десятилетие потоки капитала резко сократились, пока крупномасштабная выдача зарубежных займов не возобновилась на рубеже столетий.

Чем объясняется интеграция рынков капитала в конце XIX в.? Отсутствие военных конфликтов между главными странами-заимодавцами в период между Франко-прусской войной и Первой мировой войной, несомненно, способствовало созданию и стабильности атмосферы, благоприятной для зарубежного кредитования. Имеется еще одно, весьма сомнительное политическое объяснение. Марксисты издавна утверждали, что экспорт капитала в конце XIX в. и империализм — это две стороны одной монеты: избыточные внутренние сбережения, порождавшиеся крайне неравномерным распределением дохода, искали себе применения в слаборазвитых странах, так как внутренние инвестиции подчинялись действию закона Маркса о снижении нормы прибыли. Эта идея (связанная с именем Дж. А. Гобсона) позволила Ленину объявить империализм высшим этапом капитализма. Убеждение в существовании связи между империей и экспортом капитала впоследствии было развенчано, однако в последнее время его вновь взяли на вооружение историки ревизионистского толка, выдвигающие более позитивную интерпретацию империализма. Например, Фергюсон и Шуларик (Ferguson and Schularick (2006) утверждают, что странам, входившим в состав Британской империи, был выгоден их колониальный статус, гарантировавший существенное снижение процентных ставок — якобы вследствие более надежно обеспеченных прав собственности. Однако данные, приведенные в табл. 1.4, заставляют усомниться в том,

ТАБЛИЦА 1.4.
Направления английских, французских и немецких
зарубежных инвестиций в 1870–1913 гг., %

Страна	Англия	Франция	Германия
Европа			
Россия	3,4	25,1	7,7
Османская империя	1,0	7,3	7,7
Австро-Венгрия	1,0	4,9	12,8
Испания и Португалия	0,8	8,7	7,2
Италия	1,0	2,9	17,9
Другие страны	2,5	12,2	
Итого (Европа)	9,7	61,1	53,3
Недавно заселенные территории (кроме Латинской Америки)			
США	20,5	4,4	15,7
Канада	10,1		
Австралия	8,3		
Новая Зеландия	2,1		
Итого	41,0	4,4	15,7
Латинская Америка: недавно заселенные территории			
Аргентина	8,6		
Бразилия	4,2		
Итого	12,8		
Итого (недавно заселенные территории)	53,8		
Латинская Америка: прочие страны			
Мексика	2,0		
Чили	1,5		
Уругвай	0,8		
Куба	0,6		
Итого (Латинская Америка)	17,7	13,3	16,2
Африка	9,1	7,3	8,5
Азия			
Индия	7,8	4,9	4,3
Япония	1,9		
Китай	1,8		
Итого (Азия)	11,5	4,9	4,3
Остальные страны	11,0	9	2
Итого	100,0	100,0	100,0
Колонии	16,9	8,9	2,6

Примечания: Данные по России и Османской империи даны с учетом азиатских территорий. Австралия, Канада и Новая Зеландия не включены в число «колоний».

Источники: Feis 1930; Stone 1999; Esteves 2007.

что колониальная принадлежность как-то влияла на величину и направление потоков капитала. Все британские колонии (за исключением Канады, Австралии и Новой Зеландии) получали жалкие 16,9% экспортировавшегося британского капитала, т.е. меньше, чем одни только США (20,5%). О том же свидетельствует опыт Франции и Германии: в колонии этих стран направлялось всего 8,9 и 2,6% общего экспорта капитала из соответствующих стран-метрополий.

Что касается экономических институтов и экономической политики, то большое внимание уделялось золотому стандарту (Bordo and Rockoff 1996), а впоследствии также и здоровой фискальной политике (Flandreau and Zumer 2004). Считается, что приверженность золотому стандарту способствовала глобальной финансовой интеграции в двух отношениях. Во-первых, она устраняла риск, связанный с обменными курсами. Во-вторых, она сигнализировала о том, что соответствующее правительство готово проводить консервативную фискальную и монетарную политику, гарантировавшую потенциальным инвесторам сравнительную безопасность их инвестиций.

Хотя экономические институты и экономическая политика в состоянии поощрять импорт капитала, они никогда не смогут привлечь капитал при отсутствии реального интереса со стороны инвесторов к тому, что может предложить им данная страна. Таким образом, главными факторами, определяющими величину и направление потоков капитала, являются фундаментальные экономические показатели. Более 50% британского экспорта капитала направлялось в недавно заселенные регионы (см. табл. 1.4), где имелись доступные для освоения естественные ресурсы, а не туда, где был дешевый труд (в Африку и Азию). Если земли Нового Света предполагалось сделать источником продовольствия для европейских потребителей и сырья для заводов, там следовало прокладывать железные дороги, производить мелиорацию земель, обеспечивать новые поселения на фронтире жильем и инфраструктурой. Clemens and Williamson (2004) приводят эконометрические доказательства, которые подтверждают эту точку зрения, демонстрируя, что британский капитал экспортировался в первую очередь в страны с изобилием естественных ресурсов, иммигрантов, а также молодого, образованного городского населения. Хотя эти авторы показывают также, что инвестициям способствовали золо-

той стандарт и существование империй, ключевым фактором все же были спрос и предложение, а не наличие или отсутствие барьеров, создающих разрыв в ценах между рынками. В отношении Франции и Германии ситуация представляется несколько иной, но этот вопрос требует дополнительных исследований. Притом что инвестиции в государства Африки и Азии были довольно непопулярны во всех трех странах, экспорт французского и немецкого капитала на 61,1 и 53,3% соответственно направлялся в другие европейские страны. Напротив, инвестиции в недавно заселенные регионы для обеих этих стран имели намного меньшее значение.

Миграция в 1870–1914 гг.

Глобализация конца XIX в. наиболее ярко проявилась в сфере миграции, достигнув впечатляющих масштабов даже по современным стандартам. В начале века межконтинентальная миграция все еще сводилась в основном к работорговле: в течение 1820-х гг. добровольная иммиграция в Америку в среднем составляла лишь 15 380 человек ежегодно — примерно вчетверо меньше ежегодного притока рабов. Двадцать лет спустя приток свободных людей более чем в 4 раза перекрывал приток рабов, ежегодно составляя 178 530 человек (Chiswick and Hatton 2003, p. 68), а после 1900 г. это число увеличивалось до миллиона с лишним человек ежегодно (рис. 1.2), причем к традиционному притоку из Северо-Западной Европы прибавились итальянцы и жители Восточной Европы. Уровень миграции по некоторым странам достигал колоссальных величин (табл. 1.5): в течение 1880-х гг. уровень эмиграции на 1000 человек за десятилетие составлял 141,7 в Ирландии и 95,2 в Норвегии, в то время как в первом десятилетии XX в. в Италии был зафиксирован уровень эмиграции в 107,7 человек на тысячу. Следует отметить, что речь не идет о нетто-величинах миграции и что уровень возвратной миграции был различным в разное время в разных странах, первоначально составляя около 10% оттока и достигнув к исходу столетия примерно 30% (Ibid, p. 70). В то время как уровень возвратной миграции был значительным, например, у итальянцев и греков, он был очень низким среди других групп — таких, как ирландцы или восточноевропейские евреи. Помимо этих трансокеан-

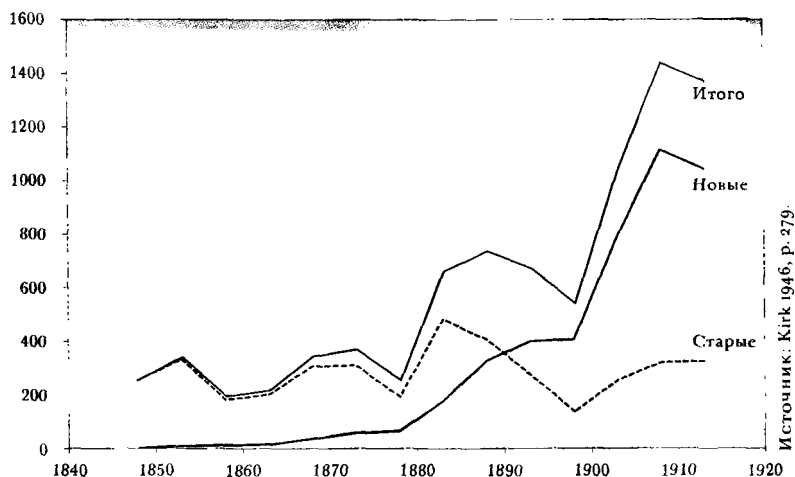
ТАБЛИЦА 1.5.
Уровень миграции в странах Европы по десятилетиям
(на 1000 жителей)

Страна	1851–1860	1861–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910
Австро-Венгрия			2,9	10,6	16,1	47,6
Бельгия				8,6	3,5	6,1
Британские о-ва	58,0	51,8	50,4	70,2	43,8	65,3
Дания			20,6	39,4	22,3	28,2
Финляндия				13,2	23,2	54,5
Франция	1,1	1,2	1,5	3,1	1,3	1,4
Германия			14,7	28,7	10,1	4,5
Ирландия			66,1	141,7	88,5	69,8
Италия			10,5	33,6	50,2	107,7
Нидерланды	5,0	5,9	4,6	12,3	5,0	5,1
Норвегия	24,2	57,6	47,3	95,2	44,9	83,3
Португалия		19,0	28,9	38,0	50,8	56,9
Испания				36,2	43,8	56,6
Швеция	4,6	30,5	23,5	70,1	41,2	42,0
Швейцария			13,0	32,0	14,1	13,9

Источник: Hatton and Williamson 1998, Table. 2.1.

ских миграций, наблюдались также существенные миграции внутри Европы — например, из Италии во Францию или из Ирландии в Великобританию. Средний ежегодный уровень миграции за рубеж составлял в Западной Европе 2,2 на тысячу в 1870-е гг. и 5,4 на тысячу в 1900-е гг.

Причины этой массовой миграции к настоящему времени хорошо известны (Hatton and Williamson 1998, 2005). На элементарном уровне они были очевидны: в Новом Свете наблюдалось более высокое, чем в Европе, отношение площади земель к численности рабочей силы, и потому американские и австралийские рабочие получали более высокие заработки, чем наемная сила в Европе. Реальная заработная плата в Британии составляла в 1870 г. менее 60% от заработной платы в регионах Нового Света, значимых для британских рабочих, в то время как аналогичная цифра для ирландских рабочих составляла всего 44%, а для норвежских рабочих — всего 26% (Hatton and Williamson 2005, p. 55). Таким образом, миграция в потенциале обещала колоссальную выгоду; и как только парохо-

Примечание: «Старые» страны включают: Великобританию и Ирландию, Германию, Скандинавию, Францию, Швейцарию, Нидерланды и Бельгию. «Новые» страны включают: Италию, Австро-Венгерскую империю, Российскую империю, Пиренейский полуостров и Балканы.

РИС. 1.2.
Средняя ежегодная эмиграция из Европы
в 1846–1915 гг., тыс. чел.

ды в достаточной степени снизили стоимость перевозок, массовая эмиграция стала неизбежной. Дополнительным фактором являлся относительно либеральный характер иммиграционной политики в XIX в., несмотря на некоторые явления, о которых пойдет речь ниже.

На другом уровне существует вопрос о том, какие факторы определяли изменение миграционных потоков из разных стран с течением времени: почему эмиграция из таких относительно богатых стран, как Великобритания, началась прежде эмиграции из более бедных стран (например, Италии), где потенциальный выигрыш от миграции явно был более высоким? Чем объясняется факт ничтожной эмиграции из Франции по сравнению с массовой эмиграцией из Ирландии и Италии? Чем были вызваны первоначальный рост и последующее снижение уровня эмиграции в некоторых странах, показанные в табл. 1.5? Хаттон и Уильямсон предлагают простой ответ на все эти вопросы, в графическом виде представленный на рис. 1.3. Линия ЕМ соответствует нисходящей функ-

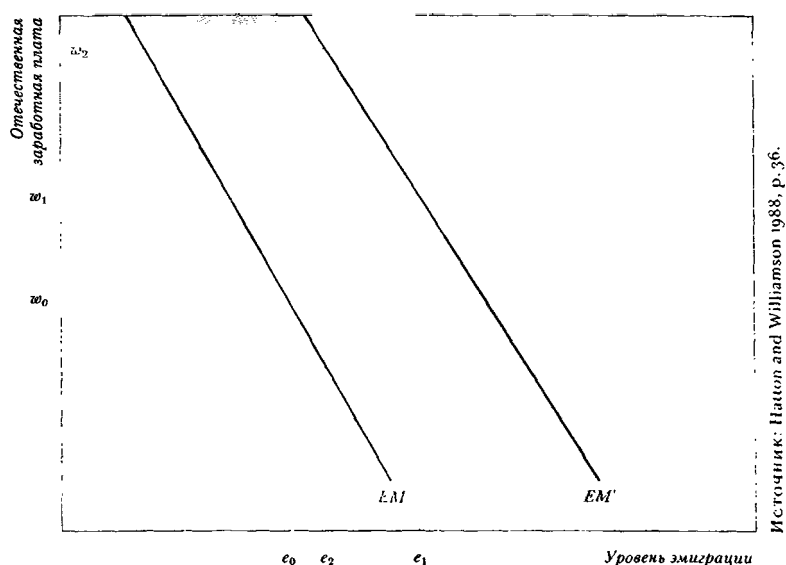

РИС. 1.3.
Упрощенная модель эмиграции
(Эмиграция как функция от заработной платы)

ции, связывающей уровень эмиграции из конкретной европейской экономики с отечественным уровнем заработной платы: с ростом отечественных заработков уровень эмиграции должен снижаться, *ceteris paribus*. Первоначальный рост уровня эмиграции, наблюдавшийся в типичной экономике (скажем, от величины e_0 до e_1), должен был происходить вследствие сдвига функции эмиграции вправо, от EM к EM' , поскольку в конце XIX в. заработки в Европе повышались (допустим, от w_0 к w_1), а не снижались. В свою очередь, за этим сдвигом вправо стояло несколько факторов. Во-первых, потенциальную эмиграцию первоначально сдерживали цены на трансокеанские перевозки, но со снижением этих цен все больше мигрантов было в состоянии покинуть родину. Во-вторых, преодолеть эту ловушку нищеты помогали эмигранты прежнего призыва, посылавшие домой денежные переводы или оплаченные билеты, тем самым непосредственно финансируя стоимость поездки. Таким образом, уровень эмиграции проявлял тенденцию к повышению одновременно с тем, как за море из данной страны отправлялось все

больше эмигрантов: речь идет о так называемом эффекте «друзей и родственников». В-третьих, по всей Европе в этот период повышался уровень фертильности, что вело к росту численности молодых, мобильных людей. И наконец, нередко указывается, что индустриализация, которая освещается в главе 3 данного тома, приводила к отчуждению трудящихся от земли, опять же повышая их мобильность.

Таким образом, рост фертильности, структурная трансформация и снижение транспортных издержек повышали уровень эмиграции — первоначально в более богатых экономиках, где трудящиеся могли себе позволить оплатить проезд, а затем, с повышением уровня жизни по всему матерiku, — в более бедных экономиках. Эта эмиграция первоначально была самоусиливающейся благодаря действию эффекта «друзей и родственников»: все эти факторы способствовали сдвигу функции ЕМ вправо. Но в конце концов функция эмиграции стабилизировалась; и когда это случилось, эмиграция начала сама себя ограничивать: снижая отечественное предложение рабочей силы, она вела к росту реальной заработной платы (скажем, от w_1 к w_2), и уровень эмиграции соответственно снижался (до величины e_2). Хаттон и Уильямсон показывают, что низкий уровень эмиграции во Франции и высокий уровень эмиграции в Ирландии можно объяснить на основе одних лишь экономических факторов, не ссылаясь на культурные особенности конкретной страны, поскольку данная модель удовлетворительно описывает миграционные процессы в большинстве европейских стран. Так, высокий уровень эмиграции в Ирландии объясняется голодом 1840-х гг., из-за которого в Новом Свете оказалось много эмигрантов-ирландцев, в то время как за низкий уровень эмиграции во Франции отвечают такие факторы, как преждевременный демографический переход. Экономических соображений оказывается вполне достаточно для объяснения европейской миграции в данный период.

Торговля знаниями в 1870–1914 гг.

Экономическая глобализация не исчерпывается перемещением одних лишь товаров и факторов производства. Она также включает распространение технологий и углубление прочих видов интеллектуального обмена.

В конце XIX в. передача технологий происходила относительно свободно. В Европе и Атлантическом мире, несмотря на законы, запрещавшие эмиграцию квалифицированных работников (отменены в Великобритании в 1825 г.) и экспорт машин (отменены там же в 1842 г.), хождение технологий имело место с давних пор. На текстильных фабриках по всему миру применялись одинаковые станки, нередко импортировавшиеся из Великобритании (Clark 1987). Быстро распространялись кораблестроительные технологии, способы выплавки чугуна и стали, телеграф и телефон — хотя этот процесс иногда затруднялся проблемами адаптации. Европа осуществляла внутренний обмен новыми технологиями, передавала их как в страны, основанные европейцами, так и в другие государства и получала новые технологии, главным образом из США. Особенную склонность к заимствованию технологий проявляла Япония (Jeremy 1991).

Скорость и масштабы передачи технологий возрастали под влиянием нескольких новых факторов. Существенно облегчилась миграция. Благодаря империалистической политике европейские предприниматели могли делать заморские инвестиции, извлекая выгоду из низких заработков и не опасаясь того, что их собственность будет экспроприирована враждебными правительствами. Снижение транспортных и коммуникационных издержек способствовало распространению идей, новых товаров и машин. Последний момент был особенно важен, поскольку все чаще и чаще технологии оказывались привязаны к машинам, а не к индивидуальным знаниям, несмотря на то что необходимость в обучении сохранялась. Фирмы отныне могли в крупных масштабах экспортировать средства производства. Например, ланкаширская фирма *Platt*, строившая хлопкопрядильные станки, в 1845–1870 гг. отправляла на экспорт не менее 50% своей продукции (Clark and Feenstra 2003). Откровенная политика замещения экспорта поощряла заимствование зарубежных технологий, хотя достигла лишь ограниченных успехов. Так, Япония сумела отказаться от поставок текстильного оборудования из Англии, однако во Франции попытки наладить производство телефонов взамен американских завершились неудачей, и потому распространение этой важной технологии происходило там с запозданием.

С целью обойти эти ограничения и обеспечить защиту своей интеллектуальной собственности некоторые

фирмы в этот период создавали производственные мощности за рубежом и превращались в мультинациональные компании. Порой идея заключалась в том, чтобы таким способом проникнуть на рынки, защищенные протекционистскими барьерами: например, к 1911 г. фирма *International Harvester* производила сельскохозяйственные машины во Франции, Германии, России и Швеции вследствие протекционистской политики этих стран (Wilkins 1970, pp. 102–103). Шведская фирма *Ericsson* и американская фирма *Western Electric* были вынуждены построить зарубежные заводы ради получения телефонных контрактов в различных европейских странах (Foreman-Peck 1991). Иногда прямые зарубежные инвестиции возрастали только потому, что, как предсказывает теория фирмы, было затруднительно или невозможно передавать такие нематериальные активы, как новые технологии, за границу через рынок и сохранять контроль над ними. Так, попытка Зингера нажиться на своем изобретении — швейной машине — путем передачи лицензии на ее производство французскому промышленнику завершилась полным провалом, так как француз не только отказался платить то, что был должен, но даже не желал сообщать, сколько швейных машин он произвел (Wilkins 1970, pp. 38–39).

Распространению технологий также способствовало создание международных научных и технических организаций. Хотя основание Института военно-морских архитекторов (The Institution of Naval Architects) произошло в 1860 г. в Великобритании, встречи, которые им были организованы в различных странах, и членство в нем привели к возникновению международной сети профессиональных и научных органов (Ville 1991). Резко возросло число международных научных конференций и организаций (рис. 1.4). Однако в то же время, как ни странно, наука рассматривалась как одно из орудий в борьбе между европейскими нациями. Помимо чисто военных приложений, научная деятельность применялась в качестве дипломатического оружия. Приглашение зарубежных ученых и участие в научных конгрессах составляли важный предмет соперничества между Францией и Германией, старавшихся таким образом укрепить свои связи с союзными и нейтральными странами, в первую очередь с США (Charle 1994, ch. 8).

Правительства развивали формальное техническое сотрудничество. В 1865 г. был создан Международный те-

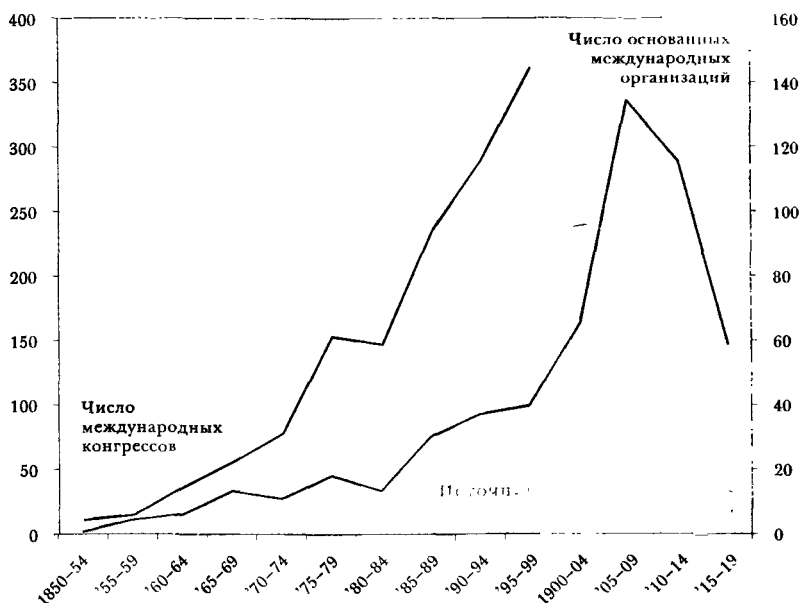

РИС. 1.4.
Рост международного научного сообщества

леграфный союз, в 1874 г. — Всеобщий почтовый союз. Также возрастали масштабы гуманитарного сотрудничества: в 1863 г. была основана организация Красного Креста, а в 1864 г. подписана первая Женевская конвенция. К этим глобальным институтам присоединилось большинство суверенных государств — как европейских, так и неевропейских. Другую разновидность ширившейся глобализации представляло собой все большее число международных обменов и состязаний. Всемирные выставки использовались для официальной демонстрации технических успехов каждой нации. Всемирная выставка 1876 г. в Филадельфии была первой, проводившейся не в Европе и с официальным участием Китая и Японии. В 1895 г. состоялось первое Венецианское бьеннале. С 1896 г. началось проведение современных Олимпийских игр. В 1901 г. были вручены первые 5 нобелевских премий.

Также все сильнее глобализировалось трудовое движение. Социалисты отвергали национализм и выступали за международную защиту интересов труда. В 1864 г. был основан Первый интернационал, а в 1889 г. — Второй,

включавший японских и турецких представителей. Значение этих событий с трудом поддается оценке. Международное (особенно всеевропейское) научное и культурное сотрудничество между индивидуумами существовало с давних времен. Неформальные соглашения о правилах ведения войн и в сфере предоставления общественных благ (например, касающиеся судоходства) заключались и до первой глобализации. В некоторых отношениях расцвет культурной глобализации элиты пришелся на период до 1870 г. Национальная культурная идентификация приобрела важное значение во второй же половине XIX в., по мере роста своей популярности, приводя к фрагментации культурной активности. Формализацию международного культурного и научного сотрудничества можно рассматривать как попытку противодействовать росту национализма, но в конечном счете она оказалась слишком слабой для того, чтобы справиться с этой задачей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация и конвергенция цен на факторы производства

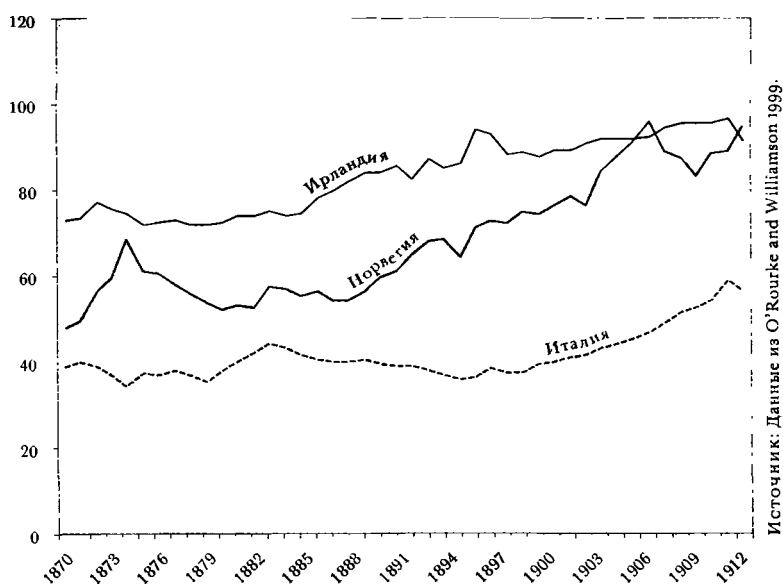
Как мы видели, конец XIX в. отличался бумом торговли товарами и массовой миграцией из Старого Света в Новый. Насколько сильно эти явления сказались на распределении доходов внутри стран и между странами?

Начнем с торговли. Согласно логике Хекшера–Олина, Новый Свет с его обилием земли и дефицитом труда должен был обменивать продовольствие и сырье на европейские промышленные товары, и эта торговля должна была вести к общемировой конвергенции отношения заработной платы (W) к ренте (R). В экономиках Нового Света, где соотношение W/R было высоким, оно должно было снижаться по мере того, как возрастал экспорт сельскохозяйственной продукции, а на промышленности все сильнее сказывалась международная конкуренция. В европейских экономиках с их недостатком земли и низким соотношением W/R оно должно было возрастать вместе с тем, как расширение объемов промышленного производства требовало все большего числа рабочих рук, а импорт дешевого продовольствия вел к снижению земельной ренты. Более того, торговля должна была вести

к абсолютной конвергенции цен на факторы производства, поскольку низкие европейские заработки приближались к высоким заработкам в Новом Свете, а дорогая европейская земля снижалась в цене по отношению к дешевой в Новом Свете.

По большому счету, эти предсказания сбывались в конце XIX в. (O'Rourke and Williamson 1999). В 1870–1910 гг. в таких странах, как Великобритания, Франция и Швеция, реальная цена на землю снижалась (в Великобритании она упала более чем на 50%), в то время как в Новом Свете она сильно возросла. Более того, за 40 лет после 1870 г. произошла серьезная конвергенция относительных цен на факторы производства: отношение заработной платы к ренте повышалось в Европе и снижалось в Новом Свете (Williamson 2002a, Table 4, p. 74). С 1870 по 1910 г. оно увеличилось в 2,7 раза в Великобритании, в 5,6 раза в Ирландии, в 2,6 раза в Швеции и в 3,1 раза в Дании. Это повышение было менее заметным в протекционистских экономиках: во Франции оно было двукратным, в Германии — 1,4-кратным, а в Испании вообще не наблюдалось. Отсюда можно сделать вывод о существовании связи между торговлей и поведением цен на факторы производства, которая подтверждается как эконометрическими данными, так и CGE-моделями. В свою очередь, рост отношения заработной платы к ренте предполагал, что распределение доходов в Европе становилось более равномерным, поскольку землевладельцы, как правило, были более зажиточными, чем неквалифицированные работники.

В дополнение к этой модели Хекшера–Олина имеется более банальное соображение, объясняющее, почему снижение транспортных издержек благоприятно сказывалось на положении европейских работников. В эпоху, когда основная доля заработков трудящихся все еще тратилась на питание, более дешевый транспорт означал более дешевое продовольствие, а соответственно, более высокие реальные заработки. То, что являлось несчастьем для фермеров, и тогда, и сейчас оборачивалось непосредственным благом для городских рабочих, чем объясняется, почему социалистические партии по большому счету выступали за свободную торговлю в Европе. Свободная торговля была особенно выгодна для британских рабочих: цены на продовольствие снижались, а негативное влияние на спрос на труд в сельском хозяйстве лишь незначительно сказывалось на общем рынке труда вследствие неболь-

Источник: Данные из O'Rourke and Williamson 1999.

РИС. 1.5.
Заработная плата по отношению
к заработной плате в Великобритании
в 1870–1913 гг.

шой доли сельскохозяйственных рабочих по отношению к общей численности рабочей силы (всего 22,6% в 1871 г.). По оценкам O'Rourke and Williamson (1994), реальная заработная плата в Великобритании возросла с 1870 по 1913 г. на 43%, и не менее 20 процентных пунктов этого роста можно объяснить непосредственно снижением транспортных издержек. С другой стороны, в экономиках с более заметным сельскохозяйственным уклоном чистое влияние дешевого зерна на заработки могло быть отрицательным, если оно вело к значительному снижению занятости и заработков в сельском хозяйстве.

Той стороной глобализации, которая оказывала наибольшее влияние на уровень жизни европейских рабочих в этот период, была миграция. На рис. 1.5 приведены заработки (пересчитанные с учетом паритета покупательной способности) неквалифицированных городских рабочих мужского пола в трех странах массовой эмиграции — Ирландии, Италии и Норвегии — по отношению к заработной плате в ведущей европейской экономике той эпохи —

Великобритании. С 1870 по 1910 г. эмиграция сократила численность рабочей силы в Ирландии на 45%, в Италии на 39% и в Норвегии на 24% (O'Rourke and Williamson 1999, Table 8.1). Цифры показывают, что уровень жизни во всех этих трех экономиках возрастал быстрее, чем в Великобритании. В Ирландии уровень реальной заработной платы по отношению к британской повысился за этот период с 73 до 92%, а в Норвегии — с 48 до 95%. В Италии конвергенции не наблюдалось вплоть до рубежа веков, когда резко возрос уровень итальянской эмиграции; в дальнейшем уровень реальной заработной платы в Италии, составлявший в 1900 г. 40% от британского, увеличился к 1913 г. до 56%. Также уровень заработков в Норвегии непрерывно приближался к заработкам в США, в то время как в Италии аналогичный процесс происходил после 1900 г.; ирландские заработки приближались к американским в течение всего этого периода, хотя стремительный экономический рост в США в последние два десятилетия этой эпохи вызвал отставание заработков в Ирландии примерно после 1895 г.

И эконометрические данные, и результаты моделирования подтверждают, что эмиграция была важной причиной конвергенции уровня жизни в таких странах, как Ирландия. В какой степени эти выводы подлежат обобщению? Влияние миграции на рынок труда в 17 атлантических экономиках с 1870 по 1910 г. вычисляют Taylor and Williamson (1997). Согласно их расчетам, эмиграция привела к росту заработной платы в Ирландии на 32%, в Италии на 28% и в Норвегии на 10%. Разброс в уровне реальной заработной платы по странам мира в 1870–1910 гг. сократился на 28%, свидетельствуя о конвергенции бедных и богатых стран, однако в отсутствие массовой миграции общемировой разброс в уровне реальной заработной платы увеличился бы на 7%. Разрыв в заработках между Новым и Старым Светом в реальности снизился за этот период со 108 до 85%, но при отсутствии массовой миграции он вырос бы к 1910 г. до 128%. Из этого следует, что миграцией объясняется более чем вся (125%) конвергенция реальной заработной платы в 1870–1910 гг. Даже если допустить возможность того, что капитал стремился вслед за трудом, снижая влияние миграции на отношение капитала к труду, миграция все равно остается главным источником конвергенции уровня жизни, объясняя ее примерно на 70%. Массовая миграция отвечала за всю конвергенцию

Ирландии и Италии с США и за 65–87% их конвергенции с Великобританией. Важнейший урок миграционной истории XIX в. состоит в том, что эмиграция благотворна для бедных экономик (Williamson 2002b).

Потоки капитала, развитие периферии и благосостояние европейского ядра

В предположении идентичности производственных функций и отсутствия других факторов производства, кроме капитала и труда, более низкие заработки на европейской периферии должны были объясняться более низким отношением капитала к труду, из которого, в свою очередь, теоретически следовала более высокая прибыль от капитала. Являлась ли европейская периферия привлекательной для импорта капитала, как вытекает из этой логики, и если да, то приводил ли импорт капитала к желательному эффекту — росту отношения капитала к труду, а соответственно, и заработной платы?

Начнем со Швеции — одной из немногих стран, по которым имеются относительно надежные данные. Благодаря импорту капитала после 1870 г. объемы капитала в Швеции увеличились на 50% по сравнению с тем уровнем, который наблюдался бы в отсутствие такого импорта, а реальная заработная плата соответственно возросла на 25% (O'Rourke and Williamson 1999). Возможно, Швеция из всех европейских стран в наибольшей степени выиграла от импорта капитала до Первой мировой войны. Импорт капитала благотворно сказался и на Дании с Норвегией, но в меньшей степени, так как и сам он не достигал здесь таких же масштабов, как в Швеции.

Того же самого нельзя однозначно сказать в отношении других стран на европейской периферии вследствие недостаточных или противоречивых данных. Это можно проиллюстрировать на примере Австро-Венгрии — крупнейшей периферийной экономики в Европе до 1914 г., не считая России. При взгляде «извне», т.е. учитывая лишь инвестиции из стран европейского ядра, может показаться, что в двойную монархию направлялись значительные потоки капитала (см. табл. 1.4). С другой стороны, согласно недавней реконструкции австро-венгерского платежного баланса, за период с 1880 по 1913 г. Австро-Венгрия вывезла больше капитала, чем было ввезено

в нее (Morys 2006). Аналогичная неясность присутствует и в случаях Италии, Испании и Португалии, при наличии указаний на то, что Ирландия — еще одна периферийная экономика — после 1870 г. также экспортировала капитал.

Даже если при ближайшем рассмотрении выяснится, что некоторые из этих периферийных экономик были импортерами капитала, остается принципиальный вопрос: почему европейская периферия была не в состоянии привлечь больше капитала из европейского ядра? В этом заключается эквивалент парадокса Лукаса для XIX в.: сегодня потоки капитала обычно направляются в богатые, а не в бедные страны, несмотря на более низкие заработки в бедных странах (Lucas 1990). Для Европы конца XIX в. этот парадокс можно объяснить тремя соображениями. Во-первых, нежелание импортировать капитал на европейскую периферию в принципе могло быть вызвано наблюдавшейся там более низкой производительностью труда (Clark 1987). Однако в этом случае мы вынуждены ответить на вопрос, почему она была там низкой. Во-вторых, зарубежных инвесторов могло отпугивать отсутствие золотого стандарта. В подтверждение последней теории выступает тот факт, что страны Скандинавии демонстрировали наибольшую среди периферийных экономик приверженность золотому стандарту. И наконец, эти страны просто могли быть не настолько привлекательными для инвесторов, как изобилующий землей Новый Свет.

Теперь вернемся к странам — экспортерам капитала и зададимся вопросом, как уровень благосостояния в этих странах зависел от потоков капитала. На первый взгляд ответ кажется очевидным. Поскольку инвесторы, ориентируясь на относительную прибыльность, отдавали предпочтение зарубежным инвестиционным возможностям, экспорт капитала должен был идти на благо странам европейского ядра, снижая ВВП (производство), но повышая ВНП (доход). Однако иногда утверждается, что перевод средств за границу мог пагубно сказываться на отечественной экономике. В докладе Макмиллана 1931 г. утверждалось, что лондонское Сити осуществляло систематическую дискриминацию отечественных заемщиков, предпочитая инвестировать средства за рубежом, и британская промышленность, испытывая нехватку капитала, развивалась медленнее, чем могла бы. Иными словами, к давней дискуссии о том, почему поздневикторианская Британия проиграла состязание со своими главными экономическими конкурентами той

эпохи — США и Германией — в смысле роста экономических показателей, добавляется вопрос о том, насколько эффективными были поздневикторианские рынки капитала.

В своем монументальном исследовании Edelstein (1982) отмечает, что в 1870–1913 гг. зарубежные портфельные инвестиции обеспечивали более высокую реальную прибыль по сравнению с отечественными портфельными инвестициями, и этот результат сохраняет свою силу, даже если делать поправку на риск. В то время как такой вывод оправдывает инвесторов поздневикторианской и эдвардианской эпохи (см. также: Goetzmann and Ukhov 2006), остается вопрос: не поступила бы Британия разумнее, оставляя больше сбережений в отечественной экономике — например, введя налог на экспорт капитала (Temin 1987). Однако следует также задаться вопросом о том, с какими реальными ограничениями сталкивалась в то время британская экономика. Исследования показывают, что у предпринимателей имелись надежные внутренние источники финансирования и легкий доступ к местному, провинциальному финансированию. В первую очередь экономике не хватало высококвалифицированной рабочей силы, что не позволяло в полной мере использовать возможности, созданные второй промышленной революцией. Ограничения на вывоз капитала за рубеж, скорее всего, не стали бы оптимальным способом поощрения отечественной индустрии, основанной на науке, — более удачным вариантом было бы государственное финансирование общего и технического образования.

Дискуссии о гипотетическом компромиссе между экспортом капитала и отечественной промышленностью также зачастую не учитывают положительных экстерналий европейских заморских инвестиций, приносивших выгоду европейским потребителям. Значительная часть этих инвестиций направлялась на строительство железных дорог и прочие социально значимые проекты, удешевлявшие импорт продовольствия и сырья, тем самым вносил важный вклад в благосостояние европейского ядра.

Империализм и благосостояние Европы

В 1880 г. европейские колонии (без территорий, принадлежавших России) имели площадь более 24,5 млн кв. километров, а их население достигало 312 млн человек. В 1913 г. площадь европейских колоний составляла уже 52,5 млн

кв. километров, что превышает треть поверхности земной суши, а население — 525 млн человек. К давним колониальным державам — Великобритании, Франции, Нидерландам, Испании и Португалии — присоединились новые: Бельгия, Германия и Италия. В 1880 г. Великобритания контролировала 93% площади и 87% населения этих колониальных территорий (включая доминионы), а в 1913 г. — 61 и 71% площади и населения соответственно (Etemad 2006).

Как отмечалось выше, Ленин, опираясь на идеи Гобсона и других авторов, предположил, что зрелая европейская экономическая система может существовать лишь благодаря империализму. Впоследствии эта точка зрения была опровергнута. Экспорт капитала в колонии играл важную, но не основную роль. Европа сама полностью обеспечивала себя углем и почти полностью — железной рудой и другими минералами. Более проблематичным было снабжение сырьем текстильной промышленности, так как, например, хлопок не мог производиться в Европе в больших количествах, но основным его поставщиком были США. Также колониальные империи не являлись жизненно важными рынками для европейских товаров, потребляя менее 15% всего западноевропейского экспорта (Baïroch 1993).

Тем не менее верно то, что одной из основных движущих сил, стоявших за империализмом, было влияние европейских торговцев, считавших, что политический контроль облегчает экономический обмен с африканскими и азиатскими производителями и потребителями. Кроме того, некоторые промышленники полагали, что создание зарезервированных рынков — хороший ответ на международную конкуренцию, и им удавалось убедить в этом таких политиков, как Джозеф Чемберлен (британский министр по делам колоний в 1895–1903 гг.), Жюль Ферри (премьер-министр Франции в 1880–1881 и 1883–1885 гг.) и Франческо Криспи (премьер-министр Италии в 1887–1891 и 1893–1896 гг.).

Не вполне ясно, приносило ли создание империй чистую выгоду для европейских держав. Дискуссии на эту тему в основном затрагивают лишь Британскую империю — крупнейшую из колониальных империй и единственную, в состав которой входили экономически развитые колонии, созданные поселенцами. Согласно Davis and Huttenback (1986, p. 107), частные британские инвестиции в колонии после 1880 г. приносили более высокую прибыль, чем инвестиции в отечественную экономику, одна-

ко еще выше была прибыль от инвестиций в зарубежные страны. Непосредственные расходы на содержание империй были невелики, так как Великобритания, как и другие колониальные державы, старалась, чтобы ее колонии были самоокупающимися, в основном ограничиваясь помощью во время стихийных бедствий, предоставлением средств на ведение военных кампаний и субсидиями телеграфным и судоходным линиям. Косвенные военные расходы играли более важную роль, поскольку, за исключением Индии, Британская империя вносила очень небольшой вклад в общие военные расходы. Несмотря на обширные дискуссии в отношении всех этих моментов, последнее слово здесь явно принадлежит Авнеру Офферу (Offer 1993), совершенно справедливо указывающему, что французская и британская колониальные империи в полной мере выплатили свои военные «долги» во время Первой мировой войны.

При рассмотрении вопроса о влиянии колониальных империй на европейское экономическое благосостояние решающим моментом будет выбор соответствующего доказательства от противного (Edelstein 2004). Могли бы Африка, Канада, Южная Азия и Океания в отсутствие формального империализма быть такими же развитыми, но при этом иметь возможность по примеру США устанавливать высокие тарифные барьеры, защищающие их от европейского импорта? Или же они были бы существенно менее развитыми и менее интегрированными в мировую экономику? Что служило альтернативой Британской Канаде — США или Аргентина? Остались бы африканские государства в отсутствие колониализма (как опасались некоторые империалисты) независимыми отсталыми территориями, в основном закрытыми для европейской торговли — такими, как Эфиопия? Эдельштайн показывает, что в зависимости от ответа на эти вопросы выгода, приносимая Великобритании колониальной империей, в 1913 г. могла составлять от 0,4 до 6,8% ее ВВП по сравнению с величиной от -0,2 до 4,5% в 1870 г. Возможно, эти цифры переоценивают прибыль от колониальной торговли, поскольку расчеты Эдельштайна не принимают во внимание возможного перенаправления торговли с целью компенсации более низкого спроса в колониях, однако, с другой стороны, не учитывается и положительное влияние империи на эмиграцию из Великобритании — особенно в страны Океании. Для других европейских стран подобные расчеты не проводились. Их империи были намного мень-

шими, но, не будучи приверженцами свободной торговли, эти страны могли манипулировать своими колониями так, чтобы обеспечить себе максимальную коммерческую прибыль. Например, Португалия зарабатывала зарубежную валюту путем реэкспорта африканских товаров через Лиссабон. Чистый результат был разным для каждой страны, но в целом, положительный или отрицательный, он, вероятно, был невелик по сравнению с масштабами экономики метрополий (O'Brien and Prados de la Escosura 1998).

Но даже если глобальный экономический эффект колониальных империй был несущественным, они могли играть важную перераспределяющую роль. Несомненно, военному и государственному аппарату наличие колоний было в любом случае выгодно, а налогоплательщики несли очевидные издержки. Как указывают Cain and Hopkins (2002), в Великобритании экономические выгоды империализма доставались главным образом «джентльменам-капиталистам», представлявшим финансово-рантьеерские круги Лондона и юго-восточной Англии, в то время как более «передовые» силы страны (такие, как промышленники-предприниматели) оказывались в убытке. В других странах некоторые группы экспортеров-промышленников также, несомненно, выигрывали от наличия колоний. В целом же те блага, которые приносил Европе империализм, были небольшими и сомнительными. Что более важно, они, вероятно, были меньше, чем издержки, которые империализм нес колонизируемым странам, хотя эта тема еще требует исследований.

РЕАКЦИЯ НА ГЛОБАЛИЗАЦИЮ

Торговля

Если в первой части XIX в. тенденции в европейской торговой политике усиливали влияние снижения транспортных издержек (глава 4 тома 1), то после 1870 г. в результате все большей зависимости цен на факторы производства от межконтинентальной торговли ситуация изменилась. Как мы уже видели, торговля вредила интересам европейских землевладельцев, и там, где они были достаточно сильны, это приводило к предсказуемой реакции со стороны законодателей. В Германии Бисмарк в 1879 г. ввел протекционистские тарифы и в сельском хозяйстве,

и в промышленности; во Франции тарифы были подняты в 1880-х гг., а затем в 1892 г.; в Швеции протекционизм в сельском хозяйстве был восстановлен в 1888 г., а в промышленности усилился в 1892 г.; в Италии умеренные тарифы были введены в 1878 г., а более жесткие — в 1887 г. Россия как экспортер зерна едва ли могла опасаться свободной торговли сельскохозяйственной продукцией, но она первой отказалась от либерализации (в любом случае довольно непоследовательной), существенно повысив промышленные тарифы сначала в 1877 г., а затем в 1885 и 1891 гг. Цель этих мер заключалась в том, чтобы стимулировать индустриализацию страны, и потому высокие тарифы сочетались с экспортными субсидиями производителям хлопчатобумажных тканей. Австро-Венгрия и Испания также резко усилили протекционизм в экономике в 1870–1880-е гг. Балканские страны унаследовали либеральную тарифную политику от своих османских властителей, но и они постепенно стали склоняться к протекционизму, хотя и не так быстро, как немцы или русские. Сами османы также начали понемногу повышать тарифы, достигшие 11% накануне Первой мировой войны (Baigoch 1989).

Некоторые небольшие экономики оставались относительно либеральными; в их число входили Нидерланды, Бельгия, Швейцария и Дания, превратившаяся из экспортера зерна в импортера зерна и экспортера продукции животноводства. Великобритания также не отказывалась от свободной торговли, несмотря на усилия Джозефа Чемберлена. Чем объясняются эти исключения? Несомненно, свою роль играли экономические соображения: такие страны, как Дания и Великобритания, сохранявшие свободную торговлю в сельском хозяйстве, были менее уязвимы к снижению цен и ренты, вызванному глобализацией. В случае Дании цены на зерно были низкими с самого начала, в то время как эта страна имела исключительно удачные условия для удовлетворения растущего британского спроса на масло, яйца и бекон — в частности, благодаря успеху своих кооперативных хозяйств. В Великобритании же доля сельского хозяйства уже значительно сократилась, и ее дальнейшее снижение не оказывало существенного влияния на общее состояние экономики. В других же странах глобализация подрывала сама себя. Более того, перейдя к сельскохозяйственному протекционизму, эти страны уже не отказывались от него, и тот стал предшественником нынешней Единой сельскохозяйственной политики.

Иммиграция

В то время как эмиграция повышала благосостояние европейских трудящихся, массовая иммиграция лишь вредила их заморским товарищам. Как отмечают Hatton and Williamson (1998), иммиграция снижала оплату неквалифицированного труда в США, хотя этот вывод действует лишь *ceteris paribus*, поскольку экономический рост в течение данного периода приводил к повсеместному повышению уровня жизни. Тем не менее соответствующее влияние иммиграции было значительным. Иммиграция привела к снижению реальных заработков неквалифицированных трудящихся на 8% в США, 15% в Канаде и 21% в Аргентине по отношению к тому уровню, который наблюдался бы в ее отсутствие (Taylor and Williamson 1997). При всей относительности такого влияния оно не осталось незамеченным, и результатом стала политическая реакция, выразившаяся в постепенном ужесточении ограничений на иммиграцию в тех странах, куда направлялись основные потоки иммигрантов (Timmer and Williamson 1998). Например, в 1888 г. в США была на 20 лет запрещена вся иммиграция из Китая, а в 1891 г. там же запретили иммиграцию лиц, «способных превратиться в обузу для общества», а также тех, кто прибыл «не за свой счет» (Ibid., p. 765). Гайки в сфере иммиграционной политики продолжали закручиваться до 1917 г., когда потенциальных иммигрантов стали подвергать тесту на грамотность, тем самым эффективно отсекая большую часть неквалифицированной иммиграции. Очень похожие тенденции были заметны в Канаде и Аргентине. Этот отказ от относительно беспрепятственной иммиграции имел своим следствием то, что межвоенная европейская экономика лишилась предохранительного клапана в виде эмиграции, который позволял поддерживать достигнутый уровень жизни во время резкого роста населения и медленного перехода к современным темпам экономического роста в конце XIX в.

Демократия, золотой стандарт и потоки капитала

Глобальная финансовая интеграция рухнула буквально в одночасье летом 1914 г. Следует ли из этого, что в отсут-

ствие войны довоенный уровень интеграции рынков капитала обязательно бы сохранялся?

Ключевым столпом финансовой системы, существовавшей до Первой мировой войны, являлась широко распространенная (а к 1913 г. практически всеобщая) приверженность к золотому стандарту. Из нее вытекало обязательство поддерживать внешний баланс, пусть даже ценой внутреннего экономического дисбаланса — в первую очередь безработицы. Согласно Eichengreen (1992), одним из факторов, препятствовавших попыткам восстановить золотой стандарт после 1918 г., было то обстоятельство, что война способствовала массовому наделению населения правом голоса, а следовательно, привела к росту политического влияния рабочих: становилось неясно, удастся ли соблюдать дисциплину золотого стандарта (т.е. при необходимости поднимать учетную ставку), если это вступит в противоречие с внутривнутриполитическими целями. Однако Эйхенгрин также отмечает, что широкие слои населения получили избирательное право еще до войны и что безработица уже тогда стала актуальной социальной проблемой. Соответственно, можно предположить, что и без войны демократизация в конце концов уничтожила бы золотой стандарт, а вместе с ним и основы довоенной финансовой системы. Собственно, распространение избирательного права можно даже интерпретировать как частичное следствие глобализации конца XIX в., породившей реакцию в виде призывов к регулированию рынка (Polanyi 1944). В этом отношении тоже можно считать, что глобализация — в качестве расширения рынков — подрывала саму себя.

Однако подобные рассуждения можно опровергнуть рядом возражений. Во-первых, максимальный импульс к всеобщему избирательному праву и демократизации, как отмечает Эйхенгрин, дала именно Первая мировая война, а не глобализация. Во-вторых, даже если сохранение золотого стандарта оказалось бы невозможным, это не обязательно означало бы конца глобальной финансовой интеграции. В наше время капитал циркулирует главным образом между богатыми странами, которые (за немаловажным исключением в виде Еврозоны) уже не связаны друг с другом фиксированными обменными курсами. Вообще, как указывают Obstfeld and Taylor (2004), отказ от фиксированного обменного курса позволяет странам как проводить независимую валютную политику, так и со-

хранять открытые рынки капитала. По мнению этих авторов, Бреттон-вудские рынки капитала погубила попытка сочетать фиксированный обменный курс с кейнсианской макроэкономической политикой.

Внутриполитическая реакция

Таким образом, глобализацию конца XIX в. подрывали могущественные политические силы. Однако перед европейскими правительствами в тот момент стоял не просто выбор между открытыми и закрытыми международными рынками, между принятием протекционистских антиглобализационных мер и отказом от них. В распоряжении властей имелся целый спектр дополнительных мер внутренней политики, к которым они в этот период могли прибегнуть — и действительно прибегали — ради сплочения сил, выступающих за либеральную международную политику. Так, Huberman and Lewchuk (2003) отмечают, что в конце XIX в. европейские правительства производили обширные интервенции на рынках труда, причем этот же период был отмечен стабильным ростом социальных выплат и зарождением современного государства всеобщего благосостояния (Lindert 2004). По всему материков вводились всевозможные меры по регулированию рынка труда — например, был запрещен ночной труд женщин и детей, устанавливался минимальный возраст, с которого детей разрешалось брать на работу, учреждались фабричные инспекции. Кроме того, в этот период получило широкое распространение страхование на случай старости, болезней и безработицы. К тому же подобные «трудовые договоры» чаще встречались в более открытых европейских экономиках. Хуберман и Левчук, опираясь на этот факт, утверждают, что профсоюзы соглашались поддерживать свободную торговлю и вообще открытую экономику в обмен на внутреннюю политику, отвечавшую интересам трудящихся. Хуберман в другой работе того же плана (Huberman 2004) приходит к выводу, что продолжительность рабочего дня в Европе и в странах, населенных европейскими колонистами, в 1870–1913 гг. сокращалась в результате принятия законов о труде и давления со стороны профсоюзов и что это сокращение было максимальным в таких небольших открытых экономиках, как Бельгия, где Трудовая партия после 1885 г. поддерживала свобод-

ную торговлю (Huberman 2008). Во время глобализационного бума в конце XIX в. правительства не только не придавались «гонке ко дну», но в некоторых случаях даже сотрудничали друг с другом с целью обеспечения общего повышения стандартов. Сюда относится, например, франко-итальянское трудовое соглашение 1904 г., по которому в Италии улучшались условия труда в обмен на предоставление итальянским рабочим во Франции доступа к тем благам, который уже имели их французские товарищи.

Таким образом, европейские правительства в конце XIX в. достаточно успешно реагировали на политические вызовы, брошенные глобализацией, иногда отвечая на протекционистские требования мерами внутреннего законодательства, а иногда уступая этим требованиям. Не исключено, что темпы роста мировой торговли после 1914 г. несколько снизились бы, даже если бы не вмешалась война, а перед властями встали бы более серьезные политические вызовы; однако в отсутствие мировой войны 1920–1930-е гг. имели бы совершенно иной облик.

ГЛАВА 2

Совокупный рост в 1870–1914 гг.: развитие на пределе производственных возможностей

АЛЬБЕРТ КАРРЕРАС
КАМИЛЛА ДЖОЗЕФСОН

СОДЕРЖАНИЕ

Введение: от Маркса к Маршаллу — и Ленину · 53
Европейский экономический рост: общая оценка · 54
Закономерности национального роста: единство и разнообразие · 66
Источники роста: непосредственные и глубинные причины · 76
Глубинные причины роста · 80
Глубинные технические изменения: эффективность инвестиций · 84
Заключительные замечания: рост на пределе производственных возможностей · 88
Приложение: источники · 89

Авторы выражают благодарность участникам Научно-учебной сети, особенно тем из них, кто присутствовал на заседаниях, на которых обсуждались первые черновые варианты данной книги. Мы особенно признательны Хавьеру Тафунеллу (UPF), который предоставил в наше распоряжение свою базу данных и по праву должен считаться нашим соавтором, и Стиву Бродберри (Варвикский университет), оказывавшему нам содействие и поддержку на всех этапах работы над рукописью.

ВВЕДЕНИЕ: ОТ МАРКСА К МАРШАЛЛУ — И ЛЕНИНУ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ о возможностях британской и европейской экономики, преобладавшие в первой половине XIX в., были весьма пессимистическими. Экономический рост считался труднодостижимым. Конфликт в отношении перераспределения — будь то конфликт между землевладельцами и остальным обществом или конфликт между фабрикантами и рабочими — воспринимался как фундаментальный по своей природе. В своей знаменитой книге «Капитал», так же как и во многих других работах, Карл Маркс утверждал о неизбежном сокращении реальной заработной платы. К той эпохе относится начало бурных и не прекращающихся с тех пор дискуссий по поводу феномена, получившего известность как «промышленная революция», и снижения или падения реальной заработной платы. Во многих отношениях именно эти дискуссии отвечают за постоянный интерес представителей различных дисциплин и точек зрения к данному феномену, связанный с вопросом: не является ли усиление неравенства чрезмерной платой за экономический рост?

Примерно в 1860-х гг. настроения в интеллектуальных кругах изменились. Социальный конфликт, поляризация общества и борьба по поводу перераспределения дохода уже не считались единственными возможными последствиями экономической жизни. Нашлись страны (к ним относился почти весь развитый мир), сумевшие обеспечить повышение доходов для всего населения. В этих странах происходил экономический рост, за который не приходилось платить ни одному индивидууму или социальной группе и который охватывал всю национальную экономику. Такой рост наблюдался во все большем числе экономик. Мир, который описывали Стэнли Джеванс, Карл Менгер, Леон Вальрас и, несколько позже, Альфред

Маршалл, был миром, об экономической эффективности которого сейчас пойдет речь. Это был развивающийся мир. Непрерывный и устойчивый экономический рост впервые в истории распространился на большую часть Европы, а также другие страны света.

На командных высотах европейской системы национальных государств соображения социального обеспечения смешивались с силовыми целями — и нередко занимали по отношению к ним подчиненное положение¹. Период 1870–1914 гг. начинается с Франко-прусской войны и заканчивается той войной, которая сначала называлась Великой, а затем получила известность как Первая мировая война. Эти две крупные европейские войны, определившие облик данного периода, не были независимы от того, что происходило в промежутке между ними. Представление об экономическом и социальном конфликте, выдвинутое Марксом, было развито Лениным в его работе «Империализм как высшая стадия капитализма», переродившись в идею о конфликте между имперскими (т.е. европейскими) нациями. Переход от Марксовой к ленинской точке зрения до сих пор занимает видное место в историографии данного периода. Однако не следует забывать о невероятном экономическом прогрессе, достигнутом в эту эпоху. Представление о том, что развитие экономики обеспечивает рост благосостояния всего населения, было очень характерно для современников, но оно лишь начинает получать признание среди *наших* современников. В данной главе поразительный экономический рост, происходивший в Европе, его распространение и его источники будут рассмотрены нами в контексте непрерывного состязания между европейскими национальными государствами.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ОБЩАЯ ОЦЕНКА

Период с 1870 по 1914 г. является классической эпохой европейского доминирования. Если брать Европу в широком смысле (см. ниже), то европейский ВВП в 1870 г. составлял 46% от мирового ВВП, а к 1913 г. увеличился до 47%. Население Европы увеличилось от 27 до 29% мирового населения. Средний ВВП на душу населения в 1870 г. был равен 171% среднего по миру, а в 1913 г. все

1. См.: Kennedy 1989.

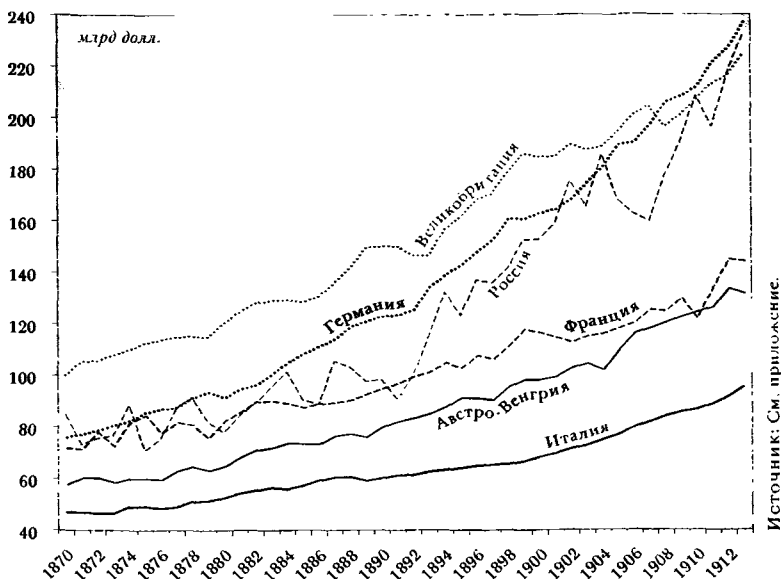
еще составлял 165%. Немногие регионы мира, бросавшие вызов этой гегемонии (Америка, Австралия и Новая Зеландия), также были заселены европейцами. Эти регионы развивались быстрее Европы, увеличив свою долю от 13 до 26% мирового ВВП, от 6,8 до 10,7% мирового населения и от 184 до 240% мирового ВВП на душу населения. Воплощением этой более успешной Европы за пределами Европы были Соединенные Штаты Америки. Ниже мы будем рассматривать европейское развитие, но при этом не теряя из вида того, что происходило в США.

Представление о европейском континенте, разделенном на национальные государства, которые вели между собой жестокую борьбу за мировое господство, имеет серьезные основания. Страны Европы оценивали друг друга по состоянию своих вооруженных сил. Их возможности зависели как от числа людей, подлежащих призыву в армию, так и от промышленных мощностей, способных производить более передовое вооружение. В те же годы начало оцениваться и сочетание населения с экономическим процветанием. Концепция, в наше время известная как «валовой внутренний (или национальный) продукт», стала в полной мере осознаться на рубеже веков². Первоначально ее называли «богатством», но мы будем пользоваться такими терминами, как «продукт», «выработка» или «доход».

Действительно, ВВП был очень удобным показателем национального могущества — или военной силы. С этой точки зрения Германия догоняла Великобританию, настигнув ее в начале нового столетия. В 1908 г. германский ВВП был уже больше британского. Даже Россия, благодаря быстрому росту населения, готова была сравниться с Великобританией в смысле национальной мощи. Начиная с 1890-х гг. Россия развивалась поразительными темпами. Франция была очень обеспокоена, потому что ее благосостояние совершенно не соответствовало ее могуществу, а это сулило ей скорее судьбу Австро-Венгрии, нежели Германии. То, что Италия отставала от всех остальных, никого не удивляло. Это в то время было всем известно.

На рис. 2.1 представлена суть экономического фона, на котором развивались европейские политические отношения. Однако Первая мировая война продемонстрировала наличие еще двух крупных игроков: Османской империи и США. О Соединенных Штатах мы знаем мно-

2. Речь идет о внутреннем продукте, если учитывать лишь доходы, полученные внутри страны. Под национальным продуктом понимаются доходы, полученные гражданами данной страны по всему миру и потраченные в ее пределах. У крупнейших империй, таких как Великобритания, валовой национальный продукт (ВНП) был существенно выше валового внутреннего продукта (ВВП). В таких развивающихся экономиках, как Испания или Швеция, отличавшихся колоссальными прямыми инвестициями из-за рубежа и массовой эмиграцией, ВВП был значительно выше, чем ВНП. В дальнейшем мы будем рассматривать лишь ВВП, так как не имеем сопоставимых данных по ВНП для всех европейских стран.

Источник: См. приложение.

РИС. 2.1.
ВВП шести крупнейших держав
в международных долларах 1990 г.,
1870–1914 гг.

3. Pamuk 2006.

го, тем не менее наши знания о реальном экономическом положении Османской империи намного более скудны³. Табл. 2.1 позволяет сопоставить ВВП всех этих главных держав. США обогнали крупнейшую европейскую державу — Великобританию — вскоре после 1870 г. К 1913 г. экономика США более чем вдвое превышала своими размерами британскую и почти вдвое — немецкую и российскую. Напротив, Османская империя, несмотря на ее обширную территорию, была редконаселенным и весьма отсталым государством.

Табл. 2.1 показательна в отношении еще одного важного элемента: имперского фактора. Главные европейские державы имели колонии. Европейцами была колонизирована большая часть мира. Европейские колонии занимали почти всю Африку и большую часть Азии. И когда началась мировая война, размер империй сыграл свою роль. Великобритания с ее Содружеством сумела заручиться поддержкой своих колоний — и таких, как Индия, которые непосредственно управлялись министерством колоний, и более

ТАБЛИЦА 2.1.
Величина крупнейших европейских держав
и мировых империй в 1913 г.

Страна	ВВП метрополии, млрд долл.*	Население метрополии, млн чел.	Население колоний, млн чел.	Доля ВВП колоний в ВВП метрополии, %	ВВП империи (оценка), млрд долл.*
США	517,4	97,6	10,0	2	528
Германия	280,0	67,0	12,5	3	288
Россия	265,1	170,9	—	—	265
Великобритания	229,6	45,7	394,4	146	565
Франция	129,0	39,8	47,6	23	159
Австро-Венгрия	122,4	47,5	—	—	122
Италия	96,4	35,4	1,9	1	97
Испания	41,6	20,2	0,9	1	42
Бельгия	32,4	7,6	11,0	20	39
Нидерланды	22,0	6,2	49,9	181	62
Турция / Османская империя	18,3	13,0	12,3	40	26
Португалия	7,5	6,0	5,6	43	11

* В международных долларах 1990 г.

Источники: Broadberry and Klein 2008, cols. 1, 2; Etémad 2000, col. 3; Carreras 2006 (на основе Maddison 2001, col. 4), однако данные по США и Турции / Османской империи даны на основе Maddison 2007.

автономных, квазинезависимых доминионов, имеющих белое население, — таких, как Канада и Австралия⁴.

При той неполной информации, которой мы располагаем, мощь Великобритании выглядит весьма впечатляющей: под властью британской короны жило 440 млн человек. ВВП Британской империи, вероятно, был намного выше, чем ВВП Германии и России, превышая даже ВВП Соединенных Штатов. Французская империя тоже была очень большой, но недостаточной для того, чтобы Франция сравнялась могуществом с Германией, в то время как экономика Голландской империи своими размерами почти втрое превышала экономику Нидерландов.

Главная тема данной главы — не изменение общего размера европейских экономик (хотя это весьма интересный вопрос, также имеющий отношение к нашему исследованию), а их относительный экономический рост, т. е. изменение ВВП на душу населения. С этой точки зрения в дан-

4. Колонии были важны не только как источники продовольствия, о чем очень убедительно свидетельствует Offer (1989). Принципиальное значение имели также людские ресурсы — солдаты — и финансовая поддержка. Резюме этого вопроса см.: Ferguson 1991, а подробный экономический анализ приводится в Broadberry and Harrison 2005a.

ный период по всей Европе наблюдался устойчивый рост, будучи более всеобщим и более интенсивным, чем в какой-либо предыдущий период, по которому имеются данные. Согласно расчетам Мэддисона (Maddison 2007), темпы роста дохода на душу населения в 1700–1820 гг. составляли для материка в целом 0,12%, повысившись до 0,86% в 1820–1870 гг., а в 1870–1913 гг. — до 1,22%. Напротив, в последующий период, отмеченный двумя мировыми войнами, темпы экономического роста в Европе составили лишь 0,96%. Собственно, именно в эпоху между завершением Наполеоновских войн и началом нашего периода Европа захватила экономическое лидерство в мире; однако период с 1870 по 1913 г. был эпохой устойчивого экономического доминирования Европы, быстро обернувшегося политическим доминированием, которое было названо империализмом.

Бродберри и Клейн (Broadberry and Klein 2008) предлагают определение Европы в широком смысле, включающей в себя Российскую империю (в том числе территории за Уралом) и современную Турцию. Согласно расчетам этих авторов, европейский ВВП (в долларах 1990 г.) возрастал с ежегодным темпом 2,15%, в то время как темп роста населения составлял 1,06%, а темп роста ВВП на душу населения — 1,08%. Если мы исключим Турцию, поскольку большая часть ее территории (в фактических границах Османской империи) находилась в Азии, то это почти никак не скажется на темпах роста (изменение будет составлять 0,01% для ВВП и населения и ноль для ВВП на душу населения). То же самое произойдет и при исключении из рассмотрения балканских стран, по которым нет надежных ежегодных данных (Болгарии, Румынии и Сербии). Но если мы исключим и Россию, и Турцию с тем, чтобы рассматривать страны, находящиеся только в Европе, то изменения будут значительными. Темп роста ВВП снизится на 0,05%, а темп роста населения — на 0,25%, однако темп роста ВВП на душу населения возрастет на 0,21%.

Но все это — вопрос условностей; так, можно аргументированно требовать учета колоний всех европейских империй. В таком случае нам придется включить в нашу статистику азиатскую Россию, всю Османскую империю, а также британские, французские, немецкие, голландские, бельгийские, итальянские, португальские, испанские и датские колонии — что и было сделано нами в табл. 2.1.

В дальнейшем мы, как правило, будем понимать под Европой те страны, по которым имеется ежегодная нацио-

ТАБЛИЦА 2.2.

Темпы роста вВП, населения и ВВП на душу населения в Европе
в 1870–1913 гг., %

Страна	Рост ВВП	Рост населения	Рост ВВП на душу населения
Австро-Венгрия	1,93	0,79	1,14
Бельгия	2,01	0,95	1,05
Болгария*	2,84	1,45	1,37
Дания	2,66	1,07	1,57
Финляндия	2,66	1,30	1,34
Франция	1,63	0,18	1,45
Германия	2,90	1,16	1,72
Греция	2,32	1,40	0,91
Италия	1,66	0,73	0,92
Нидерланды	2,16	1,26	0,89
Норвегия	2,19	0,81	1,36
Португалия	1,20	0,71	0,48
Румыния	2,20	1,25	0,93
Россия	2,40	1,65	0,81
Сербия	3,34	1,99	1,34
Испания	1,81	0,51	1,28
Швеция	2,62	0,70	1,90
Швейцария	2,50	0,87	1,67
Турция	1,48	0,56	0,91
Великобритания	1,86	0,88	0,97
ЕВРОПА	2,15	1,06	1,08
Стандартное отклонение	0,54	0,43	0,36
Коэффициент вариации	0,24	0,42	0,30

* Выделены страны, по которым отсутствуют ежегодные оценки для 1870–1913 гг.
Источники: Вычисления авторов на основе Broadberry and Klein (2008).

нальная статистика, если не будет указано иначе. В результате мы будем вынуждены исключить из рассмотрения большинство балканских стран: Турцию, Болгарию, Румынию и Сербию, а также Боснию-Герцеговину. Это означает, что у нас есть достаточно надежные цифры по Австро-Венгрии, России и Греции, но не по странам, лежащим к югу или к востоку от них.

Для того чтобы наглядно представить себе темпы роста во всех странах, подпадающих под наше определение

Европы, и влияние исключения некоторых стран из этого списка, изучим табл. 2.2. Как мы видим, разброс темпов роста ВВП был весьма невелик: коэффициент вариации составляет 0,24. Наиболее медленно развивалась экономика Португалии, с ее ежегодным темпом роста 1,20%, а быстрее всего — Сербия, с 3,34%. Второй с конца по темпам роста была Турция (1,48%), а второй с начала — Германия (2,90%). В том, что касается крупнейших экономик, следует отметить Францию с ее темпом роста 1,63%, Великобританию (1,86%), Австро-Венгрию (1,93%) и Россию (2,40%). Эти изменения, весьма впечатлявшие современников, покажутся не слишком значительными по современным стандартам. Как и следовало ожидать, самое заметное различие наблюдалось между Францией и Германией.

В том, что касается роста населения, разброс тоже был небольшим, хотя он все-таки превышает разброс по темпам роста ВВП, имея коэффициент вариации 0,42. Исключительный случай представляла собой Франция с ежегодным темпом роста в 0,18%. Другую крайность нам дает Сербия, население которой возрастало в темпе 1,99%. Что намного более важно, темп роста населения в России составлял 1,60%, т. е. в 9 раз превышал темп роста во Франции. Второе место с конца после Франции занимала Испания: здесь темп роста населения был равен 0,51%. В других крупных державах население возрастало примерно в одинаковом темпе: в Австро-Венгрии он составлял 0,79%, в Великобритании — 0,88%, в Германии — 1,16%.

Рост ВВП на душу населения был еще более равномерным по всей Европе. Наиболее медленно этот показатель возрастал в Португалии (0,48%), что было чуть менее чем в 2 раза ниже среднего по Европе. Наиболее быстрорастущей экономикой была Швеция, где темп роста составлял 1,90% — почти вдвое выше среднего по Европе и вчетверо выше, чем в Португалии. Разброс по крупнейшим экономикам был еще более небольшим: темп роста составлял 0,81% в России, 0,97% в Великобритании, 1,14% в Австро-Венгрии, 1,45% во Франции и 1,72% в Германии. Следует отметить хороший темп роста во Франции и очень посредственный в России.

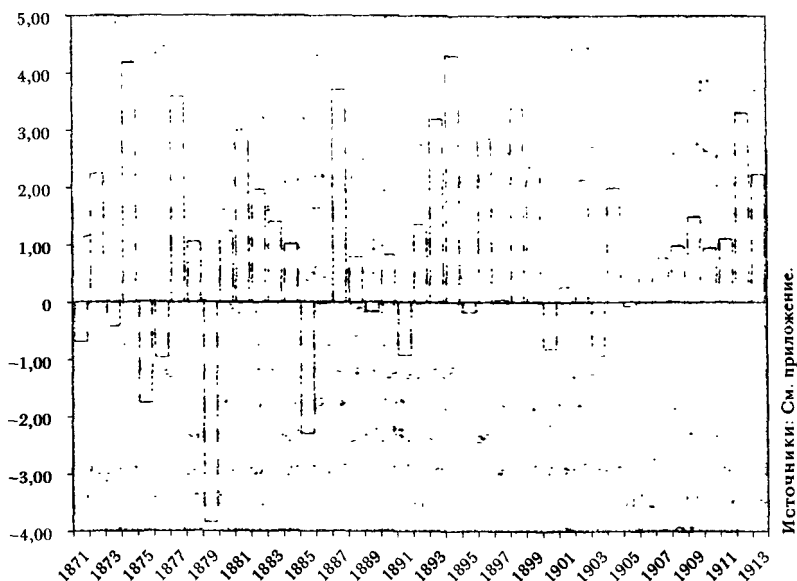
Наблюдалась ли конвергенция между европейскими государствами в течение этого периода? Из сопоставления первоначального (на 1870 г.) ВВП на душу населения с темпами его роста в 1870–1914 гг. следует, что никакой конвергенции не происходило. Коэффициент корреля-

ции между двумя этими величинами составляет всего 4%, и данные по ежегодным изменениям подтверждают эту точку зрения.

Темпы роста ВВП вовсе не отличались стабильностью. Их усредненное значение по Европе за весь этот период, равное 2,15%, скрывает многочисленные различия во времени и между странами. При более внимательном рассмотрении выясняется, что в некоторые моменты наблюдался отрицательный рост: это были 1871, 1875, 1879, 1885 и 1891 гг. Самым плохим был 1879 г., когда снижение ВВП составило 2,5%. Это был очень плохой год для Франции и России: в обеих странах ВВП снизился более чем на 6,0%. Следует отметить, что такие крайности после 1891 г. не повторялись до 1913 г. Колебания ВВП становились все более слабыми. В течение десяти лет перед началом мировой войны темпы роста становились все стабильнее и оставались положительными, что являет собой разительный контраст с первым десятилетием рассматриваемого периода. Экономический прогресс нес с собой все большую стабильность темпов роста.

Рост населения как таковой не является предметом нашего внимания. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что цифра ежегодного прироста населения в 1,06% за весь этот период не отражает изменения темпов роста с течением времени. В начале 1870-х гг. средний темп роста населения составлял около 0,7%, а в конце данного периода он приблизительно равнялся 1,3%. В течение 1870-х гг. рост населения резко ускорился — с 0,5 до 1,4%. Однако 1880-е и особенно 1890-е гг. были временем замедленного роста. Главной причиной, которая привела к такому изменению тенденции, вероятно, была эмиграция. Та же причина отвечает за снижение темпов роста с 1,6 до 1,1% в 1909–1913 гг. Население Европы росло вследствие высокого уровня фертильности (за исключением Франции) и снижения уровня смертности в большинстве регионов Западной и Центральной Европы.

Сопоставление данных по ВВП и населению дает нам более нюансированную оценку ВВП на душу населения. Рис. 2.2 позволяет получить представление о том, какие сильные колебания испытывал этот показатель. В 1871–1905 гг. он 13 раз был отрицательным. Периодом стабильного роста были лишь 8 лет непосредственно перед 1914 г. В другие же периоды положительный рост два года подряд был редкостью. Второй по продолжительности пе-

Источники: См. приложение.

РИС. 2.2.
Годовые темпы роста ВВП на душу населения
в Европе в 1871–1914 гг., %

риод положительного роста наблюдался в 1880–1884 гг. Мы вправе сказать, что в общем наблюдалась тенденция к улучшению. 1870-е гг. были намного более тяжелыми, чем 1900-е гг. 1880-е гг. (с ежегодным темпом роста в 1,00%) оказались лучше 1870-х (0,43%). 1890-е гг. были еще лучше (1,54%). Последние 13 лет перед войной были менее удачными (1,14%).

Так же как и темпы роста, не были плавными и цены. Как и в случае объемов производства, диапазон их колебаний постепенно сокращался, однако их вариации оставались заметными, как показано на рис. 2.3. Ежегодные колебания цен были скромными и отличались тенденцией к уменьшению. В течение 1870-х — начале 1880-х гг. вариации были более существенными и преобладала тенденция к снижению. Для следующего десятилетия была характерна меньшая изменчивость, а после 1896 г. произошел переход к режиму с более слабыми вариациями, как правило попадающими в положительный диапазон.

Конвергенция цен, как и конвергенция ВВП на душу населения, была очень ограниченной, однако различия

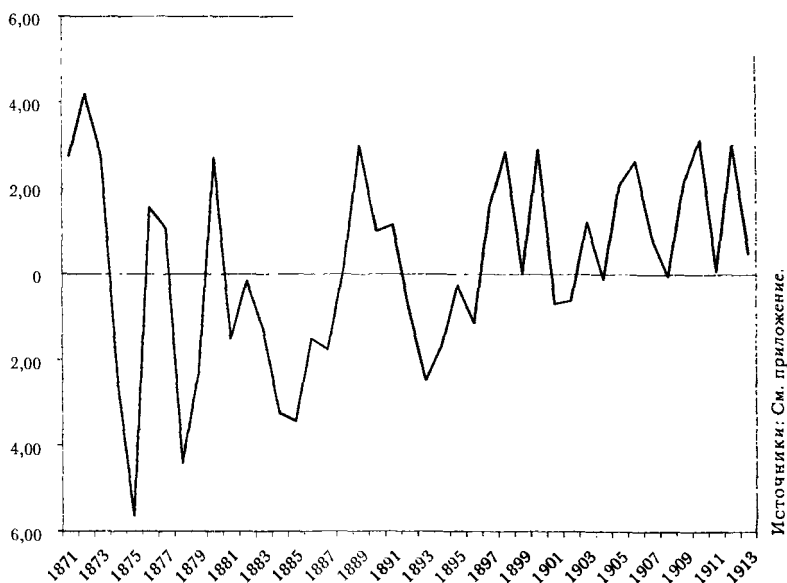

РИС. 2.3.

Ежегодные вариации индекса потребительских цен
в Европе в 1871–1913 гг., %

в темпах роста также были весьма небольшими. Европейская экономика, как свидетельствуют многочисленные примеры, отличалась высоким уровнем интеграции, однако дальнейшая интеграция (а соответственно, и конвергенция) была очень труднодостижима. Этому препятствовали колоссальные политические и идеологические барьеры, которые привели к Первой мировой войне.

Как уже отмечалось в начале данной главы, вполне естественным представляется сравнение с США. Величины европейского и американского ВВП на душу населения сопоставляются на рис. 2.4. Безотносительно к самому этому уровню, который заслуживает дальнейшего изучения, общая тенденция совершенно ясна. Отношение европейского ВВП к американскому было стабильным до 1878 г., но в 1879 и 1880 гг. резко снизилось. В следующем десятилетии равновесие восстановилось, но уже на новом уровне. 1890-е гг. не отличались четко выраженной тенденцией, однако к концу столетия мы видим новое снижение, за которым последовало новое равновесие, на еще более низком уровне.

РИС. 2.4.

ВВП на душу населения в Европе как доля от того же показателя для США в 1870–1913 гг., %

Самым важным обстоятельством является дивергенция 1878–1880 гг. — годы экономического кризиса в Европе и бума в США. Те же годы отмечены началом аграрной депрессии, когда плохие урожаи в Европе совпали с рекордными в США. Явление, получившее у историков экономики название аграрного кризиса, представляется главным источником дивергенции при сравнении в межконтинентальном масштабе.

Европе с ее мировым доминированием все решительнее бросали вызов европейцы, обосновавшиеся за морем. Поскольку населенные европейцами страны «Южного конуса» и Океании, а также Канада так и не стали реальными соперниками, серьезную экономическую конкуренцию Европе составляли лишь США. Колоссальные размеры их экономики были в полной мере осознаны лишь во время Первой мировой войны, однако Соединенные Штаты превратились в чрезвычайно влиятельную державу уже в 1880-е гг.

Изменение структуры расходов

При наличии экономического роста происходит также изменение структуры производства, и это изменение подробно рассматривается в главе 3 данного тома. Кроме того, повышались реальная заработная плата и уровень жизни, о чем пойдет речь в главе 5 данного тома. Поскольку производство приносит доход, который тратится на приобретение всевозможных товаров и услуг, то структура расходов также очень сильно зависит от экономического роста. Мы представим здесь некоторые доказательства, подтверждающие изменение структуры расходов в европейских экономиках. Обычно классификация расходов начинается с проведения черты между потреблением (частным или общественным) и инвестициями (частными и общественными). Помимо потребления и инвестиций, имеется итоговый баланс платежей по отношению к остальному миру. Исторические значения этих величин вычислить гораздо сложнее, чем цифры производства и дохода. Собственно, у нас имеется такая статистика лишь по 10 странам (табл. 2.3). Соответственно, мы ограничимся лишь несколькими соображениями о направлении и масштабах этих изменений.

Из имеющихся данных следует, что для стран со сбалансированным внешним сектором были характерны скромное снижение частного потребления, стабильность или умеренный рост общественного потребления и значительный рост инвестиций. Стабильность или умеренный рост в сфере общественного потребления связаны с типичной чертой Европы XIX в.: стабильным размером общественных секторов. Также общей чертой являлись рост уровня инвестиций и тенденция к сокращению частного потребления. Представляет интерес сосуществование стран со сбалансированным и с крайне несбалансированным внешним сектором. К числу последних в 1913 г. относились Нидерланды с их колоссальным дефицитом (т.е. резким превышением импорта — как товаров, так и услуг — над экспортом), благодаря которому страна отличалась существенно повышенной долей частного потребления и инвестиций. Ключ к пониманию этого дисбаланса — огромный приток средств из-за границы. Они составляли до 11,0% валовых внутренних расходов и компенсировали почти половину чистого дефицита импорта.

ТАБЛИЦА 2.3.

Структура валовых внутренних расходов в Европе
в 1870 и 1913 гг. (в % от величины в рыночных ценах и в текущих
ценах)

Страна	Частное потребление		Общественное потребление		Инвести- ции (НВК)		Х-М	
	1870	1913	1870	1913	1870	1913	1870	1913
Дания ^a	83,6	82,1	6,2	6,3	8,0	12,5	2,1	-1,6
Финляндия ^b	77,8	84,3	6,4	8,3	12,4	12,0	3,5	-4,6
Франция ^c	80,9	82,8	9,0	7,1	10,3	12,2	-0,1	-2,1
Германия ^d	72,2	66,3	6,1	8,9	20,8	23,2	0,9	1,6
Италия	83,2	72,9	9,1	9,4	8,8	17,7	-1,0	0,0
Нидерланды ^e	75,0	96,2	5,1	7,0	12,4	21,2	7,5	-24,4
Норвегия	80,4	73,0	3,9	5,8	12,2	20,7	3,5	0,5
Испания ^f	86,0	77,1	9,1	9,7	5,2	12,2	-0,3	1,1
Швеция	83,8	79,9	6,4	6,8	7,7	12,0	2,2	1,3
Великобритания	82,6	76,2	4,8	7,5	7,7	7,5	4,9	8,8

Источники: Финляндия: Hjerpe 1996; Франция: Toutain 1997; Нидерланды: Smits et al. 2000; Испания: Prados de la Escosura 2003; Швеция: Krantz and Schöl 2007; веб-страница. Остальные страны: Flora 1987.

ПРИМЕЧАНИЯ: Под Х и М обычно понимаются товары и услуги. Под инве-
стициями имеется в виду накопление валового капитала (НВК), включая обо-
рудование. Ошибка округления не превышает $\pm 0,1$.

^a Итог не равен 100%. Недостающие 0,8% относятся к потреблению без точно-
го указания на его частный или общественный характер.

^b Накопление фиксированного валового капитала (НФВК). Вследствие ста-
тистических неувязок имеются погрешности в данных по экспорту товаров
и услуг. Инвестиции включают расходы на оборудование.

^c 1865–1874 и 1905–1913 гг. НФВК.

^d 1872 г.

^e Отдельно учитываются косвенные налоги, не включенные в состав потребе-
ния, инвестиций или импорта. Мы решили вычесть их из величины валовых
внутренних расходов (ВВР) — имеется в виду из ВВР не в рыночных ценах,
а в расходах на факторы производства (т. е. ВВП).

^f В постоянных ценах 1913 г.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО РОСТА: ЕДИНСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ

С целью получить более полное представление об эконо-
мическом росте в европейских странах имеет смысл из-
учить изменение этого роста по годам. На рис. 2.5 показа-
на динамика ВВП на душу населения для Европы в целом

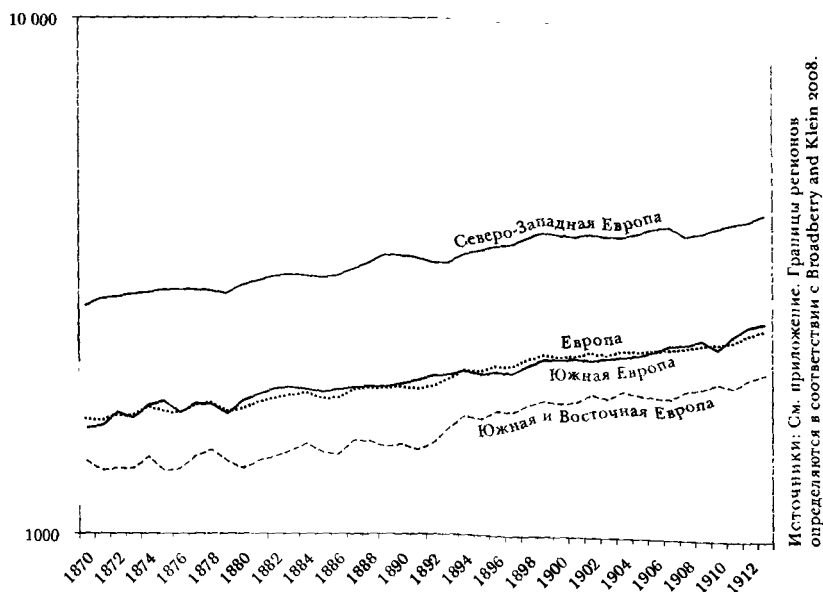
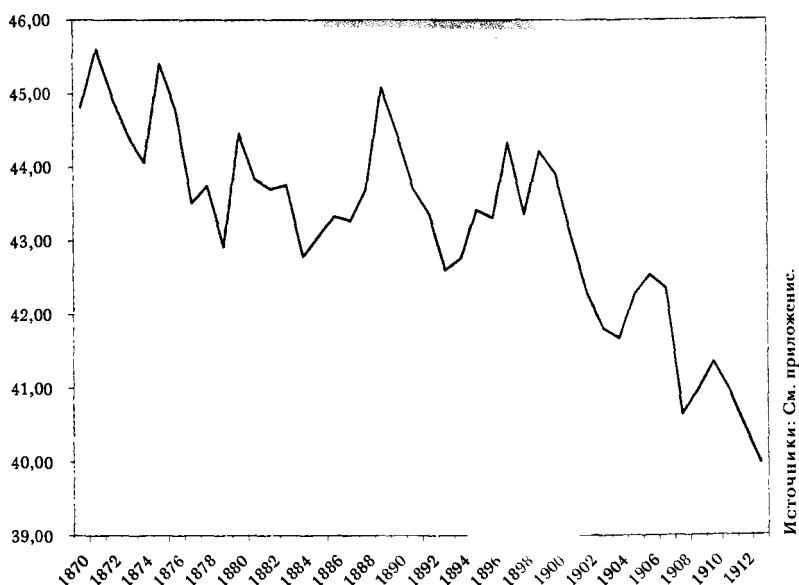

РИС. 2.5.

ВВП на душу населения в Европе и ее основных регионах в 1870–1913 гг. (в международных долларах 1990 г.)

и трех ее основных регионов: Северо-Западного, Южного, и Центрального с Восточным.

Нет сомнений в том, что в этот период положительный экономический рост наблюдался по всей Европе. В среднем по Европе показатели этого роста были очень близки к южноевропейским. Динамика данного региона в основном определялась эволюцией французского ВВП, при явно менее значительной роли Италии. В Северо-Западной Европе абсолютно доминировала британская экономика, чей ВВП на душу населения был намного выше среднего по Европе. В Центральной и Восточной Европе преобладающее влияние оказывали Австро-Венгрия, Германия и Россия, причем последняя была самой значительной из этих держав по численности населения. С первого взгляда мы практически не видим заметных признаков конвергенции. Если же мы представим эти данные в другом виде, приведя их к среднему по Европе значению, которое примем равным 100, и учитывая страны, статистика по которым менее надежна, то результат опять будет вполне однозначным, но мы получим намек на определенную

Источники: См. приложение.

РИС. 2.6.
Коэффициент вариации ВВП европейских стран
на душу населения в 1870–1913 гг., %

конвергенцию. Все страны сохраняют свои относительные позиции, а их позиции по отношению к среднему по Европе оказываются поразительно стабильными. Драматические изменения почти отсутствуют; те же, которые касаются Швейцарии, произошли лишь после 1900 г.

Статистический критерий интенсивности конвергенции нам даст эволюция коэффициента вариации (рис. 2.6). Его начальные уровни составляют порядка 45%, а конечные уровни приближаются к 40%. Вплоть до конца столетия налицо тенденция к отсутствию изменений, и лишь за 10–20 лет до Первой мировой войны тенденция к конвергенции становится вполне заметна.

Мы сможем оценить то же явление с другой стороны, если проведем систематический анализ конвергенции 18 европейских стран, используя формулировку бета-и сигма-конвергенции Barro and Sala-i-Martin (2003). Под бета-конвергенцией понимается отрицательная взаимосвязь между ростом дохода на душу населения и первоначальным уровнем дохода на душу населения, причем бета-коэффициент соответствует скорости конвергенции.

Если бета-коэффициент для некоей выборки стран имеет значение, заметно меньшее нуля, из этого следует, что страны, которые изначально были относительно бедными, со временем в целом нагоняют более богатые страны. В рассматриваемой здесь выборке стран темп роста дохода на душу населения регрессирует к уровню дохода на душу населения в 1870 г. Результаты свидетельствуют, что в Европе в течение данного периода наблюдалась довольно слабая конвергенция: бета-коэффициент равен 0,05%. Однако если сделать оценку конвергенции для двух периодов времени — 1870–1890 и 1890–1913 гг., — то выяснится, что конвергенция была более значительной во время второго из этих периодов.

Сигма-конвергенцией называется снижение дисперсии уровней дохода на душу населения с течением времени, показателем которой выступает стандартная девиация или коэффициент вариации. При вычислении сигма-конвергенции по ежегодным данным за 1870–1913 гг. для той же группы стран мы приходим к несколько иному выводу, чем в случае бета-конвергенции. Снижение разброса говорит о конвергенции, в то время как повышение разброса является признаком дивергенции. Фактически же разброс величин дохода на душу населения был более заметным в течение более позднего периода, притом что в период непосредственно после 1870 г. он снижался.

Крупной проблемой является то, что типичное представление о происходившей в XIX в. эволюции национальных тенденций, связанных с экономическим ростом, в большей степени основывается на опыте начала и середины века, а не последних его десятилетий. И поэтому беглый обзор десятилетий до 1870 г. может оказаться очень интересным (рис. 2.7).

На рис. 2.7. использованы самые надежные серии данных по ВВП на душу населения с конца Наполеоновских войн до начала Первой мировой войны, т. е. в эпоху «рах Britannica». Самые драматические события происходили до 1870 г. В 1815 г. мы имеем ситуацию, в которой богатейшей экономикой Европы (в смысле доходов на душу населения) по-прежнему были Нидерланды. К середине 1840-х гг. их обогнала Великобритания, десятилетиями испытывавшая более высокие темпы экономического роста. После 1850 г. доминирование Британии было неоспоримым. Второй экономикой, сумевшей поднять темпы развития до британского уровня, стала Бельгия. Из-

Источники: См. приложение

РИС. 2.7.
Европа: ВВП на душу населения
(в международных долларах 1990 г.) в 1815–1913 гг.

начально она была беднее Нидерландов, но развивалась гораздо быстрее. К 1860 г. Бельгия догнала Нидерланды, а к 1890 г. уже явно опережала их. Третьей страной, пошедшей на взлет, была Швейцария. В начале 1850-х гг. она была беднее Бельгии, Франции, Германии и Дании. К концу того же десятилетия она выбилась в лидеры этой небольшой группы, уступая только Бельгии, а к середине 1870-х гг. уже сильно их всех обгоняла. К концу рассматриваемого периода она сумела обойти даже Бельгию, став второй по богатству европейской экономикой. Мы уже упоминали ее ближайших преследователей: Данию, Францию и Германию. Всем им были свойственны весьма схожие тенденции роста, однако к 1913 г. самый высокий ВВП на душу населения наблюдался в маленькой Дании, в годы *belle époque* оказавшейся впереди Германии и Франции. По-видимому, рост во Франции начался раньше, чем в Германии, но это выяснено еще не до конца. Германские государства сильно различались между собой: одни были очень богаты, другие — намного беднее. К 1850 г. средний германский уровень ВВП на душу

населения был очень близок к французскому, и такое положение существовало в течение следующей четверти века. К середине 1880-х гг. преимущество Германии проявилось в полной мере, сохраняясь до 1913 г. Уровень дохода в Австрийской империи был аналогичен французскому и немецкому, однако темпы роста здесь были еще ниже, чем во Франции. К 1913 г. Австро-Венгрия явно отставала от Франции. Таким образом, развивающуюся Европу в начале XIX в. представлял квадрант, включавший в себя Францию, Германию, Австрийскую империю и более мелкие Бельгию, Нидерланды, Швейцарию и Данию. Все они в качестве развитых стран присоединились к Великобритании в тот или иной момент XIX в. и рано осуществили у себя индустриализацию. Напротив, Италия, с высокой степенью вероятности начавшая столетие в составе этой же группы, в течение XIX в. утратила импульс к развитию⁵. После политического объединения Италии в 1861 г. там начался небольшой рост, но его было недостаточно для того, чтобы догнать быстроразвивающиеся экономики Западной и Центральной Европы. Темпы роста в Италии ускорились — причем существенно — лишь после 1900 г., позволив Италии сократить отставание от лидера — Великобритании. Реальная европейская периферия в начале XIX в. дает нам классический пример периферийной страны, в полной мере воспользовавшейся своей изначальной отсталостью для достижения высоких темпов роста — Швеции. Успешное развитие в течение тридцати лет перед Первой мировой войной превратило Швецию в самую развитую страну из числа опоздавших. Однако к 1913 г. Швеция еще не вступила в клуб передовых экономик. Кроме того, еще в 1880 г. неплохие шансы, на первый взгляд, имелись у Испании. Однако после 1880 г. она развивалась намного хуже, чем Швеция⁶. Но гораздо более важным, чем неспособность Испании развиваться наравне с самыми динамичными странами европейской периферии — Северной группой, было отсутствие успехов у России. В 1870 г. она была многообещающей экономикой, приступившей к полноценным политическим, социальным и экономическим реформам. Начиная она примерно с того же уровня, что и Швеция или Испания. Но впоследствии Швеция достигла больших успехов, Испания — намного меньших, Россия же оказалась в отстающих, став наименее успешной европейской экономикой XIX в. из числа стран со средним и большим

5. Такая точка зрения решительно отстаивается в Malanima (2003; 2006a; 2006b). Из приведенных этим автором данных по доходу на душу населения следует, что в 1815 г. Италия была так же богата, как Нидерланды. В этом отношении среди исследователей нет согласия, но фигурирующие в этой работе доказательства общей стагнации в Италии в течение большей части XIX в. весьма убедительны.

6. Carreras 2005

населением. Благодаря своим размерам и открывавшимся перед ней перспективам Россия привлекает к себе интерес уже не первого поколения историков, пытающихся выяснить, какие факторы затормозили ее развитие в XIX в. По сути, те же самые факторы являются причиной проблем и в современных развивающихся экономиках.

Как может заметить любой читатель, обладающий историческими знаниями, мы использовали ряд концепций, предложенных именно для того, чтобы описать, что происходило в Европе в течение длинного XIX века. Концепцию «взлета» сформулировал Уолт Ростоу (Rostow 1961). Александр Гершенкрон (Gerschenkron 1962) выдвинул несколько иную концепцию, назвав ее, однако, «большим спуртом», — что не слишком отличается от вышеупомянутого «взлета»! Разнообразие вариантов развития в Европе особенно поразительно в период 1815–1870 гг. Распространение экономического роста шло путями, которые требуют некоторого объяснения. Была ли движущей силой доступность естественных ресурсов? Или, точнее говоря, была ли ею доступность угля и железа, как говорят нам многие авторы, включая Pounds (1957), Pollard (1981) и Cameron (1985)? Или же принципиальным фактором было наличие широкого набора институтов — гершенкрановских предпосылок роста? Многие согласны с этой точкой зрения, как указывается в O'Rourke and Williamson (1997). Какая роль при этом отводится экономической политике? Она присутствует во всех объяснениях — начиная с утверждений о значении протекционистской торговой политики в Bairoch (1976) — однако авторы не приходят к единому мнению о том, какая политика была наилучшей.

Поскольку экономический рост неотъемлемым образом связан с национальной мощью, очень трудно провести различие между политикой поощрения роста и политикой наращивания национальной мощи, как утверждают Landes (1969) и Trebilcock (1981). Динамизм малых европейских экономик очень показателен для экономики в целом и для развивающихся экономик в частности, однако современников гораздо сильнее беспокоило состязание между основными экономиками. Для всех них очень большое значение, как мы подчеркивали выше, имел размер. Крупнейшие экономики обычно воспринимались как взаимные конкуренты. Они были главными «державами» и непрерывно мерялись друг с другом — как особенно наглядно показали события 1914 г.

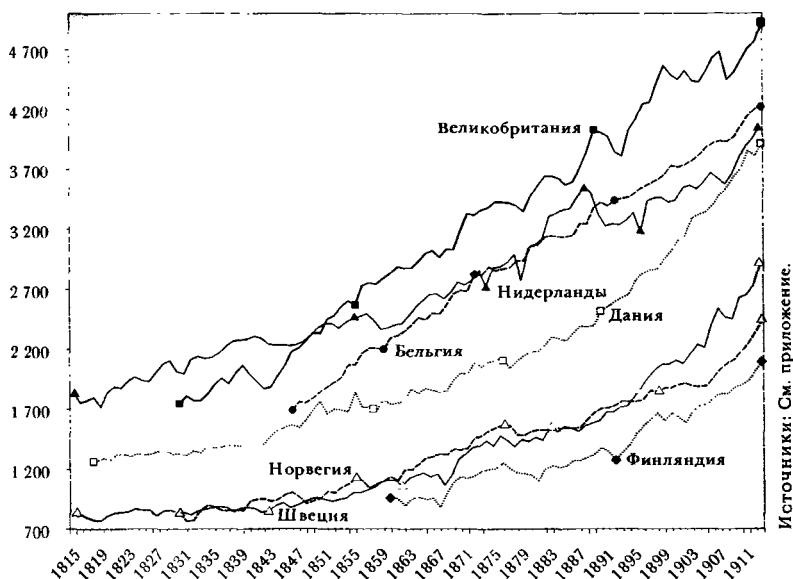
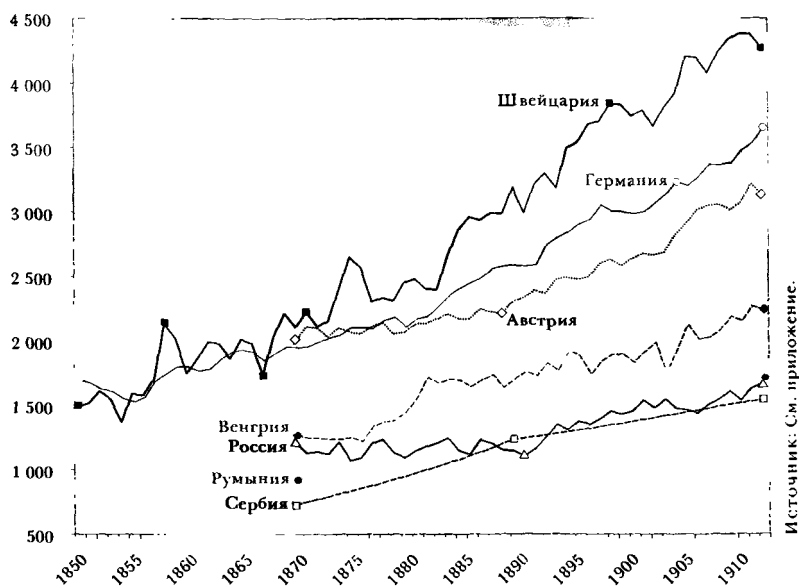

РИС. 2.8.

Северо-Западная Европа: ВВП на душу населения
(в международных долларах 1990 г.) в 1815–1913 гг.

Помимо крупных держав, Европа состояла из ряда регионов. Местоположение имело значение со многих точек зрения: природные богатства, торговля, язык, институты, техника — все это очень сильно зависело от географической близости. Очень удачно была расположена Северо-Западная Европа, состоявшая главным образом из стран вокруг Северного моря (рис. 2.8). Никто не оспаривал экономического превосходства и благосостояния Великобритании, несмотря даже на то, что Бельгия и Нидерланды неизменно дышали ей в спину. Лишь маленькая Дания обнаружилась способной к тому, чтобы развиваться намного быстрее и сокращать отставание. Конвергенция позволила Дании сравняться с Нидерландами уровнем ВВП на душу населения и приблизиться к бельгийскому уровню. Из всех прочих северных стран — намного более бедных, чем остальные игроки северо-западной лиги, — только Швеции удалось уменьшить разрыв с Великобританией за четверть столетия перед 1914 г.

Центральная Европа была процветающим регионом (рис. 2.9). Швейцария наращивала экономическое лидер-

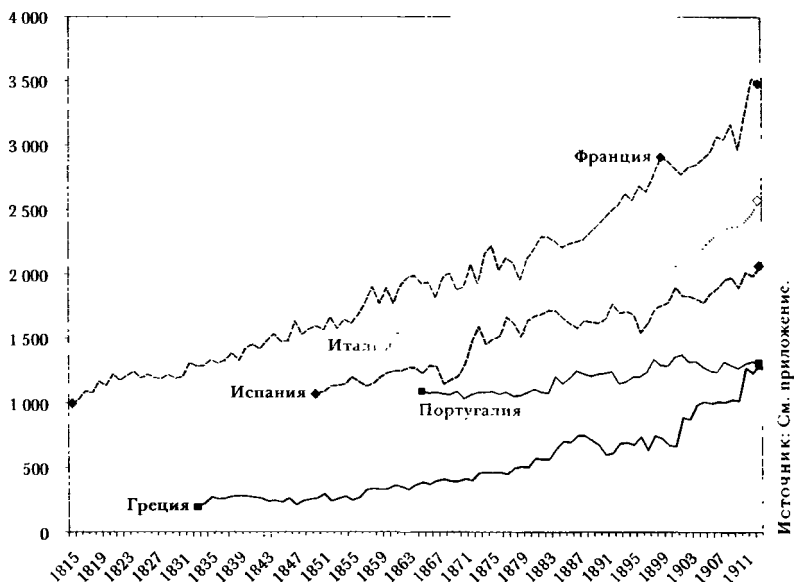

Источник: См. приложение.

РИС. 2.9.
Центральная и Восточная Европа: ВВП на душу населения
(в международных долларах 1990 г.) в 1850–1913 гг.

ство с середины 1870-х гг., в плане экономической эффективности приобретя большее сходство с Бельгией и Нидерландами, чем с прочими своими соседями. К 1870 г. различие ее уровня дохода на душу населения с уровнем Австрии и Германии было ничтожным, так же как и различие между уровнями Австрии и Германии. Лишь в 1880-х гг. Германия оказалась впереди Австрии. Венгрия же никогда не была конкурентом остальным странам Центральной Европы, существенно отставая от них, несмотря на впечатляющий прогресс в 1876–1882 гг.

Хорошо управлявшаяся венгерская экономика была самой передовой в Восточной Европе. В начале 1870-х гг. Венгрия имела показатели, близкие к показателям Финляндии и России (напомним, что Финляндия тогда входила в состав России). Однако в конце 1870-х гг. Венгрия, так же как и США, прошла через аграрный кризис. Будучи крупным производителем и экспортером зерна, Венгрия богатели, в то время как большинство ее соседей страдало от нехватки продовольствия. Лишь маленькому Великому княжеству Финляндскому после 1890 г. удавалось демон-

Источник: См. приложение.

РИС. 2.10.
Европа: ВВП на душу населения
(в международных долларах 1990 г.) в 1815–1913 гг.

стрировать более высокие результаты. Россия была неспособна угнаться за этими странами, как и балканские государства, — по крайней мере, судя по имеющимся у нас скудным статистическим данным.

Средиземноморский регион — или Южная Европа — отличался еще большим разнообразием, чем Восточная Европа (рис. 2.10). Лидером здесь была Франция, далеко обгонявшая все прочие страны региона; самой же бедной страной Южной (как и Восточной) Европы была Греция. За исключением Франции, повсеместно наблюдался застой. Лишь в Италии перед Первой мировой войной происходил быстрый экономический рост. Греция старалась сократить разрыв, хотя и начала с очень низкого уровня. Португалия с Испанией даже не пытались угнаться за более передовыми соседями. Вообще Португалия производит впечатление наименее динамичной экономики на всей европейской периферии.

Как и следовало ожидать, меньше всего мы знаем о наиболее бедных странах. На крайней периферии сплошь царил бедность, вероятно имевшая более-менее оди-

7. Интересные интерпретации причин португальского отставания см.: Reis 1993 и Lains 2003.

наковый уровень, составлявший около 700 долларов в используемом нами эквиваленте — международных долларах Гири-Хамиса 1990 г. Необходимо скептически относиться к цифрам по Греции, сильно не дотягивающим до этого уровня. В Европе, развивавшейся достаточно равномерными темпами, сложно найти страны с темпами экономического роста сильно ниже среднего. По-видимому, так обстояло дело в Португалии, а также — в течение многих десятилетий — в Греции. Обе эти страны заслуживают того же внимания, которое ранее уделялось России⁷.

ИСТОЧНИКИ РОСТА: НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ И ГЛУБИННЫЕ ПРИЧИНЫ

Используя рамки Мэддисона, мы можем провести различие между непосредственными и легко выявляемыми источниками роста (земля, капитал, труд, образование, структурные изменения и т. д.) и его глубинными источниками, которые сложнее охарактеризовать в количественном плане (культура, институты, ценности и пр.). Начнем с рассмотрения некоторых наиболее часто упоминаемых непосредственных причин, не учитывая вклад структурных изменений, о которых пойдет речь в главе 3 данного тома.

Непосредственные источники роста

Самый традиционный фактор экономического роста — земля — несущественно увеличился в размерах в конце XIX в. Наши наиболее надежные оценки предполагают, что земля действительно вносила небольшой вклад в экономический рост. Мы знаем, что в Нидерландах площадь земель увеличилась в результате осушения. Но в странах с наиболее надежными данными значительного вклада земли в экономический рост не наблюдается⁸.

Второй наиболее очевидный источник роста — рабочая сила. В данной главе мы не будем подробно вдаваться в демографическую историю Европы, но некоторые основные факты все же следует напомнить. По всей Европе наблюдался стремительный рост населения, составлявший 1,06% в год. По многим странам у нас отсутствуют надеж-

8. См. подробный анализ этого вопроса в: Goldsmith 1985.

ные данные как о показателях экономической активности населения, так и об уровне безработицы. Но для некоторых стран мы имеем разумные оценки показателей экономической активности, позволяющие оценить и уровень занятости. Вообще говоря, показатели экономической активности возрастали едва заметно⁹. Мы имеем хорошие данные о средней продолжительности рабочего времени для 10 стран Западной Европы¹⁰, и эти данные говорят о постоянном сокращении длительности рабочего дня, которое представляется более значительным, чем рост экономической активности.

Много исследований было посвящено роли образования в экономическом росте XIX в.¹¹ Вклад формального образования в экономический рост до 1870 г. подвергается сомнению. Если между тем и другим и была какая-то связь, то она проявилась далеко не сразу — возможно, не ранее, чем через поколение. Позитивная роль человеческого капитала несомненна, однако вопрос о том, какие именно компоненты человеческого капитала обеспечивают экономический рост, служит предметом обширных дискуссий (см. главу 1 тома 1). Тем не менее к концу XIX в. роль формального образования возрастала все сильнее.

Другой важный вероятный источник роста — физический капитал. У нас есть оценки его объемов по 10 странам. Эти данные показывают, насколько сходными были тенденции накопления капитала в Европе, действовавшие в рассматриваемый период. Лишь Испания (1,8%) и Франция (1,4%) демонстрируют результат, сильно уступающий среднему значению (2,4%). Швеция (3,4%) и Дания (3,3%) находились в противоположной ситуации¹². Опираясь на эти цифры, мы предпримем первую попытку измерить вклад различных основных факторов в экономический рост.

Возрастала ли совокупная производительность факторов?

Оценка роста совокупной производительности факторов (СПФ) для Европы с 1870 по 1913 г. — задача непростая. При нынешнем состоянии наших знаний мы можем получить оценки для 8 стран, по которым имеются надежные данные о ВВП, занятости, продолжительности рабочего времени и объемам капитала. В число этих стран

9. Maddison 1991.

10. Huberman and Minns 2007, p. 548.

11. Lindert 2004.

12. Вычисления авторов.

ТАБЛИЦА 2.4.
СПФ в 1870–1913 гг. (темп роста в% или доля в%)

Страна	ВВП	Уровень заня- тости	Продол- житель- ность раб. времени	Объем капи- тала	СПФ	ВВП на душу наследо- ния	СПФ/ ВВП на душу наследо- ния	СПФ/ ВВП
Европа-8	2,04	0,85	-0,29	2,36	0,94	1,29	73	46
Дания	2,66	1,04	-0,53	3,29	1,32	1,57	84	49
Франция	1,63	0,20	-0,18	1,41	1,19	1,45	82	73
Германия	2,90	1,47	-0,43	3,12	1,24	1,72	72	43
Италия	1,66	0,58	-0,04	2,67	0,48	0,92	52	29
Нидерланды	2,16	1,22	-0,25	3,14	0,54	0,89	61	25
Испания	1,81	0,52	-0,31	1,82	1,12	1,28	87	62
Швеция	2,62	0,71	-0,52	3,43	1,46	1,90	77	56
Великобри- тания	1,86	1,15	-0,09	2,13	0,48	0,97	49	26
Зап. Европа*	2,05	0,86	-0,32	2,36		1,29		
Вся Европа	2,15					1,08		

ПРИМЕЧАНИЯ: СПФ вычислена в предположении такой производственной функции, при которой вклад труда составляет 70%, а вклад капитала — 30%.

* Под Западной Европой понимаются страны, по которым имеются данные об объемах капитала или о занятости и продолжительности рабочего времени. Помимо 8 стран, перечисленных в таблице, это — Бельгия, Финляндия, Норвегия и Швейцария (занятость); Бельгия и Швейцария (продолжительность рабочего времени); Финляндия и Норвегия (объемы капитала). Данные по ВВП и ВВП на душу населения приведены для всех 12 стран.

Источник: См. текст.

входят крупнейшие западные экономики (Великобритания, Франция, Германия, Италия) и некоторые средние и мелкие экономики (Испания, Нидерланды, Швеция и Дания). В табл. 2.4 обобщаются результаты для каждой из них и для всех вместе, как если бы они были единым целым. Кроме того, мы приводим европейские значения для каждого из этих показателей с тем, чтобы дать грубую оценку возможных изменений в рамках всей Европы.

Цифры, выделенные жирным шрифтом, дают наиболее надежное обобщающее представление о вероятном росте СПФ в Западной Европе¹². Приведенные в следующей строке данные для Западной Европы, включая Бельгию, Финляндию, Норвегию и Швейцарию, почти идентичны предыдущим, несмотря на отсутствие всей необходимой

13. Темп роста СПФ в большой степени зависит от оценки значимости отдельных факторов. Хотя наиболее общепринятые оценки значимости составляют 70% и 30% для труда и капитала соответственно, в некоторых случаях давались и другие оценки. Если принять значимость этих факторов равной 65% и 35%, темп роста СПФ составит 0,85%; если же оценивать их в 75% и 25%, то темп роста СПФ будет равен 1,03%.

ТАБЛИЦА 2.5.
Рост СПФ в 1870–1913 гг., Европа-8 (в %)

Период	Рост ВВП	Рост занято- сти	Продол- жительность раб. времени	Объем капи- тала	Рост СПФ	Рост ВВП на душу населения	СПФ/ВВП на душу населения
1870–1980	1,77	0,77	–0,32	2,15	0,81	1,08	75
1880–1990	2,00	0,75	–0,40	1,99	1,16	1,33	87
1890–1900	2,17	0,88	–0,27	2,47	1,00	1,38	72
1900–1913	2,17	0,98	–0,31	2,71	0,89	1,32	67

Источник: Тот же, что и для табл. 2.4.

информации по каждой из этих стран. Можно предположить, что при их включении общая картина не изменится, но того же самого нельзя сказать в отношении всей Европы. Последняя строка напоминает нам о том, что общий рост ВВП был для всей Европы на 0,1% выше, а общий рост ВВП на душу населения — на 0,2% ниже. Возможно, что рост СПФ в Европе отличался от приведенных нами оценок, но ненамного.

Результаты получаются очень интересными. Рост СПФ за весь период, составлявший 0,94% в год, был весьма впечатляющим, тем более что на его долю приходилось почти $\frac{3}{4}$ роста ВВП на душу населения. Разброс показателей для разных стран невелик. В 5 странах темп роста СПФ был выше среднего, но во всех них он находится в пределах узкого диапазона — от 1,12 до 1,46%. В этих 5 странах — Дании, Франции, Германии, Испании и Швеции — доля СПФ в росте ВВП на душу населения составляла от 72 до 87%. В трех других странах — Италии, Нидерландах и Великобритании — наблюдались очень близкие темпы роста СПФ (от 0,48 до 0,54%) и более низкая доля СПФ в росте ВВП на душу населения (от 49 до 61%). Но даже эти последние цифры достаточно высоки по современным стандартам. В последнем столбце приводится сопоставление темпов роста СПФ и ВВП. Судя по этим данным, наиболее заметным образом рост ВВП сказывался на СПФ во Франции, а за ней шли Испания и Швеция — во всех трех странах этот показатель был существенно выше среднего.

Если мы захотим найти параллель к этому росту СПФ, которая бы объясняла столь высокую долю СПФ в ро-

сте ВВП или ВВП на душу населения, то нам следовало бы обратиться к золотому веку послевоенной эпохи (см. главу 12 данного тома). Экономика в значительной части Европы росла настолько быстро, насколько можно было бы ожидать, исходя из рациональных соображений. И поэтому можно сказать, что эти страны использовали весь свой потенциал роста, показывая результаты на пределе производственных возможностей. То же происходило и в странах с относительно высокими темпами роста ВВП и ВВП на душу населения (такими, как Германия, Швеция или Дания), и в странах с гораздо более скромными показателями ВВП (такими, как Франция и Испания). Это дает возможность сделать уверенный вывод о высокой гибкости данных экономик, в полной мере позволявшей эксплуатировать существовавшие экономические возможности. Обзор этих возможностей будет дан чуть ниже; пока же выдвинем гипотезу о том, что самому широкому диапазону европейских экономик того времени удавалось полностью задействовать имевшийся потенциал роста, развиваясь почти на пределе производственных возможностей.

Но сначала вкратце рассмотрим эволюцию СПФ с течением времени, показанную в табл. 2.5. Плавное повышение темпов роста ВВП тормозилось аналогичной тенденцией в отношении уровня занятости и объемов капитала. В результате СПФ возрастала в первом и втором десятилетии, в дальнейшем проявив тенденцию к снижению. СПФ играла наиболее заметную роль в росте ВВП и ВВП на душу населения в 1880–1890 гг. и менее заметную — в 1900–1913 гг.

ГЛУБИННЫЕ ПРИЧИНЫ РОСТА

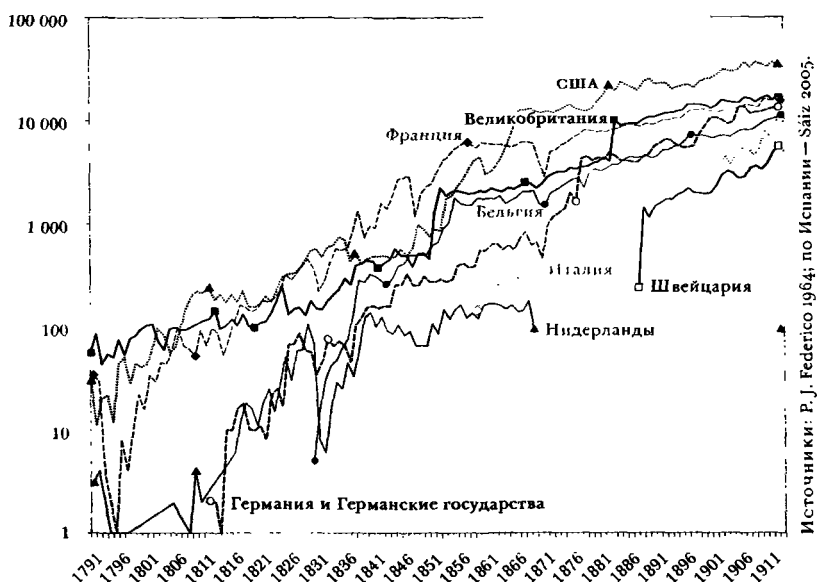
Научно-технический прогресс

Наука и техника представляют собой *deus ex machina* современного экономического роста. Скрытая причина промышленной революции и ее распространения коренилась в технических изменениях (Landes 1969; Voth 2006). За ними, в свою очередь, стояли научные изменения (Мокир 2002). Факторы, вызывавшие научные изменения, выявить затруднительно; Мокир сделал большие усилия в данном направлении. Нам точно известно, что определенную роль сыграла патентная система. Патенты создавали финансовый стимул для изобретателей, особен-

но для тех, которые работали в более-менее прикладной сфере. Патенты позволяют истолковать и источники современного экономического роста, и причины его устойчивости во времени как с точки зрения прав собственности, так и с точки зрения технических изменений. У нас имеется обширная информация о патентах начиная с середины XIX в.; с этого момента в большинстве стран была запатентована значительная часть научных и технических достижений¹⁴. Лишь немногие небольшие страны — самым ярким примером служат Нидерланды — отказались от этой системы, предпочтя ей открытый, непроприетарный (не связанный с правами собственности) подход. Во всех прочих странах патенты играли важную роль — и, возможно, еще большую, но отрицательную роль они сыграли в Нидерландах. К 1913 г. по числу выданных патентов на миллион жителей с явным отрывом лидировали две небольшие европейские страны: Бельгия и Швейцария (держась почти наравне: в них эта цифра составляла около 1455/1458). За ними с заметным отставанием шла Дания с 528 патентами на миллион жителей. Неудивительно, что три эти страны являлись самыми успешными экономикami после Великобритании. В Нидерландах жалкая цифра в 18 патентов на миллион жителей в 1913 г. не сказалась на величине ВВП на душу населения, однако отсутствие патентов в этой стране прекрасно соответствовало ее неспособности сохранить прежнее экономическое лидерство и укреплять его. Ситуация с патентами в Нидерландах отражает ничтожные экономические успехи Нидерландов в XIX в. Крайняя позиция Голландии усугублялась запоздалым возвращением страны к системе защиты прав на интеллектуальную собственность, сходной с патентной; голландцы отказались от защиты этих прав в 1869 г. и вернулись к нормальной практике лишь к 1912 г. По относительному числу выданных патентов прочие страны Европы в 1913 г. располагались (в порядке убывания) следующим образом: Норвегия (488), Франция (401), Великобритания (364), Швеция (341), Италия (298), Австро-Венгрия (214), Германия (202), Финляндия (143), Испания (88), Португалия (70) и Россия (15)¹⁵. Обращает на себя внимание относительно низкая позиция Германии, однако следует иметь в виду, что законы о патентах не были одинаковыми по всей Европе. Германская патентная система была очень требовательной в финансовом плане, и потому там выдавалось меньше патентов на душу населения.

14. См. обсуждение исключений в: Moser 2005.

15. Все данные о патентах из Federico 1964. Данные о населении из Mitchell 2003.

Источники: P. J. Federico 1964; по Испании — Sáiz 2005.

РИС. 2.11.
Общее число патентов, выданных
в Европе (отдельные страны) и в США
в 1791–1913 гг.

Эволюция патентной системы с течением времени по меньшей мере столь же интересна, как и ее сравнение по разным странам (рис. 2.11). Судя по имеющимся данным, лидерами по выдаче патентов в конце XVIII в. были Великобритания (что неудивительно), США и Франция. Четвертое место, сильно отставая от этой тройцы, занимали Нидерланды. Такая ситуация сохранялась в течение трех десятилетий. Некоторые германские государства начали вводить у себя патентную систему во времена Наполеоновских войн, Испания ввела ее в 1820 г., Австрия — в 1821 г., а Бельгия — в 1830 г., после получения независимости. Их примеру последовали многие другие страны: Финляндия в 1833 г., Португалия в 1838 г., Норвегия, Россия и Швеция в 1842 г. В момент самого расцвета патентной системы, в 1869 г., от нее отказались Нидерланды. Швейцария, которая очень долго не могла ни на что решиться, присоединилась к этой системе с большим опозданием — лишь в середине 1880-х гг., но быстро стала одним из ведущих игроков в данной области¹⁶.

16. Информация по Испании взята из Sáiz 2005, по остальным странам — из Federico 1964.

ТАБЛИЦА 2.6.
Число патентов на душу населения
(средняя величина по десятилетиям на 1 млн жителей)

Страна	1791–1800	1826–1835	1866–1875	1904–1913
Австро-Венгрия ^a		4,0	43,8	171,7
Бельгия		4,8	386,5	1194,3
Дания		0,0	59,8	397,7
Финляндия		0,1	3,9	116,3
Франция	0,5	12,0	141,3	363,8
Германские гос-ва/Германия		2,2	20,9	186,5
Италия			17,5	185,8
Нидерланды	0,5	15,7	15,2	1,9
Норвегия		0,0	24,5	486,2
Португалия				76,6
Россия		0,0	0,9	9,2
Испания		1,0	5,8	112,2
Швеция		0,0	35,0	348,5
Швейцария			0,0	971,7
Великобритания	4,4	7,0	82,8	351,9
США	5,6	39,0	300,0	344,1

ПРИМЕЧАНИЯ И ИСТОЧНИКИ: В качестве численности населения даны оценки на середину года в 1801, 1830, 1870 и 1910 гг. Все данные взяты из: Mitchell 2003, кроме данных по США, взятых из: Carter et al. 2006; данных по Нидерландам за 1800 и 1830 гг. из: Maddison 2007; данных по Испании за 1830 г. из: Nicolau 2005.

^a Только Австрия в 1865–1875 и 1904–1913 гг.

Приведенные в табл. 2.6 цифры числа патентов на душу населения дают поразительную картину. Лидером с конца XVIII в. примерно до 1830 г. были США, но их обогнала Бельгия, которая вышла на первое место около 1870 г. и удерживала его приблизительно до 1910 г. Швейцария, поздно учредившая у себя патентное право, к 1910 г. почти догнала Бельгию. Нидерланды, входившие в число первоначальных игроков, к 1830 г. захватили лидерство в Европе, но впоследствии исчезают из нашей картины. Франция по выдаче патентов стабильно занимала в Европе одно из первых мест (но не первое), в этом отношении практически не отличаясь от Великобритании, если не счи-

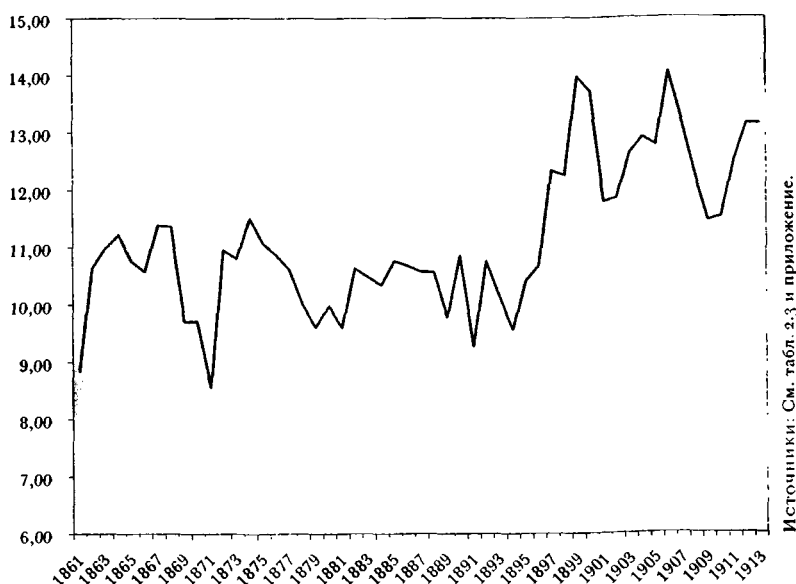

РИС. 2.12.
Уровень инвестиций в Европе в 1861–1913 гг.
(в % от ВВП)

17. Замедленные темпы экономического роста в Нидерландах в течение большей части XIX в. рассматриваются в: Van Zanden and van Riel 2004.

18. Khan 2005.

тать очень сильного старта последней. Из малых стран отличные результаты показывали также Дания и Норвегия, а из числа крупных стран выделялась своими ничтожными успехами Россия. Все это позволяет сделать вывод о том, что неспособность Нидерландов развиваться без отставания от Великобритании и Бельгии могла быть связана с такими институциональными проблемами, как отсутствие патентной системы¹⁷. Опережающее развитие США также может быть отчасти объяснено их ранним лидерством в патентной сфере¹⁸.

ГЛУБИННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИЙ

Технические изменения обычно материализуются посредством инвестиций. На рис. 2.12 демонстрируются абсолютные объемы инвестиций, осуществленных на европейском уровне (на основе данных по тем же 10 странам, которые фигурируют в табл. 2.3). Рисунок обобщает европейскую

историю инвестиций. За первые три десятилетия уровень инвестиций был относительно стабильным, однако явно просматриваются два крупных цикла — один в 1860-х и второй в 1870-х гг. Оба были связаны с двумя волнами железнодорожного строительства, охватившего всю Европу.

В конце 1890-х гг. наблюдается скачок от 10 к 14%, после которого инвестиции так и не возвратились к прежнему уровню. Этот скачок, произошедший в конце XIX в., был более-менее всеобщим, как и два последующих цикла с пиковыми 1906 и 1913 гг. За ними стояла вторая промышленная революция: электрификация, новые общественные услуги в растущих городских центрах, химия, развитие сталелитейной и машиностроительной промышленности и прочие аналогичные явления.

Странами, лидировавшими по абсолютным объемам накопления капитала, были Германия, Великобритания и Франция. Интересно, что первое место среди них почти всегда занимала Германия. Однако в смысле доли от ВВП (т.е. уровня инвестиций) далеко вперед вырвались Скандинавские страны, особенно Норвегия и Дания. Также высокий уровень инвестиций в начале этого периода наблюдался в Германии, а в его конце — в Италии. Явным аутсайдером по инвестициям была Испания. Все это вполне согласуется со всеми нашими знаниями об экономике данного периода.

Расширение рынков

Любой анализ источников роста СПФ должен учитывать расширение рынков — наиболее правдоподобное объяснение экономического роста по крайней мере со времен Адама Смита. Частично известные нам цифры представлены на рис. 2.13. Одним из аспектов расширения рынков является мера открытости (экспорт + импорт как доля от ВВП). Согласно данным по всей Западной Европе (Carreras and Tafunell 2008), открытость подскочила с 27,6% в 1870 г. до 40,9% в 1913 г., что дает увеличение почти в 50%. Но и к 1870 г. открытость значительно повысилась по сравнению с еще более низкой отправной точкой — 16,9% в 1850 г. Развитие во второй половине XIX в. не было линейным (см. главу 1 данного тома). Периоды скромного возрастания открытости в 1870-х — начале 1880-х гг. сменились периодами ее снижения в 1883–1894 гг. и длительной

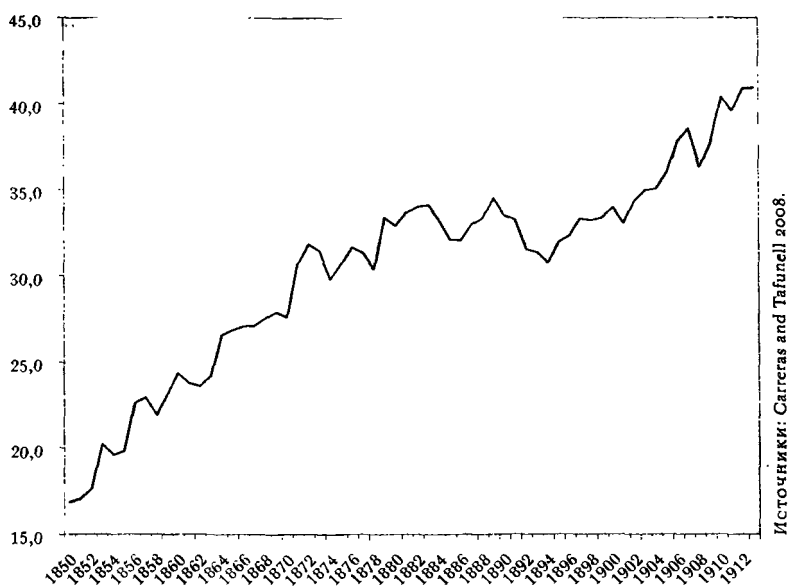

РИС. 2.13.
Открытость в Западной Европе (экспорт + импорт
как доля ВВП в%) в 1850–1913 гг.

эпохой экспансии с 1894 по 1913 г. Совместное возрастание производства и расширение внешней торговли способствовало возникновению и развитию множества рынков, что отразилось в возрастании эффективности на неизвестную ранее величину.

О том же явлении свидетельствует и внутренняя торговля. Развитие сети железных дорог привело к очень значительному возрастанию объемов торговли. Этот эффект вполне проявился в большинстве развитых стран к середине XIX в., а позже распространился и на периферийные страны. Объемы грузовых железнодорожных перевозок в весовом выражении ежегодно увеличивались на 2,3%, согласно имеющимся оценкам по группе из 11 стран, исключая Германию и Россию. Если же измерять их в тонно-километрах, то железнодорожные перевозки в группе стран, включающей Австро-Венгрию, Финляндию, Францию, Германию, Норвегию и Испанию, ежегодно возрастали на 4,8%. Пассажирские перевозки (в миллионах человек) в группе из 13 стран, включающей все крупные страны, кроме Германии, демонстрировали ежегодный прирост

в 4,0%. Число почтовых отправлений увеличивалось на 5,1% в год в 13 европейских странах (не включающих в себя Россию и некоторые периферийные страны). Число телеграмм в 17 европейских странах (вся Европа за исключением некоторых балканских государств) ежегодно возрастало на 5,6%. Все эти цифры могут служить показателями роста рынков. Все они в тот или иной момент превосходили рост ВВП, свидетельствуя о значении расширения рынков¹⁹.

¹⁹ Все данные в этом абзаце взяты из Mitchell 2003.

Институциональное развитие

Теперь перейдем к рассмотрению одной из типичных глубинных причин роста. Нет никаких сомнений в том, что институты имеют значение. Но насколько оно велико? И в чем оно проявляется? Дать ответ на эти вопросы значительно труднее. Европейская история конца XIX в. проливает некоторый свет на роль политических институтов. База данных «Polity IV» позволяет дать количественную оценку политического развития в автократическо-демократическом континууме. Его авторы оценивают и демократические, и автократические черты по десятибалльной системе, называя «политическим индексом» различие между «демократией и автократией». По определению, максимальное значение этого индекса может составлять +10 (демократия без элементов автократии), а минимальное значение будет равно –10 (автократия без демократических элементов). Разумеется, политический индекс учитывает разделение властей, уровень развития представительных институтов, относительную численность избирателей, но никак не отражает в себе соблюдение прав собственности и наличие или отсутствие правления закона. Тем не менее мы можем предположить, что в стране с подлинно демократическим разделением властей должно наблюдаться и правление закона.

Странами, проявившими себя как наиболее демократические, к 1870 г. были: Швейцария (политический индекс = 10), Греция (9), Бельгия (6) и Великобритания (3). Индекс у остальных 21 стран был отрицательным. Самыми автократическими являлись Россия и Турция (–10). К 1913 г. политический индекс был положительным у 12 стран и отрицательным у 8. Максимального значения он достигал у Швейцарии, Греции и Норвегии (10). Далее шли Великобритания, Франция и Дания (8), Бельгия и Португалия (7),

Испания (6), Швеция (5), Сербия (4) и Германия (2). Наименьшим был политический индекс у Болгарии (-9).

Но если нас не удивляет высокая оценка, полученная в 1870 г. Швейцарией, Бельгией и Великобританией, то что можно сказать о Греции? Из наших данных следует, что дела в Греции шли совсем не блестяще. Она находилась в числе бедных стран и имела невысокие темпы развития. То же самое можно сказать о двух пиренейских странах — Испании и Португалии, чей политический индекс к 1913 г. резко возрос по сравнению с 1870 г. (сильнее, чем в Португалии, этот показатель увеличился только в Норвегии). В качестве альтернативного подхода можно вычислить средний политический индекс за весь рассматриваемый период. Это непростая задача, так как авторы индекса не стали учитывать годы политических потрясений. Из имеющихся данных следует, что демократическим режимам, как правило, свойственна тенденция к экономическому росту, но в еще большей степени им свойственна стабильность. Рост и стабильность могут дополнять друг друга в передовых экономиках, но в отсталых экономиках они противоречат друг другу.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: РОСТ НА ПРЕДЕЛЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Мы знаем достаточно много о европейской экономике в 1870–1913 гг. для того, чтобы уверенно представлять себе величину совокупных темпов роста, несмотря на то что данные по ряду балканских экономик оставляют желать лучшего. Глобализованная европейская экономика переживала свой серебряный век. Рост ВВП был весьма стремительным (2,15% в год), охватив всю Европу. Даже с учетом высоких темпов роста населения (1,06%) темп роста ВВП на душу населения составлял солидные 1,08%. Величина дохода на душу населения возрастала повсеместно, не слишком различаясь темпами роста от страны к стране. Это было крупное достижение после двух поколений экономического роста, сильно локализованного как географически, так и социально. Собственно, для первых двух третей столетия были характерны сугубо местные вспышки роста, выгоды от которых не распространялись на все

слои общества. Напротив, начиная с 1870 г. или даже ранее, вся Европа, за немногими исключениями, пользовалась преимуществами индустриальной эпохи, включавшими новые товары, более дешевое продовольствие, резкое улучшение транспорта и связи и облегчение доступа к рынкам. Экономический рост опирался на возросшее использование труда и капитала, но в значительной степени он обеспечивался возросшей совокупной производительностью факторов — приростом эффективности, за которым стояли не вполне выявленные глубинные причины роста. Доля возрастания дохода на душу населения, связанная с этими источниками, свидетельствует о том, что европейская экономика использовала все возможности роста, развиваясь на пределе производственных возможностей. Показать более высокие результаты ей было бы крайне затруднительно. Следует отметить, что США достигли еще больших успехов, но это было действительно исключительное достижение. В рамках Европы конвергенция носила ограниченный характер, проявившись главным образом лишь после 1900 г. Скорее можно говорить о конце эпохи больших различий, нежели об эпохе большой конвергенции. И это явно не устраивало многие круги (правительства, элиты, политические и общественные движения), которым не терпелось в полной мере пожинать обильные прибыли нового капиталистического мира. Дорога к августу 1914 г. была вымощена множеством амбиций. Европейская экономика в 1870–1913 гг. развивалась достаточно быстро для того, чтобы внушить всем экономическим агентам мысль о том, что они смогут получить все, о чем мечтали, если у них хватит воли предъявить на это свои права. Венценосные особы, популистские вожди, производители оружия, а также профсоюзы и второстепенные политические партии наперегонки играли в учеников чародея. Полезно напомнить, что один только Ленин в полной мере воспользовался представившимися возможностями, — и мы знаем, чем это кончилось. Все прочие оказались в проигрыше.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ИСТОЧНИКИ

Данные о ВВП, населении и ВВП на душу населения для всей Западной Европы и для каждой западноевропейской страны приводятся по Carreras and Tafunell 2004a, с исправлениями и дополнениями по Carreras and Tafunell

(2008). Там же можно найти более подробную информацию об источниках и методах, применявшихся при общении данных. Статистика по Австро-Венгрии взята из Schulze 2000. Данные по России после 1885 г. приводятся по Gregory 1982, до 1885 г. — по Goldsmith 1961. Ограниченные данные по балканским странам и Османской империи, представленные Maddison (2007), анализируются Avramov and Pamuk (2006). Pamuk (2006) приводит ряд новых данных по некоторым эталонным показателям. Мы исправили наши оценки в соответствии с временными рамками набора эталонных показателей, определенных Broadberry and Klein (2008). Все данные по ВВП даны в международных долларах США по ценам 1990 г. Такой подход широко применяется в сравнительных целях, хотя большинство исследователей признают присущие ему ограничения (см. альтернативный метод в Prados de la Escosura 2000). Индекс потребительских цен, открытость и уровень инвестиций для Западной Европы приводятся по Carreras and Tafunell 2008.

ГЛАВА 3

Развитие по секторам экономики в 1870–1914 гг.

СТИВЕН БРОДБЕРРИ
ДЖОВАННИ ФЕДЕРИКО
АЛЕКСАНДР КЛЯЙН

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ·	93
Структура экономики ·	94
Сельское хозяйство ·	97
Непосредственные причины роста: вклад факторов производства и СПФ ·	100
Скрытые причины роста: технический прогресс или интеграция рынков? ·	103
Промышленность ·	105
Услуги ·	116
Заключение ·	124

ВВЕДЕНИЕ

ВАЛОВОЙ внутренний продукт (ВВП) складывается из самых разных видов экономической активности, структура которых изменялась с течением времени по мере развития европейской экономики. Экономисты издавна проводят классификацию этих видов активности на основе различия между сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг, хотя окончательного согласия о том, какие занятия относятся к каждому из этих секторов, не существует (Clark 1951). В данной главе мы будем следовать современным европейским условностям, согласно которым лесное хозяйство и рыболовство относятся к «сельскому хозяйству», а добыча полезных ископаемых, строительство, производство электроэнергии и газо- и водоснабжение — к «промышленности». Таким образом, все прочие виды деятельности, включая транспорт и связь, распределение, финансы, личные и профессиональные услуги и государственное управление, составляют сферу услуг. Мы рассмотрим развитие этих трех основных секторов, а также проанализируем последствия крупных структурных сдвигов, связанных со снижением доли рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, и ее возрастанием в промышленности и сфере услуг в 1870–1914 гг.

Для того чтобы в стране существовал высокий уровень жизни, необходима высокая производительность во всех секторах ее экономики. Однако очевидно также, что имеет значение и структура экономики, поскольку добавленная стоимость, приходящаяся на одного работника, в одних секторах выше, чем в других. Поскольку наименьшая относительная добавленная стоимость всегда наблюдалась в сельском хозяйстве, то доля рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, очень хорошо предсказывает величину дохода на душу населения. В целом европейские

страны, сохранявшие сельскохозяйственную направленность, оставались бедными, а те, в которых рабочая сила перемещалась в сферу промышленности и услуг, богатели (Broadberry 2008).

СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ

В табл. 3.1 приводятся данные о распределении рабочей силы по трем секторам — промышленности, сельскому хозяйству и сфере услуг. В тех 14 странах, по которым имеются данные за оба года, доля занятых в сельском хозяйстве сократилась с 51,7% в 1870 г. до 41,4% в 1913. Наименьшая доля занятых в сельском хозяйстве в 1913 г. наблюдалась в Северо-Западной Европе, а наибольшая доля — в Центральной и Восточной Европе. Однако внутри каждого региона существовали значительные вариации, и в целом эта цифра колеблется от 11,8% в Великобритании до 82,2% в Сербии.

Со снижением доли занятых в сельском хозяйстве возрастала доля занятых в промышленности и сфере услуг, и эта тенденция также видна из табл. 3.1. Для данной выборки из 14 стран доля занятых в промышленности выросла от 26,9 до 32,3%, а доля занятых в сфере услуг увеличилась от 21,4 до 26,3%. Изучая различия между регионами в 1913 г., мы увидим, что доля занятых в промышленности была максимальной в Северо-Западной Европе и минимальной в Центральной и Восточной Европе. Доля рабочей силы, занятой в сфере услуг, в 1913 г. также была наибольшей в Северо-Западной Европе и наименьшей в Центральной и Восточной Европе, но опять же имелись существенные различия по странам, входящим в каждый из регионов.

Рис. 3.1 демонстрирует сильную отрицательную взаимосвязь между уровнем дохода на душу населения и долей занятых в сельском хозяйстве в 1913 г. К тому времени уже стало ясно, что борьба с бедностью требует перемещения рабочей силы из сельскохозяйственного сектора, и потому европейские правительства, стремившиеся модернизировать свои страны, объявляли своей политической целью индустриализацию. Однако взаимосвязь между ВВП на душу населения и долей занятых в промышленности была в реальности далеко не очевидной, как можно судить по данным табл. 3.2. Эта таблица в формальном виде пока-

ТАБЛИЦА 3.1.

Распределение рабочей силы по основным секторам экономики в 1870–1913 гг.

	С/хозяйство		Промышленность		Услуги	
	Ок. 1870	Ок. 1913	Ок. 1870	Ок. 1913	Ок. 1870	Ок. 1913
Сев.-Зап. Европа	31,7	20,9	35,0	39,5	33,3	39,6
Бельгия	44,4	23,2	37,8	45,5	17,8	31,3
Дания	47,8	41,7	21,9	24,1	30,3	34,2
Финляндия	75,5	69,3	10,1	10,6	14,4	20,1
Нидерланды	39,4	28,3	22,4	32,8	38,2	38,9
Норвегия	49,6	39,6	22,9	25,9	27,5	34,5
Швеция	67,4	45,0	17,4	31,8	15,2	23,2
Великобритания	22,2	11,8	42,4	44,1	35,4	44,1
Южная Европа	58,6	49,3	23,2	26,8	18,2	23,9
Франция	49,8	41,0	28,0	33,1	22,2	25,9
Греция		49,6		16,2		34,2
Италия	61,0	55,4	23,3	26,6	15,7	18,0
Португалия	65,0	57,4	24,9	21,9	10,1	20,7
Испания	66,3	56,3	18,2	13,8	15,5	29,9
Центр. и Вост. Европа	56,6	54,9	25,8	24,4	17,6	20,7
Австро-Венгрия	67,0	59,5	15,5	21,8	17,5	18,7
Болгария		81,9		8,1		10,0
Германия	49,5	34,5	29,1	37,9	21,4	27,6
Румыния		79,6		8,0		12,4
Россия		58,6		16,1		25,3
Сербия		82,2		11,1		6,7
Швейцария	42,3	26,8	41,8	45,7	15,9	27,5
Европа в целом	51,7	47,1	26,9	27,8	21,4	25,1
Европа в целом (14 стран)	51,7	41,4	26,9	32,3	21,4	26,3

ПРИМЕЧАНИЯ: Цифры по регионам являются средними величинами с учетом «веса» каждой страны. Цифры для всей Европы вычислены для 14 стран, по которым имеются данные за оба года, а также для выборок иного размера.

Источники: На основе Mitchell 2003, за исключением данных по Швеции из: Krantz and Schön 2007; данных по Великобритании из: Feinstein 1972, данных по Германии из: Hoffmann 1965.

зывает взаимоотношение между ВВП на душу населения и распределением рабочей силы по секторам, используя регрессионный анализ и обобщая сравнительные данные по секторам за ряд лет между 1870 и 1992 г. Первый столбец подтверждает статистически значимую отрицательную взаимосвязь между уровнем жизни и долей рабочей

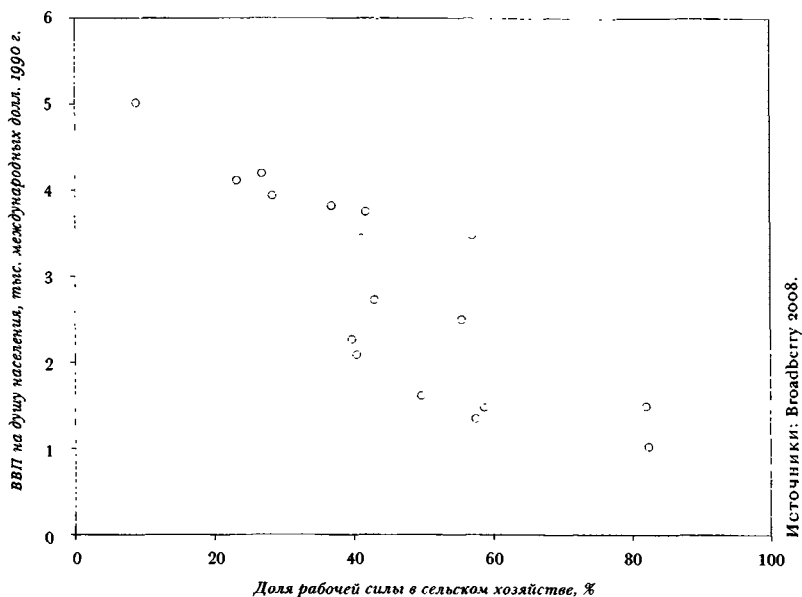

РИС. 3.1.

Взаимосвязь между ВВП на душу населения и распределением рабочей силы по секторам в 1913 г.

силы, занятой в сельском хозяйстве, а также показывает существование значительной положительной взаимосвязи между ВВП на душу населения и долей занятых в промышленности. Тем не менее отметим, что коэффициент детерминации (показателем которого служит R^2) для промышленности гораздо ниже, чем для сельского хозяйства. Кроме того, заметно, что коэффициент снова возрастает в случае регрессии между ВВП на душу населения и долей рабочей силы, занятой в сфере услуг.

Эти структурные изменения происходили в результате действия двух главных сил. Во-первых, в каждой стране с ростом дохода пропорционально сокращался относительный спрос на сельскохозяйственные товары, для которых характерна относительно низкая эластичность спроса по доходу, и возрастал спрос на промышленные товары и услуги с их более высокой эластичностью спроса по доходу. Во-вторых, снижение транспортных издержек позволяло специализироваться в соответствии с имеющимися сравнительными преимуществами.

ТАБЛИЦА 3.2.

Регрессионный анализ связи между ВВП на душу населения и распределением рабочей силы по секторам в 1870–1992 гг.

	С/хозяйство	Промышленность	Услуги
Постоянная	9,47 (166,62)	7,10 (48,10)	6,72 (88,32)
Доля занятых в данном секторе	-0,032 (-23,69)	0,041 (8,82)	0,047 (22,80)
R^2	0,795	0,349	0,782

ПРИМЕЧАНИЕ: Зависимая переменная представляет собой логарифм ВВП на душу населения в долларах Гири–Хамиса 1990 г. Цифры в скобках относятся к *t*-статистике. Приведены данные по 22 странам за 1870, 1913, 1929, 1938, 1950, 1973 и 1992 гг. (всего 147 наблюдений).

Источник: Broadberry 2008.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Возможности и проблемы

Рост населения и доходов привел к возрастанию спроса на сельскохозяйственную продукцию. Увеличилось общее потребление калорий на душу населения (особенно в бедных странах), а в структуре спроса произошел сдвиг от зерна к продуктам, более эластичным по доходу: таким, как продукция животноводства в Южной Европе и фрукты и овощи в Северной Европе (Federico 2003a; Corpora and Vecchi 2006). Снижение транспортных издержек способствовало торговле сельскохозяйственной продукцией, оказав значительное влияние на относительные цены. Хотя реальные цены на сельскохозяйственную продукцию в целом оставались постоянными, в большинстве стран улучшились межсекторальные условия торговли (цены на сельскохозяйственную продукцию по отношению к ценам на промышленные товары) (Williamson 2002a). Цены на растительные товары (главным образом зерно) снизились по отношению к ценам на продукцию животноводства во всех европейских странах. На рис. 3.2 и 3.3 показано, как эти тенденции отразились на межсекторных условиях торговли и на отношении между ценами на зерно и ценами на продукцию животноводства во Франции, Великобритании и США.

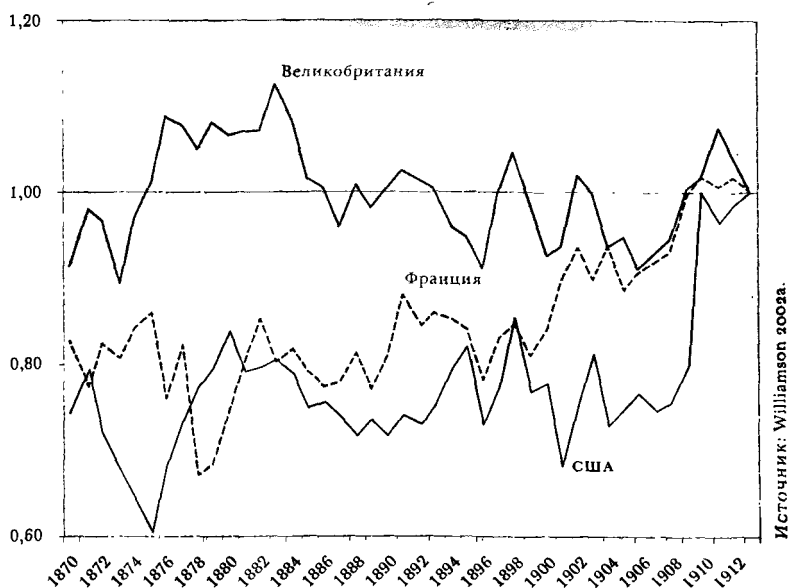

РИС. 3.2.

Межсекторальные условия торговли в сельском хозяйстве и промышленности в 1870–1913 гг. (1913 г. = 1,00)

Состояние сельского хозяйства

Широко распространенное представление о низком уровне развития европейского сельского хозяйства в 1870–1913 гг. нуждается в пересмотре. Данные, приведенные в табл. 3.3, свидетельствуют, что темпы роста валовой продукции были весьма высокими как для материка в целом, так и для его основных регионов. Хотя в среднесрочном плане тенденции роста производства были достаточно стабильными, тем не менее его объемы сильно колебались от года к году, находясь в зависимости от погодных условий (Solomou and Wu 1999). В частности, имеются статистические свидетельства замедления роста в 1873–1896 гг. Однако оно было не настолько серьезным, чтобы заслужить название «Великой депрессии» (Saul 1969).

Рейтинг стран по темпам роста в сельском хозяйстве (см. табл. 3.3) также противоречит традиционной точке зрения. Фактически лидером по темпам роста, далеко опережавшим все прочие страны, была Россия, где объемы

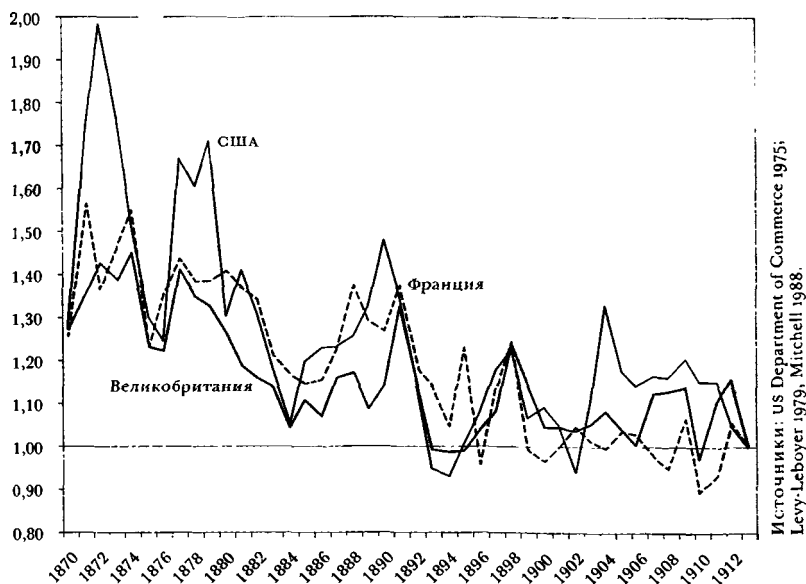

РИС. 3.3.
Относительные цены на продукцию растительного
и животного происхождения в 1870–1913 гг. (1913 г. = 1,00)

производства за 43 года возросли в 2,5 раза, а третье по величине возрастание объемов произошло в Австро-Венгрии. Очевидно, к этим цифрам следует относиться с осторожностью, но нет сомнений в том, что Россия добилась больших успехов, что подтверждается серьезным приростом ее сельскохозяйственного экспорта (Stern 1960). В большинстве стран рост сельскохозяйственного производства происходил с темпом от 1,0 до 1,5% в год, который равнялся темпам роста населения или превосходил их. Сельскохозяйственное производство на душу населения снижалось лишь в трех странах (Португалия, Нидерланды и Великобритания). С 1870 по 1913 г. торговля первичной сельскохозяйственной продукцией, которая направлялась почти исключительно в Западную Европу, возросла в 3,5 раза. Этот прирост позволил накормить британцев и способствовал улучшению питания других европейцев.

ТАБЛИЦА 3.3.
Сельскохозяйственное производство
в странах Европы в 1913 г.

	Добавленная стоимость, млн ф. ст.	ВП, млн ф. ст.	Отношение добавл. стоимости к ВП	Доля про- дукции животно- водства	Ежегодный рост ВП, 1870–1913, %
Австро-Венгрия	383	414	0,925	0,262	1,88
Бельгия	34	54	0,630	0,665	0,76
Дания	36	67	0,540	0,940	1,62
Финляндия	15	18	0,833	0,746	1,56
Франция	516	587	0,879	0,426	0,62
Германия	526	575	0,915	0,698	1,56
Греция	18	20	0,900	0,363	2,12
Италия	326	352	0,926	0,307	1,14
Нидерланды	30	56	0,536	0,591	0,65
Португалия	26	28	0,929	0,236	0,54
Россия	729	767	0,950	0,344	2,24
Испания	137	145	0,945	0,344	0,46
Швеция	37	44	0,841	0,661	0,96
Швейцария	31	35	0,886	0,795	0,79
Великобритания	135	201	0,672	0,747	0,00
Сев.-Зап. Европа	287	440	0,653	0,748	0,88
Центр. и Вост. Европа	1132	1132	0,904	0,429	1,91
Южная Европа	1791	1791	0,932	0,372	0,78
Европа	2979	3363	0,886	0,452	1,36
«Мир»	5640	6387	0,883	0,437	1,56

Примечания: ВП — валовое производство. Страны даны в границах 1913 г.
Источник: Federico 2004.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ РОСТА: ВКЛАД ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА И СПФ

Из табл. 3.4 видно, что рост факторов производства вносил очень небольшой вклад в увеличение сельскохозяйственного производства. Измерение общей величины ис-

ТАБЛИЦА 3.4.

Вклад факторов производства и производительность труда
в сельском хозяйстве

	Земля, млн га			Работа, млн трудящихся			Производитель- ность труда, %*		
	Ок. 1850	Ок. 1880	Ок. 1910	Ок. 1850	Ок. 1880	Ок. 1910	Ок. 1880	Ок. 1910	Общий рост
Австро-Венгрия	20,2	25,6	26,7	13,8	14,9	15,5	16,8	28,9	1,725
Бельгия		1,6	1,5	1,0	1,1	0,8	27,6	46,1	1,667
Болгария		1,8	2,5			0,9			
Дания	2,0	2,4	2,9		0,95	0,5	23,7	79,0	3,341
Финляндия				0,4	0,45	0,6	20,7	26,6	1,288
Франция	34,3	32,7	29,6	9,1	8,6	7,7	48,6	74,0	1,523
Германия	24,4	26,2	26,2	8,3	9,6	10,5	34,8	52,4	1,506
Греция	0,85	0,9	0,9						
Италия	13,5	15,4	14,8		9,4	10,5	25,4	32,5	1,281
Нидерланды	1,9	2,0	2,1	0,49	0,62	0,68	40,9	50,3	1,228
Норвегия					0,22	0,37			
Португалия	1,9		3,2		1,1	1,1	22,7	29,1	1,283
Румыния	2,5		5,0			1,6			
Россия	82,5	103,8	113,4	17,6*	25,7*	37,0*			1,571*
Европ. Россия			85,9						
Испания	16,0	15,8	19,1	4,5	4,9	4,4	25,6	33,7	1,314
Швеция		3,4	3,4	0,7	1,1	1,0	26,0	39,4	1,518
Великобритания	8,0	8,0	6,7	2,0	1,6	1,5	87,9	100,0	1,137
Индия							9,3	10,5	1,136
США							82,8	108,5	1,310

* Великобритания в 1913 г. = 100.

** Только мужчины.

Источники: Земля (площадь и только трехполье), Federico 2005, Table 4.1. Для Европейской России данные взяты из: Анфимов и Корелин 1995, с. 61; Рабочая сила (мужчины и женщины): Federico 2005, Table 4.16; производительность труда вычислена как отношение ВВП (в среднем по 1878–1881 и 1911–1913 гг.) к численности рабочей силы.

пользуемых земель несколько затруднительно, поскольку неизвестна точная площадь используемых пастбищ, однако площадь земель, занятых посевами, на западе оставалась постоянной или снижалась, а на востоке увеличилась лишь на несколько процентных пунктов. Опять же, непросто измерить и вклад сельскохозяйственной рабо-

чей силы, поскольку ей на помощь в разгар сезонных работ нередко приходили трудящиеся, занятые в других сферах экономики; кроме того, качество работы зависело от возраста, пола и квалификации работников, а продолжительность рабочего времени и интенсивность работы различались от страны к стране. Тем не менее данные о численности рабочей силы показывают ту же тенденцию, что и для земли: число сельскохозяйственных рабочих оставалось постоянным или снижалось на западе, возрастая лишь на востоке. Отметим, что эта общая стабильная численность сельскохозяйственных рабочих не противоречит снижению доли рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, вследствие возрастания численности населения и рабочей силы.

Из всех факторов производства труднее всего точно измерить величину капитала, однако имеющиеся данные о зданиях, мелиоративных мероприятиях и машинах не позволяют сделать вывод о быстром возрастании его объемов, за исключением России (Federico 2005, Table 4.7). Объем капитала снижался в Великобритании и ежегодно возрастал примерно на 1% в остальных странах Западной Европы. Об эффекте распространения современных технологий можно судить по росту объема покупок вне сельскохозяйственного сектора. Простым показателем объема этих покупок служит отношение между добавленной стоимостью (в которую они не входят) и валовой выработкой (в которую они входят). Как явствует из табл. 3.3, это отношение в 1913 г. сильно различалось от страны к стране, что хорошо согласуется с традиционными представлениями об уровне технического развития в каждой из этих стран.

Сочетание существенного роста производства и относительно низкого возрастания вложений факторов производства позволяет сделать вывод о серьезном росте совокупной производительности факторов (СПФ). Согласно Federico (2005, Table 5.5), средний ежегодный темп роста СПФ по 10 европейским странам составлял 0,7%, что соответствует общему возрастанию в 30–40% за период с 1870 по 1913 г. В целом это согласуется с выводами Van Zanden (1991) и говорит о весьма успешном развитии европейских стран по сравнению со странами, заселенными выходцами из Европы: так, в США ежегодный темп роста СПФ в сельском хозяйстве за тот же период составлял 0,2–0,5%.

СКРЫТЫЕ ПРИЧИНЫ РОСТА: ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ РЫНКОВ?

Большинство авторов приписывают рост СПФ техническому прогрессу; и действительно, в XIX в. в европейском сельском хозяйстве был внедрен ряд важных технологических инноваций. По всей Западной Европе, за характерным исключением Испании, практически прекратилась распашка под пар, хотя она по-прежнему играла важную роль на востоке (Antsiferov 1930, p. 16; Bringas Gutiérrez 2000, Table I.3). Совершенствовались орудия: железный плуг пришел на смену деревянной сохе в отсталых странах, а в более передовых регионах стали применяться усовершенствованные плуги, более производительные и требующие меньше тягловой силы. Механизация происходила более медленно: паровая молотилка была единственной «современной» машиной, широко использовавшейся в начале XX в. (Federico 2003b). Тем не менее по сравнению с 1860-ми гг. произошел крупный прорыв, поскольку химическая промышленность приступила к выпуску новой продукции (такой, как сульфат аммония и цианамид кальция), доступной по все более и более низким ценам, что привело к резкому возрастанию количества удобрений, вносимых на единицу площади пашни (van Zanden 1994, Table 4.7; Federico 2005, Table 6.3).

Но прежде чем просто предположить, что весь рост СПФ объяснялся техническим прогрессом, важно рассмотреть возможную роль более эффективного распределения ресурсов, ставшую результатом дальнейшего развития рынков, включая коммерциализацию и интеграцию рынков (конвергенцию цен). Интеграции рынков (по крайней мере, рынков пшеницы) посвящена обширная литература (Jacks 2005; Federico and Persson 2007); известное внимание уделяется также коммерциализации (Federico 1986). Однако влияние этих процессов на сельское хозяйство практически никем не исследовалось. Единственное исключение — работа Grantham 1989, посвященная главным образом дожелезнодорожной эпохе во Франции. В какой степени интеграция вызывала изменение относительных цен и в какой степени производство подстраивалось под местную специализацию? Вообще говоря, имеются факты, свидетельствующие о развитии спе-

циализированного производства в городах и в некоторых регионах с особенно благоприятными условиями — например, на виноградниках Южной Италии и Испании. Кроме того, мы видим скромное увеличение (с 41 до 46%) доли животноводства в общих объемах продукции, соответствующее возрастанию относительной стоимости животноводческой продукции (Federico 2004). Но чтобы дать всеобъемлющую оценку реального влияния коммерциализации и глобализации и их значения по отношению к значению технического прогресса, необходимы намного более подробные данные.

Роль институтов

По большому счету фермеры были предоставлены сами себе. Технический прогресс получал очень ограниченную поддержку; и хотя велись обширные разговоры о земельной реформе, они почти нигде не приводили к практическим результатам, за исключением Ирландии. Даже интервенции на товарных рынках отличались достаточно скромным характером. Это заявление может показаться удивительным и противоречащим традиционной точке зрения о протекционистской реакции на вторжение американского зерна (O'Rourke 1997). Тем не менее важно помнить, что: 1) главным захватчиком на большинстве европейских рынков (по крайней мере, рынков пшеницы) была Россия, а не США; 2) тарифные барьеры на пшеницу, причем не особенно высокие, были установлены лишь в немногих материковых странах; 3) на долю пшеницы приходилось лишь 15–20% общего производства, в то время как остальное сельскохозяйственное производство было гораздо меньше затронуто глобальной конкуренцией.

Многие историки возлагают вину за неважное, по их мнению, состояние европейского сельского хозяйства на институты, утверждая, что общинное землевладение и традиционные формы контрактов (такие, как издольщина) препятствовали инновациям. Однако эмпирические факты, подтверждающие такое представление, по меньшей мере неоднозначны, как можно видеть из двух последующих примеров. Во-первых, причиной низкой эффективности средиземноморского сельского хозяйства часто называют издольщину (Sereni 1968). Считается, что землевладельцы были намного более заинтересованы в приоб-

ретенции земель, чем в инвестициях, повышающих их производительность, в то время как арендаторы были слишком бедны, чтобы идти на какой-либо риск. Тем не менее эконометрический анализ данных по Италии не выявляет какого-либо влияния формы контрактов на производительность (Galassi 1986; Galassi and Cohen 1994). Во-вторых, в России, где крепостное право было отменено лишь в 1861 г., земля принадлежала крестьянской общине («миру»), производившей периодическое перераспределение земли, которое, как обычно считается, препятствовало инвестициям или инновациям (Gerschenkron 1966). Однако российская община в реальности была довольно гибким институтом (Gregory 1994), и сельскохозяйственное производство быстро возрастало в России на фоне его стагнации в Великобритании, отличавшейся наиболее развитыми институциональными рамками. Этот пример напоминает нам о том, что с точки зрения догоняющего развития мы должны ожидать наличия отрицательной взаимосвязи между темпами роста и начальным уровнем производительности. Поскольку в Европе в 1870 г. наивысший уровень производительности труда в сельском хозяйстве наблюдался в Великобритании, то там же следовало ожидать и самых низких темпов роста производительности. Аналогично, низкий первоначальный уровень производительности в России открывал возможности для быстрого догоняющего роста. Кроме того, институты лишь одна из возможных причин неспособности страны к догоняющему развитию, поскольку свою роль играют и другие факторы — такие, как качество земли или экономическая политика.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Промышленное производство в Европе в 1870–1913 гг.

Промышленное производство в Европе в 1870–1913 гг. в целом возрастало быстрее, чем ВВП, в силу того что Европа развивалась и относительное значение сельского хозяйства снижалось. В табл. 3.5 представлены данные о среднегодовых темпах роста промышленного производства в странах, сгруппированных по основным регионам. Ускоренный догоняющий рост был более заметен в менее развитых частях Европы, которые в 1870 г. еще не присту-

ТАБЛИЦА 3.5.
Темпы роста промышленного производства в 1870–1913 гг.
(% годовых)

Страна	Рост	Страна	Рост	Страна	Рост
Сев.-Зап. Европа		Южная Европа		Центр. и Вост. Европа	
Бельгия	2,5	Франция	2,1	Австро-Венгрия	2,8
Дания	3,4	Италия	2,7	Германия	4,1
Финляндия	4,1	Португалия	2,4	Россия	5,1
Нидерланды	3,0	Испания	2,7	Швейцария	3,2
Норвегия	3,3				
Швеция	4,4				
Великобритания	2,1				

Примечание: Рост промышленного производства в Швейцарии учитывается за период с 1891 по 1913 г.

Источники: Бельгия: Gadisseur 1973; Дания: Hansen 1974; Финляндия: Hjerpe 1996; Нидерланды: Smits, Horlings, and van Zanden 2000; Норвегия: неопубликованные данные, любезно предоставленные Олой Гриттенном; Швеция: Krantz and Schön 2007; Великобритания: Feinstein 1972; Франция: Crouzet 1970; Италия: Fenoaltea 2003; Португалия: Lains 2006; Испания: Prados de la Escosura 2003; Швейцария: неопубликованные данные, любезно предоставленные Томасом Дэвидом; Австро-Венгрия: Schulze 2000; Германия: Hoffmann 1965; Россия: Goldsmith 1961.

пили к созданию современной промышленности. В Центральной и Восточной Европе высокие темпы роста промышленного производства наблюдались и в Германии, и в Австро-Венгрии, и в России, развивавшихся вдогонку за Великобританией — наиболее высокоразвитой страной Европы. В Северо-Западной Европе в период устойчивого индустриального развития около 1870 г. вступили также Нидерланды и Швеция. Однако отсталость была недостаточным условием для достижения быстрого промышленного роста, и многие относительно бедные страны, особенно в Южной Европе, демонстрировали невысокие темпы роста промышленного производства.

И поэтому при оценке состояния экономики важно учитывать и уровень индустриализации, и темпы роста. В России, например, после 1870 г. наблюдался ускоренный промышленный рост, начавшийся, однако, при очень низком уровне индустриализации. Вот почему, как мы видим из табл. 3.6, несмотря на очень высокие темпы промышленного роста после 1870 г., к 1913 г. уровень индустриали-

ТАБЛИЦА 3.6.

Уровень индустриализации на душу населения
в 1870–1913 гг. (Великобритания в 1900 г. = 100)

Страна	1860	1880	1900	1913
Северо-Западная Европа				
Бельгия	28	43	56	88
Дания	10	12	20	33
Финляндия	11	15	18	21
Нидерланды	11	14	22	28
Норвегия	11	16	21	31
Швеция	15	24	41	67
Великобритания	64	87	100	115
Южная Европа				
Франция	20	28	39	59
Греция	6	7	9	10
Италия	10	12	17	26
Португалия	8	10	12	14
Испания	11	14	19	22
Центральная и Восточная Европа				
Австро-Венгрия	11	15	23	32
Болгария	5	6	8	10
Германия	15	25	52	85
Румыния	6	7	9	13
Россия	8	10	15	20
Сербия	6	7	9	12
Швейцария	26	39	67	87
Европа	17	23	33	45

Источник: Bairoch 1982, pp. 294, 330.

зации на душу населения составлял в России лишь 17,4% от британского.

Данные табл. 3.6 дают наглядное представление о градиенте промышленного развития в Европе: наиболее индустриализованной страной была Великобритания, но значительно более индустриализованными, чем Европа в целом, в течение всего периода с 1860 по 1913 г. были также Бельгия, Франция и Швейцария. Швеция и Германия вступили в этот период, имея уровень индустриализации на душу населения ниже среднего, но к концу этого периода он был в этих странах уже существенно выше среднего. Хотя уровень индустриализации на душу населения

возрастал во всех странах, в большинстве стран Европы он оставался относительно низким. Таким образом, европейскую индустриализацию можно себе представить как процесс, географически сконцентрированный в ряде маршалловских округов. Маршалл (Marshall 1920) объяснял пространственную концентрацию промышленного производства внешней экономией за счет масштаба, которую он приписывал обучению (распространению знаний между фирмами), высокой плотности рынков (упрощавшей взаимный поиск нанимателям и наемным работникам) и кооперации (облегчающей фирмам доступ к клиентам и поставщикам в условиях значительных транспортных издержек) (Duranton and Puga 2004).

Эти тенденции можно объяснить, исходя из чисто географических предпосылок; при этом важная роль отводится наличию естественных ресурсов. В частности, было бы трудно понять принципы размещения промышленности в ту эпоху, не учитывая месторождений полезных ископаемых. Попросту говоря, промышленное производство в век железа и пара в основном располагалось в угленосных бассейнах и рядом с залежами железных руд, хотя такое расположение зачастую не вполне соответствовало границам национальных государств (Pollard 1981: xiv–xv).

Вместе с тем в период после 1870 г. мы видим также возникновение нового научного подхода к промышленности, который начал освобождать промышленность от необходимости размещаться поблизости от естественных ресурсов. Эту тенденцию также усиливало снижение транспортных издержек. Значение науки наиболее очевидным образом проявлялось при создании совершенно новых отраслей — таких, как производство синтетических красителей, основанное на новых химических процессах, или производство электротоваров, опиравшееся на новый источник энергии (Chandler 1990; Landes 1969). Однако наука затронула и многие старые отрасли, включая пивоварение (где исследования позволяли усовершенствовать и производственные процессы, и саму продукцию) и выплавку железа: в этой отрасли благодаря исследованиям началось использование новых руд и появились более качественные виды продукции — такие, как новые разновидности стали. Кроме того, развитие «массового производства» в машиностроении на основе использования взаимозаменяемых частей дало возможность заменить квалифицированный ручной труд машинами, что создавало угрозу для положения старых производителей

и открывало возможности перед новыми индустриальными странами, где опытные рабочие были в дефиците.

Таким образом, вторая промышленная революция давала странам, не имевшим опыта промышленного производства, возможность вытеснить прежних производителей благодаря ускоренному развитию и внедрению новых технологий. Кроме того, эта революция ассоциировалась с усилением концентрации промышленности, поскольку во многих новых отраслях, основанных на науке, стали доминировать крупные фирмы (Chandler 1990; Hannah 1983). И все-таки степень влияния этих тенденций, усилившихся после Первой мировой войны, не следует преувеличивать для периода до 1914 г.

Развитие промышленности по странам и регионам

Наиболее индустриализованной страной Европы в смысле абсолютных объемов производства, а также при их пересчете на душу населения в 1860 г. была Великобритания. Однако ее неоспоримому доминированию на мировых экспортных рынках, обеспеченному ранней индустриализацией, угрожала конкуренция со стороны догоняющих, которая в 1870–1913 гг. воплотилась в форме вызова, брошенного Британией Германией и Соединенными Штатами. Впрочем, как отмечает Broadberry (1997), существует тенденция к тому, чтобы преувеличивать неудачи британской индустрии того времени и игнорировать примеры ее успешной работы. Во-первых, сравнительная производительность труда в промышленности в трех главных индустриальных странах — Великобритании, США и Германии — в целом слабо изменилась за период с 1870 по 1913 г. И поэтому непосредственная причина более быстрого роста промышленного производства в Германии по сравнению с Британией заключалась просто в более быстром росте трудового вклада, притом что по уровню производительности труда эти страны в общем не отличались друг от друга. Производительность труда в промышленности в обеих странах оставалась существенно более низкой, чем в США; обычно считается, что более высокий уровень производительности труда в Америке объяснялся дефицитом рабочей силы и изобилием естественных ресурсов, которые уже к середине XIX в. привели

к разработке машино-интенсивных технологий, не вполне пригодных для европейских условий (Habakkuk 1962; Broadberry 1997). Во-вторых, хотя Германия добилась больших успехов в ряде отраслей тяжелой промышленности (таких, как химическая, а также выплавка железа и стали), имея в этих отраслях более высокую производительность труда по сравнению с Великобританией, и к 1913 г. захватила впечатляющую долю соответствующих мировых экспортных рынков, существовали также отрасли легкой индустрии (например, текстильная, пищевая, табачная и производство напитков), в которых Великобритания сохраняла значительное преимущество в производительности и удерживала сильные позиции на мировых экспортных рынках (Broadberry and Burhop 2007).

Традиционное представление о состоянии французской промышленности в конце XIX в. сводится к тому, что она была относительно отсталой и, в противоположность немецкой, не сумела догнать британскую (Kindleberger 1964; Landes 1969; Milward and Saul 1977). Тем не менее эта в целом отрицательная оценка индустриальных успехов Франции отчасти опровергается тем фактом, что темп роста промышленного производства в этой стране резко возрос после 1895 г., особенно в секторах, основанных на новых технологиях второй промышленной революции — таких, как производство электрооборудования, электрометаллургия, электрохимия и автомобилестроение (Caron 1979, pp. 135–160; Lévy-Leboyer and Bourguignon 1989, p. 105). Впрочем, авторы ревизионистской работы O'Brien and Keyder (1978, p. 91), утверждающие, что уровень производительности труда в промышленности в течение почти всего XIX в. был во Франции выше, чем в Великобритании, явно заходят слишком далеко в попытке реабилитировать эффективность французской индустрии. Dormois (2004) на основе официальных данных по выработке и занятости делает вывод о том, что в 1906 г. выработка на одного трудящегося во французской промышленности составляла лишь 74,1% от британского уровня. Пусть французы нашли альтернативный путь в XX век, основанный на мелких семейных фирмах, обслуживающих нишевые рынки, но он не обошелся без известных издержек в смысле уровня жизни (O'Brien and Keyder 1978, p. 196; Caron 1979, pp. 163–170).

В Австро-Венгрии, как видно из табл. 3.6, наблюдался относительно низкий уровень индустриализации на душу населения, но тем не менее на империю, благодаря ее раз-

мерам, приходилась значительная доля европейского промышленного производства. Фактически отдельные части империи очень сильно различались уровнем экономического развития; Австрия (Цислейтания) в целом была более индустриализованной, чем Венгрия (Транслейтания), хотя заметные различия существовали даже в рамках Австрии (Milward and Saul 1977; Pollard 1981; Komlos 1983; Good 1984). Несмотря на то что ранние количественные исследования говорят об очень быстром росте промышленного производства в австрийской части империи, последующие исследования внесли коррективы в эти выводы. Если Rudolph (1976) утверждал, что в период 1870–1913 гг. ежегодные темпы роста в австрийской промышленности составляли 3,8%, то при учете более широкого спектра отраслей и уточненной оценке их относительно «веса» по добавленной стоимости мы получим величину в 2,5% (Komlos 1983; Schulze 2000). Однако с поправкой на более высокие темпы роста в Венгрии оценка ежегодных темпов промышленного роста для империи в целом даст цифру в 2,8%, которая и приведена в табл. 3.5 (Schulze 2000). Произведенный последующими исследователями пересмотр темпов промышленного роста в сторону снижения в первую очередь относится к периоду до 1896 г., что привело к неудачному применению термина «Великая депрессия» для периода, в течение которого объемы производства не снижались, а продолжали возрастать (Komlos 1978; Good 1978). С точки зрения догоняющего развития можно было бы ожидать, что Австро-Венгрия должна была испытывать ускоренный рост промышленности, необходимый, чтобы догнать ведущие европейские индустриальные страны того времени. С этой точки зрения Австро-Венгрия в 1870–1913 гг. явно оказалась не на высоте.

Анализируя табл. 3.6, мы уже отмечали, что Россия в середине XIX в. была очень отсталой экономикой, и поэтому высокие темпы роста промышленного производства в России в 1870–1913 гг. (см. табл. 3.5) соответствуют представлениям о догоняющем развитии. Исходя из экономической истории царской России, Gerschenkron (1962) выдвинул ряд предположений, касающихся связи между отсталостью и экономическим развитием. Они включают: 1) повышенную роль государства, компенсирующую низкий уровень частного предпринимательства; 2) усиленное внимание к производству средств производства для компенсации недостаточного потребительского спроса;

3) более значительную роль банков в распределении дефицитного капитала между промышленными проектами; 4) более значительную роль заимствованных технологий. Гершенкрон не придает особого значения сельскому хозяйству, считая, что в отсталых обществах оно практически неподвластно изменениям. Хотя некоторые из обобщений Гершенкрона, как представляется, вполне отвечают российским реалиям, другие не выдерживают серьезной количественной проверки (Falkus 1972, pp. 57, 61–74; Gregory 1982, pp. 133–134; Gatrell 1986, p. 144).

С точки зрения догоняющего развития следует ожидать аналогичных тенденций от стран на северной и южной периферии Европы. Из табл. 3.6 мы видим, что в 1860 г. уровень индустриализации на душу населения в Италии и на Пиренейском полуострове был близок к уровню Скандинавских стран. Однако темпы промышленного роста, приведенные в табл. 3.5, в Скандинавских странах были гораздо выше, чем в пиренейских. В частности, очень высокими темпами промышленного роста отличалась Швеция, к 1913 г. достигшая уровня индустриализации, сопоставимого с уровнем в странах европейского ядра. За этим выдающимся случаем скачкообразного развития стояли технологии второй промышленной революции, использование которых облегчалось обилием в Швеции гидроэнергетических ресурсов (Pollard 1981, pp. 233–236). Относительно низкий общий темп промышленного роста в Италии и в пиренейских странах скрывает заметные успехи в некоторых регионах — в первую очередь в треугольнике между Генуей, Миланом и Туринном, где одной из предпосылок к развитию также являлась гидроэнергия (Pollard 1981, pp. 229–232).

Развитие отдельных отраслей

В состав промышленности входят самые разные сферы экономической активности, и потому мы дадим краткий обзор некоторых важных секторов, уделив особое внимание вкладу, внесенному крупнейшими европейскими производителями. Начнем с угля — основного источника энергии в эпоху пара. Как отмечалось выше, промышленность в XIX в. концентрировалась преимущественно вокруг угольных бассейнов, и потому неудивительно, что главным в Европе производителем угля в этот период была

ТАБЛИЦА 3.7.
Крупнейшие европейские производители
в некоторых важных сферах производства

Страна	1870	1880	1890	1900	1913
А) Уголь, млн метрических тонн					
Великобритания	112	149	185	229	292
Германия	26	47	70	109	190
Франция	13	19	26	33	41
Россия	1	3	6	16	36
Бельгия	14	17	20	23	24
Австро-Венгрия	4	7	10	12	18
В) Чугун, тыс. метрических тонн					
Германия	1 261	2 468	4 100	7 550	16 761
Великобритания	6 059	7 873	8 031	9 104	10 425
Франция	1 178	1 725	1 962	2 714	5 207
Россия	359	449	928	2 937	4 641
Бельгия	565	608	788	1 019	2 485
Австро-Венгрия	403	464	965	1 456	2 381
С) Серная кислота, тыс. метрических тонн					
Германия	43	130	420	703	1 727
Великобритания	590	900	870	1 010	1 082
Франция	125	200	—	625	900
Италия	—	—	59	230	645
Бельгия	—	30	—	165	420
Нидерланды	—	—	—	—	320
D) Потребление хлопка-сырца, тыс. метрических тонн					
Великобритания	489	617	755	788	988
Германия	81	137	227	279	478
Россия	46	94	136	262	424
Франция	59	89	125	159	271
Австро-Венгрия	45	64	105	127	210
Италия	15	47	102	123	202
Е) Пиво, тыс. гектолитров					
Германия	23 700	38 572	52 830	70 857	69 200
Великобритания	—	44 955	52 100	60 010	58 836
Австро-Венгрия	9 993	10 957	14 117	21 471	24 070
Бельгия	7 794	9 239	10 771	14 617	16 727
Франция	6 499	8 277	8 491	10 712	12 844
Россия	—	—	—	5 872	11 612

Источник: Mitchell 2003.

Великобритания (табл. 3.7), а второе место занимала Германия. Очень маленькую, но рано индустриализовавшуюся Бельгию обогнали по мере их индустриализации гораздо более крупные страны — Германия, Франция и Россия.

Хотя Великобритания оставалась крупнейшим европейским производителем угля, существенно нарастив объемы добычи, производительность труда в этой стране застыла на одном уровне, а технические и организационные новшества лишь компенсировали снижение отдачи по мере того, как шахты все сильнее углублялись в недра и доставлять уголь на-гора становилось все сложнее (Greasley 1990). Хотя производство угля в Европе возрастало, все большую долю мирового производства захватывал Новый Свет, где уголь добывался в гораздо более благоприятных геологических условиях (Svennilson 1954, p. 107).

В сфере выплавки железа и стали важнейшие технические достижения опирались на науку, причем выплавка ковкого железа во все большей степени вытеснялась различными способами массового производства стали: начиная с 1856 г. использовался бессемеровский процесс, с 1869 г. — процесс Сименса–Мартена (выплавка в открытой печи), а с 1879 г. — томасовский (элементарный) процесс (Svennilson 1954, p. 121). Общее представление об опережающих темпах развития Германии по сравнению с британскими дает табл. 3.7В, в которой приведены данные о выплавке чугуна в странах, являвшихся его крупнейшими производителями. Утверждения о том, что британские предприниматели не сумели ответить на зарубежный вызов, являются преувеличением, поскольку во внимание следует принимать наличие железной руды и такие факторы, связанные со спросом, как протекционистские барьеры, учрежденные на быстроразвивающихся рынках Германии и США, в сочетании с традиционной приверженностью Британии принципам открытой торговли (McCloskey 1971; Tolliday 1991). Также очевидно ускоренное развитие России в 1890-х гг., когда она обогнала Францию, вновь вырвавшуюся вперед после 1900 г. (Gatrell 1986, p. 153; Caron 1979, pp. 158–159). Кроме того, крупным производителем железа и стали была Австро-Венгрия, несмотря на низкий уровень индустриализации на душу населения. Как и Россия, Австро-Венгрия зависела от крупного внутреннего рынка, причем железнодорожный бум привел к существенному возрастанию спроса (Milward and Saul 1977, pp. 304–306).

Химическая промышленность в 1870–1914 гг. подверглась трансформации на основе научных исследований. Производство неорганических химикатов, которое велось в промышленном масштабе с начала XIX в., претерпело

революцию под воздействием таких инноваций, как замена леблановского процесса процессом Сольве при производстве кальцинированной соды и внедрение электричества как важного компонента химических процессов (Svennilson 1954, p. 162). Однако в долгосрочном плане куда большее значение для развития отрасли имел синтез органических (углеродсодержащих) веществ — таких, как красители, медицинские препараты, ароматические вещества и фотографические материалы (Svennilson 1954, p. 163). Поскольку синтез органических веществ требовал больших объемов неорганического сырья, хорошим показателем общего состояния химической отрасли в отдельных европейских государствах может служить производство серной кислоты (табл. 3.7С) (Svennilson 1954, p. 163–164). Как и в других отраслях тяжелой индустрии, Германия и здесь обогнала Великобританию, хотя германское преимущество к концу этого периода было еще более значительным, поскольку Германия, безусловно, доминировала в производстве органических веществ, где ее единственным серьезным конкурентом была Швейцария. Например, на долю Германии в 1913 г. приходилось 85,1% мирового производства синтетических красителей (Svennilson 1954, p. 290). Химическая промышленность оставалась относительно недоразвитой в Восточной Европе: ни Россия, ни Австро-Венгрия не фигурировали в числе основных производителей. Крупными производителями, наряду с Францией, были также небольшие и относительно богатые страны — такие, как Бельгия и Нидерланды, — в то время как в Италии химическая отрасль бурно развивалась начиная с 1890-х гг.

Промышленная революция началась в хлопчатобумажной промышленности, которая оставалась важной европейской отраслью до 1914 г. Мировое лидерство в производстве хлопчатобумажных тканей сохраняла Великобритания, несмотря на неизбежную потерю части рынка по мере индустриализации других стран (Sandberg 1974). Переход с мюль-машин на кольцевые прядильные машины и с механического ткацкого станка на автоматический привел к снижению спроса на квалифицированную рабочую силу и позволил странам с менее квалифицированной, но более дешевой рабочей силой конкурировать с Великобританией, в соответствии с моделью жизненного цикла товара Вернона (Vernon 1966). Broadberry and Marrison (2002) подчеркивают значение внешней эконо-

мии за счет масштаба для британской хлопчатобумажной промышленности, концентрировавшейся по преимуществу в Ланкашире, но насчитывавшей около 2000 прядильных и ткацких фирм. Модель жизненного цикла товара также позволяет понять, как к концу этого периода крупными производителями сумели стать такие страны с низким уровнем заработной платы, как Россия и Австро-Венгрия, причем Россия почти догнала Германию, а Австро-Венгрия обогнала Италию, не слишком отставая от Франции (Gatrell 1986: 160; Milward and Saul 1977, p. 238).

Внутренний рынок был намного более важен в секторе продовольствия, производства напитков и табачных изделий, хотя даже здесь возможность продаж на других рынках возрастала по мере урбанизации и возникновения крупного городского рабочего класса, потреблявшего все больше продовольственных товаров. Имеющиеся у нас данные по производству пива, сопоставимые по годам и странам (табл. 3.7Е), позволяют сделать вывод о наличии четкой связи между размером внутреннего рынка и доходом на душу населения: самый высокий уровень производства и потребления наблюдался в Германии и Великобритании при значительных объемах производства в Австро-Венгрии, Франции и России. Хотя возможность транспортировки такого тяжелого и скоропортящегося продукта была ограничена, такие небольшие страны, как Бельгия, были в состоянии экспортировать пиво в соседние страны. Разумеется, следует иметь в виду, что во Франции как на экспорт, так и для внутреннего потребления в больших объемах производилось вино, и потому более общие данные о производстве алкогольных напитков покажут более значительный вклад со стороны Средиземноморских стран, включая Италию, Испанию и Португалию (Pinilla and Ayuda 2002).

УСЛУГИ

Производство услуг в Европе в 1870–1914 гг.

Историки экономики обычно уделяют мало внимания сфере услуг в период 1870–1914 гг., если не считать железных дорог и банков, которые рассматриваются как вспомогательная отрасль промышленности. Подход с точки зрения анализа национальных счетов позволяет нам поместить вклад железных дорог и банков в более широкий контекст

сферы услуг в целом, выявив величину услуг, оказанных не только промышленности, но и потребителям. Железные дороги, наряду с промышленной продукцией, перевозили людей и сельскохозяйственную продукцию, а назначение банков состояло не только в том, чтобы выдавать дешевые займы промышленникам. Более того, помимо транспорта, связи и финансов, в состав сферы услуг входили и такие важные сектора, как распределение, профессиональные и личные услуги и государственное управление.

Региональные различия

Наиболее высокоразвитая сфера услуг существовала в Северо-Западной Европе, особенно в Великобритании и Нидерландах, где предоставление специализированных и стандартных услуг в условиях сильной урбанизации достигло высокой производительности. В тех секторах, где была возможна международная торговля, она играла важную роль при увеличении размера рынка, позволяя получить выигрыш от разделения труда. Высокая производительность требовала «институционализации» услуг, включая переход от мелкого индивидуализированного бизнеса с высокими предельными прибылями, организованного на сетевой основе, к крупному стандартизированному бизнесу с низкими предельными прибылями и иерархическим управлением (Broadberry 2006). В ряде секторов (таких, как морские перевозки и страхование) это включало возникновение крупных фирм классического чандлеровского типа, но в других секторах — например, в инвестиционном банковском деле, — в финансовых кварталах Лондона и Амстердама наблюдалась маршалловская внешняя экономия за счет масштаба благодаря существованию множества мелких фирм (Broadberry and Ghosal 2002; van Zanden and van Riel 2004, pp. 305–319). Крупные фирмы также приобретали больший вес в ряде секторов, в которых международная торговля была непрактична, — таких, как розничное распределение, розничное банковское дело и железные дороги.

Германия являлась страной контрастов. Хотя в немецкой сфере услуг существовал ряд модернизированных секторов — таких, как железные дороги и универсальные банки, широко освещавшиеся в литературе, — сохраняющееся значение сельского хозяйства и соответствующий низкий

уровень урбанизации ограничивали размеры рынка специализированных услуг. В области распределения по-прежнему доминировали мелкие оптовые и розничные продавцы; и хотя Gerschenkron (1962) подчеркивает роль универсальных банков в финансировании тяжелой индустрии, при сбалансированном изучении банковского сектора в целом мы должны принимать во внимание множество мелких учреждений, из которых главным образом и состоял германский банковский сектор и которые снижали средний уровень производительности (Guinnane 2002; Broadberry 2004).

Сфера услуг в Италии в конце XIX в. носит определенное сходство с немецкой: важную роль в объединении нового государства, стремившегося ускорить модернизацию, здесь также сыграли железные дороги, а тяжелая промышленность тоже финансировалась универсальными банками (Milward and Saul 1977, pp. 243–247, 260–264). Однако в недавних исследованиях налицо тенденция к тому, чтобы снижать вклад двух этих секторов в экономический рост; так, Cohen and Federico (2000, p. 72) указывают, что протяженность железных дорог на душу населения в Италии в 1913 г. по-прежнему была вдвое меньше, чем во Франции, а Fohlin (1998) утверждает, что итальянские универсальные банки обычно поддерживали крупные, надежные компании, не желая обеспечивать венчурным капиталом небольшие перспективные фирмы.

Имеющаяся литература о сфере услуг в Габсбургской империи также в первую очередь ориентирована на железные дороги и банки. Австро-Венгерская железнодорожная система была одной из крупнейших в Европе, хотя это было главным образом следствием географии, а не высокого уровня экономического развития (Milward and Saul 1977, p. 304). Gerschenkron (1962) подчеркивал, что банки сыграли в Австро-Венгрии важную роль, мобилизуя капитал для промышленности и железных дорог. Однако после краха 1873 г. они принимали меньшее участие в финансировании инвестиций в промышленность и железные дороги (Rudolph 1976).

Развитие в отдельных секторах

В данном разделе мы рассмотрим такие крупные частные секторы в составе сферы услуг, как транспорт и связь, финансы и распределение. В системе национальных счетов другими секторами в сфере услуг являются: жилье, пред-

ТАБЛИЦА 3.8.
Транспорт и связь в Европе ок. 1913 г.

Страна	Действующие жел. дороги (1913), км	Торговый флот (1910), тыс. н. рег. т	Отправлен- ные теле- граммы (1913), млн	Телефонные звонки (1913), млн
Северо-Западная Европа				
Бельгия	4 678	191	9,5	138
Дания	3 868	547	3,9	227
Финляндия	3 560	411		
Нидерланды	3 305	534	7,1	170
Норвегия	3 085	1 526	4,0	170
Швеция	14 377	771	5,0	434
Великобритания	32 623	11 556	88,5	1098
Южная Европа				
Франция	40 770	1 452	67,1	396
Греция	1 584	447	2,0	3
Италия	18 873	1107	25,3	230
Португалия	2 958	114	5,0	7
Испания	15 088	789	6,6	35
Центральная и Восточная Европа				
Австро-Венгрия	43 280	510	37,8	568
Болгария	2 109		2,3	8
Германия	63 378	2 903	64,3	2325
Румыния	3 549		4,3	20
Россия	70 156	723	45,0	900
Сербия	1 958		2,4	6
Швейцария	4 832		6,5	69

Источники и примечания: Данные по железным дорогам: Mitchell 2003, кроме данных по действующим железным дорогам в Австро-Венгрии, приведенных по Bachinger 1973, pp. 301, 482; данные по торговому флоту: Kirkaldy 1914, Appendix XVII и Mitchell 2003; данные по телеграммам и телефонным звонкам: Foreman-Peck and Millward 1994, p. 109.

ставляющее собой просто вмененную ренту; государственное управление, сохранявшее относительно небольшое значение в экономике того периода; надомные услуги, на долю которых до Первой мировой войны в более передовых регионах Европы по-прежнему приходилось около 10% выработки в сфере услуг (Deane and Cole 1962; Hoffmann 1965).

В табл. 3.8 приводятся некоторые показатели работы европейского сектора транспорта и связи накануне Первой мировой войны. Как правило, считается, что желез-

ТАБЛИЦА 3.9.
Общественная экономия при перевозке
грузов по железным дорогам

Страна	Год	Общ. экономия как доля от ВВП, %
Бельгия	1846	1,0
Англия и Уэльс	1865	4,1
	1890	11,0
Франция	1872	5,8
Испания	1878	3,9–6,4
	1912	18,9
Германия	1890-е	5,0
Россия	1907	4,5
США	1859	3,7
	1890	8,9
Мексика	1910	24,9–38,5

Источники: O'Brien 1983, p. 10; Herranz-Loncán 2006, p. 854.

ные дороги в XIX в. сыграли важную роль при интеграции национальных экономик и их строительству во многих случаях активно содействовали власти, стремившиеся ускорить процесс индустриализации (Gerschenkron 1962). Крупнейшие железнодорожные системы неизбежно возникали в странах, занимающих большую территорию, и три крупнейшие системы находились в империях Центральной и Восточной Европы — в России, Германии и Австро-Венгрии. Западная Европа была политически более фрагментирована, и тремя следующими странами по протяженности железных дорог были Франция, Великобритания и Италия.

В отношении грузовых перевозок общественная экономия при использовании железных дорог рассчитывается как разница между стоимостью транспортировки груза по железной дороге и следующим по дешевизне альтернативным методом (Fogel 1964). Оценки общественной экономии при грузоперевозках для ряда европейских и неевропейских стран приведены в табл. 3.9, основанной на данных из работ O'Brien (1983) и Herranz-Loncán (2006). Во-первых, отметим, что оценки для Бельгии, Англии и Уэльса, Франции, Германии и России соответству-

ют прогнозам Фогеля об относительно небольшой общественной экономии в тех странах, где существовали хорошие альтернативные транспортные системы — такие, как внутренние водные пути. Общественная экономия была велика лишь там, где не существовало развитой системы внутренних водных путей — например, в Испании. Во-вторых, следует обратить внимание на то, что общественная экономия от железных дорог возрастала с течением времени благодаря техническому прогрессу, снижавшему стоимость перевозки грузов железными дорогами по сравнению с перевозкой внутренними водными путями.

Международная конкуренция в сфере железных дорог была незначительна, благодаря чему относительно недоразвитые страны Восточной Европы вследствие своих географических размеров имели крупнейшие железнодорожные системы. Однако в судоходстве международная конкуренция была возможна, и потому наиболее эффективные перевозчики могли захватить существенную долю рынка. Данные о тоннаже главных европейских торговых флотов приведены в табл. 3.8. Наибольших успехов в данной сфере достигла Великобритания, на долю которой в 1870–1913 гг. приходилось около 35% нетто-тоннажа мирового торгового флота (Kirkaldy [1914]). Следующее место занимала Германия, владевшая менее чем 10% мирового торгового флота по тоннажу, а третьей была Норвегия. Вообще, Скандинавские страны, несмотря на свое относительно малочисленное население, имели в то время серьезные сравнительные преимущества в сфере морских перевозок.

В том, что касается телекоммуникаций, международная конкуренция в то время также была невозможна, поэтому главными факторами, определявшими уровень их активности, были, как и в случае железных дорог, численность населения и уровень дохода на душу населения. Наиболее активно, как показано в табл. 3.8, телекоммуникации использовались в таких больших и богатых странах, как Великобритания, Франция и Германия, хотя в более бедных, но тоже крупных странах — России, Австро-Венгрии и Италии, — объемы их использования также были велики. К 1913 г. телефоны приобретали более широкое распространение, и есть факты, свидетельствующие о том, что монополисты, владевшие телекоммуникациями в общественном секторе, тормозили развитие телефонной системы с целью защиты своих инвестиций в более отсталую

ТАБЛИЦА 3.10.
Показатели европейской финансовой
и коммерческой активности в 1913 г., млн долл.

Страна	Объем банкнот в обращении	Сумма вкладов в коммерче- ских банках	Экспорт товаров
Северо-Западная Европа			
Бельгия	206	45 ¹	717
Дания	44		171
Финляндия	0,2	120	78
Нидерланды	125	117	413
Норвегия	29	159	105
Швеция	63	429	219
Великобритания	177	523 ¹	2555
Южная Европа			
Франция	1093	2200	1328
Греция	47	40	23
Италия	537	330	485
Португалия	95		38
Испания	373		183
Центральная и Восточная Европа			
Австро-Венгрия	505	164	561
Болгария		33	94
Германия	691	2526	2454
Румыния	82		130
Россия	770	1308	783
Сербия			18
Швейцария	61	355	226

Источники и примечания: Банкноты и вклады: номинальная величина в национальных валютах приводится по: Mitchell 2003, перевод в доллары США произведен по обменным курсам из: Svernilson 1954, pp. 318–319; товарный экспорт: номинальная величина в национальных валютах приводится по: Mitchell 2003, перевод в доллары США произведен по обменным курсам из: Svernilson 1954, pp. 318–319. Поправка на реэкспорт дана по: Maddison 1995, Table I-1.

телеграфную связь (Foreman-Peck and Millward 1994, pp. 97–111; Millward 2005, pp. 103–104).

В табл. 3.10 приведены некоторые показатели активности в сфере финансов и распределения в 1913 г. Показателями финансовой активности выступают объем банкнот, находившихся в обращении, и сумма вкладов в коммерческих банках. Поскольку оценки по отдельным странам

даны в национальных валютах, для сопоставления в международном масштабе их необходимо перевести в единую валюту (доллары США). Опять же, уровень активности в этой сфере в значительной степени определялся численностью населения и доходом на душу населения. Однако доход на душу населения оказывал отрицательное влияние на обращение банкнот и положительное влияние на масштабы банковских вкладов, поскольку степень финансового посредничества возрастает вместе с уровнем экономического развития (Bordo and Jonung 1987). И поэтому в больших и отсталых экономиках (таких, как Россия и Австро-Венгрия) в обращении находился большой объем банкнот, в то время как даже в небольших, но высоко развитых экономиках (таких, как Бельгия) больших величин достигала сумма вкладов в коммерческих банках. Отметим, что в Великобритании, где финансовый сектор был наиболее высоко развит, наблюдался очень высокий объем вкладов в коммерческих банках при очень низком уровне обращения банкнот. Лондонское Сити во второй половине XIX в. захватило доминирующие позиции в качестве мирового финансового центра, оставаясь им и после Первой мировой войны, несмотря на конкуренцию со стороны Берлина и Парижа, а также Нью-Йорка (Lindert 1969; Kynaston 1995).

Для того чтобы выявить уровень активности в сфере распределения, необходимо обратиться к косвенным показателям — таким, как уровень экспорта и внутреннего потребления сельскохозяйственной и промышленной продукции. В табл. 3.10 приводятся сравнительные данные по товарному экспорту. Самыми успешными европейскими экспортерами были Великобритания, Германия и Франция, далеко превосходившие объемами экспорта крупные восточные экономики — Россию и Австро-Венгрию. Даже небольшая Бельгия осуществляла экспорт в объемах, превышавших австро-венгерские и приближавшиеся к уровню России. Более того, если учитывать реэкспорт, то в число крупных международных оптовых дистрибьюторов попадут и Нидерланды благодаря их связям с Индонезией. В то время как оптовое распределение обычно находилось в руках торговых домов, в розничной сфере процесс индустриализации услуг продвинулся дальше, приведя к созданию крупномасштабных организаций, включая кооперативные общества, а также универмаги и сетевые магазины (Broadberry 2006). Этот сдвиг

в сторону крупномасштабного распределения находился в зависимости от процесса урбанизации, поэтому в индустриализованных регионах он происходил быстрее, чем в обществах, сохранявших аграрный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная глава напоминает нам о том, что ВВП складывается из самых разных видов экономической активности и что процветание зависит как от достижения высокой производительности в каждом секторе, так и от эффективного распределения ресурсов по секторам. В целом мы видим, что в Европе в 1870–1914 гг. достижение высокой общей производительности требовало перемещения рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и в сферу услуг. Хотя в литературе главным способом покончить с экономической отсталостью обычно называют индустриализацию, рост и модернизация сферы услуг были по меньшей мере столь же важны. Собственно, достижение высокой производительности в сфере услуг в значительной степени требовало своего рода «индустриализации сферы услуг», предусматривавшей предоставление услуг на массовой основе, в стандартизированном виде, с помощью современных технологий и под надзором иерархического руководства.

ГЛАВА 4

Деловые циклы в 1870–1914 гг.

МАРК ФЛАНДРО

ХУАН ФЛОРЕС

КЛЕМЕНС ЙОБСТ

ДАВИД ХУДУР-КАСТЕРАС

СОДЕРЖАНИЕ

Введение · 127

Макроэкономические показатели · 129

Внешняя корректировка, золотой стандарт
и деловые циклы · 140

Заключение · 155

ВВЕДЕНИЕ

ДАННАЯ глава посвящена взаимодействию между деловыми циклами и международной экономикой в «золотые дни» потоков капитала, торговой интеграции и глобальной миграции до Первой мировой войны. Несколько лет назад Алек Форд издал работу, в которой определялся круг вопросов, связанных с деловыми циклами в классическую эпоху золотого стандарта (Ford 1989). В результате появления этой работы любой разговор о деловых циклах в последней четверти XIX в. неизбежно сводится к вопросу о функционировании золотого стандарта, о монетарной политике при золотом стандарте или к чему-либо подобному.

Однако такой подход не свободен от собственных неясностей и двусмысленностей. Как подчеркивал Форд и как неоднократно подтверждали последующие авторы, разнообразие явлений в *период* золотого стандарта (когда отнюдь не исключалось широкое распространение *плавающих* обменных курсов) было столь велико, что оно с трудом поддается каким-либо обобщениям. Режимы обменного курса, торговые потоки, потоки капитала и монетарная политика, несомненно, имеют отношение к «деловым циклам» до Первой мировой войны. Но все прочие обобщения являются весьма сомнительными.

Именно поэтому всеобъемлющее, но сбалансированное рассмотрение этих вопросов — задача непростая. В качестве альтернативы данная глава предлагает упрощенный обзор важнейших проблем. Соответственно, читателям не стоит ожидать, что на последующих страницах они найдут что-то вроде обновленной статьи Алека Форда. Вместо этого мы пытаемся лишь обозначить возможные направления исследований, исходя из текущего состояния наших знаний.

Статью Алека Форда можно интерпретировать двумя способами. Согласно традиционному прочтению, она представляет собой эссе в кейнсианском духе, идущее вразрез с панглоссианской точкой зрения современных авторов таких работ неоклассического или монетаристского толка, как, например, работа McCloskey and Zecher (1976, 1984), согласно которой все было к лучшему в лучшем из возможных миров — в мире золотого стандарта. Форд на этом фоне демонстрирует, что заявления о четкой работе золотого стандарта не всегда соответствуют действительности. Будучи знатоком аргентинской истории, он мог уверенно сказать, что в некоторых важных регионах мира золотой стандарт скорее представлял собой флирт, а не прочный брак. Исходя из этого понимания, Форд дает географический обзор функционирования золотого стандарта, показывая, что меры, принимавшиеся странами «ядра» и «периферии» при выполнении требований золотого стандарта, порой дополняли, а порой противоречили друг другу.

Другая, не вполне несовместимая с первой, точка зрения сводится к тому, что эссе Форда понимается как попытка убедить исследователей проявить большее внимание к микроэкономике монетарных режимов, под которой имеются в виду не только монетарные институты, учетные ставки и т. п., но и вообще микроструктура рынков, на которых осуществляется эта политика. В частности, то значение, которое Форд придает институциональной основе монетарной политики, скрывает в себе призыв серьезно изучить, как «на самом деле работали» обменные курсы при золотом стандарте.

Данная глава разделена на две части, и хотя это деление несколько искусственно, оно позволяет в какой-то мере избежать повторов. Первая часть посвящена макроэкономическим показателям, давая обзор того, что мы знаем, что нам следует знать, и чего, вероятно, мы никогда не узнаем о колебаниях международной, особенно европейской, экономики до Первой мировой войны. Вторая часть знакомит читателя с рядом сопутствующих проблем, связанных с механизмами и институтами, посредством которых возмущения передавались, распространялись и усиливались по всему миру. В заключение приводятся некоторые выводы.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Реконструкция исторических деловых циклов

Для периода с 1870 по 1914 г. было характерно устойчивое возрастание ВВП на душу населения в большинстве регионов Европы. Однако процесс роста протекал не гладко, отличаясь существенной краткосрочной волатильностью. Это было верно для всех ключевых макроэкономических переменных: объемов производства, занятости, инвестиций, уровня цен и заработной платы и т. д. Явная цикличность экономических подъемов и спадов была уже тогда замечена наблюдателями и экономистами, привлекая к себе их интерес.

В наше время исследователи деловых циклов могут опираться на обширную макроэкономическую статистику, собранную национальными статическими учреждениями в соответствии с международными стандартами, позволяющими производить сопоставления между разными странами (по крайней мере так нас в этом уверяют). Однако национальная статистика, как и концепция национальной экономики, относительно недавнее изобретение. В то время как политэкономы занимались вычислением и сравнением величин национального дохода еще с XVII в. (Maddison 2003), ежегодные или ежеквартальные цифры ВВП имеются у нас лишь с первой половины XX в. (Studenski 1958; Fourquet 1980).

И поэтому изучение более ранних периодов зависит от статистических данных, полученных задним числом. В последние десятилетия прилагаются значительные усилия по реконструкции величин производства и дохода за прежние эпохи, по уточнению имеющихся цифр и по расширению круга стран, охваченных подобной статистикой. Однако реконструированные данные могут быть надежными лишь в той мере, в какой надежен статистический материал, на котором они основаны. Главными источниками для вычисления величин национального дохода и объемов производства служат данные переписей населения, статистических отчетов о состоянии промышленности, численности рабочей силы и пр., получавших все более широкое распространение во второй половине XIX в. (Tooze 2001). Эти сводки, составлявшиеся время от времени, позволяют делать достаточно надежные

1. Несмотря на достаточно серьезные дискуссии об оценках экономического роста в XIX в. и их пересмотр — об см. главу 2 в данном томе.

2. Классический пример (в американском контексте) приводит Ромер (Romer 1989), показывающий, что долгосрочное снижение волатильности американского ВВП — иллюзия, вызванная изменением процедур, применявшихся при реконструкции исторических значений ВВП. Именно из такого сора вырастают ежегодные величины ВВП, и легко понять, почему не стоит относиться с излишним доверием к выводам, сделанным на основе ковариаций между экономическими разными стран.

выводы о долгосрочных тенденциях, связанных с экономическим ростом¹.

Ситуация становится еще более запутанной при рассмотрении краткосрочных колебаний выработки и других макропоказателей. В то время как для некоторых секторов промышленности — таких, как добыча угля и выплавка железа, — у нас имеются ежегодные данные об объемах производства, значительная часть оценок ВВП обычно основывается на более или менее (не) точных интерполяциях между данными за отдельные годы (см., например: Kuznets 1961). В некоторых интерполяциях используются близкородственные (или «подменные») данные, — скажем, об объемах выработки пряжи судят по цифрам ввоза хлопка, — которые могут достаточно точно отражать долгосрочные тенденции, но дают неверное представление о циклическом поведении. Данные о производстве в секторах, не (вполне) учитываемых в существующей статистике — таких, как ремесла или некоторые услуги, — приходится экстраполировать на основе других секторов, которым могли быть свойственны иные деловые циклы, и это является еще одним источником ошибок².

Именно поэтому некоторые исследователи исторических деловых циклов (ДЦ) принимают во внимание лишь промышленное производство (ПП) как наиболее надежный компонент ВВП (A'Hearn and Woitek 2001; Craig and Fisher 2000). Альтернативная стратегия состоит в том, чтобы учесть множество различных показателей, лишь теоретически связанных с колебаниями производства, но более доступных — либо измерявшихся через меньшие промежутки времени, либо относящихся к более ранним периодам. Этот подход имеет давнюю традицию. Еще Juglar (1862) выделял ДЦ на основе данных о кредитах, выдававшихся центральными банками, процентных ставках и объеме денег, находившихся в обороте, а также о ценах на пшеницу, величине налоговых сборов и числе браков и рождений. Исследования ДЦ в межвоенный период, проводившиеся по этим же принципам, позволили собрать большие объемы разрозненных данных об экономической активности (Burns and Mitchell 1946).

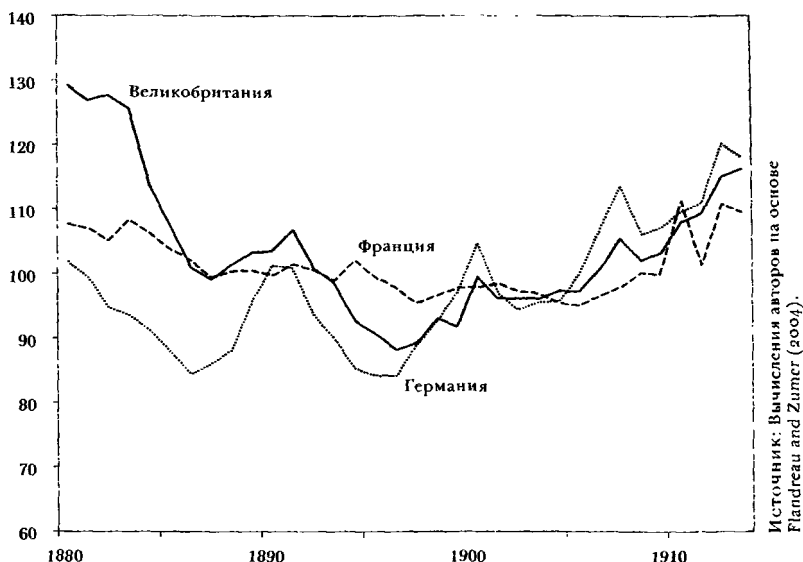
При учете большого числа показателей ключевая проблема состоит в том, как выявить общую тенденцию среди зачастую противоположных тенденций, присущих отдельным показателям. Для вычисления подобных обобщающих индексов применяются различные методики.

Так, американское Национальное бюро экономических исследований (NBER) использует собственные датировки ДЦ в США, исходя не только из реального ВВП, но и из величин реального дохода, занятости и розничных продаж. Простая, автоматическая процедура сводится к тому, чтобы выяснить, снижается или возрастает большинство показателей. Более сложные статистические инструменты позволяют произвести оценку одного или нескольких скрытых (и ненаблюдаемых) факторов, которые стоят за изменением наблюдаемых переменных (см. одну из ранних работ в этой области: Sargent and Sims 1977). Например, «рост» скрытых факторов может положительно влиять на производство и величину импорта и отрицательно — на занятость. В противоположность простой дихотомии между экспансией экономики и ее рецессией многофакторные модели позволяют более точно выявить ДЦ. Кроме того, они признают существование нескольких скрытых тенденций — например, международных и региональных ДЦ. Подобные синтетические индексы, позволяя эффективно использовать доступную информацию, все же не могут служить панацеей. В частности, их почти не удастся интерпретировать в экономических терминах и сложно сравнивать по отдельным странам, поскольку различаются те данные, на которых они основаны. Проблематичны также хронологические сопоставления из-за детрендинга, поскольку исключение «тенденции» влияет на измерение «цикла» (см., например: A'Hearn and Woitek 2001).

Свидетельства существования национальных и международных деловых циклов

Подъемы и спады экономики с давних времен пробуждали интерес наблюдателей и экономистов. В 1862 г. Клеман Жугляр (1819–1905) описывал торговые циклы, имеющие среднюю периодичность от пика до пика в 7–9 лет. Николай Кондратьев (1892–1938) выявил более длительные «кондратьевские» циклы продолжительностью в 50–60 лет. Их популяризировал в своих работах Йозеф Шумпетер (1883–1950). Саймон Кузнец (1901–1985) открыл промежуточные циклы продолжительностью примерно в 20 лет.

Важным доказательством существования таких циклов, которое рано привлекло к себе внимание этих ав-

ПРИМЕЧАНИЕ: Уровни цен в национальных валютах пересчитаны во французские франки. Особо выделены уровни цен во Франции, Германии и Великобритании, остальные страны — Австро-Венгрия, Бельгия, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Россия, Испания, Швеция и Швейцария.

РИС. 4.1.

Уровни цен (1890–1913 гг. = 100). Приведены по 15 странам с поправкой на обменный курс

торов, служила ковариация реальных цен. Как показано на рис. 4.1, по всей Европе наблюдались сходные долгосрочные тенденции, связанные с ценами: те снижались с середины 1870-х по середину 1890-х гг., а затем возрастали вплоть до Первой мировой войны. В то время как первую эпоху иногда (и, вероятно, незаслуженно) называют «долгой депрессией», то период после 1895 г. с его инфляцией, сопровождавшейся ускоренным ростом экономики, известен как «Belle Époque».

В последнее время экономисты прониклись определенным скептицизмом по отношению к «деловым циклам», предпочитая говорить о «колебаниях». Наблюдаемые изменения носят намного более хаотический характер, нежели простая синусоида или косинусоида, — и действительно, подобная идеальная предсказуемость давала бы возможности для извлечения прибыли и приводила бы

к разрушению цикла³. Более агностический подход характерен для работы Burns and Mitchell (1946), в которой деловые циклы определяются как повторяющиеся, но не периодические колебания совокупной экономической активности, имеющие продолжительность не менее 1 года и не более 20 лет.

Авторы литературы о реальных деловых циклах (РДЦ) пытаются совершенно отказаться от концепций тенденции и цикла, утверждая, что долгосрочный рост и краткосрочные колебания производства следует объяснять в рамках универсальной модели, основанной на микроэкономических факторах (Kydland and Prescott 1982). Эмпирические закономерности, принимающие вид циклов, объявляются результатом поведенческой реакции на случайные экзогенные импульсы. Ключевой темой эмпирических работ становятся свойства макропоказателей, изменяющихся с течением времени — такие, как волатильность (стандартная девиация), постоянство (автокорреляция) и изменение совместно с другими показателями (корреляция). Признавая иррегулярный характер экономических колебаний, многие авторы продолжают рассматривать ДЦ как полезную эмпирическую аппроксимацию.

Во многих исследованиях деловых циклов в 1870–1914 гг. данные за этот период сравниваются с цифрами за последующие периоды. В этой связи встает важный вопрос: привело ли изменение макрополитического режима (например, проведение антициклической монетарной и фискальной политики) к снижению волатильности деловых циклов после Второй мировой войны (ср. с главой 14 данного тома)? Этот вопрос можно вывернуть наизнанку: почему макрополитический режим неоднократно изменялся с течением времени? С этой точки зрения, либо политика эндогенна по отношению к структурной волатильности, либо сам этот процесс порождает потрясения, которым подвержена экономика. Bayoumi and Eichengreen (1994) делают попытку выявить три объяснения смены политических режимов: политические предпочтения и институциональные механизмы (т. е., например, готовы ли политики смириться с высокими процентными ставками ради сохранения фиксированного обменного курса?); стабильность соответствующего экономического окружения (например, бывают ли экзогенные асимметричные потрясения экономики — такие, как нефтяные шоки 1970-х гг.?); и способность экономики приспосабливаться к этим потрясениям

3. Подобный пример приводится в Barsky and DeLong (1991) при обсуждении «парадокса Гибсона», т. е. положительной связи между ценами и номинальными процентными ставками. Авторы объявляют существование этого парадокса результатом неточных прогнозов со стороны экономических агентов.

(например, способны ли цены и ставки заработной платы быстро подстраиваться под новые условия?).

Хронологию монетарной и фискальной политики по традиции разделяют на большие исторические «режимы», называющиеся в соответствии с устройством валютной системы. Так, периоду золотого стандарта до 1914 г. противопоставляются Бреттон-Вудская эпоха (1945–1971) и период плавающих обменных курсов (с 1971 г. по настоящее время). Ввиду отсутствия четко обозначенного доминирующего валютного режима период с 1918 по 1939 г. (ставший свидетелем восстановления и краха золотого стандарта) осторожно, хотя вполне уместно, называется просто «межвоенным».

Невзирая на прозвучавшие у Ромера (Romer 1989) оговорки, о которых зачастую забывают авторы недавних исследований, существующие работы об истории деловых циклов в целом сходятся на том, что циклы до Первой мировой войны были менее волатильны, чем в межвоенные годы, однако более волатильны, чем в период после Второй мировой войны (Backus and Kehoe 1992; Bergman, Bordo, and Jonung 1998)⁴. Basu and Taylor (1999) утверждают, что волатильность в Бреттон-Вудский период была своим уровнем сопоставима с волатильностью, наблюдавшейся до Первой мировой войны. Эти исследования также приходят к сходным заключениям в отношении поведения различных компонентов ВВП. Инвестиции тогда (как и сейчас) были в 2–5 раз более волатильны, чем ВВП, в зависимости от страны и эпохи, а потребление в большинстве стран отличалось несколько меньшей волатильностью по сравнению с ВВП (Basu and Taylor 1999). Как представляется, наиболее волатильным до 1914 г. был платежный баланс. Backus and Kehoe (1992) делают аналогичный вывод в отношении торгового баланса. Величине дохода, потреблению и инвестициям обычно присущ низкий уровень постоянства (автокорреляции), а платежному балансу — высокий, из чего следует, что капитал может долгое время перемещаться в одном и том же направлении. Уровень этого постоянства был намного ниже в межвоенные годы и Бреттон-Вудскую эпоху, что, возможно, связано с ограничениями на перемещение капитала.

Как взаимодействуют друг с другом национальные циклы? Хронология отдельных стран часто содержит ссылки на такие международные события, как изменения обменных курсов валют или финансовая паника. Возраставшая

4. Ромер полагает, что традиционные оценки преувеличивали волатильность до времен Великой депрессии, а соответственно, и снижение волатильности после Второй мировой войны. Разумеется, теперь, в свете мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., все эти сравнения волатильности в различные периоды, возможно, придется пересмотреть.

интеграция товарных и финансовых рынков должна была вести ко все большей и большей взаимозависимости национальных деловых циклов в соответствии с той степенью, в которой специализация и общие риски связывали их или отделяли друг от друга, как мы обсудим ниже. Эмпирический анализ синхронизации с международным деловым циклом требует решения по меньшей мере такого же числа технических проблем, как и выявление национальных циклов на основе данных об экономическом росте. Опять же, на результат может повлиять выбор соответствующего статистического и эконометрического метода (Bordo and Helbling 2003). В первом приближении можно начать с традиционной концепции условных циклов NBER и вывести коэффициент конкордации, по сути представляющий собой меру того, насколько два цикла в двух разных странах совпадают по времени своими фазами — экспансией и рецессией. Основываясь на таком подходе, Моргенстерн (Morgenstern 1959) обнаружил, что британский, французский и германский циклы до 1914 г. регулярно соответствовали друг другу. Использование условных циклов, имея преимущество относительной простоты, позволяет избежать ловушек, присущих различным процедурам детрендинга. В то же время дискретное разделение на фазы экспансии и рецессии препятствует использованию многих стандартных статистических инструментов и не позволяет учесть ряд интересных аспектов — таких, как размах (наряду с направлением) общих тенденций.

Соответственно, логической альтернативой является исследование корреляции между объемами производства в разных странах. Основываясь на единовременных корреляциях между колебаниями производства, Backus and Kehoe (1992) намного более скептически относятся к краткосрочным общим тенденциям: авторам удалось обнаружить положительную корреляцию между скандинавскими экономиками, однако корреляции между Германией, Италией и Великобританией по большей части оказываются нулевыми или отрицательными. Basu and Taylor (1999) аналогичным образом оценивают корреляции ВВП и различных его компонентов с экономикой США и делают вывод о низком уровне общих тенденций до 1914 г. С другой стороны, можно усомниться в том, что США могут служить хорошей точкой отсчета при изучении глобальной картины роста до 1914 г. Напротив, Craig and Fisher (1992, 1997,

2000) делают вывод о возрастании уровня корреляции между ВВП, промышленным производством и объемами импорта для рассматриваемой авторами группы стран.

Изучение общих факторов действительно дает альтернативный показатель синхронизации деловых циклов. Скрытый механизм может заключаться либо в наличии общих потрясений, влияющих на все страны (подобно шоку нефтяных цен в 1970-е гг.), либо в неприятностях, зародившихся в экономике одной страны и распространяющихся оттуда на другие экономики, либо в том и другом одновременно. В качестве примера можно сослаться на проведенное Bergman et al. (1992) изучение показателей деловых циклов в Скандинавских странах, Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции. Для конца XIX в. авторы обнаруживают свидетельства, совместимые с существованием как регионального делового цикла, охватывавшего эти четыре северные экономики и отражавшего высокий уровень их интеграции, так и мирового делового цикла (выражением которого у них служат экономики США, Великобритании, Германии и Японии). Bordo and Helbling (2003) производят сравнение результатов, полученных для дискретных и непрерывных показателей корреляции и для факторной модели, и ни в одном из трех случаев не находят подтверждения того, что деловые циклы до 1914 г. в среднем коррелировали друг с другом. Однако все оценки демонстрируют возрастание уровня синхронизации в течение XX в.

A'Hearn and Woitek (2001) эти подходы критикуют за неспособность провести различие между корреляциями при разной продолжительности циклов. Страны могут не коррелировать друг с другом по краткосрочным 3–5-летним циклам, при этом хорошо коррелируя по циклам в 7–10 или 15–20 лет, наподобие тех, существование которых Кузнец (Kuznets 1958) постулировал для Великобритании и США и которые впоследствии были распространены на другие страны (Solomou 1998). Используя спектральный анализ, А'Херн и Войтек раскладывают годовые данные о промышленном производстве на циклы, утверждая, что в большинстве стран наблюдаются циклы продолжительностью в 7–10 лет, в то время как существование 3–5-летних циклов намного более сомнительно. Кроме того, краткосрочные циклы в 3–5 лет в отдельных странах слабо коррелируют друг с другом, в отличие от более длинных циклов в 7–10 лет, обнаруживающих ярко выраженные общие тенденции. Эти выводы, возможно,

сумеют примирить ощущения современников с неубедительностью статистических данных, на которые ссылались прежние авторы.

Одной из причин такого разительного несоответствия между результатами различных исследований служит использование разных выборок. На выбор изучаемых стран нередко влияет факт наличия данных. Лишь в немногих исследованиях проводится различие между странами на основе их структурных черт или режимов обменного курса, несмотря даже на то, что этот режим нередко используется как основной хронологический критерий. Bordo and Helbling (2003) применяют *ad hoc* разделение стран на «ядро» и «периферию», а также различные географические критерии. Однако незначительная корреляция по объемам производства, по-видимому, слабо зависит от выбора параметров при оценке периода до 1914 г. A'Hearn and Woitek (2001) используют более явные структурные критерии для классификации стран на основе прочности торговых связей и валютных режимов. Авторы демонстрируют, что корреляция между деловыми циклами усиливается по мере роста торговли. Кроме того, они обнаруживают более сильную корреляцию между странами, имевшими в течение этого периода конвертируемую валюту⁵. При аналогичной точке зрения Morgenstern (1959) и Huffman and Lothian (1984) показывают существование значительной корреляции между уровнем экономической активности в странах, до Первой мировой войны придерживавшихся золотого стандарта. Flandreau and Maurel (2005) указывают, что участие в валютных блоках и в режимах с фиксированным обменным курсом до Первой мировой войны способствовало проявлению общих тенденций в деловых циклах.

Прежде чем двигаться дальше, было бы полезно составить некую итоговую сводку. В табл. 4.1 приводятся коэффициенты корреляции между краткосрочными процентными ставками, доходностью государственных облигаций и соответствующими темпами роста ВВП для 15 европейских стран в 1880–1913 гг.

Мы видим сильную и сохранявшуюся в течение длительного времени корреляцию между краткосрочными процентными ставками в странах, придерживавшихся золотого стандарта, что соответствует гипотезе об эффективных и интегрированных рынках. Страны с гибкими обменными курсами, естественно, были менее тесно свя-

5. Однако отметим, что двустороннее измерение корреляции дает для Испании и Австрии сильную корреляцию между циклами, несмотря на неконвертируемость их валют.

ТАБЛИЦА 4.1.

Бельгия	Дания	Франция	Германия	Греция	Италия	Нидерланды	Норвегия	Португалия	Россия	Испания	Швеция	Швейцария	Великобрит.
---------	-------	---------	----------	--------	--------	------------	----------	------------	--------	---------	--------	-----------	-------------

а. Коэффициенты корреляции между краткосрочными процентными ставками в 1880–1913 гг.

Австро-Венг.	0,69	0,43	0,39	0,69	-0,16	0,37	0,53	0,40	0,16	0,27	0,03	0,48	0,50	0,52
Бельгия		0,69	0,75	0,85	-0,13	-0,01	0,83	0,47	-0,05	0,52	-0,18	0,52	0,62	0,76
Дания			0,50	0,79	-0,60	-0,45	0,76	0,66	0,12	0,49	-0,14	0,91	0,63	0,49
Франция				0,56	0,17	0,12	0,53	0,62	-0,21	0,52	-0,45	0,30	0,35	0,72
Германия					-0,24	-0,16	0,80	0,58	0,06	0,61	-0,13	0,75	0,76	0,78
Греция						0,19	-0,25	0,02	-0,35	0,25	-0,21	-0,43	-0,43	-0,08
Италия							-0,12	0,00	0,17	-0,19	0,03	-0,29	-0,25	0,08
Нидерланды								0,42	0,17	0,47	0,07	0,61	0,61	0,71
Норвегия									-0,27	0,43	-0,37	0,77	0,55	0,57
Португалия										-0,21	0,49	0,21	-0,19	-0,24
Россия											-0,22	0,40	0,33	0,52
Испания												-0,05	-0,14	-0,40
Швеция													0,64	0,51
Швейцария														0,66

б. Коэффициенты корреляции по доходности государственных облигаций в 1880–1913 гг.

Австро-Венг.	0,76	0,86	0,84	0,78	-0,21	0,51	0,78	0,71	-0,42	0,78	0,74	0,76	0,68	0,39
Бельгия		0,92	0,72	0,88	-0,34	0,12	0,86	0,84	-0,52	0,57	0,34	0,52	0,92	0,68
Дания			0,86	0,95	-0,53	-0,37	0,92	0,96	-0,59	0,27	-0,51	0,53	0,93	0,86
Франция				0,66	-0,21	0,38	0,73	0,58	-0,54	0,71	0,37	0,70	0,80	0,36
Германия					-0,54	0,08	0,89	0,96	-0,59	0,67	0,34	0,51	0,84	0,81
Греция						0,53	-0,57	-0,57	0,61	-0,38	0,26	0,16	-0,43	-0,61
Италия							0,03	-0,25	0,38	0,07	0,62	0,78	-0,32	-0,42
Нидерланды								0,83	-0,61	0,72	0,39	0,38	0,78	0,69
Норвегия									-0,57	0,44	-0,50	0,35	0,83	0,82
Португалия										-0,66	0,11	-0,10	-0,56	-0,75
Россия											0,41	0,33	0,23	0,49
Испания												0,50	-0,46	-0,06
Швеция													0,33	0,07
Швейцария														0,82

Бельгия	Дания	Франция	Германия	Греция	Италия	Нидерланды	Норвегия	Португалия	Россия	Испания	Швеция	Швейцария	Великобрит.
---------	-------	---------	----------	--------	--------	------------	----------	------------	--------	---------	--------	-----------	-------------

в. Корреляция между уровнями реального роста ВВП в 1880–1913 гг.

0,34	0,19	0,01	-0,50	-0,18	-0,30	-0,29	0,37	0,63	-0,22	-0,36	0,35	-0,06	-0,56	Австро-Венг.
0,30	0,17	-0,47	-0,27	-0,17	-0,13	-0,04	0,12	-0,26	-0,34	-0,12	0,14	-0,56	Бельгия	
0,57	-0,14	0,42	0,22	-0,02	0,34	-0,22	-0,44	0,28	-0,01	-0,45	-0,24	Дания		
-0,03	0,57	0,39	0,00	-0,02	-0,55	-0,53	0,66	-0,27	-0,27	-0,07	Франция			
0,20	0,28	0,22	-0,26	-0,52	0,15	0,18	0,02	-0,08	0,67	Германия				
0,11	0,36	0,26	-0,49	-0,04	0,51	-0,34	-0,48	0,33	Греция					
-0,38	-0,18	-0,37	-0,36	0,71	0,07	0,14	0,26	Италия						
0,24	-0,55	0,15	0,06	-0,43	-0,39	0,56	Нидерланды							
0,09	0,13	-0,03	0,44	-0,76	-0,08	Норвегия								
0,24	-0,67	0,34	0,24	-0,63	Португалия									
-0,52	-0,03	-0,14	-0,08	Россия										
-0,17	-0,06	0,46	Испания											
-0,14	-0,18	Швеция												
-0,08	Швейцария													

Примечание: Для России учитываются лишь 1885–1913 гг., для Швейцарии — лишь 1899–1913 гг.

Источник: Вычисления авторов на основе Flandreau and Zumer (2004).

заны с тремя ведущими державами (Францией, Германией и Великобританией).

Кроме того, заметна сильная корреляция между долгосрочными процентными ставками в рамках данной группы. В той степени, в какой эти долгосрочные ставки отражают риск суверенного дефолта, данные цифры совместимы с тем, что в этих странах не наблюдалось кризисов государственного долга, и потому они были менее уязвимы для спекуляций по сравнению с другой группой. Как можно видеть, прочим странам с низким риском дефолта государственного долга также была свойственна сильная корреляция между номинальными процентными ставками.

Эти результаты резко противоречат итогам вычисления коэффициентов корреляции непосредственно между

уровнями роста ВВП для различных европейских стран. В то время как некоторые корреляции можно объяснить географической близостью или общностью основных экспортных рынков (сюда относятся корреляции между скандинавскими экономиками), результаты, представленные в табл. 4.1(в), не позволяют выявить никаких закономерностей. Как отмечалось выше, это может объясняться качеством исходных данных. Тем не менее мы видим явное отсутствие связи между номинальной и финансовой интеграцией, с одной стороны, и реальной экономикой, с другой.

ВНЕШНЯЯ КОРРЕКТИРОВКА, ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ И ДЕЛОВЫЕ ЦИКЛЫ

В тех случаях, когда международный режим, по видимости, успешно функционирует, обычно приводятся два альтернативных объяснения. Согласно одному из них, причина кроется в продуманной политике. Второе ссылается на благоприятные обстоятельства. Дискуссии о периоде до 1914 г. следуют этому шаблону. Одни авторы считают, что своим успехом международный золотой стандарт был обязан валютной политике, утверждая, что золотой стандарт «хорошо работал», потому что валютная политика соблюдала «правила игры». Другие во главу угла ставят глобализацию, проявлявшуюся в интеграции цен на товары и на факторы производства, которая способствовала гибкости международных экономических отношений и оберегала финансовые власти от затруднительных ситуаций (McCloskey and Zecher 1976, 1984; Bayoumi and Eichengreen 1994).

Проблема состоит в том, что исследователи международной валютной системы, существовавшей до 1914 г., нередко становятся жертвой опасной иллюзии, будто бы для этого режима были характерны особенно высокая согласованность и в целом гладкое функционирование. Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что этот режим работал как угодно, только не гладко, и что данный период был свидетелем кризисов обменного курса, спекуляций и финансовых бурь⁶. Был лишь один довольно короткий период (примерно с 1895 по 1913 г.), в течение которого все шло относительно спокойно, а фиксированный обменный курс сохранялся и в нормальное время, и в пе-

6. См.: Flandreau, Le Cacheux, and Zumer 1998; Flandreau 2003b; и следующие абзацы.

риоды кризиса, притом что к золотому стандарту присоединялось все большее число стран.

Придерживаться идеализированной версии эпохи до Первой мировой войны было бы заблуждением. Тем не менее остается верным то, что при попарных сопоставлениях с последующими периодами эта эпоха выделяется как уникальное время, когда большому числу развитых стран удавалось сохранять приверженность валютной политике, чья долгосрочная цель заключалась в стабильности обменного курса, а краткосрочная — либо в конвертируемости банкнот в золото, либо (что эквивалентно первому) в фиксированности их цены в валюте, конвертируемой в золото. И этот курс выдерживался без тех неурядиц, которые происходили в межвоенный период и во время неоднократных спекулятивных кризисов 1990-х гг. Именно в этом, причем очень узком, смысле мы можем говорить о «загадке» гладкого функционирования международного золотого стандарта. Дальнейшие страницы проливают некоторый свет на то, как реально работал золотой стандарт.

Золотой стандарт и валютная политика

Общим местом научных дискуссий о валютной политике при золотом стандарте является традиционная ссылка на «правила игры». Сразу же скажем, что они не существовали до 1914 г., будучи выдумкой свидетелей валютных и финансовых катаклизмов военной эпохи и межвоенного периода. Начиная с комитета Канлиффа в 1918 г., экономисты сочинили множество фантазий о том, как работал золотой стандарт и как хорош он был. Главная мораль заключалась в следующем. Утверждалось, что ключевым ингредиентом, обусловившим успех механизма корректировки, были попытки центральных банков игнорировать колебания величины золотого резерва, вместо того чтобы стерилизовать их. Считается, что не так обстояло дело в межвоенный период, и Nurske (1944) приводит доказательства массовой практики подобной стерилизации в межвоенной финансовой политике. Однако позднее (Bloomfield 1959) было продемонстрировано, что стерилизация применялась столь же широко и до Первой мировой войны.

Выводы, к которым приводит Блумфилд, заложили основы новой литературы по данной проблематике. Авторы

7. См., например: Flandreau 2004, Chapter 4, и Reis 2007.

этой литературы в ее нынешней разновидности, исходя из основных принципов, пытаются реконструировать реальный набор правил, по которым осуществлялась валютная политика до Первой мировой войны⁷. Пока что нельзя сказать, чтобы эта литература была способна на системные открытия. Однако на данном этапе она уже придает более конкретное микроэкономическое, институциональное и политическое наполнение дискуссиям о механизме корректировки.

Ключевыми вехами на этом пути были ранние работы Форда (Ford 1960, 1981) и ЛиндERTA (Lindert 1969). В них подчеркивалось существование асимметричной корректировки при золотом стандарте, объяснявшееся разной степенью финансовой централизации. В данном отношении ключевым термином является, по выражению ЛиндERTA, «относительная сила притяжения». Некоторые центральные банки были более равны по сравнению с другими, когда речь шла о привлечении зарубежных денег, — они обладали большей «силой притяжения». Форд отмечает, что механизм корректировки работал по-разному в зависимости от типа изучаемой страны: корректировку было проще производить в «центре» (Британия), чем на «периферии» (Аргентина).

Ford (1960) предлагает весьма специфический механизм, объясняя большинство проблем волатильностью условий торговли, обусловленной высокой концентрацией экспорта. Однако логика асимметричной корректировки, возможно, носит более общий характер, чем считает Форд. Чтобы понять, почему это так, попробуем рассмотреть простой механизм корректировки в случае двух стран. Отправным пунктом будет относительное изменение цен, создающее первоначальный внешний дисбаланс⁸. В стране А ускоряется инфляция, что ведет к изменению структуры торговли и к торговому дефициту. В принципе при пассивной валютной политике равновесие в долгосрочном плане может восстановиться, поскольку дефицит ведет к утеканию золота из страны А и последующей относительной дефляции. Однако финансовые власти могут помочь этому процессу, подняв процентную ставку. Такая политика приводит внутренние цены в соответствие с международными ценами и — что, возможно, более важно — в краткосрочном плане позволяет финансировать внешний дефицит посредством привлечения зарубежного капитала.

8. Eichengreen and Flandreau 1997.

Теперь предположим, что мы изменяем первоначальные условия в одном важном отношении. Допустим, что валюта страны *A* — это местная валюта, а валюта страны *B* — международная валюта: имеется в виду, что у зарубежных инвесторов не имеется никаких балансов (срочные вклады, краткосрочные кредиты, долгосрочные долги и т. п.), деноминированных в валюте *A*. В результате повышение процентной ставки центральным банком страны *A* никак не затронет иностранцев и подействует разве что через репатриацию зарубежных балансов резидентами страны *A* и дефляцию в отечественной экономике. Это будет принципиально отличаться от того, что случится в стране *B*, поскольку валюта *B* — международная. В подобных условиях внешняя корректировка не может не быть асимметричной.

Предыдущий пример соответствует ключевой эмпирической черте международной финансовой системы, действовавшей до 1914 года. Пусть *A* — это Аргентина, а *B* — Великобритания. В Лондоне не существовало рынка для векселей в песо, притом что в Буэнос-Айресе действовал крупный рынок стерлинговых векселей. Мы приходим к выводу, что несуществующие рынки тоже важны. Причина асимметричности, присущей механизму международной корректировки, скрывается на уровне микроэкономики⁹. Двигаясь по этому пути, мы должны были бы ожидать более постоянной и устойчивой приверженности золотому стандарту в тех странах, чья валюта в той или иной мере находится в международном обращении. Страны с международной валютой могли бы избежать необходимости производить корректировку посредством внутренней дефляции и вследствие этого были бы более склонны сохранять верность международному золотому стандарту.

Flandreau and Jobst (2005) приводят доказательства в пользу такого соображения. Рассматривая международное распространение переводных векселей, эмитированных на данном рынке, они составляют систематический рейтинг стран по их положению между «ядром» и «периферией». Ядро международной валютной системы того времени совместно составляли три крупные европейские экономики (Великобритания, Франция и Германия). Кроме того, авторы выделяют группу промежуточных стран, чьи валюты находились в региональном обращении. Важное место в этой группе занимают про-

9. В число близкородственных исследований входит и недавняя работа, посвященная «проблеме переносного греха» (невозможность для большинства стран привлекать займы на внешних рынках в национальной валюте. — *Ред.*). Подробнее о масштабах, которые приняла эта проблема в Европе, см. Flandreau and Sussman 2005.

чие европейские страны. Возникает искушение связать это обстоятельство с относительной последовательностью, с которой политика золотого стандарта осуществлялась по всей Европе.

Ключевое место в «современном синтезе» на тему валютной политики в период до Первой мировой войны также занимает акцент на микроэкономических структурах, в рамках которых проводилась валютная политика¹⁰. Подобный синтез подчеркивает некоторые аспекты, позволяющие зачислить действия центральных банков при наличии золотого стандарта в более широкий спектр теоретических вариантов, подпадающих под определение «целевой зоны», первоначально сформулированное применительно к европейскому механизму обменного курса (МОК) (Krugman 1991a). «Целевые зоны» или «валютные коридоры» представляют собой договоренности, согласно которым центральные банки стараются сдерживать колебания обменного курса в рамках определенного диапазона. Подобный валютный коридор между странами, соблюдавшими золотой стандарт, задавали «золотые точки», отражавшие в себе стоимость перевозки золота между двумя рынками. Обменный курс не мог подняться выше или упасть ниже той цены, при которой было бы более выгодно покупать золото за банкноты на одном рынке, перевозить его на другой рынок и там снова обменивать на банкноты¹¹.

Теория целевых зон полезна из-за содержащейся в ней идеи о том, что валютные коридоры представляют собой компромисс между стабильностью обменного курса и независимостью политики. В этом проще всего убедиться, рассмотрев идеальный случай абсолютно фиксированного и абсолютно гибкого режимов обменного курса. При абсолютно фиксированном режиме обменного курса независимость политики совершенно невозможна. Отечественная денежная масса, процентные ставки и т.д. являются эндогенными факторами. Нередко подчеркивается, что страны, решившие привязать свою валюту к золоту, утрачивают возможность гибкой корректировки обменного курса. Согласно «трилемме» Манделла, невозможно в одно и то же время достичь более двух из трех следующих целей: независимости валютной политики, стабильности обменного курса и мобильности свободного капитала. И напротив, страны, сохраняющие гибкость обменного курса, способны справиться с отсутствием вне-

10. См. одну из первых работ, в которых это прозвучало: Eichengreen and Flandreau 1997.

11. Поскольку МОК являлся системой, не пользовавшейся доверием, и поскольку ему были свойственны некоторые особые черты — такие, как заранее определенный коридор колебаний, — применение понятия «целевая зона» к периоду золотого стандарта требует некоторых оговорок, о которых иногда забывают, что приводит к недопониманию. Одна из этих оговорок заключается в том, что в отличие от современных целевых зон центральные банки в период золотого стандарта никогда не брали на себя обязательство поддерживать предустановленный курс валюты, а лишь гарантировали конвертируемость банкнот в золото.

шнего равновесия, возлагая бремя корректировки на обменный курс¹².

Таким образом, валютный коридор может оказаться лучшим из миров. Предположим, например, что зарубежные процентные ставки выросли по отношению к отечественным. При системе фиксированного обменного курса местные власти должны были бы последовать чужому примеру. Однако в отношении валютного коридора валютная политика не обязана подгонять внутренние условия под внешние. Вместо этого она может отпустить обменный курс. Это может случиться, поскольку, при условии что спекулянты доверяют финансовым властям, обязующимся и дальше обменивать их банкноты на золото, они сделают ставку на неизбежное подорожание данной валюты. Сокращение прибыли в результате снижения внутренних процентных ставок компенсируется ожидаемым доходом после того, как обменный курс вновь поднимется. Важным следствием из этого обстоятельства является то, что благодаря свободе, предоставляемой центральным банкам, отдельные страны могут в какой-то мере оградить себя от внешних потрясений, несмотря на наличие квазификсированного обменного курса.

Логику этих рассуждений иллюстрирует следующий пример из истории Австро-Венгрии (подробнее см.: Flandreau and Komlos 2006). В 1907 г. нью-йоркский финансовый рынок был потрясен жестоким финансовым кризисом, отозвавшимся в ряде европейских центров. Это привело к сокращению глобальной ликвидности и к уходу золота за границу, на что центральным банкам в большинстве стран, задетых катаклизмом, пришлось отвечать резким повышением процентных ставок. Так, центральный банк (Рейхсбанк) в Берлине 1 ноября поднял ставку с 5,5 до 6,5%, 11 ноября повысив ее еще раз — до 7,5%.

Австро-Венгерский банк с его фиксированным обменным курсом по отношению к марке должен был поступить аналогично. Однако, как вскоре отметили современники, валютный коридор сыграл роль предохранителя. По их наблюдениям, спот-курс флорина по отношению к марке накануне кризиса был ниже паритета, и соответственно обменный курс был «сильным». Однако в то же время форвардный курс превышал спот-курс, из чего следовало, что рынок ожидал обесценивания флорина. Когда кризис разразился, власти отпустили обменный курс. В результате он стал «слабым» (превысил паритет). Однако фор-

12. Catão and Solomou (2005) отмечают значительную роль, которую колебания эффективного обменного курса играли в механизме корректировки, существовавшем в странах, в период золотого стандарта не присоединившихся к нему. См. также: Catão (2006).

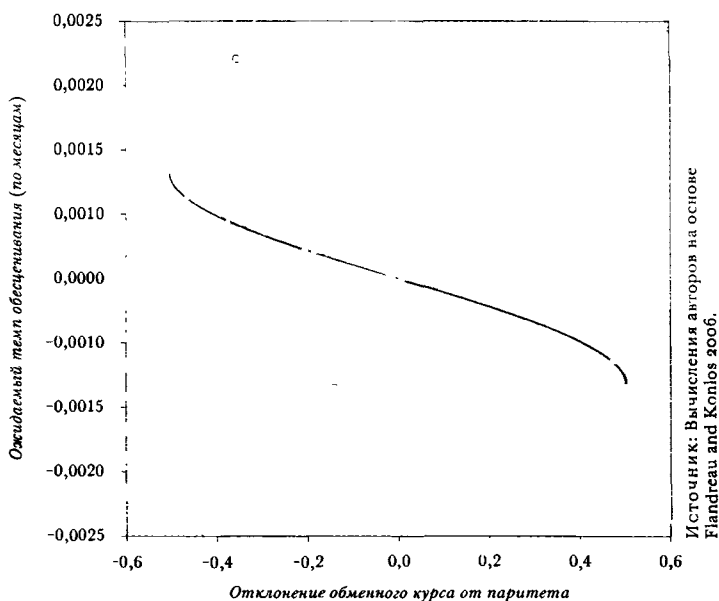

РИС. 4.2.
Гибкость валютной политики в условиях валютного коридора при золотом стандарте (Австро-Венгрия в 1901–1914 гг., ежемесячные данные)

вардный курс теперь опустился *ниже* спот-курса, т.е. рынок ожидал, что спот-курс восстановится. Таким образом, отпустив обменный курс, финансовые власти заставили спекулянтов сыграть на повышение флорина на форвардных рынках.

Выгода состояла в том, что австро-венгерские финансовые власти были в состоянии пережить крупный разрыв между своей базовой ставкой и немецкой официальной процентной ставкой, несмотря на наличие в обеих странах золотого стандарта. Этот разрыв к середине ноября достиг 250 базисных пунктов, в конце концов стабилизовавшись на уровне в 150 базовых пунктов. Ожидавшие крупные доходы инвесторов на денежном рынке позволили центральному банку не поднимать процентную ставку и тем самым приобрести известную валютную независимость. Наблюдатели-современники и последующие комментаторы полагали, что такая политика, проводившаяся сознательно, отражала в себе значительную проницатель-

ность и понимание возможностей циклического менеджмента (Federn 1910; Einzig 1937; Flandreau and Komlos 2006). Это иллюстрирует рис. 4.2, на котором изображена взаимосвязь между обменным курсом и рыночными ожиданиями в отношении будущих изменений статуса валюты. Из отрицательного наклона кривой следует, что рынок ожидал подорожания валюты в тех случаях, когда она была слабой, и ее удешевления, когда она была сильной.

Этот эпизод из австро-венгерской истории ярко высвечивает важный элемент текущих дискуссий о механизме корректировки: для того чтобы происходили стабилизирующие спекуляции и инвесторы поддерживали политику австро-венгерских финансовых властей, требовалось существование глубокого и ликвидного рынка австро-венгерских векселей, равно как и хорошо функционирующего форвардного рынка валюты. Вероятно, не следует удивляться тому, что Австро-Венгрия действительно попадала в эту «промежуточную» категорию, находясь ближе к ядру международной финансовой системы, чем к ее периферии, а успех этой политики, свидетельствуя о необходимости такой предпосылки, как доверие, возможно, в гораздо большей степени был обусловлен уровнем валютного раз-
вития и международной финансовой интеграции¹³.

13. Более подробно о развитии рынков зарубежной валюты в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны см.: Jobst 2009.

Глобализация, деловые циклы и механизм корректировки

Эпоха исключительной интеграции

На рис 4.3 изображена эволюция трех факторов, служащих показателями интеграции рынков товаров, труда и капитала в долгосрочном плане. Интеграция товарных рынков оценивается по отношению объемов экспорта к ВВП. Показателем интеграции рынков труда служит отношение миграционного оборота к численности населения. Финансовая интеграция измеряется с использованием показателей рассогласованности платежных балансов Фельдштейна–Хориоки¹⁴. В качестве точки отсчета выбран 1880 г.

Одним из поразительных результатов является уровень интеграции, достигнутый в годы перед Первой мировой войны и, возможно, связанный со снижением трансакционных издержек. Интеграция рынков и невысокие торговые барьеры играли существенную роль в усилении ме-

14. Bayoumi 1990; Flandreau and Rivi re 1999; Bordo and Flandreau 2003; Obstfeld and Taylor 2003.

15. Остается открытым вопрос, способствовал ли интеграции золотой стандарт. Некоторые авторы утверждают, что система золотого стандарта снижала транзакционные издержки и создавала более безопасную среду, стимулируя торговлю и потоки капитала (Lopez-Cordoba and Meissner 2003; Jacks 2006).

С другой стороны, Yeager (1976) подчеркивает проблему заранее взятых обязательств при режимах плавающего валютного курса и зависимость приверженности золотому стандарту от веры в реальность либерализации при отсутствии других координирующих механизмов. Flandreau and Maurel (2005) приводят свидетельства коллинеарности между золотым стандартом и открытостью, подтверждающие интерпретацию Игера.

16. Flandreau, Le Cacheux, and Zumer 1998; O'Rourke and Williamson 1999; Dowrick and DeLong 2003; Obstfeld and Taylor 2003.

ждународной конкуренции (Broadberry and Crafts 1992). Снижение транспортных издержек и технический прогресс в области холодильных установок позволили привозить в Европу товары со всего света (мясо из Аргентины, зерно из США, шерсть из Австралии)¹⁵. Другой очевидный элемент — вклад открытости рынков капитала в финансовую интеграцию (Nurske 1954; Edelstein 1982). Также внимание обращалось на процесс международной конвергенции ставок реальной заработной платы и процентных ставок¹⁶.

Интеграция и деловые циклы: некоторые оговорки

Прежде чем продолжать, необходимо сделать ряд замечаний. Во-первых, даже согласившись с тем, что издержки транзакций снижались, а внешняя корректировка была делом несложным, остается открытым вопрос об относительной интеграции альтернативных рынков. Идея сводится к тому, что бремя корректировки должны были нести более изменчивые рынки. Интерес к пониманию работы глобальных рынков в этот период нельзя удовлетворить словами об «автоматической корректировке» на «идеальных рынках».

Во-вторых, отметим, что экономическое развитие оставалось несбалансированным. Налицо контраст между богатыми странами Северо-Западной Европы (в особенности Францией, Германией и Великобританией), которые экспортировали капитал, и странами Южной и Восточной Европы, представлявшими собой аграрные экономики, далеко отставшие от более удачливых соседей. Соответственно, невозможно рассматривать европейскую экономику как однородную структуру, подверженную симметричным шокам и отличавшуюся идеальной синхронизацией при переносе циклов. Таким образом, как уже отмечалось, география международного переноса деловых циклов остается интригующим вопросом.

В-третьих, следует проводить различие между общими тенденциями и внешней корректировкой. Интеграция могла облегчать процесс внешней корректировки, для которого не обязательно требовалась синхронизация больших деловых циклов. В некоторых случаях рыночная интеграция способствует специализации (Krugman 1991b), приводя к тому, что шоки, специфич-

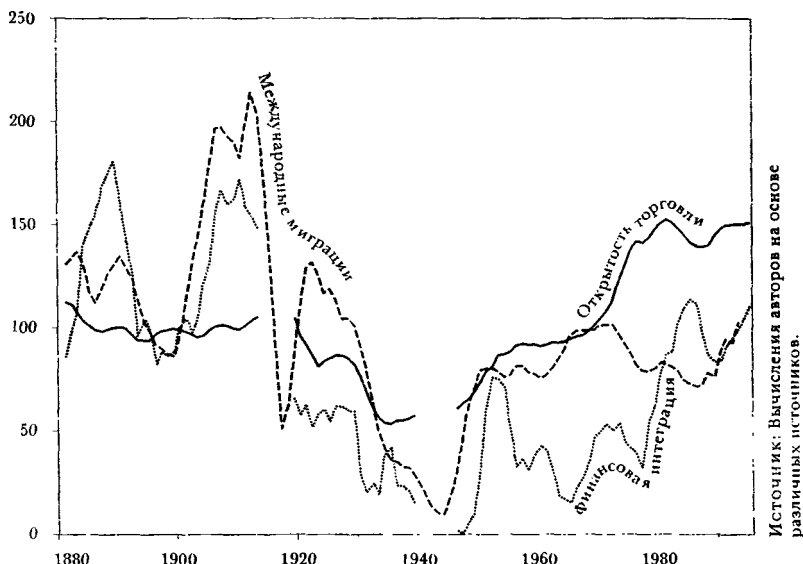

РИС. 4.3.
Открытость торговли, финансовая интеграция
и показатель миграции (1880–1996 гг., 1900 г. = 100)

ные для данной страны, учащаются и тем самым способствуют рассинхронизации отдельных деловых циклов. Эйхенгрин (Eichengreen 1992d) вслед за Фордом отмечает, что менее развитым странам, главным образом специализирующимся на производстве узкого спектра товаров, приходится сталкиваться с рыночными неурядицами, которые вызывают резкие колебания условий их торговли. Flandreau and Maurel (2005) приводят свидетельства в пользу того, что торговая интеграция оказывала отрицательное воздействие на согласованность деловых циклов в Европе конца XIX в.

В-четвертых, не решен вопрос о том, к чему вели эти потоки — к стабилизации или к дестабилизации. Bloomfield (1968) утверждает, что краткосрочные потоки капитала к концу рассматриваемого периода усиливались, приводя к возрастанию напряжения. Ford (1981) выдвигает мысль о том, что потоки капитала иногда приносили пользу, а иногда способствовали дестабилизации, в зависимости от периода. Форд предполагает существование цикла, двигателем которого являлся экспорт из центральной эконо-

мики (Великобритании), и позволявшего, в свою очередь, компенсировать экспорт капитала и труда в Новый Свет. Kindleberger (1985), вслед за Schumpeter (1939) и Morgenstern (1959), отмечает, что ежегодные объемы международных инвестиций до 1914 г. были тесно связаны с деловыми циклами — как в странах-инвесторах, так и в странах — получателях инвестиций.

Движение факторов производства и корректировка

На какие условия реагировали потоки факторов производства? Прежде всего рассмотрим капитал. В то время как имевшаяся у инвесторов в системе с мобильным свободным капиталом возможность перекраивать свой инвестиционный портфель объясняет нынешнее невосполнимое отсутствие систематических данных о двусторонних потоках капитала, сведения о происхождении этого капитала дают нам кое-какие намеки. Они предполагают существование некоторых перекосов. На рубеже веков британский капитал вывозился главным образом в Новый Свет и страны, заселенные выходцами из Европы. Французский и германский капитал концентрировался в Европе. Fishlow (1985) утверждает, что британский капитал в первую очередь выбирал инвестиции, ориентированные на развитие (такие, как железные дороги и прочая инфраструктура), в то время как материковые инвесторы вкладывали средства главным образом в ценные бумаги, что шло на пользу правительствам и текущим расходам в Европе и на Ближнем Востоке. Согласно другой точке зрения (Esteves 2007), немецкие инвестиции реагировали на те же факторы, что и британские. Flandreau (2006) предполагает, что европейские инвестиции имели «отечественный уклон» в том смысле, что колониальный статус давал преимущества отдельным странам, создавая в них институциональные условия, повышавшие их «готовность платить по счетам», и тем самым делая капиталовложения в колонии более безопасными для инвесторов из метрополии, чем для прочих¹⁷. Regalsky (2002) бум французского экспорта связывает с инвестициями в Южную Америку. Easterlin (1968) демонстрирует также, что экспорт капитала и миграция шли рука об руку. Согласно Clemens and Williamson (2004), факторами, влиявшими на экспорт британского капитала, были в первую очередь уровень образования, естественные ресурсы и демография.

17. Accominotti et al. (2008) приводят дополнительные свидетельства в пользу этого мнения.

Можно взглянуть на это явление с другой точки зрения, изучив факторы, определявшие цену государственных облигаций. Bordo and Rockoff (1996) указывают, что приверженность золотому стандарту снижала для страны цену внешних займов, и предполагают, что сам он играл роль «сертификата надежности». Flandreau and Zumer (2004), изучив эффективность финансовой политики (уровень задолженности и фискальные показатели), приходят к выводу, что соблюдение или несоблюдение золотого стандарта не создавало никакой разницы. Они демонстрируют, что двумя основными факторами, снижавшими финансовые издержки для стран-заемщиков и вызывавшими конвергенцию процентных ставок, были экономический рост и инфляция, а не фискальная дисциплина. Это сочетание после 1895 г. стало мощной силой, повысившей фискальную устойчивость¹⁸. Таким образом, здесь содержался элемент самоподдерживавшейся экспансии: ускорение роста влекло за собой инфляцию, которая обнуляла прежние долги.

Что касается трудового фронта, то не следует преувеличивать способности рынков к осуществлению плавной корректировки посредством изменения цен. Одновременно с проведением большого числа реформ на рынке труда и внедрением различных схем социального страхования профсоюзы противодействовали снижению номинальной заработной платы (Huberman and Lewchuk 2003). Еще раньше Phelps Brown and Browne (1968) указывали, что если всплески деловой активности обычно сопровождались увеличением заработков, то сокращение заработной платы в периоды депрессии носило маргинальный и асимметричный характер. Согласно Hatton (1988), ставки заработной платы в Великобритании в 1880–1913 гг. были менее гибкими, чем в конце XX в.

В этих условиях альтернативу представляли международные потоки рабочей силы. Jegome (1926) утверждает, что они были тесно связаны с деловыми циклами¹⁹. Когда экономические условия внутри страны ухудшались, люди направлялись оттуда в более процветающие регионы Европы, но в первую очередь они стремились попасть в Новый Свет, особенно в США. И напротив, рост экономической активности и занятости приводил к сокращению эмиграции. Аналогичным образом на колебания деловой активности реагировала и возвратная миграция. Экономические превратности в наибольшей степени затрагива-

18. Аналогичную гипотезу рассматривают Flandreau, Le Cacheux, and Zumer (1998). Авторы указывают, что реальные проценты, выплачивавшиеся по государственным облигациям, резко сократились после 1895 г.

19. См. также: Thomas 1954; Gould 1979; Hatton and Williamson 1998.

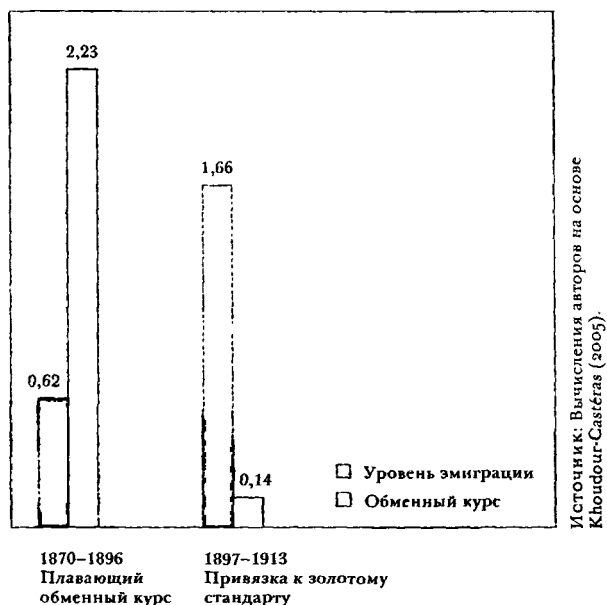

РИС. 4.4.
Стандартные отклонения ежегодного уровня
миграции и обменного курса в Австро-Венгрии
до и после введения фиксированного
обменного курса

ли недавних мигрантов, и потому те во время рецессий были склонны к возвращению на родину (Gould 1979).

Panic (1992) указывает, что для стран, соблюдавших золотой стандарт, мобильность капитала и международная миграция заменяли друг друга: в то время как более развитые страны могли рассчитывать на достижение равновесия с помощью потоков капитала, более отсталым нациям приходилось полагаться на перемещения рабочей силы. Согласно Khoudour-Castéras (2002, 2005), колебания номинального обменного курса и международная миграция взаимно уравнивали друг друга. В этом отношении особенно поразителен пример Австро-Венгрии. Переход этой страны на золотой стандарт привел к резкому изменению миграционных процессов (рис. 4.4). В то время как обменный курс после 1896 г. в целом стабилизировался, эмиграционные потоки усилились и стали более волатильными. Мобильность рабочей силы компенсирует межрегиональный дисбаланс рынков труда и помогает

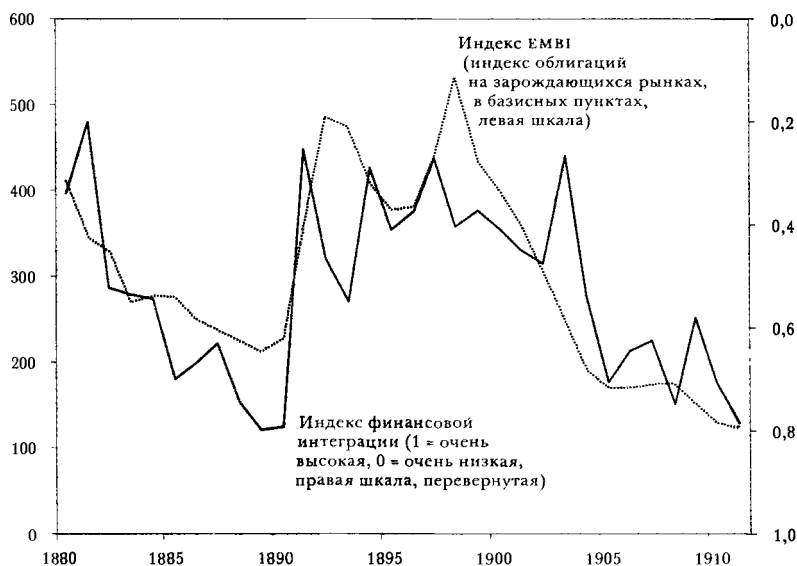

РИС. 4.5.
Финансовая интеграция
и государственная премия за риск

поддерживать режим фиксированного обменного курса²⁰. Khoudour-Castéras (2005) демонстрирует, что эмиграция помогала финансировать дефицит платежного баланса. Более того, денежные переводы, отправлявшиеся мигрантами на родину, способствовали восстановлению равновесия (Fenoaltea 1988; Esteves and Khoudour-Castéras, 2009)²¹.

Финансовые кризисы и их заразность

На рис. 4-5 уровень риска дефолта на «развивающихся рынках» (левая ось) сравнивается с показателем финансовой открытости Фельдстайна–Хориоки (правая ось, перевернутая шкала)²². Когда этот уровень повышается, платежный баланс обнаруживает тенденцию к снижению, что произошло бы при режиме финансовой автаркии (ограниченной финансовой интеграции). Из совместного применения обоих показателей следует, что чем выше риск дефолта на развивающихся рынках, тем менее открыта глобальная финансовая система. Кроме того, создает-

20. Этот вывод совместим с теорией оптимальных валютных зон, выдвинутой Mundell (1961).

21. В некоторых случаях переводы могут приносить с собой нестабильность, о чем свидетельствует влияние, оказанное крахом бразильской валюты в начале 1890-х гг. на платежный баланс Португалии (Lains 1995).

22. В этом заключается тест Фельдстайна–Хориоки (корреляция между сбережениями и инвестициями). Один из первых примеров использования этого теста см.: Bayoumi (1990).

ся впечатление, что усиление финансовой интеграции и снижение премии за риск происходило последовательными волнами. Ранее исследователи (Abramovitz 1961; Ford 1962) традиционно выделяли три всплеска активности: в 1860-е гг., с пиком в 1872 г., за которым последовало падение до 1878 г.; в 1880-е гг., с пиком в 1888 г., резким сокращением глобальных рынков капитала после 1890 г. и их последующим постепенным восстановлением; последнее привело к глобализации в период «Belle Epoque», завершившийся с началом Первой мировой войны. Обстоятельства, при которых оборвался последний цикл, достаточно нетипичны, но окончанию двух предыдущих циклов были свойственны общие черты. В обоих случаях причиной краха стали финансовые кризисы, разрушившие международные потоки капитала и повлекшие за собой как государственные дефолты по непогашенным задолженностям, так и прочие болезненные явления, включавшие банковские и валютные кризисы.

Особое место занимает кризис Barings Bank (Банк «Братья Бэринг»). Как показано на рис. 4.5, в годы, следовавшие за этим кризисом, экспорт капитала из Великобритании и других финансовых центров резко сократился. Кризис Barings Bank сопровождался рядом других событий, однако имеются серьезные основания полагать, что именно он несет ответственность за то, что происходило в начале 1890-х гг. (Wirth 1893; Kindleberger 1989).

Случаи неожиданного сокращения экспорта капитала в последнее время вызывают большой интерес у исследователей, получив название «внезапных остановок»²³. Такие внезапные остановки представляют собой глобальные кредитные потрясения. В том случае, когда глобальные рынки капитала подвергаются шоку, инвесторы с высоким уровнем левериджа (использования кредита для проведения финансовых сделок. — *Ред.*) могут испытывать нежелание распродавать определенные категории активов и в результате сокращают объемы выданных займов (Calvo 1999). В начале 1890-х гг. некоторые наблюдатели отмечали, что немецкие банки, владевшие латиноамериканскими ценными бумагами, после кризиса Barings Bank избавились от своих более ликвидных австро-венгерских ценных бумаг, тем самым создав проблемы для Габсбургской монархии — точно так, как подразумевается в моделях внезапных остановок²⁴. Более ранние исследования также указывали на ключевой вклад факторов, определяющих

23. Calvo, Izquierdo, and Mejía (2004) внезапные остановки определяют как «неожиданное резкое сокращение международных потоков капитала». Согласно Catão (2006), внезапные остановки до 1914 г. были предметом беспокойства многих стран, независимо от уровня их дохода и финансового развития. Esteves and Khoudour-Castéras (2009) утверждают, что денежные переводы от европейских мигрантов помогали облегчить последствия внезапных остановок в периферийных странах, компенсируя негативное воздействие неожиданного оттока капитала.

24. Flandreau (2003a).

предложение, в сокращение потоков капитала, последовавшее за кризисом Barings Bank (Joslin 1963; Kindleberger 1985). Уменьшение экспорта капитала из Лондона сильно затронуло третьи страны как в Европе, так и за ее пределами. Bordo (2006) отмечает, что негативное влияние внешних остановок в сочетании с финансовыми кризисами до Первой мировой войны могло достигать 4% ВВП.

Процесс, посредством которого финансовые кризисы распространяются от страны к стране, известен как (финансовое.— *Ред.*) *заражение*. Современники писали об «отголосках» кризиса Barings Bank²⁵. В недавних работах исследуется существование заражения и те каналы, по которым в XIX в. распространялись финансовые кризисы. Triner and Wandschneider (2005) утверждают, что Бразилия могла заразиться от Аргентины. Bordo and Murshid (2000), сравнивая коэффициенты корреляции между прибыльностью в группе стран за 6 месяцев до и после кризиса Barings Bank, не находят существенного возрастания этих коэффициентов. Аналогично, Mauro, Sussman, and Yafeh (2002; 2006) изучают, как изменялись спреды доходности облигаций на развивающихся рынках в период 1870–1913 гг., и делают вывод о поразительном отсутствии разности после кризиса Barings Bank²⁶. Согласно Flandreau (2003a; 2003b) и Flandreau and Zumer (2004), после кризиса Barings Bank объемы задолженности отслеживались более тщательно, чем прежде. Кроме того, кризис создавал возможность входа на рынок для новых банков, применявших новую технологию контроля в виде крупных расходов на получение информации. Представления о глобальных рисках, разделявшиеся инвесторами на ведущих рынках, по-видимому, являлись мощным двигателем глобальных экономических циклов.

25. См.: Flandreau (2003a); Kindleberger (1987).

26. Авторы полагают, что в XIX в. заражения не происходило. Использование той же методологии приводит Flandreau and Flores (2009) к выводу, что общие тенденции были более заметны в 1820-х гг., чем в конце XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной главе нами был рассмотрен ряд вопросов, связанных с обликом деловых циклов в конце XIX — начале XX в. Во-первых, мы подчеркивали разрыв между финансовой и номинальной интеграцией и однонаправленными тенденциями, с одной стороны, и явным отсутствием взаимосвязи между реальными переменными, с другой. Во-вторых, мы выяснили, что часто подчеркиваемая роль режимов обменного курса как источников

общих тенденций крайне преувеличивается. Идея о том, что золотой стандарт «объединял мир», приемлема лишь с серьезными оговорками, включающими свидетельства существования специализации, приводившей к рассинхронизации деловых циклов, способность центральных банков играть на мелких различиях между обменными курсами с целью добиваться существенной политической независимости и т. д.

Кроме того, мы столкнулись с множеством дальнейших проблем, требующих углубленного изучения в будущем. В частности, мы полагаем, что микроэкономические аспекты глобальной финансовой системы могли оказывать намного более существенное влияние на деловые циклы, чем макроэкономические договоренности — такие, как режим обменного курса.

В этой связи мы отмечали, что в нашем обзоре неоднократно вставал вопрос о значимости факторов, определяющих предложение, для глобального денежного рынка. Мы видели это, когда подчеркивали, насколько сильно реакция отдельных стран на глобальные неурядицы определялась географией международной ликвидности. Этот момент снова привлек наше внимание при разговоре о глобальных циклах предложения капитала с их «внезапными остановками», одна из которых наблюдалась, например, после кризиса Barings Bank. Наконец, мы снова столкнулись с этим, когда указывали, что решающую роль в запуске длинного цикла «Belle Époque» сыграло взаимодействие переменных, связанных с репутацией и государственной политикой. Мы полагаем, что эти аспекты оказывали принципиальное влияние на формирование политического курса и должны стать темой дальнейших исследований.

ГЛАВА 5

Население и уровень жизни в 1870–1914 гг.

КЭРОЛ ЛЕОНАРД
ЙОНАС ЛЮНДБЕРГ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение · 159
Численность населения · 160
Снижение смертности и рост продолжительности жизни · 161
Оценка уровня жизни: Индекс человеческого развития · 163
Модернизация, урбанизация и условия жизни · 165
Санитарные условия, уход за детьми и успехи просвещения · 176
Сравнение неравенства · 182
Заключение · 187

Авторы выражают признательность Джорджу Алтеру, Леониду Бородину, Стиву Бродберри, Бобу Миллуорду и Кевину О'Рурку за полученные от них полезные советы и замечания. Оставшиеся недочеты лежат на нашей совести.

ВВЕДЕНИЕ

Люди, жившие в последние полвека перед 1914 г., стали свидетелями колоссального изменения жизненных условий. Это можно сказать не только о рано индустриализовавшихся европейских регионах, но и о многих периферийных территориях, особенно на севере материка. В то время как ранняя индустриализация неоднозначно сказалась на уровне жизни, к концу XIX в. настало время для того, чтобы обширные блага и возможности стали доступны и для широких масс населения. Глубокие перемены затронули почти все сферы повседневной жизни: строились железные дороги; водопроводы и канализация облегчили ведение домашнего хозяйства в крупных и средних городах; на большей части Европы все дети были охвачены начальным образованием, а в сочетании с современными газетами и такими научными прорывами, как теория микроорганизмов, рациональные знания стали оказывать на общество новое, ранее неизвестное влияние; более того, на рынке появились новые потребительские товары — такие, как консервы, готовое платье, велосипеды и т. д.; свой вклад в преобразование повседневной жизни внесли получившие распространение к концу века телефоны и электрификация, несмотря на то что непосредственный доступ к этим новшествам имели лишь немногие люди. Однако в данной главе мы лишь косвенно затронем эти приметы конца XIX в., в первую очередь рассматривая более элементарные аспекты уровня жизни, связанные с демографическими процессами и включающие здравоохранение, организацию домашнего хозяйства и распределение дохода.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Согласно оценкам, общая численность населения в Европе (за исключением Турции) достигала в 1870 г. примерно 314 млн человек (глава 10 тома 1). К 1913 г. она возросла приблизительно на 50%, составив 471 млн человек (вычислено по данным Maddison 1995). Это соответствует среднему ежегодному темпу прироста населения, немного не достигающему 1% (0,95%), что, вероятно, означало небольшое ускорение по сравнению с первой половиной века (0,78%). Население в России благодаря резкому снижению уровня смертности возрастало еще быстрее, в 1867–1913 гг. ежегодно увеличиваясь на 1,5%. Пример России служит иллюстрацией к более общему наблюдению о том, что следует проявлять осторожность при попытках провести тесную связь между быстрым ростом населения и индустриализацией и повышением уровня жизни. Например, быстрый рост населения в Финляндии начался еще до индустриализации, в XVIII в., и достигал почти таких же темпов, которые наблюдались в Великобритании во время промышленной революции. Если же говорить о рассматриваемом нами периоде, то стремительный рост населения в царской России происходил главным образом в сельских районах. С другой стороны, в Великобритании в данную эпоху темпы роста населения начали сокращаться. Отчасти это произошло вследствие снижения уровня фертильности, но в какой-то степени также вследствие эмиграции (см. главу 1 данного тома). Помимо эмиграции, рост населения сдерживало снижение фертильности. Этот фактор, действовавший в масштабах Европы, более подробно разбирается в главе 2 тома 1. Однако в 1870 г. в большинстве западноевропейских стран — от Италии до Швеции — число детей, приходившихся на одну женщину, по-прежнему составляло около 5. К 1910 г. оно сократилось до 3–4, в Англии снизившись до уровня менее 3. В некоторых южных (Пиренейский полуостров, Греция) и восточных (Польша, Венгрия) регионах число детей было несколько выше, но и там оно снизилось. Кроме того, немного отставала, но к концу 1890-х гг. также была затронута общей тенденцией царская Россия. Таким образом, данный период стал свидетелем решительного и по большей части общеевропейского сокращения фертильности.

СНИЖЕНИЕ СМЕРТНОСТИ И РОСТ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

Несмотря на крупномасштабную эмиграцию и сокращение фертильности, население Европы до 1914 г. быстро возрастало. Самой важной причиной ускоренного роста населения было увеличение продолжительности жизни людей или, иными словами, снижение смертности. Возможно, самое наглядное представление о снижении смертности мы получим, если выясним, сколько лет в среднем имел возможным прожить новорожденный ребенок. Мы знаем, что в наши дни *ожидаемая продолжительность жизни* составляет около 80 лет в развитых странах, не превышая 50 лет лишь в бедных странах, где развитию препятствует война (Афганистан) или свирепствует СПИД, сокращающий ожидаемую продолжительность жизни, — что происходит во многих странах Африки южнее Сахары. Вообще говоря, для точного вычисления ожидаемой продолжительности жизни требуются подробные демографические данные, имеющиеся не по всем странам за данный период. Однако табл. 5.1 позволяет оценить изменения, произошедшие за полвека перед 1914 г.

К 1870 г. лишь страны Скандинавии достигли ожидаемой продолжительности жизни, превышавшей 50 лет или приближавшейся к этой величине. Даже в более богатых западноевропейских странах — таких, как Германия, Франция и Нидерланды, — ребенок в среднем не имел шанса прожить более 35 лет. В более восточных и южных странах Европы такое положение сохранялось и к концу века. В России ожидаемая продолжительность жизни, согласно оценкам, была еще ниже и не увеличилась после 1890 г. Однако во многих регионах Европы к началу Первой мировой войны ожидаемая продолжительность жизни выросла более чем на 10 лет, в Нидерландах за четыре десятилетия увеличившись вообще на 19 лет. К этому моменту ожидаемая продолжительности жизни в Северо-Западной Европе существенно превышала 50 лет, составляя более 40 лет во всех прочих странах, кроме России. Хотя срок ожидаемой продолжительности жизни на первый взгляд несет в себе очень точную информацию, следует учитывать, что это понятие — всего лишь абстракция, основанная на допущении, что новорожденные проживут жизнь в условиях такой же смертности, которая наблюдалась в конкретный год или период. Другой особенностью это-

ТАБЛИЦА 5.1.
Ожидаемая продолжительность жизни
в европейских странах в 1870–1914 гг.

Страна	Конец XIX в.			Начало XX в.		
	Годы	М	Ж	Годы	М	Ж
Австрия	1868/71	32,7	36,2	1909/12	43,5	46,8
Бельгия (HMD)	1870	40,1	41,7	1913	50,6	54,3
Болгария				1900/05	42,1	42,2
Англия и Уэльс	1871/80	41,4	44,6	1910/12	51,5	55,4
Эстония				1897	41,9	45,5
Дания (HMD)	1870	45,0	47,0	1913	57,6	60,1
Финляндия	1881/90	41,3	44,1	1901/10	45,3	48,2
Франция	1870	33,7	37,7	1913	49,4	53,5
Германия	1871/81	35,6	38,5	1910/11	47,4	50,7
Исландия (HMD)	1870	34,5	42,5	1913	56,6	61,2
Италия (HMD)	1872	28,5	29,5	1913	47,9	48,8
Люксембург				1913	48,0	52,6
Нидерланды	1871/75	36,5	38,2	1911/15	55,3	57,4
Норвегия	1871/75	47,4	50,4	1911/15	56,3	59,6
Польша (B&M)	1890		37	1910		42
Россия (М)	1838/50	25	27	1904/13	32,4	34,5
Испания	1900	33,9	35,7	1910	40,9	42,6
Швеция	1870	43,2	46,8	1913	57,2	60,0
Швейцария (HMD)	1876	38,4	41,8	1913	52,5	55,9

Источники: База данных Max-Planck-Gesellschaft 2007 The Human Life-Table Database (www.lifetable.de), в которой приводится подробный список источников; для стран с отметкой HMD: *Human Mortality Database*. University of California, Berkeley (2008), www.mortality.org; Польша: по источнику, цитируемому в: Bourguignon and Morrisson 2002 (www.delta.ens.fr/XIX/); Россия: Mironov 1999b, pp. 209–210 и note 212.

го показателя является то, что он очень сильно зависит от смертности в первые годы жизни, а это означает, что, допустим, ребенок из Австрии, в начале 1870-х гг. доживший до 10 лет, мог рассчитывать на достижение 55-летнего, а не 35-летнего возраста. Аналогично, в то же самое время в Норвегии детей, доживших до 10 лет, в среднем ожидала жизнь продолжительностью не 50, а более 60 лет. Таким образом, 10 лет в детстве добавляли лишних 12 лет жизни в Норвегии и более 20 лет в Австрии. Такое расхождение главным образом вызывалось различиями в младенче-

ской смертности, т.е. смертностью на первом году жизни. Младенческая смертность — важный фактор, объяснявший сильные различия в ожидаемой продолжительности жизни по странам Европы в 1870–1914 гг., однако ее снижение лишь отчасти объясняет, почему люди стали жить дольше. Прежде чем более подробно рассматривать изменение условий жизни, вызвавшее снижение смертности, дадим обзор уровня жизни в Европе, используя Индекс человеческого развития.

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЖИЗНИ: ИНДЕКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

До сих пор мы вели разговор об уровне жизни с точки зрения демографических изменений, включая ожидаемую продолжительность жизни, здоровье и миграцию. В качестве показателя уровня жизни в стране, разумеется, широко используется ВВП на душу населения, описывающий уровень экономического развития. Но при оценке уровня жизни ему присущи очевидные ограничения. Их учитывает Индекс человеческого развития (ИЧР), разработанный Программой ООН по развитию (UNDP) и используемый как показатель глобального благосостояния в современную эпоху. Помимо ВВП на душу населения, в состав ИЧР входят еще две переменные: ожидаемая продолжительность жизни и распространение знаний среди населения. Показателем знаний, в свою очередь, выступают уровень грамотности взрослого населения и доля учащихся среди детей и подростков. В табл. 5.2 приводятся значения ВВП на душу населения и ИЧР, а также показывается, насколько они изменились с 1870 по 1913 г. В целях сопоставления мы пересчитали величины ИЧР, приведя их к уровню самой богатой страны — Великобритании — в 1913 г.

Поражает отсутствие точного соответствия между рейтингами стран по ИЧР и ВВП на душу населения. В 1913 г. Великобритания была намного богаче всех прочих стран, однако страны Северо-Западной Европы, а также Швейцария догоняли Великобританию по величине ИЧР. Бельгия — первопроходец индустриализации на материке — находилась в числе лидеров по уровню дохода, но сильно отставала по уровню жизни, определяемому через ИЧР. Более того, такие Скандинавские страны, как Норвегия и Швеция, примерно соответствовали Бельгии по уров-

ТАБЛИЦА 5.2.
ВВП на душу населения и Индекс человеческого развития
в европейских странах в 1870 и 1913 гг.

Страна	ВВП на душу нас.		Ежегодный темп изме- нения, %	ИЧР, (Великобри- тания в 1913 = 100)	
	1870	1913		1870	1913
Дания	2003	3912	1,63	79,5	102,5
Нидерланды	2757	4049	0,80	75,5	100,8
Великобритания	3190	4921	0,97	77,6	100
Швейцария	2102	4266	1,80	80,0	99,8
Швеция	1662	3096	1,79	75,0	99,5
Норвегия	1360	2447	1,04	70,5	98,0
Германия	1839	3648	1,56	71,9	95,3
Франция	1876	3485	1,28	71,9	94,3
Ирландия	1775	2736	1,01	—	93,0
Бельгия	2692	4220	1,00	72,8	91,6
Чешские земли*	1164	2096	1,38	—	84,0
Венгрия	1092	2098	1,53	—	78,7
Австрия	1863	3465	1,48	51,4	77,8
Италия	1499	2564	1,11	41,6	75,3
Финляндия	1140	2111	1,43	37,1	69,9
Испания	1207	2056	0,73	46,7	65,4
Болгария	840	1534	1,41	—	62,6
Россия	943	1488	1,07	—	53,6

* В число Чешских земель при расчете ВВП на душу населения включена Словакия. Темп изменения вычислялся методом регрессионного анализа временных рядов и не обязательно соответствует относительной разнице между начальным и конечным годом, за исключением Ирландии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и России, для которых отсутствуют данные за промежуточные годы.

Примечания: Страны перечислены в порядке снижения ИЧР в 1913 г. ВВП на душу населения приведен в международных долларах 1990 г. с поправкой на паритет покупательной способности (ППС).

Источники: Maddison 2007, историческая статистика, www.ggdsc.net/Maddison/; Crafts 2002 и вычисления.

ню ИЧР в начале данного периода, а к его концу вырвались далеко вперед, хотя по-прежнему явно отставали от Бельгии по уровню дохода. Лежавшие южнее и восточнее Италия и Австрия были богаче, чем Норвегия и Швеция соответственно, однако те намного обгоняли их уровнем ИЧР. В значительной степени за такой разброс величин ИЧР отвечали уже упоминавшиеся нами колос-

сальные различия в ожидаемой продолжительности жизни по странам Европы.

Из табл. 5.2 также видно, что страны-аутсайдеры по уровню благосостояния — Испания, Болгария и Россия — к 1913 г. достигли величин дохода, наблюдавшихся в среднедоходных странах сорока годами ранее. Что касается уровня ИЧР, то они превосходили прежний уровень Австрии и Италии, но все равно имели более низкий уровень жизни, чем тот, что преобладал в Северо-Западной Европе около 1870 г.

В целом по всей Европе в 1870–1913 гг. происходили стремительные изменения к лучшему, беспрецедентные как по своему темпу, так и по географическим масштабам. И экономический рост был здесь не единственным фактором, о чем ясно говорит отнюдь не идеальное соответствие между ВВП на душу населения и уровнем ИЧР. Отчасти оно вызывалось различиями в уровне грамотности и охвате населения образованием. Не меньшее значение играли и различия в ожидаемой продолжительности жизни. Согласно классическому объяснению, улучшение питания и условий жизни снижало смертность (McKeown 1976). Рост национального дохода и его справедливое распределение должны были служить двигателем прогресса. Однако при углубленном анализе данных, особенно касающихся смертности по возрастным группам, становится ясно, что эта точка зрения является сильным упрощением, хотя между исследователями еще нет консенсуса на этот счет (Schofield and Reher 1991; Riley 2001). Теперь рассмотрим факторы, влияющие на здоровье и смертность.

МОДЕРНИЗАЦИЯ, УРБАНИЗАЦИЯ И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ

Урбанизация совершенно изменила традиционный образ жизни, поэтому следует начать с общей дискуссии о модернизации и изменении условий жизни под ее воздействием с рассмотрения урбанизации. Результатом того, что люди вели поиск новых возможностей, была миграция. Помимо великой эмиграции, происходила также внутренняя европейская миграция, в ходе которой крестьяне переселялись из деревни в город.

Городское население, определяемое как население общин численностью не менее чем в 10 тыс. жителей, состав-

ляло в 1870 г. 15% населения Европы (глава 10 тома 1). Между высокоразвитым северо-западом, где лидировали Англия и Уэльс с 43% горожан, и редконаселенными северными и восточными регионами Европы имелись существенные различия. В 1869 г. в городах, имеющих не менее 10 тыс. жителей, проживало 9,5% населения России (Мигонov 1999, pp. 313–315). В Скандинавии лишь 5,5% населения считалось городским, хотя все зависит от того, какие населенные пункты считать городами. Если в качестве порогового значения взять уровень в 5 тыс. жителей, то уровень урбанизации в Скандинавии составлял от 10 до 25%, около 60% в Англии и Уэльсе и 23% в среднем по Европе. К концу рассматриваемого периода, в 1914 г., уровень урбанизации по Европе в целом повысился до 25% (или до 38% при минимальном размере города в 5 тыс. жителей). С учетом быстрого общего роста населения это означало существенное ускорение роста городов; в абсолютных же величинах число проживавших в средних и крупных городах возросло с 47 до 118 млн человек (или с 72 до 179 млн человек при менее строгом критерии отбора). Хорошо известно, что исключительно высокими темпами шла урбанизация в Германии, особенно в Рурской области. Важную роль в Германии играла региональная миграция с востока на запад, благодаря которой число жителей Рура за данный период возросло четырехкратно. Крупнейшие города Рурской агломерации, которые в начале века (в 1800 г.) были немногим более чем деревнями с общим населением, не превышавшим 40 тыс. человек, столетием позже имели в целом почти 1,5 миллиона жителей. Однако урбанизация ускорилась даже в более периферийных регионах Европы, причем особо выделялась царская Россия, где немало незначительных городов превратилось в крупные городские центры, а доля городского населения к 1914 г. возросла до 15,3% (Мигонov 1999a, p. 315). Если же определять города как поселения не менее чем с 2000 жителей, то доля городского населения в России достигала 32,3% (Мигонov 1999a, p. 318). В табл. 5.3 приводятся показатели европейской урбанизации на основе данных по 99 значительным городам. Поразительно, что волна урбанизации затронула даже те регионы, где индустриализация только начиналась. Однако в центре Европы — в Великобритании, Франции, Италии и в Чешских землях — рост городского населения шел умеренными темпами, так же как на Пиренейском полуострове и в Ирландии.

Городская жизнь несла с собой новые обычаи. Традиционно домохозяйство представляло собой и потребительскую, и производственную единицу. Модернизация и городская жизнь превратили ее в первую очередь в потребительскую единицу. Свой вклад в доход домохозяйства продолжали вносить дети. Хотя начальное школьное образование повсюду, за исключением Португалии, Балканских стран и России, стало всеобщим, оно занимало еще не полный день, и лишь немногие дети продолжали посещать школу по достижении 14 лет. Получение дохода в домохозяйствах по-прежнему было завязано на семейный цикл: дети начинали зарабатывать на жизнь вместо матери, прежде чем покидали дом и создавали собственную семью. В 1900 г., в текстильном Гентском регионе в Бельгии, жены, как правило, первоначально зарабатывали 20–30% семейного дохода. С течением времени вклад детей достигал 50%, а остальное приходилось на долю отца. Категория работавших подростков, живших вместе с родителями, сохранялась много времени спустя после того, как завершился интересующий нас период. К 1900 г. в большинстве стран индустриальной Европы, включая Россию, законы запрещали труд детей, не достигших 12-летнего возраста. Однако почти повсюду действие этих законов не распространялось на мелкие ремесленные мастерские. В целом до 1900 г. почти не существовало законов, регулирующих условия труда, за исключением женского и детского труда. Интересно, что российское законодательство не отставало от общих тенденций, и в 1897 г. продолжительность рабочего дня была здесь ограничена 11,5 часами, а ночной работы — 10 часами, хотя разрешалась сверхурочная работа (Janssens 2003, pp. 73–74; Tugan-Baranovsky 1970, pp. 313, 329, 341–342). В других странах продолжительность рабочего времени не ограничивалась, за исключением британского закона 1873 г., вводившего девятичасовой рабочий день. По-видимому, этот закон не принес серьезных практических результатов, хотя британские рабочие-мужчины уже в 1870 г. трудились в год примерно на 500 часов меньше, чем их товарищи из других западноевропейских стран. По сравнению с современностью работа отнимала у трудящихся невероятно много времени: 3200 часов в год по контрасту с нынешними 1600. К 1913 г. продолжительность рабочего времени в Западной Европе приближалась к британским стандартам, а во Франции десятичасовой рабочий день

ТАБЛИЦА 5.3.
Число и рост крупных городов Европы

Страна	Число городов		Годовой темп изменений, %	
	Общее	с нас. более 200 тыс. чел. в 1910/11	1800/1– 1870/1	1870/1– 1910/1
Австрия	1	1	1,75	2,25
Бельгия	2	2	1,78	2,12
Болгария	1	0	—	4,30
Чехия	1	1	1,06	0,89
Дания	1	1	0,84	2,86
Финляндия	1	0	1,53	4,43
Франция	8	5	1,43	1,69
Германия	16	16	1,85	3,11
Греция	2	0	—	5,09
Венгрия	1	1	1,90	3,75
Италия	9	7	0,54	1,47
Ирландия	2	2	1,05	1,82
Нидерланды	3	2	0,61	2,54
Норвегия	1	1	2,75	3,27
Польша	7	7	1,41	2,95
Португалия	1	1	0,37	1,57
Румыния	1	1	2,15	2,21
Россия	21	10	1,31	3,12
Сербия и Хорватия	2	0	0,27	3,32
Испания	4	3	0,87	1,63
Швеция	2	1	1,10	2,47
Швейцария	2	0	1,57	2,28
Великобритания	10	10	1,99	1,59
Итого (данная выборка)	99	69	1,25	2,27

Источник: Mitchell 2003 — те города, в которых насчитывалось четверть миллиона жителей в 1900/1 гг., или полмиллиона жителей в 1960/1 гг., или «прочие важные». Цифры за 1870/1 гг. для Барселоны, Севильи и Валенсии получены методом интерполяции. В состав Ирландии включена Северная Ирландия; в состав Польши включен Вроцлав, который в то время был германским Бреслау; в состав царской России включены современные независимые республики.

был введен законом в 1904 г. Однако серьезные различия оставались: самым длинным был рабочий день в Нидерландах, а самым коротким — в Испании (Huberman 2004).

Кроме того, предметом внимания законодателей являлся женский труд. С 1878 г. в Германии женщинам было за-

прещено работать в шахтах, а матерям после рождения детей полагался трехнедельный отпуск, который с 1887 г. дополнялся выдачей пособия. В России в 1885 г. оказалась под запретом ночная работа детей и женщин в текстильной отрасли. На следующий год после берлинской конференции 1890 г. о гармонизации законодательства законы о женском труде были приняты в ряде других стран. Власти Германии запретили ночной женский труд, увеличили отпуск для рожениц до 6 недель и ограничили продолжительность женского рабочего дня 11 часами. В Великобритании был установлен четырехнедельный отпуск для рожениц, а во Франции в 1892 г. был принят закон об одиннадцатичасовом рабочем дне для женщин и о запрете ночного женского труда на фабриках. Французские роженицы получили отпуск позже, чем в других странах, но к концу данного периода женщины, работавшие на фабриках, уже получали 6 недель отпуска до и 6 недель после рождения ребенка (Kintner 1985; Rose 1996; Canning 1996; Stone 1996). Одновременно с урбанизацией и индустриализацией культурную гегемонию еще до 1914 г. кое-где завоевывал давний буржуазный идеал семьи с кормильцем-мужчиной (Janssens 1997; 2003). Это явно произошло в Великобритании, поскольку в 1901 г. там работали лишь 10% замужних женщин по сравнению с 40% во Франции (Frader 1996). Хотя первая цифра может быть преуменьшением, а последняя — преувеличением, более высокая склонность французских замужних женщин зарабатывать на жизнь, возможно, в большей мере была результатом более низких заработков во Франции, нежели сознательной женской эмансипации. В Германии женщины, причем во все большей степени замужние, спешили получить работу на фабриках во время ускоренной индустриализации в конце XIX в. (Canning 1996). Готовность женщин влиться в ряды рабочей силы была связана с уровнем заработков. В России после освобождения крестьян в 1861 г. рост относительной заработной платы постепенно привел к массовому женскому труду. К 1898 г. в Московской губернии не менее четверти взрослых женщин было занято за пределами села в неаграрном секторе (Pallot 1991, p. 167). В Великобритании и Нидерландах с их относительно высокими заработками доля замужних женщин, трудившихся вне домохозяйства, была ниже. В Бельгии и Франции доля женского труда различалась от одного индустриального региона к другому. Там, где доминировали шахты и металлообра-

батывающие предприятия, трудящихся женщин было немного, но в текстильных регионах они могли преобладать в составе рабочей силы, причем заработки там тоже были гораздо ниже. Во Франции в рамках рабочего движения шли бурные дебаты о «семейном заработке», которого хватало бы мужчине-кормильцу для того, чтобы обеспечить свою семью (Frader 1996). Эти дискуссии окончились ничем, но с началом нового века занятость женщин во Франции за пределами аграрного сектора стала снижаться. Можно предположить, что причиной этому было поведение замужних женщин. Статистические данные о половом составе рабочей силы в разных секторах приводит Mitchell (2003). Точность и последовательность этих данных по отдельным странам сомнительны, но общая картина, вероятно, более-менее верна. Поскольку учтенная занятость в сельском хозяйстве сильно зависит от его структуры, обуславливающей либо наемный труд, либо самозанятость, то здесь рассматривается только занятость за пределами аграрного сектора. Следует отметить, что доля в составе рабочей силе не равна доле работающих (который обычно используется в качестве показателя) и между двумя этими величинами не существует однозначной связи. Предположим, что доля женщин в составе рабочей силы равна 30%, а число женщин и мужчин, находящихся в продуктивном возрасте, совпадает; тогда в случае активности 90% мужчин доля занятых женщин составит 39%, а если активно всего 80% мужчин, то эта доля будет равна 34%.

Как видно из табл. 5.4, немногие страны демонстрировали серьезные изменения в половой структуре рабочей силы, и соответствующие тенденции различались как от одной эпохи к другой, так и от страны к стране. Из числа наиболее многолюдных стран лишь Италия в конце XIX в. испытывала резкое сокращение доли женщин в числе занятых вне аграрного сектора — настолько резкое, что оно проявилось на общеевропейском уровне. Если же исключить Италию, то доля женского труда за пределами аграрного сектора в данных 15 странах Европы стабильно держалась на уровне в 30%. Это в лучшем случае соответствует доле работающих женщин, равной 40%; поскольку большинство незамужних женщин, очевидно, работали, то доля замужних женщин, занятых за пределами домохозяйства не в аграрном секторе, не должна была сильно отличаться от цифр, представленных в табл. 5.4, оставаясь весьма стабильной в 1880–1910 гг. Однако в статисти-

ТАБЛИЦА 5.4.
Доля женщин в составе рабочей силы
за пределами аграрного сектора

Страна	1880	1900	1910	Годы девиаций
Ирландия	47,9	—	40,8	
Великобритания	33,8	31,5	31,6	1881, 1901, 1911
Бельгия	33,0	29,3	32,1	
Нидерланды	25,1	26,4	26,3	1889, 1899, 1909
Франция	34,4	37,4	36,2	1886, 1901, 1911
Германия	18,3	20,1	21,5	1882, 1895, 1907
Швейцария	26,4	34,4	38,6	1890
Австрия	35,4	29,4	31,4	
Венгрия	34,6	29,0	27,1	
Италия	42,5	31,7	29,4	1877
Испания	24,5	23,6	20,0	1890, 1911
Португалия	40,1	20,9	33,3	
Дания	50,4	35,0	38,3	
Норвегия	40,0	40,2	40,5	1875
Россия		18	27	1914
Швеция	17,9	29,4	30,3	
Финляндия	31,3	31,7	35,9	
Итого по данной выборке	32,0	29,7	29,7	Вышеприведенные
То же, кроме Италии	30,3	29,5	29,8	

Источник: Вычислено по данным Mitchell 2003. Выделены случаи снижения по крайней мере на один процентный пункт. Данные по России: Barber and Davies 1994, p. 92.

ке занятости, несомненно, недоучитывается женский надомный труд, объемы которого в конце XIX в. лишь возрастали благодаря аутсорсингу работы в развивавшейся швейной промышленности. Соответственно, семьи с кормильцем-мужчиной к 1914 г. еще не стали правилом (Honeyman and Goodman 1991). Не существовало исторического поворотного момента, после которого замужние женщины начали уходить с фабрик; более низкая доля работающих женщин по сравнению с мужчинами скорее была результатом индивидуальных жизненных циклов. Замужние женщины покидали ряды рабочей силы после того, как семья увеличивалась в размерах и дети начинали зарабатывать на жизнь.

Городские условия не только изменили привычки и стиль жизни семей, но и самым серьезным образом сказались на здоровье. «Городское проклятье» проявлялось в значительно более высоком уровне смертности в крупных и средних городах по сравнению с деревней, и эта ситуация сохранялась в течение рассматриваемого периода в большинстве регионов Европы. Более того, в начале периода в итальянских, французских и русских городах смертность превышала рождаемость. Соответственно, рост городов обеспечивался исключительно притоком мигрантов. Однако, как следует из увеличения ожидаемой продолжительности жизни, о чем шла речь выше, в 1870–1914 гг. условия жизни улучшались. Сравнение смертности в Англии и Германии, а также специфических причин смертности в разных возрастных группах позволяет выявить важные аспекты снижения смертности. Мы выделили две важнейшие причины смертей: болезни органов дыхания, включая туберкулез, и болезни пищеварительной системы. Другие, заразные болезни — такие, как оспа, скарлатина, брюшной тиф, дифтерия и коклюш, раньше уносившие много жизней, — теперь лишились прежнего значения. Это также означает, что сократилось число эпидемий, являвшихся вековой напастью человечества. В табл. 5.5 приведена статистика смертности по 10 крупнейшим городам Англии и Германии, а также по этим странам в целом.

В табл. 5.5 бросается в глаза не только существование «городского проклятья» (по крайней мере в начале данного периода), но и наличие «германского проклятья». Даже к 1900 г. смертность в Германии превышала английский уровень смертности 1870-х гг. Впрочем, возрастное распределение смертности в обеих странах сильно различалось, и для всех возрастов, превышающих 1 год, смертность в Германии в 1900 г. была примерно такой же (или ниже), чем в Англии в начале периода, а для возрастов более 5 лет приближалась к английскому уровню того же времени. Среди детей в возрасте от 1 до 5 лет смертность фактически была ниже, чем в Великобритании, как свидетельствуют цифры в столбце «Дети». Таким образом, «германское проклятье» во все большей степени сводилось к хронически повышенному уровню смертности среди самых маленьких детей.

Аналогичная тенденция, продолжающая сопоставление Германии и Англии, просматривается при сопоставлении немецких городов и Германии в целом. «Городское

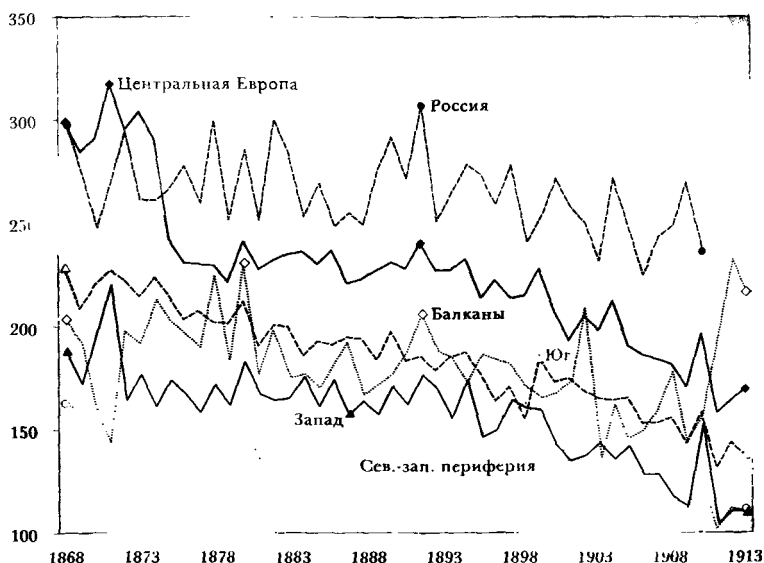
ТАБЛИЦА 5.5.

Смертность (на 10 тыс. чел.) в Германии и Англии и Уэльсе в зависимости от определенных причин и для определенных возрастов в крупных городах и по стране в целом

	Германия (Пруссия)			Англия и Уэльс		
	Младенцы	Дети	Все	Младенцы	Дети	Все
	1877			1871-1880		
10 крупнейших городов						
Болезни пищеварения	1717,1	75,9	61,3	320,8	30,9	22,4
Болезни органов дыхания	334,2	90,5	67,3	386,4	95,1	48,2
Все причины	3417,9	408,0	267,7	2031,8	421,4	240,2
Вся страна						
Болезни пищеварения	1131,6	78,0	49,5	241,7	22,1	20,0
Болезни органов дыхания	96,1	35,1	46,3	317,9	67,3	37,6
Все причины	2327,7	417,3	256,8	1774,1	311,9	212,7
	1900			1901-1910		
10 крупнейших городов						
Болезни пищеварения	1367,8	34,6	38,5	248,5	15,5	7,9
Болезни органов дыхания	385,3	93	56,9	361,6	129,3	50,5
Все причины	2899,0	239,1	199,6	1699,7	347,8	168,2
Вся страна						
Болезни пищеварения	1369,0	58,4	49,0	180,0	19,7	5,7
Болезни органов дыхания	221,5	58,4	52,1	312,4	99,3	40,8
Все причины	2582,2	246,2	223,1	1501,7	263,1	153,6

Источник: Vögele 1998, Tables 12–13, 16–17, 20–23. Под «младенцами» понимаются дети в возрасте до 1 года, под «детьми» — дети в возрасте от 1 до 5 лет. Некоторые из учтенных немецких городов (например, Мюнхен, Нюрнберг и Гамбург) находились не в Пруссии. Фегеле также приводит данные о германской смертности в 1907 г., но к тому моменту в некоторых городах изменилась классификация причин смерти, поэтому цифры оказываются несовместимыми.

проклятье» чем дальше, тем больше становилось «младенческим проклятием», и к 1900 г. смертность среди горожан, выживших на первом году жизни, настолько снизилась, что общая смертность в крупных городах стала ниже, чем средняя по стране. Тем не менее урбанизация внесла свой вклад в повышение уровня младенческой смертности по стране в целом, а болезни органов пищеварения

Источники: Вычислено по данным Mitchell 2003. Центральная Европа: Австрия, Германия, Венгрия (после 1891 г.); Балканы: Болгария (1892–1912), Румыния (1868–1903; после 1912 г.), Сербия (1888–1910). Юг: Италия, Испания (1868–1870, 1878–1888, после 1900 г.); Запад: Бельгия, Франция, Нидерланды, Швейцария (после 1871 г.); Северо-западная периферия: Дания, Ирландия, Англия и Уэльс, Норвегия, Шотландия, Швеция. Уровень младенческой смертности для каждой страны, «взвешен» по численности населения в 1870 и 1913 гг., которая может отклоняться от реального числа новорожденных.

РИС. 5.1.

Младенческая смертность в отдельных регионах Европы в 1868–1914 гг. (на 1000 новорожденных)

в 1900 г. уносили в среднем по стране столько же жизней, сколько и в больших городах. С учетом причин становится ясно, что самыми страшными убийцами, стоявшими за «немецким проклятьем» и, вообще говоря, служившими главной причиной разрыва между Германией и Англией в младенческой смертности (как в городе, так и в деревне), были пищеварительные болезни, а именно диарея. Болезни органов дыхания уносили в Англии больше жизней, а в германских городах проявлялись сильнее, чем в целом по Германии. Однако, несмотря на незначительное отступление туберкулеза, смертность, вызванная другими болезнями органов дыхания, в Германии возрастала

и различие между крупнейшими городами и всей страной сокращалось. Вероятно, это было связано со стремительно происходившей в Германии крупномасштабной урбанизацией, в то время как Англия за пределами 10 крупнейших городов всегда отличалась более городским характером.

В Англии «городское проклятье» в относительном смысле изменилось очень мало, и к концу данного периода общая смертность в крупнейших городах по-прежнему была на 10% выше. Таким образом, мы можем резюмировать, что и «городское проклятье», и «германское проклятье» были обусловлены широкомасштабным и лишь увеличивавшимся «младенческим проклятьем».

Младенческая смертность была в Германии выше, чем в большинстве других европейских стран. На рис. 5.1 Германия включена вместе с Австрией и Венгрией в состав Центральной Европы, которая по младенческой смертности значительно обгоняла не только другие развитые регионы Европы, но и более бедные регионы. Наихудшая ситуация сложилась в России, однако другие восточно-европейские страны (например, Болгария и Сербия) отличались существенно более низкой младенческой смертностью по сравнению с Германией и Австро-Венгрией. В большинстве регионов снижение впервые было зафиксировано в 1890-е гг., за исключением юга: медленное, но стабильное снижение младенческой смертности наблюдалось в Италии и Испании в течение всего этого периода. Еще одним исключением среди отдельных стран были Нидерланды, в которых стабильное снижение на протяжении всего периода было еще более заметным, чем в Италии. Поразительное падение уровня младенческой смертности в середине 1870-х гг. в Центрально-Европейском регионе связано с огромными различиями в рамках Германии: это падение целиком приходится на Германию, будучи связано с включением Пруссии в состав страны и соответствующим возрастанием удельного веса Северной и Западной Германии. Несмотря на это падение, в Центральной Европе в течение всего данного периода сохранялся повышенный уровень младенческой смертности, хотя резкий рост в самые последние годы периода мы видим на Балканах, несомненно, вследствие того, что в 1913–1914 гг. этот регион представлен одной только Румынией. Вплоть до рубежа веков младенческая смертность в Румынии была более низкой, чем в Германии, но затем Румыния стала отставать от Германии по темпам снижения, к тому же испы-

тывая громадные колебания от года к году. Важнейший фактор, объясняющий колоссальные различия в уровне младенческой смертности, — масштабы искусственного вскармливания детей, которое в сочетании с недостаточной гигиеной и низким уровнем приготовления пищи делало их более уязвимыми для болезней.

Однако, как уже отмечалось, исследователи не пришли к консенсусу относительно причин снижения смертности (Corsini and Viazzo 1997). Определенные выводы можно сделать, рассмотрев европейские тенденции, связанные с младенческой смертностью, и практики кормления с точки зрения социальных достижений в период 1870–1914 гг.

САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ, УХОД ЗА ДЕТЬМИ И УСПЕХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Несомненно, рост городского населения Европы приблизительно с 50 млн человек почти до 120 млн человек за период с 1870 по 1914 г. не мог не привести к дефициту жилья. Прибывшим в города приходилось селиться на чердаках и в подвалах, а жилую площадь и даже постели делили друг с другом немало людей. Российские города отличались перенаселенностью и антисанитарией. В Санкт-Петербурге многие рабочие жили в казармах, а число людей, живущих в одной комнате или подвале, было вдвое выше, чем в Берлине, Вене или Париже (Barber and Davies 1994, p. 93). Тем не менее «городское проклятье» в конце XIX в. в России исчезло и общая смертность в городах даже снизилась по сравнению с сельскими регионами (Mironov 1999, p. 190). Иными словами, в России, как и повсюду, условия жизни, вероятно, улучшились, хотя это улучшение было очень неравномерным. Аналогично, в Англии до начала рассматриваемого периода, в 1840-е гг., 40 тыс. жителей Ливерпуля, или 20% его населения, обитали в подвалах. Ливерпуль и Манчестер, вероятно, отличались наихудшими условиями. Примерно в то время берет начало общественное движение за повышение санитарных стандартов, и Манчестер, как представляется, шел в авангарде этого движения: например, в 1853 г. здесь был принят местный закон, запрещающий проживание в подвалах. На общebritанском уровне в 1875 г. был принят Закон об общественном здоровье, а Бельгия и Фран-

ция примерно в то же время также приняли законодательные меры к улучшению жилищных условий (Burnett 1991). Миграция из села в город повлекла за собой обширное строительство, но во многих регионах жилья все равно не хватало. Так, в 1880 г. в Берлине в подвалах жило более 100 тыс. человек — примерно каждый десятый. Вместе с движением за общественное здравоохранение развивалась социальная статистика, и в Берлине смертность стала регистрироваться с указанием этажей, на которых проживали умершие. В середине 1870-х гг. риск умереть на четвертом этаже, под крышей или в подвале был примерно на 25% выше, чем на первом этаже. Десятью годами позже, в середине 1880-х гг., общая смертность снизилась, но риск смерти на чердаке или в подвале все равно оставался примерно на 15% выше (Vögele 1998, p. 148). Аналогично, в Глазго еще в 1911 г. смертность в однокомнатном жилье была вдвое выше, чем в квартирах с четырьмя и более комнатами (Burnett 1991). Вероятно, эти цифры в большей степени свидетельствуют о зависимости смертности от принадлежности к тому или иному социальному классу, чем от жилищных условий.

Условия проживания понемногу улучшались, и тем не менее снижение смертности объяснялось этим лишь в очень небольшой степени. Вероятно, гораздо большее значение, чем собственно жилищные условия, имели централизованное водоснабжение и канализация. По традиции источниками воды в городах служили колодцы и фонтаны, из которых воду брали сами горожане или водоносы. В 1870 г. лишь незначительная часть домов была подключена к централизованным водопроводам. Но если Великобритания и Франция начали их строительство раньше, то Германия быстро догнала их, приступив к массовой прокладке водопроводов. В 1870 г. лишь 15% немецких городов более чем с 25 тыс. жителей имели централизованную систему водоснабжения. В 1900 г. она существовала во всех городах такого размера и почти в половине более мелких городов. Хуже обстояло дело с охватом населения, поскольку для завершения строительства требовалось время. Например, в Берлине сооружение водопровода началось в 1853 г., и 20 лет спустя к нему было подключено около половины зданий, в то время как в Лондоне такая степень охвата была достигнута лишь в 1890-е гг. (Spree 1988, pp. 133ff.; Brown 1988; Goubert, 1988; Vögele 1998, pp. 151ff.). Не одна лишь Германия догоняла Великобританию

и Францию. Примерно в одно и то же время — в период 1860–1890 гг. — к строительству централизованных систем водоснабжения приступили в крупных городах во многих регионах Европы. В выборке из 21 города материковой Европы от Финляндии до Италии и от Румынии до Нидерландов водопровод в этот период был построен в 14 городах, в трех — ранее и в четырех — после 1910 г. В Мадриде, одном из первых начавших строительство, последний водонос остался без работы лишь в 1912 г. (Juuti and Katko 2005). Ватерклозеты и канализация, вообще говоря, начали появляться одновременно с водопроводом, хотя в разных местах дело обстояло по-разному. Так, в Англии и Германии ватерклозеты и канализация обычно входили в обиход через 10–20 лет после централизованного водоснабжения (Brown 2000; Vögele 1998), однако в других частях Европы они, по-видимому, чаще внедрялись одновременно с водопроводом (Juuti and Katko 2005). В России же, несмотря на то что к 1910 г. в Москве существовало централизованное водоснабжение, водоносы по-прежнему оставались важной частью жизненного уклада для тех, кто жил за пределами центральной части города — Садового кольца (Bradley 1985, p. 67). Централизованное водоснабжение и канализация представляли собой важный шаг к повышению городских санитарных стандартов, хотя те не всегда отличались большой устойчивостью, так как имевшиеся проблемы перемещались из города в деревню. Порой канализация загрязняла источники пресной воды — такие, как Темза, обеспечивавшая водой часть Лондона, и Сена, откуда брал воду Париж. Поскольку до XX в. не существовало удовлетворительных водоочистительных систем, то прогресс в санитарной сфере не был однозначным.

Несомненно, централизованное водоснабжение оказало колоссальное влияние на уровень жизни, возможно позволив сэкономить намного больше домашнего труда по сравнению с последующими инновациями — такими, как стиральная машина (Svensson 1995). Однако влияние на здоровье и смертность могло быть не таким значительным из-за невысокого качества воды. Десять крупнейших городов Англии и Германии в начале XX в. были приблизительно в равной мере обеспечены централизованным водоснабжением, тем не менее болезни пищеварительной системы продолжали быть «немецким проклятьем» не только для малолетних детей, но и для всего населения, хотя распространенность прочих причин смер-

ности в Германии существенно снизилась по сравнению с Англией, о чем шла речь выше (см. табл. 5.5).

Разумеется, снижение смертности было вызвано сочетанием ряда факторов. Как было показано выше, между ожидаемой продолжительностью жизни и ВВП на душу населения не существовало тесной корреляции. McKeown (1976) в качестве ключевого фактора выделяется улучшение питания. Согласно оценке, население Германии в целом в 1914 г. стало получать примерно на 30% больше калорий по сравнению с 1870 г. (Twarog 1997). Но хотя количество калорий имеет большое значение в плане уровня жизни и здоровья, более важно то, в какой мере эти калории были усвоены. Подверженность болезням, особенно в первые годы жизни, сильно влияет на способность организма переваривать пищу, а потому сказывается на здоровье человека до конца его жизни (см., например: Bengtsson and Dribe 2005, p. 348). Вот почему нельзя говорить о прямой зависимости между наличием продовольствия и демографическими показателями.

Соответственно, основным аспектом представляется влияние младенческой смертности на ожидаемую продолжительность жизни. Возможно, ключ к пониманию тех факторов, которые стояли за ее увеличением, могут дать различия в уходе за детьми между странами Европы. Младенческая смертность в России сильно зависела от принципов детского кормления. В Великороссии женщины очень рано отнимали детей от груди, несколько преждевременно приучая их к твердой пище, что было причиной чрезвычайно высокой младенческой смертности от расстройства пищеварения (Nosh 1994, p. 69). Аналогично, мало кормили детей грудью и в Германии. Кормление грудью было слабее распространено в восточных и южных регионах Германии, как и в соседних центральноевропейских странах, также отличавшихся высокой младенческой смертностью (Newman 1906, p. 235; Kintner 1985; Morel 1991; Vögele 1998, p. 82). Читатель может еще раз обратиться к рис. 5.1, где изображено резкое снижение младенческой смертности в Центральной Европе, вызванное учетом статистики по Северо-Западной Германии. Вместо материнского молока детей кормили коровьим молоком или пюре, нередко состоявшим из пережеванного хлеба, который ребенку скармливали через трубку. Отсутствие условий для хранения пищи и размножение микробов в посуде делало заражение детей неизбежным. В 1885 г. в Берлине сре-

ди детей, вскармливаемых искусственно, смертность была в 7 раз выше, чем среди детей, которых кормили грудью. Просвещение в области детского питания и ухода за детьми способствовало исправлению ситуации, но еще в 1910 г. это различие составляло 4,4 раза (Vögele 1998, p. 82). Нередко работа женщин на фабриках (не только в Германии) влекла за собой невозможность кормления грудью, что имело катастрофические последствия в плане детской смертности (Morel 1991; Vallin 1991). Искусственное вскармливание было не единственной альтернативой кормлению грудью. Младенцев также поручали кормилицам. Эта практика была широко распространена во Франции, и в частности в Париже, где в 1869 г. 41% всех младенцев отдавали в деревню кормилицам (Guttormsson 2002, p. 265; Newman 1906, p. 234). Напротив, там, где младенческая смертность была наименьшей (Ирландия, Шотландия и Скандинавия), наблюдалось и резкое преобладание кормления грудью.

Получается, что снижение смертности было обусловлено всего лишь постепенным улучшением нескольких факторов — от питания до жилищных и санитарных условий? Сравнительная перспектива делает это объяснение неудовлетворительным. Если бы дело обстояло именно так, то мы бы видели по всей Европе почти идеальную корреляцию между ВВП на душу населения и ожидаемой продолжительностью жизни. Напротив, реакция общества на усовершенствования, способствовавшие улучшению здоровья и снижению смертности, определялась поведением людей.

Известное внимание следует уделить тому, что происходило в рамках домохозяйства. Именно здесь принималось решение о том, кормить ли ребенка грудью или коровьим молоком и пюре, либо отдавать его кормилице. Кроме того, в ведении домохозяйства находились личная гигиена и приготовление пищи. По крайней мере с момента зарождения движения за общественное здравоохранение в начале XIX в. велась борьба с грязью, а чистота была объявлена идеалом. Однако считалось, что болезни переносятся вместе с миазмами (зловонием), и это мнение препятствовало эффективной профилактике заболеваний, например передающихся с водой. В пример часто приводят лондонского врача Джона Сноу, обнаружившего, что источником холеры является общественный колодезь, в который попадали сточные воды из отхожего места в сосед-

нем дворе. Это произошло в 1850-х гг., но лишь спустя десятилетие Луи Пастер научно доказал теорию микроорганизмов, опровергнув идею о миазмах и распространенное с древних времен представление о том, будто бы жизнь может самозародиться в органическом веществе. Будучи химиком, Пастер заложил основу современной медицины с ее антисептическими средствами и выявлением конкретных микробов в качестве возбудителей определенных болезней (Viraben 1991). Теория микроорганизмов получила признание не сразу: водопроводы и канализация создавались усилиями инженеров, а не врачей (Vögele 1998, p. 163). Да и прогресс в лечении болезней до 1914 г. не вносил существенного вклада в снижение смертности. Тем не менее новые знания оказали колоссальное влияние на поведение людей (не в последнюю очередь в рамках домохозяйств), и это привело к серьезным улучшениям в сфере здравоохранения (Мокут 2000). Древняя вера в то, что болезни насылает Бог, уступила место пониманию их причин и профилактическим мерам. Отказавшись от фатализма и благочестивого смирения под лозунгом «Что Бог дал, то он и отнял», родители начали активно бороться за выживание своих детей (Guttormsson 2003). К улучшению ухода за детьми свои усилия прилагали и центры охраны детского здоровья, создававшиеся в Германии после 1900 г., а также работники британской службы здравоохранения и такие врачи, как Джордж Ньюмен, издавший в 1906 г. замечательную книгу «Младенческая смертность: социальная проблема» (Kintner 1985; о Ньюмене см. также: Galley 2006 and Woods 2006).

Новые знания способствовали насаждению идеологии так называемой семьи с мужчиной-кормильцем. В историческом смысле эта концепция является заблуждением, отвлекающим внимание от вклада женщин в создание современного домохозяйства. Например, агитация за «семейный заработок» или за принятие законов о женском труде в значительной степени, несомненно, мотивировалась патриархальными установками и своей тональностью была направлена против женского индивидуализма (Honeyman and Goodman 1991; Frader 1996). Но мы скапались бы в дискриминационную ловушку, если бы стали отрицать роль современного домохозяйства в улучшении здоровья и в снижении смертности. Мы используем ярлык «современное домохозяйство» не для того, чтобы обличать свойственное ему гендерное разделение труда,

до сих пор имеющее преимущественно традиционный характер, а с тем, чтобы подчеркнуть ту роль, которая играет в нем новая техника. Достоянием общества стали новые знания о гигиене, микробах, а после начала XX в. также о витаминах и микроэлементах. Книги и журналы активно пропагандировали «науку домоводства», и их усилия не прошли даром. Проводниками новых знаний также выступали школы, в которых почти поголовно обучалось молодое поколение европейцев. «Хотя на освоение всех последствий в плане поведения, которые влекла за собой теория микроорганизмов, потребовались десятилетия, поражает ее относительно быстрый и полный триумф, достигнутый к 1914 г. и резко снизивший распространенность инфекционных болезней за десятилетия до появления антибиотиков» (Мокур 2000, р. 17). Средний класс первым улучшил свое здоровье, взяв на вооружение новые практики. Младенческая смертность в бедных округах Парижа в 1891 г. была на 71% выше, чем в богатых. Двумя десятилетиями спустя этот разрыв увеличился до 135%. В том же 1891 г. в Пруссии различие между младенческой смертностью в семьях рабочих и семьях государственных служащих составляло 31%. Спустя 20 лет оно превышало 90% (Morel 1991). Однако знания и привычки постепенно проникали и в социальные низы, и с течением времени здоровье населения в целом улучшалось.

СРАВНЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА

Разговор о домохозяйствах, социальных классах и здоровье приводит нас к еще одному аспекту, связанному с уровнем жизни: распределению дохода. В начальный период современного экономического роста в Европе неравенство, по-видимому, возрастало и большие слои населения страдали от снижения доходов (Памук и ван Занден, глава 9 тома 1). Однако после 1870 г. экономический рост набрал импульс и уровень доходов повысился. А как обстояло дело с неравенством? Если в богатой стране существует большой разрыв в доходах, то можно предположить, что бедность там не является редкостью. Если этот разрыв в стране со средним уровнем доходов невелик, то бедность там, вероятно, слабо распространена. Тем не менее в стране с низкими доходами высокая степень равенства также означает массовую бедность. У нас почти не имеется все-

объемлющей статистики по доходам и заработкам до Первой мировой войны, поэтому международные сопоставления для данного периода вынуждены опираться на менее точные оценки. По большинству стран нам доступны данные по реальной заработной плате в сфере физического труда, а для некоторых стран существуют также цифры реальной заработной платы с поправкой на паритет покупательной способности (ППС), позволяющие сравнивать эти страны друг с другом. Мы воспользуемся этими данными в сочетании с ВВП на душу населения для того, чтобы в первом приближении оценить неравенство доходов в Европе. Под заработной платой в большинстве случаев понимается вознаграждение за городской неквалифицированный труд, но в отношении менее урбанизированной Финляндии она означает оплату «ручного труда вне стен дома», относительно Швеции речь идет о средней заработной плате мужчин, занятых в промышленности, а касательно России — о заработках сельскохозяйственных рабочих. Сначала мы дадим общую картину, а уж затем обсудим степень ее достоверности и применимости.

Принципиальная идея состоит в том, что *отношение реальной заработной платы к ВВП на душу населения* (далее — w/y) позволяет судить о распределении доходов. Что еще более важно, оно дает возможность не только сравнивать абсолютные величины, но и производить относительные сопоставления во времени и в пространстве. Сравнения во времени — дело несложное, поскольку если отношение w/y возрастает, то это означает, что на долю физического труда приходится все большая часть национального дохода, и, следовательно, неравенство снижается. Если же w/y уменьшается, то неравенство возрастает. Более того, если сравнивать уровень заработной платы и ВВП на душу населения в разных странах, то мы получим представление о том, как эти страны различаются по распределению дохода. Таким образом, критерием сравнительного равенства является величина:

$$\text{Равенство} = \frac{w_j / w_{uk}}{y_j / y_{uk}}.$$

Если реальная заработная плата в стране j равна, допустим, 95% реальной заработной платы в Великобритании (УК), в то время как ВВП на душу населения там достигает

ТАБЛИЦА 5.6.

Сравнение доходов, реальной заработной платы и уровня равенства в европейских странах (Великобритания в 1890 г. = 100)

Страна	Относитель- ный ВВП на душу нас., 1890	Относительная реальная зарплата, 1890	Уровень равенства		
			1870	1890	1913
Сербия	20,6	44,0	277,4	217,5	167,8
Португалия	28,1	47,2	122,0	168,0	151,4
Россия	27,6	40,8	118,2	150,0	99,0
Финляндия	34,4	51,5	130,2	149,7	157,5
Германия	60,6	85,4	139,0	140,9	115,0
Испания	40,5	55,1	192,9	136,0	136,4
Швеция	52,0	66,3	97,7	127,5	101,0
Норвегия	42,6	52,8	96,5	123,9	140,3
Франция	59,3	71,9	109,5	121,2	99,6
Бельгия	85,5	96,6	105,4	113,0	94,6
Нидерланды	82,9	85,4	83,9	103,1	74,7
Дания	62,9	64,0	76,0	101,7	115,7
Великобритания	100	100	82,6	100	80,7
Италия	41,6	38,3	63,8	92,1	83,6
Итого, данная выборка	44,1	53,8	89,3	121,9	119,0

Примечание: Страны приведены в порядке возрастания неравенства в 1890 г.

Источники: ВВП на душу населения: табл. 6.1; в качестве данных по Сербии взяты данные по Югославии. Реальная заработная плата: Williamson 1995; для Финляндии: Heikkinen 1997; для России: Leonard (готовится к печати); для Сербии: Palairot 1995; для Испании: Simpson 1995; для Швеции: Bagge, Lundberg, and Svernilson 1935. Цифры Симпсона до 1900 г. практически совпадают с данными из Williamson 1995, но после этой даты отклоняются от них, и далее используются цифры Уильямсона. Для России и Сербии ППС вычислен по данной модели: реальная заработная плата = $\alpha + \beta_1 \text{GDP}_c + \beta_2 \text{growth}_{1870-90}$.

лишь 85% от британского уровня, то на долю физического труда в стране j приходится большая часть национального дохода, чем в Великобритании, и равенство в стране j выше. Великобритания выбрана в качестве эталона для сопоставления как наиболее передовая страна того времени. Поскольку до и после 1890 г. получается совершенно разная картина, будем считать этот год точкой отсчета. Результаты приведены в табл. 5.6.

Обращает на себя внимание ряд моментов. Во-первых, неравенство было особенно заметным в Великобритании; более высокое неравенство в 1913 г. наблюдалось лишь

в Нидерландах. Во-вторых, беднейшая страна — Сербия отличалась наибольшим уровнем равенства, хотя неравенство здесь постоянно возрастало. Два эти наблюдения вполне соответствуют кривой Кузнецца, из которой следует возрастание неравенства на начальном этапе индустриализации с последующим возвращением к более равномерному распределению доходов в зрелом индустриальном обществе. Однако третье наблюдение противоречит кривой Кузнецца. В период 1870–1890 гг. во всех странах, за исключением Сербии, Испании и, возможно, Германии, равенство возрастало. Более того, в дальнейшем, в 1890–1913 гг., во всех странах, кроме Дании, Норвегии, Финляндии и, возможно, Испании, равенство явственно уменьшалось. Для Европы в целом, представленной странами в табл. 5.6 с учетом их относительного населения, равенство также возрастало в первый период и оставалось приблизительно стабильным во второй период.

Применимость кривой Кузнецца ограничивается тем обстоятельством, что она представляет собой обобщение, выведенное для закрытой экономики, в то время как наблюдаемые тенденции следует рассматривать в перспективе глобализации и второй промышленной революции. Начиная примерно с 1870 г. железные дороги и снижение транспортных издержек сделали русское и американское зерно конкурентоспособным на европейских рынках. Прежде цены были низкими на зернопроизводящей периферии, но вследствие зарубежного спроса они возросли, приведя к расширению посевов. Однако в центрах потребления дешевый импорт привел к падению цен. Этот двусторонний эффект обеспечил более высоким заработком российских сельскохозяйственных рабочих, одновременно способствуя повышению реальной заработной платы у европейских рабочих (O'Rourke and Williamson 1999; Borodkin, Granville, and Leonard 2008). После 1890 г. плавное падение цен сменилось небольшой инфляцией, тормозившей рост реальной заработной платы, вместе с тем как вторая промышленная революция увеличила спрос на более квалифицированный труд (Goldin and Katz 1998; Svensson 2004). Не вполне ясно, была ли вызвана смена дефляции небольшой инфляцией в 1890-х гг. ростом добычи золота и соответствующим возрастанием денежной массы или усилением нагрузки на имеющиеся ресурсы. Глобализация по-прежнему способствовала насаждению равенства, и в первую очередь посредством эмиграции, из-за которой

труд становился в Европе дефицитным ресурсом. Об этом свидетельствует возрастание равенства в трех Скандинавских странах после 1890 г. Однако, хотя эмиграция вела к повышению зарплаток и уровня жизни даже в четвертой скандинавской стране — Швеции, в силу того что ВВП на душу населения возрастал очень высокими темпами, равенство там все равно снижалось (O'Rourke and Williamson 1995; Ljungberg 1997). Тенденциями, охватившими почти всю Европу — от Великобритании до России, осталась в основном не затронута Сербия. Распределение доходов в этой стране, куда не пришли ни рыночная интеграция, ни вторая промышленная революция, соответствовало начальному отрезку кривой Кузнецца, на котором неравенство возрастает.

В какой степени вышеприведенная картина распределения доходов в Европе верна? Во-первых, следует сказать, что качество данных — как по ВВП на душу населения, так и по реальной заработной плате — оставляет желать лучшего. Не вдаваясь в детали, отметим, что проблема качества данных, вероятно, проявляется при сопоставлении стран и может влиять на их рейтинг. Однако вывод в отношении общих тенденций — возрастание равенства до 1890 г. и его последующее снижение, — согласно нашему показателю, по-видимому, является достаточно надежным. Показатель w/y требует осторожности в том смысле, что он приравнивает распределение дохода к доле общего дохода, получаемой неквалифицированными рабочими. Если величина и уровень зарплаток квалифицированных рабочих и лиц свободных профессий различаются от страны к стране, то это повлияет на распределение дохода и w/y . Так как квалифицированный труд и представители свободных профессий вносят более значительный вклад в ВВП, то рост их зарплаток приводит к возрастанию ВВП на душу населения и к снижению равенства — чем объясняется, почему самые богатые страны отличались наименьшим уровнем равенства. Таким образом, w/y служит показателем разрыва между самыми низкооплачиваемыми слоями и остальной частью населения, но почти ничего не говорит о структуре распределения доходов. Однако в течение данного периода неквалифицированные рабочие составляли заметную долю всех получателей дохода и при отсутствии более точных критериев показатель w/y остается достаточно пригодным. Экономический рост в Европе с 1870 по 1913 г. вел к росту уровня доходов

и до 1890-х гг. сокращал неравенство; но ценой за ускорение роста в 1890-е гг. стало сохранение прежнего уровня неравенства или его небольшое возрастание. Для России эта цена оказалась непомерной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полвека перед 1914 г. стали эпохой, в течение которой по всей Европе условия жизни претерпевали колоссальные изменения. Можно составить целый список новшеств, а также проявлений людской мобильности, которые оказали не меньшее влияние на формы повседневной жизни, чем нынешняя эпоха глобализации и ИТ-революции. Однако самым поразительным и нередко оставляемым без внимания свидетельством изменений, по нашему мнению, являлось увеличение ожидаемой продолжительности жизни. В то время как европеец, родившийся в 1870 г., в среднем имел возможность прожить не более 35 лет, то немногим более поколения спустя, накануне Первой мировой войны, ожидаемая продолжительность жизни равнялась примерно 50 годам. Эти цифры представляют собой просто среднюю величину для стран, фигурирующих в табл. 5.1, без учета многочисленного российского населения, составлявшего около четверти европейского населения в 1870 г. и около трети в 1913 г., хотя и не достигшего к этой последней дате ожидаемой продолжительности жизни в 35 лет. Поскольку важнейшей причиной невысокой ожидаемой продолжительности жизни была младенческая смертность, следует отметить, во-первых, существование больших различий в рамках Европы и, во-вторых, более-менее параллельное снижение младенческой смертности, хотя, опять же, в России оно было не столь заметным. Однако различия в уровне дохода не могут объяснить различий в младенческой смертности; здесь главным фактором была распространенность кормления грудью. С другой стороны, снижение младенческой смертности, особенно после 1900 г., было вызвано не внедрением практики грудного вскармливания, а главным образом повышением санитарных стандартов в городах, а также улучшением гигиенической обстановки в домохозяйствах. Роль женщины в семье как матери и домашней хозяйки нередко преуменьшается и даже высмеивается, несмотря на ее колоссальное значение. Кроме того, немаловажным

было и улучшение качества жизни женщин после того, как они стали рожать вместо пяти и более детей всего трех, имевших намного более высокие шансы дожить до взрослого возраста.

Ключевым фактором, обусловившим улучшение условий жизни, были новые знания и их проникновение в широкие слои населения. Научное доказательство теории микроорганизмов, перевернувшей прежние представления о болезнях и заразности, сыграло фундаментальную роль не только в изменении привычек, но и в медицине — хотя влияние последней по-прежнему было незначительным.

Разумеется, современный экономический рост создавал возможности для улучшений, например, посредством инвестиций в водопровод и канализацию. Более того, экономический рост намного равномернее распределялся по странам Европы, чем в предшествующие периоды. Глобализация, создававшая возможности для эмиграции и импорта дешевого продовольствия, стала рычагом, позволившим поднять реальные заработки и обеспечить большее равенство в Западной Европе. Однако такие технические изменения, как электрификация, повысили спрос на квалификацию и человеческий капитал, тем самым остановив дальнейшее движение к равенству. Особые условия, сложившиеся в России, привели даже к тому, что там разрыв в доходах резко возрастал, и отзвуки этого обстоятельства, заметные даже столетие спустя, будут ощущаться еще в течение долгого времени.

ЧАСТЬ II
МИРОВЫЕ ВОЙНЫ
И МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

ГЛАВА 6

Война и период распада
в 1914–1950 гг.

ЯРИ ЭЛОРАНТА
МАРК ХАРРИСОН

СОДЕРЖАНИЕ

Введение · 191
Глобализация, империи и войны · 193
Война, экономическое развитие и диктатура · 200
Ведение войны · 204
Итоги войны · 212
Заключение · 219

Авторы выражают глубокую признательность своим сотрудникам за участие в работе над данным томом, особенно Йоргу Бейтену, Роберту Миллуорду, Леандро Прадосу де ла Эскосура и Кевину О'Рурку за их советы и замечания и благодарят их за готовность поделиться своими знаниями и за проявленное ими понимание.

ВВЕДЕНИЕ

В 1914–1945 гг. экономическое развитие и интеграция Европы были прерваны и обращены вспять двумя мировыми войнами, а боевые действия, геноцид, миграции и перекройка границ повлекли за собой решительные перемены на региональном уровне. Первая мировая война («Великая война» 1914–1918 гг.), в которой участвовало более 30 государств, унесла 10 миллионов жизней, но еще более страшной была Вторая мировая война (1939–1945 гг.): число участвовавших в ней стран превышало 60, а в результате военных действий с жизнью безвременно рассталось более 45 млн человек (Broadberry and Harrison 2005b). В том, что касается расстановки сил, наблюдалась известная преемственность: и в том, и в другом случае основными воюющими державами были Германия, Австрия и Венгрия, с одной стороны, и Великобритания, Франция и Россия, с другой. Другие страны воевали то на одной, то на другой стороне. В табл. 6.1 в справочных целях перечислены европейские страны с указанием их участия или неучастия в обеих войнах и принадлежности к той или иной воюющей стороне.

Хотя обе войны разделял межвоенный период, их можно рассматривать как единый исторический процесс. Он носил глобальный характер, но ключевую роль в нем играл европейский аспект. Именно Европа была главной ареной грандиозного тридцатилетнего конфликта империй и национальных интересов. Основным содержанием Первой мировой войны являлась борьба европейских держав в Европе; некоторые неевропейские государства и колонии играли второстепенную роль, а другие вступили в войну лишь ближе к ее завершению. Эта война привела к фрагментации материка, растратившего огромные объемы физического и гуманитарного капитала; страны в цен-

ТАБЛИЦА 6.1.
Расстановка сил: участники обеих мировых войн
и нейтральные страны

Страна	Первая мировая война	Вторая мировая война
Албания	Нейтралитет	Антикоминтерн. ось
Австрия	Центральные державы	Аннекс. Германией
Бельгия	Оккупирована Германией	Оккупирована Германией
Болгария	Часть Австро-Венг. империи	Антикоминтерн. ось
Чехословакия	Часть Австро-Венг. империи	Оккупирована Германией
Дания	Нейтралитет	Оккупирована Германией
Эстония	Часть Российской империи	Оккупирована СССР
Финляндия	Часть Российской империи	Антикоминтерн. ось
Франция	Антанта	Оккупирована Германией
Германия	Центральные державы	Антикоминтерн. ось
Греция	Антанта	Оккупирована Италией
Венгрия	Центральные державы	Антикоминтерн. ось
Ирландия	Часть Великобритании	Нейтралитет
Италия	Антанта	Антикоминтерн. ось
Латвия	Часть Российской империи	Оккупирована СССР
Литва	Часть Российской империи	Оккупирована СССР
Нидерланды	Нейтралитет	Союзные державы
Норвегия	Нейтралитет	Оккупирована Германией
Польша	Часть Российской империи	Оккупирована Германией и СССР
Португалия	Нейтралитет	Нейтралитет
Румыния	Часть Австро-Венг. империи	Антикоминтерн. ось
Россия/СССР	Антанта	Союзные державы
Сербия/Югославия	Часть Австро-Венг. империи	Оккупирована Германией
Испания	Нейтралитет	Нейтралитет
Швеция	Нейтралитет	Нейтралитет
Швейцария	Нейтралитет	Нейтралитет
Османская империя/Турция	Центральные державы	Нейтралитет
Великобритания	Антанта	Союзные державы

тре Европы, задыхаясь под бременем репараций и долгов, были не в состоянии вернуться к политической и экономической стабильности. Вторая мировая война началась в Азии, но быстро перекинулась на Европу, и большинство участников понимало, что именно там решается исход

конфликта. Немецкий историк Эрнст Нольте (Nolte, 1965) первым заговорил об этих трех десятилетиях как о европейской «гражданской войне». Он полагал, что источником войны были коммунистический террор и агрессия, исходившие с 1917 г. из России и вызвавшие оборонительную реакцию в виде германского национал-социализма и расового геноцида. Мы не разделяем эту точку зрения; если кто и начал войну, так это Германия — сначала в 1914 г., а затем в 1939 г., руководствуясь различными причинами. Однако, безусловно, имеет смысл рассматривать обе войны и межвоенный период как непрерывный процесс, отличающийся к тому же разрушением нравственных норм, которое еще Фукидид связывал с гражданскими войнами.

Данный период был эпохой экономической и политической нестабильности. Средний темп экономического роста в большинстве европейских стран был скромным по сравнению со временем до 1914 г. или после 1950 г. (Maddison 1995); Энгус Мэддисон (Maddison 2001) описывает эти годы как «сложный и мрачный период, на который глубокий отпечаток наложили потрясения двух мировых войн и межвоенная депрессия». Эрик Хобсбаум (Hobsbawm, 1996) считает экстремальные политические и военные события данного периода характерными для XX в. с его упадком и экономическими неурядицами. Но это лишь одна сторона дела. Брэдфорд Делонг (DeLong, 2000) и Алекс Филд (Field, 2003; 2006) подчеркивали, что колоссальный рост уровня жизни во второй половине XX в. был обеспечен техническими достижениями, поток которых не прерывался даже в самые мрачные моменты первой половины века. В Европе, как и повсюду, темп технического развития оставался высоким в течение данного периода и превышал показатели XIX в., несмотря на военные, экономические и демографические катастрофы (Ferguson 2006). Короче говоря, если что и подошло к концу в 1914 г., то только не движущие силы экономического роста.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ИМПЕРИИ И ВОЙНЫ

Глобализация и империи в XIX в. были неразрывно связаны друг с другом. Не кто иной, как вождь русской революции Ленин (Lenin 1963), в 1916 г. отмечал наличие зависимости между развитием глобальных рынков, глобальными предприятиями и глобальными колониальными империями.

В начале XX в. все великие державы считали колониальную империю абсолютно законной целью национальных устремлений. Для наглядности в табл. 6.2 приведена статистика по мировым колониям. В 1913 г. европейцы были величайшими империалистами в мировой истории: в европейских колониях за пределами Европы, занимавших более $\frac{3}{5}$ всей поверхности суши, проживало 30% населения мира. В том же году одна только Великобритания, на которую приходилась лишь $\frac{1}{40}$ населения Земли и $\frac{1}{500}$ поверхности суши, владела в Азии, Африке, Америке и Австралии территориями площадью 35 млн кв. километров и с населением более чем в 400 млн человек. На долю Британской империи, в состав которой входили как самоуправляющиеся доминионы (такие, как Канада и Австралия), так и колониальные владения, включая, например, Индию и Нигерию, приходилось $\frac{1}{4}$ поверхности суши и почти $\frac{1}{4}$ мирового населения. Другие европейские державы, и в первую очередь Франция и Нидерланды, а также Бельгия, Германия, Италия, Португалия и Турция, находились далеко позади. За пределами Европы Соединенным Штатам и Японии принадлежали некоторые соседние острова, а кроме того, японской колонией была Корея (см. также: Huntington 1996).

В 1938 г., четверть века спустя, почти ничего не изменилось. Лишь Германия и Турция утратили свои небольшие колониальные империи в соответствии с мирными договорами, заключенными после Первой мировой войны. Италия и Япония находились на первом этапе их экспансии в Средиземноморье и Тихоокеанском регионе соответственно, но это почти не отразилось в данной статистике. Вообще, с точки зрения Берлина, Рима и Токио проблема заключалась в сохранявшемся балансе мировых колониальных империй: старые колониальные державы не желали делиться своими владениями с новыми империалистами.

Фактически колониальная экспансия молодых держав в сочетании с защитой своих колоний старыми державами приводила к неоднократным кризисам, угрожавшим глобальному мировому балансу, и считается одной из основных причин обеих мировых войн. При этом сама идея колониальной империи в конце концов утратила легитимность. Эта идея никогда не пользовалась поддержкой со стороны населения колоний, теряя популярность и в США, чья внешняя политика становилась все более

ТАБЛИЦА 6.2.

Колониальные владения в 1913 и 1938 гг.: площадь и население

	1913		1938	
	Население, млн чел.	Площадь, млн км ²	Население, млн чел.	Площадь, млн км ²
Британские доминионы	19,9	19,5	30,0	19,2
Британские колонии	380,1	13,5	453,8	15,0
Колонии Франции	48,4	10,7	70,9	12,1
Колонии Нидерландов	44,1	2,1	68,1	1,9
Прочие европейские колонии	54,1	11,5	33,0	8,3
Колонии и доминионы европейских держав, итого	546,5	57,2	655,9	56,5
Колонии неевропейских держав	28,8	0,6	75,7	1,9
Мир в целом	1810,3	134,4	2168,0	134,4

Источники: Harrison 1998a; Broadberry and Harrison 2005a.

антиколониальной. К 1950 г. в последних сколько-нибудь значительных колониальных империях — Британской, Французской и Голландской — уже полным ходом шла деколонизация, добровольная или с помощью силы. Это был еще один аспект сформированного двумя мировыми войнами единого исторического процесса, начавшегося в 1914 г. и завершившегося в 1945 г. (Modelska and Thompson 1996).

Начиная с Ленина, стало модно увязывать причины обеих мировых войн с мировой торговлей и мировыми империями. Однако в реальности все обстояло гораздо сложнее. Ни глобализация, ни империализм не являлись в 1914 г. непосредственной причиной войны. Норман Энджелл утверждал в своем бестселлере 1909 г. «Великая иллюзия» (Angell 1972), что возрастающая экономическая взаимозависимость великих держав сделает крупный международный конфликт невозможным или как минимум приведет к его быстрому завершению. Глобализация усиливала взаимную зависимость региональных и глобальных игроков, тем самым повышая издержки войны. Говоря конкретно, все большая открытость делала европейские государства более уязвимыми к нарушению зарубежных поставок продовольствия и сырья. Экономический рост, сопровождавшийся ростом заработной платы, приводил

к повышению расходов на содержание постоянной армии. Бизнесмены по всей Европе выступали против войны, и ее начало стало для них шоком (Ferguson 1999). Однако существовали и противоположные тенденции. Одной из них была индустриализация войны, повышавшая разрушительные возможности оружия и позволявшая индустриальным государствам получать за свои деньги все более мощное вооружение (McNeill, 1982; Ferguson 2001). Наконец, сам факт возрастающей уязвимости к экономическим потрясениям повышал склонность потенциальных участников конфликта к стремительному удару в тех случаях, когда война становилась весьма вероятной (Rowe 2005).

Джон Хобсон (Hobson 1993) демонстрирует, что и Великобритания, и Германия тратили на свои вооруженные силы меньше средств, чем большинство великих держав. Джон Киган (Keegan 1999) считает, что Европа была втянута в войну вследствие взаимного недопонимания и необратимости военных планов, основанных на принципе «ударом на удар», который выражал в себе «вековечное стремление к обеспечению военного превосходства». Впрочем, Первая мировая война не была случайностью. Историкам свойственно возлагать особую ответственность за предшествовавшую 1914 г. гонку вооружений и последующий дипломатический разрыв на Германию (см., например: Berghahn 1973). Найалл Фергюсон (Ferguson 1999; 2001) отмечал, что Германия, начав гонку вооружений, оказалась не в состоянии сравниться с соперниками и потому в 1914 г. была вынуждена сделать ставку на превентивный удар. Таким образом, основной причиной войны служила гонка вооружений, стимулировавшаяся состязанием за колонии, в то время как индустриализация оружейного производства сказалась главным образом на продолжительности войны и ее разрушительности.

Гонка вооружений, в 1914 г. приведшая к войне, не примечательна с точки зрения экономического аспекта. Промышленная революция в сочетании с фискальными реформами XIX в. позволила западным государствам увеличить военные расходы, не возлагая чрезмерного бремени на экономику. Для оценки военных расходов используются два стандартных показателя: «военное время» для страны (т.е. доля военных расходов от ВВП) и «доля обороны» (доля военных расходов в бюджете центрального правительства). В период, предшествовавший 1914 г., большинство стран возложили на себя более тяжелое во-

ТАБЛИЦА 6.3.
Военные расходы великих держав в мирное время,
в 1870–1913 и 1920–1938 гг.

Страна	в % от ВВП		в % от расходов центр. или федерального правительства	
	1870–1913	1920–1938	1870–1913	1920–1938
Австрия/Австро-Венгрия	3,5	0,9	12,0	5,8
Франция	3,7	4,3	25,9	22,4
Германия	2,6	3,3	54,1	23,8
Италия	2,8	4,4	21,7	25,4
Россия/СССР	3,9	7,1	27,9	11,9
Великобритания	2,6	3,0	37,5	16,3
В среднем по 6 странам	3,2	3,8	29,9	17,6
Япония	5,0	5,7	32,2	20,1
США	0,7	1,2	29,4	22,4
В среднем по 16/17 странам*	2,7	2,8	33,3	18,0

* Среднее значение по 16 странам в 1870–1913 гг. вычислено с учетом Австро-Венгрии, Бельгии, Дании, Франции, Германии, Италии, Японии, Нидерландов, Норвегии, Португалии, России, Испании, Швеции, Швейцарии, Великобритании и США; при вычислении среднего значения по 17 странам в 1920–1938 гг. учтена также Финляндия.

Источники: Подробнее см.: Eloranta 2002b, p. no.

енное бремя, чем в начале XIX в. В Европе, как следует из табл. 6.3, великие державы несли несколько более тяжелое бремя, чем прочие страны; средняя доля военных расходов от ВВП составляла для 6 великих держав 3,2%, а в среднем для всех 16 учтенных государств — 2,7%. Интересно, что США, становившиеся мировым экономическим лидером, тратили на свои вооруженные силы менее 1% ВВП (Eloranta 2003).

Гонка вооружений подпитывалась как соперничеством, так и сдержанностью со стороны некоторых ее участников. В то время как одни страны наращивали военные расходы с целью не отставать от соперников, другие поступали так же для того, чтобы воспользоваться относительной сдержанностью экономических гигантов — Великобритании и США. Предпосылки Великой войны нередко усматриваются в консолидации двух враждебных альянсов;

однако при изучении статистических данных на предмет доказательства стратегического взаимодействия мы увидим, что сами эти альянсы в конечном счете оказались неэффективными и почти никак не влияли на уровень национальных оборонных расходов (Eloganta 2007).

Иная картина возникает при рассмотрении причин Второй мировой войны. В межвоенный период бремя военных расходов в среднем было выше, чем до 1914 г., но, как видно из табл. 6.3, военные расходы почти повсюду (за исключением Италии) уступали место другим статьям расходов. В результате доля военных расходов в бюджете почти повсеместно снизилась, причем порой весьма значительно. В таблице не отражено несоответствие между странами по срокам перевооружения: Советский Союз и Япония начали перевооружаться в конце 1920-х гг., а Германия — в начале 1930-х гг. Большинство других стран медлили с интенсивным перевооружением до середины 1930-х гг. Гитлер увеличил военное бремя Германии со значения, не достигавшего 2% в 1933 г., почти до 20% в 1938 г. Еще более впечатляющим был масштаб перевооружения в Японии: здесь военное бремя в 1938 г. составляло 23%, а доля оборонных расходов в бюджете превышала 50%. Муссолини не добился подобных успехов в перевооружении, как и в своих усилиях построить новую Римскую империю: бремя военных расходов в Италии в 1938 г. находилось на уровне всего в 5%. Более раннее, как в Советском Союзе, достижение высоких темпов роста военного производства имело сомнительную ценность, поскольку стремительный технический прогресс приводил к устареванию уже выпущенных вооружений всего через 2–3 года.

Некоторые государства колебались между политикой разоружения и перевооружения. Многие мелкие государства приступили к активному перевооружению лишь после 1935 г., однако в некоторых странах (например, в Португалии и Финляндии) бремя военных расходов было высоким уже в 1920-е гг. Высокая доля военных расходов в шведском бюджете, наблюдавшаяся в начале этого периода, к концу 1930-х гг. заметно снизилась. С самого начала являясь активным членом Лиги Наций, Швеция активно старалась подать пример в деле разоружения. Согласно Ульффу Ольссону (Olsson 1973), Швеция медленно реагировала на ухудшение международной обстановки, не спеша с перевооружением, и военное бремя в этой стра-

не до 1939 г. не превышало 2%. Так же медленно реагировали на новую гонку вооружений в конце 1930-х гг. США (Eloranta 2002b).

Относительно высокие военные расходы не являлись гарантией военных успехов или безопасности границ. Военные расходы определяли возрастание лишь одного из четырех аспектов, из которых, согласно Сэмюэлу Хантингтону (Huntington 1996), складывается военная мощь, а именно количественного аспекта (живая сила, оружие и ресурсы). Другие три аспекта — технический (эффективность вооружения), организационный (развертывание и боевой дух войск) и социетальный (способность и готовность задействовать вооруженные силы в различных ситуациях). Сами военные действия происходят на четырех различных уровнях (политическом, стратегическом, оперативном и тактическом), причем решения о финансировании принимаются в политической сфере (Millett et al., 1988). Например, Германия мобилизовала количественные ресурсы, активно вкладывала средства в различные гражданские и военные технологии, обеспечила себя необходимыми организационными структурами и подготовленными кадрами и в течение 1930-х гг. сплотила общество в условиях подготовки к войне. С другой стороны, французские политики, еще с 1920-х гг. убежденные в том, что безопасность Франции требует обширных военных расходов, в 1930-е гг. были не в состоянии поддерживать эти расходы на конкурентоспособном уровне, что, возможно, внесло свой вклад в слабую техническую оснащенность французских вооруженных сил во Второй мировой войне. Кроме того, французские военные стратегии мало подходили для грядущей маневренной войны.

Усиление авторитарных режимов и рост их военных расходов начались в середине 1920-х гг. и ускорились после 1933 г., причем Германия быстро склонила чашу весов в свою пользу. Представляется, что система международных отношений была дестабилизирована раздробленностью военной мощи в 1920-е гг. США не сумели проявить бесспорное военное лидерство, соизмеримое с их экономическим могуществом. В европейских демократических государствах за принятием решений о военных расходах в первую очередь стояли интересы производителей, нежели соображения внешней безопасности (Eloranta 2002b).

Итогом возобновившейся гонки вооружений стала Вторая мировая война. Из каких сфер исходило стремле-

ние к войне? Свою роль сыграло сочетание новых и старых элементов. Известную преемственность с периодом до 1914 г. создавало соперничество за колонии. Англичане, французы и голландцы защищали свои колониальные империи. Советский Союз защищал рубежи бывшей Российской империи. Японцы стремились создать новую империю, сначала обратив свои взоры на север — к Маньчжурии и Сибири, но так как Советский Союз оказался слишком сильным противником, то объектом японских притязаний стали британские, французские и голландские колонии в Юго-Восточной Азии. Итальянцы поставили себе целью создание империи в Средиземноморье — от Северной Африки до Балкан и Греции. Германия же строила планы по превращению Восточной Европы и России с их ресурсами и рынками в этнически реструктурированное жизненное пространство. Первыми к реализации своих замыслов приступили японцы (в Китае), за ними последовали итальянцы (в Северной Африке), а затем немцы (в Восточной Европе). Если бы Ленин был жив, он бы распознал знакомую картину: империалистические державы приступили к силовому переделу мира. Однако за этим империалистическим соперничеством стояли новые силы и факторы.

ВОЙНА, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДИКТАТУРА

До 1913 г. богатейшие страны Европы двигались в сторону все большей демократии, в то время как аристократические и монархические институты в таких бедных странах, как Греция, Сербия, Испания, Португалия и Турция, ослабевали. Поскольку демократии сравнительно редко воюют друг с другом, то шансы на сохранение мира в Европе должны были возрастать. Оценку политического режима мы производим с помощью обобщенного индекса Polity 2 (на основе базы данных Polity IV), который получается вычитанием автократического рейтинга из демократического рейтинга и может иметь значение от +10 (полная демократия) до -10 (полная автократия). В табл. 6.4 приводится сопоставление демократичности режима с достигнутым уровнем экономического развития. Мы видим, что в 1913 г. 7 из 10 стран с ВВП на душу населения, превышавшим медианное значение для Европы, имели положи-

ТАБЛИЦА 6.4.
 Политические режимы и уровень
 экономического развития в ряде стран
 Европы до и после обеих мировых войн
 (количество стран)

	Индекс Polity 2	ВВП на душу населения	
		выше медианного значения	равно или ниже медианного значения
1913	>0	7	5
	≤0	3	5
1923	>0	9	5
	≤0	0	5
1938	>0	9	2
	≤0	2	9
1950	>0	11	3
	≤0	1	10

Учтены следующие страны: Албания (только 1950), Австрия (кроме 1938), Бельгия, Болгария (кроме 1923), Чехословакия (кроме 1913 и 1938), Дания, Финляндия (кроме 1913), Франция, Германия, Греция, Венгрия (кроме 1923), Ирландия (кроме 1913), Италия, Нидерланды, Норвегия, Польша (кроме 1913), Португалия, Румыния (кроме 1923), Россия/СССР (кроме 1923), Сербия/Югославия, Испания, Швеция, Швейцария, Турция и Великобритания. Индекс Polity 2 вычисляется путем вычитания авторитарного рейтинга из демократического рейтинга, а также приведения всех стран к единому рейтингу ради определения обобщенного индекса политических режимов, пригодного для анализа временных серий; его величина лежит в пределах от +10 (полная демократия) до -10 (полная автократия).

Источники: База данных Polity IV из www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm; ВВП на душу населения в международных долларах 1990 г.: Maddison 2001.

тельный индекс Polity 2, как и половина из 10 беднейших стран. Однако Первая мировая война была развязана усилиями наименее демократических государств Европы: монархических Германии, Австро-Венгрии и России.

Поражение в Первой мировой войне лишило легитимности развязавшие ее режимы и привело к падению монархий в Германии, Австрии, Венгрии и России. Германия и Австрия стали однозначно демократическими

странами, Венгрия — более-менее демократической, Советская Россия — однозначно недемократической. Впрочем, новые демократии оказались очень непрочными. Обстоятельства, сложившиеся в 1920-х — начале 1930-х гг., едва ли могли быть более неблагоприятными для их сохранения, и к концу 1930-х гг. молодые демократические режимы сменились диктатурами нового типа в Германии, Австрии, Италии, Испании, Португалии и большинстве стран Восточной Европы, в то время как Россия почти без всякой паузы перешла от монархического к коммунистическому абсолютизму. Данные табл. 6.4 демонстрируют проявившийся к 1938 г. четкий раскол Европы: в большинстве богатых стран сохранялась демократия, притом что в большинстве бедных стран установился авторитаризм. Наконец, при мироустройстве, сложившемся после Второй мировой войны, материк остался таким же поляризованным, разделяясь на богатые демократии и бедные диктатуры, хотя в Южной и Юго-Восточной Европе место фашистов заняли коммунисты.

Новым ингредиентом в межвоенном империалистическом соперничестве стал тоталитаризм: этим термином политолог Ханна Арендт именovala наиболее тираннические режимы XX в. — национал-социалистическую Германию и коммунистическую Россию. Согласно Хуану Линцу, *тоталитарное государство* отличается: 1) централизацией политической власти; 2) наличием единственной разрешенной идеологии, которую вождь использует как в целях политической идентификации, так и в качестве руководства к действию; 3) мобилизацией граждан на решение коллективных задач, которая осуществляется единственной партией с использованием жестокого насилия в отношении реальных или воображаемых противников (Boesche 1996; Linz 2000). Остается спорным вопрос о том, были ли структуры национал-социализма и коммунизма настолько сходными, что их можно описать в рамках одной концепции. Результаты правления этих режимов были похожими, но не идентичными. В СССР Сталин создал государственную командно-административную экономику, функционировавшую в условиях безжалостной политической диктатуры. Его жертвами становились главным образом его собственные подданные, либо не получившие помощи от государства и умершие от голода, последовавшего за насильственной коллективизацией села, либо целенаправленно убитые во время Большо-

го террора. Используя органы государственного контроля, Сталин построил в стране тяжелую индустрию и инвестировал средства в создание новой военной техники; в середине 1930-х гг. Советский Союз, вероятно, производил больше всего вооружений в мире. В то же время секретные документы сталинской внешней политики говорят о том, что она носила скорее «пассивно-агрессивный», нежели экспансионистский характер (Barber and Harrison 2005).

Гитлеровский режим также представлял собой воплощение идеи о тоталитарной власти. Гитлер дополнил традиционные идеалы германского национализма и империализма такими взрывоопасными элементами, как антисемитизм и расовая чистота. Его восхождению к власти в 1933 г., начавшемуся с победы на выборах и быстрого установления диктатуры, предшествовал экономический крах в годы Великой депрессии. Безработица в Германии в 1932 г. достигла катастрофического уровня: работы не имел каждый третий трудящийся. Привлекательность Гитлера основывалась на обещании вернуть в страну процветание и восстановить имперскую мощь, на ненависти к евреям и на страхе перед отечественными и советскими коммунистами. Гитлер укрепил власть, заткнув рот противникам и создав эффективное полицейское государство. Его политика, позволившая снизить безработицу, была нацелена на подготовку страны к войне и на самодостаточность германской экономики. Он не стремился к полному контролю над экономической жизнью, но был готов снизить уровень жизни и реальную заработную плату ради перевооружения страны (Tooze 2007). При Гитлере Германия вышла из Лиги Наций, а его решения ремилитаризовать Рейнскую область в марте 1936 г. и аннексировать Австрию способствовали утрате доверия к Лиге Наций. Главной целью Гитлера была колониальная экспансия (Kennedy 1989; Abelshauser 2000). Гитлеровская политика, в отличие от сталинской, привела к меньшему числу случайных жертв и к большему числу целенаправленно убитых. Большинство жертв Гитлера были жителями других стран. Тем не менее он уничтожил также миллионы своих сограждан.

Что касается итальянских и пиренейских фашистов, то их режимы, будучи кровавыми и репрессивными, все же не выдерживают никакого сравнения с гитлеровским и сталинским тоталитаризмом. Муссолини был назначен премьер-министром Италии в октябре 1922 г., по-

сле марша фашистов на Рим. Он потратил несколько лет на ликвидацию парламентаризма и других политических партий и никогда не имел такого же централизованного контроля над своим государством, каким обладали Гитлер и Сталин. Не сумел Муссолини, вопреки своим надеждам, добиться и военного превосходства Италии в 1930-е гг. Аналогично, в Португалии, где авторитаризм набирал силу с 1926 г., Антониу ди Оливейра Салазар лишь постепенно приобрел диктаторскую власть после того, как в 1932 г. стал премьер-министром. В Испании первый авторитарный эксперимент представляла собой диктатура Primo de Rivera в 1923–1930 гг.; после недолговечной республики и кровавой гражданской войны диктатором Испании в 1939 г. стал Франсиско Франко. В Восточной Европе, в балтийских государствах и на Балканах 1930-е гг. в целом были эпохой авторитарных режимов, во главе которых нередко стояли видные военачальники и популистские вожди (Lee 1987; Saz 1999).

Однако, судя по известным фактам, смена режимов не была связана со структурными изменениями в военных расходах этих стран. Большинство авторитарных режимов не обладало централизованной властью, необходимой для крупномасштабного перевооружения. Например, по сравнению с Германией и Японией военное бремя Италии в конце 1930-х гг. оставалось скромным (Eloranta 2002b). Прочие авторитарные государства не сумели устранить противоречия между ревизионистской идеологией и требованиями выживания на международной арене. Внутренняя популярность этих режимов основывалась главным образом на обещаниях обеспечить безопасность и на протекционистской торговой политике, однако в 1930-е гг. их внешнеполитические и торговые позиции были весьма слабы. Впрочем, во время Второй мировой войны эти режимы, особенно восточноевропейские, склонялись к союзу со странами Оси.

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

Две мировые войны подвергли европейскую экономику колоссальному напряжению. Что это означало? Ведение войны требовало гигантских ресурсов. В ходе обеих войн десятки миллионов людей обрушивали друг на друга миллионы тонн взрывчатых веществ, применяя при

этом огромные машины — корабли, самолеты и танки. Соответствующие военные потребности можно было удовлетворить, в первую очередь наращивая объемы производства и импорта, а также снижая уровень потребления и инвестиций.

Возможности для роста производства в военное время были ограничены, и на практике в большинстве стран производство в военное время сокращалось, а не возрастало, несмотря на целенаправленные усилия по мобилизации экономики. В табл. 6.5 дается сравнение европейских государств, участвовавших в войне, с тремя «контрольными» группами: 1) нейтральными европейскими государствами; 2) бывшими британскими колониями в Северной Америке и Австралии и Азии, активно участвовавшими в войне, находясь вдали от театров военных действий; 3) бывшими колониями Испании и Португалии в Латинской Америке, сохранявшими нейтралитет либо принимавшими чисто формальное участие в войне. Во время обеих войн объемы производства в Европе в абсолютном выражении сокращались, в то время как отдаленные регионы сохранили или улучшили свои экономические позиции. Сильнее всего пострадали те европейские государства, которые были оккупированы или сдались. Почти во всех регионах сокращение производства, связанное со Второй мировой войной, было менее значительным, чем во время Первой мировой войны, за исключением катастрофического состояния советской экономики в 1944 г. В этом смысле исключительного успеха во время обеих войн добились экономики США и Канады, в 1944 г. более чем удвоившие свой ВВП по сравнению с 1938 г.¹

Поскольку общий объем производства был неэластичен по отношению к военным потребностям, то военные расходы приводили к колоссальному сокращению инвестиций и домашнего потребления. В табл. 6.6 приводятся соответствующие цифры для некоторых стран, участвовавших в войне. Абстрагируясь от громадной методологической проблемы, связанной со статистической оценкой того, во что война обходится потребителю, мы ясно видим, что к XX в. основные участники войн изыскивали возможности для переключения на военное производство от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ общих производственных мощностей. Для снижения покупательной способности на гражданских рынках использовались самые различные инструменты: важную роль играли как высокие налоги, так и воен-

1. Итальянские данные говорят о чудесном росте ВВП во время Первой мировой войны, что, несомненно, является статистической аномалией, согласно обсуждению в: Broadberry (2005).

ТАБЛИЦА 6.5.
ВВП в годы войны (в % к довоенному)

	В% к 1913		В% к 1938	
	Число стран	ВВП в 1917	Число стран	ВВП в 1944
Вся Европа	16	90	19	96
нейтральные страны	7	97	6	112
победители	2*	100	2	99
проигравшие	7	75	11	91
Бывш. британские колонии	4	105	4	207
Бывш. колонии Испании и Португалии	8	100	14	124

НЕЙ ТРАЛЬНЫЕ, ПОБЕДИВШИЕ И ПРОИГРАВШИЕ ЕВРОПЕЙ СКИЕ СТРАНЫ

Первая мировая война	Вторая мировая война
Нейтральные	
Дания, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария	Ирландия, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Турция
Победители	
Франция и Великобритания (в отношении Италии см. примеч. ниже)	Великобритания, СССР
Проигравшие (их правительства капитулировали или их территория была полностью оккупирована)	
Австрия, Бельгия, Германия, Венгрия, Османская и Российская (включая Финляндию) империи	Австрия, Бельгия, Болгария, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Италия, Нидерланды, Норвегия

БЫВШИЕ КОЛОНИИ

Первая мировая война	Вторая мировая война
Британские (в обеих войнах)	
Австралия, Новая Зеландия, Канада и США	
Испании и Португалии	
Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Мексика, Перу, Уругвай, Венесуэла	Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Перу, Уругвай, Венесуэла

* За исключением Италии по причинам, упомянутым выше. С учетом Италии цифра, равная 100, была бы равна 107.

Источники: Maddison 2001, за исключением данных по ВВП за 1917 г., дополненных оценкой для Венгрии из Schulze 2005, p. 86, и для России из Gatrell 2005, p. 241; для Османской империи нами взята величина в % от уровня 1913 г., основанная на Ramuk 2005, p. 120, однако это допущение никак не влияет на итоговую величину в таблице.

ТАБЛИЦА 6.6.

Мобилизация национальных ресурсов в двух мировых войнах
(в % к ВВП в текущих ценах)

Страна	Государственные расходы		Военные расходы	
	1913	1917	1939	1943
Франция	10	50	—	—
Германия	10	59	23	70
Италия	—	—	8	21
СССР	—	—	17*	61
Великобритания	8	37	15	55

* За 1940 г.; цифры даны в ценах 1937 г.

Источники: Broadberry and Harrison 2005b, p. 15; Harrison 1998b, p. 21.

ные займы, выплата по которым обещалась после победы. Также широко применялся непосредственный контроль за потреблением и деятельностью корпораций, предусматривавший рационирование, призванное ограничить доступ гражданских к любым товарам — от продовольствия и тканей до машин, топлива и стратегического сырья.

Мобилизационной единицей по большей части являлась национальная экономика. Но следует учитывать и такой аспект, как использование международной торговли для военных нужд нации. В военное время великие державы мобилизовали молодых людей на военную службу, а промышленность — на военное производство. В результате они прекращали поставки коммерческого экспорта на мировой рынок, вместе с тем в максимально возможной степени задействуя внешние источники продовольствия, топлива и военных материалов, включавшие в себя соответствующие колониальные империи и нейтральных торговых партнеров. С ними расплачивались кредитами, которые, как те надеялись, будут погашены после войны. Лишь одна великая держава была достаточно богатой для того, чтобы вести военные действия и в то же время сохранять внешнеторговый профицит: речь идет о США, в обеих мировых войнах снабжавших своих союзников.

Существование союзов создавало возможности для мобилизации на наднациональном уровне. Дважды в течение данного периода победоносная коалиция охватывала обширные пространства Северного полушария от запад-

ного побережья США через Великобританию до России, чья территория замыкала круг по Северной Европе и Азии, обрываясь всего в нескольких милях от Аляски. Великобритания и США оказывали крупномасштабную финансовую и материальную помощь своим союзникам, в первую очередь Франции и Италии во время Первой мировой войны и Советскому Союзу во Второй мировой войне. Сочетание капитала, изобиловавшего в богатых экономиках, с людскими ресурсами, изобиловавшими в бедных экономиках, позволяло по максимуму обратить наличные ресурсы коалиции в военную мощь. По сути, в обоих случаях победители интегрировали и скоординированно использовали свои экономические и военные ресурсы намного более эффективно, чем проигравшие страны, проводившие мобилизацию и сражавшиеся в значительной степени изолированно друг от друга. С другой стороны, верно и то, что победители с самого начала превосходили своих противников как по количеству ресурсов, так и по их качеству.

В некоторых бедных странах масштабы мобилизации не превышали субнационального уровня. Бремя мобилизации было настолько тяжелым, что попытки интегрировать и скоординировать работу фронта и тыла на национальном уровне проваливались, а национальную экономику постигал коллапс. Это часто случалось в тех странах, где сельское хозяйство подверглось лишь частичной коммерциализации, оставаясь по преимуществу мелкокрестьянским и натуральным. Под давлением военной мобилизации этот сектор экономики проявлял тенденцию к «независимости от страны». Непосредственным симптомом этого явления обычно служил голод в городах. В тех случаях, когда трудящиеся жители воюющего Гамбурга или Петрограда были не в состоянии купить продукты, главной причиной этого был, как правило, не дефицит продовольствия в масштабах всей экономики, а возрастающее нежелание крестьян продавать его по какой бы то ни было цене в силу нехватки промышленных товаров, которые они могли бы купить взамен. В результате мобилизация на практике могла быть реально проведена не в масштабах национальной экономики, а лишь на уровне местных городских экономик, непосредственно подчинявшихся центральному правительству. Юридически правительство обладало властью и над деревней, но его экономический суверенитет де-факто был ограни-

чен намного более узкими рамками; ресурсы крестьянских хозяйств, находившихся в нескольких милях от черты города, были ему так же неподвластны, как и деловые решения производителей и торговцев в нейтральных странах другого полушария (Harrison 1998b; Broadberry and Harrison 2005b).

В качестве иллюстрации можно привести экономический распад Австро-Венгерской империи во время Первой мировой войны. Оба королевства — Австрия и Венгрия, подчинявшиеся венскому императору, имели свои собственные правительства, юридические системы и деньги. Но более существенной, чем внешние различия, являлась экономическая асимметричность: Австрия была более богатой и индустриальной страной по сравнению с Венгрией. Для того чтобы перевести свою промышленность на военные рельсы, Австрия нуждалась в излишках продовольствия, имевшихся у венгерских крестьян, но была не в состоянии снабжать Венгрию промышленными товарами гражданского назначения в тех же масштабах, что и в мирное время. В результате торговля между двумя королевствами стала сокращаться; продовольствие оставалось в венгерских селах, в то время как австрийские города не могли расширять объемы промышленного производства из-за нехватки продуктов питания и сырья. Одновременно происходили два явления. Координация усилий между двумя частями империи ослабевала и в то же время крестьяне в каждом из королевств поступали так, как сами считали нужным (Schulze 2005). Если Австро-Венгрия не могла наладить координацию в своих пределах, то какими были ее шансы на осуществление координации с другими центральными державами?

Опыт германских завоеваний во Второй мировой войне даст нам еще один пример. Германия намеревалась создать колониальную империю в Восточной Европе и превратить Украину и Европейскую Россию в регион, поставляющий дополнительное продовольствие; это предполагалось осуществить, уничтожив или уморив голодом большую часть населения, а большинство оставшихся вынудив бежать за Урал (Кау 2006). Полному осуществлению этого плана помешала неспособность добиться быстрой победы над Советским Союзом; но и при этом германские оккупационные власти прикладывали все возможные усилия для эксплуатации сельскохозяйственных ресурсов, попавших им в руки. Однако мобилизовать эти

ресурсы оказалось чрезвычайно сложно, даже под прицелом ружья (Liberman 1996). По случайности в то же самое время под властью немцев оказалась почти вся Западная Европа. В период оккупации поставки продовольствия в Германию из богатой, индустриальной Франции в несколько раз превышали уровень вывоза продовольствия из России (Milward 1965). Это снова иллюстрирует проблематичность мобилизации ресурсов, находящихся в руках крестьян, ведущих малопродуктивное натуральное хозяйство.

В обеих мировых войнах единственной бедной страной, сумевшей защитить свою экономическую цельность от серьезных посягательств, стал Советский Союз во второй из этих войн. Десятью с лишним годами ранее Сталин и его сторонники сумели извлечь необходимый урок из поражения России в Первой мировой войне: мелкое крестьянское хозяйство в военное время становилось ахиллесовой пятой России (Simonov 1996). Сталин организовал коллективизацию крестьян с тем, чтобы поставить их самих и имевшиеся у них излишки продовольствия под контроль государства. Эта кампания сопровождалась огромными человеческими жертвами, а созданная колхозная система была неэффективной и вызывала ненависть у населения (Davies and Wheatcroft 2004). Но она решила поставленную перед ней задачу в том смысле, что когда разразилась новая война, крестьяне были уже не вольны уйти с рынка. Когда резервы продовольствия сократились до критического минимума, а в стране не хватало на всех еды и миллионы людей умирали от голода, армия и работники оборонных предприятий имели достаточный паек (Barber and Harrison 1991; Harrison 1996). Крестьяне при сталинской системе получали лишь ту долю произведенного ими самими продовольствия, которая оставалась после удовлетворения потребностей прочих слоев населения. В результате в 1942 г., когда судьба страны висела на волоске, экономическая система не развалилась, продолжая обеспечивать снабжение армии в критический момент войны.

Мобилизационные преимущества богатых экономик с такой же очевидностью проявились и в потреблении продовольствия. Например, во время обеих мировых войн питание англичан, несмотря на подводную блокаду, было пусть однообразным, но вполне здоровым и достаточным — отчасти благодаря созданному в Англии ка-

питалоинтенсивному коммерциализованному сельскому хозяйству, быстро и гибко реагировавшему на мобилизационные требования, отчасти благодаря поставкам из-за океана (Olson 1963). В США во время Второй мировой войны, как отмечал Хью Рокофф (Rockoff 1998), люди не стали есть больше масла, зато они ели больше мороженого.

Обе мировые войны подняли экономическую войну, традиционно ограничивавшуюся осадами и блокадой, на новый уровень. Блокада продолжала практиковаться, но многие экономисты от Ольсона (Olson 1963) до Дэвиса и Энгермана (Davis and Engerman 2006) указывали, что ее действенность легко сводилась на нет как прямыми контрмерами, так и экономической мобилизацией и использованием заменителей. Германия отчасти преодолевала осуществлявшуюся англичанами блокаду ее портов в Первую мировую войну, ведя сухопутную торговлю с нейтральными соседями, включая торговых партнеров Великобритании. Союзники в обеих войнах успешно применяли систему морских конвоев для защиты коммерческого судоходства от немецких подлодок, тем самым обеспечивая интеграцию союзных экономик. И напротив, германская программа строительства подводных лодок в обеих мировых войнах была чрезвычайно затратной, притом что непосредственным следствием попытки прибегнуть к неограниченной подводной войне в 1917 г. стало вступление США в войну на стороне Антанты.

Во Второй мировой войне наличие дальних тяжелых бомбардировщиков позволило подвергать бомбардировкам вражеские тылы. В 1940–1945 гг. ВВС союзников сбросили на Германию 2 млн тонн бомб; 40% из них предназначалось для германских индустриальных и транспортных мощностей, а еще 30% — для городских территорий (Zilbert 1981). Стратегические бомбардировки Германии преследовали цель разрушить военную экономику и лишить население воли к борьбе. Однако бомбардировки городов с течением времени давали все меньшую отдачу; они не могли сломить волю народа, порой достигая противоположного эффекта (Brauer and Tuyl 2008). Кроме того, они слабо влияли и на военное производство, так как в первую очередь уничтожали гражданские ресурсы и повышали готовность трудящихся идти на жертвы. Дневные бомбардировки промышленных и транспортных объектов, ставшие возможными в конце войны, оказались более эффективными. Тем не менее германские промышленные мощно-

сти продолжали расширяться, поскольку новые инвестиции более чем компенсировали разрушения от бомбардировок (Abelshauser 2000). Стратегические бомбардировки все же привели к возрастанию германских производственных издержек и вынудили Германию отвлекать колоссальные ресурсы от Восточного фронта, задействуя их в противовоздушной обороне на западе. С другой стороны, воздушная кампания чрезвычайно дорого обходилась самим союзникам, вызывая нередкие диспуты по поводу ее приоритета в сравнении с непосредственной поддержкой высадки в Нормандии. В целом экономическая война оказалась неспособна определить результаты обоих конфликтов, но, возможно, ускорила их завершение (Førland 1993).

ИТОГИ ВОЙНЫ

Последствия мировых войн были предъявлены человечеству в два этапа — в 1918 и 1945 гг. В обоих случаях наблюдались некоторые общие черты, и в первую очередь гигантские издержки. Обе войны привели к колоссальным людским потерям и растрате огромного гуманитарного и физического капитала. С другой стороны, влияние обеих войн на экономические институты и послевоенное состояние экономики было совершенно разным. Первая мировая война отбрасывала на межвоенное экономическое развитие длинную тень, которую тщетно пытались рассеять международные институты. Неразрешенные противоречия препятствовали возвращению к нормальной жизни, и Европа подверглась фатальной поляризации на богатых и бедных, на демократии и диктатуры. Напротив, внутренние и международные реформы, сопровождавшие окончание Второй мировой войны, способствовали избавлению от экономических и политических проблем, преследовавших Европу после 1918 г. Другими стали и последствия второй войны. Международная экономика быстро восстановилась. Несмотря на начало холодной войны, Европа вступила в послевоенный золотой век, и потребители по обе стороны «железного занавеса» по крайней мере какое-то время наслаждались изобилием.

Людские потери в Первую мировую войну были ужасными: погибло на поле боя и умерло от других причин почти 10 млн солдат. Из 5,4 млн погибших на стороне Антанты более половины приходилось на Россию и Фран-

ТАБЛИЦА 6.7.

Физические потери в Европе во время Первой мировой войны:
избранные страны (в % от довоенных активов)

Страна	Гумани- тарный капитал	Физический капитал			
		Отечеств. активы	Заморские активы	Вмененные репарации	Нац. богатство
Австро-Венгрия	4,5	6,5	—	—	—
Франция	7,2	24,6	49,0	—	31,0
Германия	6,3	3,1	—	51,6	54,7
Италия	3,8	15,9	—	—	—
Россия	2,3	14,3	—	—	—
Турция и Болгария	6,8	—	—	—	—
Великобритания	3,6	9,9	23,9	—	14,9

Источник: Broadberry and Harrison (2005b).

цию. Из 4 млн погибших на стороне центральных держав $\frac{3}{4}$ были родом из Германии и Австро-Венгрии (Broadberry and Harrison 2005b). Эти потери невозможно в полной мере оценить с точки зрения всех их гуманитарных аспектов. Однако в той степени, в какой они представляют собой гуманитарный капитал, восполнимый за определенную цену, им можно дать финансовую оценку и сравнить ее с прочими материальными убытками. Это сравнение производится в табл. 6.7. Германия лишилась более 6% своего довоенного гуманитарного капитала, так же как Болгария и Турция, вместе взятые. Из таблицы также видно, что потери физического капитала, как правило, в пропорциональной степени превышали гуманитарные потери, за исключением Германии, на чьей территории не шли боевые действия. Самые большие потери физического капитала понесла Франция — богатая индустриальная страна, которой было что терять.

В отношении потерь, связанных со Второй мировой войной, мы можем дать более подробные цифры, включающие как военные потери, так и гибель гражданских лиц. Но даже с учетом этого обстоятельства Первая мировая война меркнет по сравнению со Второй. Это в первую очередь относится к гражданским потерям, поскольку в годы Первой мировой войны безвременно скончалось относительно немного гражданских лиц. Напротив, во Вторую мировую войну не своей смертью умерло не ме-

ТАБЛИЦА 6.8.

Физические потери в Европе во время Второй мировой войны:
избранные страны, % от активов

Страна	Гуманитарные активы	Физические активы	
		Национальное богатство	Основные фонды промышленности
Великобритания	1	5	—
СССР	18–19	25	—
Германия	9	—	17*
Италия	1	—	10
Япония	6	25	34

* Только Западная Германия.

Источник: Harrison 1998b.

нее 55 млн человек, более половины из которых были гражданскими лицами. Более 40 млн из этого числа были гражданами европейских стран. Германия и Югославия лишились каждого десятого, Советский Союз — каждого седьмого, а Польша — каждого пятого из своего довоенного населения. В целом по Европе $\frac{3}{4}$ погибших приходилось на долю одной-единственной страны — Советского Союза, потерявшего 25 млн человек (см. цифры из: Urtanis 1971, pp. 294–295, за исключением цифр по самому СССР, взятых из: Harrison 2003). Так произошло не случайно; в германские планы входило сильное сокращение населения Советского Союза с целью обеспечения поставок продовольствия в Германию.

Финансовая сторона людских потерь в табл. 6.8 сравнивается с известными нам данными по прочим материальным и финансовым потерям. Из таблицы видно, что относительная величина гуманитарных потерь была самой разной, в случае Советского Союза оказалась невероятно высокой. Несмотря на это, ее во всех случаях превышает уровень физических разрушений, вызванный применением, наряду с традиционными методами, новых технологий разрушения — таких, как стратегические бомбардировки.

Этнические депортации и геноцид являлись характерной чертой обеих мировых войн. Наиболее известным эпизодом такого рода во время Первой мировой войны была депортация армян, проживавших в Восточной Анатолии, в 1915–1916 гг. Официально политика правительства

младотурков заключалась в конфискации их собственности и в их отправке пешим ходом в Сирийскую пустыню на юге страны. Точное число погибших в результате этой акции неизвестно (называются цифры от 300 тыс. до 1,5 млн человек), так же как не вполне ясно, сколько человек умерло от голода, отсутствия крыши над головой и болезней, а сколько было убито в ходе резни, сопровождавшей депортацию (Simpson 1939; Zurcher 2000). Во Вторую мировую войну несомненным было осуществлявшееся с 1942 г. намерение нацистов уничтожить всех европейских евреев — отчасти в Германии и Западной Европе, но по большей части в Польше и СССР (однако датировка, а также внутренние и внешние причины этого решения до сих пор остаются предметом дискуссий). Адольф Эйхман, главный организатор еврейского геноцида, называл цифру в 6 млн убитых. Кроме того, нацисты уничтожили сотни тысяч прочих «нежелательных элементов», включая гомосексуалистов, цыган, социалистов, а также инвалидов и умственно неполноценных.

Еще более сложным и неоднозначным было влияние обеих войн на институты и политику. Первая мировая война покончила с либеральным устройством XIX в., открыв фазу деглобализации. Производство и потребление в тотальной войне требовало гарантированных поставок жизненно важных стратегических материалов, сырья и продовольствия, и это вынуждало воюющие страны к ограничению экспорта и максимально возможному расширению импорта. Кроме того, участники войны применяли борьбу с торговлей как одну из военных стратегий, стремясь блокадой и голодом поставить противника на колени. Международные товарные рынки были разрушены, объем мировой торговли сократился (Maddison 1995).

В целом в первую половину века меркантилистская мотивация и инструменты получили в Европе более значительное распространение, чем когда-либо за предыдущие сто лет. Борьбу за ресурсы, вызванную Первой мировой войной, в мирное время сменила борьба за ликвидность. Первая мировая война оказала катастрофическое долгосрочное влияние на международную торговлю. В глобальных масштабах доля торговли в ВВП сократилась с 22% в 1913 г. до 15% в 1929 г. и лишь 9% в 1938 г. (Estevadeordal, Frantz, and Taylor 2003, p. 595). Что касается Европы, то экспорт после войны в относительном смысле сократился, а в абсолютном смысле застыл на одном уровне; несмотря

на некоторое первоначальное оживление мировой торговли, европейский экспорт в 1929 г. не достигал уровня 1913 г. (Maddison 1989). Массовой поддержкой пользовался протекционизм в сельском хозяйстве и промышленности. К середине 1920-х гг. таможенные тарифы значительно повысились по сравнению с 1913 г. в Болгарии, Чехословакии, Германии, Венгрии, Италии, Румынии, Испании, Швейцарии и Югославии. После начала Великой депрессии политика «разори соседа», проводившаяся все более националистическими по своему духу правительствами, а также консолидация автаркических региональных торговых блоков довершили дезинтеграцию торговли. Новые ограничения на торговлю в 1930-е гг. обычно принимали форму квот, а не тарифов. Торговые договоры и отношения были подчинены экономическим и военным интересам перевооружавшихся европейских наций (Kindleberger 1973; Kennedy 1989; Findlay and O'Rourke 2007). Доля Европы в мировом промышленном производстве продолжала сокращаться, а европейская торговля лишь отчасти оправилась к концу 1930-х гг. Напротив, к 1950 г. все регионы мировой экономики, включая Европу, начали пожинать плоды восстановленной торговли и вновь взятого курса на либерализацию (Maddison 1995).

Заметным исключением из межвоенного протекционизма являлась торговля оружием. Военный экспорт к концу Первой мировой войны упал почти до нуля, однако в начале 1920-х гг. он восстановился и испытывал заметный рост вплоть до начала Великой депрессии. После депрессии экспорт оружия возрождался быстрее, чем мировая торговля в целом, несмотря на снижение цен, отчасти вызванное всемирной дефляцией, а отчасти — возросшей конкуренцией со стороны небольших стран, выходящих на рынок. Военный экспорт в 1930-е гг. наращивали Чехословакия и Швеция, к которым присоединились Бельгия и Норвегия. К 1935 г. Чехословакия вырвалась вперед, захватив четверть рынка легкого и среднего оружия; заметная его доля также принадлежала Швеции и Бельгии (Eloganta 2002a). Великобритания сохраняла традиционное доминирование в торговле таким тяжелым вооружением, как боевые корабли. Попытки ввести регулирование на рынке оружия по большей части даже близко не приближались к заявленным целям — отчасти из-за оппозиции со стороны отечественных оружейных лобби (Krause 1992; Krause and MacDonald 1993).

Межвоенную экономическую и политическую нестабильность и установление авторитарных режимов можно рассматривать как продолжение Первой мировой войны и Великой депрессии (Feinstein et al. 1997). Неработоспособность многих институтов коренилась в Версальском мирном договоре 1919 г., создавшем много новых демократий и видимость «новой Европы». Однако в основе этого договора лежало коллективное наказание бывших центральных держав, подготовившее почву для возрождения германского национализма в 1930-х гг., но в то же время не удовлетворившее требований многих участников договора.

Дополнительной нагрузкой на межвоенную европейскую экономику стали военные долги. США предоставили Великобритании и Франции военные займы на миллионы долларов. Англичане и французы в свою очередь кредитовали Италию и Россию. В результате более бедные участники коалиции имели возможность сражаться спустя много времени после того, как закончились их собственные ресурсы. Межвоенные экономические и политические отношения крайне осложнялись этими долговыми обязательствами, большинство из которых с течением времени было просто списано. Во время Второй мировой войны сложилась аналогичная ситуация: Соединенные Штаты за годы войны предоставили Великобритании и Советскому Союзу экономическую помощь на миллиарды долларов, притом что в Великобритании действовала своя собственная, куда более скромная программа помощи СССР. Различие было в том, что союзники очень быстро стали оказывать друг другу военное содействие на безвозмездной основе, благодаря чему не возникло серьезной послевоенной задолженности.

О неудачной работе институтов в межвоенный период, возможно, наилучшее представление дает Лига Наций, созданная в 1920 г. На 18 участников — основателей Лиги приходилось более 74% мирового населения и 63% площади поверхности суши, но в их число не входили США, выбравшие политику изоляционизма. История Лиги представляет собой ряд неудачных попыток противодействовать различным актам агрессии, совершавшимся на протяжении следующих двух десятилетий Японией, Италией и Германией. Неудачная работа Лиги была обусловлена несколькими факторами, включая различный подход ее членов-основателей к разоружению и обеспечению безопасности, отсутствие в рядах Лиги ряда ключе-

вых великих держав (например, США) и неспособность Лиги обеспечить действенные гарантии безопасности для государств-членов.

Опасность повторения этой неудачи висела над Организацией Объединенных Наций (ООН), основанной в 1945 г. победоносной коалицией союзников. Скорое начало холодной войны сделало подобный исход весьма вероятным. Например, первые предложения о разоружении были выдвинуты лишь в 1950-х гг. и не имели серьезных шансов на успех (Jolly et al. 2005). Однако между Лигой и ООН существовало два важных различия. Одно из них состояло в том, что США, в межвоенный период не участвовавшие в работе Лиги, в послевоенную эпоху стали новым, экономически могущественным лидером ООН, захватившим в этом органе гегемонию. Другим различием было появление после 1945 г. новых институтов для многосторонней координации. В дополнение к ООН сразу же после войны были созданы другие структуры: Бреттон-Вудская система координации обменных курсов под руководством Международного валютного фонда, Международный банк реконструкции и развития (впоследствии — Всемирный банк) и план Маршалла, по которому США оказывали экономическую помощь восстанавливающейся послевоенной Европе. Бреттон-Вудская система служила краеугольным камнем послевоенной стабильности и экономического развития вплоть до начала 1970-х гг. (Maddison 1995; 2001).

В 1948–1951 гг. США вкачали 13 млрд долларов (около 100 млрд долларов в ценах 2003 г.) в экономики Западной Европы. Эта крупномасштабная программа помощи была названа в честь ее создателя, госсекретаря США Джорджа Маршалла. Цель плана Маршалла заключалась в том, чтобы помочь Европе оправиться от разрушений военного времени и в то же время содействовать укреплению экономической системы, альтернативной социализму. Большинство восточноевропейских стран превратились в сателлиты СССР либо не желали раздражать Советский Союз согласием на получение этой помощи. Напротив, в Западной Европе план Маршалла укрепил экономическое сотрудничество между странами региона и способствовал вовлечению возрождающихся экономик в политику торговой либерализации и рыночной интеграции (Ritschl 2004).

В этом контексте неудивительно, что послевоенное экономическое возрождение после 1918 г. происходило

ТАБЛИЦА 6.9.

Время возвращения к довоенному уровню ВВП на душу населения, считая с последнего года войны в европейских странах

	Первая мировая война		Вторая мировая война	
	Число стран	Время возвращения, лет	Число стран	Время возвращения, лет
Нейтральные	7	3,4	6	1,3
Победившие	4	3,4	2	1,5
Проигравшие	10	9,7	16	4,4

ПРИМЕЧАНИЕ: Нейтральные, победившие и проигравшие европейские страны см. в табл. 6.5.

Источник: Maddison 2003.

медленно и неуверенно, в то время как после 1945 г. оно в целом шло быстрыми темпами. Из табл. 6.9 видно, что нейтральным европейским странам и победителям после 1918 г. в целом понадобилось более трех лет для возвращения к уровню ВВП на душу населения 1913 г., в то время как у проигравших на это ушло почти десятилетие. Напротив, экономическое восстановление после 1945 г. произошло почти молниеносно. И это служило одним из первых признаков того, что мир после 1945 г. действительно стал иным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой половине XX в. европейская глобализация неожиданно подошла к концу. Ей на смену пришли протекционизм, национализм и войны, сопровождавшиеся колоссальными разрушениями и человеческими жертвами. В середине столетия глобализация возобновилась и европейские экономики начали подтягиваться к более высокому и более-менее одинаковому уровню доходов.

После двух мировых войн изменились три обстоятельства. Во-первых, европейский экономический рост, интеграция и процветание перестали связываться с империями. Доживи до этих времен европейские лидеры XIX в., они, несомненно, удивились бы, увидев, что можно богатеть и приобретать влияние, не выказывая имперских

притязаний на власть над другими народами, их землями и морями.

Во-вторых, европейские лидеры прониклись значением сотрудничества. Они сотрудничали с Соединенными Штатами при восстановлении экономики, при координации обменных курсов и снижении тарифов, сотрудничали друг с другом при закладке нового фундамента для европейской интеграции и сотрудничали с развивающимися странами в ходе деколонизации и при оказании содействия их развитию.

В-третьих, европейские лидеры научились использовать возможности государства для регулирования экономической жизни. В военное время правительства обладали гигантской властью над своими народами, производством и потреблением. У нас имеются определенные причины для того, чтобы проводить непосредственную связь между эффективностью государства и уровнем развития его экономики: одновременно с тем, как государство становится богаче, расширяется потенциальный масштаб государственных полномочий и повышается эффективность государственной власти. Отсюда не следует, что правительства должны использовать эти полномочия в мирное время в той же мере, как в военное, просто потому, что для этого есть возможности, хотя некоторые придерживались именно такого мнения — в первую очередь по причине неожиданно успешной мобилизации советской командно-административной экономики на борьбу с нацистской Германией. Соответственно, важной задачей послевоенного периода стал поиск адекватных пределов государственного контроля над рыночной экономикой.

ГЛАВА 7

Деловые циклы и экономическая политика в 1914–1945 гг.

АЛЬБРЕХТ РИЧЛЬ
ТОБИАС ШТРАУМАН

СОДЕРЖАНИЕ

Введение · 223
Выявление европейского делового цикла · 227
Монетарные факторы в межвоенном европейском деловом цикле · 230
Социальный конфликт и межвоенный европейский деловой цикл · 242
Международная торговля · 245
Потоки капитала, международные конфликты и межвоенный европейский деловой цикл · 247
Заключение · 251

ВВЕДЕНИЕ

ПЕРВАЯ мировая война 1914–1918 гг. стала для европейских экономик важным водоразделом в нескольких отношениях. Она положила конец почти столетию непрерывного экономического роста. Она завершила продолжительный период почти всеобщей валютной стабильности и привела в действие болезненный процесс деглобализации. Она открыла эпоху крайне политизированных трудовых отношений. И наконец, она возвестила эру резких колебаний экономической активности и хронической массовой безработицы, ставших доминирующей чертой повседневной жизни.

В то время как начало этого драматичного периода четко соотносится с Первой мировой войной, его последствия ощущались долгое время спустя после завершения Второй мировой войны. В течение межвоенного периода европейские экономики так и не сумели вернуться на прежнюю траекторию исторического развития, окончательно оправившись от этой продолжительной депрессии лишь в золотую эпоху 1960-х гг. Однако отклонение от исторических тенденций, произошедшее после Первой мировой войны, в конечном счете было скорректировано не в полной мере, и некоторые новые черты приобрели хронический характер. В более развитых экономиках Европы после 1918 г. наблюдался заметный рост доли рабочей силы в общих доходах. К этому следует добавить сужение диапазона заработков и распределения личных доходов в целом. И то и другое благоприятно сказалось на низкооплачиваемых группах населения, сократив долю, приходящуюся на наиболее обеспеченные слои. Большинство этих сдвигов, произошедших в начале межвоенного периода, закрепились и до сих пор заметны в европейских экономиках. Также после Первой мировой войны прин-

ципально изменилась монетарная ситуация. Некоторые из этих изменений были временными. Наиболее значительным из них была безудержная гиперинфляция, больно ударившая по бывшим центральным державам и образовавшимся на их месте государствам в начале 1920-х гг. Временный характер носили и дефляционные волны, пронесшиеся по другим странам Европы в начале 1920-х гг., а затем и по всему миру в начале 1930-х гг. Прочие изменения монетарного режима оказались более устойчивыми, и в первую очередь это относится к неудачной попытке возродить золотой стандарт в 1920-е гг. Болезненные итоги этого опыта имели далеко идущие последствия, сказавшись при восстановлении валютной системы после Второй мировой войны. Хроническим также стало заметное ограничение свободы международного перемещения капитала, а в дальнейшем и свободы внешней торговли.

Период между двумя мировыми войнами также принес с собой коренные перемены в макроэкономической политике. В противоположность XIX в., когда общепринятой нормой были скромные политические интервенции, отныне девизом стала активная экономическая политика. Государственные интервенции на рынках товаров, факторов производства и валюты быстро получили широкое распространение. Создававшиеся в этих условиях институты нередко приобретали конституционный статус, что повлекло за собой последствия, в некоторых случаях ощущаемые по сей день. Впрочем, не все политические эксперименты, производившиеся после Первой мировой войны, оказались столь же долговечными. Попытки добиться монетарной стабилизации при помощи бумажных денег быстро прекратились, и в середине 1920-х гг. произошло, хотя и нерешительное, возвращение к золотому стандарту. Второй переход на бумажные деньги в начале 1930-х гг. был лишь немногим более успешным — на этот раз не из-за инфляции, а из-за ужесточения контроля за капиталом и квот на импорт, которые во многих регионах Европы душили международную торговлю и перемещения капитала. В то время как эти ограничения на торговлю были относительно легко упразднены после Второй мировой войны, лишь в 1970-х гг. было найдено решение, позволившее либерализовать перемещения капитала при сохранении фиксированных обменных курсов в рамках региональных блоков.

Экономическое планирование, возникшее как импровизированный ответ на дефицит поставок в годы Первой

мировой войны, в ряде европейских стран вскоре приобрело систематический характер. В попытке установить политический контроль над экономикой как на макро-, так и на микроуровне и снизить уязвимость национальной экономики перед колебаниями экономической активности производилась национализация отдельных отраслей и создавались надзорные государственные органы. Опять же, влияние этих новшеств было долгосрочным, в течение длительного времени сказываясь на макроэкономике. Дерегулирование секторов, контролируемых государством, а также распродажа государственных предприятий затянулись почти до конца XX в., и демонтаж советской системы в Восточной Европе, где экономическое планирование и запрет на частную собственность доходили до крайностей, представляет собой лишь самый очевидный пример такого рода.

Сама по себе экономическая политика являлась одним из аспектов международного конфликта в период 1914–1945 гг. Экономическая война в межвоенные годы никогда не исчезала из национально-политической повестки дня. Конфликты по поводу германских репараций в 1920-е гг. серьезно влияли на монетарную политику и торговые отношения, как и на международные потоки капитала (Temin 1989). В еще большей степени европейская экономика оказалась затронута агрессивной позицией Германии и военными приготовлениями 1930-х гг.

Рука об руку с политическим вмешательством шли попытки углубить теоретическое понимание его последствий. В межвоенный период макроэкономика выделилась в отдельный раздел экономики и вскоре уже включала в себя, помимо новой кейнсианской теории безработицы, экономику общественного сектора, теорию платежного баланса и монетарную экономику. В то же время больших успехов достигла экономическая теория благосостояния. Под влиянием болезненного опыта межвоенных лет экономический анализ в данный период был проникнут скептицизмом в отношении рыночных сил, пренебрегал возможностями монетарной и валютной политики и склонялся к крайнему оптимизму при оценке государственного вмешательства в экономическую активность, как бы оно ни осуществлялось — через фискальную политику, финансовые репрессии или сочетание того и другого. Опять же, все это имело далеко идущие последствия, поскольку подобные настроения диктовали интервенционистский под-

ход к макроэкономической политике, преобладавший еще и в 1970-е гг.

В силу крайне патологического характера интересующего нас периода только ленивый не пытался дать его экономическую интерпретацию. Объяснение причин Великой депрессии, начавшейся в 1929 г., и вовсе превратилось в святой Грааль макроэкономической теории (Bernanke 2000). С учетом сложности данного явления и многочисленности конкурирующих объяснений любая попытка описать деловой цикл в период 1914–1945 гг. будет неизбежно эклектичной, представляя собой хождение по тонкой грани между узостью взгляда, требуемой для достижения аналитической глубины, и расплывчатостью, без которой невозможен широкий кругозор.

В первой части данной главы мы рассмотрим состояние европейской макроэкономики в 1914–1945 гг., упрощенно осветив ключевые факты и разобрав некоторые наиболее известные попытки их объяснения. Второй раздел будет посвящен наиболее характерной черте данного периода: хроническому отклонению совокупного объема производства на душу населения после 1914 г. от его долгосрочной траектории роста. Изучение этих цифр даст нам хронологию делового цикла, верную для большинства стран, по которым у нас есть данные. В третьем разделе будут рассмотрены монетарные факторы и нестабильность номинальных экономических показателей в данный период. В четвертом будут изучены социальный конфликт как одна из движущих сил межвоенного делового цикла и последствия этого конфликта. Сюда входят перераспределение факторов производства в ключевых европейских странах после Первой мировой войны, сокращение рабочей недели в промышленности, а также соответствующее снижение неравенства в доходах. Пятый раздел демонстрирует взаимодействие между макроэкономическими флуктуациями, международной торговлей и потоками капитала. В шестом мы обратимся к внешней политике и международным конфликтам как одной из возможных движущих сил межвоенного делового цикла и покажем, насколько глубоким было их влияние. В заключительном, седьмом разделе приводится ряд замечаний о двух аспектах конфликта, определявшего состояние макроэкономики в межвоенный период. За экономическими колебаниями 1914–1945 гг., отнюдь не составлявшими нормальный деловой цикл, в первую очередь стояли две силы, опре-

делавшие ход событий и коренным образом изменившие экономическое устройство Европы. Одной из них был социальный конфликт, задававшие им институты и реакция со стороны рынка труда. Второй являлись международные конфликты и вызванная ими деглобализация европейской экономики. Под воздействием двух этих сил в межвоенный период сложилась крайне патологическая макроэкономическая ситуация, но сами они оказали формирующее влияние на европейскую экономику во второй половине XX в.

ВЫЯВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕЛОВОГО ЦИКЛА

В межвоенный период мы наблюдаем последовательность коротких деловых циклов и одновременно долгосрочное отступление от исторических тенденций роста производительности. Это отклонение началось во время Первой мировой войны и продолжалось до конца Второй мировой войны. В тридцатилетний период после 1914 г. европейская экономика 14 лет находилась в состоянии рецессии по отношению к существовавшей тенденции и совокупно потеряла 40% своей потенциальной выработки (рис. 7.1)¹.

Зеркальным отражением этого явления стало экономическое возрождение, продолжавшееся до 1970-х гг. и обычно называемое послевоенным золотым веком. Почему европейская экономическая реконструкция после Первой мировой войны осталась незавершенной, сменившись тридцатилетней Великой депрессией, — один из вопросов, который будет рассмотрен в данной главе.

В рамках долгосрочной европейской депрессии можно выделить три краткосрочных спада. Первый из них продолжался с 1914 по 1921 г., второй — с 1929 по 1932 г. и третий — с 1940 по 1946 г.² Поскольку два из этих спадов связаны непосредственно с мировыми войнами, у нас остается лишь один подлинный межвоенный спад.

Однако общеевропейская картина скрывает важные региональные различия. Германия и большинство стран материковой Европы были серьезно затронуты первым военным спадом, вызвавшим снижение произ-

1. На рис. 7.1 предполагается тенденция ежегодного роста ВВП на душу населения с коэффициентом 1,95%, что почти соответствует темпам роста в 2%, обычно фигурирующим в неоклассической теории роста. Небольшое отклонение от общепринятой величины в сторону уменьшения вызвано поправкой на чуть меньшие темпы роста в Великобритании. См. об этом Crafts and Mills 1996 и Crafts and Toniolo 1996, где обосновывается замедление экономического роста в Великобритании в межвоенный период. Рис. 7.1 составлен по цифрам, вычисленным для 14 европейских стран, ежегодные данные по которым приведены в: Maddison 2003.

6. Вид графика на рис. 7.1, по-видимому, остается неизменным и в случае альтернативных предположений в отношении тенденций. Например, используя фильтр Ходрика–Прескотта с параметрами, предложенными Ravn and Uhlig (2002), мы получим примерно ту же хронологию событий.

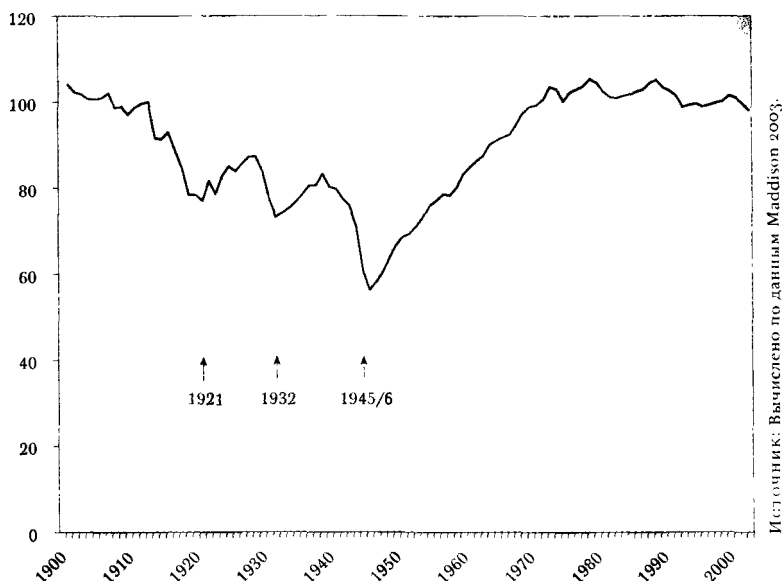

РИС. 7.1.

Европейская Великая депрессия и экономическое восстановление в 1913–1973 гг.: отношение западноевропейского ВВП на душу населения к тенденции роста при коэффициенте 1,95% (1913 г. = 100)

водства на величину до 25% по отношению к довоенному уровню. Напротив, Великобритания и Италия в годы войны испытывали экономический бум. Международная рецессия в 1920–1921 гг. привела к серьезному сокращению объемов производства в двух этих странах (на 20 и 25% соответственно), но почти не сказалась на остальной Европе. В течение последующих лет экономика материковой Европы вполне оправилась, приблизившись к историческим тенденциям роста производства или даже превзойдя их (рис. 7.2). Двумя важными исключениями были Германия и Великобритания, в которых восстановление так и не завершилось: по отношению к тенденции роста в 2% ни одна из этих двух стран к 1929 г. не достигла более чем 80% своего потенциала.

Мировой экономический кризис 1929 г. затронул всю Европу, хотя и в разной степени. К середине 1930-х гг. депрессия привела почти всю Европу к недоиспользованию потенциала, которое было характерно для Германии и Ве-

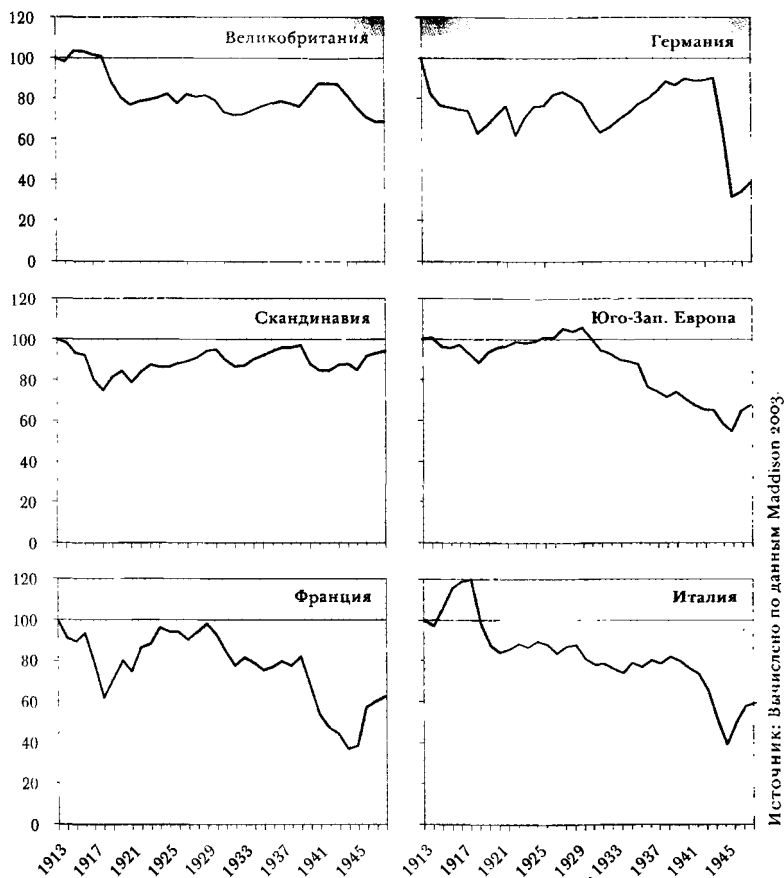

РИС. 7.2.

ВВП на душу населения по отношению к тенденции роста с темпом 2% (1913 г. = 100)

Великобритании уже в 1920-е гг. Для большинства из этих экономик конец 1930-х гг. стал эпохой относительной стагнации или дальнейшей деградации, которая ускорилась в Юго-Западной Европе во время испанской гражданской войны (1936–1939 гг.), а во всех остальных странах — во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Тремя важнейшими исключениями из этого правила были Германия, Великобритания и Скандинавия. Во всех трех случаях возвращение к уровню, задававшемуся тенденцией, началось в 1933 г.³ Наиболее полным оно было в Скандинавии, к 1939 г. почти совершенно вернувшейся к истори-

3. Абсолютное восстановление британской экономики началось годом ранее. Однако по отношению к тенденции этот год еще был годом спада.

ческой тенденции. Германия энергично восстанавливала свою экономику до 1939 г., но во время Второй мировой войны не сумела продолжить этот процесс. Великобританию спад 1929–1932 гг. затронул не так сильно, как Германию, и, соответственно, восстановление здесь носило менее ярко выраженный характер. Однако в течение Второй мировой войны положение Великобритании по отношению к долгосрочному тренду улучшилось и она быстро догнала Германию.

С точки зрения этих региональных различий требуют рассмотрения четыре группы аналитических проблем. Во-первых, встает вопрос о том, какие силы вызвали спад во время Первой мировой войны и почему его влияние на европейские экономики так различалось от региона к региону. Вторая группа вопросов связана со скоростью и степенью послевоенного восстановления экономики. Третья группа относится к депрессии начала 1930-х гг. и к вопросу о том, почему экономическое возрождение происходило лишь в некоторых местах, в то время как остальная Европа пребывала в депрессии в течение всех 1930-х гг. Четвертая группа вопросов связана с углублением спада во время Второй мировой войны. В литературе, посвященной национальным экономикам и их сравнению друг с другом, приводятся всевозможные объяснения всех этих явлений. В данной главе невозможно дать подробный обзор состояния национальных экономик, но некоторые общие черты обращают на себя внимание. В последующих разделах мы рассмотрим наиболее заметные из их числа.

МОНЕТАРНЫЕ ФАКТОРЫ В МЕЖВОЕННОМ ЕВРОПЕЙСКОМ ДЕЛОВОМ ЦИКЛЕ

В то время как в классическую эпоху золотого стандарта в конце XIX в. на большей части Европы царило монетарное спокойствие, из Первой мировой войны европейская монетарная и финансовая системы вышли сильно потрепанными. Все страны в 1914 г. приостановили обмен бумажных денег на золото, а инфляция военного времени привела к росту уровня цен на 50% или больше. После окончания войны инфляция по-прежнему бушевала в слабых демократиях, возникших в Центральной Европе. В прочих странах, где политическая ситуация была более

благоприятной, послевоенная монетарная стабилизация столкнулась с новым явлением (нижним пределом заработной платы), которое само по себе отчасти служило результатом новых принципов ведения коллективного торга на рынке труда. Дефляция в этих странах сочеталась с ростом безработицы и низкими темпами роста производства или даже с откровенным спадом, происходившим в Италии и Великобритании. Послевоенная монетарная стабилизация в Европе заняла почти целое десятилетие, а сразу по ее завершении произошел спад 1929 г.

В Германии, а также в Австрии, Венгрии и Польше бушевала гиперинфляция. Первые две страны были бывшими центральными державами, в то время как две последние вернули себе независимость после распада Габсбургской монархии и отмены произошедшего в XVIII в. раздела Польши между Россией, Пруссией и Габсбургами. Свой вклад в монетарную нестабильность в этих странах внесли инфляционное финансирование бюджета в годы войны, ущербная система налогообложения, новые таможенные границы и соответствующее сокращение торговли, а также политические потрясения после завершения Первой мировой войны. К 1919–1920 гг. уровень цен в этих странах возрос по сравнению с 1914 г. десятикратно, если не больше (рис. 7.3а). Вследствие этого сбережения среднего класса в номинальных активах фактически обесценились, а большая часть военных долгов была ликвидирована. Однако во всех этих странах переход к гиперинфляции произошел лишь после того, как инфляция исполнила свою принципиальную экономическую функцию, устранив военные долги. Одним из важных факторов, внесших свой вклад в эту запоздалую вспышку послевоенной гиперинфляции, была неспособность новых государств наладить эффективное налогообложение. Политическая и фискальная стабилизация в странах, пораженных в 1920-е гг. гиперинфляцией, шли рука об руку, и монетарная стабилизация была осуществлена после того, как был наведен порядок в общественных финансах (Sargent 1982; Dornbusch 1987). Распад Габсбургской империи особенно сильно ударил по экономике Австрии и Венгрии. Благодаря международной помощи и жесткому сокращению государственных расходов они достигли стабилизации в 1922 и 1924 гг. соответственно. В Германии стабилизация произошла в конце 1923 г., после подавления внутренних мятежей, достижения соглашения

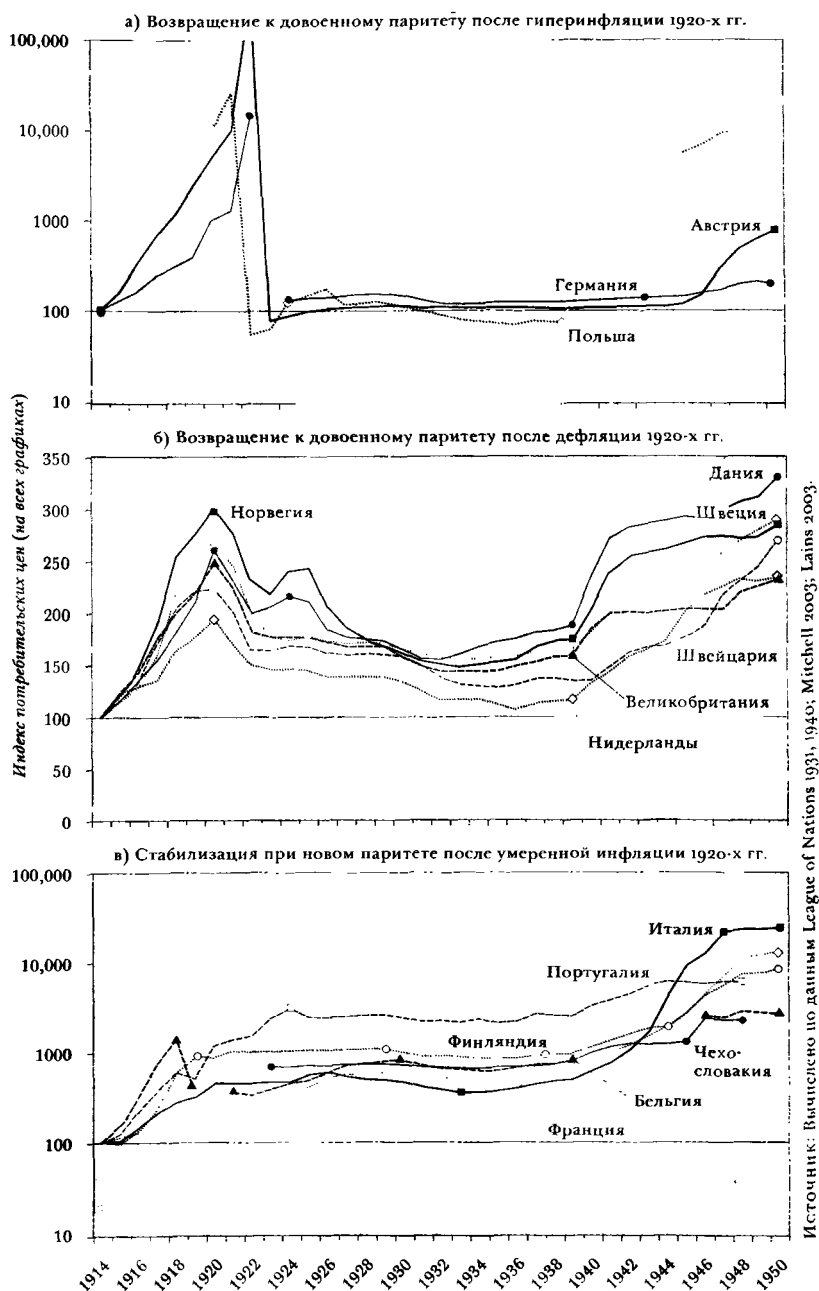

РИС. 7.3.
Послевоенная инфляция, стабилизация
и последующие всплески инфляции в Европе

с Францией по поводу посредничества в конфликте из-за репараций, а также принятия чрезвычайных законов, направленных на наведение порядка в государственном бюджете. Стабилизация Польши замедлилась по причине войны с Россией, а затем и торгового конфликта с Германией. За первой, неудачной попыткой Польши присоединиться к золотому стандарту в 1924 г. последовала успешная стабилизация в 1926 г. Во всех случаях валютная стабилизация принесла свои плоды, как показано на рис. 7.3а: уровень цен уже не выходил из-под контроля до самой Второй мировой войны или ее завершения⁴.

Великобритания, подобно большинству стран, не участвовавших в Первой мировой войне, вернулась к золотому стандарту, восстановив довоенный паритет и обратив вспять инфляцию военного времени. Как и в США, дефляция здесь была значительной, но цены так и не снизились до довоенного уровня. К концу 1920-х гг. потребительские цены в этих странах в среднем по-прежнему были на 50% выше, чем в 1914 г., причем то же самое наблюдалось и в США. Стабилизация и в этом случае оказалась успешной: в большинстве этих стран уровень цен 1925 г. не был превзойден до Второй мировой войны (см. рис. 7.3б). Военная инфляция после 1940 г. в целом следовала шаблону умеренной инфляции в годы Первой мировой войны, за тем важным исключением, что в этих странах после 1945 г. не происходило послевоенной дефляции.

Ряд стран — во главе с Францией — избрали промежуточный вариант, во время Первой мировой войны допустив рост цен в 7–10 раз, но избежав послевоенной гиперинфляции, а также не пытаясь вернуться к довоенному золотому паритету. В межвоенный период цены в этих странах колебались вблизи уровня, достигнутого в начале 1920-х гг. Вследствие этого военные долги, деноминированные в отечественной валюте, а также номинальные сбережения в значительной степени обесценились. Эта группа стран по сравнению с другими оказала заметно меньшее сопротивление возвращению инфляции во время Второй мировой войны, как видно на рис. 7.3в.

Выбор монетарной политики в различных европейских странах после Первой мировой войны привлекал к себе значительное внимание исследователей. Решение Великобритании смириться с послевоенной дефляцией в порядке подготовки к восстановлению довоенного паритета (состоявшемуся в 1925 г.) подвергалось критике еще с тех пор,

4. В отношении Германии болезненный опыт инфляции был важным фактором, помешавшим произвести девальвацию валюты в 1930-е гг. и вместо этого стимулировавшим политиков к введению контроля за капиталом; об этом см.: Borchardt 1984.

5. О дискуссиях, проходивших среди экспертов перед возвращением Великобритании к золотому стандарту, см.: Moggridge 1969.

6. См. в первую очередь: Eichengreen 1992b; Feinstein, Temin, and Toniolo 1997.

7. В отношении Германии это указывается в: Holtfrerich 1986 и Webb 1989.

8. На это указывалось в: Cole and Ohanian 2002 и, еще раньше, Broadberry 1986.

как Кейнс выступил с предупреждением о последствиях дефляции. Невозможность сокращения заработной платы, указывал он, приведет к росту реальных заработков и превратит дефляцию в депрессию⁵. В настоящее время связь между спадом 1920–1921 гг. и дефляцией после Первой мировой войны считается общепризнанной⁶. И действительно, те страны, в которых в тот момент наблюдалась инфляция, избежали этого спада⁷. С другой стороны, эти же страны прошли самую низкую точку глубокого спада примерно в 1918–1919 гг. (см. рис. 7.2). Кроме того, послевоенная дефляция в Великобритании стала ощутимой лишь после того, как депрессия уже началась⁸, точно так же как послевоенная инфляция в материковой Европе набрала скорость лишь после начала экономического восстановления. Таким образом, вопрос о том, была ли послевоенная депрессия причиной спада производства, остается открытым.

В то же время, согласно аргументации Кейнса, возвращение Великобритании к золотому паритету после незавершенной дефляции цен должно было повысить реальный курс фунта по отношению к валютам тех стран, в которых не было дефляции или которые осуществили стабилизацию после гиперинфляции. После возвращения к золотому стандарту в конце 1920-х гг. относительный уровень цен в Европе подвергался значительным изменениям, и ряд фактов действительно подтверждает эту точку зрения. На рис. 7.4 показан реальный обменный курс некоторых валют по отношению к британскому фунту (уровень 1913–1914 гг. принят равным 100). Выбор довоенного уровня в качестве точки отсчета основан на предположении, что паритет покупательной способности (ППС) на тот момент более-менее сохранялся; соответственно, снижение или повышение реального обменного курса по отношению к уровню, равному 100, отражает недооценку или переоценку валюты. Реальный обменный курс вычислялся по обычной методике, исходя из уровней цен, фигурирующих на рис. 7.3, и номинальных обменных курсов. Рис. 7.4а предполагает сильную недооценку валют по отношению к фунту в странах, прошедших через гиперинфляцию (хотя для Германии эта недооценка была не такой значительной). Валюты, стабилизировавшиеся на уровне довоенного паритета, в целом более-менее пришли к ППС с фунтом: единственным сколько-нибудь заметным исключением были Нидерланды (рис. 7.4б). Ста-

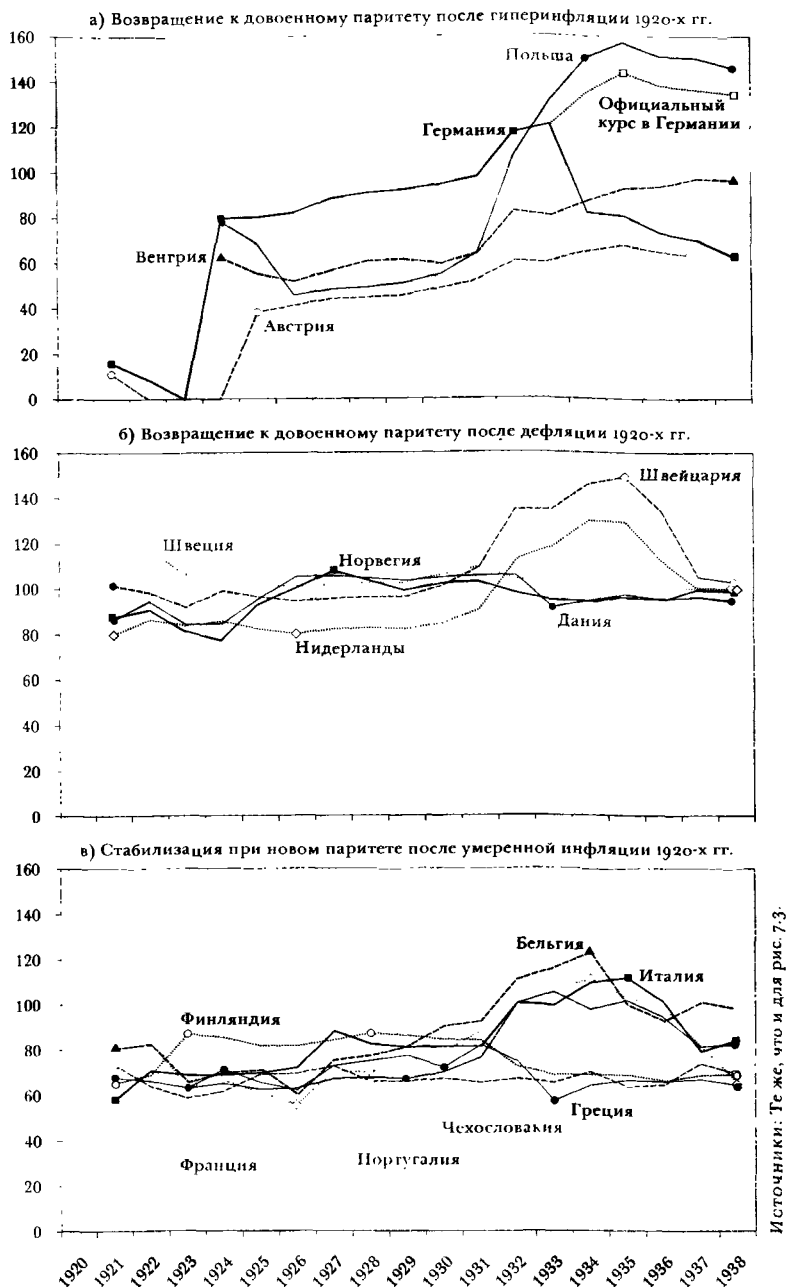

РИС. 7.4.
Реальный обменный курс по отношению
к британскому фунту (курс фунта = 100)

билизация валюты на уровне, не достигавшем довоенного паритета, соответствовала серьезной недооценке этой валюты, как показано на рис. 7.4в.

Серьезный интерес у исследователей вызывает недооценка французского франка — не в последнюю очередь из-за косвенного подозрения в том, что Франция манипулировала золотым стандартом в своих политических целях. Исследования недавних лет называют в качестве источника французской валютной нестабильности 1920-х гг. внутреннюю нестабильность и инфляцию (см.: Mouré 1991; Prati 1991 и Sicsic 1993). Какими бы ни были политические мотивы поведения Франции, очевидно, что она была не одинока в этом плане. При золотом стандарте 1920-х гг. нарушения ППС преобладали в тех странах, которые стабилизировали свою валюту при более низком паритете, не сразу скорректированном рыночными силами.

В целом представляется, что в тех странах, которые стабилизировали валюту при более низком паритете, ситуация с безработицей в 1920-е гг. была заметно спокойнее, чем в других странах. На рис. 7.5 приводится индекс безработицы (1932 г. = 100) для тех же самых групп стран (к сожалению, соответствующие данные по разным странам несопоставимы, вследствие чего мы вынуждены рассматривать тенденции, а не реальные цифры). В странах, осуществивших стабилизацию после гиперинфляции, ситуация с безработицей была неоднозначной (рис. 7.5а). Те страны, которые прошли через дефляцию, прежде чем их валюта стабилизировалась на довоенном уровне паритета, нередко еще в 1920-е гг. страдали от продолжительной безработицы (рис. 7.5б). Напротив, в странах, достигших стабилизации на более низком уровне, в 1920-е гг. наблюдалась почти полная занятость (рис. 7.5в).

Для всех европейских стран всемирная депрессия, начавшаяся в 1929 г., стала тяжелым потрясением. Однако кризис затронул их в разной мере и не одновременно. Как видно из рис. 7.3 и 7.4, кризис не сопровождался скачком дефляции или падением реальных обменных курсов: дефляционные тенденции в странах золотого паритета были хорошо заметны уже в 1920-е гг. и лишь еще раз усилились после 1929 г., в то время как серьезных изменений обменных курсов не наблюдалось до 1931–1932 гг. На рис. 7.1 и 7.2 виден резкий спад производства после 1929 г., происходивший, впрочем, далеко не в одно и то же время. В целом этому соответствуют и данные по безработице, пред-

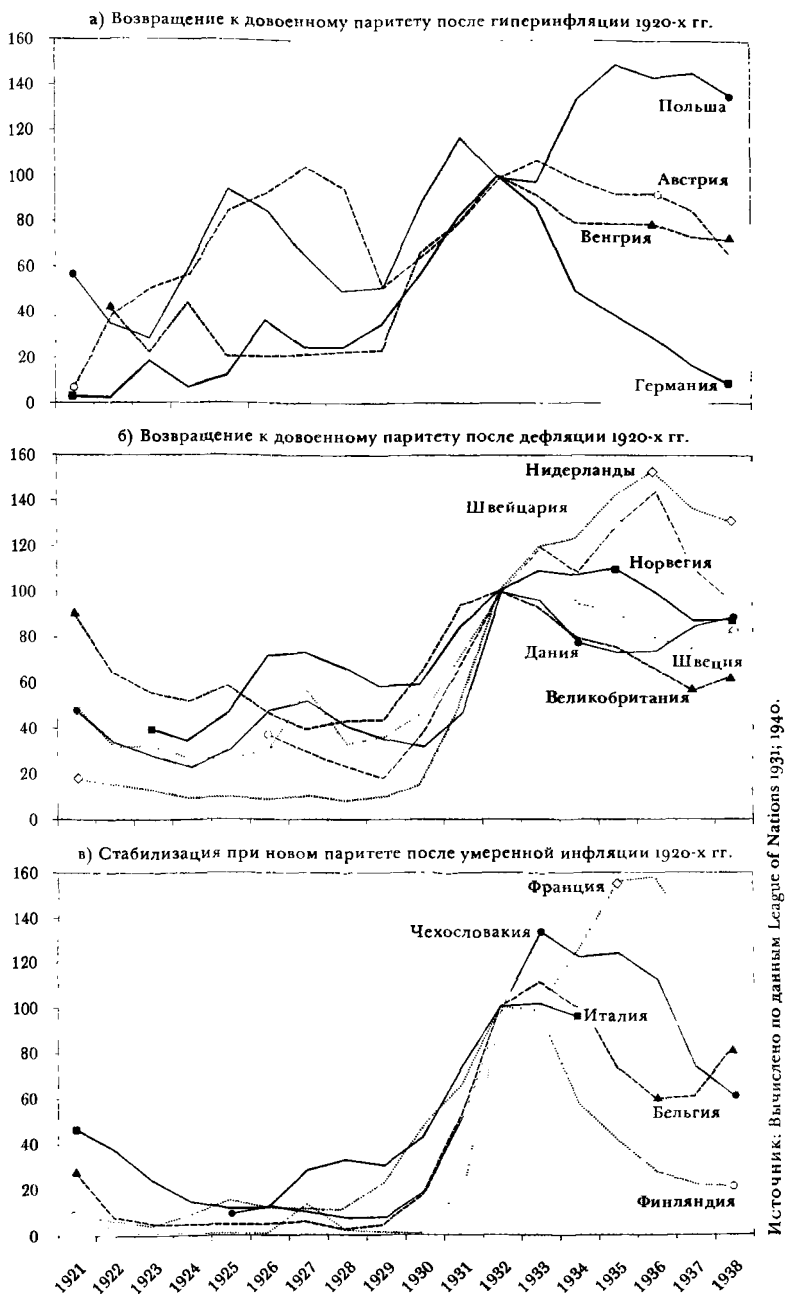

РИС. 7.5.
Уровень безработицы (1932=100)

ставленные на рис. 7.5в: в те страны, чья валюта в 1920-е гг. стабилизировалась на уровне ниже паритета, депрессия 1930-х гг. пришла с запозданием. По сравнению с их успехами в 1920-е гг. они также сильнее пострадали от депрессии, и по большей части последующее восстановление экономики было здесь более затяжным.

В какой степени экономический коллапс, произошедший после 1929 г., был вызван монетарной политикой, до сих пор является предметом дискуссий. Ортодоксальные монетаристы возлагают вину за спад (а отчасти и за депрессию как таковую) на сдерживающую монетарную политику, проводившуюся в США в конце 1920-х гг. (Friedman and Schwartz 1963). Критики же указывают, что Европа — и в первую очередь Германия — сама становилась источником дефляционного давления (Temin 1989). В современных дискуссиях преобладает кредитный подход, согласно которому непосредственной причиной монетарного сдерживания в Европе являлось сокращение американского экспорта капитала (Kindleberger 1973; Feinstein, Temin, and Toniolo 1997). Очевидно, что механизмом, способствовавшим быстрому распространению шока по Европе, служили фиксированные обменные курсы и в целом высокая мобильность капитала при восстановленном золотом стандарте 1920-х гг. (Choudri and Kochin 1980; Bernanke 1995). Центральные банки по всей Европе реагировали на потерю резервов, ужесточая монетарную политику в соответствии с правилами игры при золотом стандарте. Свою роль сыграла и фискальная политика с ее урезанием государственных бюджетов и сокращением расходов в качестве компенсации за недополученные налоговые поступления. Всего за два-три года уровень цен по всей Европе упал почти на четверть.

Тем не менее вроде бы очевидная связь между дефляцией и безработицей едва ли подтверждается имеющимися данными. Изучение динамической кривой Филлипса предполагает наличие краткосрочного баланса между инфляцией и безработицей, позволявшее монетарной политике оказывать влияние на экономику до тех пор, пока не восстанавливался естественный уровень безработицы (Clarida, Gertler, and Gali 1999). Однако, несмотря на наблюдавшиеся в межвоенный период значительные колебания как уровня безработицы, так и уровня инфляции, из этих данных не вырисовывается никаких закономерностей, даже если рассматривать 1920-е и 1930-е гг. по отдель-

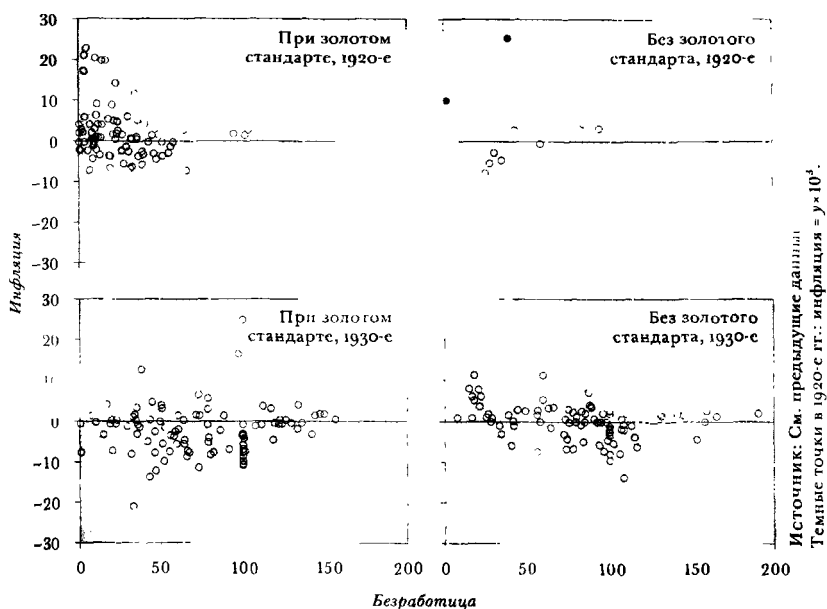

РИС. 7.6.
Баланс между инфляцией и безработицей

ности. Напротив, на основе рис. 7.6 создается впечатление, что естественный уровень безработицы изменялся вне всякой связи с уровнем инфляции, безотносительно к наличию или отсутствию золотого стандарта⁹.

Обвальное падение цен создавало давление на банковскую систему и на валютные резервы центральных банков, в 1931 г. ставшее политически невыносимым. В мае 1931 г. Австрия столкнулась с банковским кризисом, едва избежав панического бегства вкладчиков из центрального банка¹⁰. В июле после бегства вкладчиков Германия частично приостановила конвертируемость марки, принудив своих международных краткосрочных кредиторов отложить выплаты по выданным займам¹¹. Отчасти вследствие того, что ее займы европейским странам были заморожены, Великобритании в сентябре пришлось отказаться от золотого стандарта. Этот подлинно революционный шаг — Великобритания еще с 1720-х гг. в мирное время неизменно придерживалась золотого стандарта — фактически стал концом последнего¹². Вскоре правительства по всей Европе уже спешили либо перевести свои валюты на пла-

9. Для обоснования этой точки зрения необходим более тщательный анализ. Однако такой вывод подтверждается стандартными эконометрическими процедурами, которые читатель в качестве упражнения может проделать сам.

10. См.: Schubert 1991.

11. См.: Schnabel 2004; James 1985, 1986.

12. Этим событиям посвящена обширная литература. См. обсуждение в: Eichengreen 1992b.

вающий курс, либо защитить их посредством контроля за капиталом, нередко предпринимая оба эти шага и наперегонки проводя девальвацию. Скандинавские страны привязали свои валюты к фунту. Многие страны материковой Европы последовали примеру Германии, отказавшись от конвертируемости, вследствие чего те паритеты, которых они придерживались, превратились не более чем в *numéraire* (числа. — *Ped.*), лишившись реального экономического смысла. Лишь небольшая группа стран присоединилась к возглавлявшемуся Францией золотому блоку, рухнувшему в 1936 г.

Распространено мнение, что аналогично тому, как золотой стандарт являлся международным проводником рецессионных импульсов, так и избавление от «золотых оков» (Eichengreen 1992) способствовало экономическому выздоровлению. Eichengreen and Sachs (1985), так же как и Bernanke and James (1991), указывают на связь между скоростью выхода из депрессии и отказом от золотого стандарта. Согласно этой точке зрения те страны, которые сохраняли приверженность золотому стандарту, допускали переоценку своих валют, были вынуждены поддерживать высокие процентные ставки и расплачивались за это вялым и запоздалым восстановлением. На рис. 7.7а показаны значения инфляции и роста ВВП в 1930-е гг. по отдельности для стран, соблюдавших золотой стандарт и отказавшихся от него. При наличии в обоих случаях слабой положительной внутригрупповой корреляции те страны, которые отошли от золотого стандарта, в целом, как и ожидалось, демонстрировали более высокие темпы роста ВВП. На рис. 7.7б анализируется корреляция между переоценкой валюты по отношению к фунту стерлингов и соответствующим ростом ВВП в 1930-е гг. Вопреки ожиданиям, здесь никакой внутригрупповой корреляции не просматривается (хотя, повторяем, в странах, отказавшихся от золотого стандарта, наблюдались более высокие темпы роста ВВП). С другой стороны, реальный обменный курс в странах, производивших девальвацию, демонстрирует достаточно заметную тенденцию либо к паритету с фунтом, либо к недооценке приблизительно на уровне 70%, не создавая каких-либо явных преимуществ в плане экономического роста ни для той, ни для другой группы. И это довольно загадочно: в то время как страны, производившие девальвацию, добились в 1930-е гг. более высоких темпов роста, причиной тому не могли служить

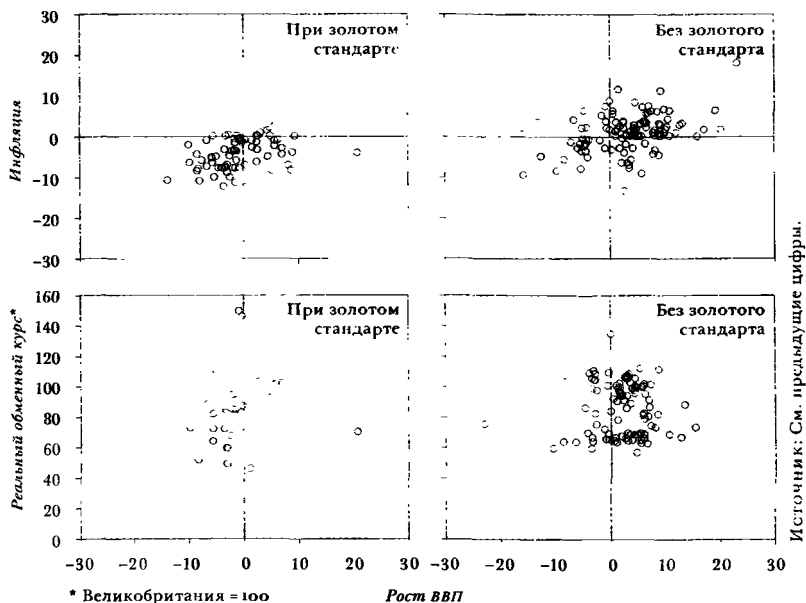

РИС. 7.7.

Девальвация и экономическое восстановление в 1930-е гг.
Инфляция, реальный обменный курс (Великобритания = 100)
и темпы роста

ни принудительная инфляция, ни изменение внешней конкурентоспособности, основанное на неполном эффекте переноса валютного курса на цену импорта (exchange rate pass-through). Wolf (2008) указывает, что решения о девальвации обычно принимались под влиянием других соображений, многие из которых могли носить эндогенный характер по отношению и к инфляции, и к недооценке валюты. Данные, представленные на рис. 7.7, вполне согласуются с этой точкой зрения.

К концу 1930-х гг. процесс отказа от золотого стандарта подошел к концу. Главными особенностями новой валютной системы было преобладание двусторонних соглашений об обмене, нередко сопровождавшихся длинными списками котируемых товаров и сложной системой отдельных обменных курсов. Германия, будучи не первой страной, перешедшей к таким договоренностям, после 1933 г. играла главную роль в этой системе, пытаясь эксплуатировать ее в процессе подготовки к экономической войне¹³.

13. См.: Ellis 1941. Обзор соответствующей литературы см.: Ritschl 2001.

Таким образом, монетарные факторы в настоящее время, являясь наиболее известной интерпретацией межвоенной депрессии, в разной степени вносят вклад в ее объяснение. Дефляционная монетарная политика до сих пор популярна в качестве объяснения спада 1920–1921 гг. в Великобритании и США. Однако, как мы видели, дефляция, не сопровождавшаяся депрессией, была широко распространена в Европе после Первой мировой войны, заставляя усомниться в этом объяснении. И напротив, никем не оспаривается роль фиксированных обменных курсов в распространении депрессии после 1929 г. В странах, порвавших в 1930-х гг. с золотым стандартом, экономическая ситуация была лучше, чем в тех, которые этого не сделали. Тем не менее стоявшие за этим фактом механизмы представляются менее чем очевидными.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И МЕЖВОЕННЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ДЕЛОВОЙ ЦИКЛ

До 1914 г. большинство европейских экономик напоминали модель рыночной экономики XIX в., в которой почти полностью отсутствует политика социального обеспечения, а профсоюзы не играют институциональной роли. Кроме того, в большинстве европейских обществ заметная доля рабочей силы все еще была занята в сельском хозяйстве, вследствие чего задачу социального страхования на случай старости или болезни по-прежнему выполняла в основном семья.

После Первой мировой войны социальные институты и рынки труда во многих странах подверглись очень быстрой перестройке, что имело далеко идущие последствия. В более передовых экономиках почти повсеместной нормой в промышленности стал восьмичасовой рабочий день. Объединение в профсоюзы и право бастовать были институционализированы или по крайней мере стали обыденной практикой¹⁴. В результате двусторонний механизм установления заработной платы начал уступать место коллективному торгу. На волне этих институциональных изменений доля заработной платы в национальном доходе заметно возросла по сравнению с довоенным периодом¹⁵.

14. См. сравнительные факты о профсоюзах, собранные в: Bain and Price 1980.

15. Соответствующие факты по Великобритании и Германии см.: Broadberry and Ritschl 1995.

В то же время начало активной политики социального обеспечения и постепенное внедрение пособий по безработице повысили норму замещения, т.е. уровень социальных выплат по отношению к текущей заработной плате. Некоторые страны Европы вместо этого экспериментировали с щедрыми минимальными ставками заработной платы, по-видимому придя к таким же отрицательным результатам.

На все эти факторы, такие как расширение возможностей профсоюзов к торгу, рост нормы замещения, установление минимальной заработной платы, возлагалась ответственность за хроническую безработицу и низкий темп восстановления экономики в начале 1920-х гг.¹⁶ Аналогичным образом объяснялась и хроническая депрессия 1930-х гг.¹⁷ В качестве примера называется политика правительства Блюма во Франции (с 1934 г.), направленная на защиту интересов трудящихся¹⁸. Общепризнанным также стало мнение, что политика социального обеспечения и посредничество государства на переговорах о величине заработной платы, осуществлявшееся в пользу трудящихся, внесли свой вклад в экономический крах германской Веймарской республики¹⁹.

Экспансия государства социального обеспечения и внедрение механизмов установления заработной платы, благоприятствовавших рабочим, в начале 1920-х гг. шли рука об руку с крупными политическими потрясениями по всей Европе. Рабочее движение повсюду приобретало политическое влияние и использовало его для защиты прав организованного труда, а также всеобщего избирательного права и прав женщин. Несмотря на попытки прийти к компромиссу с организованным трудом во время Первой мировой войны, европейские монархии в результате революционных процессов теряли власть повсюду, кроме Нидерландов и Скандинавии, которые в войне оставались нейтральными и сумели мирным путем перейти к демократии. Под угрозой со стороны левых радикалов, пришедших к власти в России (а также на короткий срок в Венгрии и в некоторых областях Германии), во многих регионах Европы создавались правые движения. Они использовали революционный импульс левых сил и апеллировали к тем же самым слоям населения, однако обычно сочетали популистскую политику соци-

16. Плодотворный вклад в изучение тех последствий, к которым привела выплата пособий по безработице в Великобритании, внесли Benjamin and Kochin (1979). Broadberry (1986) подчеркивает влияние объединения трудящихся в профсоюзы и восьмичасового рабочего дня на предложение рабочей силы и уровень заработной платы.

17. В контексте стохастической модели роста с трениями на рынке труда в работе Cole and Ohanian (2002) рост нормы замещения в сочетании со снижением секторной и региональной мобильности трудящихся снова выделяется как главные факторы, вызывавшие отклонение США от долгосрочных тенденций в 1920–1930-е гг.

18. Beaudry and Portier (2002) используют приблизительно те же рамки, что и Коул и Оханьян.

19. Borchardt (1991 [1982]). Fisher and Hornstein (2002) приходят к аналогичному выводу в рамках стохастической модели роста.

ального обеспечения с агрессивным экономическим национализмом. С течением времени слабые демократии, возникшие в материковой Европе после Первой мировой войны, подвергались все большему нажиму со стороны революционеров как слева, так и справа. До начала Второй мировой войны в большинстве этих стран установились авторитарные правые режимы. Они взяли на вооружение революционный импульс начала 1920-х гг., копируя модель итальянского фашизма, но не признавали прав организованного труда. Профсоюзы в этих странах были распушены, а трудящиеся объединены в рамках контролируемых государством организаций. Выход женщин на рынок труда снова стал считаться нежелательным, а сельскому хозяйству оказывалось особое покровительство за счет дальнейшей индустриализации. Тем не менее доля промышленных заработков не сократилась до уровня 1913 г.; все диктатуры материковой Европы выстраивали свою легитимность на защите интересов трудящихся и по большей части ограничивались разгромом их политических организаций, воздерживаясь от атаки на те материальные приобретения, которые труд получил в 1920-е гг.

Советская политика в области труда в 1920-е гг. радикально отличалась от западноевропейской модели. Однако по аналогии с правыми диктатурами, впоследствии установившимися в Европе, советский режим задушил независимые рабочие движения и представлявшие их интересы политические организации, создав вместо них зонтичные организации, контролируемые государством. Влияние этой политики на материальное благосостояние промышленного пролетариата представляется сомнительным. Производившаяся по тем же принципам коллективизация сельского хозяйства повлекла за собой людские жертвы, вероятно составлявшие несколько миллионов человек (Davies and Wheatcroft 2004).

В то время как парадигма рынка труда полезна для объяснения послевоенных потрясений, а также вялого восстановления экономики в 1920–1930-е гг., попытки с ее помощью истолковать всеобщий спад 1929–1932 гг. представляются более сомнительными. Политика больших заработков, вероятно приводившая к высокой безработице, достаточно равномерно осуществлялась по всей Европе, хотя глубина и продолжительность спада 1929–1932 гг. сильно различались от страны к стране. Кроме того, возвращение к исто-

рическим тенденциям быстрее всего произошло в Скандинавии, где еще с 1930-х гг. действовало жесткое законодательство в пользу трудящихся, а также в Германии, которая шла прямо противоположным курсом.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

В большинстве европейских стран период до 1914 г. в целом был эпохой умеренных таможенных тарифов, которые часто вводились более из фискальных соображений, нежели с целью защиты отечественных рынков. Экономическая война в 1914–1918 гг. свела торговлю до минимального уровня, в первую очередь вследствие блокады Германии Антантой и, в меньшей степени, из-за германской подводной войны и прочих контрблокадных мер. В результате международная торговля в Центральной Европе к концу войны пребывала в глубоком упадке, но в Западной Европе, имевшей выход к Атлантическому океану, она пострадала не так сильно. Эти различия в уровне торговли, по-видимому, в значительной степени объясняют вышеупомянутую хронологическую несогласованность военного спада в Центральной и Западной Европе²⁰.

Возрождение коммерческой торговли после Первой мировой войны в целом шло вяло, отчасти из-за конфликта по поводу германских репараций и гиперинфляции в Центральной Европе. Тарифные конфликты между Германией, с одной стороны, и Польшей и Францией, с другой, еще сильнее задержали восстановление торговли в середине 1920-х гг. На востоке Центральной Европы торговле также препятствовало создание тарифных барьеров между бывшими частями Габсбургской монархии. Кроме того, послереволюционная смута в России и установление государственной монополии на внешнюю торговлю серьезно повредили торговле Центральной Европы с Россией.

В результате торговля к 1929 г. не вполне вернулась к уровню 1913 г. Это общее сокращение объемов торговли сопровождалось изменениями в ее региональной и товарной структуре. Лишившись многих своих заморских активов, Великобритания в 1920-е гг. с трудом сохраняла положительный платежный баланс и вдобавок потеряла важные экспортные рынки из-за упадка основных отраслей, созданных в XIX в. Германия во время гиперинфляции накопила огромное пассивное сальдо во вне-

20. Ritschl (2005) документально подтверждает наличие тесной связи между сокращением импорта и снижением производства в Германии во время Первой мировой войны. Нарушение поставок в Британию, временами значительное, все же имело намного меньшие масштабы (Broadberry and Howlett 2005).

шней торговле, сохраняя его на протяжении почти всех 1920-х гг.

Начало всемирной депрессии быстро вызвало новое снижение объемов торговли. Германия, оставшись без зарубежных кредитов, с помощью которых она в 1920-е гг. финансировала внешнеторговый дефицит, перешла к политике жесткой дефляции и после 1930 г. добилась значительно-го положительного торгового сальдо, тем самым передав мощный рецессионный импульс другим странам Европы²¹. Беспокойство по поводу валютных резервов, распространившееся в 1931 г., привело к массовому заключению двусторонних соглашений о торговле и валютном обмене, тем самым фактически привязав торговые потоки к контролю за капиталом. Протекционистские тарифы Смута-Хоули, введенные в США в 1930 г., а также оттавские преференции 1932 г. для Британского Содружества усилили протекционистский импульс. Переход Германии к жесткому контролю над движением капитала и торговым квотам в 1933 г. упрочил новый торговый режим. В результате международная торговля в 1930-е гг. так полностью и не оправилась от спада, а степень открытости европейских экономик снизилась до минимального уровня с середины XIX в. (табл. 7.1). В то же время почти исчез характерный для 1920-х гг. дисбаланс счета операций с капиталом. Одновременное достижение равновесия в платежном и торговом балансе стало в 1930-е гг. первоочередной целью экономической политики, осуществляясь в основном волевыми политическими способами, нежели посредством рыночных сил.

Торговая политика 1930-х гг. мотивировалась не только финансовыми соображениями. Политика импортозамещения была нацелена на поддержку отраслей, считавшихся важными со стратегической точки зрения. Сельскохозяйственный протекционизм был нацелен на повышение самодостаточности, требовавшейся при возможной военной блокаде. Соответственно, крупные ресурсы инвестировались в наращивание производственных мощностей в различных отраслях от сталеплавильной и химической до текстильной, позволяя изменить структуру торговли и отказаться от нее в ходе подготовки к войне. Кроме того, это приводило к серьезному перераспределению доходов в пользу отечественного сельского хозяйства и импортозамещающих отраслей. В свою очередь, тем самым замедлялось относительное сокращение занятости в сельском хозяйстве, а значительная часть безработных перенаправ-

21. Ritschl 2002b; 2003.

ТАБЛИЦА 7.1.

Региональное распределение мировой торговли в 1913–1937 гг.
(экспорт, в млн долларов США 1990 г.)

Страна	1913		1928		1937	
	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.
Европа (включая Россию)	58,9	139 198	48,0	160 516	47,0	152 284
Сев. Америка (Канада и США)	14,8	34 977	19,8	66 213	17,1	55 407
Латинская Америка	8,3	19 615	9,8	32 772	10,2	33 049
Азия	11,8	27 887	15,5	51 833	16,9	54 758
Африка	3,7	8 744	4,0	13 376	5,3	17 172
Океания	2,5	5 908	2,9	9 698	3,5	11 340
Всего	100,0	236 330	100,0	334 408	100,0	324 009

Источник: Вычисления авторов по данным из: Kenwood and Lougheed 1992 и Maddison 1995.

лялась в новые, импортозамещающие отрасли военного характера. Таким образом, Европа в 1930-е гг. вернулась к меркантилизму, отказавшись от выгод торговли ради усиления отечественной самодостаточности — политической цели, несовместимой с рыночными процессами.

ПОТОКИ КАПИТАЛА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И МЕЖВОЕННЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ДЕЛОВОЙ ЦИКЛ

С 1860-х гг. по 1914 г. международная политика оказывала поразительно слабое влияние на экономические колебания в Европе. Нельзя сказать, чтобы развитые европейские страны не пытались использовать экспорт капитала и прямые инвестиции на европейской периферии в целях обеспечения стратегических преимуществ²². Однако экономическое соперничество между великими европейскими державами в основном находило выход в колониальных предприятиях. Ближе к дому преобладало стремление воздерживаться от использования государственного вмешательства на рынках как способа одержать верх в международном соперничестве. Характерным примером служит «коммерциализация» репараций, выплачивавшихся

22. Fishlow 1985; Davis and Huttenback 1986. См. также более свежие дискуссии: Flandreau, Le Cacheux, and Zumer 1998; Ferguson and Schularick 2006.

23. White 2001.

Францией Германии после войны 1870–1871 гг.²³ Франция произвела эмиссию долговых обязательств на международных рынках, расплатилась с немцами и тем самым превратила свой политический долг в чисто коммерческий. Германия же использовала часть этих поступлений для укрепления своей новой валюты — марки, которую связала с британским золотым стандартом, предпочтя его биметаллической системе, в которой доминировала Франция. Тем не менее в монетарной политике дискриминационные меры по большей части не практиковались. Преобладала атмосфера, в которой деньги и финансовые рынки считались прерогативой специалистов, требующей защиты от политического вмешательства. В эпоху классического золотого стандарта, берущую начало в 1870-е гг., сотрудничество между центральными банками продолжалось даже в моменты обострения политических трений между соответствующими государствами — в частности, во время серьезных кризисов 1907 и 1911 гг.²⁴

24. Образец обширной литературы на эту тему см. в: Eichengreen 1992a.

Ситуация резко изменилась с началом Первой мировой войны. Во время войны в обоих враждующих лагерях строились планы карательных репараций. Безжалостная финансовая эксплуатация Германией оккупированной ею Бельгии служила образцом будущих финансовых войн. Замышлялись крупномасштабные территориальные изменения, а в германских правительственных кругах даже обсуждались предложения об этнических чистках на обширных территориях Восточной Европы²⁵. С учетом подобных сценариев перемирие 1918 г. и связанные с ним экономические условия выглядят менее радикальными, чем они могли бы показаться на первый взгляд.

25. См. фундаментальную работу о долгосрочных военных целях Германии: Fischer 1967.

Историки уже давно указывают, что конфликты по поводу германских репараций и парных к ним союзнических кредитов, полученных Францией и Великобританией от США, отбросили тень на финансовые отношения в 1919–1932 гг. Политическое вмешательство временами серьезно затрудняло нормальное функционирование международных рынков капитала и подрывало внутреннюю стабильность в ряде ключевых стран. Считается, что закон 1921 г. о репарациях стал одной из причин налогового бунта, гражданских волнений и перехода к гиперинфляции в Германии (Feldman 1993). Отказ Германии выплачивать репарации по навязанному ей графику сыграл свою роль в дестабилизации французского бюджета в начале 1920-х гг., ослабившей франк до конца десятилетия²⁶.

26. Schuker 1976b; Prati 1991; Hautcoeur and Sicsic 1999.

Организованная американцами стабилизация Германии по плану Дауэса 1924 г. позволила вновь наладить движение капитала между Германией и международными рынками²⁷. Тем не менее окончательное урегулирование не было осуществлено и спорный вопрос о межсоюзнических долговых обязательствах остался открытым. Отказ французов обслуживать свой долг перед США до тех пор, пока он не будет полностью секьюритизирован будущими германскими репарациями, привел к наложению Америкой кредитного запрета на Францию. В результате та была отрезана от американского рынка и получила стимул к проведению многократно критиковавшейся политики накопления золотых резервов, которая, в свою очередь, внесла свой вклад в дестабилизацию межвоенного золотого стандарта²⁸.

Тем не менее потоки капитала между США и Европой во второй половине 1920-х гг. достигали значительных масштабов. Многие из этих кредитных потоков направлялись в Германию, которая во второй половине 1920-х гг. в целом поглощала весь нетто-экспорт капитала из США²⁹. В течение половины десятилетия Германия являлась крупнейшим в мире нетто-импортером капитала, что позволило немцам выплатить все репарации по плану Дауэса за счет кредитов³⁰.

Историки утверждают, что немцы, злоупотребляя планом Дауэса, накопили чрезмерную задолженность на международных рынках³¹; согласно теории государственного долга, у Германии имелись к этому все стимулы³². В результате германский внешний долг, включая текущую величину репараций, в 1929 г., когда разразилась всемирная рецессия, находился на уровне примерно в 80% ВВП.

Монетарный и финансовый кризисный менеджмент, в соответствии с неформальными правилами сотрудничества между центральными банками, разработанными в XIX в., принял бы быстрые и продуманные меры по поддержке германской валюты в случае возникновения проблем. Того же сотрудничества, которое существовало в межвоенный период, явно не хватало для предоставления подобных услуг³³. Попытка осуществить эрзац-коммерциализацию германских репараций по плану Дауэса, ка-

27. План Дауэса, среди прочего, предусматривал получение германским центральным банком международного статуса, защиту новой германской валюты от репарационных трансфертов, выдачу Германии крупного международного займа и составление нового графика репараций, весьма благоприятствовавшего немцам. Однако он не обеспечил окончательного урегулирования.

28. О политических последствиях плана Дауэса см.: Schuker 1976a. Разбор взаимосвязи между двумя этими типами долгов был в те же годы проведен Boyden (1928). О политических препятствиях, с которыми сталкивалась французская валютная политика того времени, см.: Mouré 1991.

29. См.: Ritschl 2002b.

30. Обсуждение этого механизма пролонгации долга см.: Kindleberger 1973.

31. Link 1970; Schuker (1988).

32. Ritschl 2002a.

33. Этот момент является ключевой темой при описании межвоенной депрессии (Eichengreen 1992). Более общая тема межвоенного сотрудничества центральных банков освещает Clarke (1976). Несколько более критическая точка зрения представлена Mouré (2002).

жется, на какое-то время позволила отделить политику от международных финансовых отношений. Однако более жесткий план Янга 1929–1930 гг. восстановил прежнюю жесткую связь между ними. Фактически, представляя собой график выплат союзнических военных кредитов, план Янга сочетал заинтересованность французов и англичан в избавлении от своих военных долгов с заинтересованностью Америки в недопущении дефолта по этим долгам. В то же самое время он косвенно (и, по-видимому, запоздало) ставил Германию под финансовый контроль союзников, тем самым создавая нерасторжимую связь между любыми дальнейшими спасательными операциями в монетарной сфере при наличии золотого стандарта и проблемой германского долга и репараций³⁴.

34. Ritschl 2002a.

В этих обстоятельствах с целью деполитизации сотрудничества центральных банков был создан Банк международных расчетов. Однако осторожное сотрудничество центральных банков в классическом стиле оказалось невозможным, когда в 1931 г., после двух лет навязанной дефляции и экономии, разразился кризис германских платежей³⁵. Планы финансового содействия почти сразу же стали увязываться с политическими вопросами, и вскоре стало очевидно, что никакое облегчение долгового бремени невозможно без решения более глубоких проблем, скрывавшихся за планом Янга. Временный выход из тупика был найден лишь после того, как США предложили ввести годовой мораторий на все политические долги, тем самым наконец признав существование связи между репарациями и союзническими долгами. Расплатой за это политическое решение стали пришедшее на смену сотрудничеству между центральными банками введение в июле 1931 г. контроля за капиталом и соответствующий отказ Германии от золотого стандарта.

35. См. подробное описание этого кризиса и последующих событий в: James 1985; 1986. Tonio-lo (2005) на основе документов иллюстрирует предпринимавшиеся недавно созданным Банком международных расчетов попытки наладить сотрудничество вопреки политическому вмешательству со всех сторон.

Проблема германского долга и международные конфликты продолжали осложнять работу финансовых рынков и в середине 1930-х гг. Переговоры по вопросу о репарациях затянулись до середины 1932 г., что провоцировало как Францию, так и Германию на дальнейшие дефляционные меры. После прекращения выплат по германским репарациям в августе 1932 г. Франция и Великобритания объявили дефолт по союзническому военному долгу Соединенным Штатам (декабрь 1932 г.). Германия объявляла дефолт по все большей части своего коммерческого долга, а по оставшимся долгам добилась пересмо-

тра графика выплат. К 1935 г. средняя вероятность дефолта составляла от 80 до 90%³⁶. В результате международные финансовые отношения в Европе были загнаны в сеть все более жестких соглашений о контроле за капиталом и валютой³⁷. К началу Второй мировой войны торговля и платежи во многих регионах Европы превратились в сферу политического и бюрократического вмешательства, создававшего новый, крайний вариант меркантилизма, чьей основной целью было использование торговли как оружия в международных конфликтах.

36. Klug 1993.

37. Einzig 1934;
Child 1958.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Межвоенный период стал свидетелем долгосрочного отклонения Европы от долгосрочного тренда роста производства и дохода в сторону снижения, представляя собой подлинную Великую депрессию, затянувшуюся с 1914 по 1945 г. и не имевшую никаких аналогов в XIX в. Она включала в себя три глубоких спада, каждый из которых можно было бы назвать глубочайшим спадом в Европе после промышленной революции, если бы за ним не следовал еще более глубокий спад. В данной главе нами приведен обзор некоторых наиболее известных интерпретаций этих спадов. Мы утверждаем, что этот крайне патологический период европейской экономической истории невозможно анализировать в отрыве от двух аспектов конфликта, сотрясавшего в то время Европу. Одним из них был международный конфликт, воплотившийся в двух войнах, которые Германия вела против соседних стран. Вторым — социальный конфликт, связанный в основном с возрасставшей ролью рабочих движений и соответствующим изменением распределения дохода, но также и с первым значительным расширением гражданских прав и меняющейся ролью женщин. Эти оба аспекта конфликта оказывали серьезное влияние на результаты деловых циклов в межвоенный период.

Социальный конфликт — одна из тех ключевых переменных, которые, вероятно, стояли за отклонением европейских экономик от их прежней долгосрочной траектории роста: и профсоюзное движение, и восьмичасовой рабочий день, и развитие социального обеспечения изменяли соотношение сил между договаривающимися сторонами на рынке труда, повышали долю заработной платы

в доходе и снижали размер прибыли. Кроме того, социальный конфликт служил ключевым фактором, обеспечившим насаждение по всей материковой Европе авторитарных режимов, пытавшихся аннулировать итоги 1920-х гг. путем форсирования экономического роста за счет уровня жизни и обычно достигавших второй из этих политических целей, чего нельзя сказать про первую.

Международные конфликты стали основной причиной экономических спадов военного времени — сначала в 1914–1918 гг., затем в 1940–1945 гг. Однако они же сыграли решающую роль в провале попыток стабилизировать европейскую экономику в межвоенные годы. В данной главе утверждается, что длительный конфликт по поводу германских репараций серьезно нарушил функционирование международных финансовых рынков в межвоенный период, а также помешал сотрудничеству центральных банков во время кризиса золотого стандарта 1931 г. Неплатежеспособность Германии, впервые проявившаяся весной 1931 г., превратила серьезный, но потенциально преодолимый кризис европейской межвоенной валютной системы в катастрофу, имевшую долгосрочные последствия. Учитывая патологические политические условия, преобладавшие в Европе в межвоенный период, трудно представить возможность создания более здоровой международной финансовой архитектуры, которая привела бы к существенно более благоприятным результатам.

ГЛАВА 8

Совокупный рост
в 1913–1950 гг.

ДЖОАН Р. РОУЗЕС
НИКОЛАУС ВОЛЬФ

СОДЕРЖАНИЕ

Европейский экономический рост в 1913–1950 гг.:	
сравнительная перспектива ·	255
Объяснение европейских темпов роста	
в межвоенный период ·	271
Заключение ·	286

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В 1913–1950 ГГ.: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

ЭПОХА 1913–1950 гг. отличалась весьма неважными показателями экономического роста в Европе. «Вторая Тридцатилетняя война» (Churchill 1948, р. xiii), или период от начала Первой мировой войны в 1914 г. до окончания Второй мировой войны в 1945 г., в этом отношении резко контрастирует с последующим «золотым веком экономического роста», приходящимся примерно на 1950–1973 гг. (см. главу 12 данного тома). В самом деле, темпы экономического роста в европейских странах были «необычайно» низкими: они не только явно противопоставляли Европу другим частям света в этот период времени, но и бросались в глаза по сравнению с предшествовавшим периодом европейского экономического роста — примерно с 1870 по 1913 г. В обширной литературе по данному вопросу называются несколько ключевых факторов, которые могли отвечать за это снижение темпов роста в Европе. Естественно, важнейшая роль приписывается двум опустошительным войнам, бушевавшим в центре Европы на протяжении более чем трети всего периода 1913–1950 гг. (Svennilson 1954). Оставшиеся двадцать лет нередко характеризуются как эпоха политических потрясений и зачастую ошибочной макроэкономической политики; в связи с этим находилась и общая неспособность европейских стран скоординировать свою политику, препятствовавшая полной реализации европейского экономического потенциала (Feinstein, Temin, and Toniolo 1997).

Чтобы разобраться в том, каким образом политические ошибки и провалы координации влияли на экономический рост, мы должны понять, насколько велик был реальный потенциал экономического роста в Европе после Первой мировой войны. В общем, экономический потенциал Европы в 1913–1950 гг. заметно вырос благодаря тех-

ническим, организационным и структурным изменениям, накоплению физического капитала, а также формированию и накоплению гуманитарного капитала. О значительном техническом прогрессе в 1920–1930-е гг. говорят многие факты. На этот период приходится начало массовой моторизации, различные достижения в химической промышленности и электротехнике, строительство обширной дорожной сети, возникновение коммерческой авиации и самое главное — электрификация основной части европейской экономики, включая некоторые наиболее отдаленные сельские районы. Европейская промышленность претерпевала процесс широкой модернизации; многие фирмы пытались внедрить и адаптировать новые методы стандартизированного массового производства в американском стиле (Chandler 1990). Более того, во всех европейских экономиках в 1913–1950 гг. сокращалась доля сельскохозяйственного сектора при одновременном перемещении рабочей силы в более производительные сферы промышленности и услуг, особенно в Северной и Западной Европе (см. главу 9 данного тома). Все правительства новых европейских государств принимали меры к ускоренному экономическому развитию своих в целом отсталых стран; статистика говорит о росте числа учащихся в школах, в некоторых случаях — о росте уровня участия на рынках труда, а также о стабильном росте европейского населения.

Так почему же Европа не вступила в золотой век экономического роста раньше, в 1920-х гг.? История европейской культуры, особенно история «золотых двадцатых» или «*les années folles*» [«ревущие двадцатые»?], ярко выявляет поразительное противоречие между колоссальными неосвоенными возможностями современной жизни и призраком надвигающейся катастрофы. Первая мировая война положила конец либеральному экономическому строю конца XIX в., предвестьем чему служили рост протекционизма во многих сферах атлантической экономики (Kindleberger 1989; Findlay and O'Rourke 2003) и первые признаки распада основных европейских империй, заметные с 1880-х гг. (Schulze and Wolf 2009). Протекционизм сохранялся и после войны. Многие тарифы, квоты и прочие ограничения на торговлю, введенные в годы войны, продолжали действовать в 1920-е гг. Это, наряду с ограничениями на миграцию и снижением мобильности капитала, неизбежно вело к неоптимальному распределению ресурсов между государствами. В этом контексте наибо-

лее часто упоминаются неспособность решить международную проблему военных долгов и репараций (Ritschl 1998) и трения, вызванные возникновением новых государств и перекройкой политических границ (Rothschild 1974; Broadberry and Harrison 2005; см. главу 7 данного тома). Любые попытки наладить политическую координацию на международном уровне — такие, как восстановление в конце 1920-х гг. валютной системы, основанной на золотом стандарте, — были сведены на нет экономическим национализмом и формированием клубов во время Великой депрессии (Eichengreen 1992). В аналогичном ключе массовая миграция, способствовавшая конвергенции уровней заработной платы между Европой и Новым Светом во время первой глобализации (Hatton and Williamson 1998), резко сократилась одновременно с тем, как война и депрессия покончили с прежней тенденцией, а иммиграционная политика вступила в новую эпоху ограничений. Запретительная иммиграционная политика преобладала не только в странах въезда (таких, как США и Австралия), но и в некоторых странах выезда — например, в Советском Союзе, где были введены жесткие ограничения на эмиграцию (Chiswick and Hatton 2005). В некоторой степени такие провалы координации могли быть связаны с ростом издержек внутренней политической координации, вызывавшимся расширением избирательного права и соответствующими изменениями политического баланса во время и после Первой мировой войны (Nurkse 1944; Eichengreen and Temin 2000).

Далее мы рассмотрим историю европейского экономического роста в межвоенные годы, особое внимание уделив периоду с 1920 по 1938 г. Таким образом мы в целом исключим непосредственное влияние двух войн и их ближайшие последствия. Тем не менее мы увидим, что и наследие Первой мировой войны, и тень надвигающейся Второй мировой войны оказали сильное косвенное влияние на экономический рост в 1920–1930-е гг. С учетом относительно небольшой продолжительности рассматриваемого промежутка времени наше изложение по большей части будет носить описательный характер и в максимальной возможной степени прибегать к широким сопоставлениям темпов роста по различным странам Европы. Сначала мы в общих чертах обрисуем особенности европейского экономического роста в 1913–1950 гг. Далее мы вкратце дадим некоторые теоретические обоснования с целью за-

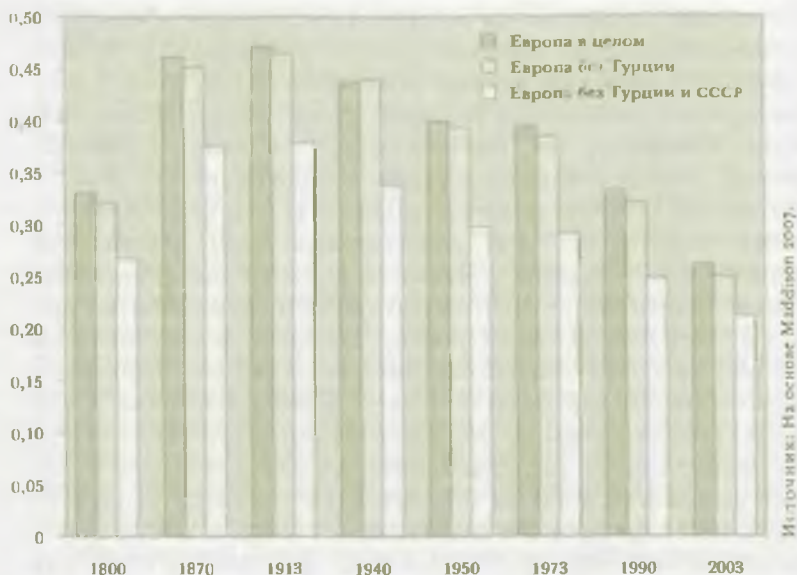

РИС. 8.1.
Доля «Европы» в мировой экономике

острить внимание на возможном истолковании различий в темпах и тенденциях роста и разберем несколько объяснений картины совокупного роста в межвоенной Европе. Наконец, мы приведем обзор фактов и сделаем ряд выводов общего характера.

Европейский экономический рост: хронологические сопоставления

Начнем с рассмотрения межвоенной европейской экономики в более широкой перспективе. На рис. 8.1 изображена доля Европы в мировой экономике (как ВВП, вычисленный в международных долларах Гири–Хамиса 1990 г.). «Европа» представлена здесь в трех вариантах: как все европейские страны, включая Турцию и СССР; как Европа без Турции; и как Европа и без Турции, и без СССР.

В межвоенные годы мы наблюдаем начало сокращения доли Европы в мировой экономике после длительного периода экспансии начиная с промышленной революции. В 1913 г., на пике европейского могущества, на Европу

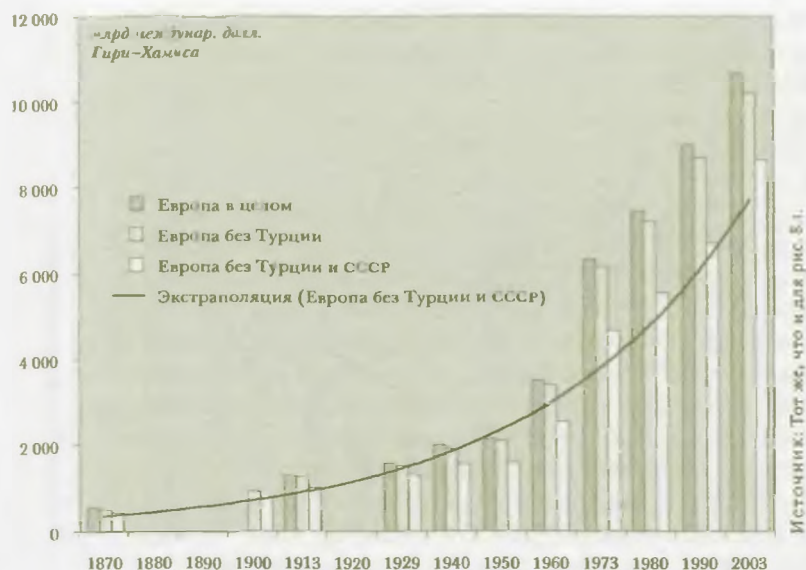

РИС. 8.2.
Европейский ВВП в 1870–2003 гг.

(включая Турцию и СССР) приходилось 47% мирового ВВП. К 1950 г., после двух мировых войн и межвоенного периода, эта доля сократилась приблизительно до 40%. Интересно, что относительное сокращение доли Европы в мировой экономике продолжалось, несмотря даже на высокие темпы роста во время золотого века европейской экономики (1950–1973 гг.). После его окончания доля Европы в мировой экономике стала сокращаться еще быстрее, к 2000 г. снизившись примерно до 25%. Очевидно, главной причиной этого относительного «упадка» было экономическое развитие ранее пребывавших в стагнации экономик Азии и других частей света, в основном оказавшее положительное влияние на европейскую экономику. Более оптимистическая картина представлена на рис. 8.2, где доля в мировом ВВП сопоставляется с уровнем европейского ВВП (вычисленного в миллионах международных долларов Гири–Хамиса 1990 г.) начиная с 1870 г.

Как бы ни определять границы Европы, объем ее экономики с 1870 по 2003 г. возрос примерно в 20 раз. При сравнении с долгосрочной тенденцией (для «Европы» без Турции и СССР), экстраполированной в прошлое от 2003 г.,

Источник: Тот же, что и для рис. 8.2.

РИС. 8.2.
Европейский ВВП на душу населения

межвоенные годы выделяются как период неважных экономических успехов. Это отставание от долгосрочного тренда еще более заметно при изучении ВВП на душу населения, к чему мы обратимся на следующих страницах: в то время как уровень жизни в межвоенные годы продолжал возрастать по всей Европе, темпы его роста в долгосрочной перспективе были низкими (рис. 8.3).

Совокупные данные не дают разглядеть еще одну особенность межвоенных лет, а именно заметный рост различий в темпах роста в 1913–1950 гг. по сравнению с 1870–1913 гг. как между отдельными европейскими странами, так и с точки зрения краткосрочных деловых циклов (см. главу 7 данного тома).

Европейский экономический рост: пространственные сопоставления

Изучение межвоенного экономического роста в долгосрочной перспективе ставит перед нами ряд взаимосвязанных вопросов. Во-первых, чем было вызвано заметное замедле-

ние роста ВВП на душу населения в Европе после 1913 г.? Долгосрочное снижение доли Европы в мировой экономике заставляет предположить, что неблагоприятное влияние на европейскую экономику могло оказать появление сильных конкурентов на рынках в других частях света (в первую очередь США и Японии). В то время как здесь, несомненно, присутствует элемент обратной причинности, конкуренция на мировых рынках может лишь отчасти объяснить замедление темпов роста, поскольку доля Европы продолжала сокращаться даже в золотой век исключительно высоких темпов роста. Кроме того, сильные вариации внутри самой Европы свидетельствуют о том, что на темпы роста влияли некоторые факторы, действовавшие лишь в отдельных странах или в группах стран. Как отмечалось во введении к данной главе, в число этих факторов входила степень участия страны в обеих мировых войнах. Хронология возвращения европейских стран к уровню ВВП на душу населения в 1913 г. и степень их вовлеченности в Первую мировую войну приводятся в табл. 8.1.

Побежденные центральные державы восстанавливали свою экономику значительно медленнее, чем члены победившей коалиции, которые, в свою очередь, в 1920-е гг. по темпам роста отставали от таких стран, соблюдавших нейтралитет, как Нидерланды, Норвегия и Испания. Кроме того, цифры говорят о том, что неважные результаты в группе стран-победительниц показывали Великобритания и Румыния; Великобритания прошла через тяжелый послевоенный спад и очень медленно оправлялась от него, а румынский ВВП на душу населения за межвоенный период вообще не увеличился. В странах, получивших независимость во время войны или сразу после нее (таких, как Чехословакия, Польша и Ирландия), наблюдались самые разные темпы экономического развития. В некоторых — в том числе в двух (из трех) новых Балтийских государствах, по которым имеются достаточные данные (Латвия и Эстония), — дела шли блестяще, в то время как экономика Ирландии и Югославии развивалась очень медленно. В дальнейшем мы будем рассматривать экономический рост в 27 европейских странах с 1920 по 1938 г. В табл. 8.2 показаны среднегодовые темпы их роста за этот период времени, включая соответствующие стандартные отклонения для различных периодов.

При изучении табл. 8.2 мы получаем впечатление крайне неоднородного развития: среднегодовой темп роста за весь период 1913–1950 гг. составлял 0,72% (с учетом отно-

ТАБЛИЦА 8.1.
Сроки возвращения к уровню ВВП на душу населения в 1913 г.
для 27 европейских стран

Страна	ВВП на душу нас. в 1922 по сравнению с 1913, %	Год воз- вращения к уровню 1913	Степень участия в Первой мировой войне
Австрия	83	1927	Поражение
Бельгия	105	1922	Победа
Дания	106	1922	Нейтралитет
Финляндия	98	1923	Нейтралитет
Франция	103	1922	Победа
Германия	91	1926	Поражение
Италия	102	1922	Победа
Нидерланды	114	1919	Нейтралитет
Норвегия	109	1919	Нейтралитет
Швеция	94	1924	Нейтралитет
Швейцария	108	1920	Нейтралитет
Великобритания	94	1924	Победа
Ирландия	95	1928	Получение независи- мости (от победителя)
Греция	123	1919	Победа (но вступи- ение в войну с Турцией в 1919)
Португалия	114	1921	Победа
Испания	111	1920	Нейтралитет
Албания	н/д	н/д	Получение независимо- сти (от побежденного)
Литва	н/д	н/д	Получение независимо- сти (от побежденного)
Латвия	н/д	н/д	Получение независимо- сти (от побежденного)
Эстония	н/д	н/д	Получение независимо- сти (от побежденного)
Болгария	59 (1924/1913)	1937	Поражение
Чехословакия	96	1923	Получение независимо- сти (от побежденного)
Венгрия	91 (1924/1913)	1925	Поражение
Польша	79	1926	Получение независимо- сти (от побежденного)
Румыния	72 (1926/1913)	1959	Победа
Югославия	99	1922	Получение независимо- сти (от побежденного)
Россия / СССР	н/д	1933	Поражение

Источник: Maddison 2007 и вычисления авторов.

ТАБЛИЦА 8.2.

Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения
в 27 европейских странах и США (в скобках приведены
величины стандартных отклонений)

Страна	1913–1950	1920–1929	От года возвра- щения к уров- ню 1913 до 1929	1929–1938
Австрия	0,18 (0,17)	4,93 (0,04)	2,68 (0,02)	-0,43 (0,07)
Бельгия	0,70 (0,07)	3,99 (0,05)	2,75 (0,03)	-0,50 (0,03)
Дания	1,55 (0,06)	2,74 (0,05)	3,53 (0,04)	1,41 (0,02)
Финляндия	1,89 (0,07)	4,94 (0,03)	3,97 (0,02)	3,09 (0,04)
Франция	1,12 (0,12)	5,16 (0,07)	5,33 (0,02)	-0,59 (0,05)
Германия	0,17 (0,16)	4,49 (0,09)	3,43 (0,04)	2,32 (0,07)
Италия	0,84 (0,09)	0,83 (0,05)	2,52 (0,03)	0,77 (0,04)
Нидерланды	1,06 (0,13)	3,22 (0,02)	4,81 (0,06)	-0,89 (0,04)
Норвегия	2,15 (0,06)	2,71 (0,06)	3,75 (0,07)	2,55 (0,05)
Швеция	2,10 (0,04)	3,71 (0,03)	3,98 (0,03)	2,22 (0,04)
Швейцария	2,04 (0,06)	4,44 (0,03)	4,44 (0,03)	0,10 (0,03)
Великобритания	0,93 (0,04)	1,22 (0,04)	2,42 (0,04)	1,44 (0,03)
Ирландия	0,63 (0,02)	1,36 (0,02)	3,12 (0,01)	0,86 (0,03)
Греция	0,50 (0,12)	2,49 (0,01)	2,50 (0,01)	1,48 (0,05)
Португалия	1,33 (0,06)	3,17 (0,08)	2,99 (0,08)	0,91 (0,07)
Испания	0,25 (0,06)	2,92 (0,03)	2,92 (0,03)	-4,72 (0,09)
Албания	0,57 (-)	н/д	н/д	н/д
Литва	н/д	н/д	н/д	
Латвия	н/д	5,31 (0,11)	н/д	4,10 (0,12)
Эстония	н/д	2,75 (0,10)	н/д	3,30 (0,06)
Болгария	0,19 (-)	5,23 (0,11)	н/д	3,35 (0,09)
Чехословакия	1,40 (-)	5,04 (0,05)	5,95 (0,04)	-0,68 (0,06)
Венгрия	0,45 (-)	5,17 (0,08)	5,17 (0,08)	0,78 (0,05)
Польша	0,93 (-)	5,24 (0,07)	8,38 (0,04)	0,34 (0,09)
Румыния	-1,04 (-)	-2,91 (0,03)	н/д	0,83 (0,05)
Югославия	1,04 (-)	3,11 (0,03)	3,37 (0,03)	-0,06 (0,06)
Среднее без учета относительного веса	0,91 (-)	3,43 (-)	3,90 (-)	0,88 (-)
Среднее с учетом относительного веса	0,72 (-)	3,21 (-)	3,69 (-)	0,53 (-)
Россия/СССР	1,76 (-)	н/д	н/д	4,87 (0,05)
США	1,61 (0,09)	1,94 (0,04)	1,94 (0,04)	-1,32 (0,09)

Источник: Maddison 2007 и вычисления авторов.

сительной численности населения), однако варьировался от максимальной величины в 2,15% (Норвегия) до минимальной величины в -1,04% (Румыния). За весь этот период лишь три северные страны (Норвегия, Швеция и Финляндия) и нейтральная Швейцария развивались быстрее, чем США и СССР, среднегодовые темпы роста в которых составляли 1,61 и 1,76% соответственно. Лишь в четырех других европейских странах (Дания, Франция, Чехословакия и Югославия) среднегодовые темпы роста превышали 1%, в то время как остальные страны не достигли даже этого очень низкого уровня.

Однако заметны и некоторые закономерности. Вообщем говоря, всем европейским странам (за исключением Румынии) в 1920-е гг. были свойственны относительно высокие темпы роста. Кроме того, в течение этого десятилетия происходила быстрая конвергенция Европы и США при средневзвешенных годовых темпах роста в 3,21% по сравнению с темпами роста в 1,94% по другую сторону Атлантики. До десяти стран развивалось в темпе более 4% в год и лишь в четырех странах (Великобритания, Ирландия, Италия и Румыния) экономический рост происходил медленнее, чем в США. Этот ускоренный рост лишь частично объясняется восстановлением экономики после Первой мировой войны, поскольку темпы роста оставались весьма высокими даже после достижения уровня 1913 г. (ср. столбцы 2 и 3 в табл. 8.2). Следует также отметить, что несколько нейтральных стран, не знавших серьезных разрушений в годы войны — в первую очередь это Скандинавские страны (Швеция и Финляндия) и Швейцария, — развивались быстрее, чем Европа в среднем. Во всех трех случаях экономический рост сопровождался заметными изменениями в структуре экономики: в Швеции и Швейцарии происходил общий сдвиг к отраслям с более высокой добавленной стоимостью (Krantz 1987; Siegenthaler 1987 соответственно), в Финляндии — серьезная индустриализация после достижения политической независимости (Hjerpe and Jalava 2006). К этим факторам мы вернемся ниже.

В табл. 8.2 также четко просматривается, что Великая депрессия стала водоразделом европейского экономического развития. Во втором десятилетии межвоенного периода экономический рост замедлился во всех европейских странах — в несколько меньшей степени в Скандинавских странах, Великобритании, Латвии и Эстонии. В то время как большинство правительств пыталось оградить свои эко-

номики от дальнейших экзогенных потрясений путем повышения тарифных барьеров, введения контроля за капиталом и подобных мер, Скандинавские страны, а также, что интересно, Эстония и Латвия сумели вместе с Великобританией скоординировать отказ от золотого стандарта в конце 1931 г. и демонстрировали более существенные экономические успехи, чем остальная Европа. Мы видим здесь пример того, какое значение в межвоенные годы имела макроэкономическая политика и ее координация на международном уровне: «момент и степень обесценивания в значительной степени объясняют различия в моменте и степени экономического восстановления» (Eichengreen 1992, p. 232). В свою очередь, показатели экономического роста в Германии могут дать преувеличенное представление о повышении уровня жизни в этот период, поскольку уже начиная с 1934 г. экономический рост главным образом обеспечивался политикой массированного перевооружения за счет роста государственного долга и низких уровней номинальной и реальной заработной платы на жестко регулируемом рынке труда (см.: Ritschl 2002a).

Наконец, наша сводка европейских стран позволяет выявить интересную динамику распределения доходов, которая не просматривается в вышеприведенных цифрах и таблицах (подробнее об этом см.: Epstein, Howlett, and Schulze 2000). В табл. 8.3 приведен рейтинг выборки стран по их уровню ВВП на душу населения в 1922, 1929 и 1938 гг.

В то время как Великобритания в 1920-е гг. уступила лидерство Швейцарии и Нидерландам, к концу 1930-х гг. она опять едва не вышла на первое место благодаря продолжительной стагнации швейцарской и голландской экономик после депрессии. Помимо этого, самые значительные изменения включали стабильное усиление относительно положения Скандинавских стран, особенно в течение 1930-х гг., заметные экономические успехи Латвии и Эстонии (хотя оценки для этих стран могут быть завышенными) и относительный и даже абсолютный экономический упадок в Австрии и Испании. Балканские страны наряду с Румынией, а также Португалией и Испанией (претерпевшей опустошительную гражданскую войну; см.: Prados de la Escosura 2005) оставались европейской экономической периферией, в то время как позиции Греции и Польши в 1930-е гг. начали улучшаться. Все это, вместе взятое, составляет предположить, что общая конвергенция в межвоенные годы в целом отсутствовала. Тем не менее мог-

ТАБЛИЦА 8.3.

Динамика распределения доходов: рейтинг стран по их ВВП на душу населения в 1922, 1929 и 1938 гг.

1922		1929		1938	
Страна	ВВП	Страна	ВВП	Страна	ВВП
Великобритания	4637	Швейцария	6332	Швейцария	6390
Швейцария	4618	Нидерланды	5689	Великобритания	6266
Нидерланды	4599	Великобритания	5503	Дания	5762
Бельгия	4413	Дания	5075	Нидерланды	5250
Дания	4166	Бельгия	5054	Германия	4994
Франция	3610	Франция	4710	Бельгия	4832
Германия	3331	Германия	4051	Швеция	4725
Швеция	2906	Швеция	3869	Франция	4466
Австрия	2877	Австрия	3699	Норвегия	4337
Норвегия	2784	Норвегия	3472	Латвия	4048
Италия	2631	Италия	3093	Эстония	3771
Ирландия	2598	Чехословакия	3042	Финляндия	3589
Эстония	2311	Ирландия	2824	Австрия	3559
Испания	2284	Эстония	2802	Италия	3316
Финляндия	2058	Латвия	2798	Ирландия	3052
Чехословакия	2006	Испания	2739	Греция	2677
Греция	1963	Финляндия	2717	Венгрия	2655
Латвия	1929	Венгрия	2476	Польша	2396
Португалия	1430	Греция	2342	Испания	1790
Польша	1382	Польша	1994	Португалия	1747
Югославия	1057	Португалия	1610	Болгария	1595
		Югославия	1364	Югославия	1356
		Болгария	1180	Румыния	1242
		Румыния	1152		
		Албания	926		
Нет данных по Албании, Болгарии, Венгрии и Румынии		Нет данных по Албании и Чехословакии			
Отношение беднейшей страны к богатейшей: 22,8%		Отношение беднейшей страны к богатейшей: 14,6%		Отношение беднейшей страны к богатейшей: 19,4%	

Источник: Maddison 2007 и вычисления авторов.

ла иметь место «условная» конвергенция, обусловленная факторами, специфичными для конкретной страны или группы стран и влиявшими на темп роста производительности — такими, как структурные изменения, образование, склонность к сбережениям и инвестициям и т. п. С целью более систематического рассмотрения вопроса о том, как подобные факторы могут объяснить межвоенный экономический рост в Европе, следует вкратце ознакомиться с некоторыми основами экономической теории роста.

Некоторые теоретические основы

Почему одни страны процветают, а другие пребывают в стагнации? Для ответа на этот вопрос полезно рассмотреть базовую неоклассическую модель роста, первоначально выдвинутую в Solow (1956) и Swan (1956; хорошее изложение см., например, в: Barro and Sala-i-Martin 2003, ch. 1). В базовой модели с трудоразвивающим техническим прогрессом рост ВВП на душу населения определяется темпом технических изменений и уровнем накопления капитала, который подчиняется закону убывающей производительности. Производственная функция обычно определяется как функция Кобба–Дугласа вида:

$$Y = K^{\alpha} (AL)^{1-\alpha}, \quad (1)$$

где Y — ВВП; K — капитал; L — труд; A — уровень технического развития¹. В первую очередь такая модель предсказывает конвергенцию: при прочих равных условиях (включая уровень технического развития) более бедные экономики будут развиваться быстрее, чем богатые, вследствие убывающей производительности капитала. Таким образом, все экономики рано или поздно должны прийти к одному уровню дохода на душу населения и производительности. Отметим, что данная модель не работает при несоблюдении условия об эффективности рынков труда, капитала и обмена технологиями. Неидеальность внутренних или международных рынков повлияет на скорость конвергенции — например, в силу того, что хороший доступ к международным рынкам капитала может ускорить накопление капитала в бедных странах, в то время как богатые страны могут обеспечить себе более высокую норму прибыли от своих сбережений, выдавая их займы

1. В данной формулировке технический прогресс называется «трудоразвивающим», поскольку он увеличивает выработку точно так же, как ее увеличивает рост численности трудящихся, что необходимо для сохранения стабильного равновесия.

бедным (Barro, Mankiw, and Sala-i-Martin 1995). Более того, данная модель предполагает, что изменение темпа накопления (доля производства, направляемая не на потребление, а на создание дополнительного капитала) и темп амортизации капитала влияют на объем производства и на динамику перехода, но не на долгосрочные темпы роста. Если темпы накопления и амортизации капитала или темп технических изменений различаются от страны к стране, то модель предсказывает конвергенцию, обусловленную этими различиями, — и это предсказание с эмпирической точки зрения представляется намного более обоснованным, чем предсказание безусловной конвергенции (см. дискуссию между Baumol 1986 и DeLong 1988).

Представляя собой удобную отправную точку, базовая модель все же нуждается в дальнейших модификациях с целью ее использования при эмпирическом анализе. Mankiw, Romer, and Weil (1992) предлагают дополненную модель, учитывающую формирование человеческого капитала во взаимодействии с трудом как производственным фактором (например, посредством школьного обучения), и показывают, что такая модель лучше описывает различия в доходах между странами в разные моменты времени. Недавние исследования были в основном посвящены микроэкономическим обоснованиям роста, включая идею эндогенного роста, обусловленного эндогенными инновациями (Romer 1990), и преимущества географической близости (Krugman and Venables 1995); другие авторы подчеркивали роль структурных изменений (Broadberry 1998) вследствие технологических различий между секторами, а также влияние неэффективности рынков. В настоящее время различия в эффективности признаются в качестве столь же важного объяснения различий в уровне доходов между странами, как и накопление факторов производства, выдержав целый ряд проверок — в том числе попытки разработать более точные методы оценки человеческого капитала, учесть возраст основного капитала и провести дезагрегирование производства по секторам и т. д. (Caselli 2005). Непосредственное отношение к этому имеет обширная литература, написанная по следам работы Abramovitz (1986), в которой отмечается, что при сравнении тенденций роста в различных странах заметно сокращение разрыва, отделяющего отстающих от технологических лидеров. Темп этого сокращения, в свою очередь, зависит от «социальных способностей» данной страны и от «технологического со-

ответствия» между странами. С этой точки зрения национальная политика и национальные институты, а также величина рынков в стране перестают быть нейтральными факторами, будучи тесно связанными с долгосрочными темпами экономического роста (North 1990; Mauro 1995; Engerman and Sokoloff 1997; Hall and Jones 1999; Acemoglu, Johnson, and Robinson 2002; Easterly and Levine 2003).

Вообще говоря, существует два подхода к оценке пригодности этих теоретических концепций, причем оба они отталкиваются от базовой неоклассической модели роста. Один из этих подходов представляет собой попытку оценить ключевое предсказание о конвергенции, контролируя такие значимые факторы, как различия в темпе накоплений и инвестиций, объемы или темп формирования человеческого капитала и различия между институтами или величиной рынков (см.: Sala-i-Martin, Doppelhofer, and Miller 2004). Эта оценка обычно принимает форму уравнения

$$\ln\left(\frac{y_T}{y_0}\right) = a + b(\ln(y_0)) + \sum_{i=1}^j c_i \ln(X_i) + \varepsilon, \quad (2)$$

где y — ВВП на душу населения; T — момент последнего наблюдения; 0 — начальный момент; X обозначает значимые факторы, а ε — величину ошибки. Зависимой переменной является темп роста дохода на душу населения, находящийся в отрицательной зависимости от первоначального уровня дохода (y_0) в случае конвергенции, наблюдаемой при $b < 0$. Это означает, что изначально более богатые страны развиваются медленнее, чем изначально более бедные. Включение значимых переменных позволяет учесть прочие факторы, компенсирующие этот процесс догоняющего развития или конвергенции.

Другой подход связан с вычислением темпов роста по модели Tinbergen (1942) и Solow (1957). Темп возрастания уровня ВВП или ВВП на единицу трудового вклада раскладывается на составляющие, соответствующие вкладу производственных факторов в темп роста и изменению производительности. Как правило, лежащая в основе модель определяется как производственная функция Кобба–Дугласа:

$$Y = AK^\alpha AL^{1-\alpha}. \quad (3)$$

Отметим, что обычно в рамках этой модели делаются два принципиальные допущения. Во-первых, техно-

логический параметр A интерпретируется как совокупная производительность факторов производства (СПФ) в предположении ее «нейтральности по Хиксу» в противоположность трудоинтенсивности (или «нейтральности по Харроду») — в том смысле, что технические изменения нейтральны по отношению к капиталу и труду. Во-вторых, предполагается, что для производственной функции характерна постоянная производительность факторов. Определим производительность труда как $y = Y/L$, а капиталоемкость как $k = K/L$. При этом темп роста можно приблизительно разложить на следующие составляющие:

$$\ln\left(\frac{Y_{t+1}}{Y_t}\right) = \ln\left(\frac{A_{t+1}}{A_t}\right) + \alpha \ln\left(\frac{L_{t+1}}{L_t}\right), \quad (4)$$

что эквивалентно

$$\ln\left(\frac{Y_{t+1}}{Y_t}\right) = \ln\left(\frac{A_{t+1}}{A_t}\right) + \alpha \ln\left(\frac{K_{t+1}}{K_t}\right), \quad (5)$$

где темп роста A (СПФ) всегда вычисляется как остаточная величина, с учетом того, что у нас имеются данные только по Y , K и L . Формула (5) демонстрирует, что рост производительности труда можно разложить на изменение СПФ и изменение капиталоемкости. Все это также можно выразить через ВВП на душу населения, отличие которого от производительности труда определяется уровнем участия, определяемого как отношение числа работающих к численности населения. Результирующие оценки СПФ нередко интерпретируются как приблизительный показатель технического прогресса, но здесь нужно сделать ряд важных оговорок. Во-первых, на оценку СПФ будут влиять любые ошибки в измерении факторов производства и объемов производства. Во-вторых, точно так же на результаты может повлиять неверное определение функциональных взаимоотношений — например, в тех случаях, когда в реальности наблюдается возрастающая отдача от масштаба, когда совокупная производственная функция изменяется с течением времени благодаря структурным изменениям или при ненейтральности технического прогресса по отношению к труду или капиталу. Наконец, изменение «темпов роста СПФ» может быть также связано с изменениями в политике и институциональном окружении, с учетом того, что СПФ вычисляется как остаточ-

ная величина. Тем не менее вычисления подобного рода полезны для получения общего представления о факторах, определяющих экономический рост.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕМПОВ РОСТА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Наблюдалась ли условная конвергенция?

Начнем с проверки самой сильной из возможных гипотез, вытекающих из неоклассической теории роста: гипотезы о безусловной конвергенции. В качестве первого шага просто изобразим зависимость среднегодовых темпов роста в 1913–1950 гг. от ВВП на душу населения в 1913 г., как в формуле (2), без учета каких-либо значимых факторов. Как видно из рис. 8.4–8.7, мы можем отказаться от идеи о безусловной конвергенции между европейскими странами — как для всего периода 1913–1950 гг., так и для любого из более мелких периодов.

Взаимосвязь между первоначальным уровнем доходов и темпами роста была очень слабой. С учетом данных из табл. 8.3, это едва ли удивительно. Отсутствие безусловной конвергенции в 1913–1950 гг. легко объясняется тем фактом, что и богатые, и бедные страны участвовали в войнах, претерпевая разрушения и восстановление экономики, по большей части никак не связанные с уровнем их развития в 1913 г. Однако отметим существование слабой отрицательной обратной связи между темпами роста и первоначальным доходом в мирный период. В свете этого обстоятельства мы можем выяснить, наблюдалась ли в 1920–1938 гг. конвергенция, обусловленная факторами, специфичными для конкретных стран. Но какие факторы определяют темпы роста? Как подчеркивалось выше, на эту роль имеется много кандидатов.

Эмпирическая литература, посвященная теме экономического роста, сталкивается с серьезной проблемой «малой выборки»: поскольку величина выборки для составления регрессии между показателями долгосрочных темпов роста обычно невелика по сравнению с числом переменных, предлагаемых в теоретической литературе, то оценки параметров зачастую могут сильно отличаться от их «реальных» значений. Эта проблема стоит особенно ост-

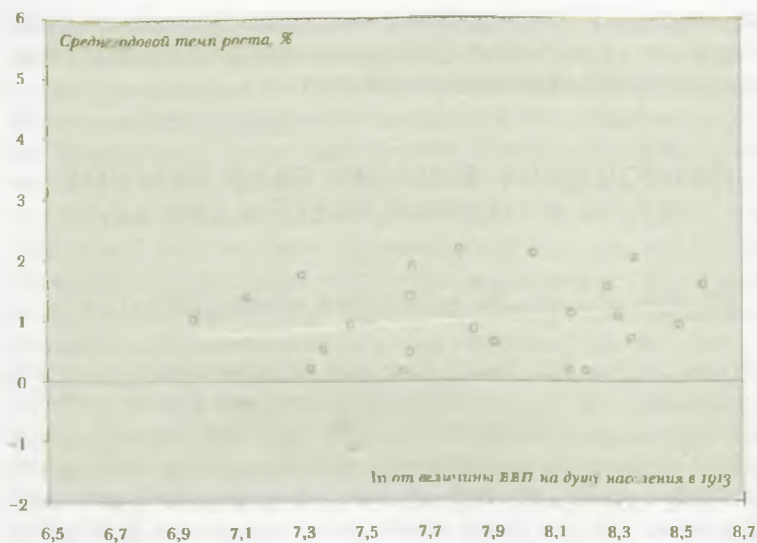

РИС. 8.4.

Наблюдалась ли безусловная конвергенция в 1913–1950 гг.?
Данные по 23 европейским странам и США

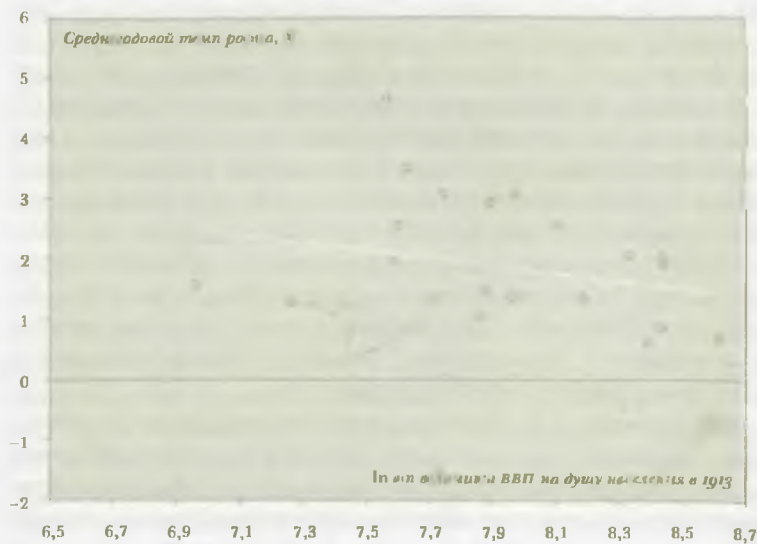

РИС. 8.5.

Наблюдалась ли безусловная конвергенция в 1922–1938 гг.?
Данные по 23 европейским странам и США

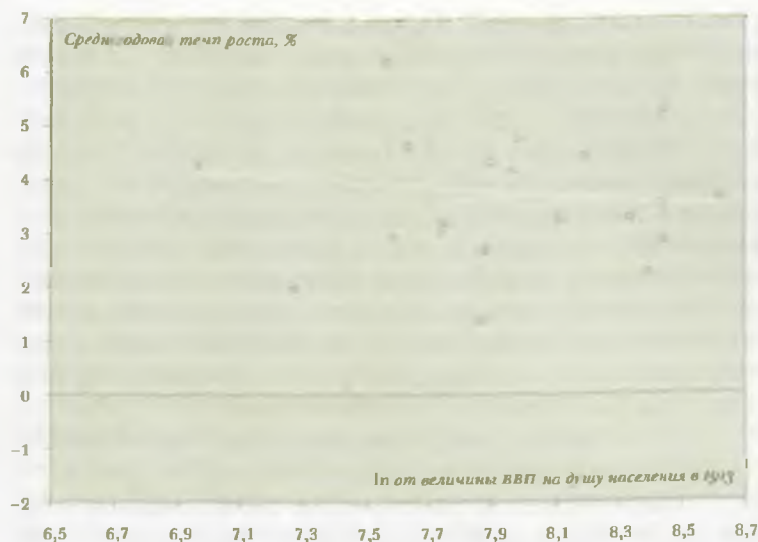

РИС. 8.6.

Наблюдалась ли безусловная конвергенция в 1922–1929 гг.
Данные по 23 европейским странам и США

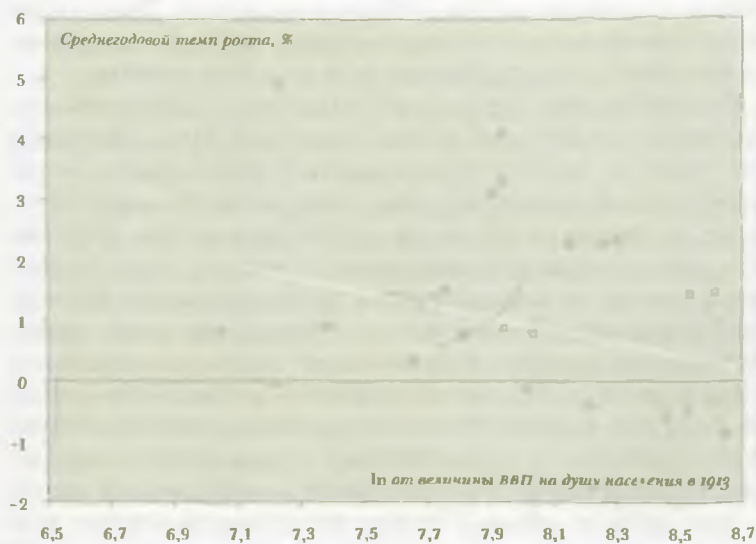

РИС. 8.7.

Наблюдалась ли безусловная конвергенция в 1929–1938 гг.
Данные по 23 европейским странам и США

ро в случае межвоенной Европы, поскольку число стран, для которых имеются достаточные (надежные) данные, крайне ограничено, в то время как, с другой стороны, число возможных причин (замедленного) роста в межвоенной Европе чрезвычайно велико. С учетом этого обстоятельства следует либо совершенно отказаться от идеи проверки экономических теорий эконометрическими тестами, либо попытаться сузить масштабы анализа при помощи некоей информации, полученной «вне выборки». Такую информацию нам дает «метаанализ», проведенный в Sala-i-Martin, Doppelhofer, and Miller (2004), где используется «байесовское усреднение классических оценок» (BACE) с целью определения значимости 67 переменных, предлагаемых в различных экономических моделях. Результаты, полученные в этой работе, основаны на истории экономического роста 88 стран в 1960–1996 гг. и нескольких миллионах регрессий, определенных случайным образом. Авторы демонстрируют особенно сильную зависимость роста ВВП на душу населения от трех переменных — а именно от уровня посещаемости начальных школ, определяющего формирование гуманитарного капитала, от относительной стоимости товаров производственного назначения, определяющей накопление физического капитала, и от первоначального уровня дохода. Некоторые географические и институциональные переменные также сказываются на темпах роста, но в меньшей степени.

На основе этих результатов мы можем дополнить неоклассическую базовую модель показателями, связанными с охватом населения начальным образованием и с инвестиционной средой. Уровень посещаемости начальных школ оценивается как доля детей школьного возраста (5–14 лет), посещавших начальную школу в данной стране в 1920–1939 гг., определяемая нами по данным Benavot and Riddle (1989). Более того, мы будем использовать предшествующий уровень посещаемости (наблюдавшийся десятью годами ранее) вместо текущего, с тем чтобы учесть тот факт, что уровень начального образования сказывается на экономике лишь некоторое время спустя — в среднем приблизительно через десять лет, когда дети вольются в ряды рабочей силы. У нас отсутствуют надежные данные о ценах на товары производственного назначения по отношению к общему уровню цен, и потому об инвестиционной динамике мы будем судить по индексу, основанному на потреблении стали и цемента на душу насе-

ния (по данным Svernilson 1954). Сведения о потреблении на душу населения позволяют нам привести этот индекс к уровню потребления в Великобритании в 1925–1929 гг., который мы принимаем равным 100. Соответственно, он будет учитывать существенные вариации с течением времени и от страны к стране. Более того, по некоторым европейским странам у нас есть оценки запасов капитала, приведенные Madsen (2007). В табл. 8.4 показано, как уровень посещаемости начальных школ, индекс инвестиций и запасы капитала изменялись с течением времени. Очевидно, между европейскими странами существовали очень сильные различия в темпах формирования человеческого капитала и в инвестиционных условиях, которые не могли не влиять на темпы экономического роста.

Изучение условной конвергенции можно производить в два этапа. На первом этапе мы оценим взаимосвязь между годовыми темпами роста, доходом за предыдущий год, изменениями в уровне охвата начальным образованием (с десятилетним запозданием) и инвестициями, используя метод наименьших квадратов — опять же, по выборке из 23 европейских стран. Затем мы вычислим контрфактуальный темп роста, в разной степени учитывая влияние начального образования и инвестиций, и изобразим зависимость полученных значений от первоначального дохода. Как мы увидим, между европейскими странами — *ceteris paribus* — в межвоенный период действительно происходила определенная конвергенция, обусловленная различиями в накоплении человеческого капитала и в инвестиционных условиях (рис. 8.8).

Например, из оценки влияния первоначального дохода на темпы роста следует, что в среднем разница, наблюдавшаяся в 1922 г. между богатыми и бедными странами (например, между Бельгией и Финляндией), в течение 23 лет сократилась бы вдвое (величину β мы оцениваем приблизительно в 0,029; см.: Barro and Sala-i-Martin 2003, ch. 1). Хорошие условия для капиталовложений и рост относительной численности посещающих начальную школу могли ускорить эту конвергенцию. На самом деле, финский ВВП на душу населения составлял в 1922 г. 47% от бельгийского, а 16 лет спустя достиг уже 74%. Напротив, ВВП на душу населения в Греции в 1922 г. был равен 55% от бельгийского, оставаясь практически таким же и в 1937–1938 гг. В некоторой степени это может быть объяснено тем фактом, что и уровень посещения начальных школ и уровень инвести-

ТАБЛИЦА 8.4.
Уровень посещения начальных школ
и инвестиционная динамика в 1922–1938 гг.

Страна	Уровень посещения начальных школ		Потребление цемента и стали на душу нас. (Для Великобритании в 1925–1929 = 100)		Изменения запасов капитала в 1938 как % от уровня 1922
	1922	1938	1922	1938	
Австрия	0,70	0,71	44	117	91
Бельгия	0,62	0,73	127	191	125
Дания	0,41	0,67	75	114	157
Финляндия	0,26	0,51	37	119	180
Франция	0,86	0,79	72	93	148
Германия	0,73	0,73	101	229	119
Италия	0,45	0,59	48	79	209
Нидерланды	0,70	0,74	79	127	135
Норвегия	0,69	0,72	81	129	161
Швеция	0,67	0,64	56	168	188
Швейцария	0,71	0,70	63	122	130
Великобритания	0,78	0,82	54	162	172
Ирландия	0,78	0,87	34	86	—
Греция	0,40	0,53	7	37	—
Португалия	0,19	0,27	12	29	—
Испания	0,35	0,36	30	45 (1935)	184
Албания	н/д	н/д	н/д	н/д	—
Литва	н/д	н/д	н/д	н/д	—
Латвия	0,22	0,37	н/д	н/д	—
Эстония	0,14	0,27	н/д	н/д	—
Болгария	0,41	0,73	9	28	—
Чехословакия	0,71	0,66	32	92	—
Венгрия	0,53	0,64	30	40	—
Польша	0,24	0,57	23	47	—
Румыния	0,34	0,59	17	34	—
Югославия	0,20	0,42	19	29	—

Источники: См. текст.

ций возрастали в Финляндии быстрее, чем в Греции. Однако наши результаты также говорят о том, что влияние накопления человеческого капитала и физических факторов производства на экономический рост было весьма ограниченным.

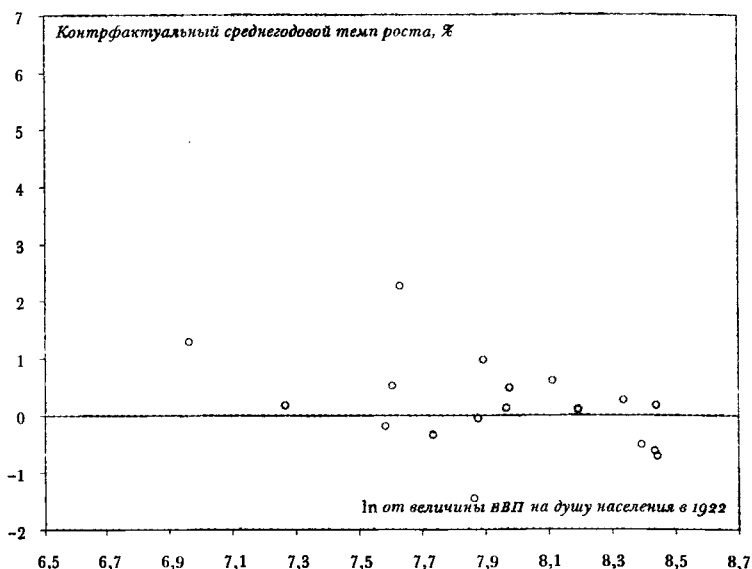

РИС. 8.8.
Условная конвергенция в 1922–1938 гг.,
данные по 22 европейским странам

Вычисление темпов роста и уровень производительности

Теперь обратимся к модели вычисления темпов роста, в которой темп роста раскладывается на компоненты, связанные с накоплением факторов производства и с изменением производительности, что полезно для изучения взаимозависимости между экономическим потенциалом и реализованным ростом. При этом для каждой страны нам требуются оценки совокупных запасов капитала и надежные показатели общего трудового вклада — однако у нас нет таких данных по всем европейским странам за межвоенный период. Madsen (2007) приводит оценки запасов капитала и общего количества отработанных часов для некоторых европейских стран, которые мы будем использовать в дальнейшем анализе, вместе с оценками ВВП из Maddison 2007. По восточноевропейским странам таких данных не имеется, поэтому следующие результаты не относятся ко всему европейскому континенту.

Как обычно, разложим рост ВВП на компоненты, соответствующие изменению запасов капитала, изменению общего трудового вклада и росту СПФ в соответствии с уравнением (4). Отметим, что изменение трудового вклада измeряется как совокупное отработанное время, равное произведению совокупной численности занятых (в пересчете на полную занятость), на среднюю продолжительность рабочего времени в данной стране за данный год. Все оценки основаны на конкретных значениях доли капитала для отдельных стран, приводящихся в конце табл. 8.5, в предположении постоянной нормы отдачи от масштаба.

Проделав эти процедуры, мы придем к трем однозначным выводам. Во-первых, влияние прироста общего трудового вклада на рост ВВП обычно было небольшим (а в некоторых случаях даже отрицательным), отражая тенденцию к росту производительности труда, а также изменения в трудовой политике — такие, как введение в Германии в 1918 г. восьмичасового рабочего дня. Во-вторых, при рассмотрении экономического роста в 1920-е гг. (начиная с 1922 г., когда большинство стран вернулось к довоенному уровню дохода) мы увидим, что темпы роста в 1920-е гг. были, как правило, выше, чем в десятилетие перед Первой мировой войной, и это различие можно в основном объяснить ускорением роста СПФ. В-третьих, за значительным замедлением роста в 1930-е гг. стояло сочетание медленного накопления капитала, медленного или отрицательного роста общего трудового вклада и низкого темпа роста СПФ.

Другой способ оценить СПФ — разложить на отдельные компоненты рост производительности труда. В табл. 8.6 приводится разложение производительности труда на СПФ и повышение капиталоемкости согласно уравнению (5).

Какую бы точку зрения мы ни избрали, наши оценки СПФ будут, разумеется, неполными — например, потому, что мы не проводим различия между СПФ и изменением величины человеческого капитала благодаря образованию, а также из-за того, что наши измерения основаны на некоторых спорных допущениях. Тем не менее, выявленные тенденции, связанные с СПФ и накоплением факторов производства, чрезвычайно показательны. Стремительное возрастание СПФ в 1920-е гг. было связано с наличием множества неиспользованных возможностей

по повышению эффективности европейских экономик к концу войны, в первую очередь связанных с техническими и структурными изменениями. Во время войны — а в большинстве случаев еще до войны — появилось много технических новинок, распространение которых по Европе — из региона в регион и из отрасли в отрасль — началось вскоре после 1920 г. В качестве наиболее важных легко выделить две инновации: двигатель внутреннего сгорания и новые сферы использования электричества, которые в совокупности революционизировали источники механической энергии в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте. В табл. 8.7 приводятся данные по производству и численности личных и коммерческих автомобилей в четырех ведущих европейских странах — производителях автомобилей с 1923 по 1950 г. В табл. 8.8 показано изменение совокупного производства электроэнергии в Европе и США в 1922–1950 гг.

Эти технические изменения по самой своей природе глубоко затрагивали секторальную структуру европейской экономики. Новые технологии, связанные с электричеством, повышали эффективность производства электричества с использованием угля и воды, в то время как благодаря созданию высоковольтных линий электропередачи электроэнергия стала доступной даже в самых глухих уголках Европы. Одновременно с этим автомобиль (в форме грузовика, автобуса или легковой машины), наряду с совершенствованием дорожной сети, сделал перемещение грузов и людей между отдаленными районами и городскими агломерациями более дешевым и быстрым, чем когда-либо прежде (Svennilson 1954, ch. 2).

Технические изменения способствовали росту производительности труда несколькими путями. Во-первых, снижение стоимости энергии и удешевление транспорта повышало производительность труда во всех секторах экономики и, соответственно, увеличивало доход. Более того, с учетом низкой эластичности спроса на продовольствие спрос на труд в сельском хозяйстве сократился по отношению к спросу на труд в других секторах. Доля сельскохозяйственных рабочих в общем числе занятых значительно снизилась в течение 1920-х гг. и продолжала снижаться в 1930-е гг. — хотя и более низкими темпами. Это изменение структуры занятости — рост числа занятых в сфере промышленности и услуг за счет сельского хозяйства — оказало дополнительное воздействие на совокупную

ТАБЛИЦА 8.5.
Экономический рост в Западной Европе в 1900–1938 гг.
(в % в год), согласно уравнению (4)

Страна	Накопление капитала	Общее число рабочих часов	СПФ	Рост ВВП
1900–1914				
Бельгия	1,08	0,50	–0,22	1,35
Дания	1,35	0,27	1,76	3,38
Финляндия	1,10	0,37	0,85	2,32
Франция	0,55	–0,15	0,60	1,00
Германия	1,30	0,35	–0,08	1,57
Италия	1,80	–0,37	1,86	3,30
Нидерланды	0,92	0,65	0,73	2,30
Норвегия	1,41	0,46	0,84	2,70
Испания	1,22	–0,48	0,80	1,53
Швеция	1,12	0,92	–0,08	1,96
Швейцария	1,01	0,52	0,37	1,90
Великобритания	0,65	0,60	0,21	1,46
1922–1929				
Бельгия	0,86	0,13	2,61	3,60
Дания	1,17	1,01	2,20	4,39
Финляндия	1,42	0,70	3,42	5,54
Франция	1,36	0,40	4,19	5,95
Германия	0,56	–1,72	5,22	4,06
Италия	2,40	0,01	1,00	3,41
Нидерланды	0,95	1,14	2,50	4,59
Норвегия	0,98	–0,04	3,72	4,67
Испания	1,95	0,27	1,45	3,68
Швеция	1,22	2,00	1,78	5,00
Швейцария	0,83	0,18	4,56	5,57
Великобритания	1,53	0,88	0,72	3,13
1922–1929				
Бельгия	0,86	0,13	2,61	3,60
Дания	1,17	1,01	2,20	4,39
Финляндия	1,42	0,70	3,42	5,54
Франция	1,36	0,40	4,19	5,95
Германия	0,56	–1,72	5,22	4,06
Италия	2,40	0,01	1,00	3,41
Нидерланды	0,95	1,14	2,50	4,59

Страна	Накопление капитала	Общее число рабочих часов	СПФ	Рост ВВП
Норвегия	0,98	-0,04	3,72	4,67
Испания	1,95	0,27	1,45	3,68
Швеция	1,22	2,00	1,78	5,00
Швейцария	0,83	0,18	4,56	5,57
Великобритания	1,53	0,88	0,72	3,13
1929–1938				
Бельгия	0,30	-1,06	0,72	-0,04
Дания	0,91	1,18	0,12	2,20
Финляндия	0,97	1,05	1,80	3,83
Франция	0,53	-2,23	1,30	-0,40
Германия	0,40	0,55	2,01	2,96
Италия	1,12	-0,44	0,88	1,55
Нидерланды	0,37	0,12	-0,17	0,33
Норвегия	1,62	0,24	1,24	3,10
Испания	0,83	-0,29	-4,31	-3,78
Швеция	1,34	-0,14	1,35	2,55
Швейцария	0,31	-0,49	0,74	0,56
Великобритания	1,35	0,73	-0,20	1,88
1922–1938				
Бельгия	0,56	-0,50	1,61	1,68
Дания	1,03	1,10	1,10	3,23
Финляндия	1,18	0,89	2,56	4,63
Франция	0,92	-0,99	2,66	2,59
Германия	0,48	-0,52	3,52	3,48
Италия	1,72	-0,23	0,94	2,43
Нидерланды	0,65	0,60	1,09	2,33
Норвегия	1,32	0,11	2,41	3,84
Испания	1,36	-0,03	-1,60	-0,27
Швеция	1,28	0,87	1,55	3,70
Швейцария	0,55	-0,17	2,54	2,92
Великобритания	1,44	0,80	0,23	2,47

Доли капитала для отдельных стран (в порядке их расстановки в таблице, из Madsen 2007): 0,37; 0,37; 0,33; 0,38; 0,40; 0,38; 0,32; 0,47; 0,35; 0,33; 0,33; 0,44.

ТАБЛИЦА 8.6.

Компоненты роста производительности труда в Западной Европе в 1900–1938 гг. (в % в год), согласно уравнению (5)

Страна	Повышение капиталоемкости	СПФ	Производительность труда (отношение ВВП к общ. кол-ву рабочих часов)
1900–1914			
Бельгия	0,78	–0,22	0,56
Дания	1,19	1,76	2,95
Финляндия	0,92	0,85	1,77
Франция	0,64	0,6	1,23
Германия	1,07	–0,08	0,98
Италия	2,02	1,86	3,89
Нидерланды	0,61	0,73	1,35
Норвегия	1	0,84	1,84
Испания	1,48	0,8	2,28
Швеция	0,66	–0,08	0,58
Швейцария	0,75	0,37	1,12
Великобритания	0,18	0,21	0,39
1922–1929			
Бельгия	0,78	2,61	3,39
Дания	0,59	2,2	2,79
Финляндия	1,08	3,42	4,49
Франция	1,11	4,19	5,3
Германия	1,69	5,22	6,91
Италия	2,4	1	3,4
Нидерланды	0,41	2,5	2,91
Норвегия	1,02	3,72	4,74
Испания	0,8	1,45	3,25
Швеция	0,22	1,78	2
Швейцария	0,74	4,56	5,3
Великобритания	0,85	0,72	1,57
1929–1938			
Бельгия	0,93	0,72	1,65
Дания	0,23	0,12	0,34
Финляндия	0,45	1,8	2,25
Франция	1,9	1,3	3,2
Германия	0,04	2,01	2,05
Италия	1,38	0,88	2,26

Страна	Повышение капиталоемкости	СПФ	Производительность труда (отношение ВВП к общ. кол-ву рабочих часов)
Нидерланды	0,32	-0,17	0,15
Норвегия	1,41	1,24	2,65
Испания	0,99	-4,31	-3,32
Швеция	1,41	1,35	2,76
Швейцария	0,55	0,74	1,29
Великобритания	0,78	-0,20	0,58
.....			
1922–1938			
Бельгия	0,86	1,61	2,47
Дания	0,4	1,1	1,5
Финляндия	0,75	2,56	3,31
Франция	1,53	2,66	4,19
Германия	0,82	3,52	4,34
Италия	1,86	0,94	2,8
Нидерланды	0,36	1,09	1,45
Норвегия	1,23	2,41	3,63
Испания	1,37	-1,60	-0,23
Швеция	0,85	1,55	2,4
Швейцария	0,64	2,54	3,17
Великобритания	0,82	0,23	1,05

Доли капитала для отдельных стран (в порядке их расстановки в таблице, из Madsen 2007): 0,37; 0,37; 0,33; 0,38; 0,40; 0,38; 0,32; 0,47; 0,35; 0,33; 0,33; 0,44.

производительность труда вследствие того факта, что производительность труда в промышленности и в сфере услуг была выше, чем в сельском хозяйстве (см.: Broadberry 1997 и главу 3 данного тома). Кроме того, эти процессы влекли за собой изменения в географическом распределении экономической активности по Европе — например, благодаря тому, что более доступная энергия и новые средства транспорта позволяли осуществлять прибыльную индустриальную экспансию в сельских регионах с их дешевой рабочей силой. Интересный пример этого явления — на-

ТАБЛИЦА 8.7.

Производство и использование автомобилей в четырех крупнейших европейских экономиках, 1923–1949 гг.

	Пассажирские автомобили (на 1000 чел.)		Коммерческие автомобили (на 1000 чел.)	
	Произведено	В использовании	Произведено	В использовании
Великобритания				
1923	71	384	24	259
1929	182	981	57	428
1938	341	1944	104	583
1949	412	1961	218	896
Германия				
1923	31	98,6	9	53,5
1929	117	422	39	155
1938	277	1272	65	384
1949 (ФРГ)	104	352	58	329
Франция				
1923	—	294	—	155
1929	211	930	42	366
1938	200	1818	27	451
1949	188	1200*	98	750*
Италия				
1923	—	53,8	—	24,5
1929	—	170	—	52,7
1938	59	289	8	83,6
1949	65	267	21	214

* Оценка авторов.

Источники: Svennilson 1954; Mitchell 2003.

ТАБЛИЦА 8.8.

Производство электроэнергии в Европе и США
в 1922–1950 гг., млрд кВт/ч

Год	Европа			США		
	ГЭС	ТЭС	Всего	ГЭС	ТЭС	Всего
1922	24,5	36,0	60,5	21,3	39,9	61,2
1929	43,7	70,3	114,0	—	—	116,7
1937	65,3	106,2	171,5	48,3	98,2	146,5
1950	112,1	189,1	301,2	101,0	287,7	388,7

Источник: Svennilson 1954.

чавшееся в 1920-е гг. превращение Баварии из отсталой сельской экономики в ведущий индустриальный регион Европы (Salin 1928). Задним числом мы знаем, что электрификация и моторизация создавали колоссальные экономические возможности, в течение следующих десятилетий преобразовавшие все области и регионы Европы.

Роль провалов координации

Некоторые изменения, происходившие в 1920-е гг., опирались на экономическую политику. Большинство европейских правительств после Первой мировой войны осознавало необходимость перестроить экономику своих стран в соответствии с условиями мирного времени и создать для отечественной индустрии возможность догнать лидеров в сфере технологии. Уже в начале 1920-х гг. стали появляться первые «корпоратистские» организации — такие, как германские Zentral-Arbeitsgemeinschaft (ZAG), призванная содействовать экономическому возрождению страны посредством новых правил заключения коллективных договоров, и Reichskuratorium für Wirtschaftlichkeit (RKW), целью которой было ускорение технических и организационных изменений в масштабах всей немецкой экономики (Shearer 1997). Они обладали некоторым сходством с заключенными после Второй мировой войны «корпоративными договоренностями», которые называются в числе факторов, способствовавших реализации европейского экономического потенциала в период золотого века (см.: Eichengreen 1996а и главу 12 данного тома). В Восточной Европе, где доминирующим сектором экономики, как правило, оставалось сельское хозяйство, большинство правительств пыталось проводить политику, направленную на одновременное повышение производительности в сельском хозяйстве и на развитие промышленного сектора, но достигло лишь ограниченных успехов (см.: Aldcroft 2006). В международном плане 1920-е гг. ознаменовались многочисленными попытками трансграничной координации экономической политики, в первую очередь связанными с послевоенным положением Германии. В то время как уровень протекционистских тарифов после войны оставался высоким, произошедшая примерно к 1926 г. стабилизация большинства валют, фактическое установление золотовалютного стандарта в качестве международ-

ной валютной системы в 1928 г. и принятие в 1929 г. плана Янга с новыми условиями репарационных выплат и расчетов по военным долгам стали важными этапами на пути к полному выздоровлению международных рынков капитала. Однако вскоре стала очевидной непрочность этих международных соглашений.

Аналогично Европе, в США в конце 1920-х гг. наблюдался экономический бум, в значительной степени подпитывавшийся широкими перспективами экономического роста, открывавшимися с электрификацией и массовой моторизацией как внутри страны, так и за рубежом. Когда этому буму в октябре 1929 г. настал конец, европейская экономика под влиянием протекционизма и экономического национализма раскололась по линиям разлома, проявившимся намного раньше. Некоторые европейские страны поспешно отказались от золотовалютного стандарта в пользу валютных соглашений со своими главными торговыми партнерами, в то время как остальные страшились возвращения к гиперинфляции начала 1920-х гг. (см.: Wolf 2008). Лондонская валютная и экономическая конференция, проводившаяся с целью координации политического ответа на экономический кризис, не сумела предотвратить продолжавшуюся фрагментацию европейской экономики — процесс, выражением которого служило сползание Германии к автаркии (см. главу 7 данного тома). Подобные тенденции в экономической политике препятствовали дальнейшим структурным изменениям, ограничивали мобильность капитала и труда и существенно замедлили распространение новых технологий (Madson 2007).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попробуем резюмировать выводы относительно совокупного экономического роста в межвоенной Европе. Даже без учета разрушений, полученных в ходе двух мировых войн, двадцатилетний период относительного мира в Европе после 1918 г. можно характеризовать как эпоху упущенных возможностей. Европейская экономика продолжала развиваться, и импульс к этому развитию задавался несколькими источниками. Во-первых, для многих стран толчком к модернизации стала необходимость восстановления экономики после Первой мировой войны, хотя про-

цесс этим не ограничился. Новые государства Восточной Европы прикладывали серьезные усилия к модернизации своей экономики и поощряли переход к индустриализации, но достигли лишь ограниченных успехов. Во время войны — а в большинстве случаев еще до войны — появилось много новых технических возможностей, с начала 1920-х гг. распространявшихся по всей Европе, от региона к региону и от отрасли к отрасли. Среди множества инноваций данного периода наиболее важными являлись двигатель внутреннего сгорания и новые сферы применения электричества. Совместно они революционизировали источники механической энергии в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте, повышая уровень инвестиций и потребления энергии. Более того, многие европейские страны за последние десятилетия XIX в. накопили большие объемы человеческого капитала, который продолжал увеличиваться в межвоенные годы, о чем свидетельствует заметный рост уровня посещаемости начальных школ. Мы показали, что неоклассическая теория роста может быть полезной только при внесении в них поправок, учитывающих влияние институтов и политики. Мы обнаружили факты, свидетельствующие об (условной) конвергенции, а также о том, что уровень посещаемости начальных школ, равно как и инвестиционные условия, были важными факторами, аналогично тем широко наблюдавшимся в международном масштабе факторам, которые стояли за экономическим ростом после 1950 г. С точки зрения компонентов роста мы выяснили, что относительно серьезные экономические успехи 1920-х гг. главным образом обеспечивались возрастанием СПФ, которая, в свою очередь, могла быть связана с техническими и структурными изменениями. Однако обширный потенциал, создававшийся этими разнообразными источниками роста, плохо использовался вследствие неспособности скоординировать экономическую политику, особенно в 1930-е гг. Конфликт по поводу перераспределения экономической и политической власти после Первой мировой войны замедлил инвестиции и привел к непродуктивному использованию ресурсов в ходе подготовки к очередному вооруженному конфликту. Крайне необходимая трансграничная координация экономической политики во многих случаях оказалась безуспешной, что привело к росту протекционизма и фрагментации рынков труда и капитала, предотвратившей эффективное распределение ресурсов

по континенту. На протяжении 1930-х гг. экономическая политика становилась все более автаркичной, препятствуя дальнейшим структурным изменениям и значительно замедлив обмен технологиями как в Европе, так и между Европой и технологическим лидером — США. Как только эти политические препятствия к росту были устранены, Европа получила возможность вступить в золотой век экономического роста.

ГЛАВА 9

Развитие по секторам
экономики в 1914–1945 гг.

ЭРИК БУЙСТ
ПЁТР ФРАНАЧЕК

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ·	291
Важнейшие структурные изменения ·	292
Сельское хозяйство ·	294
Промышленность ·	303
Сфера услуг ·	316

ВВЕДЕНИЕ

В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ относительной макроэкономической стабильности периода до 1913 г. эпоха 1914–1945 гг. стала временем тяжелых потрясений. Первая мировая война не только сопровождалась крупномасштабными разрушениями и опустошениями, но и переопределила роль государства в экономической жизни. Хотя административно-командная экономика, созданная во многих европейских странах во время войны, была в основном демонтирована после заключения перемирия, ею был задан вектор в сторону более националистической экономической политики, сохранявшийся в последующие десятилетия. Возникновение в Восточной Европе десятка независимых государств на руинах Габсбургской и Российской империй только усугубило ситуацию. Параллельно этому существенно возросло число отдельных валют и таможенных единиц, в то время как занявший место Российской империи Советский Союз изолировал себя от остального мира. Фрагментация Европы резко контрастировала с обширным однородным внутренним рынком в США, дававшим американским корпорациям невиданные преимущества при освоении массовых методов в промышленности и в сфере услуг.

В первой половине 1920-х гг. многие страны Европы столкнулись с проблемой колоссального долга, валютным хаосом и волнами инфляции и дефляции. Экономические бури, в сочетании с социальными и политическими потрясениями, стимулировали поворот к закрытой экономической политике. После недолгого периода относительной стабильности в конце 1920-х гг. началась Великая депрессия. Массовая безработица, расстройство валютной системы и опустошительные финансовые кризисы укрепили общую тенденцию к экономическому национализму и даже автаркии. Экономическая дезинтеграция Европы в конечном счете вымостила путь к новой мировой войне.

ВАЖНЕЙШИЕ СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

В табл. 9.1 приводится обзор распределения рабочей силы в большинстве европейских стран по трем традиционным секторам — сельскому хозяйству, промышленности и сфере услуг — приблизительно с 1913 по 1950 г. К этим цифрам следует относиться с осторожностью вследствие изменения границ, различной классификации более мелких секторов в разные моменты времени и в разных странах и непоследовательного учета женского труда. Данные по России/СССР не приводятся ввиду их малочисленности и недостаточной сопоставимости в хронологическом плане.

Несмотря на ряд мощных макроэкономических потрясений, наблюдавшихся в рассматриваемый период, процесс структурных изменений, освещавшийся в главе 3 данного тома, продолжался почти беспрепятственно. Доля занятых в сельском хозяйстве в целом по Европе сократилась еще сильнее — примерно с 47% в 1913 г. до 36% в 1950 г. Относительное положение большинства стран не сильно изменилось с течением времени. В Великобритании, Бельгии и Швейцарии сельскохозяйственный сектор по-прежнему занимал намного меньше места, чем в остальной Европе. Другую крайность представляли собой Балканские страны, где даже в 1950 г. более $\frac{2}{3}$ рабочей силы было занято в сельском хозяйстве. Более того, на Балканах абсолютная численность людей, занятых в сельском хозяйстве, возрастала вплоть до 1930-х гг.

Доля занятых в промышленности продолжала расти, и к 1950 г. занятость во вторичном секторе примерно равнялась занятости в сельском хозяйстве. Однако скорость индустриализации значительно различалась от страны к стране. В северных странах доля вторичного сектора быстро возрастала, благодаря чему существенно сократился разрыв этих стран с «индустриальным ядром» — Великобританией, Бельгией, Швейцарией и Германией. В Восточной Европе некоторые страны развивались опережающими темпами, однако дистанция, отделявшая их от «ядра», оставалась очень большой. С другой стороны, во Франции, Австрии, Чехословакии и Греции доля промышленности застыла на одном уровне.

В наибольшей степени от относительного упадка сельского хозяйства в Европе выиграл сектор услуг. Некоторые страны явно не следовали по пути, указанному в знаменитых работах Колина Кларка (Clark 1951). Автор

ТАБЛИЦА 9.1.

Распределение рабочей силы по основным секторам в 1913–1950 гг., %

Страна	С/хозяйство			Промышленность			Услуги		
	Ок. 1913	Ок. 1930	Ок. 1950	Ок. 1913	Ок. 1930	Ок. 1950	Ок. 1913	Ок. 1930	Ок. 1950
Сев.-Зап. Европа	22,5	17,7	13,4	39,3	40,6	44,2	38,2	41,7	42,4
Бельгия	23,2	17,7	12,5	45,6	46,4	48,7	31,3	35,9	38,8
Дания	43,1	35,8	25,4	25,0	27,5	33,7	31,9	36,7	40,9
Финляндия	78,5	69,8	46,6	12,0	15,9	28,1	9,5	14,4	25,3
Ирландия	47,5	45,0	33,1	25,5	22,8	30,7	27,1	32,2	36,2
Нидерланды	28,6	20,8	19,6	33,1	36,8	37,4	38,3	42,3	43,0
Норвегия	40,0	35,6	26,1	26,2	26,6	36,6	33,8	37,8	37,3
Швеция	48,3	36,3	20,5	26,9	32,3	41,1	24,8	31,5	38,4
Великобритания	10,2	6,0	5,1	45,1	46,5	49,1	44,7	47,5	45,8
Южная Европа	50,8	43,1	40,7	27,6	29,8	30,2	21,5	27,2	29,1
Франция	41,0	35,6	31,8	33,1	33,3	32,8	25,9	31,1	35,3
Греция	57,1	61,1	51,3	18,7	18,0	20,7	24,2	20,9	28,0
Италия	55,7	46,8	42,2	26,8	30,8	32,1	17,5	22,4	25,7
Португалия	57,4	52,1	48,5	21,9	19,2	25,1	20,7	28,7	26,5
Испания	66,6	45,5	49,6	16,3	26,5	25,5	17,0	28,0	24,9
Центр. и Вост. Европа	54,6	50,1	43,4	27,5	27,8	32,3	17,9	22,0	24,3
Австрия*	36,0	33,5	32,9	37,5	32,8	37,1	26,6	33,7	30,0
Болгария	82,4	81,9	77,4	8,1	8,2	10,5	9,4	9,9	12,1
Чехословакия*	40,9	37,5	37,8	37,4	37,7	37,5	21,7	24,8	24,7
Германия	37,1	29,0	21,0	41,2	40,4	45,8	21,8	30,6	33,1
Венгрия*	59,7	54,8	47,8	20,2	24,9	29,8	20,1	20,3	22,4
Польша*	77,5	67,3	57,6	9,6	17,5	23,1	13,0	15,2	19,3
Румыния	80,0	80,7	70,1	8,1	9,3	16,8	12,0	10,0	13,1
Швейцария	26,9	21,3	16,6	45,9	45,0	47,0	27,2	33,7	36,4
Югославия*	82,2	79,7	66,9	11,0	11,2	18,2	6,7	9,0	14,9
ЕВРОПА	46,6	41,0	35,7	30,0	31,2	34,3	23,4	27,8	30,0

* 1920 г.

Источники: Mitchell 2003; Prados de la Escosura 2003.

утверждал, что современный экономический рост включает следующие этапы: сначала сельскохозяйственное общество превращается в индустриальную экономику, а затем происходит сдвиг в сторону сферы услуг. «Индустриальное ядро» Европы действительно прошло через эти этапы, однако Нидерланды стали первым исключением из дан-

ного правила. В 1913–1950 гг. значительная часть рабочей силы в Дании, Франции и Греции также перешла из сельского хозяйства непосредственно в третичный сектор.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Общие тенденции

Анализ европейского сельскохозяйственного производства в 1914–1945 гг. позволяет выделить три четких периода с разным уровнем развития растениеводства и животноводства, отражающих политическую обстановку и мировую экономическую ситуацию. Первый период включает годы Первой мировой войны. Второй охватывает межвоенные годы, включая 1920-е гг., Великую депрессию и последующее восстановление, завершившееся к концу 1930-х гг. Третий период соответствует Второй мировой войне. Площадь, занятая посевами и древесными сельскохозяйственными культурами, в 1910–1938 гг. застыла в Европе на одном уровне, составляя около 149,5 млн га. При этом площадь пастбищ сократилась на 0,6 млн га — с 82,1 до 81,5 млн га. поголовье крупного рогатого скота с 1913 по 1937 г. возросло с 93,3 до 104,3 млн голов, численность свиней — с 65,9 до 79,9 млн, численность овец и коз — с 112,5 до 138,7 млн (Federico 2005).

Темп изменения объемов валовой продукции с 1913 по 1938 г. демонстрирует, что сельскохозяйственное производство возрастало в Северо-Западной Европе быстрее, чем на юге и востоке материка (табл. 9.2). В то же время цены на сельскохозяйственную продукцию в среднем снизились на 32%. В 1930 г. численность сельскохозяйственной рабочей силы в Европе составляла около 63 млн человек. Однако как число работников, так и доля трудящегося населения, занятого в сельском хозяйстве, существенно различались от страны к стране (см. табл. 9.1). Наблюдались и значительные различия в средней площади земли на одного работника (табл. 9.3): в некоторых европейских странах в межвоенный период она оставалась приблизительно на одном уровне или даже снижалась, но при этом возросла в Великобритании (на 0,74 га) и Швеции (на 0,40 га). Среднегодовой темп роста совокупной производительности факторов (СПФ) за период 1910–1940 гг. составлял 1,16% (Federico 2005 и табл. 9.4).

ТАБЛИЦА 9.2.
Сельскохозяйственное производство в Европе
(1913 г. = 100)

Год	Европа	Сев.-Зап. Европа	Южная Европа	Восточная Европа
1920	75,5	80,4	97,9	59,3
1921	75,3	82,3	96,1	57,1
1922	81,4	86,4	101,8	66,0
1923	84,9	86,4	105,9	73,4
1924	87,0	90,1	102,2	76,4
1925	95,7	93,0	111,5	91,8
1926	94,6	88,8	108,0	95,7
1927	100,6	98,2	108,5	99,8
1928	103,3	101,6	107,0	103,5
1929	108,4	104,9	117,2	108,8
1930	104,1	102,8	104,2	105,7
1931	104,8	107,5	109,5	99,3
1932	102,6	105,6	120,2	90,9
1933	106,5	114,3	109,5	95,5
1934	106,5	114,4	111,0	94,8
1935	107,3	110,4	115,1	100,0
1936	102,7	112,5	94,2	94,5
1937	111,6	108,1	107,2	117,9
1938	112,6	116,0	106,4	111,2

Источник: Federico 2005.

ТАБЛИЦА 9.3.
Площадь земли, приходящаяся
на одного работника, га

Страна	1910	1938
Бельгия	1,88	1,69
Дания	5,80	4,82
Франция	3,84	3,80
Германия	2,50	2,22
Италия	1,41	1,44
Нидерланды	3,09	1,67
Португалия	2,91	2,46
Испания	4,34	4,10
Швеция	3,40	3,80
Великобритания и Ирландия	4,47	5,21

Источник: Federico 2005.

ТАБЛИЦА 9.4.
Темпы роста
совокупной производи-
тельности факторов
в некоторых странах
Европы (1910–1938)

Бельгия	0,96
Германия	0,64
Ирландия	1,55
Италия	0,42
Испания	1,11
Великобритания и Ирландия	1,17

Источник: Federico 2005.

Первая мировая война

По мере продолжения Первой мировой войны ее характер и масштаб влекли за собой глубокие изменения в европейском сельском хозяйстве. Военная мобилизация и реквизиция лошадей не компенсировались механизацией, поскольку промышленные мощности использовались для производства вооружения. По той же причине химические предприятия сократили выпуск искусственных удобрений, которые, ввиду снижения поголовья скота, было невозможно в полной мере заменить естественными удобрениями. Боевые действия сопровождались массовым уничтожением сельскохозяйственных угодий, гибелью скота, разрушением сельских построек. Все эти факторы привели к снижению площади сельскохозяйственных земель и к сокращению объемов сельскохозяйственного производства (рис. 9.1 и 9.2). Вследствие этого сельскохозяйственная продукция быстро возрастала в цене, что, однако, не помогло восстановить баланс на рынке. Сами по себе военные действия сопровождались упадком сельского хозяйства в затронутых ими странах (Broadberry and Harrison 2005b).

Столкнувшись с невозможностью в условиях войны восполнить дефицит продовольствия импортом, большинство государств активно прибегало к интервенционистским мерам. Инструменты сельскохозяйственной политики, эффективные в мирное время, во время войны оказались совершенно непригодными. Соответственно, власти пытались регулировать цены на продовольствие административными методами, вводя рационирование и государственную монополию. В Германии к концу 1914 г. были установлены фиксированные оптовые цены на зерно; ради их поддержания правительство прибегло к реквизициям. На следующий год в стране была введена государственная монополия на зерно, картофель и корм для скота. Вследствие продолжавшегося дефицита продовольствия и роста спекуляции правительство ввело рационирование потребительских товаров, с заменой некоторых из них суррогатами. В какой-то степени продовольственные проблемы Германии ослаблялись за счет ограбления села на оккупированных восточных территориях.

Аналогично, во Франции в 1915 и 1916 гг. правительство оставило за собой право контролировать цены на сельскохозяйственную продукцию наряду с правом производить

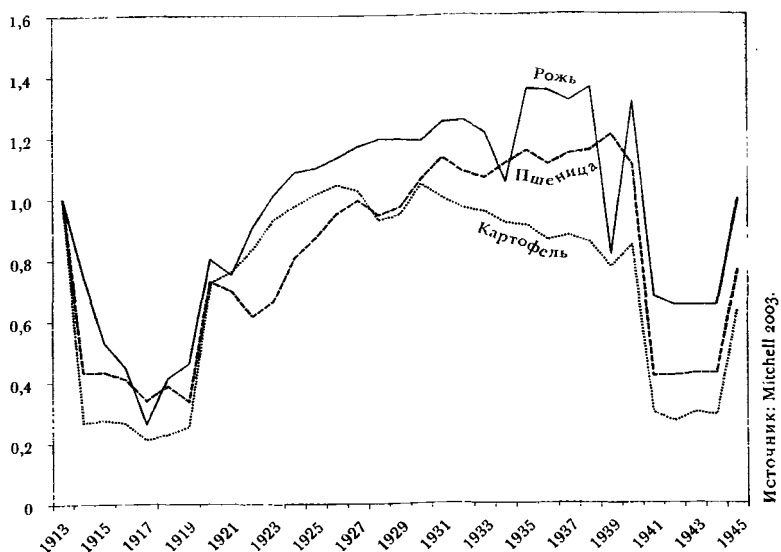

РИС. 9.1.
Площадь посевов ржи, пшеницы и картофеля
в Европе в 1913–1945 гг. (1913 г. = 1)

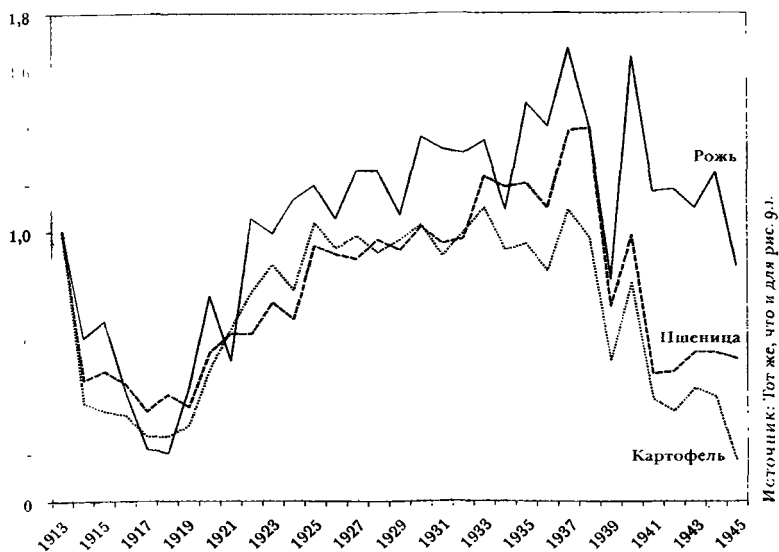

РИС. 9.2.
Производство ржи, пшеницы и картофеля
в Европе в 1913–1945 гг. (1913 г. = 1)

конфискации зерна и муки. В 1917 г. было введено рационирование хлебопродуктов и сахара, а также учреждены три «постных» дня в неделю. Британское правительство стимулировало отечественное сельскохозяйственное производство, расширяя площадь обрабатываемых земель (например, путем превращения садов в поля, занятые посевами зерновых культур) и принимая меры по повышению урожайности. Эта политика дополнялась повышением официальных цен на сельскохозяйственную продукцию. В апреле 1917 г. был принят закон, гарантирующий минимальные цены на сельскохозяйственную продукцию и минимальную заработную плату в сельском хозяйстве. Кроме того, государство поддерживало фермеров, снабжая их искусственными удобрениями, техникой и скотом. Приняв эти меры, правительство сумело пресечь чрезмерный рост цен и спекуляцию.

В гораздо худшем положении находилось сельское хозяйство в Восточной Европе. Мобилизация 7,5 млн мужчин в России резко уменьшила производственные возможности аграрного сектора с учетом низкого уровня его механизации. Площадь посевов в стране сократилась с 93,5 млн га в 1913 г. до 78 млн га в 1917 г., когда немецкие войска захватили обширные российские территории. Снизилось поголовье крупного рогатого скота и овец, хотя численность свиней возросла от 15,8 млн в 1913 г. до 19,3 млн в 1917 г. (Antisferov 1930).

Межвоенный период

После окончания Первой мировой войны почти вся Европа была охвачена голодом. Все страны страдали от нехватки продовольствия, притом что потребность в нем была огромной. Сельские регионы, непосредственно затронутые войной, были опустошены. Строения лежали в руинах, техника пришла в негодность, поля были сожжены. Не хватало крупного рогатого скота, свиней, лошадей. На обширных территориях средняя урожайность снизилась из-за небрежной обработки земли в военное время. Серьезной проблемой являлась структура землевладения, особенно неблагоприятная в Восточной и Южной Европе. Именно поэтому были проведены земельные реформы, направленные на устранение существовавших диспропорций в землевладении. Влияние таких реформ на произво-

дительность сильно различалось от страны к стране. Так или иначе, через несколько лет после завершения военных действий сельское хозяйство в Европе было восстановлено.

В результате дефицита сельскохозяйственной продукции в Европе значительное снижение цен на продовольствие, наблюдавшееся во многих частях света в 1920–1921 гг., оказалось здесь менее заметным. Более того, позитивные тенденции в мировом сельском хозяйстве после 1922 г. помогли восстановить прибыльность производства продовольствия в Европе. Однако на следующий год европейское производство еще не вернулось к довоенному уровню. Сбор ржи был ниже довоенного на 25%, пшеницы на 15%, ячменя на 22% и овса на 11% (см. рис. 9.2). Довоенный уровень производства был достигнут лишь в 1923–1924 гг. (Federico 2004). В последующие годы он возрастал, вплоть до второй половины 1920-х гг. сопровождаясь аналогичной тенденцией в промышленности. При этом производство сельскохозяйственного сырья для промышленности росло намного быстрее, чем производство потребительской продукции. Это не относилось только к сильно возросшему производству пшеницы. Одной из причин этого был уход с рынка крупнейшего экспортера зерна — довоенной России. Американцы попытались воспользоваться ситуацией, в больших объемах экспортируя зерно в Европу. Также значительно увеличилось производство пшеницы в некоторых европейских странах, включая Венгрию, Румынию, Югославию и Болгарию. Поначалу этот процесс совпадал с ростом цен на сельскохозяйственную продукцию. Однако со временем возросшее предложение превысило ожидавшийся спрос. В некоторых странах, особенно в наиболее богатых, спрос на зерно снижался в результате изменения структуры потребления и сокращения доли хлеба в рационе. Пытаясь не допустить снижения доходов, производители наращивали объемы производства. Естественно, это привело к перепроизводству, вызвавшему падение цен в середине 1920-х гг. В 1927–1929 гг. цены на зерно снизились в Варшаве на 17%, в Берлине на 14%, в Париже на 8% и в Ливерпуле на 15%.

Одновременно сокращалась доля сельского хозяйства в ВВП. В Великобритании она составляла 6,3% в первой половине 1920-х гг., но к концу десятилетия снизилась до 3,6%. В Швеции за десять послевоенных лет доля сельского хозяйства уменьшилась с 13 до 11%. Однако в слабоиндустриализованных странах сельское хозяйство по-прежнему обеспечивало основную долю национальной продук-

ции. Например, в конце 1920-х гг. балтийские государства получали от сельского хозяйства до 80% своего ВВП, и эта цифра была еще выше на Балканах и в Румынии.

Межвоенный период ознаменовался возникновением совершенно новой экономической системы (включая новый тип сельского хозяйства), воплощением которой стала советская коммунистическая экономика. Большевики, захватив власть, осуществили перераспределение частных и церковных земельных владений в пользу мелких собственников и безземельного крестьянства. Примерно 11% земли было захвачено государством и около 3% было передано коллективным хозяйствам. Перед лицом колоссального экономического спада советское правительство в 1921 г. провозгласило новую экономическую политику (нэп). Ее элементы применительно к сельскому хозяйству включали отмену продразверстки — конфискации у крестьян всех плодов их труда — и введение вместо нее налога, первоначально выплачивавшегося натурой, а с 1924 г. — деньгами. Кроме того, сельскохозяйственные коммуны получали поддержку в виде техники и кредитов. Этот резкий поворот в политике (буквально за одну ночь) привел к попыткам восстановить российское сельское хозяйство и вновь наладить разорванные связи между сельским и городским рынками. Решив, что нэп сыграл свою роль, вымостив путь для дальнейшего успешного развития, правительство приступило к коллективизации, результатом которой стало сокращение сельскохозяйственного производства (Davies and Wheatcroft 2004).

Всемирный экономический кризис сопровождался резким спадом производства в аграрном секторе. Он был более масштабным и продолжался дольше, чем в промышленности, особенно больно ударив по аграрным странам Южной и Восточной Европы (Польше, Венгрии, Румынии, Италии), где депрессия продолжалась до 1935 г. Ситуация на мировом рынке продовольствия сколько-нибудь заметно улучшилась лишь во второй половине 1930-х гг. (Svennilson 1954).

Для сельского хозяйства в период Великой депрессии было характерно сохранение и даже рост объемов производства. В Западной Европе систематически увеличивалась площадь посевов пшеницы, сахарной свеклы и кормовых культур для нужд животноводства. В Центральной и Восточной Европе развитие сельского хозяйства шло гораздо медленнее. Если средний уровень сельско-

хозяйственного производства в Европе (без учета СССР) в 1925–1929 гг. принять равным 100, то к 1929 г. он поднялся до 108, а к 1933 г. — до 112. Разумеется, цифры для различных стран и отраслей производства различались. Рост объемов производства стал результатом быстрого снижения цен на сельскохозяйственную продукцию, поскольку фермеры пытались таким образом сохранить свои доходы и уровень жизни. Однако рост предложения неизбежно вызывал дальнейшее снижение цен. В результате при том же количестве проданной продукции фермер получал меньше денег по сравнению с предыдущим годом. Одним из самых ощутимых эффектов этой тенденции были стагнация и даже регресс методов хозяйствования — сокращалось использование искусственных удобрений, машины заменялись все более дешевым людским трудом. Бедственное состояние европейского села усугублялось тем фактом, что сельскохозяйственная продукция дешевела быстрее, чем промышленные товары: этот процесс иногда называют «ножницы цен». Для того чтобы приобретать промышленные товары в прежних объемах, платить налоги, рассчитаться по взятым ссудам, покупать страховку, фермер был вынужден продавать все больше своей продукции — порой в 2–3 раза больше, чем до кризиса. В рамках сельского хозяйства падение цен в растениеводстве началось раньше и было более резким, чем в животноводстве. По этой причине некоторые фермеры переключились на разведение скота (Feinstein, Temin, and Toniolo 1997).

В результате Великой депрессии крупные капиталистические фермы стали нерентабельными, поскольку издержки превышали ожидавшуюся прибыль. Урожай оставляли гнить на полях или уничтожали. Мелкие хозяйства, потреблявшие большую часть того, что сами производили, голодали, так как крестьянам приходилось продавать выращенное для уплаты налогов и покупки промышленных товаров. Эта ситуация во время Великой депрессии очень часто наблюдалась в Центральной и Восточной Европе, где разрыв между ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию возрастал особенно быстро. Многие фермы разорялись и переходили в руки кредиторов. В европейских аграрных странах этот процесс существенно ослабил внутренние рынки. Великая депрессия вызвала массовую безработицу на селе, что влекло за собой дальнейшее обнищание фермеров. Стало очевидно, что с бедностью села можно бороться лишь путем структурных изменений в экономике;

предлагавшиеся решения включали форсированную индустриализацию (в Польше такой попыткой стало создание Центрального промышленного района).

Ситуация на мировых продовольственных рынках заметно улучшилась в конце 1930-х гг. Покупательная способность сельского населения возрастала, однако цены на продовольствие росли медленнее, чем на промышленные товары. В 1934–1938 гг. среднегодовой объем продукции растениеводства в Европе (без учета СССР) составлял около 4,6 млрд долларов, в то время как объем продукции животноводства превышал 5,6 млрд долларов. На долю Европы в среднем приходилось около 30% мирового сельскохозяйственного производства. В те же годы объем продукции растениеводства в СССР достигал 2,85 млрд долларов, а объем продукции животноводства — около 1,2 млрд долларов.

В Европе примерно 98% общей сельскохозяйственной продукции составляло продовольствие. Высокий уровень производства наблюдался в западноевропейских странах (в Дании, Голландии, Бельгии, Великобритании и Германии), где урожайность пшеницы достигала 20–30 центнеров с гектара. Те же страны также использовали больше всего искусственных удобрений; при этом на всю Европу приходилось около 63% их мирового потребления.

Вторая мировая война

Во время Второй мировой войны германские власти в условиях нехватки продовольствия для армии и для населения Рейха сначала пытались обеспечить рост сельскохозяйственного производства. Они поощряли разведение технических культур и корнеплодов (даже за счет зерновых), а кроме того, поддерживали животноводство. Однако при резком росте спроса на продовольствие и неспособности промышленности удовлетворить потребности в сельскохозяйственной технике и искусственных удобрениях Германия с 1942 г. приступила к крупномасштабной хищнической эксплуатации завоеванных территорий. На них применялись безжалостные методы, включавшие конфискации, реквизиции и налоги. В то время как эта политика особенно решительно проводилась в Восточной Европе, ее пагубное влияние на сельское хозяйство ощущалось по всей Европе. Результатом стало снижение объемов производства. В то время как средняя урожайность пше-

ницы составляла во Франции во второй половине 1930-х гг. 15,6 центнера с гектара, к 1944 г. она снизилась на 2 центнера. Аналогично, в Чехословакии урожайность пшеницы сократилась с 17 до 13,3 центнера с гектара. В Австрии снижение урожайности составило 3 центнера. Тем не менее от года к году с покоренных территорий в Рейх отправлялось все больше и больше сельскохозяйственной продукции. Это достигалось главным образом путем сокращения потребления на завоеванных территориях, где вводилось рационирование продовольствия, запрещалась его свободная продажа на рынках и искусственно ограничивались доходы населения. В то время как в январе 1943 г. энергетическая ценность продовольственного рациона в Германии равнялась 1980 калориям, в Нидерландах она составляла 1765 калорий, в Бельгии — 1320 калорий, во Франции — 1080 калорий, а в генерал-губернаторстве (созданном на оккупированных польских территориях) — всего 855 калорий, в 2 с лишним раза меньше, чем в Германии (Harrison 1998a).

Великобритания была вынуждена развивать отечественное сельское хозяйство вследствие проблем с поставками продовольствия из-за рубежа: за годы войны сбор картофеля вырос в стране примерно на 80%, а зерна — на 90%. Кроме того, возрастал сбор фруктов и овощей в мелких садах и огородах. Хуже обстояло дело в животноводстве: поголовье крупного рогатого скота увеличилось, но в то же время нехватка кормов привела к снижению поголовья свиней. В целом, благодаря подобной политике, картофель и хлеб оставались в свободной продаже, а средний уровень потребления не слишком изменился по сравнению с довоенным временем. Что касается СССР, здесь в 1943 г. урожайность зерновых в совхозах и колхозах не превышала 4 центнеров с гектара. Хотя к 1945 г. урожайность возросла до 5,1 центнера в колхозах и 6,7 центнера в совхозах, это все равно составляло лишь около 60% от довоенного уровня.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Общая ситуация

В течение рассматриваемого периода промышленное производство в Европе в целом возрастало значительно медленнее, чем в десятилетия перед Первой мировой войной, однако имелись существенные региональные различия

ТАБЛИЦА 9.5.
Уровень индустриализации на душу населения
в 1913–1938 гг. (Великобритания в 1900 г. = 100)

Страна	1913	1928	1938
Северо-Западная Европа			
Бельгия	88	116	89
Дания	33	58	76
Финляндия	21	43	59
Ирландия	—	23	40
Нидерланды	28	61	61
Норвегия	31	48	76
Швеция	67	84	135
Великобритания	115	122	157
Южная Европа			
Франция	59	82	73
Греция	10	19	24
Италия	26	39	44
Португалия	14	18	19
Испания	22	28	23
Центральная и Восточная Европа			
Австрия		56	64
Болгария	10	11	19
Чехословакия		66	60
Германия	85	101	128
Венгрия	—	30	34
Польша	—	22	23
Румыния	13	11	11
Швейцария	87	90	88
Югославия	12	15	18
ЕВРОПА		76	94

Источник: Bairoch 1982.

(табл. 9.5). В странах Северной Европы и в Нидерландах, еще с конца XIX в., развивавшихся опережающими темпами по сравнению с «индустриальным ядром», сохранялись высокие темпы роста. С другой стороны, Бельгия и Швейцария — две небольшие страны, достигшие к 1913 г. высокого уровня индустриализации, — пребывали в относительной стагнации. Кроме того, невысокую динами-

ку демонстрировал промышленный сектор на Пиренейском полуострове и в некоторых странах Центральной и Восточной Европы, несмотря на низкий первоначальный уровень индустриализации на душу населения. Таким образом, в европейской промышленности в 1913–1938 гг. не наблюдалось заметной конвергенции. Она происходила лишь в Северо-Западной Европе.

Первая мировая война серьезно нарушила индустриальное развитие Европы в нескольких, зачастую взаимосвязанных, отношениях. Во-первых, военные потребности вызвали рост производства в металлургии, машиностроении, кораблестроении и химической отрасли. После окончания войны не все из возросших производственных мощностей оказались востребованы рынком. Вскоре после заключения перемирия проблема избыточных производственных мощностей дополнительно обострилась из-за того, что Франция и Бельгия решили восстанавливать свою разрушенную сталеплавильную и машиностроительную промышленность в еще больших масштабах.

Во-вторых, в течение войны ненасытный спрос на военные нужды и транспортные проблемы мешали воюющим европейским странам продолжать в прежних объемах поставки на традиционные экспортные рынки. Эти трудности подталкивали нейтральные европейские государства и некоторые наиболее развитые страны в других частях света (такие, как Австралия, Канада и Южно-Африканский союз) к политике замещения импорта. Более того, США и Япония воспользовались возможностью для того, чтобы увеличить продажи в Азии и Латинской Америке. Соответственно, после войны участвовавшие в ней европейские страны столкнулись со снижением возможностей для экспорта, что нередко приводило к дисбалансу в структуре торговли (Wrigley 2000; Broadberry and Harrison 2005a). Неудивительно, что в подобных обстоятельствах стали громче раздаваться призывы к протекционизму.

Помимо этих неблагоприятных структурных элементов, на состоянии европейской промышленности в течение почти всех 1920-х гг. серьезно сказывались последствия войны и различия в валютной политике. Военные лишения и массовые социально-политические волнения погрузили побежденные нации (Германию, Австрию и Венгрию) в глубокий послевоенный кризис. Инфляция обеспечила быстрое, но недолгое экономическое возрождение, поскольку цены вскоре вышли из-под контро-

ля. С утратой деньгами своей важнейшей функции промышленный сектор снова стал жертвой острой рецессии. Во второй половине 1920-х гг. опять начался процесс выздоровления. В течение этого периода Германия сумела осуществить впечатляющую рационализацию производства в сталеплавильной, машиностроительной и химической отраслях. К несчастью, эти усилия в значительной степени финансировались за счет чрезмерного роста внешнего долга (Ritschl 2002a).

Австрия и Венгрия продолжали бороться с пагубными последствиями краха Габсбургской империи в условиях все большего протекционизма. Однако пример Чехословакии демонстрирует, что эта аргументация применима не во всех случаях. После некоторых первоначальных трудностей Чехословакия добилась едва ли не самых впечатляющих темпов роста промышленного производства во всей Европе. Безусловно, в состав этого нового государства вошли наиболее индустриализованные регионы бывшей Габсбургской империи, но тем не менее это была страна, не имевшая выхода к морю и окруженная по большей части не слишком дружественными соседями. Важную роль в развитии Чехословакии сыграли новаторские производственные технологии, примером чему служит история успеха обувной фирмы «Бата». К 1928 г. она стала мировым лидером в своей отрасли благодаря американским методам массового производства, вертикальной интеграции и современной политике социального обеспечения (Teichova 1988).

Индустриализации на Балканах способствовала общая тенденция к замещению импорта. Обратной стороной монеты при этом являлось дублирование производственных мощностей и отсутствие экономии за счет масштаба, вследствие чего многие компании могли выжить лишь благодаря высоким таможенным тарифам. В некоторых странах ремесленное производство росло быстрее, чем промышленное. Интересным исключением служил ориентированный на экспорт нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий сектор в Румынии, однако он оставался анклавом современной промышленности в отсталой стране. Во всех других странах доминировала пищевая и текстильная промышленность. По стратегическим соображениям власти нередко финансировали химическую, машиностроительную и металлургическую промышленность. Югославия значительно увеличила добычу меди, свинца, цинка и хрома (Berend 2006).

Во Франции и Бельгии, находившихся в числе победителей, уровень промышленного производства в 1920 г. тем не менее был низким вследствие того, что в ходе войны их основные промышленные мощности были разрушены или разобраны. Однако реконструкция осуществлялась быстрыми темпами, и уже к 1924 г. промышленное производство в этих странах превзошло довоенный уровень. Экономическому росту способствовало и то, что обе эти страны, как и Италия, не решались прибегать к жестким дефляционным мерам с целью восстановить довоенный паритет. Непрерывный инфляционный процесс подрывал доверие к их валютам, чей обменный курс в ряде случаев снижался даже быстрее, чем возрастали внутренние цены. Французские, бельгийские и итальянские экспортеры эксплуатировали соответствующую слабость своих валют двумя способами. Во-первых, они увеличивали свою долю на рынке, производя продажи по ценам, несколько пониженным по сравнению с международными (обычно выражавшимися в американских долларах или в фунтах стерлингов). Во-вторых, они получали прибыль за счет того, что отечественные цены на факторы производства изменялись с запазданием по отношению к международным.

Валютная стабилизация стала в 1926 г. началом конца экономического роста, опиравшегося на экспорт. Хотя и французский, и бельгийский франк были привязаны к золотому стандарту на уровне, не достигавшем их паритета покупательной способности, предприниматели поняли, что время легких прибылей заканчивается. Крупные прибыли начала 1920-х гг. были использованы ими для крупномасштабных инвестиционных программ, направленных на модернизацию заводов и оборудования. Особенно быстро развивалось производство средств производства (Buyst 2004; Dormois 2004). Куда менее значительными были в конце 1920-х гг. успехи Италии, поскольку Муссолини установил обменный курс лиры на сильно завышенном уровне (Cohen and Federico 2000).

Нейтральные и те воевавшие страны, которые во время войны избежали крупномасштабных разрушений (Великобритания и Италия), вступили в 1920-е гг., в целом имея по крайней мере не менее высокий уровень промышленного производства, чем в 1913 г. Несмотря на эти благоприятные начальные условия, Великобритания, Дания и Норвегия в течение почти всех 1920-х гг. не сумели достичь высоких темпов роста. Они прибегали к жестким

дефляционным мерам, целью которых было скорейшее восстановление «нормального состояния» — возвращение к золотому стандарту на условиях довоенного паритета. Однако высокие налоги и низкая доступность кредитов ограничивали внутренний спрос, в то время как завышенный курс валюты подрывал международную конкурентоспособность. Наконец, ценовая дефляция вела к возрастанию долгового бремени и государства, и корпораций.

Тем не менее нельзя возлагать вину на одну лишь валютную политику. Нидерланды и Швеция также прибегали к дефляции, однако в конце 1920-х гг. добились впечатляющих темпов роста в промышленном секторе. Многие зависело от структурных особенностей экономики и от ее гибкости. Обе эти страны успешно развивали новые отрасли — такие, как электротехника и производство искусственного волокна (Нидерланды), и машиностроение и товары длительного пользования (Швеция). Великобритания, с другой стороны, столкнулась с неблагоприятными структурными явлениями. Ввиду ранней индустриализации британская промышленность сохраняла высокую степень специализации, будучи ориентирована на производство хлопчатобумажных тканей, добычу угля, выплавку чугуна и стали и кораблестроение. Более того, очень большая доля продукции этих отраслей шла на экспорт, что делало Великобританию особенно уязвимой для изменений на международном рынке. В этих условиях стагнация спроса, замещение импорта на традиционных рынках (Индия, материковая Европа) и растущая конкуренция со стороны США и Японии нанесли тяжелый удар по традиционным британским отраслям. В результате сохранялась хронически высокая безработица, которая, в свою очередь, порождала социальную нестабильность и препятствовала структурным изменениям (Maizels 1965; Broadberry 1997).

По очевидным причинам новое государство — Советский Союз представлял собой особый случай. В 1920 г. промышленное производство в результате особенно опустошительной гражданской войны практически прекратилось. Политика военного коммунизма означала не только жесткий государственный контроль над экономикой, но и национализацию ключевых производственных секторов. После того как антикоммунистические силы были разгромлены, Ленин вернул предпринимателям — особенно в легких отраслях — известную независимость. Хотя

эта новая экономическая политика оказалась успешной, в 1928 г. Сталин резко изменил политический курс. Он приступил к осуществлению пятилетних программ экономического развития, основанных на центральном планировании, полной национализации, самодостаточности и форсированной индустриализации. Ускорение темпов роста в машиностроении и тяжелой индустрии осуществлялось за счет изъятия излишков сельхозпродукции и принудительных займов (Allen 2003).

Во время Великой депрессии во всех европейских странах, кроме Советского Союза, наблюдалось значительное сокращение промышленного производства. Германия, несомненно, находилась в числе стран, наиболее сильно пострадавших от депрессии вследствие резкого сокращения зарубежных кредитов, жесткой дефляционной политики и свирепого финансового кризиса. Катастрофический рост безработицы подрывал и без того слабое доверие к Веймарской республике, на смену которой в итоге пришла нацистская диктатура. Четырехлетние планы позволили более-менее упорядочить усилия по перевооружению, стимулировавшие развитие тяжелой промышленности. Производство потребительских товаров восстанавливалось медленно, поскольку жесткое регулирование сдерживало рост реальных заработков. По той же причине знаменитые программы строительства автобанов в первую очередь служили пропагандистским целям, поскольку в Третьем рейхе имелось относительно немного легковых автомобилей. Эту картину зарождавшейся военной экономики дополняли валютный контроль и политика автаркии (Ritschl 2002a).

Во многих других странах скорость восстановления в значительной степени зависела от выбора валютного режима (Eichengreen and Sachs 1985). Страны, раньше других девальвировавшие свою валюту по отношению к золоту, оправились намного быстрее тех, которые цеплялись за золотой стандарт. Типичной страной первого типа была Великобритания. Она отказалась от золотого стандарта в сентябре 1931 г., что позволило Английскому банку проводить политику дешевых денег. Низкие процентные ставки стимулировали строительную отрасль и связанные с ней сектора — такие, как производство кирпича и цемента. Индустрия потребительских товаров также выигрывала от политики дешевых денег, как и от все более широкого охвата страны линиями электропередачи. Наконец,

резкое снижение курса фунта по отношению ко многим валютам материковой Европы дало британским экспортерам конкурентное преимущество, хотя его не следует переоценивать. Введенная в 1932 г. система имперских преференций позволила британским производителям избежать непосредственной конкуренции с материковой Европой (Broadberry 1986).

Страны Северной Европы, традиционно сохранявшие тесные коммерческие связи с Великобританией, последовали примеру Английского банка, что также обеспечило им быстрое выздоровление начиная примерно с 1933 г. В Швеции низкие процентные ставки дополнялись существенным ростом государственных расходов, однако главным стимулом для экономики являлся экспорт железной руды (главным образом в нацистскую Германию), а также товаров длительного пользования, бумаги и бумажной массы (преимущественно в Великобританию).

С другой стороны, страны золотого блока (Франция, Бельгия, Нидерланды, Италия, Швейцария и Польша) решили не отказываться от своих золотых паритетов. Утрата конкурентоспособности, дефляционная политика и бегство капитала привели к расстройству экономики, и к концу 1936 г. золотой блок развалился. Многие из этих стран слишком поздно провели девальвацию и не успели воспользоваться общим выздоровлением мировой экономики в середине 1930-х гг. Уже в 1937 г. начался новый спад. Например, промышленное производство во Франции так и не вернулось к уровню 1929 г. Однако имелись и исключения из этой мрачной картины. Впечатляющие темпы роста в 1930-х гг. были достигнуты в нефтепереработке, которая стала одной из важнейших отраслей французской экономики (Smith 2006).

В начале 1930-х гг. большинство стран Центральной и Восточной Европы страдало от усиления протекционизма в сельском хозяйстве, стремительного ухудшения условий торговли и кризиса внешней задолженности. Нехватка зарубежной валюты ограничивала импорт промышленных товаров, что стало тяжелым ударом для индустриальных экспортеров данного региона — Австрии и Чехословакии. Польша экспериментировала с национализацией ряда промышленных предприятий, особенно в химической промышленности и в производстве стали и вооружений. Эти попытки являлись составной частью более широкого плана по созданию центрального про-

мышленного района между Краковом и Львовом. Югославия также пыталась создать индустриальное ядро в своем железорудном районе. В обоих случаях влияние на общую структуру промышленности и экономические показатели было весьма ограниченным (Turnock 2006).

В то время как большинство европейских экономик погружалось в трясину Великой депрессии, в Советском Союзе происходил стремительный рост промышленного производства. Однако ситуация крайне различалась от сектора к сектору. С 1927 по 1940 г. производство чугуна выросло в 4 раза, а на новых металлургических заводах применялись самые передовые американские методы производства. С другой стороны, сектор потребительских товаров очень отставал. В начале 1930-х гг. пищевая, шерстяная и кожевенная промышленность оказались в тяжелом положении из-за коллапса в сельском хозяйстве. К концу десятилетия наращивание военных мощностей привело к сворачиванию гражданской экономики (Allen 2003).

Во время Второй мировой войны все территории, оккупированные нацистами, эксплуатировались на предмет обеспечения германских военных потребностей. От разграбления и тактики выжженной земли особенно сильно пострадали Польша и оккупированные части Советского Союза. Многих военнопленных, а также мирных граждан принуждали к рабскому труду на германских заводах. В Западной Европе эксплуатация была менее жестокой, но более эффективной, принимая формы принудительных работ, высоких оккупационных налогов и поставок сырья (например, французской железной руды), стали и химикатов. Вследствие отсутствия инвестиций и технического обслуживания многие производственные активы гибли. С другой стороны, в Германии индустриальные активы в мае 1945 г. на треть превышали уровень 1939 г., несмотря на интенсивные стратегические бомбардировки, осуществлявшиеся союзниками (Harrison 1998a).

Развитие отдельных секторов

В относительном смысле уголь в межвоенный период оставался в Европе крупнейшим первичным источником энергии, далеко опережая все прочие источники. Однако в абсолютном плане добыча угля застыла на одном уровне. Во-первых, это происходило вследствие того, что в про-

мышленном секторе паровые машины стремительно вытеснялись более дешевыми и компактными электромоторами, способными работать в более гибком режиме. Разумеется, уголь использовался также на электростанциях, но в иных, чем прежде, пропорциях, поскольку важную роль сохраняла гидроэнергия, а эффективность тепловых электростанций повышалась рывками. Во-вторых, уголь все меньше применялся в судоходстве по причине медленной, но непрерывной замены угля нефтью в качестве топлива для кораблей и из-за стагнации международной торговли. Аналогично, и на железных дорогах электрический и дизельный привод угрожал гегемонии традиционных паровозов. Более того, железнодорожные компании сталкивались со все более сильной конкуренцией со стороны автомобилей, грузовиков и автобусов. Наконец, черная металлургия существенно замедлила развитие по сравнению с периодом до 1913 г., притом что значительно возросла ее энергетическая эффективность (Svennilson 1954).

Эти долгосрочные тенденции особенно болезненно сказались на угледобыче в Великобритании вследствие сильной ориентации этой отрасли на экспорт (табл. 9.6а). Великобритания традиционно поставляла большую часть бункерного угля для судоходства; теперь же она столкнулась с политикой замещения импорта в материковой Европе и появлением новых экспортеров — таких, как Польша. Однако свою роль сыграли и внутренние факторы. Данный сектор отличался высокой фрагментированностью, что затрудняло экономию за счет масштаба и тормозило механизацию по сравнению, например, с германской угольной отраслью.

С точки зрения долгосрочной перспективы потребление стали в Европе продолжало расти, но более медленными темпами, чем до 1913 г. (табл. 9.6б). Тем не менее этот сектор страдал от структурного переизбытка мощностей. Свой вклад в создание проблемы внесли расширение производства во время войны, строительство еще более крупных заводов в разоренных районах Франции и Бельгии и политика замещения импорта, нередко финансирувавшаяся государством. Очевидным последствием стало понижающее давление на цены. Сталеплавильные компании отвечали на неблагоприятную рыночную ситуацию не только слияниями, особенно распространенными в Германии, и повышением производительности, но и путем заключения соглашений, устранивших конкуренцию.

ТАБЛИЦА 9.6.

Основные европейские производители угля, стали, электроэнергии и химикатов в 1913–1938 гг.

Страна	1913	1920	1929	1938
а) Уголь, млн метрических тонн				
Великобритания	292	233,1	262	230,6
Германия*	154	140,8	177	186,2
Россия/СССР*	28	6,7	36,6	115
Франция*	43,8	24,3	53,8	46,5
Польша	н/д	31,7	46,2	38,1
Бельгия	22,8	22,4	26,9	29,6
б) Сталь, млн метрических тонн				
Германия*	14,3	9,3	18,4	22,7
Россия/СССР	4,9	0,2	4,9	18,1
Великобритания	7,8	9,2	9,8	10,6
Франция*	7	3,1	9,7	6,2
Италия	0,9	0,8	2,1	2,3
Бельгия	2,5	1,3	4,1	2,3
в) Электричество, ГВт/ч				
Германия	8	15	30,7	55,3
СССР	1,95	0,5	6,2	39,4
Великобритания	2,5	8,5	17	33,8
Франция	1,8	5,8	15,6	20,8
Италия	2	4	9,6	15,5
Норвегия	н/д	5,3	7,8	9,8
г) Химикаты (в % от мирового объема производства)				
Германия	24	16	17,6	21,9
Великобритания	11	10,2	9,3	8,6
СССР	3	3,6	5,7	8,2
Франция	8,5	6,7	7,6	5,6
Италия	3	3,1	4,3	4,1
Бельгия	2,5	2	1,9	1,7

* Данные за 1913 г. приведены для границ межвоенного периода.

Источники: Svernilson 1954; Mitchell 2003.

Вслед за национальными картелями вскоре были созданы так называемые первый и второй Международные стальные картели. Первоначально эти международные синдикаты объединяли только ведущих производителей в материковой Европе, но в течение 1930-х гг. к ним

присоединились их британские и американские коллеги. Главной целью этих картелей было ограничение объемов производства путем квотирования. Эта система дополнялась двусторонними договоренностями, заключавшимися на основе принципа резервирования отечественных рынков для отечественных производителей. Об успехе этих соглашений свидетельствовали нередкие случаи, когда отечественные цены существенно превышали международный уровень. Власти не только одобряли такое стремление к монополизму, но и сами порой активно вмешивались в работу сталеплавильного сектора, особенно в нацистской Германии и в Италии (Munting and Holderness 1991).

Новым, многообещающим сектором, несомненно, было автомобилестроение. Тем не менее освоение методов массового производства, внедренных Генри Фордом, в Европе происходило медленно. Соответственно, разрыв в производительности между США и Старым Светом оставался огромным. В том, что касается предложения, рабочие цеплялись за гибкие производственные технологии на основе ремесленного труда, не желая лишаться своих навыков и независимости. С точки зрения спроса европейский рынок был фрагментирован высокими пошлинами, вследствие чего в Европе просто не существовало массового рынка автомобилей (Broadberry 1997). В результате издержки производства в Европе оставались относительно высокими, что, наряду с более низкими, чем в США, доходами населения, объясняло, почему в частном владении находилось сравнительно немного автомобилей. Несмотря на эти слабости, все же наблюдались некоторые позитивные явления. Сильная тенденция к концентрации производства позволила существенно уменьшить число европейских производителей автомобилей. Помимо этого, высокие налоги на автомобили и топливо способствовали созданию типичного европейского компактного автомобиля.

Также успешно развивалась электротехническая промышленность. Многие изобретения конца XIX в. были в полной мере освоены лишь в межвоенный период. Решение проблемы передачи электроэнергии на большие расстояния позволило строить крупные эффективные электростанции. Так, Париж снабжали энергией главным образом электростанции, расположенные в угольных бассейнах вдоль бельгийской границы, а промышленные цен-

тры в долине По питались от альпийских гидроэлектростанций. По мере того как возрастала нагрузка на сети электроснабжения, стоимость электроэнергии снижалась еще больше, что стимулировало спрос на электричество и в промышленности, и в быту (Svennilson 1954 и табл. 9.6в).

В промышленности паровые машины быстро вытеснялись электродвигателями. Параллельно этому стремительно расширялось производство генераторов, трансформаторов, распределительных щитов и прочего электрооборудования. Крупным международным производителем электроламп стала фирма *Philips*. Также быстро развивалось производство радиоприемников и бытовых электроприборов (стиральных машин, электронагревателей, пылесосов и т. д.), сталкиваясь, однако, с теми же проблемами, что и европейское автомобилестроение. Фрагментация рынка сокращала возможности для массового производства. В результате многие бытовые приборы оставались недоступными даже для нижних слоев среднего класса.

Первая мировая война привела к колоссальным сдвигам в химической промышленности. До 1913 г. Германия фактически обладала монополией на производство в некоторых сферах органической химии — таких, как синтетические красители и лекарства (табл. 9.6г). В течение войны все страны Антанты, и в первую очередь Великобритания, при поддержке властей приступили к массовому строительству химических предприятий. Например, Великобритания столкнулась с крайне неприятной нехваткой красителей для производства военной формы и медикаментов для лечения раненых. Кроме того, державы Антанты захватили германские заводы и патенты. После заключения перемирия в прочих европейских странах продолжался процесс замещения импорта, и на горизонте маячил переизбыток мощностей. Необходимость снижать цены и заключенные во время войны соглашения о сотрудничестве способствовали формированию национальных картелей. В 1925 г. крупнейшие германские химические фирмы объединились в IG Farben. Этот шаг, а также быстрое восстановление германского химического производства на основе новых передовых технологий привели к аналогичному слиянию в Великобритании, где был основан концерн ICI (Imperial Chemical Industries). Два эти гиганта вскоре протолкнули ряд международных соглаше-

ний, в целом регулировавших мировую торговлю химической продукцией. Как и в случае со стальной отраслью, власти зачастую поддерживали эти попытки избавиться от конкуренции и избежать снижения цен (Travis 1998).

СФЕРА УСЛУГ

Общее состояние

Как показано в табл. 9.1, доля занятых в европейском третичном секторе в 1913–1945 гг. быстро возрастала. Хотя она быстрее увеличивалась в Южной, Центральной и Восточной Европе, разрыв этих регионов с Северо-Западной Европой оставался большим. Первые места в соответствующем рейтинге занимали Великобритания и Нидерланды, в то время как в Балканских странах и Польше эта доля не превышала 20%. В данном разделе мы рассмотрим ситуацию в сфере судоходства, железнодорожного и безрельсового транспорта, финансовых услуг и торговли. Менее изучена ситуация в сфере личных услуг. В богатых странах значение работы по дому и религиозных услуг продолжало снижаться в пользу образования, медицинских и социальных услуг (Krantz 1988; Thomas 2004). Образование более подробно освещается в главе 10 данного тома.

Развитие отдельных секторов

Во время Первой мировой войны для многих стран стали недоступны международные морские перевозки, ранее осуществлявшиеся Великобританией и некоторыми другими воюющими странами. Именно поэтому США и некоторые нейтральные европейские страны приняли решение строить или наращивать свой собственный торговый флот. Помимо этого, по условиям Версальского договора Германия должна была передать победителям большую часть своих кораблей. В ответ на это Германия приступила к ускоренной реконструкции своего торгового флота. В результате в начале 1920-х гг. совокупный мировой тоннаж сильно превышал уровень 1913 г., в то время как мировая торговля едва вернулась к довоенному уровню. Рыночные силы не могли решить структурную проблему избыточных мощностей, поскольку многие правительства

ТАБЛИЦА 9.7.

Мировой торговый флот в 1913–1939 гг. (в млн
брутто-регистрационных тонн)

Страны	1913	1920	1929	1939
Великобритания	18,3	18,1	20,0	17,9
США	4,3	14,5	13,5	11,4
Германия	4,7	0,4	4,1	4,5
Франция	1,8	3,0	3,3	2,9
7 европейских стран*	7,6	9,0	14,3	16,7
Мир в целом	43,1	53,9	66,4	68,5

* Италия, Нидерланды, Швеция, Дания, Норвегия, Греция и Испания.

Источник: Svennilson 1954.

производили интервенции в виде субсидий, преференций и даже создания государственного флота. В Великобритании произошла консолидация судоходных компаний в «большую пятерку». Как часто происходило в межвоенный период, стратегии по ограничению конкуренции вскоре вышли на международный уровень. Крупные судоходные компании успешно регулировали цены на грузоперевозки с помощью системы картелей.

Эти явления непропорционально сильно затронули Великобританию, которая так и не смогла вернуть себе лидирующую роль в морских перевозках: доля этой страны в мировом тоннаже сократилась с 40% в 1913 г. до 26% в 1939 г. (табл. 9.7). Британские проблемы усугублялись переходом морского транспорта с угля на нефть. До Первой мировой войны британские корабли, возившие зерно и другое сырье в Европу, могли идти обратно, нагруженные британским бункерным углем. С сокращением торговли углем британские корабли утратили это важное преимущество перед греческими и другими конкурентами. Лидерство в развивавшейся сфере нефтеперевозок захватили норвежские судовладельцы. В этих обстоятельствах британский торговый флот все сильнее зависел от морской торговли с другими частями империи (Broadberry 2006).

На большей части Северо-Западной Европы золотой век железных дорог явно подошел к концу. Протяженность железнодорожной сети не увеличивалась, а пассажирские и грузовые перевозки, выраженные в пассажиро-

ТАБЛИЦА 9.8.

Наиболее моторизованные страны Европы (число автомобилей на 1000 жителей) в 1922–1938 гг.

Страна	1922	1926	1930	1935	1938
а) Легковые автомобили					
Франция	5,1	14,3	26	37,7	41,9
Великобритания	7,4	16,9	24,5	33	38,7
Дания	5,4	18	22	24,9	29,4
Швеция	3,9	12,7	17	17,5	24,9
Германия*	1,3	3,4	7,8	12,7	20,7
Бельгия и Люксембург	3,8	6,5	12,9	12,9	18,6
б) Коммерческие автомобили					
Франция	2,4	7,5	9,1	12	12,2
Великобритания	3	6	8,6	10,4	12,1
Дания	1,5	5,2	9	10,6	11,4
Швеция	1,2	3,6	6,7	8	9,8
Бельгия и Люксембург	0,8	5,4	7,2	7,3	9,6
Нидерланды	0,4	3,5	6	5,9	6,4

* Данные за 1938 г. включают Австрию и Судетскую область.

Источник: Svernilson 1954.

километрах и тонно-километрах, возрастали гораздо медленнее, чем до Первой мировой войны. В Великобритании грузовые перевозки даже сокращались из-за отмеченных выше проблем в традиционных отраслях промышленности. Во всех богатых странах железные дороги становились жертвой безрельсовых перевозок, особенно пассажирских и на небольшие расстояния. Автомобили, грузовики и автобусы представляли собой более гибкое и к тому же все более и более дешевое транспортное средство (табл. 9.8).

В большинстве стран железнодорожные компании либо принадлежали государству, либо были тесно связаны с ним. Они использовали свое политическое влияние для принятия различных запретительных мер в отношении безрельсового транспорта. Ужесточение системы лицензирования ограничивало вход новых участников на рынок, а высокие налоги на автомобили и топливо вели к росту операционных издержек. Тем не менее было бы несправедливо возлагать вину только на железнодорожные ком-

пании. Ограничительные меры были выгодны и тем игрокам, которые первыми вышли на рынок автоперевозок (Millward 2005).

В Восточной Европе картина существенно отличалась. В начале 1920-х гг. многим странам пришлось приводить свои железнодорожные сети в соответствие с новыми границами. Например, Польша унаследовала три различные железнодорожные системы. После того как эти проблемы были более-менее решены, железнодорожные сети, а также обычно и железнодорожные перевозки продолжали расширяться. Значение автомобильного транспорта оставалось ограниченным. Во многих регионах по-прежнему широко использовались лошади и ослы в качестве упряжных животных (Ambrosius and Hubbard 1989; Turnock 2006).

Первая мировая война и ее последствия привели к серьезным потрясениям в финансовом секторе. Лондон уступил международное финансовое лидерство Нью-Йорку, а в тех европейских странах, которые пали жертвой гиперинфляции, банковский сектор был серьезно ослаблен. Например, в Германии универсальные банки утратили традиционный контроль над тяжелой индустрией. Во многих странах банковский мир ответил на эти и другие вызовы новыми волнами слияний. В банковскую сферу постепенно проникало олигополистическое поведение — крупные банки в большей степени конкурировали между собой в отношении услуг, а не цен. В этих условиях успешной стратегией по привлечению новых клиентов стало увеличение числа отделений. Создание крупных финансовых сетей также сделало выгодными эффективную организацию работы, стандартные процедуры и функциональную специализацию (Thomas 2004).

Восточная Европа, вотчина венских банков в эпоху Габсбургской империи, в 1920-е гг. стала полем боя между британскими, французскими, бельгийскими и немецкими финансистами. Эти зарубежные инвесторы вместо предоставления акционерного капитала выдавали краткосрочные займы местным учреждениям (Turnock 2006). В начале 1930-х гг. этот зарубежный капитал был поспешно отозван, что ввергло банковскую систему Восточной Европы в хаос. Пока власти пытались спасти крупные банки, многие мелкие обанкротились (Cottrell 1997).

Банковские кризисы начала 1930-х гг. не ограничивались Восточной Европой, бушуя по всему матерiku. Ради спасения финансовой системы Веймарская республика

де-факто национализировала почти все крупные немецкие банки. В Италии и Бельгии универсальные банки были принудительно разделены на сберегательные банки и холдинговые компании. В Италии значительная часть паев промышленных предприятий, принадлежавших этим частным холдингам, оказалась сосредоточена в руках IRI — государственной холдинговой компании (Toniolo 1995). В некоторых странах доверие к частным банкам было настолько подорвано, что до начала Второй мировой войны прежний уровень вкладов там так и не был восстановлен. Власти пытались заполнить пустующую нишу, создавая государственные кредитные учреждения, одновременно позволявшие усилить контроль над инвестиционными потоками (Feinstein, Temin, and Toniolo 1997).

Что касается торговли, то необходимо проводить различие между оптовыми торговцами, на которых держалась международная торговля, с одной стороны, и отечественными оптовыми и розничными торговцами, с другой. Очевидно, что подъем экономического национализма ударил по товарному обороту традиционных торговых домов. Общее снижение открытости европейских экономик, менее ярко выраженное лишь в случае Скандинавских стран, было лишь одной из проблем. Неблагоприятно сказывалось на торговых домах также растущее значение государственной торговли и международных маркетинговых организаций, находившихся под непосредственным контролем крупных производителей. Тем не менее не все было так плохо. Стремительно возrastавшая сложность систем валютного контроля и бесчисленные торговые соглашения позволяли торговым домам получать больше добавленной стоимости в расчете на международную транзакцию.

В богатых странах крупномасштабные организации розничной торговли (кооперативные общества, универсальные и сетевые магазины) продолжали вытеснять с рынка мелких торговцев. Тем не менее позиции мелких магазинов оставались относительно сильными в сфере продажи скоропортящихся и быстро устаревающих товаров — таких, как фрукты и овощи, табак, кондитерские товары, газеты и журналы. Во время Великой депрессии многие уволенные рабочие пытались обеспечить себе заработок, открывая небольшие лавки и питейные заведения, зачастую приносявшие ничтожную прибыль (Peeters, Goossens, and Buyst 2005). Традиционный *Mittelstand*

ТАБЛИЦА 9.9.
Телекоммуникации

Страна	1913	1932
а) Число телефонов на 1000 жителей		
Швеция	39	93
Норвегия	31	70
Германия	19	46
Великобритания*	16	46
Франция	7	30
б) Число лицензий на владение радиоприемником на 1000 жителей		
		1938
Франция		195
Великобритания		181
Дания		176
Швеция		146
Бельгия и Люксембург		126
Нидерланды		112

* Данные за 1913 г. приведены для Великобритании без Ирландии.

Источник: Millward 2005.

(средний класс. — *Ред.*) неприязненно относился к этой дополнительной конкуренции на сокращающемся рынке и громче, чем когда-либо прежде, призывал к принятию протекционистских мер. В Германии и в других странах принимались законы, ограничивавшие вход новых игроков на рынок, особенно в сфере крупной розничной торговли (Вагн 1990). Все эти факторы способствовали снижению производительности.

ГЛАВА 10

Население и уровень жизни в 1914–1945 гг.

РОБЕРТ МИЛЛУОРД
ЙОРГ БАТЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Введение · 325
Общественное здравоохранение и ожидаемая продолжительность жизни · 326
Семья и работа: экономические факторы, стоявшие за снижением рождаемости · 336
Экономическая миграция · 345
Изменение дохода и развитие человеческого потенциала · 350
Рост как показатель уровня жизни в 1914–1945 гг. · 356
Заключение · 362

Более развернутый вариант данной главы можно получить, обратившись к авторам. Выражаем благодарность участникам Лундовского семинара по населению, организованного в июле 2007 г. Йонасом Лjungдбергом, редакторам, Николаусу Вольфу и другим участникам Третьего летнего симпозиума RTN (Лондон, октябрь 2007 г.).

ВВЕДЕНИЕ

ПЕРИОД 1914–1945 гг. был отмечен гражданскими войнами, голодом, экономической депрессией, перемещениями населения, этническими чистками и мировыми войнами, что, однако, не мешает проследить свойственную этой эпохе четкую демографическую тенденцию. Общая численность населения Европы, составлявшая в 1913 г. немногим менее 500 млн человек, к 1950 г. вследствие более быстрого снижения смертности по сравнению с фертильностью выросла почти до 600 млн человек. В 1913 г. европейские регионы по-прежнему сильно различались между собой по уровню рождаемости и смертности, который был наивысшим в Восточной и Южной Европе. Несмотря на крупномасштабные краткосрочные потрясения, следующие 30 лет стали временем общего колоссального сокращения смертности и рождаемости, а также значительного уменьшения различий между странами. Одна из задач настоящей главы — объяснить причины этого процесса.

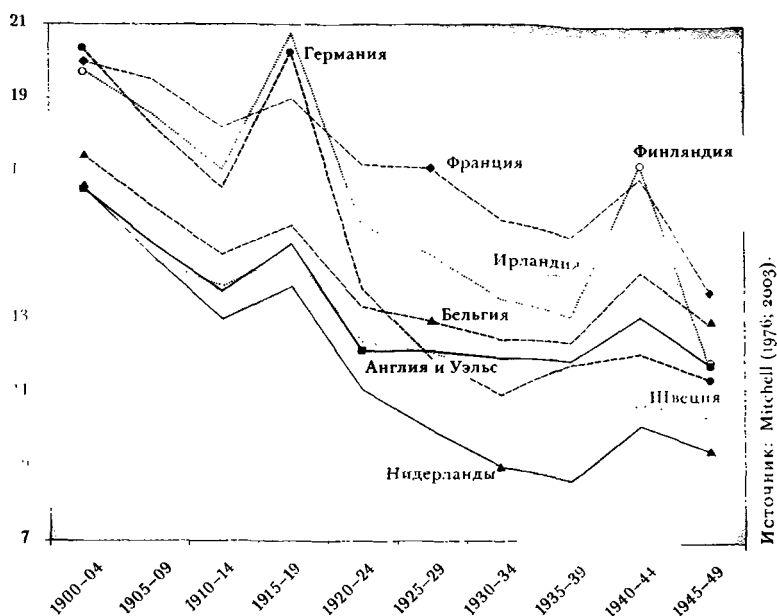
Второй характерной чертой данного периода были колоссальные миграционные потоки в пределах Европы. Экономической силой, стоявшей за ними, был общий переход от сельского хозяйства к промышленности, сопровождавшийся переселением из села в город, которое анализируется в одном из следующих разделов. Не менее важную роль сыграли политические силы, связанные с крушением трех мультикультурных империй (Османской, Российской и Австро-Венгерской), что совместно с территориальными приобретениями и потерями германского Рейха в ходе двух мировых войн (см. главу 6 данного тома) привело к грандиозным перемещениям населения, этническим чисткам и массовым смертям вследствие военных действий, голода и депортаций.

Как все эти крупномасштабные изменения повлияли на уровень жизни? В течение всего рассматриваемого периода наблюдался рост реальных доходов, а также ожидаемой продолжительности жизни, грамотности и уровня образования. Мы рассмотрим различия этих тенденций от страны к стране и то, как они отражались на новых критериях уровня жизни (таких, как Индекс развития человеческого потенциала), а также на биологических показателях, в частности на росте людей.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

Специалисты по исторической демографии нередко называют период, начавшийся в XVIII в., эпохой охватившего Европу колоссального демографического перехода. Рост численности населения первоначально был скромным, так как высокий уровень рождаемости компенсировался высоким уровнем смертности, причиной которого были многочисленные эпидемии, неурожаи и плохое состояние санитарии и медицины. И уровень рождаемости, и уровень смертности начали снижаться в XIX в., однако в период 1914–1945 гг. произошел очень резкий переход к режиму низкой рождаемости и низкой смертности. Он прерывался лишь беби-бумом 1940-х гг., но к концу XX в. новая фаза очень медленного роста населения стала данностью. Эти демографические изменения не носили мальтузианского характера. Рождаемость снижалась вопреки росту уровня доходов. Снижение смертности, как мы увидим, было обеспечено не только более благоприятными условиями жизни, но и улучшением питания, которое в мальтузианском мире следует за продовольственными кризисами.

Долгосрочное снижение смертности началось во второй половине XIX в. более-менее по всей Европе (см. главу 5 данного тома). После вялого старта в конце XIX в. это снижение резко ускорилось и стало всеобщим в 1914–1945 гг. Более половины прироста ожидаемой продолжительности жизни за 120 лет с 1850 по 1970 г. пришлось на тридцатилетие после 1914 г. На рис. 10.1 и 10.2 показан уровень смертности по пятилетиям (с целью выявить долгосрочные тен-

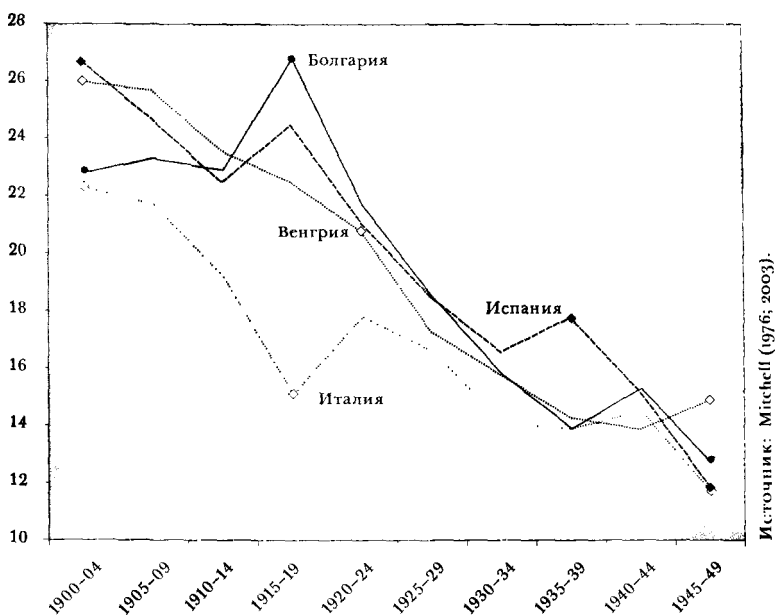

ПРИМЕЧАНИЕ: Не учтены военные потери за 1914–1919 и 1939–1949 гг. во Франции, Германии, Англии и Уэльсе и за 1939–1949 гг. в Нидерландах.

РИС. 10.1.
Смертность в Северной и Западной Европе в 1900–1949 гг.
(в современных границах; количество смертей
на 1000 человек)

денции), начиная с 1900 г., для ряда европейских стран, по которым имеются непрерывные наблюдения.

В начале данного периода уровень смертности сильно различался от страны к стране, будучи наиболее высоким в Восточной и Южной Европе. Смертность в период 1910–1914 гг. находилась в диапазоне от 13 смертей на 1000 человек в Дании и Нидерландах до 28 в Российской империи и, по некоторым оценкам, до более чем 36 в Турции. Дальнейшее изменение ситуации в России было весьма показательным. Данные по России оспариваются многими исследователями, однако после тщательного изучения источников Уиткрофт (Wheatcroft 1999) приходит к выводу о том, что последующее резкое снижение смертности в этой стране было реальностью. Несмотря на голод, войны и насильственные перемещения рабочей

Источник: Mitchell (1976; 2003).

Примечание: Не учтены военные потери в Италии и Венгрии.

РИС. 10.2.

Смертность в Южной и Восточной Европе в 1900–1949 гг.
(в современных границах; количество смертей
на 1000 человек)

силы, уровень смертности к 1948 г. снизился там до 11. Такое сочетание крупномасштабного краткосрочного снижения благосостояния с долгосрочным повышением ожидаемой продолжительности жизни было, по словам этого автора, крайне необычным явлением. Хотя пример России вызывает изумление, в Германии также наблюдалось резкое и запоздалое снижение смертности, притом что некоторые черты этого процесса были заметны во многих других странах, а в целом происходившие изменения не противоречат факту конвергенции, свойственной данному периоду. Доступные нам цифры несколько лаконичны, но сама их лаконичность весьма многозначительна. К концу 1940-х гг. в диапазоне от 9 до 14 смертей на 1000 человек находились уже многие страны Европы. Разумеется, одни лишь данные об уровне смертности не дают представления об изменениях в возрастном составе населения. Следует отметить колоссальное и очень быстрое

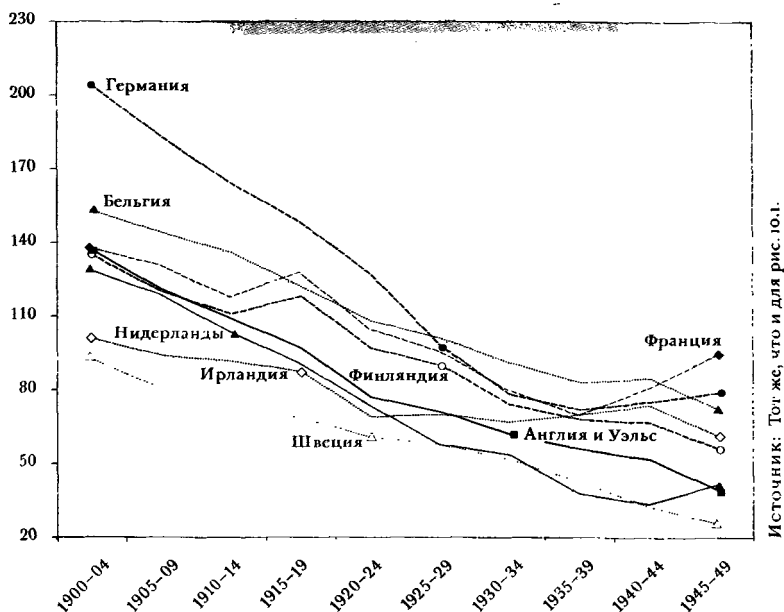
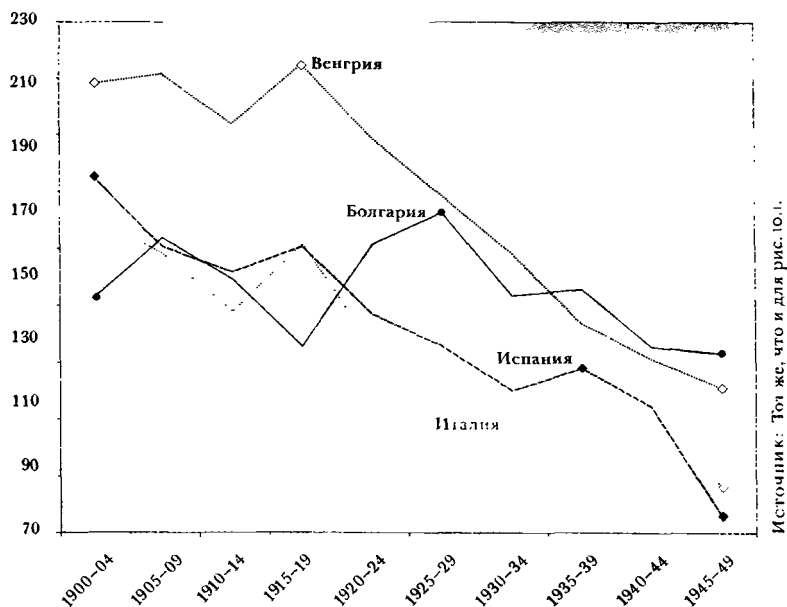

РИС. 10.3.

Младенческая смертность в Северной и Западной Европе в 1900–1949 гг. (в современных границах; количество смертей в возрастной группе до 1 года на 1000 рождений)

снижение младенческой смертности, продолжавшееся и после 1950 г. (см. главу 15 данного тома). Как показано на рис. 10.3 и 10.4, в 1910–1914 гг. младенческая смертность составляла от 66 на 1000 рождений в Норвегии до уровня порядка 150 во многих крупных европейских индустриальных городах и еще более высокой цифры в Венгрии и других регионах Восточной Европы. Хотя в этой возрастной группе конвергенция была менее заметной по сравнению с другими группами, младенческая смертность сокращалась быстрее всего, внося важнейший вклад в увеличение ожидаемой продолжительности жизни. В 1910 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла около 55 лет в Дании, Англии и Уэльсе, всего 37 лет в России и, вероятно, менее 35 лет в Турции. К 1950 г. ожидаемая продолжительность жизни большинства жителей Европы составляла не менее 65 лет (Shorter 1985; Caselli, Meslé, and Vallin 1999).

Источник: Тот же, что и для рис. 10.1.

РИС. 10.4.

Младенческая смертность в Южной и Восточной Европе в 1900–1949 гг. (в современных границах; количество смертей в возрастной группе до 1 года на 1000 рождений)

При поиске причин важно в первую очередь изучить ключевые медицинские факторы, связанные с заболеваемостью и смертностью. На рубеже веков заболеваемость была обусловлена главным образом инфекционными болезнями (особенно туберкулезом для возрастной группы от 15 до 64 лет), другими болезнями, поражающими преимущественно органы дыхания (грипп, бронхит, пневмония), для детей в возрасте до 5 лет, и диарей и врожденными пороками для младенцев. Надежность разделения болезней по этим категориям и соответствующей статистики весьма различна. Наиболее надежные данные по Италии, а также Англии и Уэльсу говорят о том, что примерно половина увеличения ожидаемой продолжительности жизни в 1911–1951 гг. была достигнута за счет снижения смертности от болезней органов дыхания и еще четверть — за счет снижения смертности от диареи, энтерита и болезней и врожденных пороков, поражающих исключительно младенцев и маленьких детей. В Италии

наблюдалось более значительное снижение смертности от диареи и энтерита по сравнению с Англией и Уэльсом (где оно было достигнуто в конце XIX в.) и менее значительное снижение смертности от других болезней. Аналогичные тенденции зафиксированы во многих других странах, включая Нидерланды, Данию, Германию, Испанию и Португалию. Любопытный контраст наблюдался между чехословацкими провинциями Богемией и Моравией и экономически менее развитыми Словакией и Прикарпатской Рутенией. Отражая, как в зеркале, процессы, происходившие в Западной и Восточной Европе, все эти провинции в 1900–1950 гг. испытывали снижение смертности от инфекционных болезней и рост смертности от «современных» сердечно-сосудистых заболеваний и рака, однако в восточных провинциях последние стали основной причиной смертности значительно позже, чем в западных (Caselli 1991; Mášová and Svobodný 2005).

Эти тенденции лишь в очень незначительной степени были обусловлены достижениями медицинской науки. Хотя такие вакцины, как бацилла Кальметта–Герена (БЦЖ), и такие лекарства, как стрептомицин, помогавшие в борьбе с туберкулезом, появились именно в рассматриваемый период, но до 1945 г. они не получили широкого распространения. То же самое можно сказать о состоянии гинекологии. Прогресс в сфере здравоохранения обеспечивался в первую очередь снижением заболеваемости вследствие улучшения жилищных условий, совершенствования систем водоснабжения и канализации, а также ростом сопротивляемости организма к болезням благодаря повышению уровня питания и уровня усвояемости пищи, определявшегося перенесенными болезнями. Младенческая смертность зависела также от состояния плода, тесно связанного со здоровьем матери.

Начало снижения смертности в конце XIX в. привело к появлению обширной литературы об относительной роли питания и общественного здравоохранения (ср. главу 5 данного тома), однако вопрос о причинах самого этого резкого снижения и конвергенции, происходивших в 1914–1945 гг., как и о том, почему это случилось именно тогда, а не раньше или позже, практически никем не обсуждался. Мы полагаем, что свою роль сыграло совместное действие в первые десятилетия XX в. благоприятных факторов в сферах санитарии, жилищного строительства, медицинского просвещения и медицинских консультаций, а также чрезвычай-

но значительное и непрерывное улучшение материнского здоровья. Прогресс в сфере общественного здравоохранения требовал финансирования, и в частности инвестиций в системы канализации и водоснабжения. По-видимому, несмотря на громкую риторику движений за общественное здравоохранение, крупномасштабное выделение соответствующих средств началось лишь в 1890-е — в начале 1900-х гг., а в ряде стран — еще позже. Последствия осуществления этих программ капитального строительства ощущались на протяжении следующих 50 с лишним лет. Например, на рубеже веков во многих немецких городах качество воды было еще очень низким, жители пользовались примитивными уборными, а ватерклозеты оставались редкостью. Факты, явно свидетельствующие о неторопливом развитии Англии и Германии в этой сфере, вероятно, дают представление и о том, что происходило в других странах Северо-Западной Европы, в то время как в Южной и Восточной Европе эти процессы начались с еще большим запаздыванием (Bell and Millward 1998). Не менее важным фактором, влиявшим на младенческую смертность, была широкая помощь, оказываемая матерям, которая опять же получила распространение с начала 1900-х гг. Движения за охрану здоровья младенцев охватили материк примерно за десятилетие до начала Первой мировой войны. Возрастала численность акушерок и центров детского здоровья, велась пропаганда кормления грудью, выпускались брошюры, проводились консультации, и все это в 1900–1914 гг. получало поддержку со стороны законодателей (Brown 2000).

Снижение рождаемости и сокращение размера семьи в конце XIX в. (см. ниже) позволило снизить заболеваемость, проистекавшую от жизни в одном помещении, и этот процесс к 1913 г. зашел уже очень далеко. Затем последовал межвоенный бум жилищного строительства, позволивший создать больше пространства для жилья и работы. В течение XIX в. скученность населения в большинстве стран почти не снизилась, к тому же зачастую усугубляясь низким уровнем личной гигиены. Вмешательство государства главным образом выражалось в установлении строительных стандартов, хотя это означало, что большинство новых домов было подключено к канализации и водопроводу и имело меньшую плотность населенности. В 1920-е гг. многие страны были охвачены крупным жилищным бумом, важную роль в котором сыграли муниципалитеты, получавшие от государства поддержку в виде грантов и субси-

дий и прилагавшие усилия к обеспечению жильем семей с низкими доходами, к сносу трущоб и строительству новых домов. В германских городах с населением от 5 тыс. человек капитальные расходы местных властей на жилищное строительство увеличились от 900 млн марок в 1913–1914 гг. до 149 млрд рейхсмарок в 1925–1926 гг. и 205 млрд рейхсмарок в 1928–1929 гг. Доля расходов на жилищное строительство выросла от 0,02% всех муниципальных расходов на новое строительство и покупку собственности в 1913–1914 гг. до 25% в 1925–1926 гг. и 23% в 1932–1933 гг. Даже в такой аграрной стране, как Ирландия, капитальные расходы местных властей на жилищное строительство возросли десятикратно — с 34 фунтов на 1000 жителей в начале межвоенного периода до 346 фунтов к 1936–1938 гг. В намного более богатых Англии и Уэльсе эта величина выросла с 67 до 109 фунтов. Капитальные инвестиции в жилищное строительство производились не только в государственном секторе; вообще, в некоторых странах частное жилье строилось быстрее муниципального. За период с 1911 по 1951 г. жилой фонд в Великобритании увеличился на 60%, а население — на 21%. В Ирландии жилой фонд вырос всего на 6%, но поскольку численность населения здесь уменьшалась, то плотность населенности все равно снижалась. Наконец, о возрастании роли общественного здравоохранения, водоснабжения и жилищного строительства говорит и структура формирования британского капитала за весь период 1890–1945 гг. Совокупные инвестиции в этих трех ключевых секторах достигли уровня всех британских индустриальных инвестиций в 1890-х — начале 1900-х гг. В течение 1920–1930-х гг., главным образом благодаря расширению жилищного строительства, эти инвестиции стали преобладающим типом британских инвестиций (Mitchell 1988; Balderston 1993).

Тот факт, что у нас имеются обширные данные по этим секторам для Британских островов и Германии, не случаен, поскольку эти страны имеют репутацию первопроходцев в сфере общественного здравоохранения. Значительные инвестиции в общественное здравоохранение и гигиену в годы Веймарской республики рассматриваются как один из аспектов создания зачаточного государства социального обеспечения — Sozialstaat. Призывы к строительству чистых, более просторных жилых домов, заводов и больниц, к инвестициям в развитие канализационной системы, жилищное строительство и водоснабжение

подхватывались в экономически менее развитых регионах Европы. Местные органы самоуправления в Российской империи (земства), уделявшие повышенное внимание общественному здравоохранению и гигиене, вдохновлялись примером западных движений за санитарную, и эту эстафету от них приняли Советы. В 1920-е гг. в Советском Союзе наблюдался значительный рост численности медицинского персонала, возрастало число больниц, туберкулезных и венерологических диспансеров и детских лечебных учреждений. В Испании улучшение ситуации с гигиеной и здравоохранением приписывалось принятию в 1920-е гг. программ общественного здравоохранения. В стране насаждалась «социальная медицина», понимавшаяся как сочетание общественных наук с медицинскими знаниями, однако в условиях массовой заболеваемости малярией в сельских районах испанское правительство должно было приложить серьезные усилия, если оно хотело доказать на деле свое стремление улучшить жизнь крестьянства. В Югославии и Чехословакии были созданы новые министерства общественного здравоохранения, которым, несмотря на призывы к коллективным действиям, требующимся при охране здоровья населения, пришлось преодолевать сопротивление со стороны традиционной частной медицины. Пагубная задержка борьбы с малярией в Македонии (где эта болезнь была побеждена лишь в 1960-е гг.) объяснялась проблемами с насаждением культуры общественного здравоохранения (Stachura 2003; Emmons and Vucinich 1982, ch. 8; Duges 2005; Zylberman 2005).

Все эти факторы, снижавшие подверженность болезням (и косвенно улучшавшие питание населения), сопутствовали росту, хотя и не очень быстрому, потребления продовольствия и реальных доходов. Эти процессы будут подробно рассмотрены ниже, сейчас же отметим, что и ВВП на душу населения, и реальная заработная плата в целом к 1950 г. возросли по сравнению с 1913 г. Разумеется, наблюдались серьезные различия между группами с разным уровнем дохода; депрессия начала 1930-х гг. принесла с собой стагнацию заработной платы и массовую безработицу. С другой стороны, вследствие снижения рождаемости, а соответственно, и уменьшения численности возрастной группы 0–15 лет отношение числа иждивенцев к численности трудящегося населения в реальности снижалось, в связи с этим необходимость оказывать финансовую поддержку безработным (по крайней мере в совокупном плане) от-

части компенсировалась снижением потребностей данной возрастной группы. Другим результатом роста доходов, а также широкого внедрения холодильных установок был общий рост потребления мяса (а следовательно, и белков) по отношению к хлебопродуктам. Однако в целом не похоже, чтобы рост реальных доходов был главным фактором, обеспечивавшим колоссальное снижение смертности. Яркой иллюстрацией того, что местная ситуация с продовольствием (в смысле как времени, так и пространства) не может объяснить тенденцию к снижению смертности, служит Россия. В 1914–1917 гг. она участвовала в Первой мировой войне. За ней последовали гражданская война и голод в 1917–1922 г., еще один голод в 1931–1933 гг., а также голодные годы с 1942 по 1945 г. Тем не менее долгосрочное снижение смертности в Советской России было более резким, чем в большинстве других европейских стран.

Чрезвычайно значительное снижение младенческой смертности было итогом действия трех факторов. Первым из них служило уже отмечавшееся улучшение ситуации с поддержкой матерей и их консультированием. Вторым фактором явилось то, что создание более здорового физического окружения снизило заболеваемость младенцев. Третьим и, возможно, самым важным фактором было материнское здоровье, которое стремительно улучшалось в конце XIX в., а вместе с ним улучшались и условия, в которых развивался плод. Уменьшение числа родов, сопровождавшее снижение рождаемости (см. ниже), вероятно, также способствовало сохранению здоровья матерей, сказывавшегося на состоянии новорожденных. Уровень смертности у женщин в XIX в. снижался быстрее, чем у мужчин, и к 1913 г. смертность среди женщин в целом была ниже, чем среди мужчин, за исключением возрастной группы 5–49 лет. Впоследствии женская смертность снижалась так быстро, что к 1950 г. она была ниже мужской смертности во всех возрастных группах. Женщины реже погибали во время войн и были меньше подвержены алкоголизму. Их положение в семейной иерархии повышалось по мере того, как уменьшалось значение сельского хозяйства и горнорудной промышленности (с их культурами, для которых было характерно мужское доминирование), и сами женщины все чаще работали по найму во время войны, а также в текстильной отрасли.

Прогресс в общественном здравоохранении, улучшение жилищных условий и рост реальных доходов наблюдались

повсеместно, но Южной и Восточной Европе предстояло пройти более долгий путь вследствие первоначального высокого уровня смертности. С другой стороны, как мы видели, происходило распространение знаний, относящихся к уходу за детьми, санитарии и общественному здравоохранению. Невзирая на деглобализацию, охватившую рынки капитала и товаров, период 1914–1945 гг. стал эпохой приобретения и массового освоения навыков по поддержанию здоровья. Более здоровые условия жизни в Северо-Западной Европе были достижимы и в других странах, в большинстве своем преодолевших разрыв к 1950 г., и главные исключения, похоже, лишь подтверждают это правило. Очень высокий уровень смертности, сохранявшийся в экономически менее развитых регионах (таких, как Албания и Южная Италия), объяснялся неудовлетворительным санитарным состоянием, недостаточными нормами гигиены и слабо развитой системой медицинской помощи. В Турции стабильное снижение смертности началось лишь после Второй мировой войны. Вследствие высокого уровня младенческой смертности, по-прежнему наблюдавшегося в Южной Италии, совокупная цифра для всей страны вплоть до окончания Второй мировой войны не снижалась ниже уровня в 100 младенческих смертей на 1000 родившихся живыми. При этом Албания была регионом, обладавшим всеми признаками недоразвитой страны, в то время как в Италии (благодаря усиленному вниманию, уделявшемуся северу, как во время реконструкции после Первой мировой войны, так и впоследствии, при фашистском режиме) большинство социально-экономических показателей свидетельствовали о расширении разрыва между севером и югом в первой половине XX в. Однако эти регионы были исключением. Во всей остальной Европе конвергенция ожидаемой продолжительности жизни была близка к завершению.

СЕМЬЯ И РАБОТА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, СТОЯВШИЕ ЗА СНИЖЕНИЕМ РОЖДАЕМОСТИ

В первой половине XX в. рождаемость упала не менее резко, чем смертность. Это снижение оказалось настолько сильным, что, несмотря на сокращение смертности, многие страны были озабочены стагнацией численности на-

ТАБЛИЦА 10.1.
Уровень рождаемости в 1890–1939 гг.
(число рождений на 1000 жителей)

Страна	1890–1899	1900–1909	1920–1929	1930–1939
Норвегия	30,1	27,9	21,0	15,4
Шотландия	30,3	28,7	22,3	18,1
Испания	34,8	34,4	26,7	23,1
Болгария	38,8	41,4	36,9	27,2
Россия (европейская часть)	49,3	47,2	39,4	35,3

Источник: Mitchell 2003.

селения и принимали всевозможные программы поощрения рождаемости. В табл. 10.1 приведены данные для нескольких стран, демонстрирующие признаки снижения рождаемости в конце XIX в. и ее резкое сокращение в 1920–1930-е гг. В начале 1900-х гг. в Европе все еще существовал сильный разброс по уровню рождаемости: в Северной и Западной Европе он не превышал 30 на 1000 жителей, в Болгарии же достигал 41, а в европейской России — почти 50. Как мы увидим, явными лидерами по снижению рождаемости в силу различных причин были Франция и Ирландия, где уровень рождаемости равнялся соответственно 19 и 23. В целом Восточная Европа отличалась более высокой склонностью к вступлению в брак и более ранним брачным возрастом. В Западной Европе в 1920 г. примерно $\frac{3}{4}$ женщин в возрасте от 20 до 24 лет были еще незамужними, а в Восточной Европе доля незамужних в этой возрастной группе составляла $\frac{1}{4}$. В Румынии, Сербии, Болгарии и Венгрии холостыми оставались менее 5% населения в возрасте от 45 до 49 лет, что было примерно вдвое меньше, чем в Северной и Западной Европе (Najnal 1965).

Ведущие светила известного проекта Принстонского университета «Фертильность в Европе» относят момент решительного снижения рождаемости в большой группе европейских стран к 1890-м гг. (Coale 1986). Во Франции оно произошло намного раньше. В некоторых странах Восточной и Южной Европы (России, Испании и Португалии) долгосрочное снижение рождаемости началось лишь в 1920-х гг. Отдельным регионам (в первую очередь Южной Италии) пришлось ждать до окончания Второй ми-

ровой войны, а уровень рождаемости в Турции, по некоторым оценкам, лишь возрос примерно от 5,4 рождений на одну рожавшую женщину в 1923 г. до 7 с лишним в 1930–1935 гг. (Shorter 1985).

Изменение рождаемости могло быть обусловлено изменениями в возрастном составе населения, особенно изменением числа женщин детородного возраста (от 15 до 49 лет). Юным читателям, возможно, следует также напомнить, что большинство детей в этот период рождалось в браке. Но даже если мы свяжем число рождений с числом женщин в возрастной группе 15–49 лет, что будет сделано в дальнейших расчетах, все равно останется возможность того, что эти общие показатели фертильности могли измениться просто из-за изменения числа вступавших в брак и (или) изменения доли незаконнорожденных. На протяжении всего рассматриваемого периода незаконнорожденные, за некоторыми исключениями, составляли примерно 10% всех детей. Кроме того, в течение долгого времени — вплоть до брачного бума конца 1930–1940-х гг. — практически не изменялся средний брачный возраст. Соответственно, основные изменения общего уровня рождаемости, показанные на рис. 10.5 и 10.6, по большей части отражают изменения уровня брачной рождаемости. Данные приводятся для ряда стран, по которым имеются непрерывные наблюдения, и относятся к пятилетним периодам с целью привлечь внимание к долгосрочным тенденциям. Каждому периоду (например, с 1910 по 1914 г.) соответствует число детей, которых могла бы родить одна женщина, находящаяся в детородном возрасте (от 15 до 49 лет), если бы она рожала их в том же темпе, что и все женщины в данный пятилетний период (1910–1914 гг.).

Для многих стран в 1910–1914 гг. на одну мать приходилось от 3 до 4,5 рождений; в конце 1930-х гг. эта величина упала примерно до 2,5. Такое снижение, составляющее около 40%, служит отчетливым признаком конвергенции: ускоренное снижение брачной рождаемости в Восточной и Южной Европе в смысле конвергенции дополнялось повышением брачного возраста в Северной и Западной Европе с конца 1930-х гг. Этот брачный бум привел к повышению среднего диапазона общих значений рождаемости в 1940-е гг. примерно до 2,8 ребенка. Свою роль здесь сыграли условия войны и последующей реконструкции, однако этот беби-бум был временным явлением, и для общих тенденций XX в. более показателен уровень рождаемости

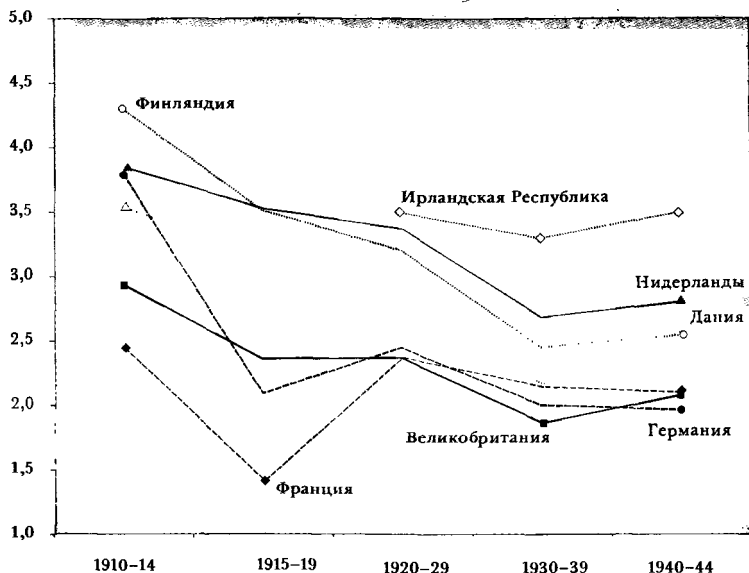
1930-х гг. Этот уровень в 1930-е гг. снизился в некоторых странах приблизительно до двух детей на одну мать и оставался таким до конца XX в. С учетом детской смертности коэффициент воспроизводства населения при этом составлял менее 2 — т.е. был ниже уровня, необходимого для поддержания прежней численности населения при отсутствии войн, иммиграции и т.д.¹ Согласно приблизительным вычислениям, при уровне смертности, наблюдавшемся в 1900 г., коэффициент воспроизводства, необходимый для поддержания постоянной численности населения, составлял около 3,4 ребенка; в результате снижения уровня смертности эта цифра уменьшилась до 2,8 накануне Первой мировой войны, до 2,5 в 1920-е гг., до 2,4 в 1930-е гг. и примерно до 2,1 во второй половине XX в. Исходя из этого, можно сказать, что минимальный необходимый уровень рождаемости был достигнут (без учета военных лет):

- во Франции — до 1914 г.;
- в Австрии, Германии, Швеции, Швейцарии и Великобритании — в 1920–1929 гг.;
- в Бельгии, Чехословакии, Дании и Норвегии — в 1930–1939 гг.

Остальные страны Европы пришли к этому уровню намного позже — не ранее 1960-х гг. Разумеется, не следует забывать, что в некоторых странах Западной Европы в 1940-е гг. начался брачный бум и беби-бум, отчасти связанные со Второй мировой войной, в результате чего коэффициент воспроизводства превысил минимальный уровень; однако начиная с 1970-х гг. восстановились прежние тенденции. В рассматриваемый период (1914–1945 гг.) низкий уровень рождаемости породил в Дании страхи в отношении того, что нация находится «на грани вымирания». В фашистской Германии угрозу нации усматривали в снижении уровня рождаемости в начале 1930-х гг. до величины, не превышавшей 2, однако с учетом смертности коэффициент воспроизводства в реальности упал ниже 2 еще в 1922 г. Во многих странах активно осуществлялись программы повышения рождаемости, хотя пропаганда материнства и семейной жизни проводилась в Германии в расистском ключе. Приветствовалось лишь размножение арийцев, но не евреев или славян.

Как можно объяснить колоссальное сокращение рождаемости в 1914–1945 гг. и тенденцию к конвергенции?

1. Отметим, что демографы обычно рассматривают лишь «брутто-коэффициент воспроизводства населения», аналогичный показателем рождаемости н. рис. 10.5 и 10.6, но учитывающий только число рожденных девочек, вследствие чего базовый нетто-коэффициент воспроизводства населения (брутто-коэффициент с учетом ожидаемой смертности женщин в возрасте до 49 лет) оказывается равен 1 (сохранение постоянной численности). Приведенные в тексте приближенные вычисления коэффициента устойчивого воспроизводства основаны на Chesnais 1999 и на данных об уровне женской смертности для разных возрастных групп в Великобритании.

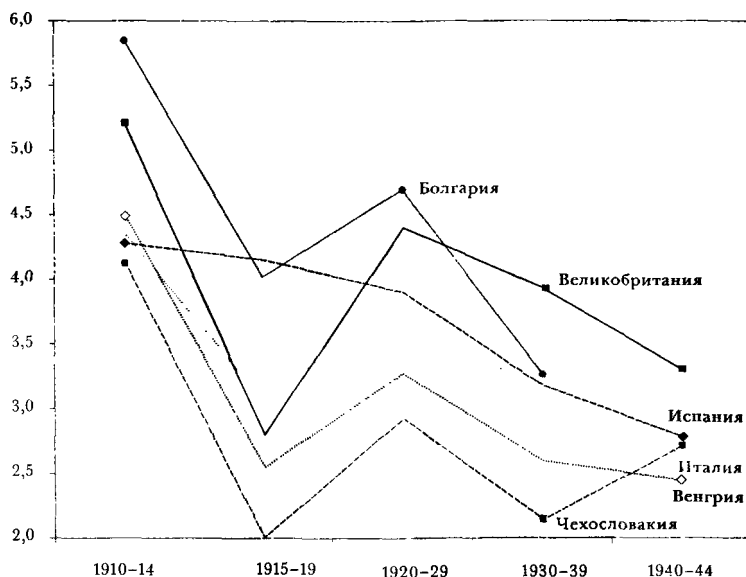
ПРИМЕЧАНИЕ: Показано число детей, которые бы родились у женщины, находящейся в детородном возрасте (15–49 лет), если бы она рожала их в том же темпе, что и женщины в данный период (например, в 1910–1914 гг.) в среднем.

Источник: Chesnais (1999, p. 106). Цифры для Ирландской Республики и Великобритании (без Южной Ирландии) в 1910–1914 гг. являются оценками.

РИС. 10.5.

Уровень рождаемости в Северной и Западной Европе в 1910–1945 гг. (в современных границах; приведено среднее число рождений на одну женщину в возрасте от 15 до 49 лет)

Перед тем как рассматривать экономические аспекты данного процесса, важно понять, что снижение рождаемости в первую очередь обуславливалось социокультурными факторами. И это неудивительно, поскольку размер семьи зависел от возраста вступления в брак и от методов контроля за рождаемостью, практиковавшихся супругами. Причиной снижения рождаемости в данный период был контроль за размером семьи после рождения желательного количества детей (Coale 1986). В отличие от недобровольного контроля, связанного с кормлением грудью, а также с войнами и т. п., он требовал готовности к исполь-

Примечание: Показано число детей, которые бы родились у женщины, находящейся в детородном возрасте (15–49 лет), если бы она рожала их в том же темпе, что и женщины в данный период (например, в 1910–1914 гг.) в среднем.

Источник: Тот же, что и для рис. 10.5. Цифры для Чехословакии в 1914–1919 гг., Италии в 1910–1939 гг. и Югославии в 1910–1919 и 1940–1945 гг. являются оценками.

РИС. 10.6.

Уровень рождаемости в Южной и Восточной Европе в 1910–1945 гг. (в современных границах; приведено среднее число рождений на одну женщину в возрасте от 15 до 49 лет)

зованию противозачаточных средств. Демографы отмечают, что в этом не было ничего нового, поскольку *coitus interruptus* и воздержание практиковались с давних времен, а высококачественные недорогие презервативы получили широкое распространение, например, в Германии уже в начале XX в. Значение имела готовность супругов применять эти методы, а из недавних опросов, проведенных среди пожилых людей, следует, что соответствующие договоренности между брачными партнерами во многих случаях были неявными и заключались с неявными целями (Fisher 2000; Guinanne 2003).

В целом можно было бы ожидать, что рождаемость быстрее снижалась в рядах среднего класса и в некатолических регионах, причем этому процессу способствовало распространение программ планирования семьи, а также рост числа учащихся и уровня грамотности. В то же время темп этого снижения, его распространенность и скорость конвергенции непосредственно определялись экономическими силами. Мы полагаем, что за огромным снижением средней рождаемости (примерно на 40% за тридцатилетие 1914–1945 гг.) и за конвергенцией уровней рождаемости к концу 1940-х гг. стояло сочетание четырех факторов. Первый из них заключался в том, что по мере снижения смертности желательный размер семьи достигался при рождении меньшего числа детей. Решительное долгосрочное снижение младенческой смертности началось в первые годы XX в., к тому времени детская смертность снижалась во многих странах уже около 30 лет, что давало достаточный опыт для планирования меньшего числа рождений. Например, в Англии и в Уэльсе в 1871 г. умирали 72 из каждой тысячи мальчиков в возрасте менее 5 лет; к 1911 г. это число сократилось до 47, к 1926 г. — до 23 и к 1950 г. — до 7. Аналогичное снижение детской смертности наблюдалось во Франции, Швеции, Норвегии, Германии и в испанской Кастилии. Это соображение подтверждается двумя крайними примерами. Так, если бы французские семьи были нацелены на достижение того же размера, что и прочие европейские семьи, то, с учетом относительно низкого уровня рождаемости, достигнутого во Франции уже к концу XIX в., в этой стране следовало бы ожидать минимальной по сравнению с другими странами поправки на снижение смертности. Именно это мы и видим в реальности — в 1914–1945 гг. Франция испытывала минимальное по Европе снижение рождаемости, к 1950 г. перестав выделяться из числа прочих стран. Другой страной, в которой наблюдалось лишь небольшое снижение рождаемости, была Ирландия. Несомненно, отчасти причиной были сильные католические традиции, однако следует также отметить, что благодаря относительно здоровым условиям жизни в ирландской деревне уровень смертности детей мужского пола в этой стране составлял в 1871 г. лишь 38 на 1000, и только в 1926 г. он достиг 23 на 1000, сравниваясь с уровнем, зафиксированным в Англии и Уэльсе. Наконец, поскольку самое резкое сокращение смертности происходило во многих восточно-европейских странах, это должно было внести свой вклад

в ускоренное снижение рождаемости в этих регионах и их конвергенцию с остальной Европой.

Вторым ключевым фактором, действовавшим в 1914–1945 гг., являлись крупные структурные изменения в европейской экономике, снижавшие значение таких секторов, как сельское хозяйство, кустарная промышленность и домашняя работа, в которых широко использовался детский труд, а сочетание работы для заработка и работы по хозяйству позволяло эффективно использовать материнское время. Переход рабочей силы из этих секторов на заводы и в сферу услуг снизил количество детского труда, увеличив издержки времени, связанного с воспитанием детей. Ключевым показателем здесь служит доля мужской рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве. В 1911 г. эта величина резко различалась от страны к стране, отчасти соответствуя различиям в уровне рождаемости. Она находилась в диапазоне от 11% в Великобритании и 24% в Бельгии до более чем 65% в Польше, Финляндии, Румынии, Болгарии, России, Турции и Сербии. Ее общее снижение с 1911 по 1950 г. в определенной мере сопровождалось конвергенцией, благодаря которой доля занятых в сельском хозяйстве к 1950 г. составляла в большинстве стран Европы от 20 до 40%. Следует отметить ее снижение в Австрии, России, Финляндии и Польше, которые одновременно входили в число лидеров по снижению рождаемости. Скрапному сокращению аграрного сектора в Южной Италии и Южной Испании соответствовало и скромное снижение рождаемости. Турция во время Первой мировой войны потеряла 20% своего населения, включая большое число горожан, и потому после войны стала более аграрным обществом, чем раньше.

К третьему фактору отнесем то, что у нас имеются свидетельства, говорящие о возрастании роли женщин на рынке труда, что повышало издержки содержания детей в смысле материнской заработной платы и затрат времени. Массовый женский труд в текстильной отрасли стал нормой уже в конце XIX в.; соответственно, снижение рождаемости, рано зафиксированное в чешских землях Богемии — крупного текстильного региона, было быстрым и существенным также в английских текстильных городах (Millward and Bell 2001). В 1930-е гг. в Турции более половины рабочей силы в текстильной промышленности составляли женщины; так как эта промышленность размещалась в городах, то и рождаемость в городских регионах была заметно ниже, чем в сельских. В межвоенный период по всей Евро-

не росла занятость женщин в сфере услуг — в качестве секретарей, учителей и пр. В конце 1930-х гг. явно возрастало число женщин, работавших на полной ставке в Германии. Согласно статистике по замужним женщинам в Великобритании, уровень их участия на рынке труда составлял в 1911 г. для возрастной группы от 15 до 24 лет 12%, увеличившись до 18,7% в 1931 г. и до 36,6% в 1951 г. Для возрастной группы от 25 до 64 лет он вырос от 9,7% в 1911 г. до 10,0% в 1931 г. и до 22,5% в 1951 г., причем в последнем случае, возможно, рост был обусловлен последствиями войны (Matthews, Feinstein, and Odling-Smee 1982, Table C. 3). Интересный пример представляет собой Южная Италия, где в первой половине XX в. женская оплачиваемая занятость фактически сокращалась (по причине упадка текстильной промышленности, а также вследствие политики фашистов), что являлось дополнительным фактором, объясняющим очень медленное снижение уровня рождаемости.

Четвертым фактором служило растущее осознание достижений в планировании семьи; важным элементом при этом было повышение уровня грамотности в Восточной и Южной Европе и рост числа учащихся вообще. Уровень грамотности в Северной и Западной Европе к 1913 г. уже достигал не менее 90%. В Испании он составлял лишь 52%, в Финляндии — 59%, в Италии — 62% и в Австрии — 66%. Во всех этих странах уровень рождаемости составлял не менее 4 рождений на одну мать. К 1950 г. уровень грамотности превышал 80%, достигая в Финляндии 90% и в Австрии — 99%. Относительно низкий уровень грамотности, все еще наблюдавшийся к тому времени в Турции (32%), Португалии (56%), Югославии (45%) и Албании (46,2%), сказывался и на уровне рождаемости в этих странах, самом высоком в Европе (Crafts 1997). Кроме того, уровень рождаемости оставался высоким в католических регионах (таких, как Ирландия и некоторые области Нидерландов), где проходили мощные кампании против планирования семьи. Ирландия и Португалия по-прежнему отличались относительно низким уровнем дохода и значительной эмиграцией. В Ирландии в данный период резко возросла численность учащихся, однако молодые люди в массовом порядке покидали страну, многие жители которой впервые вступали в брак лишь по достижении 40-летнего возраста.

По сути, Ирландия занимала исключительное положение в Западной Европе, к 1950 г. по-прежнему имея очень низкий уровень браков. Брачный бум, происходивший в За-

падной Европе с 1930-х гг., ознаменовал собой решительный разрыв с прошлым. В течение столетий средний брачный возраст в Западной Европе, колебавшийся в соответствии с экономической ситуацией, не обнаруживал явных долгосрочных тенденций — ни в сторону роста, ни в сторону снижения. Согласно Хайналу (Hajnal 1965), ранний возраст браков в Восточной Европе на территориях к востоку от линии Триест — Санкт-Петербург диктовался культурой больших (патриархальных. — *Ред.*) семей, хотя его причины могли скрываться в относительном изобилии земель. Нуклеарная семья была более характерна для Западной Европы, а связанная с ней экономическая самостоятельность требовала наличия у супружеских пар хороших перспектив на получение независимого дохода. Крупный размер семьи угрожал величине семейного дохода на одного человека, а традиционным методом сохранения этого дохода служил поздний брак. Представляется правдоподобным, что наблюдавшийся в Западной Европе с 1930-х гг. решительный переход к ранним бракам, следуя за великой депрессией, все же был результатом готовности и способности населения к контролю рождаемости в браке. Это подтверждается данными, согласно которым снижение рождаемости в некоторых департаментах Франции еще в 1860-х гг. сопровождалось ростом уровня брачности в тех же департаментах (Watkins 1986). Число людей, вступавших в брак, составляло в 1913 г. от 10 на 1000 жителей в Ирландии до 18 в Венгрии и Румынии. Этот уровень решительно возрастал в Скандинавских странах, в Австрии, на Британских островах и в Нидерландах и к 1940 г. во многих странах уже находился в диапазоне от 16 до 21 на 1000 человек. Он был несколько выше в Восточной Европе, однако, несмотря на небольшой рост, Ирландия (вместе с Грецией) все равно оставалась исключением: в 1950 г. число вступавших в брак здесь по-прежнему не превышало 11 на 1000 жителей.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ

Самой поразительной чертой динамики населения данного периода был не столько рост населения с течением времени, сколько его перемещения по Европе. Увеличение численности населения было скромным по сравнению с его ростом в конце XIX в., тем более что крупномасштабная трансокеанская эмиграция того времени сошла на нет после введе-

ния в 1920-х гг. иммиграционных квот в США и экономической депрессии 1930-х гг. Население России, Югославии и остальных стран Восточной Европы, больше всего пострадавших от двух мировых войн, все же увеличилось почти на 40 млн человек. На чуть большую цифру выросло население Северо-Западной Европы. Остаток — 20-миллионный прирост населения в Южной Европе — был наиболее значительным в относительном плане. Снижение рождаемости наблюдалось и в Италии, и в Испании, и в Португалии, и в Греции, но все равно рождаемость оставалась там более высокой, чем в остальной Европе.

Наиболее плачевным аспектом миграции были вынужденные перемещения, связанные с насильственным выселением и с этническими чистками, которые сами по себе входили в число политических последствий двух мировых войн (см. главу 6 данного тома). В настоящем разделе мы будем рассматривать экономическую миграцию, причем с самого начала подчеркнем, что постоянная работа в аграрном секторе не являлась ее непосредственной целью. Правда, некоторые выходцы из Северной Италии селились в Юго-Западной Франции, но они были исключением. Национальные правительства — в Германии, Польше, Югославии, России — выдвигали многочисленные планы колонизации и создания сельскохозяйственных поселений, однако все они провалились. Ключевыми движущими силами, стоявшими за экономической миграцией, были индустриализация и растущий разрыв в уровне дохода между Америкой и Европой. Этот разрыв привел к тому, что на пике эмиграции — в первом десятилетии XX в. — за океан ежегодно отправлялось более миллиона человек (табл. 10.2). Наивысший уровень эмиграции наблюдался в Италии, где главным источником мигрантов являлся слаборазвитый юг страны; аналогичные факторы действовали в Ирландии, Португалии и Испании. Кроме того, крупным источником эмиграции как в Америку, так и в страны Содружества (Канада, Австралия, Новая Зеландия и т. д.) была Великобритания, причем дополнительный импульс этому процессу придал в 1922 г. Закон о заселении империи. В Латинскую Америку, продолжавшую принимать иммигрантов, в 1921–1940 гг. прибыло 3 млн человек. Однако для многих европейцев введенные в США в 1921 и 1924 гг. иммиграционные квоты стали тяжелым ударом. Эти квоты ограничивали ежегодную иммиграцию цифрой в 160 тыс. человек и распро-

ТАБЛИЦА 10.2.

Среднегодовая эмиграция из Европы в 1901–1950 гг., тыс. чел.

Страна	1901–1910	1911–1920	1921–1930	1931–1940	1941–1950
Италия	361,5	219,4	137,0	23,5	46,7
Великобритания и Ирландия	315,0	258,7	215,1	26,2	75,5 ^a
Австрия	111,1 ^b	41,8 ^b	6,1	1,1	н/д
Испания	109,1	130,6	56,0	13,2	16,6
Россия	91,1	42,0	н/д	н/д	н/д
Португалия	32,4	40,2	99,5	10,8	6,9 ^c
Швеция	32,4	8,6	10,7	0,8	2,3
Германия	27,4	9,1	56,4	12, ^d	61,8 ^c
Польша	н/д	н/д	63,4 ^f	16,4 ^g	н/д
Норвегия	19,1	6,2	8,7	0,6	1,0 ^a
Финляндия	15,9	6,7	7,3	0,3	0,7
Дания	7,3	5,2	6,4	10,0	3,8
Франция	5,3	3,2	0,4	0,5	н/д
Швейцария	3,7	3,1	5,0	4,7	1,8 ^h
Бельгия	3,0	2,1 ⁱ	3,3	2,0	2,9
Нидерланды	2,8	2,2	3,2	0,4 ^г	7,5 ^a

1946–1950 гг.

Австро-Венгрия.

Включая эмиграцию в европейские страны в 1941–1949 гг.

1932–1936 гг.

Западная Германия.

Данные неполные.

1931–1938 гг.

Включая эмиграцию в европейские страны в 1941–1944 гг.

За исключением 1913–1918 гг.

Источник: Mitchell 2003.

странялись прежде всего на страны, выходцы из которых первыми заселяли США, что фактически отсекало иммигрантов из Италии, России и Польши. В то время как в 1901–1921 гг. в США въехало 12,4 млн европейцев, в 1921–1940 гг. эта цифра снизилась до 2,8 млн человек (Fagon and George 1999). Более того, националистическая политика Германии и Италии активно препятствовала эмиграции. Исключением были евреи, которые сбегали сами, если им не разрешали покидать страну. Именно они составляли основной поток неэкономической трансокеанской миграции в межвоенный период.

Соответственно, основные экономические возможности для эмигрантов в межвоенный период находились в индустриализующихся регионах Европы, и именно туда устремлялось большое число людей из сельских регионов тех же стран или из других европейских стран при незначительном числе иммигрантов неевропейского происхождения. Особенно активным десятилетием в плане миграции были 1920-е гг., однако всемирная депрессия 1930-х гг. сократила возможности, существовавшие в городских регионах. Определенное представление о масштабах перемен можно получить, если учесть, что доля европейской мужской рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, снизилась примерно с 55% в 1910 г. до 40% в 1950 г. Исходя из фигурировавшей выше величины общего населения Европы, мы получим, что в 1950 г. в сельских регионах при сохранении доли мужчин, занятых в сельском хозяйстве, на уровне в 55%, жило бы на 80 млн человек больше; более половины этой величины приходится на перемещение рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность в России.

De Santis and Livi Bacci (2005) отмечают, что в Италии тенденция к эмиграции из любого конкретного региона была тем выше, чем больше была доля сельского хозяйства в экономике данного региона и чем ниже был объем производства на душу населения. Нет особых сомнений в том, что это правило распространялось на всю Европу. В целом миграция происходила с юга и востока на запад, что можно показать на примере Чехословакии. Чистый отток из восточных провинций в 1921–1930 гг. составил 1,2 млн человек из Словакии и 150 тыс. человек из Закарпатской Украины, в то время как чистый приток в индустриализующуюся западную провинцию Богемия был равен 30 тыс. человек, увеличившись до 330 тыс. человек в 1930-е гг. (Kulischer 1948). В Италии такие северные промышленные центры, как Милан и Турин, заменили США в качестве конечной точки эмиграции с юга — точно так же, как Великобритания стала местом назначения для ирландской эмиграции, а в Испании происходило массовое переселение с юга и запада в Страну Басков, в Каталонию и центральный регион. Даже во Франции, одной из наименее урбанизированных стран Северо-Западной Европы, доля сельского населения сократилась с 56% в 1911 г. до 45% в 1951 г. В 1911 г. лишь 27% из достигших 45-летнего возраста родились не в том де-

партаменте, в котором проживали; в 1932–1936 гг. эта цифра выросла до 37%. В первую очередь людей притягивали Иль-де-Франс и другие индустриальные регионы, чистый приток в которые составил в 1920–1931 гг. около 1 млн человек. В Польше в 1920-е гг. наблюдалась значительная миграция из центра и юга страны в западные регионы, находившиеся ближе к морю и более индустриализованные. В 1918–1921 гг. около 900 тыс. человек переселилось из бывшей российской и австрийской Польши в (бывшие немецкие) западные регионы — Познань и Померанию, где «полонизация» происходила более успешно, чем попытки германизации, предпринимавшиеся в годы перед Первой мировой войной. В 1930-е гг., после того как исчезли возможности для переезда в город и для эмиграции за океан, многие центральные и южные регионы Польши считались перенаселенными, имея плотность населения в 79 человек на квадратный километр, что примерно вдвое превышало плотность населения во Франции.

Миграция не ограничивалась переселением внутри страны. С давних пор обычным делом были сезонные перемещения сельскохозяйственных рабочих через французскую, немецкую и российскую границы, однако теперь желавших остаться привлекала промышленность. Главными источниками эмиграции являлись Польша, Италия, Балканы, Россия, Испания и Португалия, а главными конечными пунктами — Северная Франция, Рур и такие порты, как Роттердам и Гамбург. В Германии уже в 1914 г. насчитывалось полмиллиона поляков, украинцев и белорусов, составлявших 90% иностранной рабочей силы. Они дополняли исход отечественного сельского населения, в 1930-е гг. получивший важную точку притяжения в виде новых оружейных заводов. Начиная с 1935 г. те строились в более безопасных центральных областях и в пригородах Берлина. К тому времени рост безработицы привел к сокращению зарубежной иммиграции, хотя в 1939 г. в стране все еще находилось полмиллиона иностранных рабочих. Однако наиболее поразительной чертой трансграничной экономической миграции в межвоенную эпоху была иммиграция во Францию. Пережив значительные военные потери, Франция, в которой уже давно не происходило прироста населения, открыла свои границы для иностранного труда (хотя по-прежнему требовалось разрешение на въезд). Иммигранты нанимались на шахты, стройки,

на химические и сталеплавильные заводы и на общественные работы; в 1929 г. более 60% рабочих на металлургических заводах в Лонгви были иностранцами. В 1920-е гг. в страну въехало около 600 тыс. поляков и до 400 тыс. испанцев. Число жителей зарубежного происхождения выросло во Франции с 1911 по 1931 г. на 1,7 млн человек, составив 3,3 млн человек, или 7,9% французского населения (Bardet 1999).

ИЗМЕНЕНИЕ ДОХОДА И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В заключительных разделах нашего обзора мы выясним, как все эти тенденции отражались на благосостоянии населения. Последнее мы будем оценивать по трем критериям: 1) рост ВВП как приближенный показатель роста покупательной способности; 2) Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) как более общий показатель, учитывающий ожидаемую продолжительность жизни и уровень образования; 3) рост людей как показатель качества питания и здоровья. Нанеся эти критерии на карту, мы получим возможность оценить ситуацию сразу в большом числе европейских стран.

Рост покупательной способности в течение данного периода преподносит нам ряд парадоксов. С учетом ужасающих разрушений в ходе двух мировых войн, начавшейся в 1929 г. Великой депрессии и экономического распада, продолжавшегося на протяжении всего межвоенного периода, не следовало бы ожидать серьезного прироста покупательной способности. Однако в реальности национальный доход существенно возрос, а Foreman-Peck (1983) утверждает, что широкое распространение новых базовых технологий (таких, как электричество и двигатель внутреннего сгорания), начавшееся еще до Первой мировой войны, благодаря появлению новых сфер их применения по-прежнему обеспечивало прирост дохода. Более того, на руку Европе (как мы видели выше) в течение данного периода играл благоприятный демографический фактор: небольшая доля неработающего населения — детей и пожилых людей.

Типичным показателем покупательной способности служит ВВП на душу населения. Безусловно, самой богатой страной Европы в 1913 г. была Великобритания, в ко-

Примечание: Значения ВВП выражены как компонент ИРЧП (см. текст). Вычислено по данным из Maddison 2001; данные по Германии см.: Ritschl and Sporer 1997.

РИС. 10.7.
Изменение ВВП на душу населения
в странах Европы в 1913–1938 гг.

торой ВВП на душу населения составлял почти 5000 долларов 1990 г. (Maddison 1991). В следующей группе, соответствовавшей диапазону от 3500 до 4500 долларов, находились Швейцария, Бельгия, Нидерланды, Дания, Германия, Франция и Австрия. Беднейшими странами были балканские государства, Турция и Российская империя. Рост ВВП на душу населения в 1913–1938 гг. показан на рис. 10.7. Составляя карту, мы пересчитали всю статистику для данного периода с учетом современных границ. Это делает карту более понятной для современного чита-

2. До войны Австро-Венгрия представляла собой большую империю, включавшую в себя южную Польшу, юго-западную Украину, северо-западную Румынию, Словакию, Чехию, Венгрию, Австрию и северные регионы возникшей впоследствии Югославии (а также небольшую часть Италии). Российская империя включала Финляндию и часть современной Польши. В состав Германской империи входили территории, сейчас принадлежащие Польше, России (северная часть Восточной Пруссии), Дании и Франции (а также части Бельгии и Чехословакии). До Первой мировой войны Ирландия еще входила в состав Великобритании и еще существовала Османская империя. В межвоенный период Чехословакия была единой страной, как и Югославия, а граница Польши располагалась восточнее по сравнению с ее современной позицией. Германии принадлежали некоторые восточные территории — Силезия, Восточная Пруссия и Померания.

3. 0 соответствует логарифму от 100 долл., а 1 — логарифму от 40 тыс. долл.

теля и облегчает сопоставление ситуации перед Первой мировой войной и после нее².

На рис. 10.7 ВВП, приведенный в долларах 1990 г., выражен в виде индекса ради возможности сопоставления со значениями ИРЧП, о которых пойдет речь ниже, и находится в диапазоне от 0 до 1³. Отметим, что статистика по Германии (в 1938 г. под властью нацистов) и по некоторым территориям СССР может быть не вполне надежной. В большинстве стран в 1913–1938 гг. наблюдалось положительное изменение покупательной способности. Снижение ВВП на душу населения в 1913–1938 гг. было зафиксировано только в Испании, где в 1936–1939 гг. шла гражданская война, и в Румынии, где оно было связано с сильным перенаселением в сельской местности и с неудачными реформами (Feinstein, Temin, and Toniolo 1997). Очень скромным был прирост ВВП в Болгарии, Австрии, Бельгии и Ирландии. Самым значительным приростом отличались Скандинавия, Швейцария и Греция; заметного прироста добились также Советский Союз, Турция и Португалия, насколько можно судить, исходя из их статистики по ВВП. Последние три страны начинали с относительно низкого уровня покупательной способности.

Другой способ оценки уровня жизни — Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), учитывающий не только покупательную способность, но также ожидаемую продолжительность жизни и уровень образования. Поскольку цель настоящей главы — сопоставить уровень жизни с демографическими процессами, то использование данного индекса представляется особенно заманчивым. Он вычисляется, исходя из минимальных и максимальных значений трех следующих компонентов:

- а) ВВП на душу населения в долларах 1990 г., находящегося в диапазоне от 100 до 40 тыс. долларов;
- б) ожидаемой продолжительности жизни, составляющей от 25 до 85 лет;
- в) охвата населения начальным школьным обучением и уровня грамотности, лежащих в пределе от 0 до 100%.

Предметом дискуссий остается вопрос о том, должен ли ИРЧП включать в себя снижение предельной полезности, вызванное ростом ВВП на душу населения: ведь очевидно, что дополнительный доход в 100 долларов принесет больше пользы умирающему от голода, чем миллионеру. В качестве компромисса самая последняя версия ИРЧП учитывает величину ВВП на душу населения в логарифмическом виде (так же, как и в наших расчетах), и это позволяет сделать поправку на данный эффект. Другая проблема связана с тем, следует ли также принимать во внимание уровень политической свободы, права и возможности человека (в том числе имеющие гендерный характер), уровень неравенства, состояние окружающей среды и т. д.; соответственно, исследователями предлагался ряд уточненных вариантов ИРЧП. Однако с учетом скудости исторических данных и ради простоты изложения мы в дальнейшем будем пользоваться стандартным вариантом ИРЧП, а такой показатель, как рост, рассмотрим отдельно (единственное различие состоит в том, что в наших вычислениях учитывается только уровень охвата населения образованием, без учета уровня грамотности).

Насколько существенно в межвоенный период изменились расходы на образование? Большое внимание образованию продолжало уделяться в 1920-е гг. в Германии, однако в 1930-е гг. нацисты изменили учебную программу в угоду своим политическим целям, что перечеркнуло прежний прогресс, достигнутый в этой области. Советский Союз поступал аналогичным образом, однако с учетом низкого образовательного уровня населения до Первой мировой войны достижения СССР в сфере образования все равно выглядят впечатляющими. Некоторые бывшие территории Габсбургской империи (такие, как Венгрия и западная Румыния) были неспособны сохранять прежний уровень начального образования, столкнувшись в 1920-е гг. с серьезным экономическим кризисом (Lindert 2004). Наконец, чрезвычайно неоднородная картина наблюдалась в Южной Европе. Например, больших успехов в образовании достигла Италия (по отношению к низкому уровню, наблюдавшемуся до Первой мировой войны), но португальское государство в 1920-е гг. не вкладывало значительных средств в образование.

Изучая ситуацию в 1913 г. (т. е. до войн и искажений межвоенного времени), мы видим ярко выраженное разделение Европы на ядро и периферию (рис. 10.8). В число стран

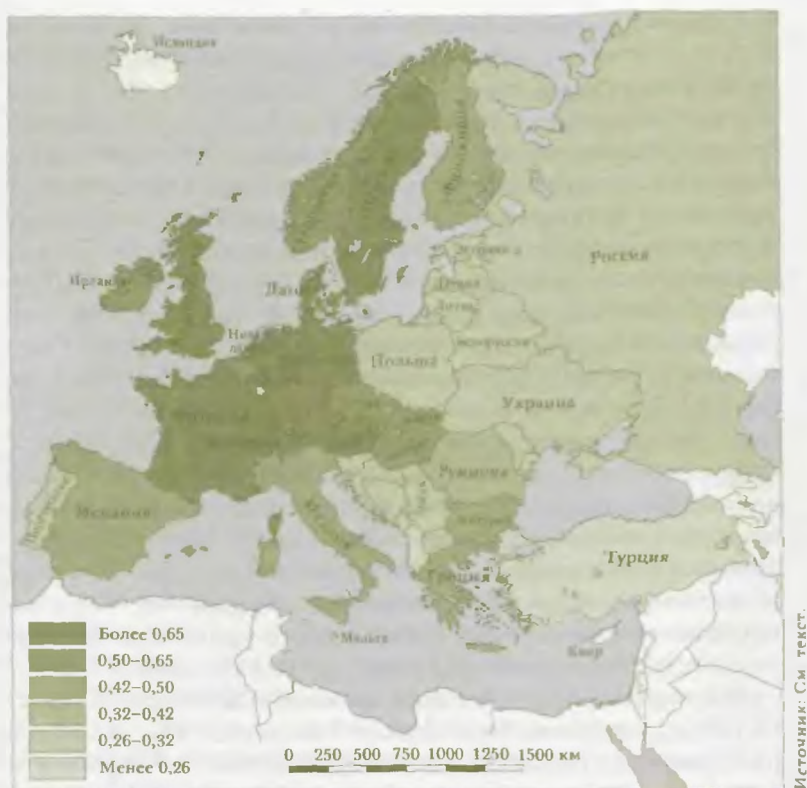

РИС. 10.8.
Уровень ИРЧП в европейских странах в 1913 г.

с максимальным ИРЧП входили Великобритания, Франция, Германия, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Дания и Швеция. Причины для присутствия в этой группе были разными. Например, в случае Великобритании оно обеспечивалось в первую очередь высоким ВВП, Германия и Франция отличались особенно развитым образованием, а в Скандинавии наблюдалась весьма высокая ожидаемая продолжительность жизни для данного уровня национального дохода. Кроме того, высокими были значения ИРЧП в Венгрии, Бельгии, Ирландии, Норвегии, а также на территории Чехии и Словакии (величина ИРЧП принята для них одинаковой, хотя в реальности Словакия, возможно, была менее развитой). Что касается стран с наиболее низким ИРЧП, то они включали в себя территории Россий-

РИС. 10.9.
Изменение ИРЧП в европейских странах в 1913–1938 гг.

ской и Османской империй, а также Португалию; очень скромным также был уровень развития Балкан. Эта структура «ядро–периферия» претерпела драматические изменения в 1913–1938 гг. (рис. 10.9). Особо следует отметить рост ИРЧП в Советском Союзе: согласно имеющейся статистике, там быстро повышался уровень образования, поскольку коммунистическое правительство поставило перед собой задачу охватить всех детей школьным обучением, и резко снизилась смертность. Прирост ожидаемой продолжительности жизни и ВВП, согласно официальной статистике, был чрезвычайно значительным. Помимо Советского Союза, величина ИРЧП повышалась и в других изначально слабо развитых странах — в Польше, Балтийских республиках, Португалии и, в меньшей степени, на Бал-

канах и в Турции, в то время как в странах европейского ядра прирост был минимальным, а в ряде случаев — даже отрицательным; Линдерт (Lindert 2004) утверждает, что во Франции охват населения образованием, который до войны был особенно высоким, мог несколько снизиться к 1938 г.

Мы можем сделать вывод, что ВВП на душу населения и ИРЧП в странах Европы демонстрировали в межвоенный период признаки конвергенции. К 1938 г. особенно улучшилось благосостояние Восточной Европы. Но значительного роста ВВП также добились некоторые богатые страны — такие, как Швейцария и Швеция. Однозначная конвергенция наблюдалась в плане роста ИРЧП, который в большой степени обеспечивался усилиями в сфере образования на востоке материка.

РОСТ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ ЖИЗНИ В 1914–1945 ГГ.

Получить представление о том, как изменялось благосостояние, можно и другим образом: изучая рост людей. Эта концепция также известна как «биологический уровень жизни», поскольку рост, как правило, коррелирует с важнейшими биологическими аспектами благосостояния — такими, как здоровье, ожидаемая продолжительность жизни и качество питания (Komlos 1985; Steckel 1995). Рост любого отдельного индивидуума мало что говорит нам о его благосостоянии, поскольку в значительной степени определяется наследственностью. Однако средний рост большого числа людей весьма тесно связан с качеством питания и здоровьем. Таким «антропометрическим» показателям благосостояния посвящена обширная литература, опирающаяся на многочисленные источники (Fogel 1986; Steckel and Floud 1998; Komlos and Baten 2004).

Объем исследований, посвященных росту людей в начале XX в., в реальности весьма невелик. Нам больше известно о том, как изменялся рост людей в XVIII–XIX вв., чем в начале XX в. И это понятно, учитывая, что для XVIII–XIX вв. у нас почти не имеется других показателей уровня жизни — таких, как ВВП на душу населения и оценки реальной заработной платы. В межвоенный период XX в. эти показатели снова становятся сомнительными, поскольку в сталинском Советском Союзе, нацистской Германии и в некоторых экономиках военного времени

практиковалось регулирование цен и заработной платы, что делает крайне спорными оценки, основанные на величине покупательной способности. Изучение роста имеет много сильных и ряд слабых сторон, однако оказывается наиболее полезным в тех случаях, когда прочие индикаторы благосостояния либо ненадежны, либо отсутствуют.

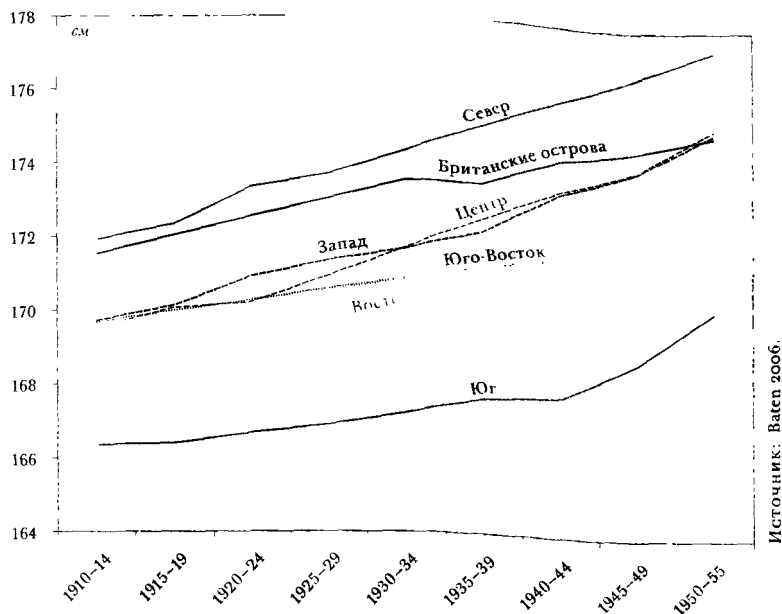
Что касается роста в начале XX в., то главным образом исследовался рост жителей Великобритании; так, Харрис (Harris 1988) изучал физическое развитие британских школьников в годы массовой безработицы. Ряд исследований, посвященных Советскому Союзу, был опубликован в специальном номере *Slavic Review*. Интерпретации советской антропометрической статистики весьма неоднозначны. Уиткрофт (Wheatcroft 1999) отмечает, что росту мужчин в Центральной России присущи позитивные тенденции, которые объясняются повышением благосостояния и успехом коммунистической политики. Комлас (Komlos 1985) отстаивает противоположную точку зрения: в СССР действительно просматривалась тенденция к увеличению среднего роста, но при сравнении с другими странами она не выглядит особенно впечатляющей. В других странах, утверждает автор, повышение среднего роста было более существенным. С учетом общего распространения гигиенических и медицинских знаний небольшое увеличение роста в данный период свидетельствует скорее об отсутствии успехов в повышении благосостояния. Верную интерпретацию мы получим лишь после сравнения с общемировой тенденцией, которая до сих пор остается невыявленной. Миронов (Mironov 1999c) объясняет тенденцию к увеличению роста, особенно наблюдавшуюся в 1950-е гг., резким снижением рождаемости. Кроме того, он предлагает ряд поправок к статистике роста, приведенной Уиткрофтом, исходя из того, что очень много советских солдат, имевших рост выше среднего, погибло на Второй мировой войне, следствием чего были заниженные первоначальные оценки среднего роста. Более того, в молодые когорты нередко включались лица старших возрастов.

Батен и Вагнер (Baten and Wagner 2003) исследуют биологические аспекты благосостояния в первые годы существования нацистской Германии — еще одного недемократического и антигуманного режима той эпохи. Авторы выяснили, что по иронии судьбы, в противоположность заявлениям нацистов о характерном для германцев высоком росте, рост немецких школьников за годы нацист-

ского правления, в противоположность другим европейским странам, не увеличился, а даже несколько снизился. Аналогичным образом, в Германии не происходило такого же увеличения ожидаемой продолжительности жизни, как во Франции, США и в ряде других стран, зато гораздо чаще, чем в других странах, встречались некоторые болезни (например, дифтерия, а также большинство болезней пищеварительных органов). Причиной этих тенденций являлась деградация германских продовольственных рынков в результате автаркии и рыночных интервенций. Более того, намного медленнее, чем в других странах, возрастали инвестиции в общественное здравоохранение: даже такие более бедные страны, как Венгрия, приступили к вакцинации дифтерией раньше, чем Германия, и добились в этом направлении более значительных успехов.

Но в то время как результаты по отдельным странам весьма поучительны, мы должны рассмотреть общую картину для всей Европы. Сначала изучим тенденции повышения роста (в сантиметрах) в различных европейских регионах (рис. 10.10). Следует отметить, что данные значения в значительной степени получены путем интерполяции, поэтому некоторые краткосрочные процессы могут оставаться невыявленными. Тем не менее общие тенденции и относительное увеличение роста дают нам весьма существенную информацию.

Первоначально, в 1910–1914 гг., в Европе существовали «высокая» группа (жители Скандинавии, Великобритании и Ирландии), средняя группа, включавшая страны Центральной, Юго-Восточной, Восточной и Западной Европы, и «низкая» группа, в которую входили жители южно-европейских стран. «Высокая» группа отличалась очень хорошим питанием, содержащим значительное количество белков и кальция (входящего, например, в состав молока), и высоким уровнем образования. В целом в начале XX в. тенденция к увеличению роста была свойственна всей Европе, однако относительное увеличение роста несколько различалось от региона к региону. В наименьшей степени люди выросли на юго-востоке Европы и на Британских островах. Великобритания и Ирландия явно перешли в группу среднерослых, а Юго-Восточная Европа спустилась из средней группы в низкорослые. Напротив, Южная Европа по мере улучшения ситуации с питанием, образованием и здоровьем прибавила в росте. В чем состояли причины этих процессов? Во-первых, несомнен-

Север	Британские о-ва	Юг	Юго-Восток	Центр	Восток	Запад
Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия	Великобритания, Ирландия	Кипр, Греция, Италия, Испания, Португалия	Албания, Болгария, Румыния, Югославия	Германия, Австрия, Швейцария	Чехия, Венгрия, Польша, Словакия и страны бывшей Российской империи	Нидерланды, Бельгия, Франция

РИС. 10.10.
Рост жителей европейских стран
в зависимости от года рождения в 1910–1950 гг.

но, что Великобритания в начале XX в. утратила свою привилегированную позицию «мастерской мира». Более того, в довоенный период она была крупнейшим в мире импортером продовольствия и могла серьезно пострадать от развала торговли в периоды войны и депрессии. С другой стороны, Балканы первоначально отличались достаточно хорошим питанием (по отношению к низкому уровню дохода), которое обеспечивалось натуральным сельским

хозяйством в отдаленных горных районах Болгарии, Черногории и Албании, однако быстрый рост численности населения и медленное повышение производительности ликвидировали это изначальное преимущество. Скандинавские страны находились в числе лидеров при построении классического европейского государства социального обеспечения, что весьма позитивным образом сказалось на здоровье беднейших слоев общества. Хотя в Восточной Европе рост людей увеличивался, все же это происходило не настолько быстро для того, чтобы обеспечить конвергенцию со Скандинавией или другими странами, имевшими более высокие антропометрические показатели. Средний рост жителей Восточной Европы в первую очередь определялся ситуацией в Советском Союзе. Темпы увеличения роста в Восточной Европе, более высокие, чем на Балканах, все же были не особенно выдающимися. Положительное влияние усилий коммунистических властей в сфере образования, отмечавшееся выше, при обсуждении ИРЧП, никак не сказывалось на цифрах среднего роста до 1950 г. Однако этого нельзя объяснить одними лишь особенностями развития при коммунистическом режиме. Германские армии, вторгшиеся в Советский Союз в 1941 г., уничтожили значительную часть производственных мощностей и других компонентов экономического роста.

Другие интересные моменты, просматривающиеся на этом рисунке, включают скромное увеличение роста в Южной Европе до 1940 г. — вероятно, обусловленное, наряду с прочими факторами, гражданской войной в Испании. Аналогичным образом, определенный вклад в медленное увеличение роста жителей Юго-Восточной Европы после 1945 г. внесли социалистические и коммунистические эксперименты. Наряду с населением Южной Европы, население Юго-Восточной Европы стало самым низкорослым на материке; однако позиции Южной Европы к этому моменту начали улучшаться. Что касается Центральной Европы, то на росте жителей Германии сказывались долгосрочные экономические тенденции, наблюдавшиеся во время Первой мировой войны и после нее, в то время как характерные для 1930–1940-х гг. проблемы с питанием никак не отразились на наших диаграммах (возможно, благодаря догоняющему развитию в начале послевоенного периода или вследствие неточных оценок).

Еще в начале XX в. различия в росте в значительной степени объяснялись доступностью белковой пищи (мяса,

РИС. 10.11.

Средний рост ок. 1913 г.
и его изменение за период до 1935 г.

молока и т.д.), поскольку те, кто жил в регионах, специализирующихся на производстве этих видов продовольствия, могли потреблять пищу, богатую белками и кальцием, по относительно низким ценам. Например, подобным преимуществом пользовались жители Скандинавских стран, несмотря на то что они были существенно беднее англичан.

В межвоенные годы важным фактором, определявшим рост, стал доход, а продолжительность жизни перестала зависеть от близости к источникам белковой пищи. Роль показателей биологического благосостояния постепенно переходила от доступности белков к доходу и прочим факторам (таким, как состояние общественного здравоохранения). Наблюдалась ли в 1910–1935 гг. конвергенция в отношении среднего роста? Интересно, что в данный период, отмеченный распадом рынков, вместо конвергенции мы видим скорее дивергенцию (рис. 10.11). С сокращением экспорта товаров, обеспечивавших сравнительные преимущества конкретным экономикам, в странах — производителях белковой пищи потребление временно увеличилось,

а в средиземноморских экономиках снизилось. Переходя от последних лет межвоенного периода к 1950-м гг., мы получаем намного более пеструю картину: в некоторых странах, изначально имевших низкорослое население (такие, как Греция, Россия и Испания), ситуация значительно улучшилась, в то время как в Швеции и Норвегии темпы увеличения роста не дотягивали до среднего уровня. Однако и в той, и в другой группе встречаются обратные примеры; так, продолжали прибавлять в росте жители Дании и Нидерландов, изначально находившиеся в числе высокорослых. Но в первую очередь следует отметить, что совершенно не увеличился рост жителей Турции, несмотря на большие возможности для догоняющего развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период 1914–1945 гг. вошел в историю главным образом как эпоха двух опустошительных мировых войн, распада крупных империй, глобальной экономической депрессии и гражданских войн в России и Испании. Исследования показывают, что эти потрясения в краткосрочном плане серьезно сказывались на доходах, и в то время как у нас нет надежных данных о доходе ни в нацистской Германии, ни в Советской России, такой показатель, как рост населения, говорит о стагнации уровня жизни в этих странах. В этом свете поразительным представляется то, что в течение 40 с лишним лет население Европы выросло почти на 100 млн человек, доход на душу населения возрос более чем на 25%, а средний рост людей увеличился более чем на 4 сантиметра. Очевидно, европейское общество имело большой потенциал к восстановлению, и долгосрочные тенденции очень быстро возобновлялись после любых конфликтов и перемещений населения. Вообще, макроперемещения населения и изменения дохода представляются менее значимыми, чем некоторые качественные аспекты уровня жизни (такие, как ожидаемая продолжительность жизни, размер семьи, уровень грамотности и образования), а также изменения в структуре экономики, и в частности индустриализация, повлекшая за собой крупные миграционные потоки из сельскохозяйственного сектора в промышленный, из села в город, из бедных аграрных экономик Южной и Восточной Европы в западноевропейские индустриальные регионы.

О значительном прогрессе, достигнутом в этот период, позволяет судить ИРЧП, свидетельствующий о явной конвергенции Восточной и Южной Европы с Северо-Западной Европой. При этом рост доходов был не самым важным определяющим фактором. Намного большее значение имели структура расходов и государственные интервенции. Резко снизилась младенческая смертность, вызвав увеличение ожидаемой продолжительности жизни почти на 40%, — что было обусловлено в первую очередь ростом расходов на общественное здравоохранение, улучшением жилищных условий и массовым распространением консультаций и центров материнского и детского здоровья. Восточная и Южная Европа приобщалась к базовым медицинским знаниям, что позволяло этим странам догнать более передовые регионы. Снижение младенческой смертности побуждало матерей рожать меньше детей; эта тенденция подкреплялась сильным сокращением доли, занимаемой в экономике такими секторами, как сельское хозяйство, в которых по традиции широко применялся детский труд, и значительным возрастанием участия женщин на рынке труда, которое, в сочетании с ростом расходов на детское образование, повышало издержки, связанные с наличием детей. В странах Восточной и Южной Европы, оказавшихся способными догнать Северную и Западную Европу, происходило более существенное снижение доли традиционных секторов экономики, служившее важнейшей отличительной чертой данного периода.

ЧАСТЬ III
ОТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

ГЛАВА 11

Экономическое влияние
европейской интеграции

БАРРИ ЭЙХЕНГРИН
АНДРЕА БОЛТО

СОДЕРЖАНИЕ

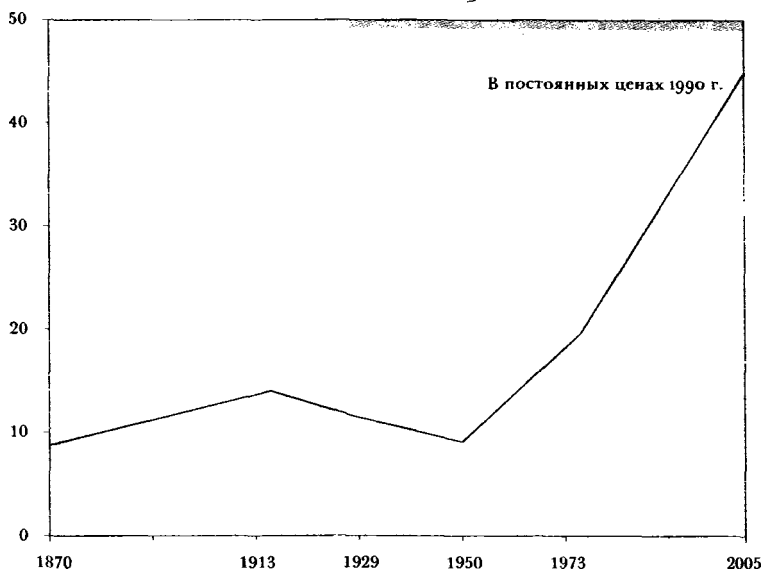
Введение ·	367
Контрфактуальный подход ·	372
Аналитические соображения ·	375
Несколько контрфактуальных моделей ·	379
Заключение ·	400

Авторы выражают благодарность Альберту Каррерасу, редакторам, а также участникам Летнего симпозиума CERP 2007 г. за многочисленные полезные замечания; также остаются в силе все традиционные оговорки.

ВВЕДЕНИЕ

УСПЕШНОЕ развитие Западной Европы после Второй мировой войны в значительной степени опиралось на стремительную интеграцию региона как в мировую экономику, так и в его собственных пределах. Великая депрессия, протекционизм и война отбросили внешнюю торговлю к уровню, наблюдавшемуся незадолго до Первой мировой войны. Например, в 1947–1948 гг. объем западноевропейского экспорта был лишь немногим больше, чем в 1913 г. (Svennilson 1954). Что касается перемещения капитала, то изобилие неконвертируемых валют и жесткие ограничения на обмен валюты фактически свели его к нулю. Шестьдесят лет спустя объем экспорта превышал послевоенный уровень пятидесятикратно, свободная торговля преобладала и в Западной, и в Восточной Европе, а степень открытости достигла беспрецедентных масштабов — как и объемы внутриевропейской торговли при практически полной свободе перемещения капитала. Более того, многие страны вообще отказались от собственных денег в пользу новой общей валюты — евро.

О росте значения внешней торговли в течение данного периода дает представление рис. 11.1, на котором изображена доля экспорта в ВВП Западной Европы в постоянных ценах. После провала в межвоенные годы эта величина начиная с 1950 г. резко возрастает, уже к 1973 г. выйдя на уровень, превышавший тот, что был достигнут в ходе предыдущей фазы глобализации в начале XX в. В последние несколько десятилетий возрастание доли экспорта в ВВП было еще более значительным. И если при этом доля Европы в объеме мирового производства (с учетом ППС — паритета покупательной способности) сокращалась за эти годы весьма быстрыми темпами, то этого отнюдь нельзя сказать о доле Европы в мировой торгов-

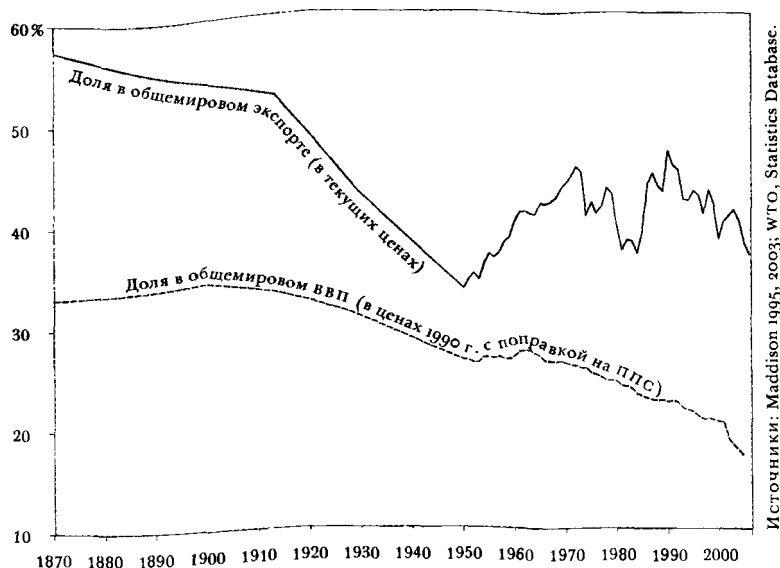

Источники: Maddison 1995; IMF, International Financial Statistics; OECD, National Accounts; World Bank, World Development Indicators; WTO, International Trade Statistics; оценки авторов.

РИС. 11.1.
Западная Европа: отношение экспорта к ВВП, %

ле (рис. 11.2). Составляя почти 60% в 1870 г., эта доля к 1950 г. сократилась до трети с небольшим, однако снова увеличилась за 1950–1960-е гг., в течение 1970–1980-х гг. колебалась на одном уровне и лишь в начале 1990-х гг. начала понемногу снижаться вследствие выхода на мировой рынок ряда ранее относительно закрытых развивающихся экономик. Важной причиной, обеспечивавшей эту устойчивость, была резко возросшая доля внутриевропейского обмена (табл. 11.1). В настоящее время Европа отличается намного большей интегрированностью по сравнению с двумя другими важнейшими мировыми зонами торговли — Америкой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

То же самое вполне может быть верно и для движения капитала; недостаточность данных о его потоках между отдельными странами делает проблематичными какие-либо однозначные выводы в этом отношении. Как упоминалось выше, данный период начался с резких

Источники: Maddison 1995, 2003; WTO, Statistics Database.

РИС. 11.2.

Доля Западной Европы в общемировом ВВП и экспорте

ограничений на трансакции капитала, очень медленно снимавшихся на протяжении 1950–1970-х гг. Отказ от ограничений в этой сфере ускорился в 1980-е гг., а следующий мощный толчок свободному движению капитала дали принятие в 1992 г. Программы единого рынка ЕС и создание евро. Возможно, наилучшим косвенным показателем этого постепенного возрастания открытости служит так называемый критерий Фелдстайна–Хориоки (Feldstein and Horioka 1980), основанный на простой взаимосвязи между объемом отечественных сбережений и уровнем инвестиций. Почти идеальная корреляция (которую следовало бы ожидать в закрытой экономике) по меньшей мере предполагает отсутствие свободного движения капитала; и напротив, отсутствие корреляции говорит о том, что данные страны могут дополнять свои внутренние сбережения зарубежными займами или, наоборот, имеют возможность свободно ссужать свои избыточные сбережения остальному миру.

В табл. 11.2 приведены очень простые показатели этой зависимости за период в 50 с лишним лет для 14 западноевропейских стран. Чем меньше значение показателя

ТАБЛИЦА 11.1.

Значение внутриевропейской торговли
(доля внутрирегиональной торговли в общей торговле региона)

Год	Западная Европа	Европа в целом ^a	Америка	Азиатско-Тихоокеанский регион
1938	52,2	61,4	33,3	—
1950	49,3	58,7	53,9	—
1970	67,3	73,9	46,9	35,1
1990	72,2	75,2	47,8	41,7
2008	—	76,6	57,2	50,1

^a Включая Восточную Европу и Советский Союз (СНГ в 2006 г.).

Источники: Международная торговая статистика ГАТТ и ВТО (различные выпуски).

(т. е. чем меньше коэффициент, связывающий валовые инвестиции с валовыми сбережениями в простой линейной регрессии), тем ближе находится Западная Европа к абсолютной мобильности капитала. Реальные значения этих величин свидетельствуют о том, что ее достижение по-прежнему является делом будущего, а также, возможно, о том, что вкладчики отдают решительное предпочтение инвестициям в отечественные активы. С другой стороны, с 1950-х по середину 2000-х гг. просматривается постепенное и весьма стабильное движение в сторону большей мобильности капитала.

Причины существования этих различных тенденций весьма многообразны. Вполне вероятно, что расширение объемов торговли и росту мобильности капитала способствовали снижению транспортных издержек и совершенствование средств связи. Однако более важным наверняка был вклад экономического роста. В быстро развивающихся экономиках спрос порождает потребность в импорте, в то время как повышение производительности приводит к появлению новых и более дешевых товаров, обладающих экспортным потенциалом; кроме того, по мере экономического роста финансовые системы усложняются и искажающее влияние ограничений влечет за собой все большие издержки. Разумеется, важно и то, что стремительное вовлечение в международный обмен содействует экономическому росту, увеличивая спрос, стимулируя конкурен-

ТАБЛИЦА 11.2.
Мобильность капитала
в 14 западноевропейских странах
(Простой критерий мобильности
капитала по Фелдстайну-Хориоке^а)

1950–1959	0,78
1960–1969	0,76
1970–1979	0,63
1980–1989	0,58
1990–2006	0,48

^а Он представляет собой значение коэффициента β в простой регрессии вида $I/Y = \alpha + \beta S/Y$, где I/Y и S/Y представляют собой долю валовых инвестиций и валовых сбережений в ВВП, выраженную в текущих ценах. Подробнее см. в тексте.

Источники: Feldstein and Horioka 1980; OECD National Accounts and Economic Outlook Data Base (различные выпуски).

цию, обеспечивая технологические переливы и привлекая прямые зарубежные инвестиции.

Однако большинство исследователей послевоенной Европы могли бы объяснить успешное движение континента к открытости и интеграции еще одним институциональным фактором — процессом экономического и политического объединения: ведь устранение тарифных барьеров во внутрисвропейской торговле, ликвидация нетарифных барьеров и отказ от контроля за капиталом внесли существенный, если не решающий вклад в этот процесс. На момент скромного начала, положенного созданием Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), единая Европа насчитывала в своем составе 6 стран; после ее расширения на восток в 2004 и 2007 гг. этот клуб превратился в союз 27 государств (табл. 11.3). Отнюдь не исключено, что десять лет спустя в нем будет состоять уже более 30 стран. Согласно общепринятому мнению, если бы всего этого не произошло, то вкратце обрисованный выше интеграционный процесс мог бы остаться лишь фантазией. А если бы не было интеграционного процесса, то и экономические успехи Европы наверняка были бы намного более скромными. Но можно ли считать это общепринятое мнение непреложной истиной?

ТАБЛИЦА 11.3.

Единая Европа в цифрах. Некоторые важные вехи
на пути к европейскому единству

	Число стран-участниц	Население, млн чел.	Доля в обще- европ. ВВП ^a , %
1957: Заключение Римского договора	6	167	49
1973: Первое расширение ЕЭС	9	257	68
1981: Присоединение Греции	10	271	69
1986: Присоединение Испании и Португалии	12	322	77
1990: Объединение Германии	12	346	82
1995: Дальнейшее расширение	15	373	88
2004: Первое расширение на восток Европы	25	456	95
2007: Вступление Болгарии и Румынии	27	489	96

^a В постоянных ценах 1990 г.; общеевропейский ВВП вычислен с учетом оценок для Восточной Европы (за исключением бывшего СССР).

Источник: Groningen Growth and Development Center (GGDC), Total Economy Database, January 2008; Maddison 2003.

КОНТРАКТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Идея о том, что региональная интеграция была одним из ключевых процессов, определявших развитие европейской экономики после Второй мировой войны, получила большое распространение. Авторы соответствующей литературы обычно используют один или два подхода для выявления результатов этой интеграции. Сторонники нарративного подхода указывают на влиятельных индивидуумов (Монне, Шумана, Делора), ключевые события (решения о создании ЕОУС, о заключении Римского договора, об основании Единого рынка) и скрытые силы (предпочтение, оказываемое экспорту и банковским интересам по сравнению с торговлей и финансовой либерализацией; согласие США на европейскую интеграцию и даже помощь Европе в этом начинании), подразумевая, что при их отсутствии все могло бы обернуться совсем по-иному. Сторонники количественного подхода, используя сравнительные данные по ряду стран, определяют регрессию между показателями экономического развития — такими,

как, скажем, рост производства, экспорта или занятости — и их стандартными значениями, делая поправку на степень участия данной страны в ЕС. При этом они исходят из предположения о том, что влияние интеграции на экономику можно определить, задав переменную, определяющую уровень участия в ЕС, равной нулю, и фактически сравнивают статистические экономические показатели для государств — членов ЕС и для других стран с учетом прочих наблюдаемых характеристик.

Оба подхода имеют свои ограничения. Используемое в нарративном подходе предположение о том, что при отсутствии ключевых индивидуумов или событий история Европы могла бы пойти иным путем, обычно остается неявным, и насколько иным был бы этот путь, не уточняется. Конечно, мы могли бы получить совсем другой результат, если бы, например, Монне не был убежденным сторонником единой Европы, способным дипломатом и первым руководителем ЕОУС. Однако такие наблюдения не дают ответа на вопрос, в какой степени реальный путь событий отличался бы от гипотетического. Неужели без Монне и создания ЕОУС Европа оказалась бы неспособна на устойчивое восстановление после Второй мировой войны? Или же в этом случае были бы разработаны другие механизмы интеграции Германии в Европу, освобождения тяжелой индустрии этой страны от ограничений на производство и восстановления важнейшего европейского источника средств производства? Не привели бы к Римскому договору альтернативные пути? А если бы этого не случилось, то как бы в таком случае происходило развитие Европы? Могло ли выйти так, что европейские страны вели бы более обширную торговлю с США, чем друг с другом? Осуществлялась бы в этом случае Единая сельскохозяйственная политика (ЕСП) и какими были бы в ее отсутствие субсидии производителям и ограничения на импорт, устанавливаемые на национальном уровне — более или менее щедрыми?

Аналогично, ключевая идея количественного подхода, заключающаяся в том, что влияние европейской интеграции или, скажем, экспорта можно оценить, приравняв к нулю уровень членства в ЕС, основывается на предположении, что степень интеграции — величина экзогенная, а все прочие переменные равны. Но в реальности уровень экспорта и уровень интеграции являются взаимосвязанными факторами в рамках общей исторически сло-

жившейся системы. Помимо того что либерализующее влияние ЕС содействовало внутриевропейской торговле, сам рост внутрирегиональной торговли создавал дальнейший стимул к углублению и развитию ЕС. В подобных условиях оценка воздействия такой эндогенной переменной, как членство в ЕС, становится непростым делом.

В данной главе нами будет использован другой подход. Вместо того чтобы пытаться анализировать влияние европейской интеграции в предположении, что конкретная интеграционная инициатива не имела места при неизменности всех прочих существенных факторов, представим себе контрфактуальный мир. Например, зададимся вопросом: если бы не было создано ЕОУС, нашли бы европейские страны другие способы восстановить производство в своей чугуно- и сталеплавильной отрасли и торговлю ее продукцией? Если бы не возник Общий рынок, сумела бы Западная Европа каким-то иным образом стимулировать свою внутреннюю торговлю? Взамен простого предположения о том, что конкретной инициативы не было, а все прочее осталось таким же, мы явным образом попробуем оценить, как адаптировалась бы к этому изменению вся система. В этом смысле мы следуем таким историкам экономики, как Фогель (Fogel 1964), пытавшимся выявить контрфактуальную картину во всей ее полноте.

Кроме того, мы постараемся преодолеть триумфаторский уклон прежних описаний интеграционного процесса (нередко составляемых лицами, «присутствовавшими при моменте творения»), для чего попробуем оценить, насколько правдоподобна гипотеза о том, что отсутствие ЕС слабо сказалось бы на европейской экономике. Согласно нашей точке зрения, ЕС сыграл *значительную* роль в развитии европейской экономики. Однако, исследуя, в какой мере может быть справедлив тезис, утверждающий обратное (т.е. насколько приемлемы предположения о минимальном воздействии ЕС), мы создаем уклон, удаляющий нас от желательного вывода. В данном отношении мы снова опираемся на подход Фогеля с использованием контрфактуального анализа¹.

Во втором разделе дается более подробный разбор применяемых нами аналитических рамок. Далее мы займемся контрфактуальными упражнениями, для чего

1. Напомним читателю, что Фогель (Fogel 1964) пытался обосновать тезис о незначительном влиянии железных дорог на уровень жизни в Америке. При этом он мог исходить из любого удобного ему предположения (каким бы нереалистичным то ни было), при условии что оно работало бы на преувеличение изменений американского уровня жизни, которые происходили бы при отсутствии железных дорог. Мы же в нашем случае хотим показать, что влияние Европейского союза на европейский уровень жизни было отнюдь не незначительным. Соответственно, мы постараемся выяснить, в какой степени можно назвать правдоподобным аргумент о том, что отсутствие ЕС практически никак бы не сказалось на уровне жизни в Европе — либо вследствие ничтожного экономического влияния ЕС, либо по причине того, что, если бы даже Евросоюз не был создан, европейцы нашли бы другие способы достижения тех же самых результатов.

в каждом конкретном случае представим, что то или иное ключевое событие не происходило, или примем гипотезу о том, что данный фактор, содействовавший интеграции, сказался не столь заметно или вообще никак себя не проявил, а затем попытаемся оценить, как интеграционный процесс или развитие экономики протекали бы в их отсутствие. Результаты этого мысленного эксперимента будут обобщены в заключительном разделе.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

В первую очередь рамки для контрфактуальных предположений можно задать, исходя из показателей экономического роста. В таких ранних неоклассических моделях, как описанная Solow (1956), — она была разработана одновременно с тем, как создавалось Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), — уровень дохода на душу населения зависит от уровня совокупных сбережений (поскольку в этот период низкой мобильности капитала отечественные инвестиции определялись уровнем отечественных сбережений), а также от темпов роста населения и технического прогресса. В этих узких рамках роль ключевой переменной, посредством которой европейская интеграция влияла на уровень дохода в состоянии устойчивого равновесия (и на темп роста в переходный период), играло поощрение сбережений. Содействуя мирной кооперации между Францией и Германией, интеграция могла внушить людям ощущение безопасности, которое влекло за собой более высокий уровень сбережений и инвестиций. Способствуя более быстрому снятию ограничений военного времени, интеграция поощряла фирмы к перемещению ресурсов в более прибыльные сферы и стимулировала дополнительные корпоративные сбережения. Однако эти механизмы с наибольшей вероятностью работали в 1950-е гг.; более сложно представить себе, чтобы они имели первостепенное значение в последующие годы.

Возможным исключением из этого последнего соображения служит формулировка, согласно которой сбережения, инвестиции и прибыльность зависят от давления заработной платы (Bruno and Sachs 1985; Armstrong et al. 1991), а давление заработной платы определяется уровнем интеграции. Можно представить себе, что более конкурентное окружение, создаваемое более свободной трансграничной

торговлей, будет способствовать, например, сдерживанию роста заработной платы. Но такая связь сомнительна, поскольку в период, отличавшийся сдерживанием заработной платы, европейская интеграция пребывала в зачаточном состоянии и конкуренция со стороны импортных товаров носила ограниченные масштабы. С другой стороны, период, когда конкуренция, обусловленная интеграцией, усилилась в связи с окончательным созданием таможенного союза, являлся в то же время периодом несдерживаемого роста заработной платы. Аналогично, в недавние годы, невзирая на существование валютного союза, различным странам еврозоны были свойственны совершенно разные тенденции в сфере номинальной и реальной заработной платы — в этой связи яркий контраст наблюдался, например, между Италией и Португалией с одной стороны, и Германией с другой, — из чего следует, что уровень заработной платы в большей степени определяется национальными факторами, чем общеевропейскими процессами.

Согласно формулировке Солоу, темп технического прогресса является экзогенной величиной и, следовательно, не зависит от таких факторов, как европейская интеграция. В более поздних моделях роста технические изменения были объявлены эндогенными и связывались, *inter alia*, с темпом роста экспорта. В тех моделях, где экономический рост стимулируется экспортом (см., например: Little, Scitovsky, and Scott 1970; Myrdal 1970), предполагается, что обучение в процессе работы быстрее происходит в экспортно ориентированных отраслях; отсюда следует, что создание европейского таможенного союза, а затем и Общего рынка, ускорив устранение барьеров для трансграничной торговли, могло стимулировать обучение, вело к технологическим переживаниям и ускорило рост производительности. В той степени, в какой повышение производительности означает повышение прибылей, должен был создаваться стимул к дополнительному формированию капитала, за которым следовало дальнейшее ускорение роста и возрастание доходов. И в той степени, в какой технический прогресс воплощается в средствах производства, итогом могли стать все более высокие темпы роста. В таких эндогенных моделях роста сильный шок, подобный созданию Общего рынка, может вывести экономику на совершенно новую траекторию роста, отличающуюся наряду с более высоким уровнем дохода и про-

изводства еще и перманентно более высокими темпами роста (Baldwin 1989).

Рассмотренные выше модели, как правило, предполагают ситуацию свободной конкуренции на рынках. Если сделать это допущение менее строгим, экономическая интеграция может иметь некоторые другие последствия. Ее влияние будет, например, проявляться в экономии за счет масштаба, обеспечиваемой более крупными рынками. Также можно упомянуть идею об X-эффективности (Leibenstein 1996), согласно которой политика ЕЭС, усиливавшая трансграничную конкуренцию, могла стимулировать развитие и освоение новых технологий и принципов корпоративной организации, заставляя фирмы либо осуществлять инновации, либо разоряться. Свою роль могло сыграть и совершенствование институтов. «Хорошие» институты содействуют развитию. В интегрированной Европе пример стран с «отличными» институтами мог сподвигнуть и другие государства на переход к более удачной практике и политике. Аналогично, Брюссель мог иметь возможность содействовать реформам, стимулируя поведение, направленное на усиление конкуренции, и более рыночно ориентированную политику, чем та, которая проводилась бы в ином случае.

Таким образом, теми каналами, по которым европейская интеграция могла бы оказывать влияние (возможно, весьма существенное) на темп экономического роста, были — согласно альтернативным моделям экономического роста — сбережения, инвестиции, прибыльность, экспорт, показатели технических изменений, а также корпоративная и институциональная реформы. Смена акцента в этих моделях свидетельствует о том, что относительное значение разных каналов тоже могло изменяться с течением времени, причем присущая ЕЭС тенденция к насаждению уверенности и поощрению сбережений была более важна в начале данного периода, а усилия по стимулированию конкуренции и содействие мерам, повышающим эффективность, получили большее значение в более поздний период. Из этих моделей также следует, что интеграция наиболее заметно сказалась на результатах (иными словами, привела к наибольшим различиям между реальным и контрфактуальным миром) в том случае, когда проводником ее влияния являлись каналы, подчеркивающиеся в моделях экономического роста с эндогенными техническими изменениями либо в моделях, выделяющих роль торговли при усилении конкуренции.

По примеру многих авторов мы в вышеприведенной дискуссии принимали политику за экзогенный фактор и задавались вопросом: насколько отличались бы экономические результаты в том случае, если бы реально проводилась иная политика? Точно так же, как новые модели роста объявляют эндогенными технические изменения, так и новые политико-экономические модели строятся на постулате об эндогенности политики. Согласно одной из традиций — так называемой модели «счетной машины», политика является функцией своекорыстных интересов тех или иных секторов или факторов производства (Moravcsik 1998; Frieden 2006). ЕЭС стало проводить ЕСП, потому что сельское хозяйство в 1950–1960-е гг. продолжало оставаться важным источником рабочих мест и производства; оно приняло Социальную хартию, защищающую права рабочих, потому что у рабочих имелись сильные организации в лице социал-демократических партий и профсоюзов; в конце концов оно санкционировало свободное перемещение капитала, потому что финансовый капитал становился все более влиятельным. Общим в этих примерах является то, что политика диктуется структурой экономики, которая, в свою очередь, диктуется соотношением между факторами производства. Таким образом, до тех пор пока меры европейской интеграции не оказывают влияние первого порядка, допустим, на уровень капиталовооруженности, они не могут иметь влияние первого порядка на политику.

Опять же, эти замечания приводят нас к вопросу о наиболее адекватной модели роста: моделям типа модели Солоу присуща тенденция к тому, чтобы соотношение между факторами производства после шока возвращалось к состоянию, близкому к первоначальному равновесию. Так, если не был осуществлен конкретный набор политических мер, то вполне логично полагать, что в контрфактуальном мире своекорыстное лоббирование со стороны тех же факторов производства, которые в реальности стояли именно за этой политикой, вынудило бы власти к принятию мер почти точно такого же плана. Напротив, в новых моделях роста контрфактуальные изменения в политике могут привести к установлению совершенно иного уровня капиталовооруженности и к совершенно иной секторной структуре экономики. Таким образом, можно себе представить, что лоббирование и та политика, к которой оно приводит, могли бы быть совершенно иными.

Согласно другой традиции в литературе по европейской интеграции, политические последствия определяются конкретными индивидуумами, имеющими возможность задавать повестку дня. По отношению к действиям этих лиц политика является эндогенным фактором. Соответственно, литература, подчеркивающая влияние, *inter alia*, Монне, Шумана, де Голля и Делора, утверждает, что в их отсутствие проводилась бы совершенно иная политика. Если брать на вооружение именно этот подход, то остается только представить себе результаты контрфактуальной политики (очевидно, соответствующей *status quo ante*) в избранной модели роста. С другой стороны, исследователи, работающие в традиции Хааса (Haas 1958), полагают, что последующие политические возможности существенным образом зависят от политического выбора и институционального развития на ранних этапах. Иными словами, постулируется зависимость политики от пути развития. Если бы не было Монне и Шумана, создавших органы для управления европейской угольной и стальной индустрией, то не было бы и Римского договора. Если бы Делор не принял участия в создании Общего рынка, то у Европы не было бы единой валюты, поскольку от экономической интеграции к валютной интеграции вели позитивные переливы — как в экономике, так и в политике.

Какому бы из этих подходов ни отдавать предпочтение, представить себе контрфактуальный мир — задача непростая. В зависимости от того, какая модель роста считается адекватной, расхождение между итогами реальной и контрфактуальной политики может быть либо очень маленьким, либо очень большим. А в зависимости от избранной политической модели воображаемая политика может либо очень сильно отличаться, либо почти ничем не отличаться от проводившейся в реальности.

НЕСКОЛЬКО КОНТРАФАКТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Попробуем применить контрфактуальный метод к различным этапам европейского интеграционного процесса, начиная с Европейского платежного союза (ЕПС) и ЕОУС и далее через Общий рынок, Европейскую валютную систему (ЕВС) и Программу единого рынка (ПЕР) 1992 г. перейдя к Европейскому валютному союзу.

Европейский платежный союз

Созданный в 1950 г. ЕПС представлял собой первый значительный послевоенный этап европейской интеграции. Для регулирования платежного баланса во время войны и во второй половине 1940-х гг. использовались меры валютного контроля. Теперь же их устранение и введение конвертируемости валют по текущим счетам (т.е. разрешение их свободной покупки и продажи в торговых целях) стало необходимой предпосылкой для возрождения внутриевропейской торговли и создания общего рынка.

Однако при попытке восстановить конвертируемость по текущим счетам европейские страны столкнулись с проблемой координации. Представим себе, что какая-либо страна в одностороннем порядке ввела у себя свободу импорта и экспорта, разрешив неограниченно использовать свою валюту для таких трансакций. Тогда резиденты страны могли бы удовлетворить свой накопленный спрос на импортные товары, но экспортеры все равно не имели бы возможности продавать свою продукцию за рубежом (поскольку другие страны так и не сняли у себя валютные ограничения). Соответственно, угроза ухудшения торгового баланса сделает одностороннюю либерализацию нежелательной.

ЕПС решил эту проблему, поощряя участников к скоординированному осуществлению такого перехода. Страны-участницы — в первую очередь ими были получатели американской помощи по плану Маршалла — согласились ратифицировать Кодекс либерализации, требовавший от них совместной поэтапной отмены валютного контроля и других дискриминационных мер в сфере торговли. Выполнение этого кодекса обеспечивала Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), в дальнейшем преобразованная в современную ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития). США в рамках плана Маршалла выделили 500 млн долларов на оказание помощи тем странам, которые в ходе либерализации столкнулись с временными проблемами платежного баланса, подобно Германии в 1951 г. Совет управляющих, состоявший из независимых финансовых экспертов, следил за соблюдением странами-участницами взятых на себя обязательств и оказывал содействие в экстренных случаях.

В течение 1950-х гг. была постепенно восстановлена полная конвертируемость по текущим счетам. Объемы внутриевропейской торговли при этом уверенно возрастали, увеличившись примерно с 10 до 23 млрд долларов. Контрфактуальное предположение заключается в том, что в отсутствие ЕПС либерализация торговли происходила бы с запозданием и экспорт возрастал бы более низкими темпами. Это негативно сказалось бы на расширении и перестройке экономики, и показатели ее развития были бы менее удовлетворительными.

Трудно оспаривать значение торговли в золотой век европейского экономического роста (1950–1973 гг.). Не имея возможностей для экспорта, европейские страны были бы неспособны перестраивать экономику в соответствии с имеющимися у них сравнительными преимуществами. Медленнее происходил бы процесс обучения в ходе работы, тесно связанный с экспортом². Более низкими были бы темпы роста производительности и накопления капитала. А более вялый рост экономики снижал бы заинтересованность в других региональных инициативах.

Однако мы вправе подвергнуть сомнению предположение о том, что в отсутствие ЕПС европейская торговля пребывала бы в стагнации. Если преимущества, связанные с возрождением европейской торговли, были так велики, то нашлись бы и другие пути, ведущие к этой цели. Очевидную альтернативу представлял собой Международный валютный фонд (МВФ). Статьи соглашения МВФ тоже требовали от стран-участниц восстановить конвертируемость по текущим счетам в течение пяти лет после начала работы фонда. Как показали дальнейшие события, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. фонд обладал ограниченным влиянием. США фактически запретили получателям помощи по плану Маршалла брать займы от МВФ, расценивая это как мошенничество и нарушение условий, на которых предоставлялась помощь. Собственно, создание ЕПС можно рассматривать как целевой ответ администрации плана Маршалла на введение этого самого запрета (вспомним о 500 млн долларов, выделенных в рамках плана Маршалла на капитализацию ЕПС). При отсутствии ЕПС, который в вышеупомянутом смысле не подразумевал существование плана Маршалла, запрет на получение займов от МВФ не обязательно был бы введен³. Без содействия перестройке, оказываемого ЕПС, дополнительная помощь поступала бы от МВФ. В этом случае

2. Эти моменты подробно рассматриваются в: Eichengreen 1996b.

3. Это дополнительное контрфактуальное соображение выходит за рамки данной главы, однако оно обсуждается в: DeLong and Eichengreen 1992.

4. При всем при том Европс все равно бы уделялось значительное внимание. Директором-распорядителем МВФ был европеец, а в исполнительном совете фонда треть мест принадлежала европейским странам.

либерализация европейской торговли производилась бы без такой тесной координации, поскольку МВФ руководил бы этим процессом с меньшей оглядкой на Европу⁴. Если бы в итоге страны Европы были бы не в состоянии развивать торговлю друг с другом (по крайней мере развивать ее в том же темпе), то у них все равно оставалась бы возможность торговать с США, и это направление торговли, очевидно, расширилось бы быстрее.

Таким образом, наше контрфактуальное предположение не сводится к отсутствию ЕПС при неизменности всей прочей институциональной системы. Скорее, имеет смысл говорить об отсутствии ЕПС и расширенной роли МВФ в процессе движения к конвертируемости по текущим счетам и при оказании срочной финансовой помощи странам, испытывающим проблемы платежного баланса. Кроме того, в таком случае несколько быстрее развивалась бы торговля Европы с США, отчасти компенсируя замедленный рост внутриевропейской торговли. Европейские страны все равно могли бы наращивать свой экспорт и осуществлять реструктуризацию экономики в соответствии с имеющимися у них сравнительными преимуществами. Сомнительно, чтобы эффект обучения и темп формирования капитала при этом сильно отличались бы от их значений в реальном мире.

Европейское объединение угля и стали

Это объединение тяжелой индустрии, в первую очередь включающее в себя Францию и Германию (а также Италию и Бенилюкс), было следующим значительным этапом европейской интеграции. Как выразился Джиллингем (Gillingham 1995, p. 151), ЕОУС опиралось на новую, наднациональную идею: членство в ЕОУС требовало передачи суверенитета новому общеевропейскому органу. Рабочий документ, составленный под руководством Монне, стал основой для проведенной в июне 1950 г. конференции, на которой был создан Высший руководящий орган ЕОУС. Его обязанности, согласно плану Монне, заключались в поощрении конкуренции, руководстве инвестициями, создании единого рынка и устранении всех субсидий, количественных квот и торговых ограничений картельного типа. Однако представим себе, что у Монне не родилось этой идеи, а Шуман не стал развивать ее дальше. Насколь-

ко европейская экономика отличалась бы в этом случае от того, что мы имеем в реальности?

В смысле цен, производства и прибыльности угля и стали, а также инвестиций в производственные мощности и применяемых технологий, отличий было бы немного. После конференции 1950 г. европейские правительства быстро приняли меры к тому, чтобы избежать передачи Высшему руководящему органу своих полномочий в отношении налогов, субсидий и тарифов на продукцию угольной и стальной отрасли. Вопреки надеждам Монне, создание ЕОУС не привело к возникновению единого рынка. В угледобыче по-прежнему широко использовались субсидии и контроль за ценами на национальном уровне, поскольку власти считали субсидирование энергоресурсов необходимым для обеспечения социальной стабильности (цены на топливо занимают существенное место в бюджете домохозяйств) и осуществления своих планов развития, и Высший руководящий орган ничего не мог с этим поделать. В сталеплавильной промышленности тарифы были скорее упорядочены, нежели ликвидированы; европейские рынки по-прежнему сегментировались остаточными ограничениями на внутриевропейскую торговлю. Четким указанием на неспособность ЕОУС создать единый стальной рынок в рамках шести стран-участниц служит тот факт, что экспорт германской стали в страны так называемого единого рынка рос медленнее, чем ее экспорт в другие европейские страны. Это изменение торговых тенденций представляло собой полную противоположность тому, чего следовало бы ожидать в том случае, если бы ЕОУС действительно создавало благоприятные условия для торговли. В результате ЕОУС практически никак не стимулировало технические и организационные изменения⁵.

5. Gillingham
2003, p. 27.

Другая задача объединения состояла в поощрении конкуренции путем ликвидации крупных производителей и картелей, существовавших до Второй мировой войны. Однако вряд ли можно утверждать, что европейская угольная и стальная индустрия в отсутствие ЕОУС была бы менее конкурентной. Рассредоточение германской тяжелой промышленности так и не состоялось, поскольку американские должностные лица признавали, что радикальный передел собственности в Германии несовместим с их желанием немедленно увеличить производство в ответ на начало Корейской войны. Что же касается

6. Или, если сформулировать иначе, в отсутствие ЕОУС возрождение германской стальной отрасли привело бы к быстрой ремилитаризации и к скорому возобновлению военного конфликта. Мы рассматриваем такую контрфактуальную ситуацию как неправдоподобную: не только Франция и Германия, но и США были готовы приложить самые серьезные усилия к тому, чтобы не допустить новой войны.

7. Такой сценарий наиболее правдоподобен для первой половины 1950-х гг., когда сталеплавильные мощности Рура являлись основным поставщиком металла для немецкой машиностроительной промышленности. Во второй половине десятилетия в прибрежных и прочих регионах Европы были созданы дополнительные мощности, что снизило значение рурских мощностей. С этой точки зрения следует указать, что без высоких темпов роста и уровня занятости в Руре темпы роста германской экономики в целом были бы не такими значительными, снижая совокупный спрос и темпы роста по Европе в целом.

проблемы сговора, то сразу же после создания так называемого единого рынка угля была основана новая организация, заменившая прежний германский картель производителей угля. Затем в Брюсселе в 1963 г. с целью регулирования цен как в Европе, так и на третьих рынках был создан Международный картель экспортеров стали, который начал с того, что установил минимальные цены примерно на 15% продукции, производимой в рамках объединения. Эти факты говорят о том, что ЕОУС почти не обладало возможностями для того, чтобы пресечь восстановление картелей предвоенного типа. Трудно себе представить, чтобы картелизация и концентрация производства в отсутствие ЕОУС получила бы более значительное развитие.

Могли ли иметься менее очевидные причины к тому, чтобы цены, объемы производства и прибыли — а соответственно, и уровень развития европейской экономики — были бы в контрфактуальной ситуации существенно иными? Gillingham (1995), Berger and Ritschl (1995), Eichengreen (1996b) утверждают, что без ЕОУС Франция и другие державы-победительницы не допустили бы устранения ограничений на объемы промышленного производства в Германии. Согласно Джиллингему (Gillingham 1995, p. 152), «важное достижение ЕОУС... заключалось в том, что возрождение Германии стало приемлемым для ее бывших жертв...». Наличие ЕОУС как минимум создавало видимость того, что те отрасли, на которых держалась военная мощь Германии, поставлены под наднациональный контроль. Отсюда следует вывод, что при отсутствии ЕОУС ограничения на сталеплавильное производство в Германии были бы сохранены для того, чтобы Франция и другие западноевропейские страны чувствовали себя в безопасности⁶. Однако при наличии таких ограничений отсутствовала бы ключевая предпосылка для европейского экономического роста, поскольку германская машиностроительная отрасль играла принципиальную роль при восстановлении не только Германии, но и других западноевропейских экономик, зависевших от германских средств производства⁷. А более медленный экономический рост мог бы повлечь за собой серьезные экономические и социальные последствия — такие, как повышение воинственности пролетариата, ведущего борьбу за бо-

лее значительную долю более медленно растущего пирога, и дополнительная популярность левых правительств, притом что и то и другое могло бы вызвать снижение высоких темпов инвестиций, которые были одним из важнейших экономических моторов так называемого золотого века⁸.

Однако этот пессимистический контрфактуальный сценарий строится на предположении, что при отсутствии ЕОУС не было бы создано никаких других механизмов, позволяющих примирить экономические и политические преимущества освобождения германской тяжелой индустрии от ограничений на объемы производства со стремлением Франции обеспечить свою безопасность. В той степени, в какой США считали устранение ограничений в германской тяжелой промышленности принципиальным для сохранения геополитической стабильности, вполне вероятно, что Америка и ее европейские союзники нашли бы другое решение этой проблемы. Например, и в США, и во Франции могла бы получить поддержку идея о том, чтобы подчинить германские войска какому-либо общеевропейскому командованию. Сам Монне после начала Корейской войны разработал план создания единой европейской армии. Вполне можно допустить, что французы в отсутствие ЕОУС не стали бы выступать против Европейского оборонительного сообщества, и это в итоге привело бы более-менее к тому же результату.

Вместе с тем можно предположить, что США в отсутствие ЕОУС могли бы гарантировать Франции безопасность, разместив больше войск в Германии. Уже было создано НАТО — не только с целью защиты от Красной армии, но и для того, чтобы связать руки «возможным разрушителям спокойствия» в самой Западной Европе⁹. Возможно также, что французы потребовали бы от США задержать заключение договора о создании германского государства, предусматривавшего отмену полномочий Верховной союзной комиссии и реально вступившего в силу в мае 1955 г.

Другая важная роль, приписываемая ЕОУС, состоит в том, что оно вымостило путь к Римскому договору. Трудно себе представить, утверждают сторонники этой точки зрения, чтобы при отсутствии Высшего руководящего органа, Совета министров, Единой ассамблеи и Верховного суда ЕОУС те же самые шесть стран пришли к идее о создании Комиссии, Совета, парламента и Верховного суда

8. Может показаться, что авторы этих предположений впадают в крайность. Однако данный пример дает представление о том, как мы делаем предположения, имеющие целью подчеркнуть различие между реальной и контрфактуальной ситуацией с тем, чтобы донести до читателя свою точку зрения.

9. Gillingham 2003, p. 23.

в рамках Римского договора. В том контрфактуальном мире, где нет ЕОУС, вполне не могло быть и Римского договора. Однако ответ на вопрос о том, насколько сильно это повлияло бы на развитие европейской экономики, требует рассмотрения еще одной контрфактуальной ситуации.

Общий рынок

Крупным достижением Европы после заключения Римского договора было создание Общего рынка, предусматривавшего устранение тарифных барьеров в рамках Сообщества. Однако в особо важных секторах (таких, как сельскохозяйственное производство, осуществляемое мощественным фермерским лобби, или отдельные промышленные товары, производство которых считалось необходимым для национальной безопасности) все еще продолжали действовать количественные ограничения на торговлю. Также первоначально сохранялись барьеры в заграничной торговле (связанные со стандартами и регулированием производства).

Несмотря на эти остаточные ограничения, внутриевропейская торговля сразу же вступила в фазу бурного роста. Доля внутреннего экспорта в пределах стран «шестерки» с 1960 по 1970 г. выросла с 35 до 49%. С другой стороны, не факт, что причиной было создание Общего рынка, так как европейская экономика в течение 1960-х гг. устойчиво развивалась: темпы ее роста даже превышали показатели 1950-х гг., и этот рост обеспечивался не только возросшей свободой торговли между членами ЕЭС. Если учесть, что эластичность дохода по спросу на импорт и экспорт — более существенный фактор, чем единство и тенденция стран к непропорционально обширной торговле со своими соседями, то не покажется неправдоподобной идея о том, что к росту торговли (в том числе внутриевропейской) вел рост доходов, в противоположность идее о росте доходов, последовавшем за ростом торговли, который был вызван созданием Общего рынка.

Однако в подавляющем большинстве исследований, авторы которых пытаются проследить влияние отдельных факторов, проводится мысль о том, что таможенный союз действительно изменил ситуацию, и это положительно сказалось на благосостоянии, поскольку нарастание торговых потоков (trade creation) шло значительно

быстрее, чем их перераспределение (trade diversion), особенно в первые годы интеграции. Например, по оценкам Bayoumi and Eichengreen (1997), ежегодный рост торговли между странами «шестерки» в 1953–1973 гг. был на 3% выше, чем это можно объяснить другими экономическими показателями и поведением других стран. В результате экономический рост в странах «шестерки» мог ускоряться на треть процентного пункта в год, благодаря чему в 1969 г. уровень ВВП в этих странах примерно на 4 процентных пункта превысил величину, которая наблюдалась бы в противном случае (Eichengreen 2007). Более того, исходя из результатов, полученных Frankel and Romer (1999), эту цифру можно увеличить приблизительно вдвое (Ibid.). Авторы альтернативных оценок пытались учесть рост экономии за счет масштаба. Оуэн (Owen 1983), экстраполируя результаты своего подробного микроэкономического разбора трех секторов (легковые автомобили, грузовики и бытовая техника), делает вывод о том, что общий прирост ВВП, вызванный созданием таможенного союза (с учетом его воздействия в плане нарастания торговых потоков), составлял к 1980 г. от 3 до 6 процентных пунктов.

Эти и прочие аналогичные оценки, разумеется, очень ненадежны. Тем не менее они предполагают существование значительных плюсов, к которым можно добавить пусть небольшой, но позитивный эффект, создаваемый ростом прямых зарубежных инвестиций, привлеченных возросшим размером рынка и улучшением условий торговли; этот прирост, разумеется, происходит за счет других стран (Petith 1977). Соответственно, в качестве очень грубой оценки можно сказать, что благодаря таможенному союзу ВВП его первоначальных шести участников к середине 1970-х гг. дополнительно возрос на величину порядка 5%. Этому следует противопоставить снижение благосостояния, вызванное проведением ЕСП. Оно почти наверняка было существенным в Великобритании после того, как та вступила в ЕЭС, но вряд ли сколько-нибудь заметно сказалось на странах первоначальной «шестерки» (о чем косвенно свидетельствует очень незначительное перераспределение торговых потоков, происходившее, согласно большинству оценок, в 1958–1973 гг.).

Впрочем, не все эти приобретения и потери можно приписать влиянию Общего рынка, поскольку в его отсутствие страны-участницы могли бы найти другие способы

ю. Разумеется, в данном случае непредвиденный бурный рост межотраслевой торговли существенно сократил подобные потенциальные издержки.

11. Интересно, что главными противниками таможенного союза в Германии были не протекционистские, а либеральные круги. Эрхард выступал против любых форм торговой дискриминации, а германская промышленность поддерживала идею о свободном доступе на всемирный рынок (Milward 1992). С другой стороны, в Италии промышленники опасались того, что в отсутствие протекции они падут жертвой конкуренции со стороны Германии (Corbino 1964; Sylos-Labini 1970).

удовлетворить свою тягу к товарному разнообразию и, соответственно, к наращиванию торговли, а также, вероятно, все равно принимали бы меры к защите своих фермеров. Но если применительно к ЕОУС относительно легко утверждать, что все его достижения, по всей вероятности, могли состояться и при его отсутствии и что, аналогично (с учетом значения, которое имело в то время сельское хозяйство), значительный протекционизм в этой сфере наблюдался бы безотносительно к проведению ЕСП, в отношении таможенного союза подобные заявления, возможно, будут звучать не столь правдоподобно. Хотя различные круги с самых первых послевоенных лет непрерывно добивались либерализации торговли, и это продолжалось бы и в 1960-е гг. под давлением со стороны США, в некоторых странах существовала серьезная оппозиция этим тенденциям, так как представители мелких и (или) слабых отраслей опасались за свои доходы и рабочие места¹⁰. В Германии и Италии политики преодолели это сопротивление, ссылаясь на требования европейской интеграции¹¹. Франция, питавшая серьезные сомнения в отношении совершенно свободной торговли промышленными товарами (Bonin 1987), пошла на этот шаг лишь потому, что Римский договор позволял ей достигнуть несколько других целей более политического характера (Milward 1992). И в то время как в ходе раунда Кеннеди действительно было осуществлено значительное снижение тарифов, можно отметить, что наличие одного крупного оппонента вместо нескольких маленьких стран за столом переговоров с США облегчило этот процесс (Davenport 1982).

Высказанное Sapir (1992, p. 1500) мнение о том, что «процесс интеграции ЕС сыграл роль катализатора при сокращении европейского внешнего протекционизма» представляется вполне правомочным. Аналогично, хотя определенная экономия за счет масштаба в секторе товаров длительного пользования наверняка была бы достигнута и при отсутствии таможенного союза, стремительная торговая интеграция наверняка тоже сыграла здесь свою роль. Все эти соображения наводят на мысль, что уровень производства в том контрфактуальном мире, где не был бы создан Общий рынок, почти наверняка был бы несколько ниже, чем реально зафиксированный. Согласно очень грубой оценке, эта разница могла бы составить 3–4% ВВП — пусть ограниченная, но отнюдь не лишняя прибавка к уровню жизни, который сам по себе уже очень быстро возрастал.

Наконец, можно указать на то, что при отсутствии Общего рынка мы наблюдали бы менее заметное стремление к стабилизации внутриевропейских обменных курсов после краха Бреттон-Вудской системы. Если бы внутриевропейская торговля имела менее значительные масштабы, политики не были бы так сильно озабочены тенденцией к сокращению внутриевропейского импорта и экспорта в ответ на колебания обменного курса. Соответственно, не получило бы такого размаха и движение за создание Европейской валютной системы (ЕВС). Слабость этого аргумента заключается в том, что эмпирические исследования не дают нам однозначных доказательств того, что изменчивость обменного курса оказывала негативное влияние первого порядка на объемы внутриевропейской или мировой торговли. С другой стороны, более правдоподобно то, что если бы европейские страны не устранили барьеры в трансграничных транзакциях сельскохозяйственных товаров, то не возникло бы и необходимости в координации сельскохозяйственных субсидий, а соответственно, и в стабилизации обменного курса, позволяющей избежать появления стимулов для трансграничного арбитража. Проблема в том, что непонятно, чему можно приписать стремление Европы к стабильности обменного курса: таким политическим действиям ЕЭС, как ЕСП, или воспоминаниям об экономически и политически пагубном воздействии хаотических колебаний обменных курсов в 1930-е гг. — воспоминаниям, которые бы существовали и наверняка оказывали влияние на политику даже в отсутствие ЕЭС. И даже если мы согласимся с тем, что при отсутствии Общего рынка не было бы и ЕВС, для ответа на вопрос о том, как это сказалось бы на развитии европейской экономики, нам следует изучить очередную контрфактуальную ситуацию.

Европейская валютная система

Следующим важным шагом на пути к европейской интеграции была предпринятая в конце 1979 г. попытка стабилизировать обменные курсы с помощью ЕВС. Эта система оказывала ощутимое воздействие на экономику лишь до августа 1993 г., когда допустимый диапазон колебаний для курса каждой валюты был раздвинут с 2 ½ до 15%. До того момента, за исключением событий в сентябре 1992 г., когда из механизма обменного курса вышли италья-

янская лира и британский фунт, ЕВС в целом успешно выполняла свою основную функцию, заключавшуюся в стабилизации обменного курса. Правда, до 1987 г. частым явлением был пересмотр валютных курсов внутри системы, однако научные исследования показывают, что в целом обменные курсы между странами — участницами ЕВС были в значительно меньшей степени подвержены колебаниям, чем курсы валют других развитых экономик, которые на тот момент не состояли в подобных структурах (Artis and Taylor 1994; Hu, Jiang, and Tsoukalas 2004).

Однако влияние ЕВС на долгосрочные темпы роста, скорее всего, было ничтожным. Во-первых, как уже упоминалось, имеющиеся факты говорят о том, что изменчивость обменных курсов в лучшем случае приводит лишь к очень скромному сокращению торговли. Соответственно, любые выгоды, которые могла бы принести с собой возросшая стабильность, были невелики. Кроме того, можно отметить, что подобные выгоды могли бы более чем компенсироваться (вероятной) большей волатильностью процентных ставок, которую должно было бы вызвать искусственное поддержание стабильного валютного курса. Тем не менее интересно, что авторы одного из вышеупомянутых исследований, указывая на сглаживание колебаний обменного курса, выяснили также, что, вопреки ожиданиям, изменчивость процентных ставок была не выше той, которая в тот же период времени наблюдалась в контрольной группе, включавшей ряд прочих промышленно развитых стран, не входивших в ЕВС (Artis and Taylor 1994). Правдоподобное объяснение этого несомненного парадокса может заключаться в том, что финансовые рынки испытывали достаточное доверие к ЕВС и потому инвесторы не занимались спекулятивной перетасовкой портфелей, которая бы спровоцировала власти на изменение процентных ставок с целью сохранения существующих паритетов.

Второе главное достижение ЕВС состояло в снижении инфляции в таких странах, как Франция и Италия. Впрочем, сомнительно, чтобы это могло серьезно сказаться на долгосрочном росте. Обе страны наверняка бы приняли меры к замедлению роста цен, пусть и не такие срочные, даже и в отсутствие ЕВС¹². Существование ЕВС было бы выгодным лишь в том случае, если бы «величина жертвы» (повышение безработицы, необходимое для сокращения инфляции) могла быть снижена благодаря росту доверия. Фактический вывод монетарной полити-

12. Собственно, в отношении Франции утверждалось, что непреклонное проведение политики «твердого франка» в рамках ЕВС вполне могло сохранять в стране повышенный уровень безработицы (Blanchard and Muet 1993).

ки из-под контроля национальных центральных банков и ее передача в руки Бундесбанка могли, как утверждалось в то время, снизить инфляционные ожидания французских и итальянских рабочих и тем самым ускорить понижение инфляции. Однако из существующих исследований вытекает следующее: вопреки тому, что, по видимости, происходило на финансовых рынках, никакого роста доверия не наблюдалось — инфляция снижалась потому, что повышалась безработица, а не потому, что стороны, устанавливающие цены и уровень зарплаты, убедились в произошедшей «смене режима» (Egebo and Englander 1992). Пусть финансовые рынки относились к ЕВС с достаточным доверием, но рынки труда и товаров явно испытывали гораздо больший скептицизм¹³.

Наконец, последним вкладом ЕВС, естественно, стало то, что она вымостила путь к созданию валютного союза. В то время как более ранние попытки (например, план Вернера 1970 г.) не были воплощены в жизнь из-за краха Бреттон-Вудской системы, ЕВС представлялась большинству наблюдателей шагом в сторону этой конечной цели, и не только потому, что задача ЕВС состояла в стабилизации обменных курсов. Важной чертой того периода было постепенное признание такими странами, как Франция и Италия (а также Испанией и др.), макроэкономической политики, направленной на достижение валютной стабильности, включая, в частности, низкую инфляцию и порядок в государственных финансах. И то и другое рассматривалось Германией как *sine qua non* (непременное условие. — *Ред.*), без которого она не согласилась бы участвовать в валютной интеграции. Оправдывает ли эта роль отправной точки оптимистичную оценку вклада ЕВС в европейский экономический рост, зависит от того, как оценивать влияние ЕВС на благосостояние данного региона.

13. Этот вывод также соответствует аналогичным результатам для Великобритании и США, предполагая возможность разнотной реакции со стороны финансовых рынков и рынков труда на то, что может быть названо «сменой режима» (Buiter and Miller 1981; Blanchard 1984).

Программа единого рынка 1992 г.

Истоки ПЕР восходят к началу 1980-х гг. — периоду, когда экономический рост замедлился, а ЕЭС увязло в ЕСП и бюджетных дрязгах. В «Белой книге» 1985 г. содержался призыв к устранению нетарифных барьеров (таких, как ограничительные правила и производственные стандарты, препятствующие трансграничной конкуренции), поскольку тарифы уже были отменены, а также к свободно-

му перемещению факторов производства. Будучи одобрен в 1986 г., он определял процесс постепенной либерализации и дерегулирования в течение следующих 20 лет.

Суть плана состояла в том, чтобы повысить эффективность производства и стимулировать экономический рост путем усиления конкуренции на рынках продукции и факторов производства. На товарных рынках применялся принцип взаимного признания, сводившийся к тому, что продукция, соответствовавшая стандартам потребительской безопасности в одной стране-участнице, автоматически считалась соответствующей этим стандартам в пределах всего Сообщества. Аналогично были уменьшены национальные преференции, а если этого не происходило, Европейская комиссия могла оспорить их в Верховном суде. На рынках факторов производства был устранен контроль за трансграничными потоками капитала, что позволило установить равные условия игры для всех инвесторов и создать более конкурентное окружение для финансовых институтов.

В докладе Чеккини (Emerson et al. 1988) утверждалось, что полное осуществление положений ПЕР могло в течение следующего десятилетия увеличить объемы производства в ЕС на величину от $2\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}\%$ ВВП посредством перераспределения ресурсов, экономии за счет масштаба и, самое главное, возросшей конкуренции. В дополнение к этому однократному повышению еще более оптимистические оценки указывали на возможность регулярного прироста ВВП в размере от $\frac{1}{4}$ до почти целого процентного пункта благодаря росту дохода, сбережений и инвестиций, который несла с собой ПЕР (Baldwin 1989).

Однако такие эндогенные модели роста не слишком подтверждаются фактами (Crafts 1992a), и в настоящее время мало кто верит в то, что институциональные изменения, подобные вышеназванным, способны дать постоянную прибавку к темпам роста¹⁴. Даже первоначальная оценка вероятного воздействия ПЕР, приведенная в докладе Чеккини, была в более поздних исследованиях существенно пересмотрена в сторону снижения. Так, согласно ранним оценкам для периода до 1994 г., нарастание торговых потоков в рамках Общего рынка превышало их перераспределение, однако повышение ВВП составляло где-то от $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}\%$ (Allen, Gasiorek, and Smith 1998). По более поздней оценке Еврокомиссии, к 2002 г. общее позитивное влияние находилось на уровне в $1\frac{1}{2}$ –2% ВВП (European Commission 2002), что вполне соответствует прогнозам более скептических наблю-

14. Как исключение см. работу Henrekson, Torstensson, and Torstensson 1997, в которой говорится о постоянной прибавке к темпам роста, достигнутой благодаря ЕС (и Европейской ассоциации свободной торговли), однако авторы приходят к такому выводу, используя фиктивные переменные для количественной оценки эффекта интеграции.

дателей, делавшимся уже в момент принятия ПЕР (см., например: Реск 1989). Возможно, следует ожидать некоторого дальнейшего прироста, так как выполнены еще не все положения ПЕР; однако сколько-нибудь значительные результаты в этой области едва ли вероятны.

Но хотя, таким образом, возможные выгоды ПЕР представляются не столь значительными, чем те, которые принес Общий рынок, они тем не менее достаточно заметны. И все же, как и в случае многих других аспектов европейского объединения, они вполне могли быть получены и в отсутствие инициатив Еврокомиссии. 1980-е гг. были в Европе периодом серьезной внутренней либерализации и дерегулирования. Взять хотя бы то, что интервенционистски настроенное французское правительство частично отказалось от жесткого контроля за финансовым сектором задолго до принятия ПЕР. В более общем плане Индекс экономической свободы Института Фрейзера, «показывающий ту степень, в которой политика и институты страны стоят на страже экономической свободы» (Gwartney and Lawson 2006, p. 3), демонстрирует, что дерегулирование экономики в странах ЕС происходило в 1980–1990 гг. быстрее, чем в 1990–2000 гг. И поэтому вполне правдоподобна идея о том, что усилия по дальнейшей либерализации экономики и повышению ее открытости могли быть предприняты в любом случае.

При этом, впрочем, трудно себе представить, чтобы европейские страны зашли так же далеко в дерегулировании товарных рынков или проводили бы его так же быстро и в отсутствие ПЕР. Национальные правительства были готовы к отмене субсидий, лишь получив гарантии того, что их соседи сделают то же самое и отечественные фирмы не будут поставлены в условия несправедливой конкуренции. Институты ЕС помогали координировать эти решения и обеспечивали их выполнение. Нередко «единая Европа» использовалась как таран против внутренней оппозиции, препятствовавшей дерегулированию. Так, германская комиссия по реформе телекоммуникаций спихнула бремя принятия непопулярных решений на должностных лиц ЕС, помогавших преодолеть сопротивление дерегулированию со стороны Bundespost и профсоюзов (Moravcsik 1998). Французские власти аналогично относились к проведению внутренних реформ в контексте либеральной политики Сообщества как к способу избежать ответственности за болезненные меры.

Кроме того, в отсутствие ПЕР могли бы не осуществиться (или осуществиться лишь частично) два следующих момента. Первый из них — требование открытых государственных закупок у зарубежных фирм, которое Брюссель навязал странам — членам Сообщества, в целом крайне недовольным этим правилом. Конечно, предпринимавшиеся в то время многими странами попытки сократить свой бюджетный дефицит тоже вполне могли привести их к идее сэкономить на дешевом импорте, но на это наверняка ушло бы намного больше времени. Другой момент — более раннее (и никак не связанное с первым) юридическое решение о взаимном признании стандартов и правил регулирования, принятых странами-партнерами, которое было вынесено Европейским судом в 1979 г. Оно сильно облегчило поставленную в ПЕР задачу устранения нетарифных барьеров. В данном случае также можно было бы ожидать, что усилия по согласованию законодательства продолжились бы и при отсутствии ПЕР (аналогично тому, как подобный, хотя и очень медленный, процесс идет между ЕС и США), однако взаимное признание — намного более быстрая и бесконечно менее забюрократизированная процедура, чем согласование. Таким образом, переход к обеим этим практикам представляется подлинным достижением европейского интеграционного процесса. В качестве верхней оценки, исходя из выводов, сделанных Еврокомиссией в 2002 г., можно сказать, что в отсутствие ПЕР мы не имели бы до половины положительных результатов, полученных благодаря ее принятию.

15. Эти сдержки первоначально содержались в Маастрихтском договоре и потому распространяются на все страны ЕС. Однако они носят несколько более обязательный характер для членов Европейского валютного союза вследствие предполагаемых негативных экстерналий, к которым потенциально может привести сверхэкспансионистская фискальная политика в валютном союзе.

Европейский валютный союз

Европейский валютный союз, несомненно, был (и остается) наиболее амбициозным европейским проектом с момента заключения Римского договора. Созданный 1 января 1999 г. и первоначально объединявший 11 стран (16 стран в 2010 г.), он предусматривал передачу денежно-валютной политики в ведение наднационального (и агрессивно отстаивающего свою независимость) Европейского центрального банка (ЕЦБ), в то же время сдерживая (по крайней мере в теории) применение фискальной политики путем ограничения величины бюджетного дефицита и отношения государственного долга к ВВП¹⁵.

После десятилетия существования Европейского валютного союза однозначная оценка его достижений все еще остается делом будущего. И экономический рост, и инфляция были в еврозоне несколько ниже, чем, например, в США и Великобритании, хотя и выше, чем в Японии. Очень быстро осуществилась финансовая интеграция, углубилась торговая интеграция. В то же время наметились значительные различия в экономических показателях, в частности, среди ряда стран на европейской периферии. Так, экономика Финляндии, Ирландии и Испании быстро росла по крайней мере вплоть до спада 2009 г., отчасти стимулируемая низкими процентными ставками; с другой стороны, в Италии и Португалии едва ли наблюдался хоть какой-то рост, тормозившийся, в частности, высокими реальными обменными курсами в рамках еврозоны¹⁶.

Вклад Европейского валютного союза в рост европейской экономики мог осуществляться по трем каналам: повышение уровня инвестиций благодаря росту доверия и снижению стоимости капитала; рост X-эффективности, стимулируемый быстрым возрастанием торговли внутри еврозоны; дальнейшее повышение эффективности вследствие институциональных реформ, вызванных ростом конкурентного давления в зоне единой валюты. Однако у нас (по крайней мере на сегодняшний день) нет фактов, которые бы свидетельствовали о заметных изменениях в какой-либо из этих сфер¹⁷.

Номинальные процентные ставки явно были очень низки по историческим стандартам, что было связано главным образом с низкой инфляцией. Аналогично, реальные процентные ставки находились намного ниже уровней, наблюдавшихся в 1980–1990-х гг., и потому могли стимулировать инвестиции. Но затруднительно объяснить эту ситуацию существованием Европейского валютного союза. Низкий уровень мировой инфляции и низкие номинальные и реальные процентные ставки сохранялись в течение всего первого десятилетия после создания Европейского валютного союза, отражая действие глобальных сил (таких, как массовое получение независимости центральными банками, рост конкуренции в международной торговле, дерегулирование мировых финансовых рынков, крупный профицит платежного баланса в странах Восточной Азии и ОПЭК),

16. Существование единых номинальных процентных ставок и обменного курса в сочетании с различающимися темпами инфляции, очевидно, должно было повлечь за собой различие экономических показателей в еврозоне. В теории экономический рост в странах с высокой инфляцией, стимулируемый низкими реальными процентными ставками, должен сдерживаться повышением обменных курсов, а в странах с низкой инфляцией должно происходить обратное. На практике же в тех открытых экономиках, где сохраняется высокий уровень регулирования финансовых рынков (например, в Италии, но также и в Германии), влияние изменения процентных ставок на экономическую активность невелико, в то время как изменение обменных курсов может сказаться на экономике очень сильно.

17. Обзор влияния валютного союза на темпы роста см.: Barrell et al. 2008.

не имевших особого отношения к созданию Европейского валютного союза. Последний все равно мог благоприятно сказаться на экономике, если бы создал атмосферу большей уверенности в будущем росте и стабильности. Тем не менее и этого, судя по всему, не произошло. В течение нескольких лет, в начале 2000-х гг., еврозона проходила фазу очень скромного роста, а в последующем те трудности, с которыми столкнулись, в частности, Италия и Греция, породили первые сомнения в долговечности нынешней валютной системы. Ни то, ни другое не способствовало росту уверенности.

Та сфера, в которой Европейский валютный союз, вероятно, оказал позитивное воздействие на инвестиции, — это создание обширного и ликвидного финансового рынка, который вполне мог уменьшить стоимость капитала (Freixas, Hartmann, and Mayer 2004). В первую очередь это касается рынка ценных бумаг. Государственный сектор в странах еврозоны ощутил значительное снижение различия в доходности ценных бумаг, что позволило заметно сократить бюджетный дефицит (и соответственно, обеспечить рост сбережений) по крайней мере в тех (многочисленных) странах, где наблюдалось высокое отношение государственного долга к ВВП. В частном секторе в первые же годы после создания единой валюты происходил бум выпуска корпоративных ценных бумаг, более заметный в еврозоне, чем в других странах Европы (Rajan and Zingales 2003). Это должно было благоприятно сказаться на инвестициях, а соответственно, и на темпах роста. Впрочем, масштабы этого эффекта, вероятно, были очень невелики. Во-первых, инвестиции не особенно эластичны по процентным ставкам. Во-вторых, этот благоприятный эффект, скорее всего, ощущался лишь в одном подразделе корпоративного сектора — в крупных компаниях.

Вторым каналом влияния могло быть углубление торговой интеграции, стимулировавшееся единой валютой и способствовавшее перераспределению ресурсов и возрастанию X-эффективности посредством процессов, уже рассмотренных в разделе об Общем рынке. Первоначально ожидалось, что подобный эффект будет невелик: поскольку переход к плавающим обменным курсам после распада Бреттон-Вудской системы практически никак не сказался на росте всемирной торговли, предполагалось, что переход к фиксированным паритетами станет

лишь незначительным стимулом для развития торговли. Впоследствии эта общепринятая точка зрения была опровергнута исследованиями, показавшими, что валютные союзы втрое повышают уровень торговли между своими участниками по сравнению с торговлей между странами, не входящими в такие союзы (Rose 2000). Опираясь на опыт еврозоны, авторы дальнейших работ, выполненных в том же ключе, полагают, что дальнейшие стимулы для торговли, будучи не столь значительными, все же способны повысить объемы торговли на 50% или больше (Rose and van Wincoop 2001). Более того, даже ультраскептическое Казначейство Великобритании, оценивая выгоды и издержки британского участия в Европейском валютном союзе, на основе этих оценок пришло к выводу о том, что членство в союзе могло бы в течение 20–30 лет обеспечивать дополнительный ежегодный прирост дохода на душу населения в стране на уровне в 0,2–0,3% (HM Treasury 2003).

В рамках еврозоны действительно наблюдается значительный рост торговли, однако до сих пор он был далеко не так велик, каким должен быть согласно этим исследованиям. Рассматривая имеющиеся свидетельства, Болдуин (Baldwin 2006a, 2006b) указывает на некоторую сомнительность прежних оптимистичных оценок и приходит к выводу, что торговля в 1999–2003 гг. могла вырасти на величину от 5 до 15% сверх того уровня, который можно было бы ожидать при отсутствии Европейского валютного союза. Более того, этот рост, по его мнению, обеспечивался главным образом усилением торговой активности мелких и средних фирм, которое вызвано снижением фиксированных издержек при торговле внутри еврозоны. Но этот эффект носит одноразовый характер, из чего следует, что дальнейший крупный прирост за его счет крайне маловероятен. Таким образом, выгода создания Европейского валютного союза представляется несомненной. Другое дело, что его влияние на объемы производства, не говоря уже о темпах роста, судя по наблюдаемым фактам, до сих пор явно было очень незначительным и, по всей вероятности, останется таким в дальнейшем.

Наконец, на темпах роста могут сказываться институциональные изменения, направленные на то, чтобы страны — участницы Европейского валютного союза стали более дружелюбными к рынку и стимулируемыми ростом конкуренции, неизбежным в валютном союзе. Найти

18. Если говорить о процентном «улучшении» (т. е. движении в сторону меньшего регулирования) всех 14 показателей, по которым Всемирный банк приводит данные за 2003 и 2008–2009 гг., то средний результат по странам еврозоны составляет около 12%, по сравнению с небольшим изменением в противоположном направлении для прочих европейских экономик. Однако последние в 2003 г. были примерно на 40% менее зарегулированными, чем первые.

19. Кроме того, Всемирный банк вводит такой показатель, как «качество регулирования», оценивая его за более долгий промежуток времени (с 1996 по 2008 г.). Он представляет собой попытку измерить «способность правительства сформулировать и воплощать в жизнь разумные политические меры и правила, допу-

в этой сфере однозначные свидетельства весьма затруднительно. И ОЭСР, и Всемирный банк пытались количественно оценить значение регулирования и прочих ограничений, препятствующих конкуренции на рынках труда и продукции. Часть этих оценок представлена в табл. 11.4. В ней приводятся средние (невзвешенные) показатели для стран еврозоны и для группы из пяти других западноевропейских стран, не участвующих в Европейском валютном союзе. Общее впечатление сводится к тому, что, хотя в странах еврозоны осуществлялись реформы, их скорость не была сколько-нибудь более высокой, чем в странах, не перешедших на евро, особенно с учетом того, что экономика последних намного более либеральна¹⁸. Что касается единственного показателя, по которому у нас есть данные за 1990-е гг. (жесткость охраны интересов наемного труда), то создается впечатление, что здесь реформы шли намного более быстрыми темпами в десятилетие, предшествовавшее созданию Валютного союза, чем впоследствии. Кроме того, согласно сведениям Всемирного банка, дерегулирование этой области в 2003–2007 гг. было весьма ограниченным¹⁹. Аналогичное впечатление создает уже упоминавшийся Индекс экономической свободы, составляемый Институтом Фрейзера, — согласно этому индексу, если в еврозоне в 2000–2007 гг. и происходили изменения, то лишь в сторону ухудшения²⁰.

Таким образом, общий вердикт будет в лучшем случае лишь умеренно позитивным. Единая валюта, несомненно, повысила финансовую стабильность в тех странах еврозоны, которые в прошлом были подвержены высокой инфляции и быстрому снижению обменных курсов. Также она помогла создать крупный рынок капитала, который почти наверняка снизил стоимость получения кредитов и для государственного сектора, и для частных компаний. Кроме того, она несколько ускорила торговую интеграцию по сравнению с ее вероятным темпом в отсутствие евро, а также, возможно, способствовала проведению ряда реформ в сфере регулирования, которые иначе не обязательно были бы осуществлены, хотя факты, позволяющие сделать такие выводы, неоднозначны. Тем не менее ни одно из этих изменений, скорее всего, не оказало сколько-нибудь значительного воздействия на темпы роста или хотя бы объемы производства в странах еврозоны.

Насколько иной была бы ситуация в том случае, если бы Европейский валютный союз не был создан? В то время

ТАБЛИЦА 11.4.
Резформы в сфере регулирования в Западной Европе

Показатели ОЭСР ^с	Еврозона ^а			Прочие страны Западной Европы ^б		
	Консц 1980-х	Консц 1990-х	2003	Консц 1980-х	Консц 1990-х	2003
Защита наемного труда	3,19	2,66	2,52	2,51	1,94	1,94
Уровень регулирования ^д	—	2,26	1,57	—	1,72	1,31
Показатели Всемирного банка		2003	2009		2003	2009
Жесткость рынка труда ^е		45,5	37,1		28,4	20,4
Легкость открытия бизнеса ^ф		26,5	11,4		10,6	8,5
Легкость закрытия бизнеса ^г		67,6	68,6		73,3	76,3
Принуждение к соблюдению контрактов ^б		494	557		224	397

^а За исключением Кипра, Люксембурга, Мальты, Словакии и Словении.

^б Дания, Норвегия, Швеция, Швейцария и Великобритания

^с Невзвешенные средние значения.

^д В среднем по четырем показателям: барьеры для предпринимательской деятельности; регулирование на товарных рынках; барьеры для торговли и инвестиций; степень государственного контроля.

^е В среднем по трем показателям: затруднительность найма, увольнения и жесткость продолжительности рабочего дня.

^ф Исходя из числа процедур и продолжительности (в днях).

^г Уровень финансового оздоровления, %

^б Продолжительность (в днях).

Источники: Conway, Jarod, and Nicoletti 2005; OECD, Employment Outlook 2004; World Bank, «Doing Business», <http://www.doingbusiness.org>.

скающие и стимулирующие развитие частного сектора» (Kaufmann, Kraay, and Mastruzzi 2007, p. 5). В этом отношении период с 1996 по 2000 г. также отличался резким ростом темпа дерегулирования в еврозоне, однако в 2000–2008 гг. прогресс в этой сфере был незначительным по сравнению с тем, что наблюдалось в других промышленно развитых странах Западной Европы.

20. Однако альтернативный и несколько более произвольный Индекс экономической свободы (Heritage Foundation 2009) дает другую картину, согласно которой в 1999–2008 гг. дерегулирование происходило в еврозоне быстрее, чем в какой-либо другой стране Западной Европы.

как де-факто существовавший валютный союз, объединявший большую зону дойчмарки (Германия, Бенилюкс и Австрия) вполне мог бы перейти на единую валюту, крайне маловероятно, чтобы в такое объединение вступила Франция, не говоря уже об Италии или Испании. Соответственно, та (небольшая) прибыль от роста торговли и расширения рынка капитала, которую обеспечило создание еврозоны, в противном случае вряд ли была бы получена. Аналогично, с учетом поведения доллара и цен на нефть, а также хронической политической неопределенности, некоторые страны, — в первую очередь Италия, а также, возможно, Испания, в которой в 2007–2008 гг. дефицит платежного баланса достиг приблизительно 10% ВВП, — почти

наверняка отличались бы намного меньшей финансовой стабильностью.

Однако, как ни удивительно, конкретно Италия при отсутствии евро могла бы более решительно проводить политику внутренних реформ. Когда лира резко обесценилась в 1992 г. или когда вступление в Европейский валютный союз стало рассматриваться как национальная цель, итальянские власти принимали весьма жесткие монетарные и фискальные меры, призванные снизить инфляцию и обуздать бюджетный дефицит. Когда же введение единой валюты привело к устранению всякого давления на обменный курс и процентные ставки, в Италии снова начал расти бюджетный дефицит, пенсионная реформа была спущена на тормозах, а государственные расходы перестали ограничиваться (в то время как в Испании резко снизился темп национальных сбережений)²¹. Иными словами, необходимые реформы почти наверняка были отложены, и любая дальнейшая корректировка может оказаться более дорогостоящей, чем было бы в противном случае. Вероятно, утверждать, что вклад Европейского валютного союза в благосостояние конкретно Италии мог быть негативным (в конце концов, чистые расходы на обслуживание государственного долга этой страны, составлявшие в середине 1990-х гг. более 10% ВВП, благодаря снижению долгосрочных процентных ставок, обеспеченному членством в Европейском валютном союзе, к середине 2000-х гг. сократились до уровня ниже 5% ВВП), можно было бы с большой натяжкой, однако вынесение финального вердикта остается делом будущего.

21. Что также произошло вследствие снижательного отношения финансовых рынков к огромному государственному долгу страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Европейская интеграция, начавшаяся с создания ЕОУС, за которым последовало появление Общего рынка и Европейской валютной системы, и достигшая кульминационного момента (если здесь уместно это слово) с построением единого рынка и созданием евро, представляет собой один из самых ярких, противоречивых и наиболее обсуждаемых аспектов европейского развития после окончания Второй мировой войны. Трудно себе представить, чтобы в отсутствие этого процесса европейская экономика развивалась бы точно таким же образом. Или это все же было возможно?

Наш краткий обзор влияния, оказанного европейским объединением на экономику, был начат на скептической ноте. Мы пытались понять, насколько правдоподобным может быть утверждение, что уровень жизни в Европе, темпы роста и структура экономики в отсутствие институтов и процессов, нашедших выражение в современном ЕС, слабо отличались бы от того, что имеется в действительности. Этот подход включал в себя два этапа. Во-первых, мы утверждали, что в стандартных моделях роста торговля и прочие формы интеграции, занимающие ключевое место в европейских процессах, оказывают лишь относительно незначительное (и временное) влияние на экономический рост; в эндогенных моделях роста это влияние может быть более заметным, однако эмпирические факты, на которые опираются эти модели, не особенно убедительны, из чего следует, что к полученным с их помощью предсказаниям не нужно испытывать большого доверия. Во-вторых, мы указывали, что даже в тех случаях, когда результаты исследований говорят об относительно заметных эффектах интеграции, они могли наблюдаться и при отсутствии интеграционного процесса, поскольку экономические силы в любом случае почти наверняка толкали бы страны Европы в сторону свободной торговли, стабильных обменных курсов и меньшего регулирования. Таким образом, *ex-ante* гипотеза состояла в том, что экономическое (в противоположность политическому) влияние европейского объединения носило ограниченный характер.

В определенном смысле данная аргументация представляет собой практическое применение теоремы Коуза и в этом качестве должна рассматриваться с учетом всех тех оговорок, которые сопровождают это знаменитое предположение. Согласно теореме Коуза, распределение прав собственности никак не сказывается на эффективности работы экономики, поскольку заинтересованные стороны всегда могут делать побочные выплаты, достаточные для более эффективного перераспределения прав и ресурсов. Отсюда применительно к нашей аргументации следует, что в тех случаях, когда достижение экономической эффективности требовало конкретного распределения прав, правительства, банки, фирмы и домохозяйства придумали бы другие способы его достижения и в отсутствие ЕС. А там, где это распределение было неэффективным, правительства, банки, фирмы и домохозяйства быстро нашли бы обходные пути. Однако теорема Коуза

22. «Змея в тоннеле» — соглашение о координации действий стран — членов Европейского экономического сообщества в отношении регулирования возможных колебаний валют этих стран относительно друг друга в период перехода от Бреттон-Вудской системы к Ямайской системе. — *Прим. ред.*

23. Разумеется, у некоторых членов Европейского валютного союза этот суверенитет был несколько ограничен вследствие их финансовой интеграции с Германией: «Как заметил европейский вице-президент Кристофферсон в конце 1989 г., после того, как Бундесбанк поднял свою учетную ставку, у других центральных банков Европы имелось около 45 минут суверенитета» (цит. по: Соорег 1990, р. 277).

работает лишь в том случае, когда нет ограничений, связанных с ликвидностью, нет транзакционных издержек и нет неопределенности. В Европе же хронически сохранялась и сохраняется неопределенность, существовали и существуют отнюдь не ничтожные транзакционные издержки, а экономические агенты сталкивались и сталкиваются с ограничениями, обусловленными ликвидностью. По всем этим причинам можно полагать, что действия ЕС и результаты интеграционного процесса реально сказались на развитии европейской экономики.

Таким образом, хотя по-прежнему представляется верным, что воздействие экономического объединения на темпы роста никогда не сравнится с воздействием, проистекающим из изменения темпов технического прогресса, можно сказать, что не все то, что произошло на фронте экономической интеграции в Западной Европе за последние полстолетия, случилось бы в любом случае. Торговля, несомненно, все равно бы развивалась, однако решение о создании Общего рынка, шедшее вразрез с интересами могущественных лобби в большинстве из шести первоначальных стран-участниц, вполне могло быть не принято при отсутствии политического стремления к объединению. В то время как выявившееся предпочтение Европы к относительно стабильным обменным курсам почти наверняка привело бы к попыткам, подобным „Змее“²² второй половины 1970-х гг. или Европейской валютной системе, стремление к созданию валютного союза выходит далеко за рамки желания приручить обменные курсы. Отказавшись от проведения независимой монетарной политики, страны Европейского валютного союза поступились своим суверенитетом в сфере, которую многие рассматривают как одну из ключевых прерогатив государства²³. Такой шаг был бы немыслим без решительной политической воли к интеграции.

Более затруднительно дать количественную оценку последствиям этого процесса. Используемый нами подход включал в себя два этапа. Сначала выбирались и оценивались потенциальные каналы влияния конкретного события на экономический рост (нередко с использованием цифр, имеющих в литературе). Далее мы предприняли попытку показать, в какой мере эти оценки отражают реальный эффект объединения, дополнительный по отношению к тому, что, согласно обоснованным догадкам, наблюдалось бы в любом случае. Замысел состоял в том,

чтобы преуменьшить позитивное воздействие интеграции в попытке получить выводы, не совпадающие с априорными положениями.

Сухой остаток сводится к тому, что воздействие на темпы роста, обусловленное усилиями по стабилизации обменных курсов (Европейская валютная система и Европейский валютный союз), было ограниченным, хотя в отношении Европейского валютного союза рано выносить окончательный вердикт. С другой стороны, этого нельзя сказать в отношении торговли. И Общий рынок, и ПЕР, вероятно, повысили объемы производства в странах ЕС на большую величину, чем можно было бы ожидать от происходившей в то время в мире торговой либерализации. Согласно грубой оценке, в настоящее время ВВП ЕС примерно на 5% превышает тот уровень, который был бы достигнут без интеграции (т.е. ЕС оказал примерно такое же влияние на европейские доходы, которое, согласно Фогелю, оказали железные дороги на доходы в США). Много это или мало — в конце концов решать читателю²⁴.

Наконец, позитивным вкладом Европейского союза являлась его привлекательность для не входящих в него стран. Достигнутые с 1980-х гг. экономические успехи Испании и, в меньшей степени, Греции и Португалии вполне могли отчасти проистекать из укрепления демократии и открытости, которые обеспечивает членство в ЕС. К тому же принятие в ЕС, обещанное Брюсселем Восточной Европе после падения Берлинской стены, наверняка было важным фактором, обусловившим приверженность стран с переходной экономикой к демократии и экономическим реформам. Во многих отношениях это обещание сыграло роль крайне успешной «программы структурной перестройки», о чем также косвенно свидетельствуют не слишком удовлетворительные экономические показатели тех восточноевропейских стран, которые (временно?) остались за бортом ЕС, будь то страны бывшего Советского Союза или бывшей Югославии.

Таким образом, мы можем с известной осторожностью вынести в целом благоприятный экономический вердикт. Интеграция явно не стала панацеей для экономических недугов континента, что бы ни утверждали иные из ее сторонников. Однако она дала некоторые позитивные результаты, и вряд ли могло быть иначе. В конце концов, мало кто усомнится в том, что современное процветание США

24. Это намного более скромная цифра, чем недавняя оценка, согласно которой «ВВП на душу населения в странах ЕС был бы сегодня примерно на 1/5 ниже, если бы в 1950 г. не началась интеграция» (Badinger 2005, p. 50). Однако подобные оценки исходят из того, что фактическая экономическая автаркия сохранялась бы до настоящего времени.

хотя бы чем-то обязано единому рынку и валютному союзу, существующему там уже многие десятилетия.

Последний аргумент носит более политический характер. Согласно распространенному мнению, главным итогом европейского объединения стал не несколько более высокий уровень ВВП, и даже не валютный союз, а прочный мир в Западной Европе. Например, утверждается, что без франко-германского примирения (важного побочного результата европейской интеграции) на материк вернулся бы конфликт, как неизменно происходило в прошлом. В качестве наиболее уместной контрфактуальной ситуации приводится пример межвоенной Европы, по сравнению с которой послевоенные события выглядят решительным шагом вперед. Тем не менее, какой бы бесспорной ни казалась эта точка зрения поколению, пережившему две мировые войны, она игнорирует еще один политический фактор, который сам по себе почти наверняка обеспечил бы западноевропейское сотрудничество даже при отсутствии сознательных интеграционных усилий, — речь идет о холодной войне. Угроза коммунистического переворота (особенно остро ощущавшаяся в 1950-е гг. в таких странах, как Франция и Италия) с высокой степенью вероятности заставила бы враждующие нации сплотить ряды, тем более с учетом исключительной роли США, обхаживавших своих намного более бедных и слабых европейских партнеров и оказывавших им помощь. Мир в послевоенной Европе явно в гораздо большей степени был плодом усилий Сталина и Трумэна, нежели Монне и Шумана.

ГЛАВА 12

Совокупный рост
в 1950–2005 гг.

НИКОЛАС КРАФТС
ДЖАННИ ТОНИОЛО

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ·	407
Европейский рост в долгосрочной перспективе ·	410
Оценки источников роста ·	416
Золотой век ·	422
Замедление после окончания золотого века ·	432
Эпоха «новой экономики» и переходный период ·	442
Заключение ·	452

ВВЕДЕНИЕ

ПОСЛЕ Второй мировой войны Западная Европа вступила в период беспрецедентного экономического роста, однако ее достижения за последние десятилетия в сравнении с Азией и США выглядят менее впечатляющими, чем в годы непосредственно после войны. В Восточной Европе дела шли намного хуже, поскольку коммунистический строй был неспособен обеспечить долговременный устойчивый рост, а первые годы перехода к рыночной экономике оказались очень сложными; тем не менее в последнее время этот регион достиг высоких темпов роста. На этом фоне обращают на себя внимание различия в экономических показателях у отдельных стран: в этом отношении выделяются, например, экономический рост в Ирландии, превративший ее в «кельтского тигра», и затяжной период относительного экономического упадка в Великобритании. Задача данной главы состоит в том, чтобы описать процесс послевоенного экономического роста в Европе и выявить его основные причины, попутно пытаясь определить, что могут извлечь из европейских успехов и неудач экономисты, историки и политики в плане понимания современного экономического роста.

Наш анализ опирается на два концептуальных подхода. Первый из них связан с выявлением микропричин роста в смысле стимулов к инвестициям и инновациям и основан на эндогенной теории роста. Ее ключевые идеи иллюстрирует рис. 12.1, позаимствованный из работы Carlin and Soskice 2006. Нисходящая прямая (линия Солоу) представляет хорошо известное из неоклассической модели роста обратное отношение между техническим прогрессом (x) и капиталоемкостью экономики (k) в состоянии устойчивого равновесия при заданном уровне накоплений. Восходящая прямая (линия Шумпетера) отражает

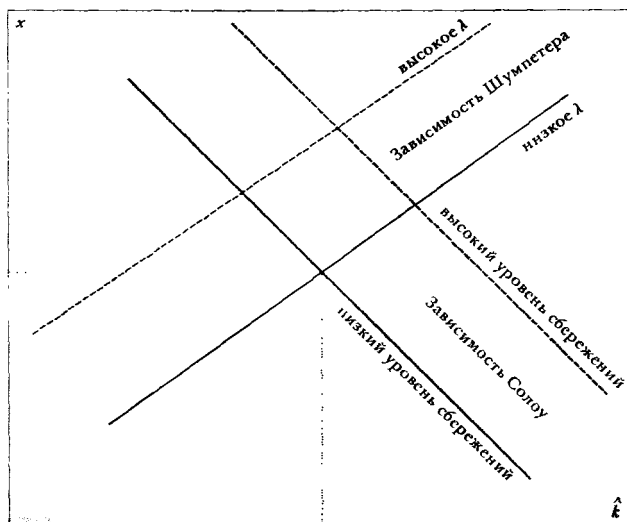

РИС. 12.1.
Эндогенный рост

идею об эндогенности технического прогресса, основанную на предположении о том, что при более высоком отношении капитала (и выпуска) к труду более крупный рынок делает инновации потенциально более выгодными. Равновесный темп технического прогресса определяется точкой пересечения двух этих линий и сам, в свою очередь, задает темп экономического роста.

Из рис. 12.1 следует, что темп инноваций возрастает, когда линия Солоу и/или линия Шумпетера сдвигаются вверх. В первом случае инновационная активность усилится в результате возрастания темпа инвестиций, которое сказывается на темпе роста, в отличие от неоклассической модели, в которой технический прогресс является экзогенной величиной. В свою очередь, инвестиции будут реагировать на изменения, происходящие в экономическом среде и влияющие на ожидаемую прибыльность. Во втором случае рост темпа инноваций будет результатом их более интенсивного внедрения при заданном размере рынка, которое отражает такие процессы, как расширение технических возможностей, снижение затрат на НИОКР, рост возможностей для присвоения прибыли и усиление конкурентного давления на менеджеров. Улуч-

шение любого из этих показателей при отсутствии прочих изменений даст более высокое λ . Практическое приложение модели, представленной на рис. 12.1, состоит в том, что темп роста будет зависеть от институтов и политики.

Вторая группа идей, из которых мы исходим, относится к модели догоняющего развития в традициях Абрамовица (Abramovitz 1986). В литературе этого толка подчеркивается тот факт, что экономический рост может осуществляться очень быстро в тех случаях, когда страна начинает развитие с очень низкого уровня, но имеет возможность догнать лидеров, сокращая технологический разрыв в капиталоемкости и технологиях. Из этого следует, что при оценке темпов роста следует учитывать возможности для догоняющего развития. Абрамовиц подчеркивает, что такое развитие ни в коем случае не происходит само по себе, будучи обусловлено «социальными способностями» и «технической согласованностью». Первые связаны со структурой стимулов, влияющей на эффективное освоение новой техники, а последняя — с ценовой эффективностью той техники, которую можно заимствовать у более развитых стран. Применительно к рис. 12.1 можно считать, что возможности для догоняющего развития в потенциале сдвигают линию Шумпетера вверх, причем величина этого сдвига зависит от социальных способностей и технического соответствия. Фазой успешного догоняющего роста будет, видимо, та, в которой инвестиции имеют высокую прибыльность, а линия Солоу сдвигается вовне.

Послевоенная история экономического роста и в Западной, и в Восточной Европе, при всем ее несходстве, имеет в целом совпадающую хронологическую структуру. Период 1950–1973 гг. в Западной Европе традиционно называется «золотым веком экономического роста»; за ним последовал период замедления, а затем, начиная с середины 1990-х гг. — эпоха «новой экономики». Такое развитие событий приводит нас к классическим вопросам, которые можно с пользой рассмотреть в свете обозначенных выше теоретических подходов. Они включают следующие вопросы: «почему в Европе наступил золотой век и почему он подошел к концу?», «чем были обусловлены относительные успехи и неудачи различных стран в разные периоды?», «почему Европа не сумела полностью преодолеть разрыв с США?», «в чем состоят особенности экономического роста в эпоху информационных и коммуникационных технологий (ИКТ)?».

В Восточной Европе мы можем выделить коммунистический серебряный век роста, завершившийся в начале 1970-х гг., дальнейшее замедление, кульминацией которого стал крах в конце 1980-х гг., и последовавший за этим переход к догоняющему развитию в рамках рыночной экономики. И здесь тоже встают очевидные вопросы: «почему коммунистическая эпоха привела (в терминологии Абрамовица) к отставанию вместо опережения?»; связанный с первым, но отдельный вопрос: «почему коммунистическая эпоха завершилась так внезапно?»; и «как догоняющее развитие в переходных экономиках можно сопоставить с полученным ранее опытом других стран?».

ЕВРОПЕЙСКИЙ РОСТ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В данном разделе мы попытаемся выяснить основные факты, связанные с европейским экономическим ростом, рассматривая их в долгосрочной перспективе с использованием стандартной периодизации, позаимствованной из Maddison (2003). Мы изучим совокупные европейские показатели и дадим предварительные соображения в отношении догоняющего развития и конвергенции между отдельными странами.

В табл. 12.1 приводятся совместные экономические показатели для 16 западноевропейских стран в сравнении с показателями для США. Долгосрочные показатели роста выглядят впечатляюще: в 2005 г. реальный ВВП на душу населения в Западной Европе примерно десятикратно превышал уровень 1870 г. Темпы роста изменялись весьма существенно: золотой век 1950–1973 гг. выделяется как эпоха исключительно быстрого роста, отчасти связанного с восстановлением после периода, в течение которого экономический рост тормозился мировыми войнами и Великой депрессией. Даже в эпоху замедления роста, пришедшую на смену золотому веку, темпы роста по сравнению с периодом до 1950 г. кажутся очень приличными.

Из табл. 12.1 также видно, что с 1820 по 1950 г. США в плане реального ВВП на душу населения далеко обогнали Западную Европу, где этот показатель в 1820 г. составлял 96% от американского уровня, снизившись к 1950 г. до 48%. Благодаря догоняющему развитию в годы золотого века Западная Европа заметно сократила разрыв, имея

ТАБЛИЦА 12.1.

Уровень и темпы роста реального ВВП на душу населения:
Западная Европа и США

Год	Долл. Гирн-Хамиса 1990 г.		Годы	% в год	
	Зап. Европа	США		Зап. Европа	США
1820	1 205	1 257	1820–1870	0,98	1,34
1870	1 962	2 445	1870–1913	1,33	1,82
1913	3 461	5 301	1913–1950	0,78	1,61
1950	4 582	9 561	1950–1973	4,06	2,45
1973	11 431	16 689	1973–2005	1,86	1,91
2005	20 589	30 519			

Источники: GGDC 2007; Maddison 2003, с обновлениями по данным веб-сайта.

в 1973 г. ВВП на душу населения, равный 68% от американского. Однако после 1973 г. темпы роста по обе стороны Атлантики были практически одинаковыми, и догоняющее развитие Европы в смысле ВВП на душу населения остановилось, далеко не дойдя до завершения. Тенденции роста в большинстве стран в целом соответствовали общеевропейским, но наблюдались и некоторые заметные исключения. Например, в первой индустриальной нации мира, Великобритании, темпы роста замедлились в конце XIX в.; Норвегия, Швеция и Швейцария избежали самых пагубных последствий войны и в 1913–1950 гг. имели относительно высокие темпы роста, в то время как Ирландия стала ярким исключением из тенденции к замедлению темпов роста в конце XX в. Кроме того, в долгосрочном плане мы видим ряд заметных изменений в относительной позиции европейских стран, в том числе очевидный относительный упадок Великобритании.

Из табл. 12.2 видно, что отношение между реальным ВВП на душу населения в самой богатой и в самой бедной стране после 1950 г. снизилось, составляя в 2005 г. около 2, причем 11 стран сгруппировалось в пределах 9% отклонения от медианного значения. После 1950 г. в Европе просматривается явная тенденция к β -конвергенции в том смысле, что страны с низким первоначальным уровнем дохода в целом развивались более быстро. Однако, вообще говоря, в долгосрочном плане страны Юж-

ной Европы отличались хронически более низким уровнем реального ВВП на душу населения. С другой стороны, в настоящее время периферийное положение перестает быть минусом — по крайней мере, в некоторых случаях, как свидетельствует пример Ирландии и Норвегии¹.

1. В смысле реального ВВП на душу населения эта величина для Ирландии в 2005 г. составляла 27 295 долл., т. е. была немногим выше, чем в Норвегии. Однако значения ирландского ВВП искажаются трансфертным ценообразованием, которое стимулируется правилами корпоративного налогообложения, и более адекватным показателем состояния ирландской экономики в последние годы следует считать ВВП (Cassidy 2004).

В табл. 12.3 приводятся данные, сопоставимые с данными из табл. 12.1 и суммирующие экономические показатели для восточноевропейских стран, по которым имеются долгосрочные оценки в Maddison 2003 и в GGDC 2007, а также для России/СССР. В Восточной Европе за весь период после 1870 г. реальный ВВП на душу населения вырос не так сильно, как на Западе — примерно в 7 раз (в России в 5 раз), по сравнению с десятикратным ростом в западных странах. Уровень реального ВВП на душу населения в этом регионе всегда был сильно ниже, чем в Западной Европе, и с течением времени разрыв между ними расширялся, особенно после 1973 г. Очевидно, это отчасти связано с крахом экономики, которым завершился коммунистический период, и задержкой перед началом догоняющего роста в переходных экономиках, однако замедленный рост был также весьма заметен здесь в 1970–1980-е гг. Однако в годы золотого века коммунистические страны отличались лишь немного более низкими темпами роста, чем в Западной Европе, хотя они не выглядят слишком впечатляющими, если учесть изначально более обширные возможности для догоняющего развития.

СССР всегда явно и очень сильно отставал от США в смысле реального ВВП на душу населения, составлявшего здесь в 1950 г. около 30% от американского, а в 1973 г. — 36%, и, несмотря на многообещающее начало, в течение золотого века разрыв сокращался очень медленно. Приведенная в табл. 12.3 величина среднегодового прироста в 3,35% выглядит очень бледной на фоне достижений таких западноевропейских стран, как Италия или Испания, начинавших с относительно низкого уровня доходов. Аналогичный момент просматривается в табл. 12.4, где для Чехословакии дается цифра ежегодного прироста в 3,08% — почти на 2 процентных пункта ниже, чем в Австрии. В 1973 г., к концу серебряного века, все восточноевропейские страны, кроме Чехословакии, имели более низкий ВВП на душу населения, чем в Ирландии, которая на тот момент занимала по этому показателю последнее место на Западе. В 2005 г. Восточная Германия

ТАБЛИЦА 12.2.

Уровень и темп роста реального ВВП на душу населения
в западноевропейских странах

Страна	Долл. Гири–Хамиса 1990 г.			% в год	
	1950	1973	2005	1950–1973	1973–2005
Швейцария	9064	18204	22972	3,08	0,74
Дания	6943	13945	24116	3,08	1,73
Великобритания	6939	12025	22417	2,42	1,96
Швеция	6739	12494	22912	3,06	1,68
Нидерланды	5971	13081	22531	3,45	1,72
Бельгия	5462	12170	21953	3,54	1,87
Норвегия	5430	11324	27219	3,24	2,78
Франция	5271	13114	22240	4,04	1,67
ФРГ	4281	13153	20576	5,02	1,41
Финляндия	4253	11085	22121	4,25	2,18
Австрия	3706	11235	22036	4,94	2,13
Италия	3502	10634	19252	4,95	1,88
Ирландия ^а	3453	6867	23019	3,03	3,84
Испания	2189	7661	18166	5,6	2,74
Португалия	2086	7063	13954	5,45	2,15
Греция	1915	7655	14868	6,21	2,1

^а Для Ирландии за 2005 г. приведена величина ВВП.

Источники: GGDC 2007; для ФРГ: Statistisches Bundesamt Deutschland 2007.

по ВВП на душу населения отставала даже от Португалии, в то время наиболее бедной из западноевропейских стран.

В табл. 12.5 приводятся оценки переменных в уравнении вида

$$GYP = \alpha + \beta (Y/P)_0,$$

где GYP — темп роста реального ВВП на душу населения, а $(Y/P)_0$ — уровень реального ВВП на душу населения в начале периода, вычисленный как доля от этой величины в лидирующей стране. Поскольку больше никаких других переменных здесь нет, мы получаем регрессионное уравнение безусловной конвергенции, в котором гипотеза об отсутствии β -конвергенции опровергается существенным отрицательным коэффициентом при $(Y/P)_0$. В отличие от более ранних периодов, β -конвергенция очевидна

ТАБЛИЦА 12.3.
Уровень и темп роста реального ВВП на душу населения
в Восточной Европе и России/СССР

Год	Долл. Гири-Хамиса 1990 г.		Годы	% в год	
	Восточная Европа	Россия/СССР		Восточная Европа	Россия/СССР
1820	683	688	1820–1870	0,63	0,63
1870	937	943	1870–1913	1,39	1,06
1913	1695	1488	1913–1950	0,60	1,76
1950	2111	2841	1950–1973	3,81	3,35
1973	4988	6059	1973–2005	1,14	0,14
2005	7174	6336			

Источники: GGDC 2007; Maddison 2003.

ТАБЛИЦА 12.4.
Уровень и темп роста реального ВВП на душу населения
в восточноевропейских странах

Страна	Долл. Гири-Хамиса 1990 г.			% в год	
	1950	1973	2005	1950–1973	1973–2005
Чехословакия	3501	7041	10704	3,08	1,32
Венгрия	2480	5596	8857	3,6	1,45
Польша	2447	5340	8476	3,45	1,46
Восточная Германия	2102	5753	13800	4,47	1,56
Болгария	1651	5284	7147	5,19	0,96
Югославия	1551	4361	5582	4,59	0,79
Румыния	1182	3477	3992	4,79	0,44
Албания	1001	2273	3476	3,62	1,34

Источники: GGDC 2007; Statistisches Bundesamt Deutschland 2007.

в период с 1950 по 1973 г. и не столь очевидна после 1973 г.; согласно оценкам, темп конвергенции во время золотого века составлял чуть более 2% в год, а впоследствии — всего 1,5%.

Если учитывать в этих вычислениях данные по Восточной Европе, то мы получим практически ту же оценку коэффициента при первоначальном уровне дохода, но для периода после 1950 г. фиктивная переменная для Восточ-

ТАБЛИЦА 12.5.
Регрессионный анализ безусловной конвергенции:
Восточная и Западная Европа

	1950–1973	1973–2005
Западная Европа		
Постоянная	6,340 (14,519)	4,091 (9,450)
Коэффициент при первоначальном отношении ВВП на душу населения к американскому, %	–0,045 (–5,572)	–0,030 (–4,898)
R^2	0,667	0,605
Западная и Восточная Европа		
Постоянная	6,468 (15,309)	3,858 (8,397)
Коэффициент при первоначальном отношении ВВП на душу населения к американскому, %	–0,047 (–6,442)	–0,027 (–4,098)
Фиктивная переменная для Восточной Европы	–1,334 (–3,992)	–2,084 (–6,374)
R^2	0,643	0,637

Источник: Вычисления авторов на основе данных из табл. 12.2 и 12.4; в скобках приведена t -статистика.

ной Европы окажется существенно отрицательной. Полученная регрессия подтверждает сделанный раньше вывод: коммунистические страны в годы золотого века развивались медленнее Западной Европы, с учетом первоначального уровня дохода имея более низкие (на 1,3 процентных пункта) темпы роста.

В табл. 12.6 регрессионный анализ безусловной конвергенции повторяется с использованием данных о региональном ВВП на душу населения в Западной Европе. Неудивительно, что полученные результаты в целом аналогичны тем, что приведены в табл. 12.5. Безусловная β -конвергенция снова наблюдается и в тот, и в другой период, но после 1973 г. ее темп снижается. Интересно, что если добавить в регрессию фиктивные переменные для отдельных стран, то полученные оценки коэффициентов будут свидетельствовать об очень разных результатах роста в течение золотого века, хотя эти различия сглаживаются после 1973 г. С учетом имевшихся возможностей для догоняющего роста мы получим, что Западная Германия, Испания и Италия развивались ускоренными темпами, а Великобритания — замедленными.

ТАБЛИЦА 12.6.
Регрессионный анализ безусловной конвергенции:
западноевропейские регионы

	1950–1973	1950–1973	1950–1973	1973–2005	1973–2005	1973–2005
Постоянная	6,660 (89,755)	5,292 (17,567)	5,633 (13,926)	3,218 (19,608)	2,340 (9,731)	2,419
Коэффициент при $(Y/P)_0$, %	-0,051 (-14,487)	-0,029 (-7,521)	-0,035 (-6,294)	-0,019 (-7,870)	-0,008 (-3,396)	-0,011 (-3,396)
Испания		0,920 (3,537)	0,826 (2,975)		0,793 (4,243)	0,660 (3,350)
Западная Германия		1,046 (4,346)	0,917 (3,683)		-0,229 (-1,247)	-0,265 (-1,514)
Великобритания		-0,833 (-3,539)	-0,798 (-3,198)		0,195 (1,088)	0,082 (0,469)
Франция		0,169 (0,766)	0,167 (0,765)		-0,044 (-0,263)	-0,028 (-0,178)
Италия		0,716 (3,017)	0,645 (2,661)		0,085 (0,492)	0,023 (0,131)
Плотность населения			0,0002 (1,895)			0,0002 (2,930)
Расстояние до Люксембурга			-0,0001 (-0,462)			0,0001 (0,807)
R^2	0,713		0,873	0,420	0,662	0,696

Источники: Вычисления авторов, исходя из ВВП на душу населения по отношению к средним значениям для Франции, Италии, Нидерландов, Испании, Великобритании и Западной Германии, вычисленным по 85 регионам, фигурирующим в: Molle 1980, Martínez-Galarraga 2007, и Eurostat, Regional Statistics (различные выпуски). Затем эти относительные значения применялись к оценкам реального ВВП по отдельным странам, приведенным в табл. 12.2. Плотность населения (число жителей/площадь страны) вычислялась по тем же источникам. Расстояния до Люксембурга взяты из www.marscow.info с прибавлением 100-километровых отрезков. В скобках приведена t -статистика.

ОЦЕНКИ ИСТОЧНИКОВ РОСТА

Вклад различных факторов в экономический рост можно оценить при помощи стандартной производственной функции. Она позволяет делать сопоставления между отдельными странами и сравнивать их показатели в разные моменты времени, представляя собой полезный диагностический инструмент для оценки показателей роста. Традиционная методика основывается на производственной функции Кобба–Дугласа:

$$Y = AK^{\alpha}L^{\beta},$$

а остаточный показатель совокупной производительности факторов производства (СПФ) по Солоу вычисляется как

$$\Delta A/A = \Delta Y/Y - s_K \Delta K/K - s_L \Delta L/L,$$

где s_K и s_L — доли капитала и труда в доходе, которые в упомянутых ниже исходных исследованиях принимаются равными 0,35 и 0,65 соответственно. Вклад рабочей силы в экономический рост можно вычислить точнее, если брать в расчет не только грубое количество труда, но и его качество. Поэтому вполне стандартным приемом является учет образования, полученного трудящимися, путем внесения в трудовой вклад поправки, соответствующей среднему сроку обучения одного работника.

Базовое уравнение роста можно преобразовать в выражение, следующим образом учитывающее темп роста производительности труда:

$$\frac{\Delta (Y/L)}{(Y/L)} = s_K \frac{\Delta (K/L)}{(K/L)} + \Delta A/A,$$

т.е. включающее компоненты, соответствующие накоплению капитала и росту СПФ.

Следует отметить, что СПФ не равнозначна техническому прогрессу, хотя последний является важной составной частью первого. Это обусловлено двумя важными причинами: повышением эффективности использования факторов производства и экономией за счет масштаба, причем как первое, так и второе влияет на величину остатка Солоу. Несколько менее очевидно то, что темп технического прогресса может и не сказываться на росте производительности, поскольку экономика не всегда работает с оптимальным использованием своих возможностей вследствие издержек перестройки и наличия фиксированных факторов производства.

В случаях догоняющего развития быстрый рост производительности труда основывается на сочетании существенного накопления капитала и быстрого роста СПФ, начинающихся на относительно низком уровне капиталовооруженности и, в первую очередь, СПФ. Первый связан с недостаточными сбережениями и инвестициями; низкий уровень СПФ отчасти является следствием технологического разрыва, но также может быть результатом неэффективного использования производственных факторов.

ТАБЛИЦА 12.7.

Вклад различных факторов в рост производительности труда:
Западная Европа, США, Восточная Германия и СССР, % в год

Страна	Накопления капитала	Накопления человеческого капитала	СПФ	Рост произво- дительности труда
1960-1970				
Австрия	2,39	0,18	2,90	5,47
Бельгия	1,36	0,42	2,33	4,11
Дания	2,15	0,13	1,25	3,53
Финляндия	1,66	0,37	2,64	4,67
Франция	2,02	0,29	2,62	4,93
ФРГ	2,10	0,23	2,03	4,36
Греция	3,63	0,26	4,45	8,34
Ирландия	1,78	0,22	2,21	4,21
Италия	2,39	0,36	3,50	6,25
Нидерланды	1,43	0,74	0,89	3,06
Норвегия	1,18	0,48	1,80	3,46
Португалия	2,05	0,35	3,99	6,39
Испания	2,45	0,38	3,73	6,56
Швеция	1,34	0,19	2,40	3,93
Швейцария	1,40	0,40	1,37	3,17
Великобритания	1,45	0,17	1,24	2,86
США	0,03	0,43	1,54	2,00
Вост. Германия	1,10	н/д	1,71	2,81
СССР	1,84	н/д	0,90	2,74
1970-1990				
Австрия	1,32	0,22	1,00	2,54
Бельгия	0,96	0,18	1,38	2,52
Дания	0,82	0,24	0,02	1,08
Финляндия	0,98	0,62	0,90	2,50
Франция	1,28	0,36	0,84	2,48
ФРГ	0,79	0,40	0,69	1,88
Греция	1,24	0,50	0,06	1,80
Ирландия	1,47	0,38	1,18	3,03
Италия	0,98	0,32	1,22	2,52
Нидерланды	0,72	0,25	0,65	1,62
Норвегия	0,90	0,70	0,84	2,44
Португалия	0,90	0,44	1,01	2,35
Испания	1,54	0,37	1,13	3,04

Страна	Накопления капитала	Накопления человеческого капитала	СПФ	Рост произво- дительности труда
Швеция	0,67	0,36	0,27	1,30
Швейцария	0,72	0,30	-0,38	0,64
Великобритания	0,83	0,32	0,74	1,89
США	0,24	0,41	0,43	1,08
Вост. Германия	1,05	н/д	0,75	1,80
СССР	1,14	н/д	-0,06	1,08
1990–2003				
Австрия	0,86	0,27	0,37	1,50
Бельгия	0,76	0,25	0,26	1,27
Дания	0,72	0,19	0,95	1,86
Финляндия	0,49	0,31	1,49	2,29
Франция	0,58	0,27	0,13	0,98
Германия	0,76	0,17	0,60	1,53
Греция	0,61	0,35	1,25	2,21
Ирландия	0,49	0,26	2,24	2,99
Италия	0,60	0,38	0,14	1,12
Нидерланды	0,26	0,28	0,07	0,61
Норвегия	0,31	0,21	1,81	2,33
Португалия	1,13	0,47	-0,31	1,29
Испания	0,63	0,37	-0,37	0,63
Швеция	0,73	0,44	1,16	2,33
Швейцария	0,60	0,08	-0,23	0,45
Великобритания	0,91	0,41	0,74	2,06
США	0,90	0,10	0,82	1,82

Все оценки основаны на уравнении $\frac{\Delta(Y/L)}{(Y/L)} = \alpha \frac{\Delta(K/L)}{(K/L)} + \beta \frac{\Delta(HK/L)}{(HK/L)} + \text{рост СПФ}$,

в предположении, что $\alpha = 0,35$; для СССР накопления человеческого капитала учитывается в СПФ.

Источники: Оценки из: Bosworth and Collins 2003, обновленные по данным веб-сайта, за исключением оценок для СССР, основывающихся на данных, по которым построен Fig. 10.2 из: Allen 2003; данные по занятости из: Harrison 1998с; те и другие любезно предоставлены авторами. Оценки для Восточной Германии взяты из: Ritschl 1996, с поправками на рост производительности труда в соответствии с GGDC 2007. Оценки для Ирландии даются на основе ВВП.

2. Выдвигались предположения, что такой результат может быть обусловлен методологией и что для описания СССР больше подходит производственная функция, имеющая очень низкую эластичность замещения между капиталом и трудом и потому резко снижающая норму прибыли от капитала (Weitzman 1970). Аллен (Allen 2003) убедительно опровергает эту точку зрения, отмечая, что и на Западе, и на Востоке существовали аналогичные технические возможности и что имеются убедительные доказательства крупномасштабной растраты капитала в советской системе, из чего следует, что стандартная методика оценок остается в силе.

В табл. 12.7 приводятся оценки вклада, внесенного различными источниками экономического роста в западноевропейских странах за три периода: последние годы золотого века, последующий период замедления и недавнюю эпоху, для которой характерно возросшее значение ИКТ. Золотой век быстрого догоняющего развития, несомненно, являлся периодом, в течение которого и накопление капитала, и рост СПФ внесли серьезный вклад в рост производительности труда. Фактически в большинстве стран более значительный вклад был внесен ростом СПФ. Последний был обязан не столько отечественным НИОКР, не проводившимся в сколько-нибудь значимом масштабе, сколько заимствованию технологий в сочетании со структурными изменениями, экономией за счет масштаба и более полной утилизацией производственных факторов после завершения послевоенной реконструкции (Temin 2002).

У нас в целом не имеется аналогичных оценок по восточноевропейским странам, однако мы в состоянии дать грубые оценки по СССР. Как видно из табл. 12.7, характерной чертой догоняющего развития в коммунистическом мире было то, что с точки зрения стандартных предположений о значимости источников роста оно в значительно большей степени опиралось на «экстенсивный рост». Если вклад накопления капитала в экономический рост в годы золотого века был здесь таким же или лишь чуть меньшим, чем в Западной Европе, то рост СПФ однозначно имел ничтожные масштабы, внося очень малый вклад по сравнению с такими странами, как Ирландия или Италия, которые обладали аналогичным потенциалом для догоняющего развития². При сравнении табл. 12.7 и 12.8 заметно, что догоняющий рост в странах Западной Европы во время золотого века значительно сильнее зависел от роста СПФ и значительно слабее — от накопления капитала, чем развитие «восточноазиатских тигров» в 1960–1980-е гг.

Из табл. 12.7 видно, что замедление роста производительности труда в Западной Европе после окончания золотого века было связано с тем, что во всех странах замедлялись как накопления капитала, так и рост СПФ, причем замедление последнего в целом было более важным. Невзвешенное среднее снижение темпов в период с 1960–1970 по 1970–1990 гг. составляло 1,00 процентного пункта в год для накопления капитала и 1,75 процентного пункта в год для роста СПФ, что было вызвано главным образом исчезновением вышеупомянутых временных компонентов.

ТАБЛИЦА 12.8.

Вклад в рост производительности труда:
«восточноазиатские тигры» (в % в год)

Страна	Накопления капитала	Накопления человеческого капитала	СПФ	Рост произво- дительности труда
1960–1990				
Сингапур	3,34	0,31	1,32	4,97
Южная Корея	2,84	0,80	1,42	5,06
Тайвань	3,17	0,60	2,30	6,07
1990–2003				
Сингапур	1,76	0,82	0,93	3,51
Южная Корея	2,40	0,46	0,95	3,81
Тайвань	2,67	0,34	1,75	4,76

Источник: Как и в табл. 12.7, оценки из: Bosworth and Collins 2003, обновленные по данным веб-сайта.

В Советском Союзе рост СПФ оказался даже немного отрицательным, однако замедление роста производительности труда было не в меньшей степени обязано сокращению вклада, вносимого накопления капитала.

В самый поздний период, в 1990–2003 гг., западно-европейские страны, согласно табл. 12.7, отличались заметным разнообразием в плане тенденций развития. Девять из этих шестнадцати стран перестали догонять США в смысле производительности труда, а в 11 странах СПФ возрастала более низкими темпами, чем в США. В то время как в Соединенных Штатах темпы накопления капитала и роста СПФ выросли по сравнению с низким уровнем, наблюдавшимся в 1970–1990 гг., в большинстве западноевропейских стран они снизились еще больше, хотя в том, что касалось роста СПФ, имелось несколько заметных исключений, в том числе Скандинавские страны, Греция, Ирландия и Великобритания. Более тщательный анализ факторов роста подтверждает, что такие различия были весьма тесно связаны с тем, насколько успешно использовались возможности эпохи ИКТ (Timmer and van Ark 2005), которые будут рассмотрены нами ниже.

Наконец, в табл. 12.9 приведены оценки источников роста для переходных экономик Восточной Европы начиная с середины 1990-х гг. Рост производительности тру-

ТАБЛИЦА 12.9.
Вклад в рост производительности труда:
Восточная Европа, 1996–2006 г., % в год

Страна	Накопления капитала	Накопления человеческого капитала	СПФ	Рост произво- дительности труда
Чехия	2,1	н/д	1,1	3,2
Эстония	3,1	н/д	4,3	7,4
Венгрия	1,8	н/д	1,7	3,5
Латвия	2,7	н/д	3,9	6,6
Литва	2,1	н/д	4,1	6,2
Польша	1,9	н/д	2,5	4,4
Словакия	2,3	н/д	1,5	3,8
Словения	2,0	н/д	1,8	3,8
СНГ	2,0	н/д	3,7	5,7
Россия	1,3	н/д	2,7	4,0

Источник: Составлено по данным из: Iradian 2007, при тех же исходных предположениях, что и для табл. 12.7; накопления человеческого капитала учитываются в данных по СПФ.

да в странах, присоединившихся к ЕС, оставался весьма скромным по сравнению с темпами, наблюдавшимися в западноевропейских странах в золотой век роста, за исключением республик Балтии. Представляется, что их успехи в большей степени обеспечивались ростом СПФ, нежели накопления капитала, хотя следует отметить, что данные, на основе которых делались эти оценки, зачастую очень ненадежны. Рост СПФ в странах СНГ происходил достаточно быстро. Вероятно, это было связано с восстановлением после предыдущего экономического краха, аналогичным послевоенной реконструкции, но намного более масштабным, причем в некоторых случаях (включая Россию) мощный импульс к развитию задавали высокие цены на нефть (Iradian 2007).

ЗОЛОТОЙ ВЕК

С конца 1940-х по середину 1970-х гг. Европа развивалась исключительно высокими темпами, однако в смысле достигнутых результатов имелись значительные различия.

Этот факт ставит перед нами два вопроса, которые рассматриваются в данном разделе, а именно:

- 1) Что являлось причиной золотого века?
- 2) Что являлось причиной относительных успехов и неудач отдельных стран в годы золотого века?

По сути, ответ на последний вопрос позволяет более точно ответить на первый, поскольку различия в результатах роста весьма информативны с точки зрения его причин.

Западная Европа пережила две мировые войны и межвоенную депрессию, и потому в 1950 г. доход во многих европейских странах находился на уровне, намного более низком, чем тот, к которому могло бы привести продолжение тенденций, наблюдавшихся до 1914 г. Экономическое восстановление и исправление таких политических ошибок, как катастрофический протекционизм межвоенного периода, в потенциале могли обеспечить фазу ускоренного роста. Международные экономические отношения под эгидой Бреттон-Вудской системы и плана Маршалла отличались от тех, какими они были в эпоху Лиги Наций и Версальского договора.

Общепризнанно, что Бреттон-Вудская эпоха международной валютной системы, совпавшая по времени с золотым веком, была периодом относительно слабых макроэкономических колебаний, что, по мнению некоторых авторов, обеспечивало крайне благоприятные условия для ускоренного послевоенного роста (Boltho 1982). Однако теория не вполне подтверждает эту точку зрения, и экономисты предпринимали попытки доказать существование значительного влияния, оказываемого волатильностью уровня производства на экономический рост (Norrbin and Yigit 2005).

Однако ускоренный догоняющий рост имел и другие причины. Золотой век можно рассматривать как период, в течение которого экономический рост в Западной Европе опирался на расширенные «социальные способности» и «техническую согласованность» (Abramovitz and David 1996). Применительно к рис. 12.1 это означало, что более оптимальные институты и политика обеспечивали сдвиг линий Солоу и Шумпетера в сторону, соответствующую более благоприятным условиям для развития.

Относительное значение этих факторов изменялось с течением времени, о чем свидетельствуют сравнитель-

ные регрессии роста по разным странам в Temlin 2002. В 1950-е гг. те страны, в которых имелись сравнительно широкие возможности для послевоенной реконструкции (такие, как Западная Германия), развивались достаточно быстро; и в 1950-е, и в начале 1960-х гг. относительно хорошими показателями отличались страны с крупным аграрным сектором (например, Италия), однако после 1965 г. на первый план вышло ортодоксальное сокращение капиталоемкости и технологического отставания.

Результаты анализа «гипотезы Джаносси» с использованием наблюдений за длительный период времени, полученные в работе Mills and Crafts (2000), подтверждают и развивают эти выводы. Джаносси (Janossy 1969) утверждал, что фаза сверхроста после Второй мировой войны представляла собой просто возвращение к тенденциям, свойственным периоду до 1914 г. Эта идея была опровергнута как неверная в том смысле, что во всех западноевропейских странах реальный ВВП на душу населения к концу золотого века значительно превышал тот уровень, который был бы достигнут при сохранении тенденций, существовавших до Первой мировой войны. Однако в большинстве стран, затронутых войной — в Австрии, Франции, Нидерландах и Западной Германии, — экономический рост с конца 1950-х гг. начал выдавать явные признаки замедления.

Предметом многочисленных исследований являлась роль плана Маршалла, в рамках которого США в 1948–1951 гг. предоставили Западной Европе помощь в объеме 13 млрд долларов. В настоящее время авторы в целом сходятся на том, что эти субсидии не могли быть непосредственной причиной наступления золотого века, оказав в этом плане незначительное влияние на европейскую экономику. Уровень инвестиций повысился примерно на 1% ВВП, однако, согласно элементарной экономике роста, это могло лишь несущественно сказаться на темпах роста; нет также причин полагать, что сколько-нибудь большое значение имело устранение узких мест в снабжении (Eichengreen and Uzan 1992)³.

Если план Маршалла действительно сказался на состоянии европейской экономики, то лишь косвенным образом. DeLong and Eichengreen (1993) предполагают, что план Маршалла сыграл роль крайне успешной программы структурной перестройки — намного более успешной, чем те, которые предлагались Всемирным банком в 1980–

3. Согласно стандартным положениям неоклассической теории, при первоначальном отношении капитала к объему производства, приблизительно равном 2, и эластичности производства равной 0,35, повышение уровня инвестиций на 1% ВВП приведет к повышению темпов роста менее чем на 0,2 процентных пункта в год.

1990-е гг. Косвенное влияние плана Маршалла выразилось в создании условий, изменявших среду, в которых осуществлялась экономическая политика: с одной стороны, они укрепляли приверженность рыночной экономике и либерализации торговли, а с другой стороны, содействовали социальным контрактам, на которые опирались крупные инвестиции.

Исходя из теории, либерализация торговли должна поднимать уровень доходов в более значительной степени, нежели традиционный эффект треугольника социального обеспечения. Кроме того, позитивное влияние могут оказывать рост инвестиций, заимствование новых технологий, усиление конкуренции и реализация как внутренней, так и внешней экономики за счет масштаба. Даже если все эти факторы не отразились на долгосрочных темпах роста, имеются убедительные свидетельства, говорящие о том, что они привели к возрастанию уровня дохода. Как утверждает Badinger (2005), благодаря начавшемуся в 1950-е гг. процессу европейской интеграции доход европейцев в 2000 г. был выше на 26%. Согласно составленному этим автором индексу интеграции, максимальное влияние либерализации торговли ощущалось в период с конца 1950-х по начало 1970-х гг., когда было устранено около 55% первоначальных торговых барьеров благодаря созданию Европейского сообщества и Европейской ассоциации свободной торговли, а также проведению раунда Кеннеди в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле. Все это дало примерно 1-процентную прибавку к годовым темпам европейского экономического роста в течение данного периода.

Либерализация внешней торговли и углубление интеграции на европейском рынке стали факторами, ускорившими заимствование технологий и способствовавшими сокращению технологического разрыва между Европой и США (Madsen 2007). Впрочем, этим дело не ограничилось. Nelson and Wright (1992) также подчеркивают более высокую ценовую эффективность американских технологий в Европе, возрастающую кодификацию технических знаний и рост европейской технической компетенции, основывавшийся на увеличении инвестиций в человеческий капитал и НИОКР. Даже наиболее технически развитые европейские страны в 1980-е гг. обеспечивали свой технический прогресс не менее чем на 40% за счет американских исследований (Eaton and Kortum 1999).

ТАБЛИЦА 12.10.

Вклад структурных изменений в рост
производительности труда в 1950–1973 гг. (в % в год)

Страна	Ортодоксальная оценка	Оценка по Бродберри
Дания	0,24	1,10
Великобритания	-0,12	0,31
Швеция	0,00	0,60
Нидерланды	-0,31	0,29
Франция	0,00	0,52
ФРГ	0,18	0,77
Италия	0,83	1,77
Испания	0,80	1,77

ПРИМЕЧАНИЕ: Согласно ортодоксальному подходу, вклад структурных изменений равен $\frac{\Delta A_0}{A_0} - \sum \frac{\Delta A_i}{A_i} \cdot \frac{A_i}{A_0} \cdot S_i$, где A — производительность труда, S — доля в общем числе занятых, а индексы 0 и i соответствуют экономике в целом и сектору i соответственно (Nordhaus 1972). Broadberry (1998) эту формулу видоизменил таким образом, чтобы рост производительности труда в сужающихся секторах измерялся, исходя из общего темпа роста численности рабочей силы, а не из темпа роста в данном секторе.

Источник: Вычислено по данным из: van Ark 1996, с разбиением экономики на три сектора (сельское хозяйство, промышленность, услуги), причем предполагается, что сельское хозяйство является сужающимся сектором.

С другой стороны, было бы неверно считать стремительный рост СПФ в годы европейского золотого века следствием одного лишь заимствования технологий. Важную роль также сыграла оптимизация распределения ресурсов, в первую очередь в контексте сокращения занятости в сельском хозяйстве. Ортодоксальный анализ структурных сдвигов (shift-share) неспособен в полной мере оценить эту тенденцию, поскольку он исходит из того, что темпы роста производительности в каждом секторе останутся прежними в отсутствие структурных изменений, в то время как быстрое повышение производительности в сельском хозяйстве было обусловлено сокращением избыточного количества рабочей силы на мелких семейных фермах. В табл. 12.10 приводится количественная оценка вклада структурных изменений в рост произ-

водительности труда с использованием предложенного в Broadberry (1998) метода, показывающая, что структурные изменения сыграли важную роль в Италии и в Испании и достаточно заметную — во Франции и ФРГ.

Jerzmanowski (2007) производит анализ разрывов в СПФ между европейскими странами и США, отмечая, что хотя эти разрывы в 1960 г. были еще достаточно велики, в первую очередь они были обусловлены недостаточной эффективностью, а не технологическим отставанием. Европейское догоняющее развитие до 1985 г. в значительной степени сводилось к серьезному уменьшению этих различий в эффективности. В целом этот вывод подтверждает как значение оптимального распределения ресурсов, так и тот факт, что американские технологии были доступны для Западной Европы в начале послевоенного периода.

Самая поразительная гипотеза, объясняющая расширение социальных способностей в послевоенной Западной Европе, выдвигается в Eichengreen (1999a), где утверждается, что высокому уровню инвестиций (позволявшему успешно эксплуатировать возможности для догоняющего развития) способствовали удачные социальные контракты, обеспечивавшие умеренность требований в отношении заработной платы в обмен на значительные инвестиции со стороны работодателей. Такие «корпоративные» соглашения играли роль институтов по надзору за сговорчивостью капиталистов и за централизованными переговорами о величине заработной платы, защищавших фирмы с высоким уровнем инвестиций и не позволявших отдельным группам трудящихся «безбилетничать» (free-riding). Помимо этого, государство выдавало «облигации» в форме расширенного социального обеспечения, которые подверглись бы угрозе в случае нарушения трудящимися своих обязательств. Равновесие между высоким уровнем инвестиций и умеренными требованиями в отношении заработной платы в первую очередь обеспечивалось готовностью обеих сторон «подождать до завтра».

Корпоративистские индустриальные отношения, несомненно, были широко распространены в золотой век европейского роста. Крауч (Crouch 1993) зачисляет в эту категорию Австрию, Бельгию, Нидерланды, Швейцарию, ФРГ и Скандинавские страны. Франция и Италия, не взявшие на вооружение корпоративистскую модель как таковую, тем не менее пользовались некоторыми ее преимуществами благодаря непосредственному вмешательству государ-

ства в процесс переговоров о размере заработной платы в технологически развитых секторах с преобладанием государственных компаний, тем самым определявшему общий ход процесса по установлению величины зарплат (Tonello 1998). Последний, как и в корпоративистских государствах, был в значительной степени централизован. Две наиболее очевидных «неудачницы» золотого века, Ирландия и Великобритания, не сумели создать у себя эти институты; процесс коллективных переговоров играл здесь заметную роль, но производился децентрализованно. Однако между централизованным процессом переговоров о величине заработной платы и повышенными темпами роста не просматривается корреляции, *ceteris paribus* (Crafts 1992b). Впрочем, в лучшем случае это может служить лишь грубой проверкой гипотезы Эйхенгрина, окончательный вердикт по которой еще не вынесен.

В табл. 12.2 бросается в глаза сильная обратная корреляция между уровнем реального ВВП на душу населения в данной стране в 1950 г. и темпом роста в годы золотого века, чего и следовало ожидать, исходя из доказательств безусловной конвергенции в этот период. Однако в этой же таблице мы видим ряд стран, достигших большего или меньшего успеха по сравнению с прогнозом, основывающимся на первоначальном уровне дохода, и эти страны включают ФРГ в первой и Великобританию с Ирландией в последней категории. Остатки в регрессии, использовавшейся при составлении табл. 12.5, равны +0,68 для ФРГ и -1,70 и -0,68 для Ирландии и Великобритании соответственно. Таким образом, можно констатировать, что Великобритания не могла бы развиваться так же быстро, как Италия или Испания, имевшие больше возможностей для догоняющего развития, но должна была сравняться по темпам роста с Данией или Швецией, в то время как от ирландских темпов роста следовало ожидать большего схождения с итальянскими, нежели со швейцарскими.

Содержатся ли в литературе, посвященной этим странам, другие обоснования их видимых успехов или неудач, помимо гипотезы Эйхенгрина? В частности, можно ли объяснить итоги их развития с точки зрения микрооснований роста? В этом отношении особенно интересный случай представляет собой Ирландия, поскольку на смеху низким темпам роста, наблюдавшимся здесь в годы золотого века, с конца 1980-х гг. пришла знаменитая фаза стремительного догоняющего развития, превратившая

Ирландию в «кельтского тигра». Анализ причин этого ускорения в то же самое время будет представлять собой явный или неявный анализ факторов, обусловивших неудачи Ирландии в эпоху золотого века.

Представляется очевидным, что ирландские проблемы были в первую очередь связаны с экономической политикой, нежели с периферийным положением страны, которое, согласно табл. 12.6, не являлось неблагоприятным фактором. Самой очевидной изначальной ошибкой, исправленной в 1960–1970-е гг., была запоздавшая либерализация торговли, вместо которой преследовалась политика замещения импорта (Ó Gráda and O'Rourke 1996). Более того, с конца 1960-х гг. Ирландия осуществила ряд политических мер, способствовавших заимствованию технологий путем привлечения прямых зарубежных инвестиций, которые могли превратить Ирландию в экспортную платформу и тем самым обеспечить благоприятный сдвиг линии Шумпетера на рис. 12.1. Эти меры включали очень легкий режим корпоративного налогообложения и сильное (хотя и запоздалое) повышение образовательного уровня ирландской рабочей силы. Когда в конце 1980-х гг. в контексте социального контракта была достигнута макроэкономическая стабилизация, в стране окончательно сложились условия для ее превращения в «кельтского тигра».

Что касается ФРГ и Великобритании, в эпоху золотого века между этими странами существовали важные различия в отношении институтов и политики. Во-первых, очевидно, что ФРГ достигла гораздо больших успехов в накоплении человеческого и физического капитала. В 1973 г. величина капитала, приходящегося на один час работы, была в ФРГ на 35% больше, чем в Великобритании, а в 1978–1979 гг. низкой квалификацией обладали лишь 34,5% западногерманских рабочих по сравнению с 72,8% в Великобритании (O'Mahony 1999). Такие успехи в накоплении капитала опирались на корпоративистские институты, стимулировавшие профессиональное образование, и на «инсайдерскую» финансовую систему, способствовавшую долгосрочным инвестициям на основе личных связей (*relationship-specific*) (Carlin 1996). Во-вторых, обе страны резко отличались друг от друга в смысле индустриальных отношений. В то время как в ФРГ была создана система отраслевых профсоюзов, в Великобритании во многих отраслях существовало множество профсоюзов. Подобная ситуация резко обостряет «проблему вымога-

4. В Западной Германии были намного менее популярны публичные акционерные компании, которым в наибольшей степени свойственны эти проблемы. Почти у всех германских компаний имелись акционеры, владевшие 25% акций компании, в то время как в Великобритании такая ситуация наблюдалась лишь в небольшой доле компаний (Carlin 1996, p. 488). Следует отметить, что именно концентрация собственности, а не наличие банков в числе акционеров как таковое обеспечивает эффективность компаний (Edwards and Nibler 2000).

5. Произошедшее в 1956 г. заметное ужесточение британской политики в сфере конкуренции, связанное с принятием Закона об ограничительной практике, направленное на борьбу с широко распространенной в то время картelizацией, привело к заметному повышению производительности в тех секторах, которые до принятия этого закона сильно страдали от практики сговоров.

тельства» (hold-up problem) при инвестициях в фиксированный капитал и поощряет склонность профсоюзов к «безбилетничеству» (free-riding); Bean and Crafts (1996) демонстрируют, что многочисленность профсоюзов существенно замедлила рост производительности в Великобритании. В-третьих, Великобритания по сравнению с ФРГ отличалась относительно слабой конкуренцией — отчасти из-за того, что в Великобритании медленно происходила либерализация внешней торговли, а отчасти потому, что политика в сфере конкуренции имела здесь низкий приоритет и проводилась непродуманно. Доля прибыли в цене (price-cost margins) была здесь намного выше, а сверхнормальные прибыли были в Великобритании более частым явлением, чем в ФРГ (Crafts and Mills 2005; Geroski and Jacquemin 1988). Это имело большое значение, поскольку британские фирмы в большей степени страдали от проблем агента-принципала (agency problems), порожденных отчуждением права собственности от управления и лечащихся с помощью конкуренции¹. Опыт Великобритании свидетельствует о том, что слабая конкуренция в отсутствие внешнего держателя крупного пакета акций влечет за собой однозначно пониженную производственную эффективность (Nickell, Nicolitsas, and Dryden 1997)⁵. В смысле модели роста, представленной на рис. 12.1, Западная Германия имела более удачное положение, чем Великобритания.

Таким образом, вырисовывается следующая картина западноевропейского экономического роста в период золотого века. Во-первых, для этой эпохи была характерна сильная β -конвергенция. Во-вторых, ускоренный рост отчасти опирался на возможность оправиться от более ранних потрясений и политических ошибок, однако очевидно, что европейское развитие не сводилось только к этому; в течение длительного периода заметно сократилось отставание от США в смысле капиталовооруженности и СПФ. В-третьих, как подчеркивает теория современного роста и как подтверждается сравнением опыта различных европейских стран, темпы роста зависели от структуры стимулов.

Восточноевропейские экономики в годы их серебряного века продемонстрировали менее впечатляющие успехи, хотя темпы роста в этих странах были значительными по историческим стандартам. Об этом говорят

и представленные выше диагностические инструменты. Регрессия из табл. 12.5 свидетельствует об отставании темпов роста примерно на 1,3 процентных пункта, в то время как анализ источников роста в табл. 12.7 указывает на вялый рост СПФ как на ключевую причину этого отставания.

Более пристальное изучение экономического роста в СССР позволяет объяснить этот результат и в то же время выявить важные аспекты западноевропейского развития. Советская экономика после Второй мировой войны развивалась практически в том же темпе, который предсказывала гипотеза Джаносси, хотя и при более скромной тенденции к росту производительности труда. Тревожные признаки серьезного отставания в плане роста производительности на фоне общего замедления по модели Джаносси не проявлялись до 1970-х гг. (Harrison 1998с). Советская экономика сумела обеспечить «экстенсивный рост» в том смысле, что отношение инвестиций к ВВП с 1950 по начало 1970-х гг. приблизительно удвоилось, составив немногим менее 30%, причем объемы основного капитала за этот период ежегодно возрастали примерно на 8,5% (Ofeg 1987). Снижение отдачи от накопления капитала (быстрый рост отношения предельной величины капитала к объему производства), усугублявшееся медленным ростом СПФ, свидетельствовало о том, что темп роста объемов основного капитала при заданном темпе инвестиций снижался с течением времени.

Относительно медленный рост СПФ не был итогом недостаточных объемов финансирования НИОКР, которое к 1970-м гг. было очень высоким по мировым стандартам, составляя около 3% ВВП. Проблема заключалась, скорее, в структуре стимулов, обеспечивавшей инновации на уровне фирмы. В данном случае мы имеем классический пример провала в смысле «социальных способностей». Плановая система поощряла в первую очередь тех управленцев, которые достигали производственных целей в краткосрочной перспективе, а не тех, которые находили возможность снизить издержки производства или повысить качество продукции в долгосрочном плане. Соотношение риска и награды было неблагоприятным для организационных и технических изменений, и вдобавок отсутствовали «пинки» со стороны конкуренции (Berliner 1976). Линия Шумпетера на рис. 12.1 в советской экономике сдвигалась пагубным образом по сравнению с тем, что наблюдалось в западных экономиках.

ЗАМЕДЛЕНИЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ЗОЛОТОГО ВЕКА

К середине 1970-х гг. экономический рост по всей Европе заметно замедлился. Окончание золотого века было сопряжено с рядом неизбежных аспектов, включая исчерпание временных источников ускоренного роста (таких, как послевоенная реконструкция), снижение отдачи от инвестиций по мере продолжения послевоенного бума, уменьшение возможностей для догоняющего развития вследствие постепенного сокращения отрыва от лидера, а также замедления роста реального ВВП на душу населения в США. На востоке материка проблемы потери темпа настолько обострились, что привели к смене правящего режима вследствие коллапса экономики.

Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что дело обстояло намного сложнее и менялся сам контекст, в котором происходил рост. К 1973 г. на большей части Западной Европы началась деиндустриализация, в последующие десятилетия принявшая всеобщий характер (ср. с табл. 12.11); ключ к успешному экономическому росту во все большей степени оказывался связан со сферой услуг, нежели с промышленным сектором. Эту тенденцию усиливали быстро возрастающая интеграция мировых рынков (глобализация) и перемещение мирового промышленного и экспортного производства из Европы в Азию. Вдобавок к этому замедление роста усугублялось сокращением возможностей для догоняющего развития, резко снизившее его темпы, о чем свидетельствует уменьшение коэффициентов при первоначальном относительном уровне ВВП в регрессиях, приведенных в табл. 12.5 и 12.6. Хотя страны Западной Европы с более низким уровнем дохода по-прежнему демонстрировали повышенные темпы роста, в целом в Западной Европе догоняющее развитие застыло при уровне реального ВВП на душу населения, составлявшем приблизительно лишь две трети от американского (табл. 12.1). Также обращает на себя внимание то, что после окончания золотого века изменилась относительная расстановка лидеров и отстающих: например, резко возросли темпы роста в Ирландии при их существенном снижении во Франции, Германии и Италии.

Что касается производительности труда, то хотя здесь тоже наблюдалось заметное снижение величины отстав-

ТАБЛИЦА 12.11.
Доля занятых по секторам

Страна	С/хозяйство	Промышленность	Услуги
1950 г.			
Австрия	32,3	37,1	30,6
Бельгия	12,2	48,9	38,9
Дания	25,1	33,3	41,6
Финляндия	46,0	27,7	26,3
Франция	31,5	31,8	36,7
Германия	23,2	42,9	33,9
Греция	48,2	19,3	32,5
Ирландия	39,6	24,4	36,0
Италия	42,2	32,1	25,7
Нидерланды	17,8	38,4	43,8
Норвегия	25,9	36,9	37,4
Португалия	48,4	25,1	26,5
Испания	48,8	25,1	26,1
Швеция	20,3	40,9	38,8
Швейцария	16,5	46,6	36,9
Великобритания	5,3	48,8	45,9
1974 г.			
Австрия	13,0	44,8	42,2
Бельгия	3,8	41,0	55,2
Дания	9,6	32,3	58,1
Финляндия	16,3	36,1	47,6
Франция	10,6	39,4	50,0
Германия	7,0	46,7	46,3
Греция	36,0	27,8	36,2
Ирландия	22,8	32,6	44,6
Италия	17,5	39,3	43,2
Нидерланды	5,7	35,9	58,4
Норвегия	10,6	34,3	55,1
Португалия	34,9	33,8	31,3
Испания	23,2	37,2	39,6
Швеция	6,7	37,0	56,3
Швейцария	7,5	44,3	48,2
Великобритания	2,8	42,0	55,2
2004 г.			
Австрия	5,0	27,8	67,2
Бельгия	2,0	24,9	73,1

Страна	С/хозяйство	Промышленность	Услуги
Дания	3,1	23,7	73,2
Финляндия	4,9	25,7	69,4
Франция	3,5	23,0	73,5
Германия	2,4	31,0	66,6
Греция	12,6	22,5	64,9
Ирландия	6,4	27,7	65,9
Италия	4,5	31,0	64,5
Нидерланды	3,0	20,3	76,7
Норвегия	3,5	20,9	75,6
Португалия	12,1	31,4	56,5
Испания	5,5	30,5	64,0
Швеция	2,1	22,6	75,3
Швейцария	3,7	23,7	72,6
Великобритания	1,3	22,3	76,4

Примечание: Горнорудная отрасль включена в состав «промышленности».

Источники: Bairoch 1968; OECD 2001; 2005

ния в регрессиях роста (Crafts 2007), западноевропейские страны продолжали сокращать разрыв с США до середины 1990-х гг., как показывает табл. 12.12. Однако оценки источников роста в табл. 12.7 говорят о том, что это происходило, несмотря на очень сильное уменьшение вклада, вносимого накоплением капитала (медиана снизилась до 1,0% в год в 1970–1990 гг. по сравнению с 2,0% в 1960–1970 гг.) и, в первую очередь, ростом СПФ (медиана снизилась с 2,5 до 0,9% в год).

Такое изложение событий поднимает следующие вопросы:

- 1) Чем объяснялось различие тенденций, связанных с ВВП на душу населения и производительностью труда, по сравнению с США?
- 2) Почему замедление роста в Европе превысило неизбежные пределы?
- 3) Почему замедление роста в Восточной Европе оказалось намного более серьезным?

Короткий ответ на первый из этих трех вопросов сводится к тому, что со времен золотого века европейцы в среднем

работали меньше американцев (ср. с табл. 12.13), в частности, из-за того, что в Европе был более высокий уровень безработицы, более длинные праздники, а некоторые регионы (например, Италия) отличались более низким уровнем участия женщин на рынке труда. Последствия в плане экономического благосостояния зависят от того, в какой степени меньшая продолжительность рабочего времени обусловлена налоговыми искажениями (Prescott 2004) или коллективными договорами (Alesina, Glaeser, and Sacerdote 2005), а не различиями в предпочтениях (Blanchard 2004). В этом отношении путь, пройденный Европой, весьма сильно отличался от страны к стране; исследователи пока что не пришли к консенсусу по данному вопросу, и у нас все еще нет удовлетворительного ответа на него. Эластичность предложения рабочей силы по изменениям в налогообложении кажется слишком небольшой для того, чтобы объяснить сколько-нибудь значительную долю наблюдавшихся явлений, а аргументация с точки зрения культурных особенностей представляется не вполне убедительной вследствие того, что различия проявились в недавнее время, в то время как решительное отстаивание своих позиций на коллективных переговорах в одних странах привело к уступкам со стороны нанимателей (work-sharing), а в других — нет (Faggio and Nickell 2007).

При изучении роста производительности труда полезно разделить эпоху после завершения золотого века на два периода, избрав в качестве границы середину 1990-х гг., после которой начало серьезно сказываться влияние ИКТ. Из табл. 12.12 видно, что в 1973–1995 гг. западноевропейские страны в целом продолжали догонять США в смысле производительности труда, которая лишь в Швейцарии возрастала медленнее, чем в Соединенных Штатах. Вообще, судя по голым цифрам, к 1995 г. 6 европейских стран явно обогнали США, достигнув более высокого уровня производительности труда. На самом же деле их успехи, вероятно, были не так велики, поскольку ответ Европы на тяжелую макроэкономическую ситуацию 1970–1980-х гг. включал сокращение трудового вклада, обеспеченное коллективными договорами и государственной политикой, непропорционально сильно повлиявшей на занятость среди трудящихся с низкой производительностью (особенно молодых и пожилых). Оценки в колонке 2 табл. 12.12 получены путем эконометрической процедуры, заключающей-

ТАБЛИЦА 12.12.

Уровень и темп роста реального ВВП на один час рабочего времени

а) Уровень ВВП, в долларах Гири-Хамиса 1990 г.

1973 г.	1	2	1995 г.	1	2	2005 г.	1	2
Швейцария	18,88		Норвегия	31,67	28,78	Норвегия	39,78	36,68
Нидерланды	18,01	17,69	Зап. Германия	30,08		Франция	35,24	31,44
Швеция	17,15	16,94	Бельгия	29,21		Бельгия	33,54	
Бельгия	16,96		Франция	29,13	26,1	Нидерланды	31,87	28,17
Италия	16,16	14,76	Италия	27,61	23,44	Австрия	31,05	
ФРГ	16,05		Нидерланды	27,47	23,28	Дания	30,13	
Дания	15,88		Дания	27,01		Швеция	30,01	28,39
Франция	15,73	15,99	Австрия	24,76		Великобрит.	29,62	28,56
Норвегия	15,7	14,96	Германия	24,5	21,31	Ирландия	29,29	27,32
Великобрит.	14,05	14,05	Великобрит.	24,06	22,78	Италия	28,94	24,89
Австрия	13,39		Швеция	23,47	21,89	Германия	28,86	24,88
Финляндия	11,61	12,4	Швейцария	23,33		Финляндия	28,13	26,79
Греция	10,15		Испания	22,24	18,44	Швейцария	26,82	
Испания	9,47	9,96	Финляндия	22,2	20,23	Испания	21,78	19,74
Ирландия	9,45	10,41	Ирландия	19,6	17,38	Греция	18,94	
Португалия	9,21		Греция	14,7		Португалия	17,2	
США	21,28		Португалия	14,31		США	35,2	
			США	27,77				

б) Темп роста, % в год

1973–1995 гг.	1	2	1995–2005 гг.	1	2
Швейцария	0,97		Норвегия	2,31	2,46
Нидерланды	1,94	1,26	Бельгия	1,4	
Швеция	1,44	1,17	Франция	1,93	1,89
Бельгия	2,51		Италия	0,48	0,62
Италия	2,47	2,13	Нидерланды	1,5	1,93
ФРГ	2,9		Дания	1,1	
Дания	2,44		Австрия	2,29	
Франция	2,84	2,25	Германия	1,66	1,57
Норвегия	3,24	3,02	Великобритания	2,1	2,29
Великобритания	2,48	2,22	Швеция	2,49	2,63
Австрия	2,83		Швейцария	1,41	
Финляндия	2,95	2,25	Испания	–0,21	0,7
Греция	1,91		Финляндия	2,4	2,85
Испания	3,94	2,84	Ирландия	4,1	4,62
Ирландия	3,37	2,36	Греция	2,57	
Португалия	2,02		Португалия	1,87	
США	1,22		США	2,4	

Примечания: Для Ирландии дан уровень ВВП на час рабочего времени. Колонка 1 относится к наблюдаемым значениям, 2 — к «структурным значениям».

Источники: Вычислено по данным из: Bourles and Certe 2006, а также GGDC 2007.

ТАБЛИЦА 12.13.

Ежегодное число рабочих часов на одного трудящегося и общее число рабочих часов на душу населения: западноевропейские страны и США

Страна	1950	1973	1995	2005
Ежегодное число рабочих часов на одного трудящегося				
Австрия	2100	1889	1561	1519
Бельгия	2404	1851	1642	1611
Дания	2145	1747	1499	1575
Финляндия	2035	1914	1776	1714
Франция	2233	2019	1650	1529
(Зап.) Германия	2372	1870	1494	1437
Греция	2322	2111	1922	1912
Ирландия	2437	2103	1835	1636
Италия	1928	1788	1635	1592
Нидерланды	2299	1823	1456	1413
Норвегия	2039	1703	1414	1360
Португалия	2344	2024	1822	1709
Испания	2052	2124	1814	1774
Швеция	2016	1642	1626	1588
Швейцария	2092	1810	1598	1534
Великобритания	2112	1919	1667	1624
США	2016	1898	1853	1791
Общее число рабочих часов на душу населения				
Австрия	1037,9	839,2	729,0	709,7
Бельгия	936,9	718,0	625,4	654,5
Дания	1033,4	878,1	753,3	800,5
Финляндия	1055,1	955,2	714,2	786,4
Франция	1053,9	833,4	644,1	631,0
(Зап.) Германия	982,5	819,5	643,9	685,6
Греция	787,9	754,4	702,1	785,2
Ирландия	1000,8	728,4	648,9	785,8
Италия	686,2	658,1	623,5	665,3
Нидерланды	885,1	726,3	673,8	706,9
Норвегия	892,1	721,1	685,3	684,3
Португалия	970,7	766,7	811,6	811,5
Испания	868,5	809,3	578,3	834,2
Швеция	988,8	786,8	751,6	763,5
Швейцария	1044,0	964,4	883,5	856,7
Великобритания	943,6	856,2	731,1	756,7
США	804,6	784,2	885,8	882,7

ПРИМЕЧАНИЕ: Цифры за 1995 г. даны для Западной Германии; для всей Германии они равны 1534 и 704,0 соответственно.

Источник: GGDC 2007.

ся в нормализации влияния, оказываемого различными структурами рынка труда на производительность. Исходя из этих нормализованных оценок, представляется вероятным, что лишь Норвегия (ставшая крупным производителем нефти) реально обогнала Соединенные Штаты и что фактически производительность труда в Европе выросла несколько ниже, чем следует из голых цифр. Тем не менее даже в этом случае практически все европейские страны до середины 1990-х гг. продолжали нагонять США, хотя и в несколько более низком темпе, чем прежде.

Чем могло быть обусловлено это чрезмерное замедление роста производительности? Во-первых, совершенно очевидно, что выявилась хрупкость эйхенгриновского баланса между умеренностью требований в отношении заработной платы и крупными инвестициями, в целом не пережившая бурные 1970-е гг. — эпоху, в течение которой резко возросли воинственность и мощь профсоюзов, как и доля трудового вклада в добавленной стоимости, а наградой за терпение стали возросшая мобильность капитала, плавающие обменные курсы и более высокая защищенность труда. В то же время корпоративистская модель экономического роста становилась менее подходящей для экономик, нуждавшихся в большей инновационности и меньшей подражательности при достижении роста производительности, как недавно подчеркивал сам Эйхенгрин (Eichengreen 2007).

Заключенные во многих странах послевоенные соглашения влекли за собой — особенно с учетом проблем, свойственных 1970-м гг. — существенное повышение социальных выплат, в значительной степени финансировавшееся за счет искажающего налогообложения (табл. 12.14)⁶. Оценки в Kneller, Bleaney, and Gemmell (1999) свидетельствуют о том, что рост отношения искажающего налогообложения к ВВП на один процентный пункт снижает темп роста на 0,1 процентного пункта, вследствие чего повышение налогов в 1965–1995 гг. должно было в среднем привести к снижению темпов роста примерно на один процентный пункт.

Кроме того, типичная западноевропейская страна также имела наследие в виде высокой зарегулированности (ср. табл. 12.15 и 12.17), тормозившей рост, но по политическим причинам с трудом поддающейся реформированию. Факты говорят о том, что жесткое регулирование на товарных рынках вело к росту наценки и снижало уровень

6. Термин «искажающее налогообложение» используют в своей работе Kneller, Bleaney, and Gemmell (1999). В принципе речь идет о прямом налогообложении, которое, как демонстрируется во многих новых моделях роста, пагубно сказывается на темпах роста, в отличие от косвенных налогов.

ТАБЛИЦА 12.14.

Бюджетные поступления в результате искажающего налогообложения и социальные трансферты (в % от ВВП)

а) Бюджетные поступления в результате искажающего налогообложения

Страна	1965	1980	1995	2004
Австрия	21,2	26,7	29,6	30,6
Бельгия	19,5	30	32,4	33,7
Дания	17,8	27	33,1	32,8
Финляндия	17,3	23,2	31,8	30,2
Франция	21,3	30	31,2	32,3
Германия	21,2	27,3	26,8	24,6
Греция	10	13,9	18,6	22
Ирландия	11,8	18	19,6	22,2
Италия	15,4	21,8	29,2	30,3
Нидерланды	22,4	31,3	31,3	25,5
Норвегия	17,4	27,5	25,2	30,9
Португалия	8,8	12,6	19,2	21,2
Испания	8,7	17,9	22,9	25
Швеция	24,1	35,7	34,8	37,4
Швейцария	11,5	19,5	21,7	22,3
Великобритания	20,3	24,9	22,7	24,5
США	19,1	21,7	22,9	20,8

б) Социальные трансферты

	1960	1980	1995	2003
Австрия	15,9	22,6	26,6	26,1
Бельгия	13,1	23,5	26,4	26,5
Дания	12,3	25,2	28,9	27,6
Финляндия	8,8	18,4	27,4	22,5
Франция	13,4	20,8	28,3	28,7
Германия	18,1	23	26,6	27,3
Греция	10,4	11,5	19,3	21,3
Ирландия	8,7	17,4	18,4	18,8
Италия	13,1	18	19,8	24,2
Нидерланды	11,7	24,1	22,8	20,7
Норвегия	7,8	16,9	23,5	25,1
Португалия		10,8	18,1	23,5
Испания		15,5	21,5	20,3
Швеция	10,8	28,6	32,5	31,3
Швейцария	4,9	13,9	17,5	20,5
Великобритания	10,2	16,6	20,4	20,6
США	7,3	13,3	15,4	16,2

^а Цифры для Ирландии даны в% от ВВП.

Источники: Lindert 2004; OECD 2006; 2007a.

ТАБЛИЦА 12.15.
Регулирование на товарных рынках (от 0 до 10)
и доля прибыли в цене

Страна	ДПЦ		РТР		
	пром-сть	услуги	1980	1998	2003
Австрия	1,15	1,28	8,50	3,00	2,33
Бельгия	1,10	1,20	9,17	3,50	2,33
Дания	1,11	1,25	9,17	2,50	1,83
Финляндия	1,18	1,27	9,00	3,50	2,17
Франция	1,12	1,26	10,00	4,17	2,83
Германия	1,13	1,25	8,67	3,17	2,33
Греция			9,50	4,67	3,00
Ирландия			9,50	2,50	1,83
Италия	1,15	1,38	9,67	4,67	3,17
Нидерланды	1,13	1,24	9,33	3,00	2,33
Норвегия	1,13	1,26	9,17	3,00	2,50
Португалия			9,83	3,50	2,67
Испания	1,14		8,33	3,83	2,67
Швеция	1,11	1,17	7,50	3,00	2,00
Швейцария			7,00	3,67	2,83
Великобритания	1,11	1,16	8,00	1,83	1,50
США	1,12	1,19	4,50	2,17	1,67

Примечание: ДПЦ — доля прибыли в цене; РТР — регулирование на товарных рынках.

Источники: Индекс РТР за 1980 г. взят из: Conway and Nicoletti 2006, а за 1998 и 2003 гг. из: Conway, Jarod, and Nicoletti 2005; цифры за 1980 г. не вполне сопоставимы с цифрами за последующие годы. ДПЦ приводится по: Hoj et al. 2007.

7. Фигурирующий у этих авторов уровень регулирования на товарных рынках, который призваны передать индексы РТР (Product Market Regulation — индекс регулирования товарных рынков) ОЭСР, отражает ту степень, в какой среда, созданная регулированием, благоприятна для конкуренции.

вхождения на рынок, тем самым ослабляя конкурентное давление на менеджеров, что неблагоприятно сказывалось и на инвестициях, и на инновациях (Griffith and Harrison 2004; Griffith, Harrison, and Simpson 2006); соответствующее снижение темпа роста СПФ по отношению к американскому, по оценкам из Nicoletti and Scarpetta 2005, в среднем за этот период составляло 0,75 процентного пункта в год. Аналогично, высокий (навязанный) уровень регулирования на рынке труда замедляет процесс созидательного разрушения и соответствующего приспособления рабочей силы. Приведенные Caballero et al. (2004) цифры предполагают различие в росте производительности

сти труда между Францией и США, достигавшее в 1980–1990-е гг. 0,5 процентного пункта в год.

Две страны, зарекомендовавшие себя «неудачницами» в годы золотого века и пережившие кризис в 1970-е — начале 1980-х гг. — а именно Ирландия и Великобритания, — выделяются на общем фоне проведением важных реформ, улучшивших их относительную позицию. Первая представляет собой интересную вариацию гипотезы Эйхенгри-на в том смысле, что создала новый тип социального контракта, при котором в ответ на сдержанность требований в отношении заработной платы производятся налоговые послабления, способствующие росту занятости и массированному притоку прямых зарубежных инвестиций, и без того поощрявшихся низкими корпоративными налогами в Ирландии и тесными связями с США (Barry 2002).

Великобритания не сумела осуществить у себя благоприятное эйхенгриновское равновесие. Однако в тщетных попытках прийти к нему она оттягивала политическую реформу в таких сферах, как фискальная политика, приватизация и заключение коллективных договоров. Тэтчеровские годы после 1979 г., когда радикальное правительство, пользуясь отсутствием в британской политической системе ограничений на действия исполнительной власти, окончательно рассталось с корпоративизмом и закончило с неявным профсоюзным вето, были периодом дерегулирования, резко возросшего конкурентного давления на менеджмент и реформы в индустриальных отношениях. Все эти меры позволили ликвидировать ряд слабых мест, пагубно сказывавшихся на британской экономике в годы золотого века.

Советская экономика страдала от проблем, которые в определенном смысле носили аналогичный характер, но были намного более серьезными. К 1970-м гг. арифметика советского экономического роста становилась все более печальной по мере того, как снижение отдачи сокращало накопление капитала, связанное с постоянным уровнем инвестиций, составлявшим чуть менее 30% ВВП. Согласно данным, реконструированным для анализа в Allen 2003, годовой темп роста объемов основного капитала упал с 7,4% в 1960-х гг. до 3,4% в 1980-х гг., причем повышению темпа инвестиций препятствовали расходы на оборону (составлявшие 16% ВВП). Ситуация усугублялась замедлением роста СПФ, ставшего в этот момент отрицательным (ср. с табл. 12.7). Причиной этого была «крупномасштаб-

ная растрата капитала» (Allen 2003, p. 191) в ходе переоснащения старых заводов и расширения добычи естественных ресурсов в Сибири.

Структура стимулов, использовавшихся советским руководством для мотивации трудящихся и руководства предприятий, представляла собой сложную систему наград, наказаний и мониторинга. Все это с течением времени становилось все более дорогостоящим, вследствие чего жизнеспособность системы оказалась под угрозой. Производственные инновации вели к росту затрат на мониторинг, что также препятствовало переходу от массового к гибкому производству. Результатом повышения образования населения стали как все большие убытки (в смысле потери человеческого капитала), связанные с лишением свободы, так и необходимость во все более щедром вознаграждении. Прекращение роста СПФ сводило к нулю отдачу от дополнительных усилий. Интересной чертой этой системы было то, что когда награды и наказания утрачивали эффективность, она легко переключалась из равновесного состояния с высоким уровнем принуждения и усилий в состояние, отличающееся низким уровнем принуждения при массовом уклонении от работы и воровстве — и трудящиеся это осознавали. Харрисон (Harrison 2002) предполагает, что именно этим объясняется неожиданный крах в конце 1980-х гг.

ЭПОХА «НОВОЙ ЭКОНОМИКИ» И ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Хорошо известно, что в Соединенных Штатах с середины 1990-х возобновился рост производительности труда, впервые за весь послевоенный период возраставшей там быстрее, чем в среднем по Европе. Примерно в то же самое время стало ясно, что парадокс Солоу (компьютеры можно встретить повсюду, кроме производственной статистики) перестал работать. Согласно стандартным американским представлениям о недавнем экономическом росте в Европе, последний тормозился чрезмерным налогообложением, чрезмерным регулированием и недостаточной конкуренцией (Baily and Kirkegaard 2004).

Это мнение нуждается в некоторых оговорках. Как видно из табл. 12.12, между западноевропейскими странами в 1995–2005 гг. наблюдались значительные различия в тем-

пах роста производительности, причем в семи странах темпы роста производительности были выше, чем в 1973–1995 гг., а в пяти (Финляндия, Греция, Ирландия, Норвегия и Швеция) производительность возрастала быстрее, чем в США. С другой стороны, в Италии и Испании рост производительности резко замедлился.

В этой связи требуют ответа два вопроса:

- 1) Верен ли «американский диагноз» вялого роста производительности в Европе?
- 2) В какой степени различия в темпах роста производительности объясняются использованием информационных и коммуникационных технологий?

Таблицы 12.14–12.16 показывают, что США отличались относительно низким уровнем искажающего налогообложения, регулирования на товарных рынках и в сфере защиты труда, а также доли прибыли в цене в сфере услуг, притом что факты, приведенные в предыдущем разделе, подтверждают, что эта ситуация могла способствовать ускоренному росту производительности. Однако даже если эти аспекты европейской социально-рыночной модели были вредны в плане развития, то они по большей части существовали уже к 1980-м гг. Более того, они не препятствовали догоняющему развитию до 1995 г.

Недавние исследования позволили выяснить, что отрицательное воздействие регулирования на производительность наиболее заметно проявляется при наличии новых технических возможностей и особенно сильно сказывается на распространении ИКТ. Согласно результатам регрессионного анализа на основе выборки по ряду стран, защита наемного труда препятствует инвестициям в оборудование, используемое в ИКТ (Gust and Marquez 2004), в силу того, что становятся более затратными реорганизация трудовой практики и повышение квалификации рабочей силы, играющие ключевую роль при реализации производственного потенциала ИКТ. Ограничительное регулирование на товарных рынках непосредственно затрудняет инвестиции в ИКТ-капитал (Conway et al. 2006), а косвенное влияние регулирования, ведущее к росту издержек, относительно заметнее в тех секторах, где интенсивно применяются ИКТ. Существует сильная корреляция между регулированием на товарных рынках и вкладом услуг, использующих ИКТ (особенно в сфере распре-

ТАБЛИЦА 12.16.
Уровень защиты наемного труда (от 0 до 10)

Страна	1960–1964	1973–1979	1988–1995	2003
Австрия	3,25	4,20	6,50	4,85
Бельгия	3,60	7,75	6,75	5,00
Дания	4,50	5,50	4,50	3,50
Финляндия	6,00	6,00	5,65	5,00
Франция	1,85	6,05	7,05	7,00
Германия	2,25	8,25	7,60	5,60
Греция			8,00	7,00
Ирландия	0,10	2,25	2,60	2,80
Италия	9,60	10,00	9,45	4,85
Нидерланды	6,95	6,95	6,40	5,50
Норвегия	7,75	7,75	7,30	6,50
Португалия	0,00	7,95	9,65	8,00
Испания	10,00	9,95	8,70	7,50
Швеция	0,00	7,30	7,65	5,50
Швейцария	2,75	2,75	2,75	2,75
Великобритания	0,80	1,65	1,75	1,75
США	0,50	0,50	0,50	0,50

Источник: Nickell 2005.

ления), в общий рост производительности (Nicoletti and Scarpetta 2005). Таким образом, дело не в том, что регулирование стало более жестким, а, скорее, в том, что в контексте новой технологической эпохи, основанной на ИКТ, регулирование чревато большими издержками.

Вклад, вносимый ИКТ в рост производительности труда, можно оценить, используя методику учета источников роста. В принципе такой подход позволяет выявить вклад накопления ИКТ-капитала, роста СПФ в производстве ИКТ и (неоплачиваемых) переливов СПФ, вызванных применением ИКТ-капитала. На практике последний аспект оказывается несколько трудноуловимым. Оценки источников роста приведены в табл. 12.17. Они подтверждают, что ИКТ вносили больший вклад в рост производительности в США по сравнению с ЕС и до, и после 1995 г., и то, что они сыграли значительную роль при ускорении роста производительности в Америке, начавшемся в середине 1990-х гг.⁸

8. Однако в Финляндии, Швеции и особенно в Ирландии — в странах, где ИКТ-производство обеспечивало относительно большую долю ВВП, — ИКТ вносили более заметный вклад в рост производительности, чем в США, а темпы роста производительности были более высокими, чем в США.

ТАБЛИЦА 12.17.
Вклад различных факторов в рост
производительности труда в рыночных экономиках
(в % в год)

	1980–1995	1995–2000	2000–2005
ЕС			
Производительность труда	2,6	1,8	1,2
Накопление ИКТ-капитала	0,4	0,7	0,4
СПФ в секторах, использующих ИКТ	0,2	0,4	0,2
Накопление прочего капитала	0,8	0,4	0,3
СПФ в прочих отраслях	0,9	0,1	0,0
Накопление человеческого капитала	0,3	0,2	0,3
США			
Производительность труда	1,9	3,0	2,9
Накопление ИКТ-капитала	0,7	1,4	0,6
СПФ в секторах, использующих ИКТ	0,3	0,6	0,6
Накопление прочего капитала	0,3	0,3	0,2
СПФ в прочих отраслях	0,4	0,5	1,0
Накопление человеческого капитала	0,2	0,3	0,4

ПРИМЕЧАНИЕ: Под ЕС понимаются 10 стран, входящих в его состав (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Испания, Великобритания).

Источник: Вычислено на основе данных EU KLEMS, любезно предоставленных Бартом ван Арком.

Еще одно соображение о месте ИКТ в недавнем экономическом росте нам дает изучение роли, сыгранной конкретными секторами. В этом смысле бросается в глаза вклад, внесенный рыночными услугами, интенсивно использующими ИКТ, в целом, и распределительной торговли, на долю которой в типичной стране ОЭСР приходится чуть менее 20% занятых, в частности. Это может отражать влияние переливов СПФ и, несомненно, связано с так называемыми «мягкими сбережениями», за которыми стоит дополнительная информация, получаемая с помощью ИКТ и обеспечивающая более оптимальную организацию складирования, логистики и т. д. Рыночные услуги, использующие ИКТ, в 1996–2001 гг. обеспечили

ежегодный прирост производительности труда в США на 1,3 процентных пункта, по сравнению с -0,1 во Франции, 0,1 в Италии и 0,2 в Германии (Nicoletti and Scarpetta 2005).

Относительно значительный вклад в рост производительности, внесенный сектором услуг, использующим ИКТ и чувствительным к регулированию, наблюдался в Великобритании, где накопление ИКТ-капитала превысило значения, средние по ЕС. Будучи менее зарегулированной экономикой, Великобритания по сравнению с другими крупными европейскими экономиками была лучше подготовлена для процветания в эпоху ИКТ, о чем свидетельствует рост СПФ и относительно крупный вклад, внесенный в рост производительности как услугами, использующими ИКТ, так и накоплением ИКТ-капитала. В каком-то смысле можно считать это неожиданной наградой за неспособность предыдущего поколения построить в стране успешную корпоративистскую модель⁹.

Экономический рост в Ирландии, сделавший из нее «кельтского тигра», опирался на серьезный рост как занятости, так и производительности¹⁰. Быстрый рост был связан здесь с запоздалым догоняющим развитием после того, как были исправлены такие политические ошибки периода золотого века, как протекционизм и невнимание к формированию человеческого капитала, и достигнута макроэкономическая стабилизация; однако он дополнительно обеспечивался очень эластичным предложением труда в этой региональной экономике, благодаря реформе на рынке труда сумевшей резко снизить высокий изначальный уровень безработицы, не ускоряя темпа инфляции (Crafts 2005).

Ключевым аспектом недавних успехов Ирландии в повышении производительности являлся колоссальный вклад ИКТ-производства (почти полностью ориентированного на экспорт)¹¹. Если вычесть его из роста производительности труда, мы увидим, что вклад других компонентов не представлял собой чего-то исключительного. Очевидно, появление крупного сектора ИКТ-производства в Ирландии стало результатом удачной политики в сфере предложения, позволившей привлечь прямые зарубежные инвестиции и создать успешно работающий производственный кластер. Эта политика включала интервенции, поднявшие уровень инфраструктуры и рабочей силы, доступных для мультинациональных компаний. Однако успех этого подхода, основанного на низких

9. Хотя следует также отметить, что недавно принятые в Британии законы существенно укрепили конкурентную политику.

10. С начала «фазы превращения в кельтского тигра» в 1987 г. и вплоть до 2004 г. трудовой вклад возрос на 2,1% в год, а годовой темп роста реального ВВП на душу населения за этот же период был на 1,4% выше, чем темп роста реального ВВП на один час работы (CGDC 2007).

11. Рост СПФ в ИКТ-производстве в 1995–2001 гг. ежегодно обеспечивал прирост производительности труда на 3,62 процентных пункта (Timmer and van Ark 2005).

налогах и мягком режиме регулирования, был бы намного менее впечатляющим, если структура промышленной продукции оказалась бы менее подходящей. Из этого следует, что Ирландия все же представляет собой особый случай, нежели опыт, который легко могут повторить прочие европейские экономики. Специализироваться на экспорте ИКТ получится не у всех, а низкие корпоративные налоги наиболее эффективно привлекают повышенную долю прямых зарубежных инвестиций в тех случаях, когда другие страны не следуют этому примеру.

ИКТ имели значение, но не они одни, о чем свидетельствует табл. 12.17. Обращают на себя внимание менее значительная роль накопления прочего капитала в ЕС после 1995 г. и очень заметная роль СПФ в прочих отраслях после 2000 г. в США. И то и другое могло быть временным, а не постоянным явлением. Представляется, что результаты, наблюдаемые в ЕС на уровне отдельных стран, имеют весьма тесную (обратную) корреляцию со временем работы на душу населения (ср. табл. 12.13). Рост занятости отражает попытки реформировать рынок труда, а социальные факторы, влияющие на долю женщин в составе рабочей силы, не соответствовали росту объемов капитала и в целом тормозили рост производительности труда, как происходило, например, в Испании (Gordon and Dew-Becker 2008). Резкий рост СПФ в США, по-видимому, связан с мощным стремлением к снижению издержек перед лицом сокращения прибылей (Oliner, Sichel, and Stiroh 2007).

Крах коммунистического режима возвестил начало переходного процесса в центрально- и восточноевропейских экономиках, которые получили возможность пойти путем стремительного догоняющего развития, но сперва должны были стать эффективными рыночными экономиками. В некоторых отношениях ситуация носила определенное сходство с началом золотого века в Западной Европе, однако налицо были также сильные отличия в плане социальных способностей, доступа к зарубежному капиталу и изначальной экономической структуры. Непосредственный опыт перехода оказался весьма болезненным, так как ВВП резко упал в большинстве стран. С середины 1990-х гг. во многих из этих стран происходил быстрый экономический рост на фоне в целом очень неровной картины — например, реальный ВВП на душу населения в 1992–2004 г. в Польше вырос на 64%, а в соседней Украине сократился на 26% (Beck and Laeven 2006).

ТАБЛИЦА 12.18.

Экономическая структура переходных экономик в 1990 г.

Страна	Доля занятых, %			Доля пром-сти в ВВП, %	Доля сверхин- дустриализа- ции в ВВП, %
	в с/х-ве	в промыш- ленности	в сфере услуг		
Болгария	18,5	49,3	32,2	59	23
Чехия	12,9	44,0	43,1	58	21
Эстония	21,0	36,8	42,2	44	10
Венгрия	15,6	36,4	48,0	36	-1
Латвия	16,4	40,6	43,0	45	10
Литва	18,9	41,2	39,9	45	10
Польша	23,4	36,4	40,2	52	13
Румыния	31,1	41,5	27,4	59	22
Россия	13,2	42,3	44,5	48	7
Словакия	10,0	44,5	45,5	59	23
Словения	9,7	49,2	41,1	44	6

Источники: Raiser, Schaffes, and Schuchhardt. 2004; De Melo et al. 2001.

Такое развитие событий ставит перед нами два вопроса:

- 1) Насколько сопоставимо догоняющее развитие Восточной Европы после 1995 г. с опытом Западной Европы в период золотого века?
- 2) Какие факторы отвечают за первоначальные успехи и неудачи переходных экономик?

Особого внимания заслуживают четыре важных различия между Востоком в 1990-х гг. и Западом в 1950-х гг. Во-первых, от коммунистического периода было унаследовано распределение ресурсов, отражавшее экстенсивную советскую модель роста и во многих отношениях отличавшееся сильными искажениями. Важным следствием этого состояния было отсутствие крупных резервов низкопроизводительного сельскохозяйственного труда: ни в одной из стран, фигурирующих в табл. 12.18, доля рабочей силы в сельском хозяйстве в 1990 г. не достигала уровня Франции (а также Италии, Испании и т.д.) в 1950 г. Другим следствием являлось то, что в отправной точке эти страны отличались «сверхиндустриализацией» и очень слабым развитием сферы услуг.

Во-вторых, в то время как послевоенная реконструкция в Западной Европе заняла около пяти лет, в течение которых наблюдались исключительно высокие темпы роста, переход от социалистической к рыночной экономике в странах бывшего СССР после завершения холодной войны был долгим и мучительным. В 1998 г. ВВП на душу населения в России составлял лишь 56% от уровня 1990 г. Постсоциалистический спад в Восточной Европе оказался менее серьезным, но и он вызвал отрицательные темпы роста в течение нескольких лет в начале 1990-х гг.

В-третьих, этот новый этап догоняющего развития происходит в контексте намного более глобализированной мировой экономики. Из этого следует, что ограничения, связанные с внутренними сбережениями, перестают работать и что привлечение зарубежного капитала и технологий становится более простым делом. Lucas (2000) утверждает, что от новых стран, вступающих в клуб догоняющего развития, вполне реально ожидать более высоких темпов роста, чем от их предшественников; выдвигаемая в данной работе откалиброванная модель предполагает существование бонуса в 2,5 процентного пункта в год по сравнению с ситуацией пятидесятилетней давности.

В-четвертых, требовалось разработать *ab initio* институты, необходимые для успешного функционирования рыночной экономики. Речь идет не о тонкой настройке правил игры к рынку капитала или к процессу заключения коллективных договоров, а о намного более фундаментальных вещах: например, об установлении надежных прав собственности и законов, защищающих инвестиции и инновации в экономиках, в некоторых случаях более семидесяти лет находившихся под коммунистическим контролем. Как показано в табл. 12.19, в этом отношении весьма быстрый прогресс наблюдался в Центральной Европе и в государствах Балтии, но только не в России. Однако даже в 2006 г. с точки зрения правления закона между наиболее передовой страной Западной Европы и наиболее передовой из переходных экономик все еще существовал значительный разрыв.

Beck and Laeven (2006) отмечают, что слабость институциональной реформы очень сильно коррелирует с продолжительностью коммунистического правления и значением ренты, получаемой от экспорта естественных ресурсов. Вообще, создается впечатление, что некоторые

ТАБЛИЦА 12.19.
Показатель правления закона
(от -2,5 до 2,5)

Страна	1996	2006
Болгария	-0,11	-0,17
Чехия	0,84	0,73
Эстония	0,50	0,91
Венгрия	0,85	0,73
Латвия	0,13	0,52
Литва	0,29	0,45
Польша	0,66	0,25
Румыния	-0,16	-0,16
Россия	-0,74	-0,91
Словакия	0,21	0,43
Словения	0,86	0,79
Австрия	1,86	1,87
Бельгия	1,55	1,45
Дания	1,91	2,03
Финляндия	1,92	1,95
Франция	1,45	1,31
Германия	1,80	1,77
Греция	0,90	0,64
Ирландия	1,72	1,62
Италия	0,97	0,37
Нидерланды	1,81	1,75
Норвегия	2,00	2,02
Португалия	1,13	0,97
Испания	1,33	1,10
Швеция	1,84	1,86
Швейцария	2,07	1,96
Великобритания	1,83	1,73

Примечание: Показатель правления закона соответствует той степени, в какой экономические агенты испытывают доверие к правилам, принятым в обществе, и соблюдают их. Он вычисляется, исходя из совокупности компонентов, включающих эффективность и предсказуемость действий судебной системы и выполняемость контрактов.

Источник: Kaufmann, Kraay, and Mastruzzi 2007.

ТАБЛИЦА 12.20.

Производительность труда: темпы роста и первоначальный уровень

Страна	Темпы роста произв. труда в 1995–2005, % годовых	ВВП на 1 трудяще- гося в 1995, долл. Гири–Хамиса 1990 г., % к уровню США	Прогноз годово- го темпа роста произв. труда, %
Болгария	2,89	13 294 (25,8)	5,49
Чехия	2,75	16 974 (33,0)	5,02
Вост. Германия	4,87	20 525 (39,9)	4,57
Эстония	7,72	19 478 (37,9)	4,70
Венгрия	3,35	16 422 (31,9)	5,09
Латвия	6,18	14 676 (28,5)	5,32
Литва	6,36	12 707 (24,7)	5,56
Польша	4,71	14 539 (28,3)	5,33
Румыния	3,47	7 587 (14,7)	6,21
Россия	3,76	10 761 (20,9)	5,81
Словакия	4,24	17 754 (34,5)	4,93
Словения	3,86	23 028 (44,8)	4,26

	Темпы роста произв. труда, 1950–1973, % годовых	ВВП на 1 трудящегося в 1950, долл. Гири–Хамиса 1990 г., % к уровню США
Австрия	5,42	7498 (31,3)
Бельгия	3,56	14 018 (58,5)
Дания	2,89	14 410 (60,1)
Финляндия	4,42	8 203 (34,2)
Франция	4,64	11 166 (46,6)
(Западная) Германия	4,73	19 338 (43,2)
Греция	5,99	5 644 (23,6)
Ирландия	3,79	8 407 (35,1)
Италия	4,78	9 840 (41,1)
Нидерланды	3,31	15 508 (64,7)
Норвегия	3,39	12 407 (51,8)
Португалия	5,83	5 037 (21,0)
Испания	6,08	5 171 (21,6)
Швеция	3,17	13 744 (57,4)
Швейцария	2,79	18 161 (75,8)
Великобритания	2,43	15 529 (64,8)

ПРИМЕЧАНИЕ: Прогноз годового темпа роста (ГТР) производительности труда основывается на следующем оценочном уравнении для Западной Европы в период золотого века: $GTP = 7,168 - 0,065 \frac{Y}{L} \% \text{ США}$, $R^2 = 0,833$.

(19,815) (-8,718)

Источник: GGDC 2007 и вычисления авторов.

12. Под «ресурсным проклятием» понимается слабый экономический рост в странах, богатых полезными ископаемыми. Соответствующие оценки приводят Sala-i-Martin and Subramanian (2003), предполагая также, что каналом, посредством которого оно работает, служат плохие институты.

13. Хотя в отношении Болгарии и Румынии этот стимул, очевидно, оказался не слишком действенным.

14. Первоначальный оптимизм в отношении темпов роста в этих переходных экономиках основывался на прогнозах, подчеркивавших высокий образовательный уровень и большой исходный разрыв в производительности (ср. Fischer, Sahay, and Vegh 1998); согласно этим прогнозам, средний годовой темп роста производительности мог достигать примерно 5,5%.

страны этого региона пали жертвой «ресурсного проклятия»¹². Кроме того, перспектива вступления в ЕС стала эффективным стимулом для проведения требуемых реформ в тех странах, которые были приняты в Союз в 2004 г.¹³

В табл. 12.20 производится сопоставление темпов роста производительности труда в странах Запада в период золотого века и в странах Востока в первые годы догоняющего развития, причем эти темпы приводятся в контексте изначального разрыва в производительности труда. Быстро развивавшиеся страны Балтии демонстрировали такие темпы роста, которые при условии их дальнейшей стабильности вполне могут выдержать сравнение с лучшими темпами золотого века и которые основываются (как видно из табл. 12.7 и 12.9) на очень существенном росте СПФ. Однако в целом темпы роста производительности труда были заметно ниже тех, которые предсказывались на основе западноевропейского опыта. Несомненно, эти темпы роста также оказались ниже тех, которые можно было ожидать на основе регрессий начального роста, игнорирующих значение качества институтов¹⁴. Фактически различия в темпах роста хорошо объясняются степенью либерализации и институциональной реформой (точнее, ее экзогенным компонентом): показано, что и то и другое оказывает серьезное позитивное воздействие на экономический рост (Beck and Laeven 2006; Fidrmuc, 2003).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данной главы состояла в том, чтобы описать и объяснить приблизительно шестидесятилетний опыт европейского экономического роста, а также извлечь из него некоторые политические уроки. Рамки, которые при этом нами использовались, опирались на ключевые концепции роста, основанного на эндогенных инновациях и догоняющем развитии. В данном заключительном разделе мы попытаемся сделать ряд важных обобщений с использованием моментов, выявленных в ходе нашего изложения.

Во-первых, ясно, что быстрый и устойчивый догоняющий рост в Европе был обусловлен значительным вкладом, вносившимся как накоплением капитала, так и ростом СПФ. На последнем, очевидно, сказалось заимствование технологий, однако быстрый рост СПФ, согласно традиционным оценкам источников роста, так-

же отражает более оптимальное распределение ресурсов и экономию за счет масштаба. Ахиллесовой пятой советской экономики стала ее неспособность обеспечить устойчивый рост СПФ.

Во-вторых, оценки темпов роста должны принимать во внимание различие возможностей для догоняющего развития, играющее заметную роль при сопоставлении разных стран и эпох. В данном отношении весьма характерно сравнение темпов роста в годы золотого века в Восточной и Западной Европе. Если судить по голым цифрам, различия между ними были небольшие (3,81% против 4,06% в год), однако при приведении к первоначальному уровню ВВП на душу населения мы получим, что темпы роста в Восточной Европе в среднем были на 1,3 процентных пункта ниже.

В-третьих, что наиболее важно, на темпах роста сказываются структуры стимулов, вследствие чего существенную роль играют институты и политика. Эта идея регулярно подтверждается в тексте главы, в первую очередь в смысле понимания того, почему экономический рост был таким быстрым в годы золотого века и почему так замедлился впоследствии; почему после провала, который золотой век принес Ирландии, страну ожидало превращение в «кельтского тигра»; а также того, какие закономерности стоят за успехами и неудачами переходных экономик. Крах Советского Союза подчеркивает важность структуры стимулов более, чем неблагоприятной эластичности замещения между капиталом и трудом.

В-четвертых, изучение принципиальной идеи о роли структуры стимулов приводит нас к некоторым дальнейшим выводам, заслуживающим дополнительного внимания. В их число входят следующие:

- а) Вопреки распространенному убеждению, из европейского опыта следует, что обусловленность может порой привести к улучшению долгосрочных перспектив роста, путем проведения институциональных и политических реформ. Это является правдоподобной интерпретацией как причин успеха плана Маршалла, так и влияния, оказанного на европейскую экономику расширением ЕС, происходившим пятьдесят лет спустя.
- б) Судя по имеющимся фактам, ускорению роста производительности способствует усиление конкуренции, особенно в контексте быстрого освоения новых техни-

ческих возможностей и борьбы с проблемами представительства в рамках фирм. Старое (шумпетеровское) утверждение о том, что рыночные силы благоприятствуют техническому прогрессу, не может служить хорошей основой для антимонопольной политики, о чем свидетельствует, в частности, опыт Великобритании.

- в) Относительные неудачи европейских стран при использовании возможностей ИКТ являются — по крайней мере, отчасти — результатом большей зарегулированности по сравнению с США. Следует, однако, отметить, что это не связано с более жестким регулированием: скорее, в контексте новых технологий возрастают издержки существующего регулирования.

Наконец, история имеет значение. Западноевропейские страны разработали институты и политику, которые, вообще говоря, удачно служили им в эпоху золотого века. Обратной стороной этой системы являлось то, что она снискала политическую поддержку, затруднявшую ее реформирование, когда это стало необходимым в последующий период.

ГЛАВА 13

Развитие отдельных секторов
экономики в 1945–2000 гг.

СТЕФАН ХОУПТ
ПЕДРО ЛАИНС
ЛЕННАРТ ШЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Введение · 457
Сельское хозяйство · 457
Промышленность · 468
Услуги · 480

ВВЕДЕНИЕ

СТРУКТУРНЫЕ изменения в экономике Европы после 1945 г. носили всеобъемлющий характер, сопровождались снижением роли сельского хозяйства при расширении промышленного сектора и все более заметном росте сектора услуг. Кроме того, этот процесс происходил неравномерно во времени и в пространстве. Данная глава посвящена разбору тенденций и региональных различий в объемах производства и производительности в каждом из трех основных секторов (сельское хозяйство, промышленность и услуги), в первую очередь с точки зрения их зависимости от технических инноваций и экономической политики.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Рост производства и структурные изменения

В период после завершения Второй мировой войны на сельское хозяйство в большинстве стран Европы по-прежнему приходилась основная доля рабочей силы. Лишь в наиболее передовых странах — Великобритании, Бельгии и, в меньшей степени, в Нидерландах и Германии — в сельском хозяйстве к тому времени была занята относительно низкая доля трудящихся. В течение последующего полувека занятость в европейском аграрном секторе почти повсеместно утратила свою прежнюю роль вследствие роста производительности факторов производства, имевшего решающее значение для догоняющего развития и конвергенции в смысле производительности (Mellor 1995; Broadberry 2008). В 2000 г. занятость в сельском хозяйстве оставалась заметной лишь в наиболее отсталых восточноевропейских

ТАБЛИЦА 13.1.
Доля сельского хозяйства в занятости и ВВП и разрыв
в производительности труда в 1950–2000 гг., %

Страны	1950			1975			2000		
	Зан.	ВВП	Рпт	Зан.	ВВП	Рпт	Зан.	ВВП	Рпт
Передовые									
Бельгия	9	8	88,9	4	3,3	82,5	18	1,4	77,8
Франция	23	13	56,5	10	5,9	59,0			2,8
Германия	14	10	71,4	7	3	42,9	2,7	1,3	48,1
Люксембург					2,6		1,5	0,7	46,7
Нидерланды	10	13	130,0	6	4,6	76,7	3,1	2,6	83,9
Норвегия	22	13	59,1	9	4,8	53,3	4,1	2,2	53,7
Швеция	16	13	81,3	6	5,5	91,7	2,4	1,9	79,2
Швейцария	15			8			4,7	1,7	36,2
Великобритания	5	5	100,0	3	2,8	93,3	1,5	1,0	66,7
Среднеразвитые									
Австрия	23	17	73,9	13	6,6	50,8	5,8	2,1	36,2
Дания	18	21	116,7	10	5,3	53,0	3,3	2,6	78,8
Чехословакия ^a		22		14	8	57,1	5,1	3,9	76,5
Словакия							6,7	4,0	59,7
Финляндия	35	26	74,3	15	9,8	65,3	6,0	3,8	63,3
Италия	33	22	66,7	17	7,5	44,1	5,3	2,8	52,8
Испания	42	22	52,4	22	9,7	44,1	6,6	4,4	66,7
Периферийная группа 1									
Кипр					15,7		5,3		
Греция	57	31	54,4	35	14,5	41,4	17,4	7,3	42,0
Венгрия	53	26	49,1	25	15	60,0	6,5	5,4	83,1
Ирландия	37	30	81,1	22	17	77,3	7,8	3,4	43,6
Польша	57	35	61,4	30	16	53,3	18,8	5,0	26,6
Португалия	44	31	70,5	34	26,5	77,9	12,6	3,8	30,2
Периферийная группа 2									
Албания							71,8	29,1	40,5
Болгария	64	30	46,9	24			26,2	14,2	54,2
Румыния	70	31	44,3				42,8	12,5	29,2
Турция	76			58	35,8	61,7	36,0	15,4	42,8
СССР ^b		22			17		14,5	6,4	44,1
Эстония							7,2	4,9	68,1
Латвия							14,5	4,6	31,7

Страны	1950		1975		2000	
	Зан. ВВП	Рпт	Зан. ВВП	Рпт	Зан. ВВП	Рпт
Литва					18,7	7,8 41,7
Грузия					52,1	21,9 42,0
Украина					20,5	17,1 83,4
Югославия ^c	28		13		19,4	
Хорватия					14,5	9,1 62,8
Словения					9,5	3,2 33,7

ПРИМЕЧАНИЯ: Зан. — занятость; Рпт — разрыв в производительности труда. Выделенные цифры: 1950–1954, 1955–1959, 1960–1964, 1965–1969, 1970–1974, 1975–1979 гг.

^a С 1990 г. — Чехия.

^b С 1990 г. — Российская Федерация.

^c За 2000 г. приведены данные по Сербии.

Источники: World Bank Indicators Online; Mitchell 2003, pp. 929–934; <http://ddp-ext.worldbank.org/ext/DDPQQ/showReport.do?method=showReport>

странах, включая Албанию, Болгарию, Румынию, Украину и Турцию. Снижение доли занятых в сельском хозяйстве во многих местах сопровождалось сокращением доли аграрного сектора в общем объеме производства. Тем не менее между этими явлениями нет тесной корреляции вследствие различий в производительности труда между европейскими регионами. Резкое уменьшение роли сельского хозяйства в Европе являлось итогом как процессов, происходивших в сельскохозяйственном секторе, так и изменений в секторах промышленности и услуг.

Эти изменения происходили под воздействием рыночных сил, однако они тормозились государственной протекционистской политикой в аграрном секторе. Власти уделяли особое внимание сельскому хозяйству по целому ряду причин, включая необходимость обеспечить продовольственную безопасность, особенно в первые годы после Второй мировой войны, а также стремление ограничить снижение уровня благосостояния сельского населения. Государственные интервенции происходили не только на демократическом Западе, где должностным лицам приходилось быть более внимательным к требованиям, вы-

двигаемым группами давления, но и во многих диктатурах, существовавших в Европе до 1975 или 1990 г.

Изменения в европейском аграрном секторе представлены в табл. 13.1, где приводится доля сельского хозяйства в общей занятости и ВВП в 1950, 1975 и 2000 гг. Фигурирующие в таблице страны расположены в соответствии с уровнем их экономического развития на рубеже 1950-х гг. Первая группа включает наиболее передовые страны Северо-Западной Европы, где сельское хозяйство уже к 1950 г. играло второстепенную роль, особенно в смысле доли в совокупном объеме производства. Однако в рамках этой группы стран наблюдаются значительные различия. Фактически в то время как доля рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, в Великобритании, Бельгии и Нидерландах не превышала 10%, во Франции и в Норвегии эта доля находилась выше порогового значения в 20%. Самым важным моментом, объединяющим эту группу стран, служит тот факт, что структурная трансформация осуществлялась здесь очень быстро и к 1975 г. все эти страны в результате конвергенции уже слабо отличались друг от друга долей аграрного сектора в занятости и ВВП. Кроме того, в табл. 13.1 представлены величины разрыва в производительности труда между аграрным и прочими секторами, и в этом отношении мы снова видим очень большие различия. Этот разрыв был в 1950 г. относительно невелик в Нидерландах, Великобритании и Бельгии, но к 1975 г. он существенно возрос в Нидерландах, а в 1975–2000 гг. увеличился в большинстве стран.

Трансформация структуры экономики во второй группе стран из табл. 13.1 происходила не так быстро и в значительной степени растянулась до самого конца рассматриваемого периода. В 2000 г. доля аграрного сектора в занятости и объеме производства в этой группе стран существенно приблизилась к аналогичным показателям в группе стран-лидеров. Третья и четвертая группы стран в табл. 13.1 представляют две резко различающихся модели развития. В состав третьей группы включены страны, в 1950 г. обладавшие высокой долей сельского населения, однако в 1950–1975 и 1975–2000 гг. претерпевшие крупные структурные трансформации. Четвертая группа состоит из отстающих стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Тем не менее важно отметить, что разрыв в производительности труда был очень высоким в обеих группах.

Данные из табл. 13.1 говорят об отсутствии значительной корреляции между разрывом в производительности

сти труда и скоростью структурных трансформаций. По сути, страны в самых нижних строках таблицы отличались очень большим разрывом в производительности труда, и тем не менее структура их экономики изменялась не слишком быстро. Из этого следует, что либо разрыву в производительности не соответствовал эквивалентный разрыв в относительном уровне заработной платы, либо рабочая сила не покидала аграрный сектор из-за институциональных факторов — таких, как негибкость рынков рабочей силы и государственная политика. Соответственно, при рассмотрении изменений в европейском сельском хозяйстве в период с 1950 по 2000 г. необходимо также учитывать роль экономической политики.

Объемы европейского сельскохозяйственного производства за этот период заметно возросли, несмотря на резкое снижение величины рабочей силы, заменяемой капиталом. Данные табл. 13.2 позволяют получить представление об очень резком снижении абсолютной численности рабочей силы в сельском хозяйстве, сократившейся с 66,2 млн человек в 1950 г. до 17,6 млн человек в 2000 г. Несмотря на это снижение, площадь сельскохозяйственных земель уменьшилась лишь на 12% (до 133 млн га), однако общая величина фиксированного капитала в этом секторе возросла на 178%. Такой темп изменений отмечался только на европейском материке, составляя резкий контраст с тем, что происходило в другом развитом регионе, информацию по которому собрал Federico (2005), а именно в Северной и Центральной Америке (см. ту же таблицу)¹. Увеличение капитала, инвестируемого в сельское хозяйство, было связано с ростом объемов ирригации и численности тракторов. Однако применение удобрений в Европе, достигнув пика в 1980 г., впоследствии заметно сократилось.

В табл. 13.2 также приводятся данные об изменении объемов производства, производительности труда и урожайности. Данные об объемах производства по отдельным регионам дают представление о различных тенденциях в Западной и Восточной Европе. Обращает на себя внимание то, что максимальный рост объемов производства был достигнут на западе в 1980-е гг., в то время как на востоке он продолжал возрастать до 1990-х гг., после чего произошло резкое снижение. Различия между двумя частями материка, несомненно, были связаны с изменениями в экономической политике, а именно с корректировкой Единой сельскохозяйственной политики (ЕСП)

1. См.: Olmstead and Rhode 2008.

ТАБЛИЦА 13.2.
Сельское хозяйство в Европе, Америке и в мире

	1940-е	1950	1960	1970	1980	1990	2000
1. Рабочая сила в сельском хозяйстве, млн чел.							
Европа		66,2	54,3	40,8	31,3	24,2	17,6
США		21,0	18,6	17,4	20,1	20,6	20,7
Мир		809,5	843,0	928,7	1067,1	1221,2	1318,6
Европа/мир, %		8,2	6,4	4,4	2,9	2,0	1,3
2. Площадь обрабатываемых земель и древесных насаждений, млн га							
Европа	149		151a	146	141	139	133
США	240		260a	269	274	275	268
Мир	1217		1346a	1391	1432	1502	1502
Европа/мир, %	12,2		11,2	10,5	9,8	9,2	8,9
3. Общий фиксированный с/х капитал, млрд долл. США 1990 г.							
Европа				348	333	691	621 ^c
США				383	399	615	412 ^c
Мир				1263	1267	2303	2293 ^c
Европа/мир, %				27,5	26,3	30,0	27,1
4. Объемы ирригации, млн га							
Европа			8,3 ^b	10,4	14,0	16,7	16,9
США			17,9 ^b	20,9	27,6	28,9	31,4
Мир			139,0 ^b	167,8	209,7	244,3	274,2
Европа/мир, %			6,0	6,2	6,7	6,8	6,2
5. Число тракторов, тыс.							
Европа	270 ^d	990	3698 ^a	6077	8454	10356	9650
США	1576 ^d	4220	5326 ^a	6038	5606	5841	5808
Мир	н/д	5552	11318 ^a	16102	21932	26526	26424
Европа/мир, %		17,8	32,7	37,7	38,5	39,0	36,5
6. Число тракторов на 1000 га							
Европа		7,0		42,0			72,0
США		18,0		22,0			19,0
Мир		5,0		12,0			18,0
7. Число тракторов на 1000 рабочих							
Европа		15,0		149,0			549,0
США		201,0		347,0			281,0
Мир		2,0		17,0			20,0

	1940-е	1950	1960	1970	1980	1990	2000
8. Применение удобрений, тыс. т							
Европа	6990 ^е	13955 ^б	24 883	31196	26414	19472	
США	4798 ^с	8469 ^б	17 614	25 636	23 605	22 868	
Мир	13792 ^{с, г}	31182 ^б	69308	116 720	137 819	136 435	
Европа/мир, %	50,7	44,8	35,9	26,7	19,2	14,3	
9. Применение удобрений, кг питательных веществ							
Европа	46,9		170,8			146,2	
США	20,0		65,5			89,0	
Мир	11,3		49,8			90,9	
10. Объем производства (1989–1991 гг. = 100)							
Западная Европа	43,6 ^г	62,0 ^а	75,1	92,7	99,8	98,2	
Восточная Европа		62,3 ^а	74,4	93,4	101,2	79,3	
Северная Америка	51,5 ^г	57,9 ^а	69,0	88,8	101,3	124,2	
Азия, включая Китай		38,3 ^а	50,6	66,6	100,7	143,7	
Латинская Америка	31,6 ^г	44,1 ^а	56,8	76,7	99,5	138,0	
Африка	34,7 ^г	50,1 ^а	65,9	75,8	98,0	126,5	
СССР	36,2 ^г	63,4 ^а	81,0	85,3	104,5	61,6	
11. Производительность труда (1950 г. = 100)							
Европа	100,0	178,7	266,0	342,1	392,4	277,3	
США	100,0	131,7	166,2	187,1	199,1	240,3	
Мир	100,0	134,1	149,5	175,6	200,2	202,0	
12. Урожайность (1950 г. = 100) ^и							
Европа	100,0	144,1	175,8	223,3	246,7	254,2	
США	100,0	107,6	122,8	156,9	169,7	211,3	
Мир	100,0	126,2	150,1	196,7	220,6	266,7	

Примечания: США — Северная и Центральная Америка. Европа/мир — Европа по отношению к миру.

^а 1961 г.

^б 1967 г.

^с 1992 г.

^д 1939 г.

^е 1950/51 г.

^г За исключением СССР.

^г 1948–1952 гг.

^и = ряд 10/ряд 1

^и = ряд 10/ряд 2.

Источники: Federic o 2005, 1: p. 59; 2: p. 37; 3: p. 42; 4: p. 45; 5: p. 48; 6 и 7: p. 101; 8: p. 55; 9: p. 99; 10: pp. 236–237.

и с теми процессами, которые происходили в коммунистических режимах. Самодостаточность в зоне ЕСП была достигнута в 1980-е гг., еще перед расширением на юг, и соответственно, в этом отношении ЕСП увенчалась успехом. В последующие десятилетия доля ЕЭС в сельскохозяйственном экспорте ОЭСР возросла до 56%, по сравнению с 45% в конце 1960-х гг. (Neal 2007, p. 65). В остальном мире, за исключением СССР/России, рост сельскохозяйственного производства продолжался до 2000 г. Изменения в темпах роста производства отражали рост производительности труда и урожайности, как видно из той же таблицы.

Сельскохозяйственная политика

Вследствие опыта, приобретенного за годы войны, большинство европейских правительств к 1950 г. было озабочено обеспечением самодостаточности в смысле поставок продовольствия и сырья. Власти европейских стран, Японии и США проводили политику замещения импорта в сельском хозяйстве, возможную благодаря доступу к новым производственным технологиям (Aparicio, Pinilla, and Serrano 2008, p. 66). Европейские правительства и прежде прибегали к протекционизму в аграрном секторе, что не вело, однако, к полной ликвидации торговой и международной специализации. Подобные проблемы существовали не только в сельскохозяйственном секторе, так как торговля и международная специализация в промышленном секторе также страдали из-за протекционизма и государственных интервенций. Тем не менее европейские власти, особенно на западе, достаточно быстро отказались от протекционизма в промышленном секторе, в то время как либерализация сельского хозяйства носила маргинальный характер. После окончания Второй мировой войны было создано несколько важных инструментов, призванных содействовать торговой либерализации, включая Бреттон-Вудские институты, а именно Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ), Организацию европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), через которую Европа получала помощь по плану Маршалла, и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). Эти институты содействовали возрождению международной торговли, либо предоставляя средства для финансирования торговли и много-

стороннего баланса, либо стимулируя устранение торговых барьеров; однако на торговле сельскохозяйственной продукцией их деятельность по большей части не отразилась².

Либерализацией международной торговли в сельском хозяйстве непосредственно занимались лишь в рамках небольшой группы из шести западных индустриальных стран, основавших в 1957 г. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и приступивших в 1964–1968 гг. к проведению Единой сельскохозяйственной политики (ЕСП), соглашение по которой было достигнуто в 1962 г. ЕСП преследовала три главные цели: стабилизация сельскохозяйственных рынков; обеспечение доступности продовольствия и сельскохозяйственного сырья; контроль над ценами (Ingersent and Rayner 1999, p. 151). ЕСП осуществлялась путем поддержания цен на сельскохозяйственную продукцию, что влекло за собой серьезные проблемы координации и планирования, сходные с теми, с которыми сталкивалось центральное планирование в странах Востока, только в данном случае наблюдавшиеся на уровне сектора (Eichengreen 2007, p. 183). Возможно, что решение поддерживать цены вместо финансовой поддержки фермеров обернулось упущенной возможностью осуществить интеграцию европейского сельского хозяйства в международную экономику. В 1995 г., после Уругвайского раунда переговоров по ГАТТ, субсидии были в конце концов заменены помощью производителям (Neal 2007, p. 67). В 1999–2001 гг. субсидии составляли 36% общей стоимости сельскохозяйственного производства в ЕС по сравнению с 42% в 1986–1988 гг., но это все равно было больше аналогичной доли в США, которая за этот же период сократилась с 25 до 22%. Субсидии в рамках ЕСП в значительной степени были заменены национальными субсидиями. В 1999 г. правительства Франции, Швеции и Нидерландов увеличили трансферты своим фермерам, достигшие соответственно уровня 31,8, 46,8 и 77,6% от общих субсидий ЕС (Neal 2007, p. 87). В итоге общий уровень субсидий в странах ЕС стал близок к тому, который наблюдался в двух странах, не входящих в ЕС (в Норвегии и Швейцарии), а также в Японии, где соответствующий уровень в те же годы превышал 60% (Neal 2007, p. 80)³. Цели ЕСП соответствовали тем целям, которые ставили перед собой национальные группы интересов и правительства. Альтернативой было бы не лишение фермеров поддержки, а проведение сельскохозяйственной политики на национальном уровне, которое привело бы

2. См.: Ingersent and Rayner 1999, pp. 121–126.

3. См. также: Federico 2005, p. 201.

к сокращению внутриевропейской торговли сельхозпродукцией. По сути, осуществляя координацию сельскохозяйственной политики, правительства стран «шестерки» открыли свои границы для торговли, поскольку национальные аграрные секторы оказались в условиях одинаковой тарифной или ценовой протекции или получали равное количество субсидий (Milward 1992). В полной мере к проведению ЕСП приступили за год до окончательного создания Общего рынка, в 1968 г. В конечном счете ЕСП также способствовала финансовой интеграции, так как из всех сфер интервенции она первой пострадала от нестабильности обменных курсов после краха Бреттон-Вудской системы в 1971 г. и стала основой для разработки механизмов обменных курсов, которые, в свою очередь, привели к созданию в 1979 г. Европейской валютной системы (Ingersent and Rayner 1999, p. 151; Eichengreen 2007, p. 183).

Независимо от той формы, которую принимали субсидии аграрному сектору в рамках ЕЭС, не исключено, что они способствовали накоплению капитала и оптимизации в этом секторе, а соответственно, и высвобождению рабочих рук, пригодных для использования в других секторах экономики, после значительного повышения производительности труда и урожайности. В любом случае протекционизм в сельском хозяйстве не воспрепятствовал структурным изменениям, и с 1950 по 1975 г. доля сельского хозяйства в ВВП существенно снизилась во всех шести странах ЕЭС, а также в шести других богатых западных странах, входивших в Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), — в Австрии, Дании, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Великобритании⁴. Во всех этих странах доля сельского хозяйства в ВВП составляла менее 7%. Аналогичное снижение произошло в Чехословакии и Испании, где доля сельского хозяйства в ВВП сократилась с 22% в 1950 г. до 8 или 9% в 1975 г. Протекционистская политика в аграрном секторе этих стран была гораздо слабее той, которая проводилась в богатых странах, и это, возможно, способствовало уменьшению роли аграрного сектора. В любом случае важнейшей движущей силой, стоявшей за сокращением аграрного сектора в этих двух странах, была стремительная индустриализация в период с 1950 по 1973 г.

Великобритания, вступившая в ЕЭС с опозданием и ничего не получившая от ЕСП, также унаследовала интервенционистскую политику от межвоенного периода и эпохи двух мировых войн, однако от протекционистских мер

4. Седьмым членом ЕАСТ была Португалия. Поскольку она вступила в эту ассоциацию в качестве развивающейся страны, то сумела добиться некоторой либерализации в сфере торговли переработанной сельхозпродукцией — такой, как консервированные томаты и рыба, а также пробка.

здесь отказались на более раннем этапе. Устранение протекционизма сыграло важную роль в росте сельскохозяйственного экспорта из соседних стран — в первую очередь из Дании, Норвегии и Ирландии. В тех странах, которые в табл. 13.1 попали в группу среднеразвитых, сельскохозяйственная политика разрабатывалась на национальном уровне, при отсутствии международной координации, поскольку эти страны не входили ни в какие международные организации, которые бы позволяли проводить такую координацию. Тем не менее это не стало препятствием для стремительных изменений в экономике, поскольку доля сельского хозяйства в общей занятости и производстве в этих странах также резко уменьшилась. Фактически, в Австрии, Дании, Финляндии и Испании, а также в коммунистической Чехословакии доля аграрного сектора к 1975 г. снизилась примерно до 15% ВВП, а к 2000 г. сократилась до уровня, наблюдавшегося в странах ЕЭС.

В странах периферийной группы 1 сокращение доли аграрного сектора происходило медленнее, по причине как сильно запоздавшей либерализации, так и широкого применения протекционистских мер в сельском хозяйстве. За вступлением трех южноевропейских стран в европейские сообщества последовало более быстрое преобразование их экономической структуры. Странам периферийной группы 2 этот процесс еще предстоит, а в их аграрном секторе по-прежнему сильно развит протекционизм.

Как и во многих других сферах, темпы экономической либерализации в западных демократиях сильно отличались от аналогичных темпов в диктатурах Южной и Центральной Европы, но политический водораздел при этом не всегда играл решающую роль. По сути, Чехословакия, несмотря на диктаторский режим, в 1950–1975 гг. претерпела быструю структурную трансформацию, в то время как в демократической Ирландии этот процесс шел значительно медленнее.

Издержки протекционизма

Важной чертой европейского сельского хозяйства был высокий уровень протекционизма в этом секторе в период с 1950 по 2000 г. Несмотря на протекционистские меры, доля сельского хозяйства в общей занятости и совокупном объеме производства резко снижалась по всей

Европе, и только в самых бедных регионах Юго-Восточной Европы на сельское хозяйство к концу данного периода по-прежнему приходилась существенная доля экономической активности. Сельскохозяйственная политика переключилась с защиты отечественных производителей от импорта на защиту доходов фермеров, менее пагубно сказывающуюся на темпах роста. Но даже эта менее вредная форма протекционизма обходилась очень дорого как в смысле государственных расходов, так и в более важном плане, связанном с европейской торговой специализацией на мировых рынках. Трудно точно оценить, оказывала ли европейская аграрная политика негативное влияние на темпы экономического роста европейских стран и на скорость экономической конвергенции в рамках материка. Изучая трансформацию европейского сельского хозяйства за рассматриваемый нами полувековой период, мы можем предположить, что это влияние было не слишком заметным. Согласно одной из оценок, издержки ЕСП в смысле общей экономической эффективности составляли около 1,5% ВВП (Neal 2007, p. 83). Финансирование ЕСП представляет собой важнейшую статью в бюджете ЕС и носит регрессивный характер, так как имеет позитивную корреляцию с уровнем дохода (Sapir et al. 2004, p. 72).

Но если издержки протекционизма были относительно невелики, то причиной тому, несомненно, являлась не продуманность сельскохозяйственной политики, а то, что рыночные силы, вызывавшие расширение секторов промышленности и услуг, были достаточно мощными для того, чтобы скомпенсировать любое вредное вмешательство властей в европейском аграрном секторе. То, что происходило за пределами сельского хозяйства, оказывало многократно большее воздействие на общую макроэкономическую ситуацию.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Золотой век в 1950–1960-е гг.

Золотой век европейского экономического роста, возможно, удачнее всего описывается как цикл роста с положительной обратной связью. Спрос и предложение возрастали рука об руку, задавая очень высокий и устойчивый темп изменений. Первоначально они увеличивались в процессе

быстрой реконструкции и возвращения к довоенным уровням дохода и производства. Однако в дальнейшем устойчивые высокие темпы роста сохранялись благодаря тому, что благоприятные факторы удачно сочетались с отсутствием дисбалансов. Среди факторов, способствовавших экономическому росту, следует выделить рост населения, обеспечивавший расширение рынков и возрастание численности рабочей силы. Возможные дисбалансы на рынке труда устранялись посредством иммиграции и эмиграции, мобилизации женской рабочей силы и механизации. Нехватка капитала и проблемы платежного баланса преодолевались с помощью роста за счет экспортных отраслей, который позволил быстро восстановить конвертируемость валют и возобновить перемещение капитала. Как только началась экономическая экспансия, прибыльность инвестиций сделала Европу привлекательной для дешевого капитала. Параллельно этому кейнсианская политика стимулировала спрос и сглаживала экономические циклы.

Высокие темпы роста производительности труда в данный период можно объяснить как перемещением рабочей силы между секторами, так и относительным ростом производства по отношению к росту занятости в данном секторе. Оба эти фактора с течением времени обнаруживали тенденцию к уменьшению: во-первых, вследствие того, что переход рабочей силы из низкопроизводительного аграрного сектора в высокопроизводительный индустриальный сектор практически завершился — а переход из индустрии в сферу услуг не сопровождался аналогичным ростом производительности, — и, во-вторых, из-за того, что прогресс в рамках секторов ограничивается небольшой величиной прироста производительности в секторе услуг, который стал самым важным из секторов в смысле производства и занятости.

Однако на протяжении данной фазы европейского экономического роста новые практики, нацеленные на повышение эффективности — такие, как технологии массового производства, потребления и распределения, — обеспечили важный прирост производительности и полезности. В то же время эти новые методы производства и потребления хорошо сочетались с либерализацией торговли и внутриевропейской интеграцией товарных рынков, поскольку создавали возможности для специализации и экономии за счет масштаба. Новые виды товаров — в первую очередь бытовая техника и автомобили, а также продовольствен-

ные товары и новые товары для досуга — становились и ответом на важные изменения в поведении домохозяйств, и их причиной: все больше и больше женщин выходило на рынок труда; наиболее приоритетное место в функциях семейного домохозяйства получило накопление человеческого капитала; на смену домашнему труду приходила бытовая техника; вещи и услуги, связанные с личным гардеробом и внешностью, предметы досуга и всевозможные развлечения, а также медицинские расходы играли все более важную роль в бюджете домохозяйств и создавали новые рынки, прежде всего для индустриального сектора и сектора услуг.

Тем не менее оптимизация производства в целом сопровождалась экономией всех факторов производства (труда, капитала и сырья), тем самым приводя к общему снижению издержек в промышленности, а соответственно, и к снижению относительной стоимости продукции. Это оказывало кумулятивное воздействие на издержки и производительность в отраслях, использующих промышленные полуфабрикаты. Появление новых, более дешевых товаров влекло за собой повышение спроса. Благодаря этому возрастало производство и занятость, обеспечивая экономию за счет масштаба и дальнейшее снижение издержек и цен.

Внутриевропейская торговля, главным образом между странами со сходным уровнем дохода на душу населения и экономического развития, вызывала более быстрый рост торговли по сравнению с производством, особенно в промышленности. Крупномасштабная индустриальная экспансия развивалась в условиях расширения внутренних и внешних рынков, эластичного предложения факторов производства и существования новых технологий с высоким потенциалом к повышению производительности и влиянию на экономическую политику. Более того, такие авторы, как Чандлер (Chandler 1977) и Фримен (Freeman 1997), утверждают, что технические инновации создавали возможности для значительного прироста производительности благодаря экономии за счет масштаба и потока, обеспечиваемой в наукоемких отраслях расширением объемов НИОКР, образования и инвестиций в средства производства.

В этом контексте важным источником резкого возрастания производительности в период золотого века служило заимствование технологий, причем во многих слу-

чаях высокий потенциал к росту производительности сочетался с наличием новых социальных и экономических институтов: умеренности требований в отношении заработной платы и при распределении прибыли, сосуществования крупных компаний с крепкими средними и мелкими фирмами, а также хорошего технического образования и профессиональной подготовки.

Эти тенденции были заметны в трех из четырех регионов, рассматриваемых в данной главе. Западная Европа решительно вошла в эпоху массового потребления и развитого государства социального обеспечения; в северных и южных регионах наблюдались еще более высокие темпы изменений, позволявшие догнать лидеров в смысле производительности, дохода и экономической структуры.

И наконец, хотя Восточной Европе были присущи столь же высокие темпы роста и преобразований, существовавший там политический и институциональный режим порождал важные различия. Режимы, остававшиеся сателлитами СССР, сохраняли у себя командно-административную экономику с высоким уровнем централизованного планирования и принуждения. В целом приоритетным направлением там являлась индустриализация, особенно в тяжелой промышленности, поставлявшей долговечные средства производства. Основные ресурсы и усилия вкладывались в развитие черной металлургии, химической промышленности, металлообработки, энергетики и машиностроения. Во всех восточноевропейских странах происходило масштабное перемещение производства и занятости из сельского хозяйства в промышленность. Потенциал для увеличения производства посредством перевода рабочей силы из низкопроизводительного сельского хозяйства в промышленность был особенно высок в наиболее отсталых странах. Резкое сокращение доли сельскохозяйственного труда за счет роста индустриальной рабочей силы было заметно в Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Югославии. Тем не менее уровень дохода оставался здесь низким по сравнению с остальной Европой. Производство потребительских товаров возрастало невысокими темпами при сохранении ограниченного выбора этих товаров. Низкооплачиваемые работники выигрывали от низких цен на товары первой необходимости, а также наличия дешевого жилья, медицинских услуг и образования, однако квалифицированный труд утрачивал относительную покупательную способность и сталки-

вался с резко отрицательным характером экономических стимулов.

Численность населения и рабочей силы на востоке увеличивалась быстрее, чем в остальной Европе, но даже при этом форсированные инвестиции вели к возрастанию величины фиксированного капитала, приходящегося на одного занятого в каждом из секторов. Экстенсивный рост и отсутствие рыночных процессов, способствующих эффективному распределению и использованию ресурсов, вели к более низкой отдаче от капитала и труда и невысокой мультифакторной производительности, недоиспользованию и растрате ресурсов, слабой трудовой дисциплине, непродуманным инвестициям и появлению отрицательных стимулов к технологическим инновациям. Проводившаяся с 1960-х гг. ползучая экономическая реформа в известной степени способствовала децентрализации процесса принятия решений, появлению рыночных механизмов распределения ресурсов и распространению частнопредпринимательской деятельности.

Замедление в 1970–1980-е гг.

На смену экономическому буму в 1972–1973 гг. пришли стагфляция и серьезная рецессия. То, что изначально воспринималось как фаза спада в послевоенном европейском экономическом цикле, вылилось в абсолютное сокращение экономической активности, сопровождавшееся двузначными величинами уровня безработицы и инфляции. Нестабильность, отказ от кейнсианской парадигмы в экономической политике и скачок цен на энергоносители усугубили падение и разброс показателей роста. Некоторые исследователи интерпретируют эти десятилетия как процесс перехода (возврата) от аномально высоких темпов роста к устойчивому развитию (Crafts and Toniolo 1996, pp. 16–20).

Благоприятным условиям предшествовавших десятилетий и замедлению роста вследствие их изменения посвящена обширная литература. В предыдущем разделе мы упоминали преимущества гибкого предложения на рынке труда, масштабного применения новых технологий и эффективного распределения ресурсов. Тем аспектом, который усугубил трения и дисбаланс начала 1970-х гг., являлись цены на энергоносители. Условия торговли в те

чение предыдущего периода в целом были очень выгодны для Европы. Цены на промышленные товары стабильно росли, притом что рост цен на продовольствие, энергоносители и сырье был не таким заметным. Наличие дешевой энергии позволяло развивать энергоинтенсивные сектора. Когда же скачок цен на нефть, поднятых по решению ОПЭК, больно ударил по структуре производства и потребления, понадобилось время и значительные усилия для того, чтобы приспособиться к новым относительным ценам.

Возможности для догоняющего развития и эффективного распределения ресурсов к началу 1970-х гг. были в основном исчерпаны. В промышленности большое перестало быть привлекательным: «видимая рука», как Чандлер назвал последовательную замену рыночных механизмов распределения ресурсов менеджментом в рамках крупных фирм, столкнулась с серьезными проблемами. Аутсорсинг, система «точно в срок» и выдача субподрядов на услуги, прежде осуществлявшиеся в рамках самих компаний, привели к снижению размера фирм и масштабов их деятельности, способствуя возрастанию их гибкости и адаптивности к быстрым изменениям в условиях нестабильности. Но в то же время все больше и больше ресурсов уходило из промышленности в сферу услуг.

Если мы попробуем отыскать в европейской экономической истории эмпирические закономерности экономического развития, которые могут составлять то, что называется шаблонами развития, то мы найдем два таких шаблона, связанных с распределением труда: первая фаза, в течение которой труд переходит из промышленности в сельское хозяйство; и вторая фаза, в ходе которой сфера услуг расширяется за счет промышленности и сельского хозяйства. Мы выяснили, что 1970-е гг. являлись периодом, в течение которого большинство европейских стран столкнулось со снижением доли рабочей силы, занятой в промышленности. Изучая различные регионы Европы, мы увидим, что чем больше была первоначальная доля промышленности, тем глубже оказалось последующее падение. Деиндустриализация была наиболее ярко выражена в тех странах, где доля рабочей силы в промышленности составляла в 1960 г. не менее 40% (Feinstein 1999, pp. 37–38). В табл. 13.3 демонстрируется, что доля рабочей силы, занятой в западноевропейской промышленности, сократилась приблизительно от 45% в 1970 г. до уровня ниже 35% к кон-

ТАБЛИЦА 13.3.

Доля секторов в добавленной стоимости в постоянных
и текущих ценах, а также в занятости, %

	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Западная Европа (постоянные цены)						
Сельское хозяйство			3,0	2,7	2,5	2,2
Промышленность и строительство			39,7	36,1	33,2	29,9
Услуги			57,8	61,5	64,3	67,9
Западная Европа (текущие цены)						
Сельское хозяйство			4,8	3,2	2,5	1,7
Промышленность и строительство			34,2	31,2	27,0	22,0
Услуги			60,9	65,6	70,4	76,2
Западная Европа (занятость)						
Сельское хозяйство		12,8	8,4	5,4	5,0	4,6
Промышленность и строительство		44,8	44,6	38,7	34,2	24,5
Услуги		42,4	46,9	55,8	60,8	70,9
Северная Европа (постоянные цены)						
Сельское хозяйство			5,4	4,5	4,1	3,5
Промышленность и строительство			33,0	31,3	30,7	33,5
Услуги			62,1	64,2	65,2	64,5
Северная Европа (текущие цены)						
Сельское хозяйство			7,0	5,5	4,1	2,4
Промышленность и строительство			27,1	27,0	24,3	27,1
Услуги			65,9	67,5	71,6	70,5
Северная Европа (занятость)						
Сельское хозяйство		25,6	13,0	8,4	5,5	3,1
Промышленность и строительство		35,1	37,4	32,4	28,5	24,5
Услуги		39,3	49,7	59,2	65,9	72,4
Южная Европа (постоянные цены)						
Сельское хозяйство			6,5	5,3	4,6	4,8
Промышленность и строительство			33,4	33,7	31,8	30,1
Услуги			60,6	61,5	63,6	65,3
Южная Европа (текущие цены)						
Сельское хозяйство			17,8	13,1	9,2	7,5
Промышленность и строительство			25,7	25,8	24,8	22,1
Услуги			56,5	61,2	66,0	70,5

	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Южная Европа (занятость)						
Сельское хозяйство		46,8	35,0	29,8	22,7	20,1
Промышленность и строительство		26,3	32,3	31,5	28,9	28,8
Услуги		26,9	32,7	38,8	48,3	51,1
Восточная Европа (постоянные цены)						
Сельское хозяйство	28,1	19,0	12,3	10,5	13,3	9,1
Промышленность и строительство	31,0	46,7	48,8	50,7	42,4	45,3
Услуги	40,9	34,3	38,9	38,7	44,3	45,6
Восточная Европа (текущие цены)						
Сельское хозяйство			14,7	12,8	14,4	8,9
Промышленность и строительство			41,2	41,4	36,3	25,6
Услуги			44,1	45,7	46,4	62,8
Восточная Европа (занятость)						
Сельское хозяйство	50,2	38,0		12,5	12,3	18,5
Промышленность и строительство	23,0	35,5		48,4	45,5	32,0
Услуги	18,2	26,6		39,1	42,2	49,5

Северная Европа	Западная Европа	Восточная Европа	Южная Европа
Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция	Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Ирландия, Лихтенштейн, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, Великобритания	Балканы (Босния и Герцеговина, Хорватия, Молдавия (вероятно, Македония. — <i>Прим. пер.</i>), Черногория, Сербия, Словения), бывшая Чехословакия (Чехия, Словакия), Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, бывший СССР (Эстония, Латвия, Литва)	Андорра, Кипр, Италия, Греция, Мальта, Монако, Португалия, Испания

Источники: Добавленная стоимость в постоянных ценах: данные ООН по ВВП в постоянных долларах 1990 г. Добавленная стоимость в текущих ценах: данные ООН по ВВП в текущей национальной валюте. Вклад каждой страны дается с учетом относительной численности ее населения. Данные по Восточной Европе за 1950 и 1960 гг. приводятся по: Aldcroft (2001), Table 6.2, с учетом относительной численности населения по данным из Maddison 2003.

цу 1980-х гг. Менее резким такой процесс был в Северной и Южной Европе, где эта доля снизилась с 35% примерно до 30% и с 32 до 28% соответственно.

Уменьшение доли рабочей силы в промышленности было наиболее заметным в пяти крупных экономиках — Франции, Германии, Италии, Нидерландах и Великобритании, — где оно составило более 10%, сократившись от 29% добавленной стоимости в 1979 г. до менее чем 19% в 2003 г. Структурные изменения в 10 менее крупных из 15 экономик ЕС оказались намного менее значительными. Доля промышленности сократилась там с 22 до 19%, а доля услуг возросла с 75 до 79%. Соответственно, крупные и мелкие экономики сблизились друг с другом в плане своей структуры. Более того, деиндустриализация в основном завершилась еще до начала фазы «нового экономического роста» 1990-х гг. Доля промышленности во всех 15 странах ЕС вновь начала сокращаться лишь после 2000 г.

Восстановление и вялый рост с 1990-х гг. по настоящее время

1990-е гг. принесли в европейскую экономику важные изменения. Создание европейского экономического и валютного союза обеспечило фискальную и валютную дисциплину, ограничив задолженность, бюджетный дефицит и колебания процентных ставок. Обуздание инфляции и постепенное возрастание экономической стабильности способствовало восстановлению прежних уровней деловой активности, занятости и потребления. Однако при этом были введены фиксированные обменные курсы с целью снижения риска и содействия эффективному распределению капитала. Происходившее с 1990-х гг. расширение ЕС сопровождалось дальнейшим распространением этой стабильности и ростом масштабов экономики. С одной стороны, центростремительные силы вызывали концентрацию высокотехнологичных производств в европейском транспортном центре, представляя собой чистый пример маршалловских экстерналий, источником которых являлись резерв квалифицированного труда, легкость технологических переливов и крайне благоприятная инфраструктура. С другой стороны, центробежные силы вытесняли специализированную и низкоквалифицированную экономическую активность на внешнюю периферию.

Яркие успехи Китая в сфере индустриального развития — пробуждение «спящего дракона» — повлекли за собой общую тенденцию перемещения сборочных производств и трудоинтенсивных производств в Восточную Азию. В Европе стабильными темпами шла деиндустриализация. Исключением являлась Северная Европа, где произошла реиндустриализация в смысле объемов производства. В таких неблагоприятных экономических условиях высокие темпы роста производительности в северо-европейской промышленности по сравнению с общим ростом производительности подразумевали снижение доли трудового вклада, приходящейся на этот сектор, по сравнению с его долей в совокупном объеме производства. Относительно высокие показатели производительности также сопровождались относительно небольшим повышением цен при соответствующем снижении доли данного региона в выработке, выраженной в текущих ценах.

Революция в сфере информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) демонстрирует признаки «парадокса производительности», аналогичного тому, который наблюдался при смене энергии пара электричеством в начале XX в. Бумажный и цифровой формат продолжают сосуществовать, и несмотря на то, что ИКТ обеспечивают повышенную скорость передачи информации, ее разнообразие и сокращение физических объемов ее носителей, не исключено, что высокий темп инноваций — шумпетеровское созидательное разрушение — вносит известный вклад в создание ситуации, при которой, как выразился Солоу (Solow 1987), «компьютеры можно встретить повсюду, кроме производственной статистики».

Van Ark, O'Mahony, and Timmer (2008, pp. 25–26) ответственность за замедление роста производительности труда в Европе после 1995 г. возлагают на замедленное создание европейской экономики знаний. Авторы отмечают в Европе невысокие темпы роста вклада, обеспеченного инвестициями в ИКТ, и небольшую долю отраслей, производящих технологии. Как указывает Гордон (Gordon 1997; 2004a; 2004b; 2006), возрастающий разрыв между Европой и США в плане производительности отчасти объясняется негибкостью европейского рынка труда. Европе свойственны невысокий уровень участия в рядах рабочей силы и небольшая продолжительность рабочего времени на одного человека при более заметном предпочтении отдыха (свободного времени) и высоких подоходных налогах,

используемых для финансирования государственной системы социального обеспечения с ее щедрыми выплатами безработным. В дополнение к этим структурным факторам процесс накопления капитала сдерживается ухудшающимся качеством начального и среднего образования и высоким уровнем вовлечения в профсоюзы.

Сокращение промышленного производства за счет сектора услуг, сопровождающее возрастание дохода на душу населения и маркетизацию производственной деятельности домохозяйств, уменьшает потенциал для дальнейшего роста производительности. Промышленность нередко считается местом сосредоточения инноваций и технологических изменений — сектором, в котором наиболее интенсивно применяются экономия за счет масштаба, интенсификация капитала и постепенные инновации. Однако начиная с 1990-х гг. даже в европейской промышленности наблюдался резкий рост производительности, связанный с производством оборудования для сферы ИКТ. Так, по некоторым оценкам, в 1990–2003 гг. годовые темпы роста производительности в области производства оргтехники и электронных компонентов находились в Евросоюзе в диапазоне от 40 до 50%!⁵ Но на эти отрасли, разумеется, приходится лишь небольшая доля общего производства. В 2003 г. в них был задействован лишь 1% всей индустриальной рабочей силы. Впечатляющий рост производительности, годовые темпы которого в тот же период достигали примерно 10%, был зафиксирован и в сфере производства телекоммуникационного оборудования, также использующего примерно 1% общей рабочей силы. Тем не менее аналогичного ускорения роста производительности по индустриальному сектору в целом не было заметно до начала 2000-х гг.: после 1980 г. в большинстве отраслей годовой прирост производительности не превышал 2–3%.

Географическое распределение и пространственная концентрация европейской промышленности

Последовательная европейская экономическая интеграция, охватывавшая изначально 6, а полвека спустя — 27 стран, породила растущий интерес к пространственному распределению промышленности в Европе и к тому,

<http://www.fdc.net/dseries/tecon.html>. Эта цифра относится к старым оценкам ЕС.

как расширение Европейского союза сказалось на периферии. Изучение данных по занятости в девяти отраслях промышленности с 1977 по 1999 г. для 197 регионов по классификации NUTS2 (Ezcurrea, Pascual, and Rapún 2006) показывает усиление географической концентрации в большинстве промышленных отраслей. Сосредоточение рабочей силы возросло в шести из девяти рассматриваемых секторов: добыча неметаллических руд; химическая промышленность; производство металлических изделий; машиностроение и электротехническая промышленность; производство транспортного оборудования; текстильная, швейная и обувная промышленность; прочая промышленность. Самая значительная концентрация наблюдалась в текстильной, швейной и обувной промышленности в результате перемещения этой отрасли на южную периферию ЕС. Напротив, добыча металлических руд и минерального сырья претерпела рассредоточение главным образом вследствие ликвидации этой отрасли в регионах ее прежней концентрации, но в размещении производства продовольствия, напитков, табачных изделий, а также бумажной и полиграфической отрасли, для которых характерны низкая технологическая интенсивность и ограниченные возможности для экономии за счет масштаба, не произошло практически никаких изменений. Процесс концентрации производства ускорился, а из оценок эргодического распределения, полученных вышеупомянутыми авторами, следует наличие тенденции к еще большей концентрации в будущем.

Rojec and Damijan (2008) анализируют перемещения экономической активности из 15 первоначальных стран — членов ЕС в страны, недавно вступившие в Евросоюз. Хотя авторы приходят к выводу, что внутриевропейские прямые зарубежные инвестиции (ПЗИ), предназначенные для новых членов ЕС, представляют собой главным образом ПЗИ в производство, направленные на повышение эффективности, объем таких инвестиций очень невелик по сравнению с общими ПЗИ 15 старых членов ЕС. Низкая степень перемещения активности подтверждает вывод Эстебана (Esteban 2000) о том, что различия между странами Европы в совокупной производительности труда следует приписывать не региональным различиям, связанным с относительной ролью секторов, имеющих различную производительность труда, а тому факту, что все секторы в данном регионе имеют равно высокую или низ-

кую производительность. Конкретный набор секторов не важен; важны инфраструктура, социальные способности и человеческий капитал, о чем свидетельствует, в частности, пример Ирландии.

УСЛУГИ

В течение последних 50 лет сфера услуг представляла собой динамичный сектор европейской экономики, непрерывно увеличивавший свою долю как в смысле выработки, так и в смысле занятости. За этими структурными изменениями стоял ряд значительных сил, действовавших и со стороны спроса, и со стороны предложения.

Спрос на услуги в течение этих десятилетий возрастал по двум важным причинам. Во-первых, повышался общий уровень наукоемкости и специализации в европейском производстве, что означало растущую потребность в таких услугах, как образование, научные разработки, информация, финансовое посредничество и транспорт. Соответственно, вклад сферы услуг занимал все более важное место в любом производстве и превратился в один из основных факторов, обеспечивавших рост производительности. Во-вторых, рост дохода привел к возрастанию спроса на ряд услуг. С точки зрения потребителя, спрос на такие услуги, как образование, здравоохранение, транспорт и туризм, обладает высокой эластичностью по доходу.

Что касается предложения, то серьезное влияние на сектор услуг оказали два новых важных явления технического и организационного плана. Во-первых, после Второй мировой войны в рамках общего экономического роста эпохи золотого века и стремительной трансформации целых европейских регионов европейский сектор услуг получил возможность догнать более развитый аналогичный сектор в США. Во-вторых, ИКТ-революция, начавшаяся в 1970-е гг. и набравшая импульс в 1980–1990-е гг., существенным образом сказалась на технологиях, используемых в сфере услуг, и на ее организации. Разумеется, она также затронула спрос на услуги, вызвав соответствующее повышение наукоемкости.

Происходившее после 1945 г. взаимодействие между совокупным экономическим ростом в Европе и техническими изменениями позволяет провести четкую периодизацию развития сектора услуг. В течение золотого века роста

до середины 1970-х гг. в сфере услуг происходила модернизация, дополнявшая расширение промышленного сектора. Однако в зарождавшемся после 1970-х гг. постиндустриальном обществе услуги превратились в ключевой сектор, обеспечивавший европейский экономический рост. Эта периодизация также соответствует другому крупному водоразделу, связанному с работой сектора услуг: переключению от роста в секторе государственных услуг к росту в секторе частных услуг. Это переключение происходило в конце 1970-х — начале 1980-х гг. во многих регионах Европы вследствие совпадения политической переориентации с техническими инновациями, изменившими некоторые условия работы сектора государственных услуг. Очевидно также, что возрастание акцента на роли сектора услуг в экономическом росте привело к появлению новых пунктов в повестке дня европейской интеграции.

Более того, всем вышеперечисленным европейским тенденциям были присущи четкие региональные различия. От региона к региону различались уровень доходов, структура экономики и институциональные соглашения. В целом Южная и Восточная Европа отставала в плане роста и модернизации, хотя между Западной и Северной Европой тоже существовали различия. Таким образом, развивая сектор услуг, Европа не просто догоняла США; догоняющее развитие представляло собой внутриевропейский процесс, масштабы которого возросли в последние десятилетия.

Золотой век в 1950–1960-е гг.

Ускорение экономического роста в Европе, произошедшее после восстановления экономики в 1950-е гг., являлось процессом модернизации и догоняющего развития, в очень большой степени затрагивавшим сферу услуг. Разрыв в производительности между Европой и США, возросший в течение межвоенного и военного периодов, в сфере услуг был выражен еще более ярко, чем в промышленности⁶. Массовое, и особенно высшее, образование, обслуживавшее как промышленность, так и сферу услуг, обеспечило Соединенным Штатам решающее преимущество перед Европой. С конца XIX в. в США распространялись новые технологии и новые организационные принципы предоставления услуг. Они включали новое офисное обо-

6. В сочетании с различиями в структуре экономики: ср. с акцентом на снижении роли сельского хозяйства в период золотого века экономического роста в: Temin 2000.

рудование: телефоны, пишущие машинки, арифмометры, кассовые аппараты и пр. Кроме того, сюда входила новая, более иерархическая организация, подходящая для массового предоставления стандартизированных услуг, адаптированных к крупному и интегрированному американскому рынку (Broadberry 2006). Европа до 1950 г. медленно переходила на новые технологии. Услуги в Европе в целом носили менее стандартизированный характер, ориентируясь на вкусы индивидуальных клиентов на узких национальных рынках, и потому предоставлялись в небольших объемах при значительной разнице между ценой и себестоимостью. Более того, предоставление услуг являлось в первую очередь городским видом деятельности, не пользуясь большим спросом в традиционных аграрных регионах. Наблюдавшееся с конца XIX в. замедление перехода рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и сферу услуг еще сильнее ограничило масштабы европейского рынка услуг (Broadberry, 2004; 2006).

Однако внутри Европы в ряде аспектов наблюдались очень значительные различия. К 1950 г. однозначным европейским лидером в организации сектора услуг была Великобритания, которая добилась этого благодаря радикальной урбанизации (создавшей более крупный и динамичный рынок услуг) и своей международной специализации на услугах с высокой добавленной стоимостью — таких, как финансы, страховое дело и транспорт. Стремительное догоняющее развитие германской экономики в 1950–1960-е гг. в значительной степени основывалось на переходе рабочей силы из сельского хозяйства в сферу городских услуг, способствовавшем модернизации услуг в сторону повышения их производительности. Другим ведущим регионом была Скандинавия с ее небольшими открытыми экономиками. Они адаптировались к модернизации ряда услуг и их массовому предоставлению посредством процесса стандартизации в рамках государственного сектора, который был также интегрирован в новую политику социального обеспечения. Например, Швеция проявляла относительную открытость к американским идеям стандартизации не только в промышленности, но и в розничной торговле, чем объясняются ранние успехи таких фирм, как IKEA и H&M (Schön 2000).

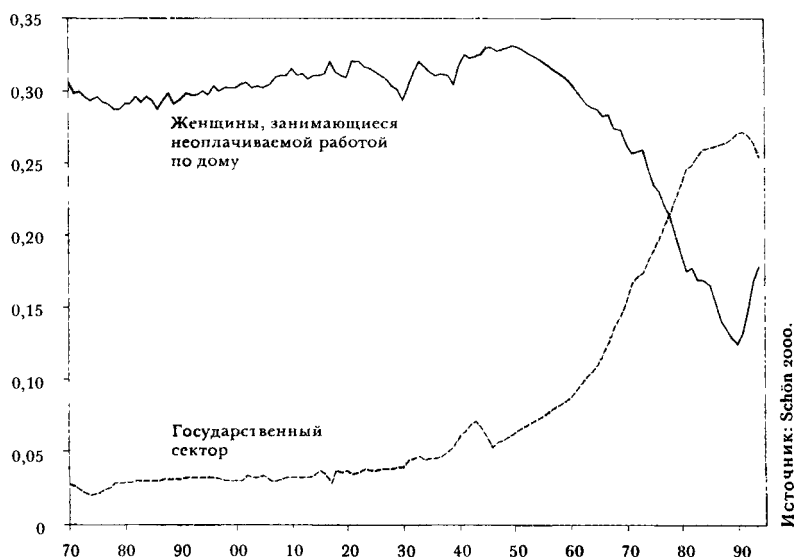
Мы до сих пор практически не имеем всеобъемлющих данных по сектору услуг в первые послевоенные десятилетия. Впрочем, очевидно, что в этот золотой век роста су-

ществовала ярко выраженная комплементарность между сектором услуг и быстрым ростом материального производства в сфере промышленности и строительства, подпитывавшим урбанизацию во многих регионах Европы.

Модернизация Европы на различных региональных уровнях влекла за собой возрастание спроса на человеческий капитал. Соответственно, одной из основных задач сектора услуг стала мобилизация человеческих ресурсов. Сфера образования взрывообразно расширялась в 1950–1960-е гг. вследствие высоких темпов роста населения в 1940–1950-е гг., а также увеличения продолжительности обязательного среднего образования. Европа вступила в эру массового образования. Более того, в эти десятилетия существенно вырос сектор здравоохранения при одновременной модернизации как больниц, так и методов лечения, и более широком предоставлении медицинских услуг в рамках послевоенных политических программ.

В течение 1960–1970-х гг. значительное распространение получила еще одна услуга, требующая широкой мобилизации рабочей силы: присмотр за детьми, освобождающий женщин от неоплачиваемого труда в рамках домохозяйств. Эта связь между высвобождением женского труда и расширением государственного сектора была особенно заметна в странах, осуществлявших всеобъемлющие социальные программы по мобилизации рабочей силы, а также все более откровенные программы гендерного равноправия. Такая связь очевидна в странах Северной Европы, взявших на вооружение скандинавскую модель государственных услуг, четко проявляясь в национальной шведской исторической статистике, на основе которой построен рис. 13.1.

Образование, здравоохранение и присмотр за детьми в значительной степени обеспечивались государством или местными общинами, при соответствующем возрастании занятости в государственном секторе по всей Европе. Эта тенденция дополнительно поддерживалась социал-демократической или кейнсианской политикой, отводившей государственному сектору важную роль при предоставлении услуг, способствовавших стабилизации в обществах, претерпевавших ускоренную модернизацию и реинтеграцию в мировую экономику. Помимо более амбициозных программ по перераспределению доходов, значительное внимание уделялось социальному планированию, следствием чего было возрастание объемов административных услуг.

Источник: Schön 2000.

РИС. 13.1.
Доля в общей численности рабочей силы
в Швеции в 1870–1995 гг.

Соответственно, доля рабочей силы, занятой в секторе услуг, особенно заметно возросла в Северной Европе (т.е. в Скандинавии). В течение 1960-х гг. рост составил 10 процентных пунктов, и к 1970 г. в сфере услуг здесь была занята приблизительно половина рабочей силы, причем почти $\frac{1}{3}$ — в государственном секторе. В течение 1960-х гг. по доле рабочей силы в секторе услуг Скандинавия обогнала многие крупные экономики Западной Европы, хотя эта доля достигала больших величин в обоих регионах. Южная и Восточная Европа в этом смысле существенно отставали, в значительной мере сохраняя свой аграрный характер: здесь доля рабочей силы, занятой в секторе услуг, возросла всего лишь от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$.

Помимо предоставления услуг в государственном секторе (связанных главным образом с мобилизацией человеческого капитала), другой важной сферой занятости являлась торговля. Впрочем, занятость в этой сфере не возрастала и даже сокращалась по отношению к общей занятости в секторе услуг. 1960-е гг. были периодом достаточно интенсивной рационализации розничной тор-

говли, особенно в Северной и Западной Европе. В условиях крупномасштабной модернизации общества, массовой автомобилизации и общенациональной электрификации крупная розничная торговля получила более широкое распространение по всей Европе. Относительно сократилась также занятость в сфере транспорта и связи, свидетельствуя о технических изменениях, происходивших в этой области, — однако этот процесс являлся также следствием распространения личных автомобилей.

На относительно низком уровне находились количественные показатели финансового сектора, что было связано с довольно ограниченной ролью финансового посредничества в кейнсианскую эпоху, отличавшуюся регулированием рынков на национальном уровне. Однако в плане занятости этот сектор имел несколько большее относительное значение в развитых экономиках Западной Европы, особенно в Великобритании.

Сектор услуг в постиндустриальном обществе с 1970-х по 1990-е гг.

В середине 1970-х гг. Европа вступила в новую эпоху ускоренного роста сектора услуг (особенно в смысле занятости), происходившего за счет аграрного и промышленного секторов. Этот рост сектора услуг, несомненно, был вызван рядом факторов. Первым из них были технические изменения. Разработка микрочипов в 1970-е гг. обозначила новое направление в ИТ-революции, связанное с массовым распространением компьютеров, гибкими методами коммуникации и низкой стоимостью передачи информации. В большинстве профессий резко возросли интенсивность использования информации и наукоемкость, порождая расширенные потребности в новых видах услуг. Во-вторых, продолжительный рост доходов в послевоенный период повлек за собой переориентацию спроса в направлении таких услуг, как личная гигиена и помощь по дому, туризм, СМИ и культура, а также финансовое посредничество. В-третьих, возросшая интеграция глобальных рынков и общемировая индустриализация приводили к сдвигу конкурентных преимуществ Европы в сторону сектора услуг — как во внутреннем плане вследствие устойчивого роста реальных доходов, так и во внешнем плане из-за повышения спроса на финансовые и прочие деловые услуги.

Технические изменения и интеграция глобальных рынков изменяли и саму структуру услуг. Рост государственного сектора завершился в 1980-е гг., а в 1990-е гг. даже пошел вспять. Это происходило в основном по двум причинам. Во-первых, вследствие массовой политической реакции на рост уровня налогообложения период 1970–1980-х гг. был отмечен распространением новых политических идей о дерегулировании и приватизации (в Восточной Европе такая реакция на перераспределение в пользу государственного сектора приняла очень своеобразные формы в 1980–1990-е гг.). Во-вторых, технические инновации создавали совершенно новые возможности в сфере передачи информации и организации, сокращая транзакционные издержки, а также снижая асимметрию информации. Баланс начал смещаться от государственного к частному сектору. Вместе с тем на смену национальному регулированию шла международная интеграция. В ее авангарде находился финансовый сектор, в течение 1970–1980-х гг. покончивший с регулированием в кейнсианском духе. Его примеру последовали СМИ, а в 1990-е гг. в большинстве секторов, связанных с передачей информации и транзакциями, произвел революцию Интернет.

После того как основные силы, обеспечивавшие экономический рост, переместились в новый сектор услуг, воздействуя на факторы, отвечавшие и за спрос, и за предложение, перед Европой предстали новые ярко выраженные возможности и проблемы — в частности, связанные с американским лидерством в плане производительности и американским методом производства. С одной стороны, технические инновации повышают гибкость производства и прибыльность мелкого нестандартного производства, более соответствующего европейским традициям и организационным принципам (Broadberry and Ghosal 2005). Подобный разворот технических тенденций может оказаться важным для относительного роста европейской экономики в долгосрочном плане после того, как Европа преодолест свое отставание по инвестициям в ИКТ. С другой стороны, сфера услуг сталкивается со значительными трудностями при интеграции в рамках Европы. Предоставление многих услуг требует специфических компетенций, определяемых культурой, что снижает мобильность рабочей силы и самих услуг (или увеличивает потребность в общем языке). Дополнительное препятствие к интеграции в европейский рынок создавали национальные зако-

ТАБЛИЦА 13.4.
Относительный уровень производительности
в секторе услуг в 1970–2000 гг. (доля в ВВП
по отношению к доле в занятости)

Регион	1970	1980	1990	2000
Западная Европа	1,23	1,10	1,06	0,96
Северная Европа	1,24	1,08	0,99	0,88
Южная Европа	1,84	1,58	1,32	1,28
Восточная Европа	—	0,99	1,05	0,92

Источник: Вычислено, исходя из доли секторов, приведенной в табл. 13.3.

ны, принятые в предшествующий период. Ряд наиболее обширных и наиболее наукоемких секторов (таких, как здравоохранение и образование) отличались глубокой интеграцией в государственный сектор и подчинялись различающимся национальным законодательствам. Болонский процесс стал первым шагом к интеграции высшего образования. Интеграция в сфере предоставления административных услуг и системы социального страхования, вероятно, играют ключевую роль с точки зрения повышения эффективности рынка труда и сектора услуг в Европе. Без интеграции сектора услуг не обойдется ни одна стратегия по достижению мирового лидерства Европы в плане производительности, что отмечается, например, в Лиссабонской стратегии 2000 г.

Van Ark, O'Mahony, and Timmer (2008, pp. 39–42) более высокую производительность американского рынка услуг связывают с крупными различиями между финансовыми и деловыми услугами в обоих регионах, а также с различиями в мультифакторной производительности, проявляющимися через ИКТ. Кроме того, единый язык и меньшее разнообразие в потребительской культуре позволили создать в США крупномасштабную систему «оптимальной торговли» (lean retailing) с высоким уровнем использования ИКТ. В первую очередь именно розничная торговля обеспечила рост производительности в американском секторе услуг в 1990-е гг., очень сильно завязанном на обширные размеры американских городов и массовое использование автомобилей. В то же самое время европейский сектор услуг сталкивался с плотностью го-

родов и большей зависимостью жителей от общественно-го транспорта. Впрочем, текущие тенденции, связанные с ценами на энергоносители, и изменения климата могут стать дополнительным плюсом в пользу европейской организации.

Рост сектора услуг четко просматривается в изменении занятости по секторам в масштабах всей Европы. В Северной и Западной Европе доля занятых в секторе услуг возросла приблизительно с $\frac{1}{2}$ в 1970 г. почти до $\frac{3}{4}$ на рубеже тысячелетий в 2000 г. В Южной и Восточной Европе это возрастание составило от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{2}$ общей занятости. Таким образом, к 2000 г. южная и восточная периферия достигла уровня развития услуг, наблюдавшегося в Северной и Западной Европе в 1970 г., но при наличии относительно более крупного аграрного и более мелкого промышленного секторов.

Относительная производительность в секторе услуг по сравнению с общим уровнем производительности за этот период значительно снизилась. В частности, это произошло вследствие более медленного роста производительности в сфере услуг по сравнению с промышленным и аграрным секторами⁷. Кроме того, дело в том, что сельскохозяйственный сектор, хронически отличавшийся более низким уровнем производительности, быстро сокращался, приводя к снижению относительно высокой производительности сектора услуг с точки зрения ВВП. В Северной и Западной Европе темпы и направление этого процесса в целом совпадали, хотя снижение производительности было более заметным в Северной Европе, отличавшейся наивысшим уровнем занятости женщин в секторе услуг. Производительность в этом секторе, изначально превышавшая средний уровень, к 2000 г. была уже ниже среднего уровня. В Южной Европе относительная производительность в секторе услуг была существенно выше, чем в Центральной и Северной Европе, что в первую очередь объяснялось наличием крупного аграрного сектора, снижавшего общий уровень производительности. Кроме того, определенную роль могли играть различия между регионами в структуре цен и в гендерном составе рабочей силы. Возможно также, что эти причины действовали и в Восточной Европе, где наблюдалась относительно низкая производительность в секторе услуг, несмотря на крупный аграрный сектор. Помимо этого, могли сказаться и структурные особенности сферы услуг: относи-

7. Темп роста производительности в секторе услуг будет низким по крайней мере в том случае, если не принимать во внимание проблему измерения результатов труда в этом секторе или роль услуг как фактора производства, обеспечивающего прирост производительности в других секторах. Cp. Gadrey and Gallouj 2002.

ТАБЛИЦА 13.5.

Доля занятых в различных отраслях сектора услуг в Европе
в 1960–2000 гг., %

	1960	1970	1980	1990	2000
Торговля и туризм	34,5	31,5	31,9	31,5	31,1
Транспорт и связь	15,9	13,6	11,8	10,4	9,9
Финансовые услуги, недвижимость, научные разработки	8,1	9,1	10,7	13,1	16,8
Государственное управление, социальная работа в общинах	41,5	45,8	45,6	45,0	42,2
Итого	100	100	100	100	100

Источник: База данных ОЭСР.

тельно низкая доля высокопроизводительных финансовых и прочих деловых услуг и более значительная доля (предоставляемых женщинами) услуг по уходу.

Занятость в различных отраслях сферы услуг в основном следовала тенденциям, сложившимся в 1960-е гг., за исключением государственного сектора (табл. 13.5). Так, в сфере торговли (включая не только оптовую и розничную торговлю, но и такие услуги, рассчитанные на туристов, как отели и ресторанное дело) просматривалась слабо выраженная тенденция к общему относительному сокращению занятости. Одновременно с тем, как ускорялась модернизация торговли, расширялись масштабы туризма. На занятости в сфере транспорта и связи сказывалось влияние технических инноваций. Несмотря на рост транспортных и информационных потоков, занятость в этой сфере сокращалась. Единственной категорией, относительная занятость в которой возросла, был финансовый сектор и связанные с ним деловые услуги и научные разработки, т. е. сфера услуг с наиболее высокой добавленной стоимостью и с наиболее высоким уровнем использования специалистов. Доля занятых в этой сфере возросла вдвое, причем возрастание ускорялось от десятилетия к десятилетию.

Более подробные данные о сфере услуг в смысле объемов, занятости и почасовой производительности труда, начиная с 1979 г. и главным образом по странам ЕС, содержатся в базе данных Groningen по 60 секторам экономики (табл. 13.6). Они подтверждают общее впечатление,

ТАБЛИЦА 13.6.
Сектор услуг в 15 странах ЕС, годовые темпы роста
в 1979–2003 гг.

	Занятость	Объем	Производи- тельность
Торговля и туризм	0,67	2,11	1,44
Транспорт и связь	-0,11	3,56	3,67
Финансы	0,79	2,48	1,69
Недвижимость	2,62	2,68	0,06
Научные разработки	1,27	2,43	1,16
Прочие деловые услуги	4,06	4,33	0,27
Государственное управление, здравоохранение, образование	1,17	1,82	0,65
Частные надомные услуги	3,37	2,49	-0,88
Услуги в целом (за исключением недвижимости)	1,26	3,10	1,84

Источник: База данных Гронингского центра роста и развития,
www.ggdnet.net.

создаваемое данными ОЭСР. Занятость в сфере транспорта и связи сокращалась, в то время как производительность возросла здесь намного больше, чем во всех других сферах услуг. Наибольший рост занятости отмечался в бизнес-услугах, будучи в определенной степени обусловлен аутсорсингом услуг, прежде предоставлявшихся внутренними подразделениями производственных компаний, но в то же время свидетельствуя о повышении спроса на услуги специалистов, связанные с новыми видами продукции и производственных процессов. В смысле занятости заметное место занимали также услуги в сфере недвижимости, в то время как занятость в сфере собственно финансовых услуг возрастала низкими темпами, несмотря на значительное расширение финансовых рынков. В первую очередь это происходило из-за того, что банковский сектор первым в сфере услуг — помимо собственно услуг связи — начал применять современные информационные технологии, добившись существенной оптимизации процедур по работе с клиентами.

Также обращает на себя внимание стремительное расширение занятости в сфере частных надомных услуг, кото-

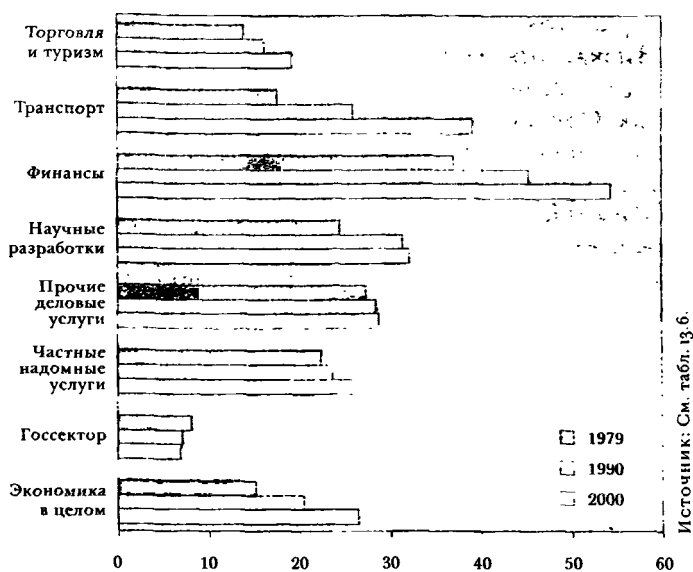

РИС. 13.2.
Добавленная стоимость на один час работы
в секторе услуг в 1979, 1990 и 2000 гг.
(в ценах 1995 г., выраженных в евро)

рая при этом сохраняет низкую производительность. Эта часть сектора услуг не только отличается наиболее низкой производительностью; вдобавок к этому последняя постоянно уменьшается. Следует, однако, помнить, что производительность в этой и других сферах услуг с трудом поддается измерению, отражая главным образом условия предложения и спроса на соответствующий труд.

Уровень производительности труда за разные годы изображен на рис. 13.2. Производительность труда в сфере недвижимости здесь не приведена, так как ее значения чрезвычайно завышены вследствие накачки капитала в этот сектор, в котором добавленная стоимость складывается в основном из изменения процентных ставок. Очевидно, что наивысшая производительность труда наблюдается в финансовом секторе, отличающемся не только использованием высококвалифицированного труда, но и большими объемами капитала на одного занятого. То же самое верно в отношении сферы транспорта и связи, значительно улучшившего свои позиции и обогнавшего сферы на-

учных разработок, деловых услуг и госсектор (в ценах 1995 г.). Низкая производительность сохраняется в торговле и туризме, но в первую очередь в частных надомных услугах. Сокращение добавленной стоимости на один час работы в последнем случае может быть также результатом дерегулирования на рынке труда, вызвавшего в последние десятилетия появление в ЕС новых сфер низкооплачиваемого труда.

Таким образом, процессы, происходившие в европейском секторе услуг за последние десятилетия, включали как появление новых возможностей для сокращения разрыва с Америкой, по-прежнему лидировавшей в технологическом плане, так и ускорение догоняющего внутриевропейского развития восточных регионов, а также возрастание разрыва между высокодоходными и низкодоходными секторами сферы услуг.

ГЛАВА 14

Деловые циклы и экономическая политика в 1945–2007 гг.

СТЕФАНО БАТТИЛОССИ

ДЖЕЙМС ФОРМЕН-ПЕК

ГЕРХАРД КЛИНГ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение · 495

Концептуальные рамки · 496

К вопросу об общеевропейском цикле · 504

Аналитические соображения · 515

Деловые циклы в Восточной Европе
и России в 1945–2006 гг. · 527

Заключение · 534

ВВЕДЕНИЕ

В ПЕРВОМ периоде ускоренного экономического роста после 1945 г. колебания производства и занятости в западноевропейских странах были так невелики, что само понятие «экономические циклы» видоизменилось или даже представлялось устаревшим. Однако для второго периода, в среднем отличавшегося намного более медленным экономическим ростом, были типичны крупные и частые колебания, связанные с «нефтяным шоком» и Великой инфляцией 1970-х — начала 1980-х гг. Третий период, продолжавшийся до 2007 г. и характеризовавшийся плавными и скромными колебаниями производства и инфляции, был назван эпохой «великого спокойствия» в связи с постепенным снижением инфляционных тенденций.

Такие изменения общей картины объяснялись теми или иными авторами по-разному, однако решающим фактором объявлялся выбор экономической политики. В данной главе мы объясним, каким образом европейские правительства реагировали на колебания экономической активности в Европе во второй половине XX в. и сами вносили в них вклад. Во втором разделе мы обрисует основ-ные идеи, необходимые для понимания взаимоотношений между экономической политикой и деловыми циклами. Они включают идею о том, что монетарная и фискальная политика влияет на колебания производства, занятости и инфляции в зависимости от уровня финансовой откры-тости экономики (свободное движение капитала или кон-троль за ним), а также от валютного режима, выбранно-го политиками (фиксированный либо гибкий обменный курс). Кроме того, мы изучим хронологию финансовой либерализации в Европе и продемонстрируем упорное предпочтение большинства европейских правительств ре-жиму фиксированных обменных курсов на протяжении

всего данного периода. Затем мы изучим эволюцию основных характеристик европейских экономических циклов — таких, как волатильность и степень синхронизации. Мы отметим снижение волатильности экономических циклов в 1960-е гг. и с середины 1980-х гг. до 2007 г., объяснив, почему фундаментальной движущей силой этих тенденций были изменения в экономической политике. В следующем разделе мы подкрепим этот анализ описанием реакции национальных правительств и центральных банков на циклические колебания до и после глобальной рецессии 1974–1975 гг. Наконец, мы вкратце рассмотрим исторический и недавний опыт Восточной Европы и дадим оценку реинтеграционных процессов, идущих в этом регионе с 1989 г., после долгой экономической изоляции от остального материка, начавшейся в 1945 г.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ

Политические цели

От присущих данному правительству предпочтений зависит, будет ли его главной политической целью стабильная покупательная способность отечественной валюты либо стабильный уровень производства и занятости. Эти предпочтения определяют, в какой степени колебания уровня цен и экономической активности будут учитываться при принятии политических решений.

В историческом плане политические предпочтения отражали общий социетальный консенсус в отношении желательности альтернативных целей. Великий спад, начавшийся в 1929 г., стал катализатором поворота к кейнсианской экономической доктрине и вообще к убеждению, что власти обязаны предотвращать повторение таких кризисов. На большей части послевоенного индустриализованного мира активность властей носила легитимный характер, а повышенные ожидания в смысле благосостояния сделали проведение социальных реформ и достижение полной занятости важнейшей задачей экономической политики. Такой подход критиковали за создание хронического инфляционного уклона и за отношение к серьезным колебаниям уровня цен как к мелкому злу (Burns 1979; Ciozza and Nardozzi 1996). Заметным исключением являлась Западная Германия с ее резким неприятием инфля-

ции, причиной которого служила общественная реакция на экономические испытания начала XX в., и с соответствующей приверженностью независимого центрального банка политике ценовой стабильности. Лишь после 1980 г. ширящийся консенсус в отношении нежелательности высокой и волатильной инфляции постепенно привел к изменению макроэкономического режима, вследствие чего «приручение инфляции» стало главным приоритетом в экономической политике (Volcker and Gyohten 1992). В ходе этого изменения режима западногерманская монетарная система стала образцом для европейских транснациональных денег в Европейской системе центральных банков, созданной в соответствии с Маастрихтским договором 1991 г.

Политические инструменты и оптимизация

Монетарная и фискальная политика представляют собой два основных способа стабилизации цен, производства и занятости. В течение 1950–1960-х гг. в западноевропейских странах в различных сочетаниях использовались такие классические инструменты монетарной политики, как учетная ставка (банковская ставка), операции на открытом рынке и требования в отношении резервов; кроме того, с течением времени изменялись и их комбинации, применявшиеся в конкретной стране.

Например, к банковской ставке систематически прибегали монетарные власти в Великобритании, Западной Германии, Бельгии, Нидерландах и Швеции. Французское правительство также нередко использовало этот инструмент в 1950-е гг., но в последующем десятилетии обращалось к нему гораздо реже. И напротив, итальянские власти почти не изменяли учетную ставку на протяжении очень долгих периодов времени (Michaely 1971, pp. 33–37). И французские, и итальянские власти уделяли все большее внимание поддержанию низких и стабильных номинальных процентных ставок с целью гарантировать доступ правительства и крупного государственного промышленного сектора к дешевому капиталу.

Во многих странах традиционные инструменты дополнялись широким спектром мер административного контроля — таких, как коэффициенты абсолютной и отно-

сительной ликвидности, количественные ограничения на переучетные операции и выдачу кредитов, контроль за соотношением акционерного капитала с заемным и т. д. Такое разнообразие инструментов сохранялось при переходе к таргетированию темпа роста денежной массы в антиинфляционных целях, начавшемся около 1974 г. в Западной Германии (von Hagen 1999, pp. 421–436), а к концу десятилетия взятому на вооружение и в других крупных европейских странах (Houben 2000, pp. 142–174).

Произошедшее после Второй мировой войны возрастание типичного бюджета центрального правительства позволило государству оказывать более существенное непосредственное влияние на уровень расходов в экономике. Общие расходы или совокупный спрос определяют краткосрочный спрос на рабочую силу и уровень ценового давления. И поэтому кое-кому представлялось, что контрциклическое использование налогообложения и государственных расходов позволило бы устранить периодические всплески безработицы. На практике же задержки, которых не избежать при одобрении и планировании новых государственных расходов, в сочетании с политическим противодействием сокращению расходов делало фискальную политику недостаточно гибким инструментом для его использования при «тонкой настройке» экономической политики. Более того, факты говорят о том, что во многих случаях сами фискальные установки являлись главной дестабилизирующей силой в экономике; государственные расходы и налоговая политика служили причиной колебаний занятости и производства (Darvasz, Rose, and Szapary 2005).

Согласно теории макроэкономической политики, правительства должны выбирать политические инструменты таким образом, чтобы оптимизировать политические цели, и у нас есть основания думать, что именно так они и пытались поступать. Координация макроэкономической политики, согласно самой ранней теоретической формулировке, предполагала, что для достижения различных целей следует использовать разные инструменты экономической политики. При данных обстоятельствах более эффективно управлять спросом, особенно в тех случаях, когда значение одной цели (например, уровень безработицы) требует повышения, а значение другой цели (скажем, величину платежного баланса) необходимо снизить. Современные формулировки в духе теории игр также сходятся на том, что фискальные и монетарные власти

могут обеспечить высокие темпы роста и ценовую стабильность, выбирая кооперативные стратегии (Nordhaus 1994).

К 1990-м гг. наметилось нечто вроде возвращения к характерной для XIX в. идеальной политике золотого стандарта, оставляющей меньше пространства для политического вмешательства. Успехи макроэкономического управления в Западной Германии способствовали принятию политических правил, сужающих возможности европейских властей при проведении монетарной и фискальной политики, и самыми очевидными примерами здесь служат Маастрихтские критерии и Пакт стабильности и роста. Правительства не обладали достаточной компетентностью для проведения макроэкономической политики по своему усмотрению, либо им нельзя ее доверять; наконец, такая политика просто не работала.

Экономический механизм в послевоенной Европе

Взаимосвязь между политическими инструментами и целями зависит от структуры экономики, которая в рассматриваемый период не была жестко фиксирована. Отношение к этой взаимосвязи существенно изменилось в некоторых странах за 60-летний период после 1945 г. Отчасти вследствие этого непосредственный контроль и количественные ограничения более широко практиковались в начале периода, в то время как в последующие годы больше проявилась склонность к использованию цен и к работе с рынками.

Структурными факторами, определявшими, в какой степени инструменты экономической политики позволяют решить поставленные перед ними задачи, являлись финансовая открытость и валютный режим. В небольших открытых экономиках существует тесная зависимость между возможностью проведения независимой валютной политики, направленной на достижение отечественных целей, фиксированными обменными курсами и международной мобильностью капитала. В условиях фиксированного обменного курса правительство постарается противодействовать рецессии с помощью экспансионистской монетарной политики, первоначально приводящей к снижению отечественных процентных ставок. Различие в процентных ставках с зарубежными рынками капитала

приводит к бегству капитала. Инвесторы обращают отечественную валюту в зарубежные деньги по фиксированному обменному курсу, и валютные резервы страны сокращаются, так как центральный банк вынужден производить интервенции на валютных рынках (т.е. покупать отечественную и продавать зарубежную валюту) с целью стабилизации номинального обменного курса на официально установленном уровне. Эти операции с зарубежной валютой вызывают сокращение денежной массы и компенсируют ее первоначальное расширение: отечественная денежная масса эндогенна по отношению к экономике и неподвластна монетарным властям, так что объем производства и уровень занятости в конечном счете остаются прежними.

Попытки «стерилизовать» эту монетарную компенсацию путем дополнительного увеличения отечественной денежной массы лишь ускорят сокращение резервов. Меры контроля за валютой и капиталом могут остановить или замедлить его отток, но в противном случае валютные резервы в конце концов будут исчерпаны. Прежде чем это случится, инвесторы почуют грядущий отказ от фиксированного обменного курса и предпримут «спекулятивную атаку». Фундаментальные цели оказываются несовместимы с задачей сохранения фиксированного обменного курса, и перед политиками встает «трилемма» (Obstfeld, Shambaugh, and Taylor 2005), которая при отсутствии контроля за капиталом вынуждает их либо отказаться от монетарной экспансии и сохранить фиксированный курс, либо перейти на плавающий курс в случае продолжения прежней инфляционной политики. Попытки использовать жесткую монетарную политику ради поддержания стабильных цен в международном инфляционном окружении также столкнутся с возрастанием денежной массы вследствие притока капитала и накопления валютных резервов. В обоих случаях слабая форма независимости в валютной политике может быть достигнута путем периодической корректировки (т.е. повышения или снижения) номинального обменного курса, позволяющей задействовать накопленный инфляционный дифференциал.

Эти концептуальные рамки позволяют нам понять послевоенную экономическую политику в Западной Европе. Как видно из табл. 14.1, в течение второй половины столетия европейские власти демонстрировали поразительно стабильное предпочтение к фиксированным обменным курсам при явной неприязни к плавающим курсам.

ТАБЛИЦА 14.1.
Валютный режим в 16 западноевропейских странах
в 1950–2007 гг.

Страна	Продолж-сть периода фикс. обменного курса, %	Привязка			Валют- ный союз (евро)	При- вязка к евро
		к долл. США	к ф. ст.	к нем. марке		
Австрия	96,5	1953–59		1959–98	1999–	
Бельгия	94,7	1954–55		1955–71	1999–	
Дания	100,0	1950		1951–71; 1978–98		1999–
Финляндия	71,9	1950–51; 1967–73		1973–92; 1993–98	1999–	
Франция	89,5	1956–71		1971–73; 1974–98	1999–	
Германия	47,4	1954–71; 1972			1999–	
Греция	96,5	1950–81		1984–98	1999–	
Ирландия	100,0		1946–79	1979–98	1999–	
Италия	86,0	1951–73		1983–92; 1993–98	1999–	
Нидерланды	100,0	1950–71		1971–98	1999–	
Норвегия	0,0					
Португалия	87,7	1950–73		1981–98	1999–	
Испания	100,0	1951–80		1981–98	1999–	
Швеция	71,9	1951–73		1973–92		
Швейцария	70,2	1950–73		1981–88		
Великобритания	43,9	1950–72		1991–92		

Примечания: Определения основаны на de facto классификации в работе Reinhardt and Rogoff (2004) и соответствующих источниках. Под привязкой понимаются: заранее объявленная привязка или валютное правление; заранее объявленный диапазон, не превышающий $\pm 2\%$; фактическая привязка; заранее объявленная и de facto ползущая привязка; или ползущий диапазон, не превышающий $\pm 2\%$.

Такой выбор был связан с тем вредом, который, как считалось, колебания обменного курса причинят внутриевропейской торговле и Единой сельскохозяйственной политике (Eichengreen 1996b, p. 137).

Большинство европейских правительств в 1972–1973 гг. решительно отказалось от привязки к доллару США в соответствии с Бреттон-Вудской системой, но тут же заме-

нило ее *de facto* привязкой к немецкой марке. Привязка к германской валюте играла роль внешнего ограничения по отношению к внутренней экономической политике в годы «валютной змеи» (1972–1978) и в период Европейской валютной системы (ЕВС) (1979–1993 гг.). В обоих случаях привязка первоначально оказалась устойчивой лишь в некоторых небольших экономиках Северной Европы с умеренной инфляцией. Однако в начале 1980-х гг. на этот режим успешно перешли крупные страны с высоким уровнем инфляции, используя привязку к марке как дисциплинарный механизм, позволяющий сократить инфляцию (Gros and Thygesen 1992).

Мобильность капитала и масштабы арбитража в течение данного периода тоже возросли благодаря официальной финансовой либерализации, а также изобретению способов, позволяющих обойти контроль за капиталом на национальном уровне (Marston 1995). Как показано в табл. 14.2, основанной на индексе внешнего финансового дерегулирования (Quinn 2003), европейские правительства с конца 1970-х гг. постепенно ослабляли контроль за капиталом, а в течение 1980-х гг. совершенно отказались от него, тем самым повысив значение «трилеммы».

С середины 1950-х до 1971 г. и опять с начала 1980-х гг. до перехода на единую валюту в 1998 г. режимы фиксированного курса ограничивали политическую свободу властей. Привязка курса задавала верхний предел инфляции, не сопровождающейся бегством капитала и изменением обменного курса. Тем самым она вносила вклад в сдерживание как ожидаемой, так и реальной инфляции.

В последней четверти XX в. финансовая интеграция еще сильнее связала руки национальным правительствам. Лишь в течение 15 лет между распадом Бреттон-Вудской системы и последней корректировкой в рамках ЕВС (1987) наличие плавающего либо привязанного, но часто корректируемого курса отчасти устранило это внешнее ограничение и обеспечило политикам значительную свободу действий. Как мы покажем в следующем разделе, фискальная и монетарная политика в этот период стала менее дисциплинированной, а деловые циклы в Европе — более волатильными. При этом повысились как активность правительственной политики, так и неуверенность общества в отношении будущей инфляции.

Представление об этой неуверенности дает история кривой Филипса — эмпирического взаимоотношения ме-

ТАБЛИЦА 14.2.

Индекс либерализации капитала (по Куинну) в 1950–2000 гг.

Страна	1950– 1960	1960– 1970	1970– 1980	1980– 1990	1990– 2000	Год пол- ной либе- рализа- ции	Временный контроль после либе- рализации
Австрия	12,5	62,5	62,5	75	87,5		
Бельгия	75	75	75	75	100	1990	1996–1998
Дания	37,5	75	75	75	100	1988	
Финляндия	12,5	12,5	50	50	100	1994	
Франция	62,5	75	75	75	87,5	1998	
Германия	75	100	100	100	100	1957	1973, 1978–1980
Греция	25	50	50	50	75	1997	
Ирландия	50	50	75	75	100	1992	
Италия	37,5	75	75	75	100	1988	1990–1992
Нидерланды	75	75	75	100	100	1983	
Норвегия	37,5	37,5	37,5	62,5	100	1990	
Португалия	25	25	37,5	37,5	87,5		
Испания	12,5	50	50	75	75	1999	
Швеция	12,5	62,5	62,5	75	87,5		
Швейцария	100	100	100	100	100	1950	1964–1965, 1974–1978
Великобритания	50	50	50	100	100	1979	

Примечания: Показан индекс либерализации счета движения капитала. Его значение находится в диапазоне от 0 (полностью ограничен) до 100 (полная либерализация). См. детали в: Quinn 2003. Приведенные величины являются медианными значениями за десятилетие.

жду инфляцией и безработицей. Первоначально построенная для Великобритании в 1861–1957 гг., в дальнейшем она была определена для всего периода ожидания стабильных цен. Но при попытке продолжить эту кривую для последующих лет с более высокой инфляцией вся простота обратной взаимозависимости пропала. Ее удалось восстановить, только сделав поправку на изменение ожидаемой инфляции (а также учтя показатели сдвига соответствующего равновесного уровня безработицы). Новая эпоха наряду с базовой кривой Филипса похоронила и идею о том, что политики могут выбирать между инфляцией и безработицей. Ведь если политики делали ставку на уровень безработицы, превышавший равновесный, то рост инфля-

ции быстро разрушал видимый компромисс, повышая ценовые ожидания.

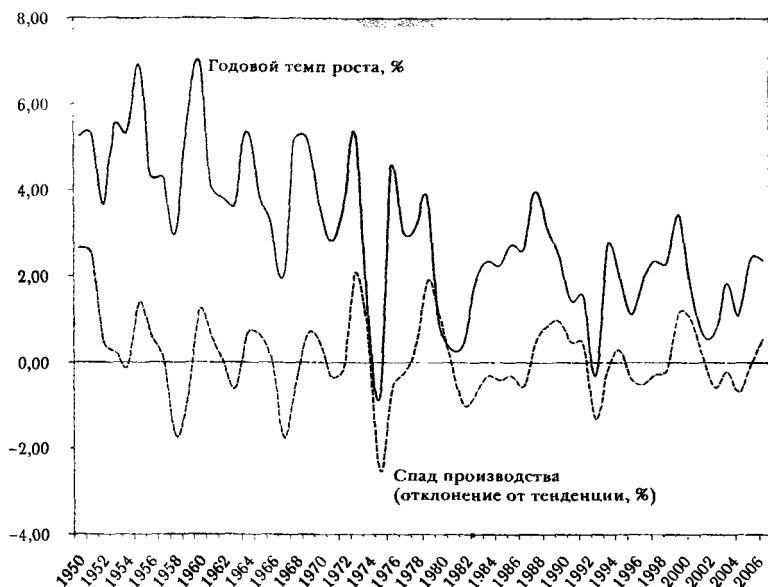
Кривая Филипса впоследствии стала интерпретироваться как кривая совокупного предложения. Видимый компромисс отражает колебания совокупного спроса вдоль краткосрочной кривой предложения. В долгосрочном плане, при соответствии ценовых ожиданий с реальной инфляцией, кривая предложения становится вертикальной при равновесном уровне безработицы, и управление спросом не может повлиять на этот уровень. Рынкам присущи рациональные ожидания, и их не обмануть правительствам и центральным банкам. Это объясняет, почему экспансионистское управление спросом в 1970-е гг. подхлестывало инфляцию, но не снижало безработицу.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ ЦИКЛЕ

Рецессии

Независимо от того, вела ли экономическая политика на практике к стабилизации или дестабилизации, европейская экономика неоднократно подвергалась потрясениям (как правило, неблагоприятным) и испытывала соответствующие колебания. Есть несколько способов выявить эти циклы. Согласно широко распространенному определению американского Национального бюро экономических исследований (NBER), рецессии характеризуются «существенным снижением активности в рамках всей экономики, которое продолжается более нескольких месяцев и сказывается на промышленном производстве, занятости, реальных доходах и торговле». Максимумы и минимумы объемов производства и занятости отмечают поворотные моменты цикла; экспансия (т. е. движение от минимума к максимуму) отражает нормальное состояние экономики, в то время как рецессии представляют собой «недолгое и относительно редкое» явление. Они действительно были таковыми в период послевоенной европейской истории.

На рис. 14.1 изображены два альтернативных показателя колебаний. Согласно современному подходу, циклы определяются как отклонения производства от скрытых вековых тенденций роста (Hodrick and Prescott 1997; Backus and

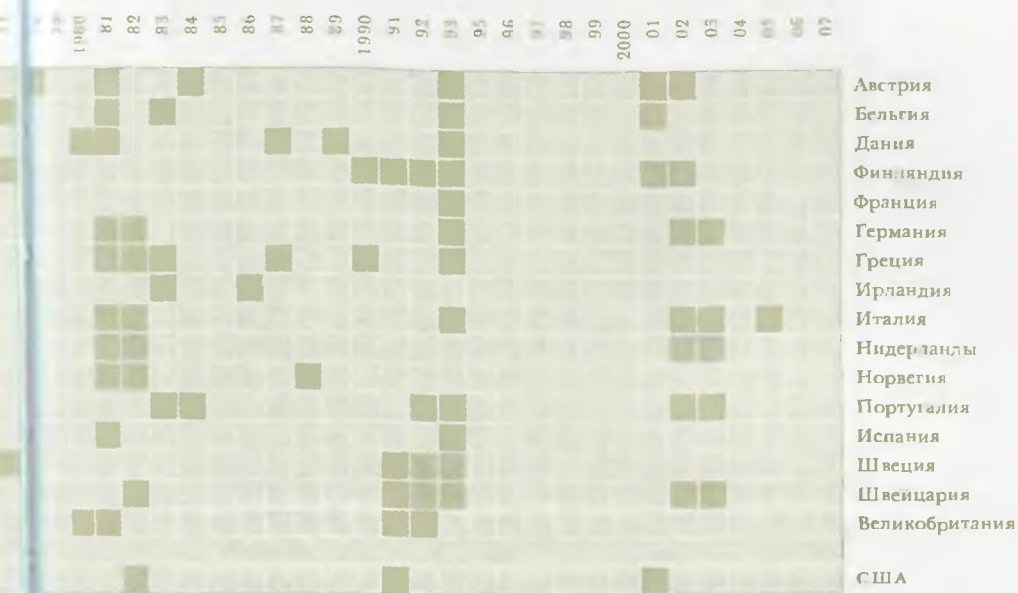
Взвешенный реальный ВВП 16 европейских стран («вес» каждой страны соответствует ее доле в общем ВВП), включая Австрию, Бельгию, Данию, Финляндию, Францию, Западную Германию (после 1990 г. — единую Германию), Грецию, Ирландию, Италию, Нидерланды, Норвегию, Португалию, Испанию, Швецию, Швейцарию, Великобританию. ВВП выражен в международных долларах 1990 г. Темп роста равен годовому изменению логарифма ВВП. Циклы (отмеченные спадами производства) представляют собой отклонение от общей тенденции, найденной с помощью фильтра Ходрика–Прескотта при параметре сглаживания, равном 6,5.

Источник: Данные из: Conference Board and Groningen Growth and Development Center, Total Economy Database.

РИС. 14.1.
Европейский экономический цикл в 1950–2007 гг.

Кеное 1992). Соответственно, для выявления циклов необходимо ввести поправки на долгосрочные тенденции в значения ВВП (выраженные в логарифмическом виде). Это можно осуществить, либо предположив наличие линейной тенденции и взяв первую производную от этих значений, тем самым получив годовые темпы роста, либо применив фильтр, отсекающий нелинейные тенденции. Под тенденцией подразумевается потенциальный объем производства, а отклонения от тенденции интерпретируются как провалы производства.

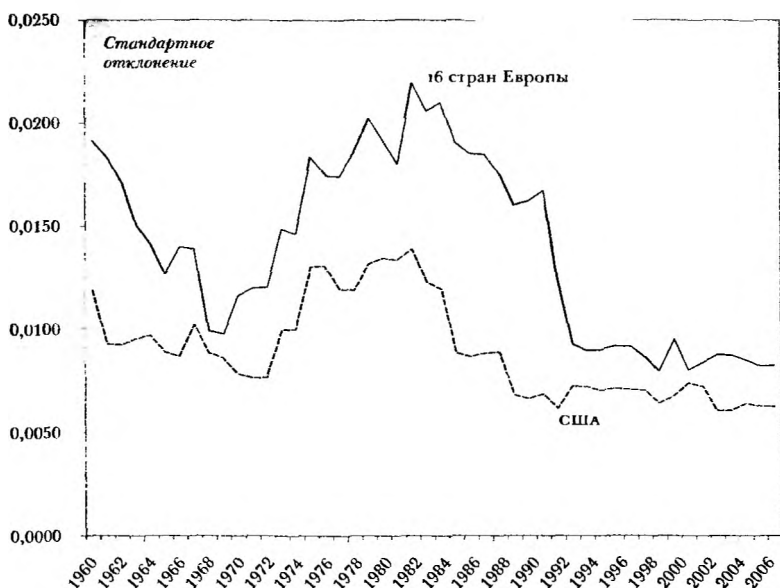
Сводка европейских рецессий в 1950–2007 гг.

Источник: Total Economy Database

Рецессии в отдельных странах были редкостью с 1958 г. по 1974–1975 гг., но они участились с конца 1970-х по начало 1990-х гг., отражая возросшую частоту специфических местных потрясений. Эти потрясения нередко были связаны с финансовой либерализацией и ограничениями, вытекающими из режима жестко фиксированных валютных курсов. В этом отношении самым ярким примером является глубокий кризис, поразивший скандинавские экономики (особенно Швецию и Финляндию) в 1990–1993 гг., став для этих стран самым тяжелым кризисом со времен Великой депрессии (Jonung, Schicknecht, and Tujula 2005).

Скандинавский кризис представлял собой особенно болезненную разновидность нового типа экономических флуктуаций, возникшего в Европе в 1980-е гг. Согласно такой интерпретации, успешная борьба с инфляцией, снижение процентных ставок и либерализация банковской и финансовой системы, традиционно отличавшихся высоким уровнем регулирования, способствуют избыточному накоплению долга, что влечет за собой длительные циклы спекулятивного роста кредитов и цен на активы (Borio

Зависимость волатильности спадов производства от времени. Значения для каждого года вычислены как средняя величина за десятилетие, завершающееся в данном году

РИС. 14.2.

«Великое спокойствие» в трансатлантических масштабах

2003). В верхней точке такого цикла нарастающее инфляционное давление становится несовместимым с фиксированным обменным курсом и вынуждает монетарные власти к интервенциям, направленным на сокращение денежной массы, в результате чего спекулятивный пузырь лопается. Jaeger and Schuknecht (2004) выделяют 16 случаев спекулятивного бума цен на активы и 13 случаев краха в Западной Европе после 1984 г.

Волатильность

По иронии судьбы деловые циклы в индустриальных экономиках были объявлены исчезнувшими в конце 1960-х гг., как раз накануне их возобновления. Потрясения 1970-х гг. вызвали скачок волатильности циклов. В настоящее время существует общий консенсус в отношении того, что за усу-

ТАБЛИЦА 14.4.
«Великое спокойствие» в Западной Европе
(волатильность спадов производства)

Страна	1950–1973	1974–1993	1994–2007
Австрия	2,8	1,09	0,73
Бельгия	1,22	1,22	0,65
Дания	1,51	1,38	0,74
Финляндия	1,82	2,37	1,01
Франция	1,16	0,99	0,64
Германия	2,5	1,21	0,74
Греция	2,11	1,62	0,35
Ирландия	1,48	1,59	1,22
Италия	1,33	1,29	0,68
Нидерланды	1,77	1,04	0,93
Норвегия	0,92	1,25	0,67
Португалия	1,65	2,2	1,15
Испания	2,39	1,11	0,65
Швеция	1,03	1,28	0,84
Швейцария	1,81	1,85	0,83
Великобритания	1,27	1,5	0,31
Среднее значение	1,67	1,44	0,76
Отклонение	0,30	0,16	0,06

гублением инфляции и дальнейшим увеличением колебаний стояли не только потрясения, связанные с предложением (цены на нефть), но и проактивная реакция властей, основанная на кейнсианском управлении спросом. В период с середины 1980-х гг. по 2007 г. большинство индустриальных стран резко перешли на низкую волатильность, вступив в эпоху «великого спокойствия», когда деловые циклы были почти неразличимы или по крайней мере сильно ослаблены (Blanchard and Simon 2001; Stock and Watson 2004). На рис. 14.2 наглядно показано параллельное развитие событий в Европе и США. К концу 1990-х гг., согласно данным из табл. 14.4, волатильность спадов производства достигла исторического минимума во всех европейских экономиках.

Четко установлено, что продолжительность циклов увеличилась, а их амплитуда (диапазон между пиками и провалами) в течение данного периода уменьшилась, хотя

Под волатильностью инфляции понимается стандартное отклонение ежегодной инфляции индекса потребительских цен в 16 западноевропейских странах в 1950–1973, 1974–1993 и 1994–2007 гг. Под волатильностью спадов производства понимается стандартное отклонение спадов производства за те же периоды.

Источники: Индексы потребительских цен IMF, International Financial Statistics. Реальный ВВП: Total Economy Database

РИС. 14.3.
Волатильность инфляции и спадов производства
в 1950–2007 гг.

сейчас всему этому настал конец (Borio 2003, pp. 6–7). Почему за двадцатилетие с середины 1980-х произошла стабилизация циклов? И что у этого периода было общего с предыдущей стабилизацией 1960-х гг.?

В 1960-е гг. отсутствие циклических колебаний, наблюдавшихся в межвоенные годы, нередко объяснялось возращением экономической роли государства, владевшего целыми отраслями промышленности, чему способствовало и наличие бюджетов исторически беспрецедентного размера. Благодаря более тяжелому налогообложению и более масштабным трансфертам, а также существованию более крупного бюрократического аппарата превратностям рынка не была подвержена более значительная доля совокупного спроса по сравнению с классическим капитализм-

мом, соблюдающим принцип *laissez-faire*. Англоцентричные интерпретаторы истории были склонны приписывать эту повышенную стабильность и высокий уровень занятости кейнсианскому управлению спросом, осуществляемому благожелательным и всеведущим правительством (Boltho 1982). Однако даже в самой кейнсианской из всех экономик — в Великобритании, где и зародилась эта теория, причиной повышенного уровня занятости в данные десятилетия были в первую очередь высокие инвестиции и только во вторую — значительный экспорт, а вовсе не дефицит в госсекторе (Matthews 1968). Британская политика не была кейнсианской в том смысле, что целью фискальной политики являлось создание рабочих мест (Tomlinson 1984). Внимательные наблюдатели отмечали, что даже если крупный госсектор действительно способствовал хорошему спросу в частном секторе путем повышения доверия, то причиной рецессий также являлось государство, осуществляющее управление спросом (Maddison 1960).

В противоположность кейнсианским интерпретациям даже самая консервативная национальная экономическая политика не менее, а может быть, и более успешно осуществляла минимизацию деловых циклов. В этом отношении можно указать на «экономическое чудо» Людвига Эрхарда в Западной Германии, основывавшееся на денежной реформе и устранении контроля за ценами, и на Португалию с ее сбалансированным бюджетом при Антонио Оливейре Салазаре. Темпы роста были высокими, а цены — стабильными и в Италии 1950-х гг., где глава Банка Италии Донато Меникелла занимался стабилизацией валютного курса и утверждал, что безработица — это структурная проблема, которую не решить, осуществляя управление спросом (Fratanni and Spinelli 1997).

Не исключено, что способность властей сохранять низкий и стабильный уровень инфляции путем снижения неопределенности в отношении будущей инфляции позволила снизить колебания производства и в период после 1980-х гг. В свою очередь, это привело к созданию более благоприятной макроэкономической среды. Кроме того, благодаря более низким инфляционным ожиданиям монетарная политика могла эффективнее реагировать на потрясения. Такую точку зрения подтверждает то, что и в США, и в Западной Европе резкое снижение волатильности циклов совпало по времени с недвусмысленным антиинфляционным поворотом монетарной полити-

ки. Как показано на рис. 14.3, в Европе наблюдается четкая положительная эмпирическая зависимость между инфляцией и колебаниями производства.

Обширный географический размах «великого спокойствия» указывает на существование общих причинных факторов: антиинфляционная политика и успешная макроэкономическая координация в рамках ЕВС совместно с усиливавшейся независимостью центральных банков способствовала низкому и стабильному уровню инфляционных ожиданий. Поразительное спокойствие британского экономического цикла начиная с 1990-х гг., сохранявшееся даже в условиях устойчивого экономического роста, может объясняться осторожной и более скоординированной монетарной и фискальной политикой (HM Treasury 2002).

С другой стороны, не исключено, что дело было просто в удаче, т. е. в существовании особенно благоприятной экономической ситуации, отличавшейся незначительными и нечастыми неблагоприятными событиями (такими, как потрясения, связанные с предложением). Например, Stock and Watson (2004) утверждают, что снижение колебаний производства в странах «Большой семерки» в 1980–1990-е гг. по сравнению с 1960–1970-ми гг. почти полностью объясняется снижением масштабов потрясений. Однако если главной причиной волатильности ВВП были скачки цен на нефть, то переход к эпохе «спокойствия» должен был произойти синхронизированно. Значительные различия между странами в смысле сроков стабилизации наводят на мысль, что уменьшение нефтяных шоков сказалось на наступлении «великого спокойствия» по меньшей мере неоднозначным образом (Summers 2005, pp. 15–20).

Связь между низкой инфляцией и низкой волатильностью на рис. 14.3 может оказаться более тонкой. Начиная с 1980-х гг. в Западной Европе заметно возросли амплитуда и повторяемость циклов цен на активы. Вышеупомянутые флуктуации спекулятивных пузырей также были связаны с крупными и хроническими отклонениями темпов роста от тенденции. Такая регулярность согласуется со сближением финансовой системы и реальной экономики, двигателем которого выступают долги домохозяйств и корпораций, валовые фиксированные инвестиции и цены на активы. Высказывается мнение, что экономика возвращается в условия, существовавшие во времена золотого стандарта (Goodhart 2003).

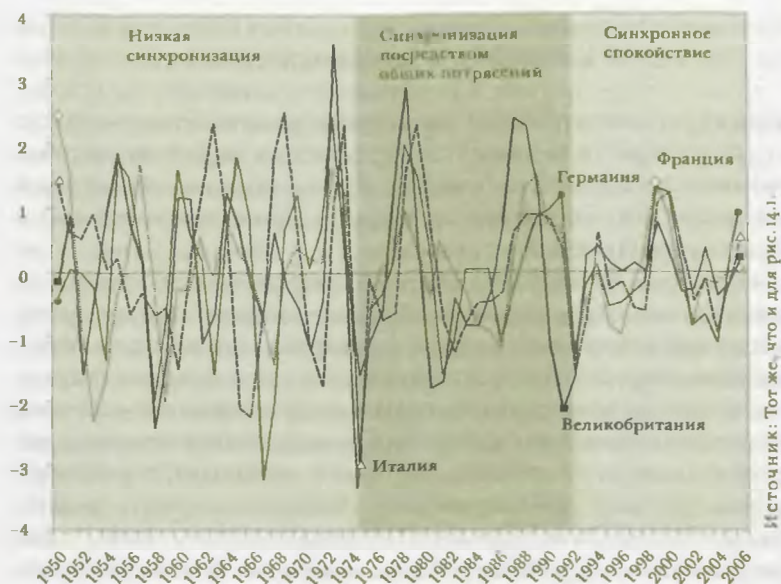
Синхронизация циклов

Наряду с долгосрочным снижением волатильности, после 1950 г. возростала также синхронность европейских экономических циклов. К концу XX в., похоже, обозначился подлинно «общеевропейский» экономический цикл (рис. 14.4). Почему?

Причиной возрастающей синхронизации циклов в различных странах могут служить как общие потрясения (например, скачки цен на нефть), так и укрепление механизмов, способствующих передаче непредвиденных событий. Одним из таких возможных механизмов является международная интеграция и взаимозависимость, порождаемая расширением торговли товарами и финансовыми активами (Bayoumi and Eichengreen 1993). Однако не исключено, что торговля повышала вероятность асимметричных потрясений, специфичных для отдельных секторов, и это уменьшало корреляцию между циклами (Krugman 1993).

Впрочем, для объяснения более тесной корреляции между циклами не обязательно ссылаться на углубление интеграции. При любом уровне интеграции циклы могут становиться более синхронными, если возрастает величина или частота общих потрясений: так, два нефтяных шока привели к синхронизации рецессий 1974–1975 и 1981–1982 гг., объясняя повышенную корреляцию в 1970–1980-е гг. Однако отсутствие после начала 1990-х гг. серьезных общих потрясений говорит о том, что причины последующей синхронизации должны были заключаться в чем-то ином.

Привязка обменных курсов к немецкой марке в рамках ЕВС могла усилить корреляцию между циклами благодаря возросшей координации макроэкономической политики (Artis and Zhang 1997; Inklaar and de Haan 2001). В дальнейшем Европейский валютный союз и Пакт стабильности и роста с их требованиями о том, чтобы страны-участницы соблюдали фискальные правила и подчинялись финансовой дисциплине, могли способствовать созданию оптимальной валютной зоны, как указывают Darvasz, Rose, and Szapary (2005). Или же одно только принятие подобных правил могло породить общие потрясения, а соответственно, и корреляцию циклов, имеющую политическую основу.

Источник: Тот же, что и для рис. 14.1.

РИС. 14.4.

Возрастание синхронизации между основными европейскими циклами. Величина спадов производства, вычисленных исходя из логарифма реального ВВП

В любом случае бесспорно возрастание синхронизации национальных колебаний с немецким циклом. Из табл. 14.5 видно, что до 1973 г. совместные колебания с германской экономикой наблюдались лишь в ограниченном числе европейских экономик. Но уже к концу столетия связь с германскими циклами стала характерной чертой большинства европейских циклов, за важным исключением британских циклов, слабо связанных с материковыми циклами и в большей степени синхронизированных с североамериканскими (Artis, Marcellino, and Proietti 2004; Duecker and Wesche 2004).

АНАЛИТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Провалы координации

При Бреттон-Вудской системе целью как властей, так и центральных банков было сохранение значения фикси-

рованных обменных курсов, но не всегда было вполне понятно, как этого добиться. Задача дополнительно осложнялась неуверенностью в отношении того, как скоро экономика прореагирует на принятые политические меры.

Как отмечалось выше, в условиях фиксированных обменных курсов государственная политика ограничивалась существованием внешнего платежного баланса. Соответственно, экономическая политика должна была реагировать на колебания обменного курса, международных валютных резервов и счета текущих платежей. Однако, судя по статистическим данным, управление спросом в подавляющем большинстве европейских экономик не отличалось отзывчивостью к возникновению внешнего дисбаланса. Согласно наиболее подробному из исследований для 9 западных экономик в 1950–1966 гг. (Michaely 1971), в этот период не просматривалось никакой типовой реакции со стороны бюджетной политики, как инструмента политики совокупного спроса, на состояние платежного баланса.

Еще более поразительно то, что подобную неотзывчивость явно нельзя объяснить использованием бюджета для достижения конкурирующих политических целей. Напротив, представляется, что фискальная политика не подходила в качестве инструмента для коррекции внутренних дисбалансов, а также платежного баланса. Власти явно не пытались сочетать фискальную и монетарную политику таким образом, который бы соответствовал правилу «политического микса» (policy mix). Для корректировки дефицита платежного баланса подходила более жесткая монетарная политика, так как более высокие процентные ставки могли привлечь мобильный капитал. Экспансионистская фискальная политика, согласно кейнсианской экономической доктрине, популярной в то время в Великобритании и США, давала ответ на рост безработицы. Задним числом представляется правдоподобным, что власти не соблюдали правило «политического микса» просто потому, что оно бы в большинстве обстоятельств не работало. Скорее всего, в долгосрочном плане уровень безработицы определялся структурой рынка труда и степенью конкуренции между фирмами. Попытки сократить безработицу до более низкого уровня при помощи политики спроса привели бы к росту инфляции. После этого политика переключилась бы на обуздание инфляции и начала бы расти безработица.

ТАБЛИЦА 14.5.
Возрастание германского доминирования?
(Синхронизация циклов с Германией)

Страна	1950–1973	1974–1993	1994–2007
Швейцария	0,06	0,56	0,90
Италия	0,16	0,81	0,87
Нидерланды	0,13	0,87	0,87
Австрия	0,79	0,66	0,82
Франция	0,57	0,67	0,79
Бельгия	0,49	0,63	0,78
Испания	–0,20	0,32	0,75
Дания	0,44	0,58	0,70
Швеция	0,36	0,28	0,69
Финляндия	0,39	0,13	0,65
Португалия	0,00	0,55	0,62
Великобритания	0,21	0,35	0,60
Ирландия	0,15	0,37	0,55
Норвегия	–0,04	0,35	0,17
Греция	–0,16	0,64	0,06
Среднее значение	0,22	0,52	0,65
Отклонение	0,08	0,04	0,06

Примечание: На основе корреляции (по Пирсону) между спадами производства.

Координация отечественной монетарной и фискальной политики могла быть непростой задачей, особенно при наличии формально независимого центрального банка, так как тот мог возражать против финансирования дефицита государственного бюджета путем увеличения денежной массы, предпочитая вместо этого обуздать спрос с целью остановить рост цен в тех случаях, когда государственный бюджет был чрезмерно инфляционным. Германский Бундесбанк (до 1957 г. — банк *Deutscher Länder*) нередко выступал против экспансионистской фискальной политики западногерманского федерального правительства. По закону 1948 г. важнейшая задача германского центрального банка заключалась в «защите отечественной валюты». С 1951 г. от банка также требовалось поддерживать экономическую политику правительства, если та не вступала в конфликт с первой задачей. Экономические успехи

страны едва ли были последствием одной только независимости центрального банка; среди прочих влияний свою роль также должен был сыграть интеллектуальный климат, созданный Фрайбургской школой под руководством Вальтера Ойкена и требовавший проведения проактивной политики с целью поддержки и усиления конкуренции, — неолиберализм, ориентированный на предложение (Denton, Forsyth, and MacLennan 1968).

Но, возможно, еще большее значение имела история, как демонстрирует следующий эпизод. В середине 1955 г. западногерманский центральный банк после продолжительного периода облегченного монетарного режима (*monetary ease*) поднял процентные ставки и выступил с публичной критикой экспансионистской направленности федеральной фискальной политики (Berger and de Naap 1999). Правительство планировало увеличить расходы с целью упрочить свою позицию на выборах 1957 г., и потому при следующем повышении процентных ставок в марте 1956 г. оно воспользовалось своим правом временного вето. Однако влиятельные члены кабинета — министр экономики Эрхард и министр финансов Шаффер — поддерживали банк в его противостоянии с канцлером Аденауэром с целью сохранить стабильность цен. Кроме того, эти министры вошли в совет центрального банка и проголосовали за следующее повышение процентных ставок в мае 1956 г. Канцлер публично осудил их поступок и позицию банка, однако общественное мнение было не на его стороне, и он был вынужден отступить. Дальнейшая экспансионарная фискальная политика была бы не согласована с монетарной политикой, и поэтому она едва ли сократила бы безработицу в достаточной мере для того, чтобы повысить шансы правительства на переизбрание.

Аналогичный конфликт возник десять лет спустя. Начиная с 1964 г. крупномасштабная монетарная экспансия, подхлестываемая внутренним спросом, усугублялась устойчивым ростом заработной платы, обгонявшим рост производительности. Инфляционное давление было сильнее, чем в какой-либо другой момент после бума, вызванного Корейской войной. Дефицит бюджета федерального правительства возрос, а состояние текущего счета ухудшилось. Бундесбанк снова произвел решительную коррекцию, резко поднимая в 1965–1966 гг. учетную ставку, несмотря на протесты членов кабинета. Результатом стала «мини-рецессия» 1967 г. — первый случай отрицательного

роста в Западной Германии после 1945 г. (Holtfrerich 1999, pp. 378–380).

Согласно новейшим интерпретациям, отказ Бундесбанка от терпимой позиции по отношению к инфляции, которую он занимал в 1961–1964 гг., в пользу ограничительного подхода в 1965–1966 гг. и соответствующий конфликт с федеральным правительством представляли собой очередной эпизод институционального соперничества. Marsh (1992, pp. 186–188) и Leaman (2001, pp. 138–142) подчеркивают оппортунистическое поведение германского центрального банка. Согласно их точке зрения, преимущественное внимание, уделявшееся центральным банком борьбе с инфляцией, должно оцениваться в рамках широкого политического контекста и может быть интерпретировано как попытка переложить всю ответственность за рост инфляции на правительство, а также как решающий шаг при достижении Бундесбанком политического и экономического доминирования.

Формальная или юридическая независимость центрального банка могла в политическом плане иметь меньшее значение, чем инструкции и задачи, полученные этим учреждением, или игнорирование ими политических последствий. На такую мысль наводит конфликт между руководителем Банка Англии и британским канцлером казначейства (министром финансов) Питером Торникрофтом в 1957 г. В сентябре банковская ставка была поднята до 7%, поскольку инфляция повлекла за собой краткосрочные перемещения капитала, угрожавшие стабильности обменного курса (Caipngcross 1996). Торникрофт хотел расширить диапазон имевшихся у него монетарных инструментов с тем, чтобы можно было обойтись без такого резкого повышения процентных ставок, отрицательно влияющего на промышленность и занятость. Он пытался убедить коммерческие банки сократить займы на 5%, но они отказались, а руководитель Банка Англии не желал издавать соответствующую директиву.

Несмотря на национализацию Банка Англии в 1946 г., Торникрофт не обладал полномочиями для того, чтобы отдавать приказы банкам или увольнять руководителей Банка Англии, к чему он стремился. Безработица, как и следовало ожидать, с осени 1957 г. начала возрастать, достигнув пика к ноябрю 1958 г. Рефляционные меры, принимавшиеся с мая 1958 г., действовали медленно, однако ко второй половине 1959 г. они привели к избыточному

возрастанию денежной массы. Несомненно, это способствовало переизбранию правительства Макмиллана в октябре 1959 г. Отмена банковских ограничений в середине 1958 г. привела за следующие три года к почти двукратному возрастанию займов. Помимо этого, правительство пошло на дополнительные налоговые послабления и заложило в бюджет 1959 г. более обширные расходы в государственном секторе. Банковская ставка была снижена с 6% в марте 1959 г. до 4% в ноябре. Эти меры, взаимодействуя друг с другом, привели к неожиданно крупному возрастанию расходов. Резкий рост импорта вызвал опасения в отношении платежного баланса, и на обсуждение были вынесены первые попытки экспериментировать с политикой доходов, сводившиеся к ограничению роста заработной платы. В противоположность германским событиям в данном случае мы видим скорее отсутствие координации между дерегулированием банков и прочими сферами политики, нежели недостаточную независимость центрального банка.

Монетарные препятствия и внешние ограничения

На протяжении 1960-х гг. в значительном числе европейских стран инструменты монетарной политики — в первую очередь учетная ставка и темп возрастания денежной массы — двигались (хотя и не обязательно сколько-нибудь масштабным образом) в сторону соответствия с внешним балансом. Иными словами, в периоды дефицита платежного баланса процентные ставки возрастали, а рост денежной массы замедлялся. В целом факты подтверждают, что монетарная политика была гибкой и эффективной, в то время как фискальная политика — негибкой и неподходящей.

Точка зрения МВФ сводилась к тому, что страны, столкнувшиеся с «временным и обратимым нарушением равновесия платежного баланса... не обязательно подвергнутся колебаниям внутреннего спроса и экономической активности». Скорее, они должны проводить «политику, нацеленную на достижение равновесия путем привлечения соответствующих объемов частного капитала посредством международной координации процентных ставок». Однако координация подобной политики между суверенны-

ми правительствами представляет собой сложную задачу (Chalmers 1972). Более верной была бы ставка на такую внутреннюю политику, которая позволила бы сохранить доверие международного мобильного капитала.

Внутренняя монетарная политика была способна компенсировать сокращение денежной массы, причиной которого являлся платежный баланс. Когда валютные резервы — активы центрального банка, частично обеспечивающие платежеспособность отечественных денег, — сокращались при отсутствии изменений в политике, отечественная денежная масса, как правило, тоже уменьшалась. Однако политические меры могли противодействовать этому явлению — что и было подтверждено на практике в 1960-е гг. — путем увеличения внутренних активов, находящихся во владении у центрального банка (в частности, государственных векселей и облигаций), за счет обширных государственных займов. Но обменный курс, как и валютные резервы, на которых он держится, не были защищены такой операцией «стерилизации». И поэтому стерилизация приводила к дополнительным кризисам платежного баланса, которые могли вызвать корректировку обменного курса.

Подчиняться внешним ограничениям было вынуждено любое правительство независимо от его идеологии. Во франкистской Испании, в конце 1950-х гг. по-прежнему пребывавшей в полуавтаркическом состоянии, источниками инфляции являлись популистское увеличение заработной платы, призванное пригасить политические волнения, и неконтролируемое увеличение ликвидности банком Испании. Это привело в 1959 г. к накоплению дефицита платежного баланса и к фактическому исчерпанию валютных резервов. При содействии МВФ и ОЭСР испанский режим согласился девальвировать песету и осуществить ортодоксальный пакет фискальных мер и монетарных ограничений (Carreras and Tafunell 2004b, pp. 325–335). Тремя годами позже в Италии инфляционное давление на пике повышательной волны цикла, дефицит платежного баланса, приближающийся к 4% ВВП, и крупномасштабное бегство капитала (вызванное в том числе и несвоевременной национализацией энергетического сектора) вынудили Банк Италии прибегнуть к кредитному сжатию. Девальвации лиры удалось избежать ценой внезапного снижения экономической активности (De Cecco 1969; Fratianni and Spinelli 1997, pp. 509–516). Для тех правительств, которые

слишком нерешительно жали на тормоз при усилении инфляционного давления, единственной альтернативной в конечном счете оставалось вынужденное изменение обменного курса, что и наблюдалось в случаях девальвации британского фунта и французского франка в 1967–1969 гг. (Eichengreen 1996b, pp. 125–128, 2007, pp. 233–241; Patat and Lutfalla 1990, pp. 207–210).

Однако «стоп-политика» тоже могла потерпеть фиаско. Предпринятая в 1970–1971 гг. попытка западногерманского Бундесбанка ограничить рост отечественной ликвидности и обуздать инфляцию посредством ограничительной монетарной и кредитной политики была задушена массовым притоком зарубежного капитала, привлеченного высокими процентными ставками. Более простым решением, позволяющим Бундесбанку восстановить контроль над денежной массой, был сочтен плавающий курс, нежели эскалация административных мер контроля за капиталом (Emminger 1977, p. 28; von Hagen 1999, pp. 404–419).

«Стой-иди»: ответ на безработицу

Рецессия середины 1970-х гг. положила конец послевоенной эпохе стабильности: следующие десять с лишним лет прошли под знаком стагфляции — роста безработицы и инфляции. По сути, инфляционное давление, подпитывавшееся требованиями высокой зарплаты со стороны профсоюзов и устойчивым возрастанием государственных расходов, стало очевидным в большинстве европейских экономик еще с 1970 г. Однако политика больше не сдерживалась фиксированными обменными курсами в рамках Бреттон-Вудской системы, и попытки контролировать инфляцию путем жесткой монетарной политики, предпринимавшиеся в 1972–1973 гг., были вскоре оставлены. В краткосрочном плане фискальная и монетарная политика и в США, и в Западной Европе отреагировала на нефтяной шок, интерпретировавшийся как временный спад совокупного предложения. Период до начала 1980-х гг. был отмечен возрастанием бюджетного дефицита и государственного долга, быстрым ростом денежной массы, а также низкими или даже отрицательными реальными процентными ставками.

Проактивная реакция на неблагоприятные потрясения способствовала возникновению необычайно больших раз-

личий в уровне инфляции между европейскими странами. Одна группа стран, привязавших свои валюты к Западной Германии, быстрее перешла к стабильным ценам и продуманной координации фискальной и монетарной политики — не без конфликтов между двумя ветвями власти. Другие страны, включая Великобританию, Францию и Италию, не спешили отказываться от полной занятости как от важнейшей политической цели и предпочитали проводить политику типа «стой-иди», заключающуюся в попеременном увеличении и сокращении денежной массы, вместо того чтобы признавать, что существующие альтернативы ограничиваются мобильностью международного капитала и уровнем доверия.

Политическая инновация, призванная сдерживать рост заработной платы и цен, заключалась в попытках убедить профсоюзы и фирмы ограничить это возрастание величиной, не превышающей установленного годового значения. Применение таких «корпоративистских» принципов в экономической политике, основанное на «скоординированном, совместном и систематическом управлении национальной экономикой, осуществляемом государством, централизованными профсоюзами и нанимателями» (Siaroff 1999), позволяло сдерживать инфляцию там, где она превратилась в принципиальную черту «послевоенных договоренностей» — в частности, в Австрии, Германии и Скандинавии. В этих странах приверженность властей к повышению уровня жизни посредством политики экономического роста и экономического планирования сопровождалась сдержанностью требований в отношении заработной платы, проистекавшей из понимания того, что подобная сдержанность способствует более высоким инвестициям и, следовательно, обеспечит более высокий уровень жизни в будущем (Eichengreen 1996a). Однако в странах с иными политическими традициями и институциональной структурой «послевоенные договоренности» провалились перед лицом нарастающих инфляционных ожиданий. Контроль над инфляцией посредством политики цен и дохода в Великобритании, Франции и Италии (в двух последних в рамках индикативного планирования) был возможен не более чем на протяжении очень коротких периодов времени в тех случаях, когда ее удавалось согласовать (Ulman and Flanagan 1971).

Классический пример кейнсианской политической реакции представляла собой британская фискальная экс-

пансия 1972–1973 гг. После четырех лет разочаровывающе низких темпов экономического роста, возрастания безработицы и нарастающей инфляции издержек британское правительство на минимуме цикла существенно увеличило расходы и сократило налоги. Отказ от такой политической цели, как внешнее равновесие, провозгласил канцлер казначейства, объявивший, что «неприемлемо сильное искажение отечественной экономики с целью сохранения нереалистичного обменного курса не является ни необходимым, ни желательным» (James 1996, p. 239). Соответственно, возобновление экономического роста и сокращение безработицы в 1972–1973 гг. сопровождалось очередным нарастанием инфляционного давления, наибольшим дефицитом платежного баланса за весь послевоенный период и новым внешним кризисом, вызвавшим выход фунта стерлингов из «валютной змеи».

Несмотря на введение плавающего обменного курса, позволившего устранить ограничение, накладываемое на платежный баланс, темпы роста оставались низкими, а безработица и инфляция продолжали возрастать. Конец политике экономического роста, обеспечиваемого спросом, настал с кризисом МВФ 1976 г., когда для получения займа с целью поддержания платежного баланса канцлер казначейства был вынужден написать письмо о намерениях, в котором обязывался проводить более «здравую» экономическую политику. К тому моменту премьер-министр от партии лейбористов Каллаган признал, что рост расходов как метод выхода из рецессии перестал работать (Budd 1998, pp. 275–276).

Однако на материке эта идея к тому времени еще не получила распространения. Наиболее упорно за политику расширения спроса цеплялись французские политики. Антиинфляционный «план Фуркада» 1974–1975 гг., принятый после первого выхода Франции из «валютной змеи», вскоре уступил место экспансионистской политике Ширака по «оживлению» экономики, которая привела к нарастанию дефицита бюджета и платежного баланса, новому выходу из «валютной змеи» и отставке ее автора. Новому премьер-министру Раймону Барру с его «планом экономии» временно удалось восстановить внешний баланс и взять под контроль бюджет и инфляцию. Тем не менее безработица росла, и даже те достижения, которые удалось осуществить, были сметены вторым нефтяным шоком и победой социалистов на президентских выборах 1980 г.

Новое правительство перед лицом глобального спада приняло программу национализации, направленную на стимулирование инвестиций и резкое возрастание государственных расходов. Выполнение «плана Моро» вызвало рост бюджетного дефицита до 3% ВВП, в то время как продолжавшееся снижение обменного курса не привело к сокращению нарастающего дефицита платежного баланса, а инфляция оставалась на уровне 10%. Через 18 месяцев бегство капитала вынудило пересмотреть эту политику. При подобной фискальной экспансии невозможно было сохранять стабильный обменный курс. Новый «план экономики», осуществлявшийся в 1983–1986 гг. под руководством Жака Делора, в конце концов позволил затормозить инфляцию, хотя число безработных к концу 1984 г. достигло 2,4 млн человек — величины, в 4 раза большей, чем десятью годами ранее (Estrin and Holmes 1983; Patat and Lutfalla 1990, p. 232).

За этой сверхамбициозной политикой совокупного спроса стояли не только ошибочные экономические теории, но и борьба политических партий за голоса избирателей. И поэтому имеет смысл задуматься над тем, в какой степени на экономическую политику западноевропейских властей влияла их политическая ориентация.

Партии хотят, чтобы их переизбирали, однако они также могут иметь идеологические обязательства, привлекающие лишь для части электората. Должники бывают склонны голосовать за левые партии, а кредиторы — за представителей правого крыла, поскольку левые партии зачастую проводят экспансионистскую и инфляционную политику, в то время как правые партии ради поддержания ценовой стабильности делают выбор в пользу контракционной политики. В силу этого соображения, а также частой непредсказуемости итога выборов левое правительство может выиграть выборы при наличии более низких средних инфляционных ожиданий на следующие один-два года, чем оно сочтет желательным в смысле того, что имелаась вероятность избрания правого правительства, ориентирующегося на низкую инфляцию. Инфляционные ожидания, существующие до выборов, основываются на усреднении политики потенциальных правительств и оценке их шансов на избрание. До тех пор пока инфляционные ожидания не превышают реальную инфляцию, реальная заработная плата будет снижаться, а спрос на рабочую силу — возрастать. В конце концов

ожидания придут в соответствие с реальностью и фаза подъема завершится. Согласно такому объяснению деловых циклов с точки зрения «теории рациональных партий», в случае избрания правого правительства будет наблюдаться противоположная ситуация.

История французского социалистического правительства не противоречит этой теории. В период всемирной рецессии (1981–1983 гг.) правительство Миттерана сначала проводило экспансионистскую политику, что позволило сохранить во Франции положительные темпы экономического роста, в то время как многие другие крупные индустриальные экономики пребывали в рецессии (Alesina 1989). Также очень хорошо укладываются в эту теорию действия шведских консерваторов, пришедших к власти в 1976 г. Темпы роста производства в Швеции резко снизились с 1975–1976 гг. по 1978 г., как и должно было быть при инфляционных ожиданиях, превышавших цель, намеченную правительством.

Обуздание инфляции

Для 1980-х гг. было характерно возрастание приемлемости консервативного подхода к макроэкономике для политиков в США и Великобритании, причем в первую очередь это относится к представлению об отсутствии компромисса между инфляцией и безработицей. Рецессия 1980–1982 гг. затронула большинство стран Западной Европы, однако неотложная задача искоренения инфляции почти не оставила властям контрциклических рычагов. Все более независимые центральные банки, особенно в наиболее инфляционных странах, выполняли порученное им дело «обуздания инфляции» в условиях беспрецедентно дорогих денег. Монетарные власти вплоть до 1983 г. поднимали номинальные и реальные процентные ставки до рекордных высот, нередко при компенсирующем воздействии фискальной политики (Ciocca and Nardozzi 1996).

Привязка слабых европейских валют к немецкой марке в рамках ЕВС оказалась удачным механизмом борьбы с инфляцией. К 1985 г. темпы инфляции в странах, прежде отличавшихся дешевыми деньгами и безответственными бюджетами, существенно приблизились к германским. Держа равнение на Бундесбанк, европейские монетарные

власти имели возможность «купить» часть германской антиинфляционной репутации (Giavazzi and Pagano 1988). Видимо, отчасти также благодаря начавшемуся в 1986 г. снижению нефтяных цен, инфляцию в течение 1980-х гг. постепенно удалось вытеснить из экономического цикла. Благоприятным потрясением со стороны предложения, вероятно, также послужила инициатива по созданию единого рынка.

В итоге сложилось новое внутреннее равновесие, основывающееся на постепенном переходе к менее жесткой индексации заработной платы и пенсий и на новых отношениях с профсоюзами, позволявших контролировать динамику заработной платы. В тех случаях, когда профсоюзы принуждались новым законодательством к сотрудничеству — что произошло, например, в Великобритании, — либо выбирали добровольное сотрудничество, примером которого служат голландские Вассенаарские соглашения 1982 г., безработица снижалась. Согласно Вассенаарским соглашениям, профсоюзы умеряли свои требования в отношении заработной платы, а руководство предприятий в ответ на это обязывалось увеличить частичную занятость (Nickell and van Ours 2000). Правительство вводило налоговые послабления для частичной занятости и занятости в госсекторе, а заработки сокращались. Ставки налога на заработную плату снижались таким образом, что для сохранения доходов домохозяйств требовалось менее значительное повышение номинальной заработной платы. В результате безработица сокращалась, а реальная заработная плата росла в Нидерландах теми же темпами, что и в США.

Менее успешной была западногерманская правительственная политика в конце десятилетия, в результате которой потенциальный положительный общеевропейский стимул со стороны предложения обернулся крупномасштабным и длительным негативным шоком. С падением Берлинской стены в 1989 г. завершилась холодная война. Восточноевропейские государства, являвшиеся советскими сателлитами, получили возможность прекратить эксперимент с централизованным планированием и перейти к рыночной экономике. Если бы канцлер Коль отнесся к экономическому аспекту воссоединения Германии с той же проницательностью, которую полувеком ранее проявил Людвиг Эрхард, экономическая история Европы могла бы пойти совсем по иному пути.

В июле 1990 г. было произведено валютное объединение обеих Германий, причем суммы в объеме двух месячных зарплат менялись из расчета одна восточная марка за одну дойчмарку, а все, что превышало этот предел, — из расчета две восточные марки за одну дойчмарку. К несчастью, из-за низкой производительности восточногерманской экономики такой обменный курс означал неоправданно высокую оценку восточногерманской рабочей силы и активов. В бывшей Восточной Германии был введен контроль за ценами, в результате чего возник новый крупный рынок с невозможно низкой производительностью. Курс обмена денег привел к банкротству восточных финансовых институтов. Бремя содержания большого населения, оказавшегося непроизводительным с точки зрения валютного союза, вызвало рост безработицы.

Этот негативный шок наложился на успешную, с первого взгляда, систему фиксированных европейских обменных курсов — ЕВС. Затем кризис 1992 г. вынудил Великобританию и Италию отказаться от фактической привязки своих валют к немецкой марке, однако другие экономики сумели остаться в этой системе. Британский экспорт и экономическая активность в целом начали возрастать, в то время как во Франции они пребывали в стагнации. Тем не менее импульс движения к единой валюте сохранился, и 1 января 1999 г. в 11 странах Европы было введено евро.

ДЕЛОВЫЕ ЦИКЛЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И РОССИИ В 1945–2006 ГГ.

Экономические циклы при централизованном планировании

Руководители СССР и командно-административных экономик Восточной Европы утверждали, что их экономическая система не подвержена периодическим всплескам безработицы, колебаниям производства и нестабильности цен, характерным для традиционного западного цикла. Согласно Э. Локшину (1964), центральное планирование производства и распределения совместно с государственной собственностью на все производственные ресурсы позволило заменить «циклический характер развития, органически присущий капитализму» «непрерывным развитием, свободным от колебаний»¹.

1. В обратном переводе с английского. — Прим. пер.

Советская статистическая система и государственный контроль за информацией затрудняют проверку этого утверждения. Измерить уровень экономической активности в советской системе было сложнее, чем темпы экономического роста, а официальные данные подвергались цензуре. Тем не менее представляется, что значительные колебания темпов роста производства (но не занятости) были характерны и для плановой экономики, о чем свидетельствует рис. 14.5.

Существование подобных производственных циклов почти наверняка являлось следствием потрясений (таких, как неурожаи), а также проблем связи и координации, неизбежно возникающих при распределении ресурсов в любой крупной и сложной системе. Отсутствие роста цен в периоды дефицита сводило к минимуму роль монетарной и фискальной политики. Подобную политику заменяли меры прямого управления и контроля. Серьезным источником колебаний являлась неравномерность усилий по выполнению экономических планов. С приближением контрольных сроков стремление добиться намеченных показателей могло привести к ускорению роста производства и к снижению качества; с другой стороны, наличие узких мест в системе могло вынудить планирующие органы к снижению темпов (Kognai 1992, pp. 186–193).

Помимо фактора времени, свою роль играли также беспроцентная выдача государственных финансовых ресурсов на развитие производства и юридические рамки (не предусматривавшие банкротств), благоприятствовавшие постоянному расширению экономики. Механизм распределения ресурсов имел перекос в сторону выдачи мелких субсидий на многочисленные проекты, поскольку централизованному планированию была присуща склонность к финансированию всех проектов в равных объемах, без учета того, насколько перспективен или безнадежен данный проект.

Потребительские и инвестиционные цели анонсировались задолго до их достижения, что, возможно, повышало скорость корректировки и наряду с пятилетним горизонтом планирования приводило к сокращению циклов по сравнению с рыночными экономиками (Hutchings 1969). Kontorovich (1990) в качестве фактора, обеспечивавшего цикличность темпов роста, называет ошибки при распределении инвестиций. Они порождали дисбаланс и влекли за собой снижение темпов освоения капи-

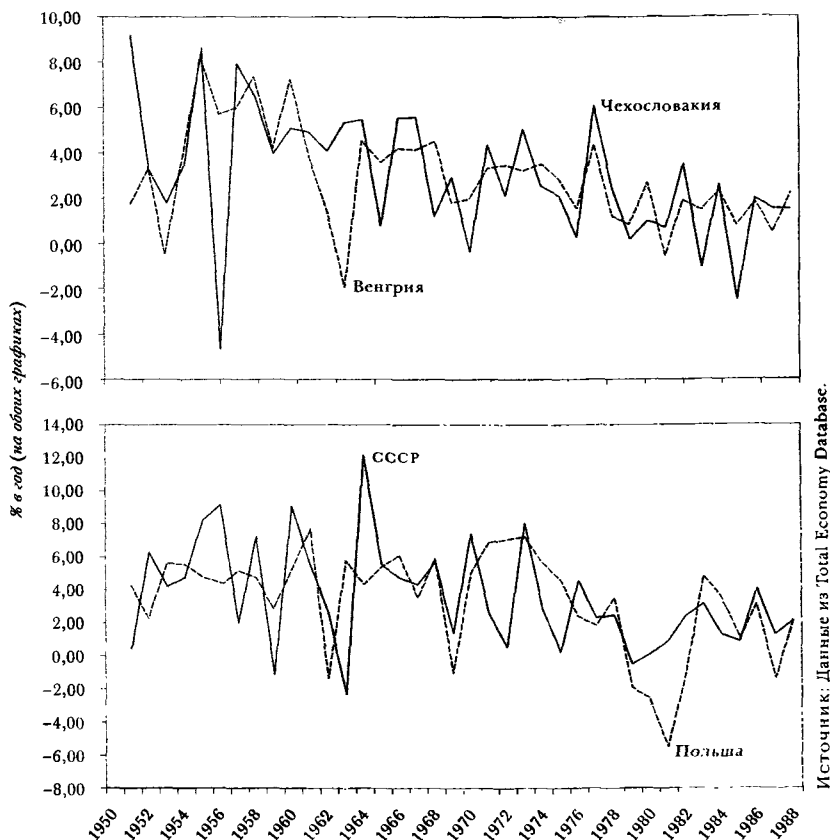

РИС. 14.5.
Циклы в экономике советского типа в 1950–1988 гг.
Годовые темпы роста реального ВВП
(в логарифмическом выражении)

тавовложений, что, в свою очередь, вызывало колебания. Примерами таких ошибок служит перевыполнение планов для тяжелой промышленности в эпоху Хрущева (1957–1964 гг.) и хроническое невыполнение в секторах производства потребительских товаров. В последующий период до 1985 г., при Брежнев и его преемниках, планы развития промышленности в целом были менее амбициозными и более обоснованными с научной точки зрения. Однако отсутствие адекватной информации вело к тому, что планы по-прежнему отличались несогласованностью и потому в ходе их выполнения постоянно подвергались пере-

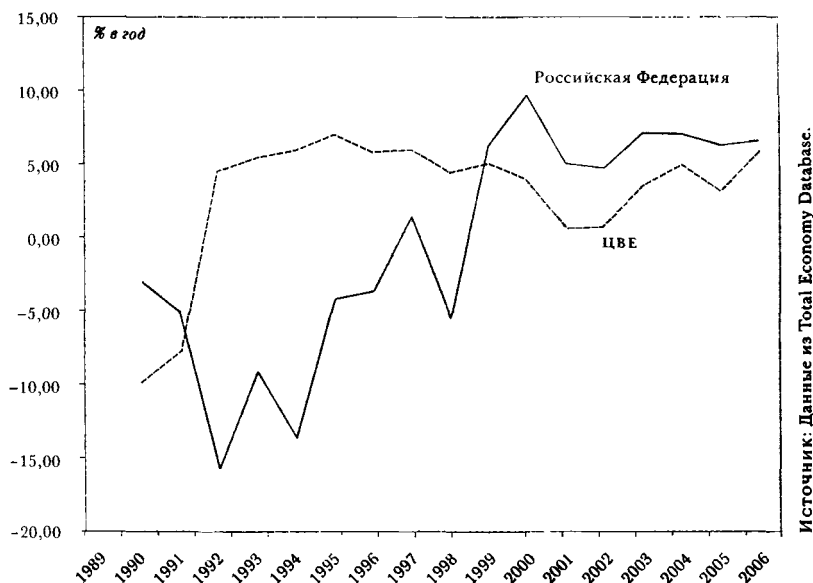
смотру. Это служило потенциальной причиной колебаний производства, но в первую очередь — замедленного роста производительности, приводившего ко все большему отставанию от западных экономик (Davis 1999).

Циклы в переходный период после 1989 г.

В марте 1985 г. элита Коммунистической партии выбрала своим генеральным секретарем Михаила Горбачева, доверив ему осуществление реформ, которые были призваны решить многие проблемы предыдущей «эпохи застоя» без разрушения коммунистической системы. Экономические реформы Горбачева оказались неудачными, вследствие чего экономические показатели и уровень жизни ухудшились. Экономический коллапс подогрел скрытые этнические и региональные конфликты. Соответствующая политическая реакция привела к попытке переворота в августе 1991 г. и последующему распаду СССР наряду с мировой социалистической системой. Переход России и стран Восточной Европы к рыночной экономике сопровождался характерными потрясениями, снова подтвердившими отличие экономического опыта этих стран от опыта Западной Европы.

Как показано на рис. 14.6, после периода катастрофического падения производства переходные экономики из числа стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) начали догонять страны Запада, достигнув высоких темпов экономического роста. Однако республики бывшего Советского Союза (БСС) в целом пошли по иному пути, отличавшемуся иными тенденциями в плане цен и занятости (Boeri and Terrel 2002). Так произошло вследствие ряда различий, связанных с пережитыми шоками и переходными процессами; важнейшими из этих различий представляются географическая и культурная близость к Западной Европе, а также возможность вступления в ЕС.

В то время как «Вашингтонский консенсус» с участием Всемирного банка, МВФ и ряда влиятельных американских исследователей и политиков выступал за «шоковую терапию» — резкий переход к рынку и частному предпринимательству, копенгагенские критерии, определяющие готовность страны к членству в ЕС, в большей мере учитывают институциональное строительство, конвергенцию и стабильность. Сочетание «вашингтонского» и «копенага-

Под ВВП ЦВЕ понимается взвешенный ВВП 16 стран ЦВЕ («веса» соответствуют доле каждой страны в общем ВВП), включая Албанию, Боснию и Герцеговину, Болгарию, Хорватию, Чехию, Эстонию, Венгрию, Латвию, Литву, Македонию, Польшу, Румынию, Сербию, Черногорию, Словакию и Словению. ВВП выражен в международных долларах 1990 г.

РИС. 14.6.

Темпы роста в переходный период. Годовые темпы роста реального ВВП (в логарифмическом выражении)

генского» подхода в целом обеспечило достаточно эффективное развитие большинства стран ЦВЕ. Одного лишь «вашингтонского» подхода для стран БСС в 1990-е гг. оказалось явно недостаточно.

Несмотря на умеренный экономический рост в странах ЦВЕ, безработица здесь выросла быстро и оставалась на высоком уровне. Регулирование и (в первую очередь) политика на рынке труда были ответственны за высокий уровень безработицы, причем особенно большую роль сыграли минимальный уровень зарплаты и выплаты безработным. Лица с низкой квалификацией не могли найти работу, поскольку минимальный уровень зарплаты превышал ту выгоду, которую они могли принести нанимателю. Кроме того, выплаты безработным служили антистиму-

лом к поиску работы, поскольку являлись «отрицательными субсидиями»: государство прекращало выплаты, если их получатели выходили на работу. Соответственно, на избыточные выплаты нередко возлагалась ответственность за создание «ловушек нищеты» и поощрение теневой экономики, особенно в Восточной Германии. Рост занятости с середины 1990-х гг. в странах Балтии, наиболее серьезно проводивших реформу регулирования, согласуется с этой интерпретацией.

Наибольшее внимание в переходный период уделялось финансовой стабильности. После крупного первоначального финансового шока уровень инфляции в странах ЦВЕ быстро снизился и к концу века в целом приблизился к германскому. В некоторых из этих экономик также возросла синхронизация колебаний со странами еврозоны (Artis, Marcellino, and Proietti 2004). Вступление в ЕС (8 стран ЦВЕ присоединились к нему в мае 2004 г., Болгария и Румыния — в 2007 г.), способствуя торговле и прямым зарубежным инвестициям, также внесло вклад в повышение качества институтов (Andreff 2004), в котором ощущалась большая нужда. Получение членства в ЕС не означало завершения перехода к полноценной рыночной экономике.

Напротив, в России — важнейшей из стран БСС — правительство Гайдара приступило к осуществлению переходной политики приватизации, либерализации и создания свободного рынка. Оно вдохновлялось польской программой «шоковой терапии» 1990 г., однако результаты подобных мер в России оказались совершенно иными. Шоковая политика привела к сокращению валового российского промышленного производства на 40% за 6 лет, как показано в табл. 14.6. По большей части это снижение производства было реальным и не может быть объяснено ошибками измерения. Подобный коллапс промышленного производства в крупной экономике в мирное время являлся беспрецедентным событием для XX в. В то время как данные по производству могут быть не совсем надежными, бесспорно, что важнейший элемент благосостояния — здоровье населения — рухнул вместе с отмеченным уровнем производства.

В то же время инфляция, в 1992 г. сильно превышавшая 1000%, к 1997 г. заметно сократилась, но при этом с каждым годом росла безработица. Хотя экономические показатели улучшились, это не помогло предотвратить крах

ТАБЛИЦА 14.6.

Российская экономика в переходный период в 1992–1999 гг.

Показатель	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Рост ВВП, %	-14,5	-8,7	-12,7	-4,1	-3,4	0,8	-4,06	2,0
Промышленное производство (1991 г. = 100)	82	71	55	54	52	53	50	54
Отношение инвестиций к ВВП, %	23,9	20,4	21,8	21,3	21,2	19,4	17,6	15,3
Безработица, % от числ. раб. силы	4,8	5,3	7,1	8,3	9,2	10,9	12,4	12,6
Инфляция потребительских цен, %	1526	875	311	198	48	15	28	87

Источник: Davis and Foreman-Peck 2003.

в августе 1998 г. Он был ускорен падением цен на нефть и азиатским экономическим кризисом, однако в первую очередь российскую экономику тащили на дно политические ошибки и слабости, присущие экономической системе: по некоторым оценкам, до 70% экономической активности осуществлялось через бартер. Сначала лопнул пузырь на рынке ценных бумаг: индекс фондового рынка в августе 1998 г. рухнул с рекордной отметки 450 до 50. Непродуманные инвестиции и спекулятивная активность большинства крупных российских банков повысили их уязвимость к потрясениям. Соответственно, когда в августе правительство Кириенко допустило падение обменного курса рубля и объявило дефолт по государственным краткосрочным облигациям (ГКО), банковская система была парализована. Российские банки отказывались выполнять фьючерсные валютные контракты, заключенные с западными банками, и инфляция подскочила до 80% с лишним (Davis and Foreman-Peck 2003).

Спад 1998–1999 гг. продемонстрировал, что ускоренный переход России к рыночной экономике на основе Вашингтонского консенсуса провалился. Корень проблемы скрывался в слабом и коррумпированном государстве, допустившем массовую приватизацию и экспроприацию прибыльных государственных активов при неэффективной законодательной системе. С другой стороны, сохранявшийся бюрократический контроль препятствовал отказу от нормирования. Мягкие бюджетные ограничения со стороны правительства способствовали росту инфля-

ции, бегству от денег и бартерной экономике. Без исправления сложившейся ситуации экономическое выздоровление было невозможно.

Важным фактором, определявшим различие процессов в странах ЦВЕ и БСС, являлась политическая стабильность. События 1991 г. в России — августовский путч, арест президента Михаила Горбачева и поражение ГКЧП — стали неудачным началом переходного процесса. Серьезным источником политической нестабильности служило возрасставшее влияние «олигархов», нажившихся на приватизации, проведенной Борисом Ельциным. Многие компании вообще не платили налогов, и жизнь налогового инспектора была очень опасной. Незащищенность порождала высокий уровень преступности и массовую коррупцию, усугублявшуюся задержками с выдачей пенсий, заработной платы и социальных выплат, ослаблявшими спрос.

Пониженный обменный курс и рост цен на нефть после 1999 г. позволили восстановить конкурентоспособность российской промышленности и пополнить государственную казну. В то же время при Владимире Путине укрепилась центральная власть. Кроме того, назначив в правительство либерального реформатора Грефа, Путин подтвердил, что Россия сохраняет приверженность рыночной экономике, и был вознагражден за это продолжительным ростом объемов производства и производительности в течение восьми лет своего президентства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новое тысячелетие началось в условиях намного более значительного международного консенсуса в отношении потенциала макроэкономической политики и рецептов ее правильного применения по сравнению с эпохой после окончания Второй мировой войны. История многому научила экономистов и политиков. Амбиции государства в целом уменьшились, особенно в том, что касается управления спросом при проведении фискальной и монетарной политики — и даже режима обменного курса. При этом лозунгом дня оставалась «стабильность».

С одной стороны, подтвердилось превосходство рынков над государственным планированием при распределении товаров и услуг. С другой стороны, периодические всплески безработицы, связанные с деловыми циклами,

наряду со структурной безработицей, продолжают существовать в Западной Европе и вернулись в Восточную Европу. Потрясения не исчезли; «субстандартный» финансовый кризис, начавшийся в июле 2007 г. и связанный со скачком цен на нефть и другие товары, свидетельствует о том, что рецессия 2008–2009 гг. может оказаться особенно глубокой и всеохватной. Финансовые инновации, не сопровождавшиеся соответствующим контролем, привели к созданию ряда очень уязвимых структур, усилив ощущение риска и вызвав рост процентных ставок.

Рыночный фундаментализм Вашингтонского консенсуса оказался непригодным в России при отсутствии соответствующих вспомогательных институтов. Выяснилось также, что фискальная политика — слишком грубый инструмент для общего управления спросом. Монетарная политика является более гибкой и потому более подходящей для сглаживания деловых циклов в нормальных условиях. В этом отношении новая ортодоксальная политика становилась похожей на ту, которая практиковалась при золотом стандарте в конце XIX в., только без привязки денег к золоту. Помимо этого, широко распространилась уверенность в том, что новой Великой депрессии удастся избежать посредством энергичных действий монетарных властей, направленных на предотвращение краха крупных финансовых учреждений.

Кейнсианское управление экономикой не было причиной стремительного роста в период золотого века, так же как стабильность в эпоху «великого спокойствия» 1990-х гг. не являлась следствием одного лишь монетаризма, независимости центральных банков или замены политического произвола четкими правилами. Однако волатильность 1970–1980-х гг. в значительной степени может быть приписана безответственным политическим решениям.

ГЛАВА 15

Население и уровень жизни
в 1945–2005 гг.

ДАДЛИ БЕЙНС
НЕЙЛ КАММИНС
МАКС-СТЕФАН ШУЛЬЦЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ·	539
Роль государства ·	540
Анализ изменений уровня жизни ·	550
Причины и последствия демографических изменений ·	560
Заключение ·	579

ВВЕДЕНИЕ

ШЕСТЬДЕСЯТ с лишним лет, прошедшие после окончания Второй мировой войны, были отмечены беспрецедентным ростом материального уровня жизни среднего европейца. В наши дни реальный доход среднего европейца приблизительно в 3–5 раз превышает уровень 1950 г.; рожденные сегодня могут рассчитывать на лишних десять лет жизни по сравнению с продолжительностью жизни поколения, родившегося в начале 1950-х гг., а среднее и высшее образование стало намного доступнее, чем 60 лет назад.

В настоящее время для оценки того, как изменяется качество жизни, широко используется Индекс человеческого развития (ИЧР), складывающийся из таких показателей (с учетом их весов), как доход (ВВП) на душу населения, продолжительность жизни и уровень грамотности. Под ИЧР понимается продолжительность формального обучения. Имея свои недостатки и будучи лишь относительным индексом развития, ИЧР все же представляет собой удобный способ описать изменение *некоторых* сравнительных количественных аспектов благосостояния в Европе. Ниже приводятся значения ИЧР для 19 европейских стран. Без учета изменений в относительном рейтинге стран, региональных вариаций и поведения рассматриваемых величин с течением времени, общая картина вырисовывается вполне однозначно: в отношении ИЧР, как и в отношении ВВП на душу населения, европейцы сейчас живут намного лучше, чем в 1950 г., а различия между европейскими странами по величине ИЧР сократились за этот срок вдвое.

Однако ИЧР, безусловно, не самый идеальный показатель уровня жизни в широком смысле слова. Он не учитывает степень защищенности прав человека, гражданских

и политической свобод; никак не отражает распределение дохода и богатства между членами общества, а также уровень безработицы; включает только продолжительность жизни населения без учета его здоровья. И возможно, самое главное — он ничего не говорит нам о том факторе, который, несомненно, служит важнейшим критерием благосостояния: о счастье. А между тем Ричард Лэйард в своей недавней работе (Layard 2003) продемонстрировал, что счастье населения в западном мире нисколько не возросло, несмотря на быстрый рост материального уровня жизни.

За изменением уровня жизни в Европе после окончания Второй мировой войны стояли изменения в доходах, демографические процессы и институциональное окружение, призванное «обеспечивать благосостояние». В первом разделе данной главы мы рассмотрим возрастание значимости государственного сектора, затронувшее всю Европу. Второй раздел посвящен сравнительному количественному изучению динамики ключевых показателей благосостояния и отношений между ними. В последнем разделе будут изучены причины и экономические последствия демографических изменений.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Социальные расходы

Истоки государственного участия в предоставлении социальных услуг восходят к концу XVIII в. Первоначально они сводились почти исключительно к «вспомоществованию бедным», а также, в очень ограниченной степени, к обеспечению образования. В конце XIX в. начали внедряться элементарные механизмы социального страхования для работников физического труда, предусматривавшие выплату пособий при несчастных случаях на производстве, болезнях, потере работы и достижении пенсионного возраста. В межвоенный период все эти меры в том или ином виде полностью или частично применялись в большинстве европейских стран. Однако после 1945 г. социальные услуги, обеспечиваемые государством, претерпели и количественные, и качественные изменения (Johnson 1999, pp. 122–123; Lindert 2004, pp. 11–15). В большинстве европейских обществ этими услугами были охвачены как трудящиеся, занятые почти во всех секторах

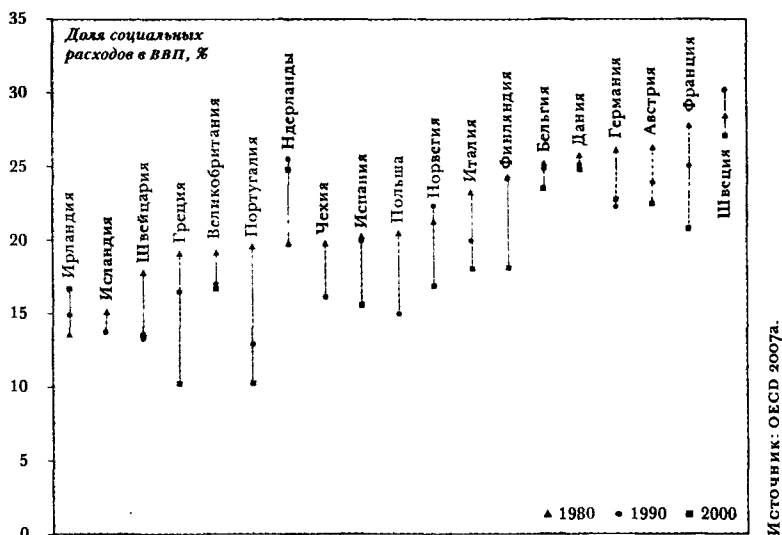

РИС. 15.2.
Рост социальных расходов в Европе в 1980–2000 гг.

дов и налоговой базы был связан именно с увеличением социальных расходов, обеспечивавшихся за счет налогов, а не с ростом расходов на национальную оборону, общественный транспорт или, скажем, государственные предприятия (Lindert 2004, р. 20). Это изменение структуры государственных расходов отражало выход современного государства за пределы его традиционной роли гаранта физической безопасности граждан и их прав собственности; отныне государство брало на себя обязанность обеспечивать экономическую и социальную защиту в намного более широком смысле слова. В литературе этот процесс связывался с тремя «прочими великими социальными трансформациями: установлением более полноценной демократии, демографическим переходом к более низкой рождаемости и большей продолжительности жизни и началом устойчивого экономического роста» (Lindert 2004, р. 20). Воздействие демографических изменений и экономического роста будет рассмотрено в следующих разделах. Сейчас же важно отметить принципиальную новизну возникшего после Второй мировой войны социетально-го и политического контекста, в рамках которого происходило оказание социальных услуг, по сравнению с более

ранними периодами. Вслед за Джонсоном (Johnson 1999, p. 123) среди множества предлагаемых объяснений можно выделить два, указывающих непосредственно на гипотезу о политических изменениях и «демократизации» как факторах, вынудивших и обусловивших увеличение государственных расходов на социальное обеспечение в Западной Европе. Milward (1992) рассматривает рост социальных расходов и их распространение на прежде не охваченные ими социальные группы как ключевой компонент послевоенной политики по восстановлению национального государства и возрождению его легитимности в глазах граждан. Baldwin (1990) утверждает, что создание обширных послевоенных систем социального обеспечения в значительной степени являлось результатом предпринимавшихся государством попыток обеспечить себе поддержку со стороны групп электората, в равной мере подверженных социальным рискам и в равной мере нуждавшихся в государственной поддержке.

Однако при наличии общих заметных тенденций в европейской политике социального обеспечения необходимо не упускать из вида тот факт, что особенности социального обеспечения в различных странах, его механизмы, средства, цели, задачи и результаты диктовались не только сознательным политическим выбором, но и историческими случайностями. Как указывается в *European Commission* (1995, pp. 33–34), члены Евросоюза в начале 1990-х гг. разделялись на четыре четко различавшиеся группы. Первая группа включала Скандинавские страны. Здесь право на социальную защиту является неотъемлемым правом гражданина и охват системой социальной защиты был полным. Эта система управлялась централизованно, а главным источником финансирования социальной защиты служило общее налогообложение, сопровождавшееся дополнительными схемами занятости для имеющих хорошо оплачиваемую работу. Во вторую группу вошли Великобритания и Ирландия со всеобщим или почти всеобщим охватом граждан социальной защитой. В то время как система социальной защиты здесь также носила централизованный характер, она отличалась более скромными выплатами по сравнению со Скандинавией и большей распространенностью проверки нуждаемости. Здравоохранение финансировалось за счет общих налогов, однако в финансировании прочих социальных расходов основную роль играли страховые взносы, де-

лавшиеся как работниками, так и нанимателями. Третья группа включала в себя Австрию, страны Бенилюкса, Германию и Францию. Здесь акцент делался на социальное обеспечение «бисмарковского» типа, при котором право на обеспечение в первую очередь давали профессия и семейный статус, а не факт гражданства. Распределение пособий, связанных с доходами, производилось по страховому принципу, и нередко в отношении различных профессиональных групп действовали разные правила. Эта система в первую очередь основывалась на взносах со стороны наемных работников и нанимателей при наличии дополнительных (финансировавшихся за счет налогов) схем социального вспомоществования для тех, на кого не распространялось действие механизмов социальной защиты по профессиональному признаку. В состав четвертой группы вошли южные страны: Греция, Италия, Португалия и Испания. Здесь мы находим смешение некоторых схем «бисмарковского» типа и отдельного социального вспомоществования для незастрахованных. Уровень выплат в этих странах в целом был заметно ниже, чем в третьей группе, а доля неохваченных — больше, чем где-либо в ЕС.

В Центральной и Восточной Европе вплоть до краха коммунистических режимов в 1989–1990 гг. система социальной защиты развивалась в принципиально иных политических, экономических и социальных условиях (Berend 1998; Eichengreen 2007). В силу этих обстоятельств сравнение социальных выплат на востоке и на западе, основанное на общих данных о расходах, на протяжении большей части рассматриваемого периода становится практически невозможным. Подобные сопоставления проблематичны при изучении одних только стран Западной Европы, поскольку «социальные расходы» по-разному определялись в разное время в разных странах и в различных международных органах, ответственных за сбор сравнительного статистического материала по данному вопросу. Соответственно, к интерпретации рис. 15.1 и 15.2 следует подходить с осторожностью: определение социальных расходов, использовавшееся в работе Castles (2001), откуда взяты данные за 1950–1974 гг., несколько отличается от того, которому соответствуют данные из OECD (2007a) за 1980–2000 гг. Однако оба набора данных в целом согласуются с определением социальных трансфертов как совокупности государственных расходов, осуществляемых за счет налогов

и включающих элементарную материальную помощь бедным, компенсацию безработным, государственные пенсии (не предусматривающие взносов), расходы на общественное здравоохранение и жилищные субсидии (Lindert, 2004, pp. 6–7). В этой связи представляет интерес, во-первых, значительный рост социальных расходов практически во всех западноевропейских обществах вплоть до начала 1980-х гг., невзирая на различный относительный уровень ресурсов, выделявшихся на социальную защиту (см. рис. 15.1). Социальные расходы, первоначально находившиеся на уровне в 7–15% ВВП, к 1980 г. составляли уже от 20 до 42% ВВП. В некоторой степени это являлось итогом послевоенного экономического роста. С возрастанием реального дохода на душу населения (см. рис. 15.4) и с повышением доступности элементарных потребительских товаров возрастает спрос на товары, имеющие эластичность спроса по доходу больше единицы. Социальная защита — например, более высокая обеспеченность престарелых услугами здравоохранения — подпадает под эту категорию: в период золотого века во всех западноевропейских странах эластичность социальных расходов была выше единицы, т.е. всякий прирост ВВП на 1% сопровождался возрастанием социальных расходов на величину, превышавшую 1%.

В 1980-е гг. рост социальных расходов замедлился, но то же самое произошло и с ростом ВВП. При наличии некоторых вариаций между странами эластичность социальных расходов вплоть до конца века оставалась немногим выше или по крайней мере около единицы. Однако такого ярко выраженного прироста социальных расходов, как доли ВВП, в отличие от прошлых десятилетий, уже не наблюдалось (см. рис. 15.2). Это являлось следствием различных причин, и мотивы, по которым власти пытались ограничить рост социальных расходов, включали как возрастание общей озабоченности состоянием государственных финансов, так и предположительное негативное воздействие социальных выплат на стимулы к поиску оплачиваемой работы.

В отношении отдельных европейских экономик у нас есть факты, свидетельствующие о существовании положительной связи между уровнем доходов и социальными расходами. Это впечатление в целом подтверждается сопоставлением данных экономик в любой конкретный момент времени (Johnson 1999, pp. 133–134). Однако не следу-

ет понимать это как однозначную поддержку идеи о том, что рост социальных расходов был не более чем следствием экономического роста. В европейской выборке мы видим достаточно много вариаций, дающих основания предполагать, что наряду с экономическим ростом свою роль сыграли и другие факторы: один и тот же уровень ВВП на душу населения не обязательно сопровождался одной и той же долей социальных расходов, что четко указывает на роль исторических условий. Как отмечалось выше, послевоенные национальные режимы социального обеспечения складывались в различных исторических условиях, включающих различия в идеологических традициях (cf. Esping-Anderson 1990). Более того, хронология и степень политического и социального давления со стороны кругов, выступавших за значительное изменение расходов на социальное обеспечение, лишь частично совпадали в различных европейских странах.

Последствия

Каковы же были последствия длительного роста европейских социальных расходов? Сумело ли «государство социального обеспечения» поднять уровень жизни европейского населения? Работу социального обеспечения нередко оценивают при помощи двух критериев — уровня бедности в данном обществе и степени неравенства в доходах. Доля людей, живущих в бедности, — элементарный, но достаточно полезный показатель эффективности социального обеспечения, так как он позволяет судить о результативности попыток защитить население от потенциально пагубных последствий утраты трудоспособности, потери работы или наличия большой семьи. Альтернативный критерий — уровень неравенства доходов — может указывать на наличие более широких проблем, связанных с социальным обеспечением. «Бедные» домохозяйства в богатых европейских странах не обязательно являются бедными в абсолютном смысле: они могут быть вполне способными к удовлетворению элементарных жизненных потребностей — таких, как питание, одежда и жилье, — и не выглядеть бедными по сравнению с домохозяйствами в развивающихся странах. Но при этом их доход может быть настолько ниже среднего или медианного дохода в данном обществе, что они будут не в состоянии

полноценно участвовать в общественной жизни. И поэтому крайне неравномерное распределение доходов в конкретной стране может вести к социальной исключенности значительного числа ее жителей. Wilkinson (1992) указывает, что при превышении некоего порогового дохода последствия в плане здоровья начинают определяться *относительным* доходом, а не абсолютным уровнем бедности. Более того, хотя у нас нет фактов, которые бы однозначно подтверждали наличие связи между различиями в доходе на душу населения и различиями в ожидаемой продолжительности жизни *между* развитыми экономиками, тем не менее *в рамках* этих экономик ожидаемая продолжительность жизни и уровень здоровья связаны с распределением дохода и социальной стратификацией (Wilkinson 2005; Wilkinson and Pickett 2006).

Однако отсутствие последовательных данных по динамике в этой сфере представляет собой столь же серьезную проблему, как и поиск сопоставимых и непротиворечивых показателей, позволяющих сравнивать социальные расходы в разных странах. Современным, развитым государствам социального обеспечения свойственна общая тенденция ставить знак равенства между доходом после выплаты налогов и доходом после получения социальных трансфертов, хотя не составляет никакого труда показать, что тем самым затушевывается одна из самых важных, если не самая важная сторона проблемы. Более того, перемещение средств может происходить не только от богатых налогоплательщиков к бедным, но и наоборот: классическим примером служит университетское образование, которое и по сей день в большинстве европейских стран доступно в первую очередь студентам из семей с доходом выше среднего, но при этом в значительной мере финансируется за счет общих налоговых поступлений.

Если пользоваться принятым в Европейском сообществе определением, согласно которому бедными называются те, чей доход составляет менее половины от среднего дохода в данной стране, то мы получим, что доля граждан ЕС, живущих в бедности, возросла от 12,6% в 1975 г. до 14,7% в 1993 г. (Johnson 1999, p. 128). Этот рост совпал с замедлением роста социальных расходов, показанным на рис. 15.2, и общим возрастанием неравенства в доходах в течение 1980-х гг. Однако сопоставление между странами позволяет сделать вывод о существовании связи между высоким уровнем социальных расходов и низким уровнем

бедности. То, что социальные расходы — важное средство борьбы с бедностью, вытекает также из различных данных, полученных при сравнении доли семей, живущих в бедности (определяемой как наличие дохода, не превышающего половины от медианного чистого дохода), до и после социальных выплат. Согласно этим данным, в середине 1980-х гг. от 32 до 38% семей в семи западноевропейских странах до получения выплат имели доход ниже половины от медианного. При этом после получения выплат доля таких семей сократилась до 5–10% (Bradshaw 1993, p. 57).

Получить данные, которые позволили бы произвести сравнение между странами в плане неравенства в доходах в разные моменты времени, затруднительно. В нашей работе использовались цифры из World Development Indicators (2007). Они дают хорошее географическое покрытие для конца 1990-х гг. и первых лет XXI в. и были дополнены данными для середины 1980-х гг. из работы Mitchell and Bradshaw 1992. И то и другое исследование основывалось на базе данных Luxembourg Income Study, обеспечивающей хотя бы частичную сопоставимость данных для разных стран и разных моментов времени. Данные табл. 15.1 позволяют сделать пять основных выводов. Во-первых, до краха коммунистических режимов страны Центральной и Восточной Европы демонстрировали хронически более низкий уровень концентрации доходов по сравнению с их западными капиталистическими соседями. Во-вторых, период после падения Берлинской стены был отмечен резким возрастанием неравенства в доходах во всех переходных экономиках бывшего восточного блока. В-третьих, неравенство в доходах на Западе также существенно возросло за последние одно-два десятилетия XX в.: как свидетельствуют факты, произошедшее после окончания золотого века замедление роста социальных расходов как доли национального дохода (см. рис. 15.2) было связано с заметным ростом неравенства в доходах, выраженного в виде коэффициента Джини. Иными словами, масштабы и направление социальных трансфертов, вместе взятые, в настоящее время способствуют менее заметному перераспределению средств в пользу лиц с относительно низкими доходами по сравнению с 1980-ми гг. В-четвертых, резко возрос рейтинг Скандинавских стран в смысле их способности обеспечивать относительно равномерное распределение доходов посредством налогового режима и/или мер социальной защиты. В случае Дании, Финляндии и Норвегии такой результат

ТАБЛИЦА 15.1.

Неравенство в доходах: коэффициенты
Джини (для текущих доходов после выплаты
налогов и после получения социальных
трансфертов)

Страна	Ок. 1985 г.	Ок. 2000 г.
Албания	—	29,1
Австрия	—	29,1
Бельгия	—	32,9
Босния и Герцеговина	—	26,2
Болгария	23,4	34,3
Хорватия	22,8	29,0
Чехия	19,4	25,4
Дания	—	24,7
Эстония	23,0	35,8
Финляндия	—	26,9
Франция	30,0	32,7
Германия	25,0	28,3
Греция	—	34,3
Венгрия	20,9	26,8
Ирландия	—	34,3
Италия	31,0	36,0
Латвия	22,5	37,7
Литва	22,5	31,8
Македония	—	39,0
Нидерланды	26,0	30,9
Норвегия	—	25,8
Польша	25,2	34,5
Португалия	—	38,4
Румыния	—	30,2
Россия	23,8	45,6
Словакия	19,5	25,8
Словения	23,6	28,4
Испания	—	34,7
Швеция	21,0	25,0
Швейцария	—	33,7
Великобритания	28,0	36,0

Примечания: Данные относятся к наблюдениям за год, ближайший к 1985 и 2000 гг. соответственно. Выделены минимальные и максимальные значения. Низкий коэффициент Джини указывает на более равномерное распределение доходов, высокий коэффициент Джини — на более неравномерное. Нулевой коэффициент соответствует абсолютному равенству (все имеют в точности один и тот же доход); коэффициент, равный 100, соответствует абсолютному неравенству (весь доход достается одному человеку, а то время как все остальные имеют нулевой доход).

Источники: World Development Indicators (April 2007); Mitchell and Bradshaw 1992.

был достигнут в условиях сравнительно скромного отношения социальных расходов к ВВП, составлявшего в 2000 г. от 22 до 26%, что указывает либо на достаточно равномерное изначальное распределение доходов, либо на наличие мощного перераспределительного компонента в налоговой системе. В случае Швеции мы видим, что распределение чистого дохода в значительной степени определяется как налогами, так и выплатами (Bradshaw 1993, pp. 57–59). Наконец, в группе западноевропейских экономик за последние двадцать с небольшим лет увеличился разрыв между странами с относительно невысоким неравенством в доходах (например, Скандинавскими странами) и странами с относительно высокой концентрацией дохода (такими, как Португалия или Великобритания). Опять же, это указывает на значение национальной политики социального обеспечения, которая, очевидно, в намного меньшей степени обеспечивает «конвергенцию» в доходах *внутри* страны, нежели при распределении дохода *между* странами.

1. Мы пользуемся следующей формулой (Crafts 2002a, p. 395–396):

$$\text{ИЧР} = \frac{E + I + L}{3},$$

где

$$E = 0,67 \text{УГВ} + 0,33 \text{Обуч},$$

$$I = \frac{\log y - \log 100}{\log 40000 - \log 100},$$

$$L = \frac{e_0 - 25}{85 - 25}.$$

E — образованные; I — доход; L — продолжительность жизни; УГВ — уровень грамотности у взрослых; Обуч — доля представителей относительной возрастной группы, обучающихся в начальной школе; y — ВВП на душу населения; e_0 — ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ УРОВНЯ ЖИЗНИ

Индекс человеческого развития и изменения в уровне жизни

Индекс человеческого развития (ИЧР) является полезным инструментом для обобщения изменений в исторически сложившемся уровне жизни. Он представляет собой попытку выявить *качество* жизни путем получения единого показателя с учетом ключевых компонентов материального богатства, продолжительности жизни и уровня знаний, причем каждый из этих компонентов вычисляется как дистанция, отделяющая его от условного минимума и максимума¹. Однако ИЧР как показатель благосостояния имеет свои недостатки. Например, он не учитывает такие важные факторы, как экономическое неравенство или уважение к правам человека. ООН ежегодно публикует свои оценки ИЧР почти для всех стран мира, начиная с 1990 г.

ИЧР является *относительным* показателем развития. Он будет равен 1 у страны с ВВП на душу населения, равным 40 тыс. международных долларов (с учетом паритета покупательной способности в 2000 г.), со средней ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, составляющей 85 лет, 100-процентным уровнем посещаемости

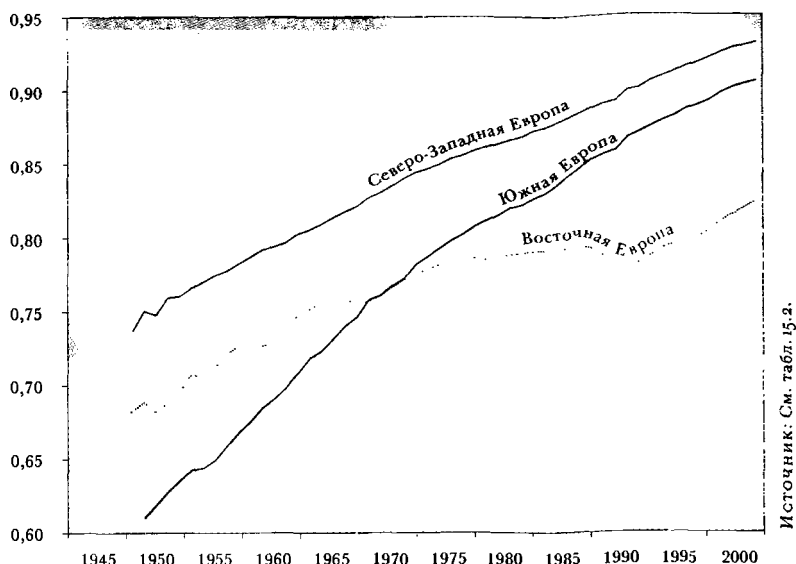
ТАБЛИЦА 15.2.
Исторические показатели ИЧР для стран Европы

1950		1975		2003	
Дания	0,786	Швейцария	0,873	Швеция	0,957
Нидерланды	0,784	Швеция	0,864	Норвегия	0,950
Швейцария	0,782	Нидерланды	0,862	Швейцария	0,935
Швеция	0,780	Дания	0,862	Финляндия	0,934
Норвегия	0,776	Норвегия	0,859	Ирландия	0,929
Великобритания	0,774	Франция	0,845	Италия	0,929
Германия	0,744	Великобритания	0,841	Австрия	0,928
Франция	0,729	Бельгия	0,840	Нидерланды	0,927
Бельгия	0,727	Финляндия	0,839	Франция	0,926
Австрия	0,720	Германия	0,837	Бельгия	0,926
Финляндия	0,707	Австрия	0,836	Великобритания	0,924
Ирландия	0,698	Италия	0,826	Дания	0,924
Венгрия	0,682	Испания	0,810	Испания	0,921
Италия	0,668	Ирландия	0,807	Германия	0,919
Польша	0,657	Польша	0,790	Португалия	0,867
Испания	0,627	Венгрия	0,788	Польша	0,856
Болгария	0,607	Болгария	0,774	Венгрия	0,854
Португалия	0,530	Румыния	0,763	Болгария	0,803
Румыния	0,510	Португалия	0,727	Румыния	0,784
В среднем	0,699		0,823		0,905
Коэффициент вариации	0,119		0,048		0,053

Источник: Вычисления авторов и Crafts 2002a.

учебных заведений всех уровней и 100-процентным уровнем грамотности у взрослых. В табл. 15.2 приводятся величины ИЧР для 19 европейских стран, расставленных в порядке снижения ИЧР.

Средняя величина ИЧР для Европы за 1950–2003 гг. возросла почти на 30% (с 0,699 до 0,905). Также наблюдается заметное сокращение разброса между значениями ИЧР для разных стран материка, вычисляемое как коэффициент вариации (снизившийся с 0,119 до 0,053), а также значительные перестановки в рейтинге стран в соответствии с величиной их ИЧР. Что все это означает? ИЧР в первую очередь играет роль относительного

Источник: См. табл. 15.2.

РИС. 15.3.
Индекс человеческого развития

показателя развития. Например, мы можем считать, что Великобритания в 1950 г. (ИЧР = 0,774) имела уровень развития, близкий к уровню Китая в 2004 г. (0,768), а Португалия в 1950 г. (0,530) находилась на уровне развития, сопоставимом с уровнем Бангладеш в 2004 г. (тоже 0,530). Разумеется, это также говорит о присущих ИЧР ограничениях, поскольку многие люди совсем небезосновательно не захотят ставить знак равенства между этими странами в указанные моменты времени (Human Development Report 2006). Если брать в качестве порогового уровня ИЧР, равный 0,8 (в соответствии с Human Development Report 2006), то Европу в 1950 г. можно будет причислить к регионам «со средним уровнем человеческого развития», и ни одну из европейских стран (по крайней мере в данной выборке из 19 государств) нельзя будет назвать страной «с низким уровнем человеческого развития» (ИЧР менее 0,5). К 1975 г. подавляющее большинство европейских стран имело «высокий уровень человеческого развития» (выше 0,8). Ниже этой величины был лишь ИЧР в Португалии и в странах Восточной Европы. К 2003 г. ИЧР большинства стран Европы превысил 0,9 — опять же, за исклю-

чением Восточной Европы и Португалии. Сегодня при оценке изменений уровня жизни ИЧР отчасти исчерпал себя. Это произошло потому, что он сильно недоучитывает рост материального уровня жизни (выраженного в ВВП на душу населения) и нелинейный характер взаимосвязи между продолжительностью жизни и доходом, а также «подошел к пределу» при учете компонента, связанного с уровнем знаний (например, сейчас почти по всей Европе посещаемость учебных заведений и уровень грамотности у взрослых приближаются к 100%). И поэтому появляется необходимость рассмотреть альтернативные и более всеобъемлющие показатели уровня жизни.

В рамках Европы за последние 50 лет также наблюдались значительные изменения в рейтинге, соответствующем величине ИЧР: например, заметно улучшился рейтинг Ирландии (12-е место в 1950 г., 5-е место в 2003 г.), а рейтинг Дании ухудшился (1-е место в 1950 г., 12-е место в 2003 г.). Однако этот рейтинг в 2003 г. во многом утратил свое значение по сравнению с 1950 г. вследствие резкого уменьшения коэффициента вариации и сокращения различий между, допустим, 1-м и 12-м местом. Снижение вариативности ИЧР в Европе может служить приблизительным показателем конвергенции в смысле уровня жизни за этот период.

Региональные вариации ИЧР

Обобщая по регионам ежегодные величины ИЧР для отдельных европейских стран, можно выявить три характерных пути роста уровня жизни в послевоенной Европе². В 1950 г. Северо-Западная Европа явно отличалась более высоким уровнем развития по сравнению с южным и восточным регионами материка (рис. 15.3). Однако в дальнейшем весьма характерной чертой южноевропейского развития стала конвергенция. ИЧР возрастал здесь намного быстрее, чем в Северо-Западной Европе, и различие между двумя этими регионами сократилось примерно с 0,16 до 0,03 пункта.

Тенденции, присущие восточноевропейскому ИЧР, сильно отличаются от тех, которые наблюдались в остальной Европе. С 1950 примерно по 1965 г. в Восточной Европе происходил быстрый рост ИЧР, своими темпами немного превышавший рост ИЧР в Северо-Западной Европе.

2. Разбивка по регионам производится следующим образом: Северо-Западная Европа включает в себя Австрию, Бельгию, Данию, Финляндию, Францию, Германию, Ирландию, Нидерланды, Норвегию, Швецию, Швейцарию и Великобританию; Восточная Европа — Болгарию, Венгрию, Польшу и Румынию; Южная Европа — Италию, Португалию и Испанию.

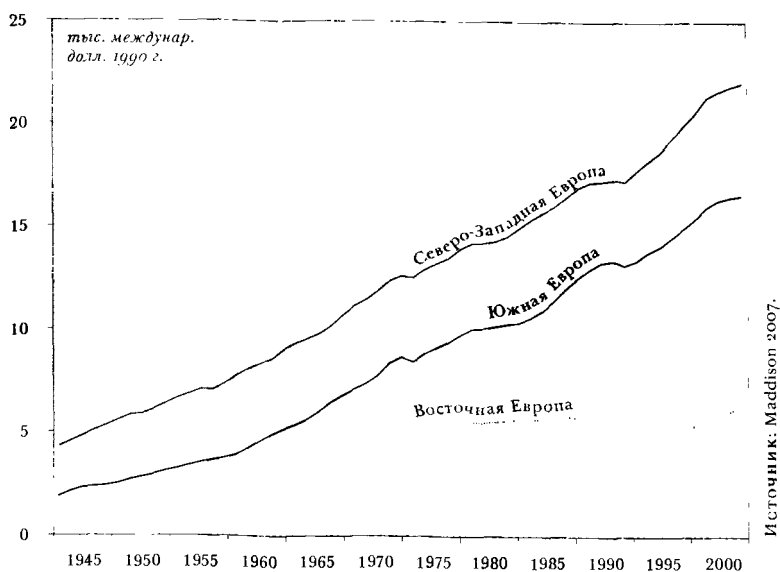

РИС. 15.4.
ВВП на душу населения

Однако после 1965 г. рост ИЧР в Восточной Европе резко замедлился, а в конце 1980-х гг. здесь даже происходило снижение ИЧР, рост которого возобновился в 1990-е гг. (с 1991 по 2003 г.). Что стояло за этими тенденциями? Как мы можем объяснить южноевропейскую конвергенцию и относительную неспособность Восточной Европы поднять уровень жизни до величин, достигнутых ранее в других регионах материка? Поиск ответа на эти вопросы следует начать с анализа тех компонентов, из которых складывается ИЧР, и изучения того, как эти компоненты (доход, продолжительность жизни и уровень знаний) изменялись с течением времени.

Региональный анализ компонентов ИЧР

Доход

В смысле материального уровня жизни конвергенция Южной Европы с Северо-Западной Европы становится более заметной в том случае, если при вычислении компонен-

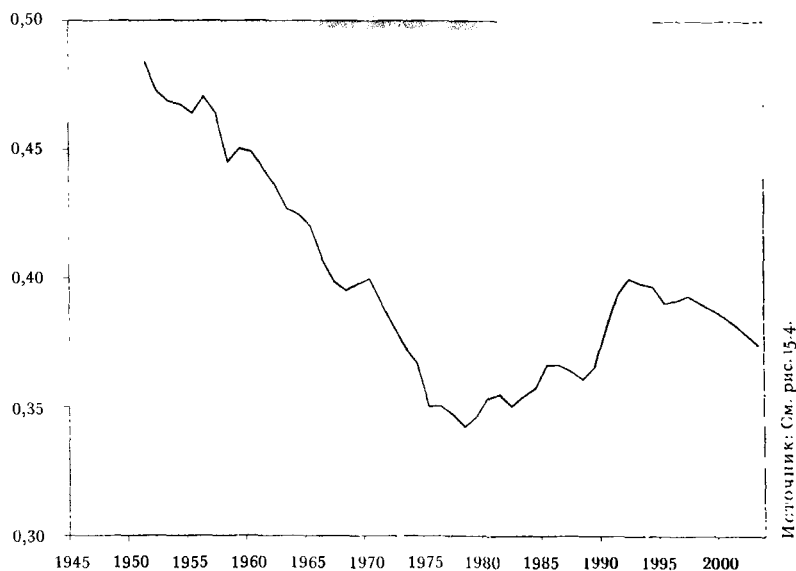

РИС. 15.5.
Коэффициент вариации, ВВП на душу населения

та ИЧР, связанного с *доходом*, недооценивать экономический рост в странах с более высоким уровнем дохода. Анализируя исходные данные (Maddison 2007), мы получим картину непрерывного роста дохода, а также последовательного движения к одинаковым уровням ВВП на душу населения. Южноевропейский ВВП на душу населения в 1950 г. составлял около 46% от аналогичной величины в Северо-Западной Европе. К 2003 г. это различие сократилось до уровня, при котором ВВП на душу населения в Южной Европе был равен 75% от ВВП на душу населения в Северо-Западной Европе.

При этом в послевоенной Восточной Европе изменение ВВП на душу населения происходило совершенно иным образом. Среднегодовой рост за весь этот период составлял 2,6% в Северо-Западной Европе, 3,6% в Южной Европе и 2,3% в Восточной Европе. Однако, как и в случае с ИЧР, мы можем разделить историю роста восточноевропейского дохода на три четко различающиеся фазы. С 1950 по 1979 г. ВВП на душу населения в среднем возрастал здесь на 3,8% в год, однако после 1979 г. рост дохода прекратился, а ВВП на душу населения в начале 1990-х гг.

даже снизился. Среднегодовой рост в 1979–1993 гг. был равен $-1,2\%$, увеличившись в 1994–2000 гг. до $3,2\%$. Тем не менее возвращение к уровню ВВП на душу населения, наблюдавшемуся в 1979 г., произошло не ранее 2000 г.

Несо согласованность темпов экономического роста в 19 европейских странах привела к появлению трех четких этапов конвергенции и дивергенции дохода (рис. 15.5). Первый период — с 1950 по 1978 г. — характеризуется резким сокращением коэффициента вариации ВВП на душу населения. С 1978 по 1993 г. неравенство между странами вновь возрастало, к 1993 г. вернувшись на уровень 1965 г. После 1993 г. различия снова стали уменьшаться, хотя и не так быстро, как прежде. За этой картиной стояло гораздо более резкое замедление роста в Восточной Европе после окончания золотого века по сравнению с остальной Европой.

Причины стремительного экономического развития Западной Европы в период золотого века, а также первоначальных успехов Восточной Европы в смысле достижения и даже превышения западных темпов прироста национального продукта и последующей неспособности сохранить их в период после завершения золотого века обсуждаются в других разделах данного тома (см. главы 12 и 13). Сейчас же достаточно отметить, что эпоха коммунизма и централизованного планирования перестала приносить заметные результаты по крайней мере с начала 1970-х гг. и что стагнация и относительное снижение уровня жизни и дохода на востоке Европы внесли свой вклад в крах этих режимов (Dobbrinsky, Hesse, and Traeger 2006, p. 1). Первоначальный быстрый рост в годы золотого века являлся в первую очередь результатом перемещения рабочей силы из первичного сектора (сельское хозяйство и пр.) во вторичный сектор (промышленность). Однако распределение рабочей силы производилось в зависимости от мотиваций и политических приоритетов лиц, осуществлявших централизованное планирование, не обязательно основываясь на экономических соображениях. В конце концов такая субоптимальная экономическая политика, наряду с изоляцией от международных рынков, вылилась в замедление темпов роста (Dobbrinsky, Hesse, and Traeger 2006, p. 11). Рост дохода возобновился лишь в первой половине 1990-х гг., после краха центрального планирования и последующей «переходной рецессии».

Абсолютный и относительный рост материального благосостояния среднего жителя Западной Европы становит-

ся еще более заметным, если принять во внимание общее сокращение рабочего времени. Средний европеец в 1992 г. проработал за год значительно меньше, чем средний житель материка в 1950 г. (рис. 15.6), чему способствовал сильный прирост производительности. Соответствующее влияние на благосостояние, не учитываемое такими показателями, как ВВП на душу населения и ИЧР, разумеется, имеет колоссальное значение, поскольку у людей появляются дополнительные материальные средства и время на занятия, не связанные с работой, но повышающие благосостояние.

Ожидаемая продолжительность жизни

Рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении у обоих полов (e_0) представляет собой великое достижение послевоенной эпохи, в первую очередь являясь результатом распространения антибиотиков и иммунизации (Mesle 2004, p. 46). Средняя ожидаемая продолжительность жизни в Северо-Западной Европе за 1950–2002 гг. возросла на 10 с лишним лет. Еще более поразительны успехи Южной Европы, где ожидаемая продолжительность жизни в среднем по населению увеличилась на 16 лет. В последние годы Южная Европа по ожидаемой продолжительности жизни заметно приблизилась к Северо-Западной Европе. Однако данные по ожидаемой продолжительности жизни в Восточной Европе могут вогнуть в шок, особенно при их сравнении с тенденциями в других регионах Европы. Южная и Восточная Европа в 1950 г. имели одинаковый уровень ожидаемой продолжительности жизни, который быстро возрастал в обоих регионах до тех пор, пока в конце 1960-х гг. их пути не разошлись. С 1973 по 1991 г. темп роста ожидаемой продолжительности жизни в Восточной Европе фактически был нулевым. Устойчивый рост продолжительности жизни в этом регионе возобновился лишь после 1997 г. В 2003 г. ожидаемая продолжительность жизни, превышавшая 78 лет и в Северо-Западной, и в Южной Европе, составляла лишь немногим более 72 лет в Восточной Европе (рис. 15.7).

Однако при отсутствии усреднения по странам и возрастным группам мы получим более интересную картину. Возьмем, например, Венгрию, где ожидаемая продолжительность жизни для обоих полов в 1950 г. составляла 62 года. К 2003 г. эта цифра возросла до 72 лет. Но при этом в 1950–1996 гг. ожидаемая продолжительность жизни

Источник: Crafts 1997, p. 306

РИС. 15.6.

Ежегодное количество рабочих часов на одного трудящегося

ни мужчин для отдельных возрастов в реальности снижалась для всех возрастов, превышающих 10 лет. (Напротив, ожидаемая продолжительность жизни женщин для отдельных возрастов за эти годы увеличивалась.) Для каждого возраста, превышающего 10 лет, ожидаемая продолжительность жизни мужчин в 1996 г. была ниже, чем в 1950 и 1975 гг. В этом плане Венгрия разительно отличается от стран Северо-Западной и Юго-Западной Европы, по которым у нас нет фактов, которые говорили бы о снижении ожидаемой продолжительности жизни для отдельных возрастов. Ниже мы вернемся к этому моменту.

Образование

Компонент ИЧР, связанный со знаниями, учитывает общий уровень посещаемости учебных заведений (с весом в $\frac{1}{3}$) и уровень грамотности у взрослых (с весом в $\frac{2}{3}$). Интересно, что Восточная Европа имеет в этом отношении достаточно хорошие показатели, в целом демонстрируя ту же тенденцию, которая присуща Северо-Западной Ев-

РИС. 15.7.
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении

РИС. 15.8.
Уровень образования

ропе (рис. 15.8). В Южной Европе наблюдались ускоренное догоняющее развитие и конвергенция, главным образом обусловленные очень низким первоначальным уровнем образования и его последующим быстрым возрастанием в Португалии. Однако уровень посещаемости и уровень грамотности являются лишь самыми элементарными критериями человеческого капитала. Вывод о конвергенции, сделанный на основе компонентов ИЧР, может быть ошибочным. Например, если мы возьмем такую величину, относящуюся к знаниям высокого уровня, как число статей в научных журналах на душу населения, то выяснится, что в настоящее время Северо-Западная Европа обгоняет Восточную Европу по этому показателю примерно в 7 раз.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Причины снижения смертности

В целом Европа после Второй мировой войны испытала значительное снижение смертности. Продолжая довоенные тенденции, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Северо-Западной и Южной Европе возросла на величину от 9 до 18 лет, причем как для мужчин, так и для женщин (табл. 15.3). В странах Южной Европы наблюдалась заметная конвергенция с Северо-Западной Европой, в то время как прогресс в Восточной Европе был более скромным. Например, ожидаемая продолжительность жизни в Испании и Португалии в 1950 г. была относительно низкой, но достаточно быстро возрастала. Снижение смертности было вызвано применением антибиотиков, о которых до войны не знали, улучшением питания — следствием экономического роста — и сильным сокращением распространенности сердечно-сосудистых заболеваний.

Таким образом, можно выделить следующие компоненты снижения смертности. Массовое распространение антибиотиков привело к дальнейшему сокращению смертности у взрослых. К тому моменту она уже была достаточно низкой благодаря снижению смертности от инфекционных заболеваний — наряду с окончанием войны основной причины смертности среди взрослых. Намного более значительным было сокращение младенческой смертно-

ТАБЛИЦА 15.3.
Ожидаемая продолжительность жизни при
рождении в отдельных европейских странах, лет

Страна	1950	2005
Западная Европа		
Бельгия	64,68	79,48
Франция	66,57	80,21
Германия	66,51	78,93
Швеция	71,97	80,55
Швейцария	68,69	81,24
Великобритания	68,80	78,95
Южная Европа		
Греция	65,08	78,99
Италия	65,55	80,33
Португалия	59,12	78,07
Испания	62,15	80,57
Восточная Европа		
Болгария	н/д	72,56
Чехия	64,63	75,91
Венгрия	62,13	72,85
Польша	61,57	75,00

ПРИМЕЧАНИЯ: Цифры за 1950 г. представляют собой среднее за различные годы близости от 1950 г.

Источник: Вычисления авторов на основе Rothenbacher 2005 и World Development Indicators (2007).

сти. Как показано в табл. 15.4, в 1950 г. различия в уровне младенческой смертности между странами Европы были чрезвычайно велики. Он составлял от 21 на 1000 родившихся живыми в Швеции до 108 в Польше. К 2005 г. уровень младенческой смертности сократился до 3 на тысячу и 6 на тысячу соответственно. Этот процесс затронул и Восточную, и Западную Европу, что было обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, сокращение рождаемости означало снижение среднего возраста матери на момент родов, а также среднего порядкового номера ребенка — факторов, связанных с более низкой младенческой смертностью. Во-вторых, за снижением младенческой (и детской) смертности зачастую стояли политические

ТАБЛИЦА 15.4.

Младенческая смертность на первом году жизни
в отдельных европейских странах, смертей на 1000
рожденных

Страна	1950 г.	2005 г.
Западная Европа		
Бельгия	53,4	4
Франция	43,5	3
Германия*	55,7	4
Швеция	21,0	3
Швейцария	31,2	4
Великобритания	31,2	5
Южная Европа		
Греция	35,4	4
Италия	63,8	4
Португалия	94,1	4
Испания	64,2	4
Восточная Европа		
Болгария	45,0 (1960)	12
Чехословакия**	64,1	3
Венгрия	85,7	7
Польша	108,0	6

* В 1950 г. за исключением ГДР.

** В 2005 г. за исключением Словакии.

Источник: World Development Indicators (2007).

меры — например, создание государственных клиник как в Восточной, так и в Западной Европе. Это по большей части нивелировало влияние различий в уровне урбанизации (связанных с ростом ВВП) — в силу чего младенческая смертность больше не зависела от роста ВВП. Наконец, в недавние годы наблюдался рост ожидаемой продолжительности жизни у пожилых людей, что сказалось на возрастной структуре населения (см. ниже).

Однако власти в Восточной Европе не сумели добиться снижения смертности от сердечно-сосудистых заболеваний путем проведения соответствующей политики в сфере здравоохранения. Это послужило основным источником различий в ожидаемой продолжительности жизни

ТАБЛИЦА 15.5.

Вклад изменений в смертности по возрастам в возрастание и снижение ожидаемой продолжительности жизни между 1965 и 1995 г. (в годах)

Возрастная группа	Средиземноморье	Северная Европа	Восточная Европа	Бывший СССР	Вся Европа
Мужчины					
0–1	1,93	1,23	2,13	0,54	1,30
30–59	1,23	1,29	–1,41	–4,52	–1,25
Все возрасты	6,69	5,59	1,31	–6,26	0,74
Женщины					
0–1	1,68	1,02	1,95	0,48	1,21
30–59	1,23	0,98	0,33	–1,21	0,21
Все возрасты	1,73	5,56	4,07	–1,98	3,37

Источник: Mesle and Vallin 2002, p. 171.

между Востоком и Западом (Mesle 2004, p. 66). В целом смертность в большинстве восточноевропейских стран перестала сокращаться с середины 1960-х по середину 1990-х гг. — в период, когда смертность непрерывно снижалась в Западной и Южной Европе. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в табл. 15.5. Например, с 1965 по 1995 г. ожидаемая продолжительность жизни у мужчин (в возрасте от 30 до 59 лет) в Западной и Южной Европе увеличилась почти на 1,2–1,3 года, однако *сократилась* на 1,41 года в Восточной Европе. В бывшем СССР она *снизилась* на 4,52 года.

Особый случай представляет собой ожидаемая продолжительность жизни в России, где смертность от чрезмерного пьянства существенно сократилась после того, как Горбачев в 1985–1986 гг. поднял цену на спиртное. В течение этого недолгого периода ожидаемая продолжительность жизни возросла на 3 года для мужчин и 1 год для женщин. Она также ненадолго возросла (на 5,7 лет и 3 года) во время экономического кризиса 1991–1994 гг. (Mesle and Vallin 2002, p. 175). Иными словами, дальнейшее снижение распространенности сердечно-сосудистых заболеваний отчасти зависело от изменения индивидуального поведения. Подобные поведенческие изменения происходили в других частях Европы, но только не в Восточной Европе — как можно видеть на примере бывше-

го СССР. В этом отношении большое значение имеет отсутствие заинтересованности у государства. (Например, вплоть до сегодняшнего дня население продолжает активно курить и весьма распространены несчастные случаи и убийства.)

Неблагоприятные тенденции, связанные с ожидаемой продолжительностью жизни в Восточной Европе, имели своей причиной и другие факторы. Помимо бывшей Чехословакии, бывшего СССР и Восточной Германии (ГДР), большинство восточноевропейских экономик после Второй мировой войны по-прежнему отличалось наличием крупного — и в абсолютном, и в относительном смысле — аграрного сектора. Приоритет в восточноевропейской экономической модели отдавался ускоренной индустриализации, т. е. насильственному перемещению рабочей силы и материальных ресурсов в промышленность и горнорудную отрасль (ср. Eichengreen 2007, ch. 5). Таким образом, в то время, когда в более развитых западноевропейских экономиках произошел поворот к «деиндустриализации» (отражавшейся в изменении доли занятых по секторам) — т. е. с середины 1950-х по середину 1970-х гг., — индустриализация продолжалась в бывших СССР, Чехословакии и ГДР и всерьез началась в других странах. Доля занятых в промышленности выросла от 37% в Чехословакии и 23% в Венгрии и Польше до 48, 45 и 34% соответственно в 1971 г. Приблизительно такая же доля занятых в промышленности наблюдалась в Великобритании в начале XX в. Значительная доля рабочей силы оказалась занята трудом, требующим физических усилий, в индустриальном окружении, где не так строго соблюдались сами по себе гораздо менее строгие, чем в Западной Европе, законы, связанные с охраной труда, здоровья и окружающей среды. И напротив, недавний рост ожидаемой продолжительности жизни в Восточной Европе совпал с процессом деиндустриализации, начавшимся после 1989 г., во время переходного периода.

Изменение рождаемости

До Второй мировой войны рождаемость снижалась в большинстве европейских стран. Во время войны рождаемость в целом также сокращалась, за несколькими важными исключениями: она выросла в Великобритании,

ТАБЛИЦА 15.6.
Общий уровень рождаемости
в отдельных европейских странах
(число рождений на одну женщину)

Страна	1950 г.	2005 г.
Западная Европа		
Бельгия	2,35	1,72
Франция	2,93	1,92
Германия	2,10*	1,36
Швеция	2,28	1,77
Швейцария	2,40	1,42
Великобритания	2,69 (1960)	1,80
Южная Европа		
Греция	2,46 (1951)	1,28
Италия	2,49	1,32
Португалия	3,08	1,40
Испания	2,48	1,33
Восточная Европа		
Болгария	2,34 (1960)	1,31
Чехословакия	2,08	1,28*
Венгрия	2,02 (1960)	1,32
Польша	2,98	1,24

* В 1950 г. за исключением ГДР.

** В 2005 г. за исключением Словакии.

Число рождений соответствует окончательному размеру семьи (измерение по когортам), за исключением последних лет, для которых учитывается ожидаемое число детей у женщин, еще не прекративших рожать, — т. е. величина, зависящая от момента измерения. Предполагается, что между первым и последним нет существенной разницы.

Источник: World Development Indicators (2007).

Франции и странах Скандинавии. После войны наблюдался недолгий рост рождаемости. По сути, он происходил за счет рождений, отложенных на послевоенный период. Европа фактически не знала ничего, эквивалентного беби-буму, и соответственно, здесь не было поколения беби-бумеров — феномена, свойственного исключительно Соеди-

ненным Штатам, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. (Беби-бум представлял собой изменение в поведении — по сути, возрастание желаемого размера семьи на одного ребенка.) Далее рождаемость в Европе продолжала медленно возрастать до середины 1960-х гг. Однако затем все резко изменилось: рождаемость стала снижаться во всех странах, в конце концов достигнув очень низкого уровня. Общий результат этого процесса показан в табл. 15.6. В последние годы рождаемость опять несколько подросла, но на момент написания данной главы ни одна из европейских стран не имела уровня рождаемости, достаточного для воспроизводства населения. (Очевидно, что для долгосрочного естественного прироста населения требуется средний общий уровень рождаемости, немногим превышающий 2.) Например, в 1990-е гг. лишь 15% прироста европейского населения обеспечивалось естественным образом; остальные 85% приходились на иммиграцию.

Проблемы измерения

Под ожидаемой продолжительностью жизни при рождении понимается время, которое проживет новорожденный при условии, что будут соблюдены средние уровни смертности для каждого возраста. Таким образом, эта величина зависит от момента измерения и потому в известной мере является абстракцией. Она не учитывает будущих изменений смертности, которые известны лишь для уже умерших людей. Аналогично общий уровень рождаемости (табл. 15.6) показывает, сколько детей родится у средней женщины при условии сохранения текущей рождаемости (с поправкой на возраст). В частности, не исключено, что молодые женщины, в настоящее время имеющие низкую рождаемость, в итоге родят достаточно детей для того, чтобы *окончательный размер семьи* превысил предсказываемую величину, хотя большинство демографов считает, что этого не случится. Например, в 1930-е гг. текущие уровни рождаемости предвещали сильное снижение численности населения в большинстве европейских стран. Тем не менее рождаемость в реальности не снижалась до 1960-х гг., когда, разумеется, значения рождаемости относились уже к совершенно иной женской когорте.

Причины снижения рождаемости

В данном разделе мы рассмотрим тенденцию к общему снижению рождаемости. Сама по себе она подвержена краткосрочным колебаниям, но их причиной обычно выступает экономическая неуверенность (например, обусловленная торговыми циклами), и долгосрочное влияние этих колебаний на экономику оказывается ограниченным. В табл. 15.6 демонстрируется, что снижение рождаемости было общеевропейским явлением. И поэтому мы можем не учитывать те факторы, которые относятся лишь к отдельным странам. Например, заманчиво связать снижение рождаемости с затратами на обучение детей, религией или уровнем детской занятости. Однако вариативность этих факторов по странам Европы намного превышала различия в рождаемости. Также заманчивой гипотезой служит наличие конкретных методов контроля за рождаемостью — в частности, распространение противозачаточных препаратов. Но фертильность сокращалась и в тех странах, где они использовались редко. (В большинстве стран Восточной Европы в 1950–1980-е гг. были разрешены и широко распространены аборты.) Из этого следует, что метод, используемый для предотвращения беременности, был менее важен, чем изменения в самом желании иметь детей. (Низкая рождаемость 1930-х гг. была достигнута в некоторых странах с использованием методов, которые сегодня были бы сочтены крайне неэффективными.) Иными словами, существует важное различие между сексом и рождаемостью. Более эффективные методы контрацепции повлияли на частоту союзов сильнее, чем на рождаемость.

Проанализируем общие и долгосрочные изменения в послевоенной европейской рождаемости. Начать можно с довольно туманной концепции «модернизации». Впрочем, мы знаем, что все большая доля населения живет в городах; что благодаря СМИ люди все лучше осведомлены о ситуации в других частях их страны и за рубежом; что повысился уровень женского образования, равно как и улучшилось положение женщин на рынке труда. Но при этом возникает парадокс: если, например, дети заменяли собой потребительские товары длительного пользования, то почему рост дохода домохозяйств первоначально привел к повышению рождаемости и лишь с середины 1960-х гг. — к ее снижению?

Наиболее правдоподобное объяснение общего характера указывает на связь между доходом, занятостью и статусом женщин. Предположим, что в идеальном мире большинство женщин хотят завести детей и вместе с тем иметь работу, приносящую удовлетворение. В 1950-е гг., когда большинство женщин выходили замуж, доход домохозяйств возрастал, позволяя семье (при существовавших на тот момент ожиданиях) жить на доход единственного кормильца. С другой стороны, вакансий для женщин было мало, и они плохо оплачивались. И поэтому упущенная выгода в смысле как дохода, так и статуса, связанная с наличием детей, была для женщин невелика. Но к концу XX в. ситуация на рынке труда изменилась. Женские должности, особенно в сфере услуг, нередко хорошо оплачивались и были достаточно престижны. Однако женщины, имеющие двух или трех детей, было трудно накопить достаточный человеческий капитал для того, чтобы сделать карьеру. Отчасти здесь сказывается такой фактор, как стоимость присмотра за детьми. Оценки того, как отражается на доходе, полученном женщиной за всю ее жизнь, воспитание двух детей, рожденных ею до достижения тридцатилетнего возраста, весьма разнятся и могут находиться в диапазоне от -25% (Франция) до -50% (Великобритания). Уровень участия женщин на рынке труда в некоторых европейских странах приведен в табл. 15.7.

Критики такого подхода указывают на то, что к Южной Европе он применим в меньшей степени, чем к Северной. Например, в Испании и Италии рождаемость упала до исключительно низкого уровня, однако участие женщин на рынке труда было в этих странах относительно низким (табл. 15.7). Было бы более поучительно отметить исключительно высокий *рост* уровня участия в Южной Европе. Иными словами, не исключено, что следует говорить о запоздалых изменениях в поведении, а не о культурных различиях. Еще раз повторим: мы не утверждаем, что женщины совершенно отказались от деторождения ради выхода на рынок труда. Большинство женщин стремится завести детей и одновременно найти занятие, которое бы приносило им большее удовлетворение, чем работа по дому.

В целом уровень женского участия достигал в Западной Европе высоких величин (60–80% для женщин в возрасте от 15–64 лет). Отсюда следует, что большинство работающих женщин должны были иметь (одного или двух) детей. Доля женщин, работающих на неполной ставке,

ТАБЛИЦА 15.7.
Уровень участия на рынке труда для
женщин в возрасте от 15 до 64 лет
в отдельных европейских странах
в 2006 г. (полная и частичная
занятость, %)

Страна	Полная занятость	Частичная занятость
Западная Европа		
Бельгия	38,5	20,4
Франция	49,3	14,6
Германия	41,7	26,8
Швеция	69,3	14,7
Швейцария	40,0	34,1
Великобритания	43,0	27,3
Южная Европа		
Греция	47,9	7,1
Италия	35,9	14,9
Португалия	59,4	9,0
Испания	48,1	13,0
Восточная Европа		
Чехия	58,9	3,4
Венгрия	53,6	2,3
Польша	47,6	9,2

Источник: OECD (2007b).

варьировалась намного сильнее — что связано с различиями в стоимости и качестве присмотра за детьми в разных странах.

Кроме того, в годы после Второй мировой войны произошли резкие изменения, связанные со временем родов. Значительно сократился детородный период. Женщины прекращали рожать детей в раннем возрасте или, наоборот, откладывали рождение детей до момента достижения определенных успехов в карьере (причем первое происходило чаще). В настоящее время бездетными (хотя не всегда по собственному выбору) являются около 20% замужних женщин в Европе, а 80% имеет не более двух детей. Следовательно, за снижением рождаемости стоял кризис семьи с тремя или четырьмя детьми. Также начи-

ная с 1950-х гг. произошли серьезные изменения в составе домохозяйства. В 1950-е гг. в Европе встречалось почти исключительно нуклеарное домохозяйство (муж, жена и дети), и большинство детей было рождено в браке — в силу того что брак был гарантией против нежелательной беременности. В последние же годы наблюдался рост числа женщин-одиночек — как молодых, так и пожилых. Дети имеют возможность покидать дом в более юном возрасте, что связано с распространением «сожителства» (под которым формально понимается гетеросексуальная совместная жизнь без заключения брака). Однако неженатые пары отличаются более низкой рождаемостью, чем женатые. Более того, внебрачные дети как следствие беспорядочных сексуальных связей являются редкостью в большинстве европейских стран, кроме Великобритании.

Последствия демографических изменений; изменения в возрастной структуре

В недавние годы население Европы старело по двум основным причинам: во-первых, в результате сокращения размеров возрастных когорт; во-вторых, в результате изменения относительных уровней смертности, и в частности, снижения смертности среди пожилых людей. Наиболее быстро стареет население Южной Европы. Рождаемость в прошлом была здесь относительно высокой, вследствие чего до наших дней дожило много представителей предыдущих крупных возрастных когорт. Ожидаемая продолжительность жизни для 65-летнего возраста по 25 странам ЕС составляла в 2004 г. 15,9 года для мужчин и 19,5 года для женщин (Carone and Costello 2005). В теории это увеличивает число «иждивенцев» по отношению к «кормильцам». В 2000 г. в Европе на одного человека в возрасте более 65 лет приходилось около четырех людей в возрасте от 15 до 64 лет. К 2025 г. эта цифра снизится приблизительно до трех (а ведь есть еще и дети). Однако отнюдь не факт, что мы правильно определяем круг «иждивенцев». Например, спрос на ручной труд, к которому неспособны пожилые люди, снижается по отношению к спросу на труд в сфере услуг, доступный для них. Иными словами, одновременно со старением населения возрастает уровень его участия на рынке труда. Например, в Великобритании изменение уровня мужского уча-

ствия, сокращавшегося с 1931 г., своим воздействием вдвое превзошло изменения в возрастной структуре населения (Johnson 1997, p. 1898). Более того, многие старые работники обладают большим человеческим капиталом, и этот момент имеет ключевое значение. В целом повышение уровня участия пожилых на рынке труда не несет ответственности за такую проблему, как молодежная безработица, распространенная практически во всех европейских странах, потому что ее главной причиной является низкий уровень человеческого капитала у многих молодых людей. Более того, старение населения, вопреки ожиданиям, не вело и к сокращению расходов на образование, так как этому помешал рост ожиданий в отношении образования. Например, резко возросли расходы на высшее образование.

Наконец, не оправдались и мрачные предсказания о том, что старение европейского населения приведет к замедлению экономического роста. Ряд авторов (включая Кейнса) утверждал, что старение вызовет снижение темпов накопления, а следовательно, и инвестиций. Однако, как мы знаем, самым важным компонентом экономического роста после Второй мировой войны была общая производительность факторов производства. Иными словами, уровень инвестиций определяется главным образом темпами экономического роста, а не *наоборот*.

Тем не менее существует проблема пенсий

В соответствии с принципом «pay-as-you-go» (выплаты пенсий из текущих доходов), общепринятым в послевоенной Европе, трудящиеся индивидуумы оплачивали пенсии для престарелых, ожидая, что их пенсию в будущем тоже оплатит кто-то другой. При такой схеме, в отличие от системы частных пенсий, не существует пенсионного фонда. В 1950–1960-е гг. она обеспечивала более щедрые пенсии — в силу достаточно простой причины. Политики имели возможность нажиться на обещаниях повысить пенсии, которые в то время было легко финансировать, потому что пенсионеров было относительно мало и они не делали больших взносов. В большинстве европейских стран финансирование пенсионных схем в 1950–1960-е гг. возрастало быстрее, чем выплаты, что позволяло увеличи-

ТАБЛИЦА 15.8.

Количество лиц в возрасте от 15 до 64 лет по отношению к лицам в возрасте более 65 лет

Страна	1960	1980	2000	2025
Франция	5,32	4,57	4,24	3,12
Германия	6,25	4,27	4,24	3,01
Италия	7,04	4,98	4,02	2,9
Испания	7,81	5,88	4,39	3,38
Швеция	5,52	3,94	3,72	2,6
Великобритания	5,56	4,26	4,24	3,12

Источник: OECD 2007b.

вать пенсии, не повышая налоги. Например, во Франции и в Италии многие (но ни в коем случае не все) трудящиеся могли рассчитывать на получение с 60-летнего возраста пенсии, составлявшей две трети от их среднего проиндексированного заработка (табл. 15.8).

Пенсионную схему типа «pay-as-you-go» описывает уравнение

$$W(\%t \cdot y) = P(\%p \cdot w),$$

где W — численность рабочей силы; P — число пенсионеров; $\%t$ — относительная величина взносов; $\%p$ — уровень замещения (отношение величины пенсий к среднему доходу); y — средний доход; w — средняя заработная плата. Отсюда видно, что если численность рабочей силы W сокращается (например, из-за старения населения), то прежний уровень пенсий P можно сохранить лишь в том случае, если повышается величина взносов ($\%t \cdot y$) либо снижается относительный размер пенсий ($\%p \cdot w$). Отметим, что рост ВВП не решит этой проблемы, поскольку он приведет к росту среднего дохода (w), а следовательно, и к росту пенсий. Данное уравнение позволяет понять, почему предпочтительным политическим ответом на проблему финансирования пенсий является повышение пенсионного возраста. Германия и Скандинавские страны уже пошли на такое повышение — наряду с небольшим увеличением взносов. Тем не менее пока что ни одно европейское правительство не отказалось от пенсионной схемы «pay-as-you-go», вследствие чего выплата пенсий находит-

ся в зависимости от индивидуальных взносов. Подобная политика означает, что нынешние налогоплательщики будут платить налоги (делать «взносы»), но не получают адекватных пенсий. Более того, при схеме частных пенсионных фондов правительство будет вынуждено платить пенсию лицам, не имеющим сбережений (т.е. самым бедным). И поэтому в политическом плане более привлекательно изменение условий, на которых работают существующие схемы «pay-as-you-go». Впрочем, Великобритания является исключением. Государственные пенсии в этой стране были чересчур малы уже на момент их учреждения в 1948 г., а впоследствии еще сильнее уменьшились из-за инфляции. Вот почему нормой здесь стали частные (как правило, профессиональные) пенсионные фонды. Соответственно, участие британского правительства в решении пенсионных проблем носит ограниченный характер.

Миграция

В первые послевоенные годы среди европейских мигрантов преобладали беженцы и перемещенные лица. Вследствие изгнания немцев из Восточной Европы наибольшее число мигрантов приняла Западная Германия. Но уже к началу 1950-х гг. иммиграция стала носить преимущественно трудовой характер. Она возрастала вплоть до начала 1970-х гг., когда достигла уровня в 3 млн человек (при чистой иммиграции в 1,5 млн человек). К 1973 г. 12% германской рабочей силы (и 10% французской) были иностранцами.

Легко понять, почему иммиграция носила такой масштабный характер. Темпы роста в эпоху золотого века повлекли за собой нехватку рабочей силы. Транспортные издержки были низки. Возрастание численности отечественной рабочей силы, в том числе за счет повышения уровня участия и структурных изменений (т.е. перемещения рабочей силы из секторов с низкой производительностью, таких, как сельское хозяйство), было недостаточно быстрым для того, чтобы компенсировать низкую рождаемость 1930-х гг. и людские потери во время Второй мировой войны. За счет иммиграции обеспечивалось около 10% спроса на рабочую силу, возросшего за годы золотого века. В рамках первоначальных 6 стран — участниц ЕЭС миграция никак не контролировалась, но лишь в Италии, где доходы

были относительно низки, существовала значительная миграция *в другие страны* ЕЭС. Иммиграция из стран, не входящих в ЕЭС, подвергалась жесткому контролю. Иммигранты въезжали в ЕЭС при наличии трудовых договоров с ограниченным сроком действия. Начиная с 1950-х гг. работников рекрутировали из Турции, бывшей Югославии, Португалии, Греции, Северной Африки, Западной Африки, Испании и — до ее вступления в ЕЭС в 1958 г. — Италии. В этом плане наиболее известен западногерманский эксперимент 1960-х гг. с гастарбайтерами (буквально — «гости-рабочие»), хотя ему предшествовали аналогичные механизмы во Франции и других странах. (До 1961 г., когда была построена Берлинская стена, Западная Германия могла рассчитывать на иммиграцию из ГДР.) Все эти механизмы основывались на предположении, что иммигранты будут возвращаться домой, когда спрос на их труд снизится. Набор иммигрантов прекратился в начале 1970-х гг., когда замедлился экономический рост, однако многие работники, приглашенные временно, отказывались уезжать. Поскольку их депортация была невозможна по политическим соображениям, европейские — и в первую очередь западногерманские — власти не имели иного выбора, кроме как превратить их в постоянных иммигрантов. В свою очередь, это означало, что в 1970–1980-е гг. среди иммигрантов было больше иждивенцев, чем трудящихся. Исключением служила Великобритания. Здесь не было гастарбайтеров или их аналогов, однако в 1950–1960-е гг. происходила неконтролируемая и крупномасштабная иммиграция из Ирландской Республики.

Иммигранты селились в основном компактно. Например, большинство иммигрантов из Турции и бывшей Югославии осели в Германии. Это происходило по трем причинам. Во-первых, на работу приглашались представители определенных национальностей. Во-вторых, существовал феномен «цепной миграции». Для миграции характерна неопределенность, а прежние иммигранты (порой находившиеся в родстве с будущими иммигрантами) являлись важнейшим источником информации, например, о рынках труда. Третьим фактором служили связи с колониями. Иммигрантами из колоний были в первую очередь жители Северной Африки, направлявшиеся во Францию, жители Индийского субконтинента и Карибского бассейна, направлявшиеся в Великобританию, и жители Карибского бассейна, направлявшиеся в Нидерланды. Од-

нако иммиграция этнических меньшинств из бывших колоний была политически проблематична. Подчиняясь политическому давлению, большинство стран изменило статус граждан своих колоний или бывших колоний. Например, до 1960-х гг. любой человек, родившийся в пределах Британской империи — например, любой, родившийся в Индии или Пакистане до получения ими независимости (1947 г.) или в Гонконге, являлся британским гражданином и имел право жить и работать в Великобритании. Но после межрасовых волнений 1960-х гг. такое право сохранилось лишь у владельцев британских паспортов, имевших хотя бы одного родителя, рожденного в Великобритании.

К концу XX в. иммиграционные процессы претерпели серьезные изменения (табл. 15.9). Увеличился темп иммиграции. Значительно возросла иммиграция с юга на север — например, из Африки. В странах Южной Европы — Италии, Испании и Португалии — чистая эмиграция сменилась чистой иммиграцией. Наплыв иммигрантов из Восточной Европы оказался менее существенным, чем ожидалось. Возросло число иммигрантов, претендующих на политическое убежище, а также снизилась (чистая) эмиграция, направленная из Европы. Эти тенденции относительно легко объяснить. В большинстве европейских стран продолжал возрастать спрос на рабочую силу, однако на некоторых европейских рынках труда возникли структурные проблемы. Естественный прирост населения во всех европейских странах был отрицательным. В то же время сохранялись ограничения на иммиграцию из стран за пределами Европы. Фактически для того, чтобы законным способом въехать в одну из стран ЕС, нужно было иметь гражданство ЕС, получить разрешение на работу (которые во все большей степени выдавались лишь квалифицированным работникам) или просить политического убежища.

В экономической теории, предполагающей отсутствие препятствий для миграции, торговли или перемещения капитала, миграция объясняется различной отдачей от труда в стране-источнике и стране-получателе мигрантов. В свою очередь, это различие определяется относительным избытком капитала. *Ceteris paribus*, рабочая сила перемещается туда, где капитал относительно дешев, а капитал перемещается туда, где труд дешев, — до тех пор, пока не достигается чистое миграционное равновесие,

ТАБЛИЦА 15.9.
Чистая миграция в 1991 и 2006 гг.
(на 1000 жителей)

Страна	1995	2006
Западная Европа		
Бельгия	1,3	4,8
Франция	0,6	1,5
Германия	7,5*	0,3
Швеция	2,9	5,6
Швейцария	—	3,4
Великобритания	1,3	2,6
Южная Европа		
Греция	11,7*	3,6
Италия	0,1	6,4
Португалия	7,2	2,5
Испания	1,6	14,6
Восточная Европа		
Чехия	-5,5	3,4
Венгрия	1,7	0,4
Польша	-0,4	-0,9

ПРИМЕЧАНИЕ: Даны цифры чистого притока, если они не отмечены как чистый отток.

* Воздействие исключительных (политических) факторов.

Источник: Eurostat, Demographic Yearbook 2004, 2007.

о котором также говорят как о «выравнивании цен на факторы производства». (В теории важен также относительный избыток ресурсов, но это не относится к современной европейской миграции.) К концу XX в. в странах ЕС существовала свободная торговля промышленными товарами и свободное перемещение капитала, что влекло за собой конвергенцию реальных доходов. И поэтому можно было ожидать, что чистый уровень миграции в рамках ЕС будет низким, и именно это наблюдалось на практике, хотя общие миграционные потоки достигали больших масштабов. Исключением была миграция из недавно принятых стран. Те страны, которые вступали в ЕС, обычно являлись относительно бедными. Более того, как и во многих

других частях света, бедные страны Европы обычно имели более низкую производительность капитала и труда, чем богатые, а это обстоятельство способно порождать крупные миграционные потоки. Однако прежние члены ЕС были вправе в течение 6 лет сохранять ограничения на перемещения рабочей силы. Например, на момент написания данной главы иммигранты из стран Балтии и Польши, не получившие разрешения на работу, имели право на легальный въезд лишь в Великобританию, Ирландию и Швецию. У граждан Румынии и Болгарии не было даже такого права. Подавляющее большинство разрешений обычно выдавалось квалифицированным работникам (и их иждивенцам). Таким образом, в конце XX в. средний уровень квалификации у иммигрантов из стран, не входящих в ЕС, повышался, а у иммигрантов из стран ЕС — снижался.

Очевидно, состав иммиграционных потоков определялся в первую очередь состоянием рынков труда в главных странах-получателях иммиграции. Два из трех секторов, в которых традиционно использовался труд иммигрантов (промышленность и сельское хозяйство), сокращались. (Лишь в строительстве по-прежнему было задействовано большое число иммигрантов.) Спрос на квалифицированный труд в сфере услуг высокого уровня удовлетворялся методом приглашений на работу, в том числе осуществлявшегося в рамках мультинациональных корпораций. Однако спрос на рабочую силу в первую очередь существовал в сфере услуг низкого уровня, особенно в крупных и богатых городах. Поскольку эти услуги привязаны к месту их предоставления, соответствующий спрос удовлетворялся за счет неквалифицированных иммигрантов из других стран ЕС и нелегальных иммигрантов. Местные жители не претендовали на эти относительно низкопроизводительные места — обычно из-за слишком высоких запросов в отношении зарплаты и слишком слабой внутренней миграции. При этом на внутреннем рынке труда действовали также структурные факторы. Многие (обычно пожилые) трудящиеся обладали навыками, которые не находили применения из-за упадка промышленности. Таким лицам было сложно овладеть новой профессией, позволяющей получить работу в сфере услуг. В некоторых странах (например, в Великобритании) они существовали за счет социального страхования, получая страховые выплаты на основании того, что не могут за-

ниматься тяжелым физическим трудом. Более того, в некоторых европейских странах многие молодые мужчины (а также, хотя и не в такой степени, молодые женщины) почти не имели навыков, востребованных на рынке труда. Например, в некоторых деградирующих промышленных городах и сельских регионах Восточной Европы существует избыток мужского населения, потому что большая доля молодых женщин устроилась на работу в крупных городах, что оказалось невозможно для молодых неквалифицированных мужчин.

На уровень иммиграции влияет еще один структурный фактор: масштабы вторичного рынка труда. Нелегальные иммигранты работают в неформальном секторе, потому что не могут получить карточку социального страхования. Их можно найти в любой европейской стране, но больше всего их в тех странах, в которых существуют крупнейшие неформальные рынки труда — например, в Португалии, Испании, Италии и Греции. Отчисления на социальное страхование, обычно выплачиваемые нанимателями из этих стран, могут увеличить расходы на заработную плату на 50–100%. Это подталкивает нанимателей к тому, чтобы брать нелегальных работников. (Попытки узаконить их положение зачастую были безуспешными, потому что трудящиеся теряли свои места, если нанимателям приходилось делать отчисления на социальное страхование.) Не вызывает сомнений существование ненулевого спроса на труд нелегальных иммигрантов — например, из-за того, что многие из них готовы оказывать дешевые надомные услуги. Однако в некоторых странах нелегальные иммигранты находят работу и в других секторах экономики. Источником нелегальной иммиграции являются самые разные регионы, включая Албанию, Северную и Западную Африку, Латинскую Америку и Россию. (Отметим, что вовсе не нелегальная иммиграция является причиной роста неформального рынка труда, а наоборот.) Наконец, в конце XX в. возросло число иммигрантов, просящих политического убежища. Такая иммиграция затронула все богатые страны, но в первую очередь это относится к Германии, куда прибыло множество беженцев из бывшей Югославии. Впрочем, большинство из них вернулось на родину. Такие беженцы обычно вызывают неприязнь у электората. И поэтому политика буквально всех европейских стран была направлена на то, чтобы остановить их поток, — и это неудивительно, если учесть, что на пике

эмиграции по политическим мотивам, пришедшемся на конец 1990-х гг., ежегодно в Европе на получение политического убежища претендовало около 500 тыс. человек. Из них убежище получало около 50 тыс. человек, но из 450 тыс., получивших отказ, депортации подвергалось лишь 150 тыс. Оставшиеся 300 тыс. продолжали жить в Европе нелегально.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение шести десятилетий после окончания Второй мировой войны во многих регионах Европы происходило значительное повышение уровня жизни, понимаемое в широком смысле слова. Впрочем, рост благосостояния в Западной Европе было легче осуществить в ходе стремительного развития экономики в годы золотого века, когда доходы возрастали быстрее, чем в последующие десятилетия, увеличивались социальные расходы как доля возраставшего объема производства, а демографическая ситуация была более благоприятной, чем в конце XX в. Процессы, происходившие в Восточной Европе, носили более неоднозначный характер. В то время как первоначально Восточная Европа в смысле ИЧР достигла не меньших, а может быть, и больших успехов, чем Южная Европа, начиная с 1970-х гг. по уровню благосостояния она стала явно отставать от Запада. С одной стороны, это было результатом замедления экономического роста, а с другой стороны, сказалось прекращение роста ожидаемой продолжительности жизни. Стагнация этого показателя, согласно нашей гипотезе, могла быть итогом неспособности догнать Западную Европу в плане борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями, а также ценой, заплаченной за ускоренную послевоенную индустриализацию с ее упором на развитие тяжелой и экологически грязной промышленности. Согласно другому объяснению, на большей части Восточной Европы после Второй мировой войны происходило то, что экономически более развитые страны Западной Европы испытали во время индустриальных революций XIX в.

Библиография

- Abelshauser, W. 2000. Germany: Guns, Butter, and Economic Miracles. In Harrison 2000, pp. 122–176.
- Abramovitz, M. 1961. The Nature and Significance of Kuznets Cycles. *Economic Development and Cultural Change* 9: 225–248.
- . 1986. Catching Up, Forging Ahead, and Falling Behind. *Journal of Economic History* 46: 385–406.
- Abramovitz, M. and P.A. David. 1996. Convergence and Delayed Catch-Up: Productivity Leadership and the Waning of American Exceptionalism. In *The Mosaic of Economic Growth*, ed. R. Landau, T. Taylor, and G. Wright. Stanford University Press, pp. 21–62.
- Accominotti, O., M. Flandreau, R. Rezzik, and F. Zumer. 2008. Black Man's Burden: Measured Philanthropy in the British Empire, 1880–1913. CEPR Discussion Paper 6811.
- Acemoglu, D., S. Johnson, and J.A. Robinson. 2002. Reversal of Fortunes: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *Quarterly Journal of Economics* 117: 1231–1294.
- A'Hearn, B. and U. Woitek. 2001. More International Evidence on the Historical Properties of Business Cycles. *Journal of Monetary Economics* 47: 321–346.
- Aldcroft, D. H. 2001. *The European Economy 1914–2000*, fourth edition. London: Routledge.
- Aldcroft, D. 2006. *Europe's Third World: The European Periphery in the Interwar Years*. Aldershot: Ashgate.
- Alesina, A. 1989. Politics and Business Cycles in Industrial Democracies. *Economic Policy* 4: 57–98.
- Alesina, A., E. Glaeser, and B. Sacerdote. 2005. Work and Leisure in the US and Europe: Why So Different? CEPR Discussion Paper 5140.
- Allen, C., M. Gasiorek, and A. Smith. 1998. The Competition Effects of the Single Market in Europe. *Economic Policy* 27: 439–486.
- Allen, R. C. 2003. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton University Press.
- Ambrosius, G. and W. Hubbard. 1989. *A Social and Economic History of Twentieth-Century Europe*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Andreff, W. 2004. Would a Second Transition Stage Prolong the Initial Period of Post-Socialist Transformation into Market Capitalism? *The European Journal of Comparative Economics* 1: 7–31.
- Anfimov, A. M. and A. P. Korelin, eds. 1995. *Rossia. 1913 god. Statistiko-dokumental'nyi spravochnik* (Russia, 1913: Statistical Documentary Handbook). St Petersburg: Blits.

- Angell, N. 1972. *The Great Illusion. A Study of the Relation of Military Power in Nations to Their Economic and Social Advantage*. New York: Garland.
- Antsiferov, A. 1930. *Russian Agriculture during the War*. New Haven: Yale University Press.
- Aparicio, D., V. Pinilla, and R. Serrano. 2008. Europe and the International Trade in Agricultural and Food Products, 1870–2000. In *Agriculture and Economic Development in Europe since 1870*, ed. P. Lains and V. Pinilla. London: Routledge, 52–75.
- Armstrong, P., A. Glyn, and J. Harrison. 1991. *Capitalism since World War II: The Making and Breakup of the Great Boom*. London: Fontana.
- Artis, M., H. — M. Krolzig, and J. Toro. 2004. The European Business Cycle. *Oxford Economic Papers* 56: 1–44.
- Artis, M., M. Marcellino, and T. Proietti. 2004. Characterizing the Business Cycle for Accession Countries. IGER Working Paper no. 261.
- Artis, M. J. and M. P. Taylor. 1994. The Stabilizing Effect of the ERM on Exchange Rates and Interest Rates. *IMF Staff Papers* 41: 123–148.
- Artis, M. J. and W. Zhang. 1997. International Business Cycles and the ERM: Is There A European Business Cycle? *International Journal of Finance and Economics* 38: 1471–1487.
- Avramov, R. and S. Pamuk, eds. 2006. *Monetary and Fiscal Policies in South-East Europe. Historical and Comparative Perspective*. Sofia: Bulgarian National Bank.
- Bachinger, K. 1973. Das Verkehrswesen. In *Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Vol. 1, Die Wirtschaftliche Entwicklung*, ed. A. Brusatti. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, pp. 278–322.
- Backus, D. and P. Kehoe. 1992. International Evidence on the Historical Properties of Business Cycles. *American Economic Review* 82: 864–888.
- Badinger, H. 2005. Growth Effects of Economic Integration: Evidence from the EU Member States. *Review of World Economics* 141: 50–78.
- Bagge, G., E. Lundberg, and I. Svennilson. 1935. *Wages in Sweden, 1860–1930*. London: P. S. King & Son.
- Baily, M. and J. F. Kirkegaard. 2004. *Transforming the European Economy*. Washington: Institute for International Economics.
- Bain, G. S. and R. Price. 1980. Profiles of Union Growth: A Comparative Statistical Portrait of Eight Industrial Countries. Oxford: Blackwell.
- Baines, D. 1999a. European Immigration since 1945. In Schulze 1999, pp. 177–190.
- . 1999b. European Demographic Change since 1945. In Schulze 1999, pp. 161–176.
- . 2007. Immigration and the Labour Market. In *Work and Pay in Twentieth-Century Britain*, ed. N. Crafts, I. Gazeley, and A. Newell. Oxford University Press, pp. 330–352.
- Bairoch, P. 1968. *The Working Population and Its Structure*. Brussels: Institut de Sociologie.
- . 1974. General Structure and Trade Balance of European Foreign Trade. *Journal of European Economic History* 3: 557–608.
- . 1976. Commerce extérieur et développement économique de l'Europe au XIXe siècle. Paris: Mouton.
- . 1982. International Industrialization Levels from 1750 to 1980. *Journal of European Economic History* 11: 269–333.
1989. European Trade Policy, 1815–1914. In *The Cambridge Economic History of Europe, Volume VIII, The Industrial Economics: The Development of Economic and Social Policies*, ed. P. Mathias and S. Pollard. Cambridge University Press.

- . 1993. *Economics and World History: Myths and Paradoxes*. Hemel Hempstead: Harvester-Wheatsheaf.
- Balderston, T. (1993). *The Origins and Course of the German Economic Crisis 1923–1932*. Berlin: Hainde and Spener.
- Baldwin, P. 1990. *The Politics of Social Solidarity*. Cambridge University Press.
- Baldwin, R. 1989. The Growth Effects of 1992. *Economic Policy* 9: 247–281.
- . 2006a. The Euro's Trade Effects. ECB Working Paper 594.
- . 2006b. In or Out: Does it Matter? An Evaluation-Based Analysis of the Euro's Trade Effects. London: CEPR.
- Barber, J. and R. Davies. 1994. Employment and Industrial Labour. In *The Economic Transformation of the Soviet Union*, ed. R. W. Davies, M. Harrison, and S. G. Wheatcroft. Cambridge University Press, pp. 81–105.
- Barber, J. and M. Harrison. 1991. *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London: Longman.
- . 2005. Patriotic War, 1941 to 1945. In *The Cambridge History of Russia*, Vol. 3, ed. R. G. Suny. Cambridge University Press, pp. 217–242.
- Bardet, J.-P. 1999. La France: la fin d'une singularité? In Bardet and Dupâquier. 1999, pp. 437–488.
- Bardet, J.-P. and J. Dupâquier, eds. 1999. *Histoire des populations de l'Europe*, Vol. 3, *Les temps incertains, 1914–1998*.
- Barjot, D. et al. 1996. *Histoire de la France industrielle*. Paris: Larousse.
- . 1997. *Industrialisation et sociétés en Europe occidentale du début des années 1880 à la fin des années 1960*. Paris: CNED-SEDES.
- Barrell, R., S. Gottschalk, D. Holland, E. Khoman, I. Liadze, and O. Pomerantz. 2008. The Impact of EMU on Growth and Employment. *European Commission Economic Papers* 318.
- Barro, R. 1996. Democracy and Growth. *Journal of Economic Growth* 1: 1–27.
- Barro, R., G. Mankiw, and X. Sala-i-Martin. 1995. Capital Mobility in Neoclassical Models of Growth. *American Economic Review* 85: 103–115.
- Barro, R. J. and X. Sala-i-Martin. 2003. *Economic Growth*, second edition. New York: McGraw-Hill.
- Barry, F. 2002. The Celtic Tiger Era: Delayed Convergence or Regional Boom? *ESRI Quarterly Economic Commentary*, 84–91.
- Barsky, R., and J. B. De Long. 1991. Forecasting Pre-World War I Inflation: The Fisher Effect and the Gold Standard. *Quarterly Journal of Economics* 106: 815–836.
- Basu, S. and A. Taylor. 1999. Business Cycles in International Historical Perspective. *Journal of Economic Perspectives* 13: 45–68.
- Baten, J. 2006. Global Height Trends in Industrial and Developing Countries, 1810–1984: An Overview. Working Paper, University of Tübingen.
- Baten, J. and A. Wagner. 2003. Autarky, Market Disintegration, and Health: The Mortality and Nutritional Crisis in Nazi Germany 1933–1937. *Economics and Human Biology* 1–1: 1–28.
- Baumol, W. J. 1986. Productivity Growth, Convergence, and Welfare: What the Long-Run Data Show. *American Economic Review* 76: 1072–1085.
- Bayoumi, T. 1990. Saving–Investment Correlations: Immobile Capital, Government Policy, or Endogenous Behavior? *IMF Staff Papers* 37: 360–387.
- Bayoumi, T. and B. Eichengreen. 1993. Shocking Aspects of European Monetary Unification. In *Adjustment and Growth in the European Monetary Union*, ed. F. Giavazzi and F. Torres. Cambridge University Press, 193–229.

- . 1994. Economic Performance under Alternative Exchange Rate Regimes: Some Historical Evidence. In *The International Monetary System*, ed. P. Kenen, F. Papadia, and F. Saccomanni. Cambridge University Press, pp. 257–297.
- . 1997. Is Regionalism Simply a Diversion? Evidence from the Evolution of the EC and EFTA. In *Regional versus Multilateral Trade Arrangements*, ed. T. Ito and A. Krueger. Chicago University of Chicago Press, pp. 141–168.
- Bean, C. and N. Crafts. 1996. British Economic Growth since 1945: Relative Economic Decline ... and Renaissance? In *Economic Growth in Europe Since 1945*, ed. N. Crafts and G. Toniolo. Cambridge University Press, pp. 131–172.
- Beaudry, P. and F. Portier. 2002. The French Depression in the 1930s. *Review of Economic Dynamics* 5: 73–99.
- Beck, T. and L. Laeven. 2006. Institution Building and Growth in Transition Economies. *Journal of Economic Growth* 11: 157–186.
- Bell, F. and R. Millward. 1998. Public Health Expenditures and Mortality in England and Wales 1870–1914. *Continuity and Change* 13: 221–249.
- Benavot, A. and P. Riddle. 1989. The Expansion of Primary Education, 1870–1940: Trends and Issues. *Sociology of Education* 61: 191–210.
- Bengtsson, T. and Dribe, M. 2005. New Evidence on the Standard of Living in Sweden during the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Long-Term Development of the Demographic Response to Short-Term Economic Stress. In *Living Standards in the Past. New Perspectives on Well-Being in Asia and Europe*, ed. R. C. Allen, T. Bengtsson, and M. Dribe. Oxford University Press, pp. 341–372.
- Benjamin, D. and L. Kochin. 1979. Searching for an Explanation of Unemployment in Inter-War Britain. *Journal of Political Economy* 87: 441–478.
- Berend, I. T. 1998. *Central and Eastern Europe, 1944–1993: Detour from the Periphery to the Periphery*. Reprint, Cambridge University Press.
- . 2006. *An Economic History of Twentieth-Century Europe. Economic Regimes from Laissez-Faire to Globalization*. Cambridge University Press.
- Berger, H. and J. de Haan. 1999. A State Within the State? An Event Study on the Bundesbank. *Scottish Journal of Political Economy* 46: 17–39.
- Berger, H. and A. Ritschl. 1995. Germany and the Political Economy of the Marshall Plan, 1947–52: A Re-Revisionist Review. In *Europe's Postwar Recovery*, ed. B. Eichengreen. Cambridge University Press, pp. 199–245.
- Berghahn, V. R. 1973. *Germany and the Approach of War in 1914*. New York: St. Martin's Press.
- Bergman, M., M. Bordo, and L. Jonung. 1998. Historical Evidence on Business Cycles: The International Experience. In *Beyond Shocks: What Causes Business Cycles*, ed. J. Fuhrer and S. Schuh. Federal Reserve Bank of Boston, 65–113.
- Bergman, M., S. Gerlach, and L. Jonung. 1992. External Influences in Nordic Business Cycles, 1870–1988. *Open Economy Review* 3: 1–22.
- Berliner, J. S. 1976. *The Innovation Decision in Soviet Industry*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Bernanke, B. 1995. The Macroeconomics of the Great Depression: A Comparative Approach. *Journal of Money, Credit and Banking* 27: 1–28.
- . 2000. *Essays on the Great Depression*. Princeton University Press.
- Bernanke, B. and H. James. 1991. The Gold Standard, Deflation, and Financial Crisis in the Great Depression: An International Comparison. In *Financial Markets and Financial Crisis*, ed. G. Hubbard. Chicago: University of Chicago Press, 33–68.
- Biraben, J. N. 1991. Pasteur, Pasteurization, and Medicine. In Schofield, Reher, and Bideau 1991, pp. 220–232.

- Blanchard, O.J. 1984. The Lucas Critique and the Volcker Deflation. *American Economic Review* 74: 211–215.
- . 2004. The Economic Future of Europe. *Journal of Economic Perspectives* 18 (4): 3–26.
- Blanchard, O.J. and P.A. Muet. 1993. Competitiveness through Disinflation: An Assessment of the French Macroeconomic Strategy. *Economic Policy* 16: 11–56.
- Blanchard, O.J. and J. Simon. 2001. The Long and Large Decline in US Output Volatility. *Brookings Papers on Economic Activity* 1: 135–164.
- Bloomfield, A. I. 1959. *Monetary Policy under the International Gold Standard, 1880–1914*. New York: Federal Reserve Bank of New York.
- . 1968. Patterns of Fluctuations in International Investment before 1914. Princeton Studies in International Finance 21. Department of Economics, Princeton University.
- Boeri, T. and K. Terrel. 2002. Institutional Determinants of Labour Reallocation in Transition. *Journal of Economic Perspectives* 16: 51–76.
- Boesche, R. 1996. *Theories of Tyranny, from Plato to Arendt*. University Park, PA.: Pennsylvania State University Press.
- Boltho, A. 1982a. Introduction to Boltho. 1982b, pp. 1–5.
- . 1982b. *The European Economy: Growth and Crisis*. Oxford University Press.
- Bonin, H. 1987. *Histoire économique de la 1re république*. Paris: Economica.
- Borchardt, K. 1984. Could and Should Germany Have Followed Britain in Leaving the Gold Standard? *Journal of European Economic History* 13: 471–498.
- . 1991 [1982]. *Perspectives on Modern German Economic History and Policy*. Cambridge University Press.
- Bordo, M. D. 2006. Sudden Stops, Financial Crises and Original Sin in Emerging Countries: Déjà Vu? NBER Working Paper 12393.
- Bordo, M. D., B. Eichengreen, D. Klingebiel, and M. S. Martinez-Peria. 2001. Is the Crisis Problem Growing More Severe? *Economic Policy* 16: 51–82.
- Bordo, M. D. and M. Flandreau. 2003. Core, Periphery, Exchange Rate Regimes and Globalization. In *Globalization in Historical Perspective*, ed. M. Bordo, A. Taylor, and J. Williamson. Chicago: University of Chicago Press, 417–468.
- Bordo, M. D. and T. Helbling. 2003. Have National Business Cycles Become More Synchronized? In *Macroeconomic Policies in the World Economy*, ed. H. Siebert. Berlin and Heidelberg: Springer Verlag, 3–39.
- Bordo, M. D. and L. Jonung. 1987. *The Long-Run Behavior of the Velocity of Circulation: The International Evidence*. Cambridge University Press.
- Bordo, M. D., C. Meissner, and A. Redish. 2005. How 'Original Sin' Was Overcome: The Evolution of External Debt Denominated in Domestic Currencies in the United States and the British Dominions 1800–2000. In *Other People's Money: Debt Denomination and Financial Instability in Emerging Market Economies*, ed. B. Eichengreen and R. Hausmann. Chicago: University of Chicago Press, 122–153.
- Bordo, M. D. and A. P. Murshid. 2000. Are Financial Crises Becoming Increasingly More Contagious? What is the Historical Evidence on Contagion? NBER Working Paper W7900.
- Bordo, M. D. and H. Rockoff. 1996. The Gold Standard as a 'Good Housekeeping Seal of Approval'. *Journal of Economic History* 56: 389–428.
- Bordo, M. D., A. M. Taylor, and J. G. Williamson, eds. 2003. *Globalization in Historical Perspective*. Chicago: University of Chicago Press.
- Borio, C. 2003. A Tale of Two Perspectives: Old or New Challenges for Monetary Policy? BIS Working Papers no. 127.

- Borodkin, L., B. Granville, and C. Leonard. 2008. The Rural–Urban Wage Gap in the Industrialization of Russia, 1885–1910. *European Review of Economic History* 12: 67–95.
- Bosworth, B. P. and S. M. Collins. 2003. The Empirics of Growth: An Update. *Brookings Papers on Economic Activity* 2: 113–206.
- Bourguignon, F. and C. Morrisson. 2002. Inequality among World Citizens: 1820–1992. *American Economic Review* 92: 727–744.
- Bourles, R. and G. Cette. 2006. Les évolutions de la productivité ‘structurelle’ du travail dans les principaux pays industriels. *Bulletin de la Banque de France* 150: 23–30.
- Boyden, R. 1928. Relation between Reparations and the Interallied Debts. *Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York* 12: 21–28.
- Bradley, J. 1985. *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia*. Berkeley: University of California Press.
- Bradshaw, J. 1993. Developments in Social Security Policy. In *New Perspectives on the Welfare State in Europe*, ed. C. Jones. London: Routledge.
- Brauer, J. and H. v. Tuyl. 2008. *Castles, Battles and Bombs. How Economics Explains Military History*. Chicago: University of Chicago Press.
- Braun, H. 1990. *The German Economy in the Twentieth Century. The German Reich and the Federal Republic*. London: Routledge.
- Bringas Gutiérrez, M. A. 2000. La productividad de los factores en la agricultura española. *Estudios de historia económica* no. 39. Madrid: Banco de España.
- Broadberry, S. N. 1986. Aggregate Supply in Interwar Britain. *Economic Journal* 96: 467–481.
- . 1986. *The British Economy between the Wars. A Macroeconomic Survey*. Oxford: Blackwell.
- . 1992. *Britain in the International Economy, 1870–1939*. Cambridge University Press.
- . 1997. *The Productivity Race: British Manufacturing in International Perspective, 1850–1990*. Cambridge University Press.
- . 1998. How did the United States and Germany Overtake Britain? A Sectoral Analysis of Comparative Productivity Levels, 1870–1990. *Journal of Economic History* 58: 375–407.
- . 2004. Explaining Anglo-German Productivity Differences in Services Since 1870. *European Review of Economic History* 8: 229–262.
- . 2005. Italian GDP During World War I. In Broadberry and Harrison, 2005a, 305–309.
- . 2006. *Market Services and the Productivity Race, 1850–2000: British Performance in International Perspective*. Cambridge University Press.
- . 2008. Agriculture and Structural Change: Lessons from the UK Experience in an International Context. In *Agriculture and Economic Development in Europe since 1870*, ed. P. Lains and V. Pinilla. London: Routledge, 76–94.
- Broadberry, S. N. and C. Burhop. 2007. Comparative Productivity in British and German Manufacturing Before World War II: Reconciling Direct Benchmark Estimates and Time Series Projections. *Journal of Economic History* 67: 315–349.
- Broadberry, S. N. and N. F. R. Crafts. 1992a. British Macroeconomic History 1870–1939: Overview and Key Issues. In Broadberry and Crafts 1992b, pp. 1–27.
- Broadberry, S. N. and N. F. R. Crafts, eds. 1992b. *Britain in the International Economy 1870–1934*. Cambridge University Press.
- Broadberry, S. N. and S. Ghosal. 2002. From the Counting House to the Modern Office: Explaining Anglo-American Productivity Differences in Services, 1870–1990. *Journal of Economic History* 62: 967–998.

- Broadberry, S. and S. Ghosal. 2005. Technology, Organisation and Productivity Performance in Services: Lessons from Britain and the United States since 1870. *Structural Change and Economic Dynamics* 16: 437–466.
- Broadberry, S. and M. Harrison (eds.) 2005a. *The Economics of World War I*. Cambridge University Press.
- . 2005b. The Economics of World War I: An Overview. In Broadberry and Harrison, 2005a, pp. 3–40.
- Broadberry, S. and P. Howlett. 2005. The United Kingdom During World War I: Business as Usual? In Broadberry and Harrison 2005a, pp. 206–234.
- Broadberry, S. and A. Klein. 2008. Aggregate and Per Capita GDP in Europe, 1870–2000: Continental, Regional and National Data with Changing Boundaries. Unpublished manuscript, University of Warwick.
- Broadberry, S. N. and A. J. Marrison. 2002. External Economies of Scale in the Lancashire Cotton Industry, 1900–1950. *Economic History Review* 55: 51–77.
- Broadberry, S. and A. Ritschl. 1995. Real Wages, Productivity, and Unemployment in Britain and Germany during the 1920s. *Explorations in Economic History* 32: 327–349.
- Brown, J. 2000. Economics and Infant Mortality Decline in German towns, 1889–1912: Household Behaviour and Public Intervention. In *Body and City: Histories of Urban Public Health*, ed. S. Sheard and H. Power. Aldershot: Ashgate, pp. 166–193.
- Bruno, M. and J. D. Sachs. 1985. *The Economics of Worldwide Stagflation*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Budd, A. 1998. Three Views of Macroeconomics. Bank of England Quarterly Bulletin 38: 274–280.
- Buiter, W. H. and M. Miller. 1981. The Thatcher Experiment: The First Two Years. *Brookings Papers on Economic Activity* 2: 315–379.
- Burnett, J. 1991. Housing and the Decline of Mortality. In *The Decline of Mortality in Europe*, ed. R. Schofield, D. Reher, and A. Bideau. Oxford: Clarendon.
- Burns, A. F. and W. Mitchell. 1946. *Measuring Business Cycles*. New York: NBER.
- Burns, A. F. 1979. *The Anguish of Central Banking*. The 1979 Per Jacobsson Lecture. Belgrade: Per Jacobsson Foundation.
- Buyst, E. 2004. Economic Growth in an Era of Severe Macroeconomic Imbalances: Belgium, 1910–1934. In *Exploring Economic Growth. Essays in Measurement and Analysis*, ed. S. Heikkinen and J. L. Van Zanden. Amsterdam: Aksant, 167–181.
- Caballero, R., K. Cowan, E. Engel, and A. Micco. 2004. Effective Labor Regulation and Microeconomic Flexibility. NBER Working Paper 10744.
- Cain, P. J. and A. G. Hopkins. 2002. *British Imperialism 1688–2000*, second edition. Harlow: Longman.
- Cairncross, A. 1996. *Managing the British Economy in the 1960s: A Treasury Perspective*. London: Macmillan.
- Calot, G. and C. Blayo. 1982. The Recent Course of Fertility in Western Europe. *Population Studies* 36: 349–372.
- Calvo, G. 1998. Capital Flows and Capital-Market Crises: The Simple Economics of Sudden Stops. *Journal of Applied Economics* 1: 35–54.
- . 1999. Contagion in the Emerging Markets: When Wall Street is a Carrier. Mimeo.
- Calvo, G., A. Izquierdo, and L. — F. Mejía. 2004. On the Empirics of Sudden Stops: The Relevance of Balance-Sheet Effects. NBER Working Paper 10520.
- Cameron, R. 1985. A New View of European Industrialization. *Economic History Review* 38: 1–23.

- Canning, K. 1996. Social Policy, Body Politics: Recasting the Social Question in Germany, 1825–1900. In *Gender and Class in Modern Europe*, ed. L. L. Frader and S. O. Rose. Ithaca and London: Cornell University Press, pp. 211–237.
- Carlin, W. 1996. West German Growth and Institutions, 1945–1990. In *Crafts and Toniolo* 1996b, pp. 455–497.
- Carlin, W. and D. Soskice. 2006. *Macroeconomics: Imperfections, Institutions and Policies*. Oxford University Press.
- Caron, F. 1979. *An Economic History of Modern France*. London: Methuen.
- Caron, F. et al. 1995. *Innovations in the European Economy between the Wars*. Berlin: de Gruyter.
- Carone, G. and D. Costello. 2005. Can Europe Afford to Grow Old? *Finance and Development* (IMF) 43–3.
- Carreras, A. 2005. Spanish Industrialization in the Swedish Mirror. In *Different Paths to Modernity: A Nordic and Spanish Perspective*, ed. M. Jerneck, M. Mörner, G. Tortella, and S. Akerman Lund: Nordic Academic Press, 151–165.
- Carreras, A. 2006. The Twentieth Century. In *An Economic History of Europe: from Expansion to Development*, ed. A. Di Vittorio. London: Routledge.
- Carreras, A. and X. Tafunell. 2004a. The European Union Economic Growth Experience, 1830–2000. In *Explorations in Economic Growth*, ed. S. Heikkinen and J. L. Van Zanden Amsterdam: Aksant, 63–87.
- . 2004b. Historia económica de la España contemporánea. Barcelona: Crítica.
- . 2008. Western European Long Term Growth, 1830–2000: Facts and Issues. Barcelona: CREI (Opuscles del CREI, no. 20).
- Carter, S. et al., eds. 2006. *Historical Statistics of the United States*. Millennial Edition, Vol. 1. Cambridge University Press.
- Caselli, F. 2005. Accounting for Cross-Country Income Differences. In *Handbook of Economic Growth*, Volume 1, ed. P. Aghion and S. Durlauf. Amsterdam: Elsevier.
- Caselli, G. 1991. Health Transition and Cause-Specific Mortality. In *The Decline of Mortality in Europe*, ed. R. Schofield, D. Reher, and A. Bideau. Oxford: Clarendon, 142–157.
- Caselli, G., F. Meslé, and J. Vallin. 1999. Le triomphe de la médecine. In Bardet and Dupâquier 1999, pp. 125–181.
- Cassidy, M. 2004. Productivity in Ireland: Issues and Trends. *Central Bank of Ireland Quarterly Bulletin*, Spring: 83–105.
- Castles, F. G. 2001. The Dog that Didn't Bark: Economic Development and the Post-war Welfare State. In *Welfare States Futures*, ed. Stephan Leibfried and Galiano Bonoli. Cambridge University Press, 37–56.
- Catão, L. 2006. Sudden Stops and Currency Drops: A Historical Look. IMF Working Paper 06/133.
- Catão, L. and S. Solomou. 2005. Effective Exchange Rates and the Classical Gold Standard Adjustment. *American Economic Review* 95: 1259–1275.
- Chalmers, E. 1972. *International Interest Rate War*. London: Macmillan.
- Chandler, A. D. Jr. 1977. *The Visible Hand*. Cambridge, MA: Belknap.
- . 1990. *Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Charle, C. 1994. *La République des universitaires*. Paris: Seuil.
- Chesnais, J.-C. 1999. La fécondité au XXe siècle: une baisse irrégulière, mais profonde et irrésistible. In Bardet and Dupâquier 1999, pp. 183–222.
- Child, F. 1958. *The Theory and Practice of Exchange Control in Germany*. The Hague: Mouton.

- Chiswick, B. R. and T. J. Hatton. 2003. International Migration and the Integration of Labor Markets. In Bordo, Taylor, and Williamson 2003, pp. 65–120.
- Choudri, E. and L. Kochin. 1980. The Exchange Rate and the International Transmission of Business Cycle Disturbances: Some Evidence from the Great Depression. *Journal of Money, Credit, and Banking* 12: 565–574.
- Churchill, W. S. 1948. *The Gathering Storm*. Volume I of The Second World War. Boston: Houghton Mifflin.
- Ciocca, P. L. and G. Nardozzi. 1996. *The High Price of Money: An Interpretation of World Interest Rates*. Oxford: Clarendon.
- Claessens, S., R. Dornbush, and Y. C. Park. 2000. Contagion: Understanding How It Spreads. *World Bank Research Observer* 15: 177–197.
- Clarida, R., M. Gertler, and J. Gali. 1999. The Science of Monetary Policy: A New Keynesian Perspective. *Journal of Economic Literature*, 37: 1661–1707.
- Clark, C. 1951. *The Conditions of Economic Progress*, second edition. London: Macmillan.
- Clark, G. 1987. Why Isn't the Whole World Developed? Lessons from the Cotton Mills. *Journal of Economic History* 47: 141–173.
- Clark, G. and R. C. Feenstra. 2003. Technology in the Great Divergence. In Bordo, Taylor, and Williamson 2003, pp. 277–322.
- Clarke, S. 1976. *Central Bank Cooperation 1924–1931*. New York: Federal Reserve Bank of New York.
- Clemens, M. A. and J. G. Williamson. 2004. Wealth Bias in the First Global Capital Market Boom, 1870–1913. *Economic Journal* 114: 304–337.
- Coale, A. J. 1986. The Decline of Fertility in Europe since the 18th Century as a Chapter in Demographic History. In *The Decline of Fertility in Europe*, ed. A. J. Coale and S. C. Watkins. Princeton University Press, 1–30.
- Coale, A. J., B. A. Anderson, and E. Härm. 1979. *Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century*. Princeton University Press.
- Cohen, J. and G. Federico. 2000. *The Growth of the Italian Economy, 1820–1960*. Cambridge University Press.
- Cole, H. and L. Ohanian. 2002. The Great U. K. Depression: A Puzzle and Possible Resolution. *Review of Economic Dynamics* 5: 19–44.
- Connelly, S. and M. Gregory. 2007. Women and Work since 1970. In *Work and Pay in Twentieth-Century Britain*, ed. N. Crafts, I. Gazeley, and A. Newell. Oxford University Press, pp. 142–177.
- Conway, P., D. de Rosa, G. Nicoletti, and F. Steiner. 2006. Regulation, Competition and Productivity Convergence. OECD Economics Department Working Paper 509.
- Conway, P., V. Janod, and G. Nicoletti. 2005. Product Market Regulation in OECD Countries: 1998 to 2003. OECD Economics Department Working Paper 419.
- Conway, P. and G. Nicoletti. 2006. Product Market Regulation in the Non-Manufacturing Sectors of OECD Countries: Measurement and Highlights. OECD Economics Department Working Paper 530.
- Cooper, R. N. 1990. Comments on A. Giovannini: European Monetary Reform: Progress and Prospects. *Brookings Papers on Economic Activity* 2: 217–291.
- Coppola, M. and G. Vecchi. 2006. Nutrition and Growth in Italy, 1861–1911: What Macroeconomic Data Hide. *Explorations in Economic History* 43: 438–464.
- Corbino, E. 1964. La soluzione migliore è quella di fare l'Europa. In *Cronache economiche e politiche*, ed. E. Corbino. Naples: Istituto editoriale del Mezzogiorno.
- Corsini, C. A. and P. P. Viazzo. 1997. Introduction: Recent Advances and Some Open Questions in the Long-term Study of Infant and Child Mortality. In *The*

- Decline of Infant and Child Mortality. The European Experience: 1750–1990*, ed. S. Ogilvie and R. Overy. Florence: Nijhoff.
- Cottrell, P. H., ed. 1997. *Rebuilding the Financial System in Central and Eastern Europe, 1918–1994*. Aldershot: Scholar Press.
- Crafts, N. 1992a. Productivity Growth Reconsidered. *Economic Policy* 15: 387–426.
- . 1992b. Institutions and Economic Growth: Recent British Experience in an International Context. *West European Politics* 15: 16–38.
- . 1997. The Human Development Index and Changes in the Standards of Living: Some Historical Comparisons. *European Review of Economic History* 1: 299–322.
- . 2002a. The Human Development Index, 1870–1999: Some Revised Estimates. *European Review of Economic History*, 6: 395–405.
- . 2002b. *Britain's Relative Economic Performance, 1870–1999*. London: Institute of Economic Affairs.
- . 2005. Interpreting Ireland's Economic Growth. Background paper for UNIDO Industrial Development Report.
- . 2007. Recent European Economic Growth: Why Can't It Be Like the Golden Age? *National Institute Economic Review* 199: 69–81.
- Crafts, N., S. J. Leybourne, and T. C. Mills. 1990. Measurement of Trend Growth in European Industrial Output before 1914: Methodological Issues and New Estimates. *Explorations in Economic History* 27: 442–467.
- Crafts, N. and T. C. Mills. 1996. Europe's Golden Age: An Econometric Investigation. In Van Ark and Crafts 1996, pp. 415–431.
- Crafts, N. and T. C. Mills. 2005. TFP Growth in British and German Manufacturing, 1950–1996. *Economic Journal* 115: 649–670.
- Crafts, N. and G. Toniolo. 1996a. Postwar Growth: An Overview. In Crafts, N. F. R. and G. Toniolo, 1996b, pp. 1–37.
- Crafts, N. F. R. and G. Toniolo, eds. 1996b. *Economic Growth in Europe since 1945*. Cambridge University Press.
- Craig, L. and D. Fisher. 1992. The Integration of the European Business Cycle 1871–1910. *Explorations in Economic History* 29: 144–168.
- . 1997. *The Integration of the European Economy, 1850–1913*. Basingstoke: Macmillan.
- . 2000. *The European Macroeconomy: Growth, Integration and Cycles 1500–1913*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Crouch, C. 1993. *Industrial Relations and European State Traditions*. Oxford: Clarendon.
- Crouzet, F. 1970. Un indice de la production industrielle française au XIXe siècle. *Annales* 25: 92–97.
- Darvasz, Z., A. K. Rose, and G. Szapary. 2005. Fiscal Divergence and Business Cycle Synchronization: Irresponsibility is Idiosyncratic. NBER Working Paper no. 11580.
- Davenport, M. 1982. The Economic Impact of the EEC. In Boltho 1982b, pp. 225–258.
- Davies, R. W. and S. Wheatcroft. 2004. *Years of Hunger. Soviet Agriculture, 1931–1933*. London: Palgrave Macmillan.
- Davis, C. M. 1999. Russian Industrial Policy and Performance, 1890–2000: A Comparative Economic Systems Interpretation. In *European Industrial Policy: The Twentieth Century Experience*, ed. J. Foreman-Peck and G. Federico. Oxford: Oxford University Press.
- Davis, C. M. and J. Foreman-Peck. 2003. The Russian Transition through the Historical Looking Glass: Gradual Versus Abrupt De-Control of Economic Systems. In *Economic Challenges of the 21st Century in Historical Perspective*, ed. P. David and M. Thomas. Oxford: Oxford University Press and the British Academy.

- Davis, L. E. and S. L. Engerman. 2006. *Naval Blockades in Peace and War: An Economic History since 1750*. Cambridge University Press.
- Davis, L. E. and R. A. Huttenback. 1986. *Mammon and the Pursuit of Empire: The Political Economy of British Imperialism, 1860–1912*. Cambridge University Press.
- Deacon, B. 1993. Developments in East European Social Policy. In *New Perspectives on the Welfare State in Europe*, ed. C. Jones. London: Routledge.
- Deane, P. and W. A. Cole. 1962. *British Economic Growth 1688–1959: Trends and Structure*. Cambridge University Press.
- De Cecco, M., 1969. The Italian Payment Crisis of 1963–1964. In *Problems of the International Economy*, ed. A. Swoboda and R. Mundell. Chicago: University of Chicago Press.
- DeLong, J. B 1988. Productivity Growth, Convergence, and Welfare: Comment. *American Economic Review* 78: 1138–1154.
- . 2000. Cornucopia: The Pace of Economic Growth in the Twentieth Century. NBER Working Paper No. W7602. Cambridge, MA.: National Bureau of Economic Research.
- DeLong, J. B. and B. Eichengreen. 1993. The Marshall Plan: History's Most Successful Structural Adjustment Programme. In *Postwar Economic Reconstruction and Lessons for the East Today*, ed. R. Dornbusch, W. Nödling, and R. Layard, Cambridge, MA: MIT Press, pp. 89–230.
- De Melo, M., C. Denizer, A. Gelb, and S. Tenev. 2001. Circumstance and Choice: The Role of Initial Conditions and Policies in Transition Economies. *World Bank Economic Review* 15: 1–31.
- De Santis, G. and M. Livi Bacci. 2005. La population italienne au XXe siec`le. In *Bar-det and Dupâquier 2005*, pp. 517–538.
- Denton, G., M. Forsyth, and M. MacLennan. 1968. *Economic Planning and Policies in Britain France and Germany*. London: Allen & Unwin.
- Dobrinsky, R., D. Hesse, and R. Traeger. 2006. Understanding the Long-term Growth Performance of the East European and CIS economies. UNECE Discussion Paper Series, no. 9.
- Dormois, J.-P. 2004. Episodes in Catching-Up: Anglo-French Industrial Productivity Differentials in 1930. *European Review of Economic History* 8: 337–373.
- . 2004. *The French Economy in the Twentieth Century*. Cambridge University Press.
- Dornbusch, R. 1987. Lessons from the German Inflation Experience of the 1920s. In *Macroeconomics and Finance: Essays in Honor of Franco Modigliani*, ed. R. Dornbusch et al. Cambridge University Press, 337–366.
- Dowrick, S. and B. DeLong. 2003. Globalization and Convergence. In *Bordo, Taylor, and Williamson 2003*, pp. 191–226.
- Duecker, M. and K. Wesche. 2003. European Business Cycles: New Indices and Their Synchronicity. *Economic Inquiry* 41: 116–131.
- Dugec, Z. 2005. New Public Health for a New State: Inter-War Public Health in the Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes (Kingdom of Yugoslavia) and the Rockefeller Foundation. In *Facing Illness in Troubled Times: Health in Europe in the Inter-War Years*, ed. I. Borowy and W. D. Gruner. Frankfurt am Main: Lang.
- Dungey, M. and D. Tambakis. 2005. *Identifying International Financial Contagion: Progress and Challenges*. Oxford University Press.
- Durantón, G. and D. Puga. 2004. Micro-Foundations of Urban Agglomeration Economies. In *Handbook of Regional and Urban Economics*, Volume 4, ed. V. Henderson and J. — F. Thisse. Amsterdam: North-Holland.
- Easterlin, R. 1968. *Population, Labor Force, and Long Swings in Economic Growth: The American Experience*. New York: National Bureau of Economic Research.

- Easterly, W., and R. Levine. 2003. Tropics, Germs, and Crops: How Endowments Influence Economic Development. *Journal of Monetary Economics* 50: 3–39.
- Eaton, J. and S. Kortum. 1999. International Technology Diffusion: Theory and Measurement. *International Economic Review* 40: 535–570.
- Edelstein, M. 1982. *Overseas Investment in the Age of High Imperialism*. New York: Columbia University Press.
- . 2004. Foreign Investment, Accumulation and Empire, 1860–1914. In *The Cambridge Economic History of Modern Britain*, ed. R. Floud and P. Johnson. Cambridge University Press.
- Edwards, J. and M. Nibler. 2000. Corporate Governance in Germany: The Role of Banks and Ownership Concentration. *Economic Policy* 31: 239–267.
- Egebo, T. and A. S. Englander. 1992. Institutional Commitments and Policy Credibility: A Critical Survey and Empirical Evidence from the ERM. *OECD Economic Studies* 18: 45–84.
- Eichengreen, B. 1992a. Conducting the International Orchestra: Bank of England Leadership Under the Classical Gold Standard, 1880–1913. *Journal of International Money and Finance* 6: 5–29.
- . 1992b. *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression 1919–1939*. Oxford University Press.
- . 1992c. The Origins and Nature of the Great Slump Revisited. *Economic History Review* 45: 213–239.
- . 1992d. The Gold Standard since Alec Ford. In Broadberry and Crafts 1992b, 49–79.
- . 1996a. Institutions and Economic Growth. In Crafts and Toniolo 1996b, 38–94.
- . 1996b. *Globalizing Capital: A History of the International Monetary System*. Princeton University Press.
- . 2007. *The European Economy since 1945: Coordinated Capitalism and Beyond*. Princeton University Press.
- Eichengreen, B. and M. Flandreau. 1997. *The Gold Standard in Theory and History*. London: Routledge.
- Eichengreen, B. and T. Hatton, eds. 1988. *Inter-War Unemployment in International Perspective*. Dordrecht: Kluwer.
- Eichengreen, B. and J. Sachs. 1985. Exchange Rates and Economic Recovery in the 1930s. *Journal of Economic History* 45: 925–946.
- Eichengreen, B. and P. Temin. 2000. The Gold Standard and the Great Depression. *Contemporary European History* 9: 183–207.
- Eichengreen, B. and M. Uzan. 1992. The Marshall Plan: Economic Effects and Implications for Eastern Europe and the Former USSR. *Economic Policy* 14: 13–76.
- Einzig, P. 1934. *Germany's Default: The Economics of Hitlerism*. London: Macmillan.
- . 1937. *The Theory of Forward Exchange*. London: Macmillan.
- Ellis, H. 1941. *Exchange Control in Central Europe*. Cambridge University Press.
- Eloranta, J. 2002a. European States in the International Arms Trade, 1920–1937: The Impact of External Threats, Market Forces, and Domestic Constraints. *Scandinavian Economic History Review* 50: 44–67.
- . 2002b. External Security by Domestic Choices: Military Spending as an Impure Public Good Among Eleven European States, 1920–1938. Ph.D dissertation. Department of History and Civilisation. Florence: European University Institute.
- . 2003. National Defense. In *The Oxford Encyclopedia of Economic History*, ed. J. Mokyr, Oxford University Press, 30–33.

- . 2007. From the Great Illusion to the Great War: Military Spending Behaviour of the Great Powers, 1870–1913. *European Review of Economic History* 11: 255–283.
- Emerson, M. et al. 1988. *The Economics of 1992*. Oxford University Press.
- Emminger, O. 1977. The D-Mark in the Conflict between Internal and External Equilibrium. Essays in International Finance, Princeton University, no. 122.
- Emmons, T. and W. S. Vucinich (eds.). 1982. *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government*. Cambridge University Press.
- Engerman, S. L., and K. L. Sokoloff. 1997. Factor Endowments, Institutions, and Differential Paths of Growth Among New World Economies: A View from Economic Historians of the United States. In *How Latin America Fell Behind*, ed. S. Haber. Stanford University Press, pp. 260–304.
- Escurra, R., P. Pascual, and M. Rapún 2006. The Dynamics of Industrial Concentration in the Regions of the European Union. *Growth and Change* 37: 200–229.
- Esping-Andersen, G. 1990. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Reprint, Cambridge: Polity.
- Esteban, J. 2000. Regional Convergence in Europe and the Industry Mix: A Shift-Share Analysis. *Regional Science and Urban Economics* 30: 353–364.
- Estevadeordal, A., B. Frantz, and A. M. Taylor. 2003. The Rise and Fall of World Trade, 1870–1939. *Quarterly Journal of Economics* 118: 359–407.
- Esteves, R. 2007. *Between Imperialism and Capitalism. European Capital Exports before 1914*. Mimeo, Oxford University.
- Esteves, R. and D. Khoudour-Castéras. 2009. A Fantastic Rain of Gold: European Migrants' Remittances and Balance of Payments Adjustment during the Gold Standard Period. *Journal of Economic History* 69: 951–985.
- Estrin, S. and P. Holmes. 1983. *French Planning in Theory and Practice*. London: Allen & Unwin.
- Etémad, B. 2000. *La possession du monde. Poids et mesures de la colonisation*. Bruxelles: Editions Complexe.
- . 2006. Colonial and European Domestic Trade: A Statistical Perspective Over Time. In *A Deus Ex Machina Revisited: Atlantic Trade and European Economic Development*, ed P. C. Emmer, O. Pétré-Grenouilleau, and J. V. Roitman. Leiden and Boston: Brill.
- European Commission. 1995, 1997. *Social Protection in Europe*. Luxembourg: Directorate for Employment, Industrial Relations and Social Affairs.
- . 2002. The Macroeconomic Effects of the Single Market Programme after 10 Years. ec.europa.eu/internal_market/10years/background_cn.htm.
- Eurostat. *Demographic Yearbook (2004, 2007)*. Luxembourg: Eurostat.
- Faggio, G. and S. Nickell. 2007. Patterns of Work Across the OECD. *Economic Journal* 117: F416–F440.
- Falkus, M. E. 1972. *The Industrialisation of Russia, 1700–1914*. London: Macmillan.
- Faron, O and P. George. 1999. Les migrations européennes, de la Grande Guerre à nos jours. In Bardet and Dupâquier. 1999, pp. 323–358.
- Fassmann, H. and R. Munz. 1994. European Migration in the Late Twentieth Century. Historical Patterns, Actual Trends and Social Implications. Aldershot: Edward Elgar.
- Federico, G. 1986. Mercantilizzazione e sviluppo economico in Italia (1860–1940). *Rivista di Storia Economica* 3: 149–186. English translation in *The Economic Development of Italy since 1870*, ed. G. Federico, 1994. Aldershot: Edward Elgar.
- . 2003a. Heights, Calories and Welfare: A New Perspective on Italian Industrialization, 1854–1913. *Economics and Human Biology* 1: 289–308.

- . 2003b. A Capital-Intensive Innovation in a Capital-Scarce World: Steam-Threshing in 19th Century Italy. *Advances in Agricultural Economic History* 2: 75–114.
- . 2004. The Growth of World Agricultural Production, 1800–1938. *Research in Economic History* 22: 125–181.
- . 2005. *Feeding the World: An Economic History of World Agriculture, 1800–2000*. Princeton University Press.
- Federico, G. and K. G. Persson. 2007. Market Integration and Convergence in the World Wheat Market, 1800–2000. In *The New Comparative Economic History: Essays in Honor of Jeffrey G. Williamson*, ed. T. J. Hatton, K. H. O'Rourke, and A. M. Taylor. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 87–113.
- Federico, P. J. 1964. Historical Patent Statistics, 1791–1961. *Journal of the Patent Office Society*, 46: 89–171.
- Federn, W. 1910. Das Problem gesetzlicher Aufnahme der Barzahlungen in Österreich-Ungarn. *Schmollers Jahrbuch* 34: 151–172.
- Feinstein, C. H. 1972. *National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965*. Cambridge University Press.
- . 1999. Structural Change in the Developed Countries during the Twentieth Century. *Oxford Review of Economic Policy* 15 (4): 35–55.
- Feinstein, C. H., ed. 1995. *Banking, Currency, and Finance in Europe between the Wars*. Oxford University Press.
- Feinstein, C. H., P. Temin, and G. Toniolo. 1997. *The European Economy between the Wars*. Oxford: Oxford University Press.
- Feis, H. 1930. *Europe the World's Banker 1870–1914: An Account of European Foreign Investment and the Connection of World Finance with Diplomacy Before the War*. New Haven: Yale University Press.
- Feldman, G. 1993. *The Great Disorder. Politics, Economics, and Society in the German Inflation, 1914–1924*. Oxford University Press.
- Feldstein, M., and C. Horioka. 1980. Domestic Saving and International Capital Flows. *Economic Journal* 90: 314–329.
- Fenoaltea, S. 1988. International Resource Flows and Construction Movements in the Atlantic Economy: The Kuznets Cycle in Italy, 1861–1913. *Journal of Economic History* 48: 605–637.
- . 2003. Notes on the Rate of Industrial Growth in Italy, 1861–1913. *Journal of Economic History* 63: 695–735.
- . 1999. *The Pity of War. Explaining World War I*. New York: Basic Books.
- . 2001. *The Cash Nexus: Money and Power in the Modern World, 1700–2000*. New York: Basic Books.
- . 2006. *The War of the World: Twentieth-Century Conflict and the Descent of the West*. New York: Penguin.
- Ferguson, N., and M. Schularick. 2006. The Empire Effect: The Determinants of Country Risk in the First Age of Globalization, 1880–1913. *Journal of Economic History* 66: 283–312.
- Fidrmuc, J. 2003. Economic Reform, Democracy and Growth during Post-Communist Transition. *European Journal of Political Economy* 19: 583–604.
- Field, A. J. 2003. The Most Technologically Progressive Decade of the Century. *American Economic Review* 93: 1399–1414.
- . 2006. Technical Change and U.S. Economic Growth: The Interwar Period and the 1990s. In *The Global Economy in the 1990s: A Long Run Perspective* (ed. P. Rhode, and G. Toniolo). Cambridge University Press, 89–117.
- Findlay, R., and K. H. O'Rourke. 2003. Commodity Market Integration, 1500–2000. In Bordo, Taylor, and Williamson 2003, pp. 13–64.

- Findlay, R. and K. H. O'Rourke. 2007. *Power and Plenty: Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton University Press.
- Fischer, F. 1967. *Germany's Aims in the First World War*. London: Chatto & Windus.
- Fischer, S., R. Sahay, and C. A. Vegh. 1998. How Far is Eastern Europe from Brussels? IMF Working Paper 98/53.
- Fisher, J. and A. Hornstein. 2002. The Role of Real Wages, Productivity, and Fiscal Policy in Germany's Great Depression 1928–1937. *Review of Economic Dynamics* 5: 100–127.
- Fisher, K. 2000. Uncertain Aims and Tacit Negotiations: Birth Control Practices in Britain, 1925–1950. *Population and Development Review* 26: 295–317.
- Fishlow, A. 1985. Lessons from the Past: Capital Markets during the 19th Century and the Interwar Period. *International Organization* 39: 383–439.
- Flandreau, M. 2003a. *Money Doctors. The Experience of International Financial Advising 1850–2000*. London: Routledge.
- . 2003b. Caveat Emptor: Coping with Sovereign Risk under the International Gold Standard. In *International Financial History in the Twentieth Century: System and Anarchy*, ed. M. Flandreau, C. — L. Holtfrerich, and H. James, Cambridge University Press.
- . 2004. *The Glitter of Gold: France, Bimetallism and the Emergence of the International Gold Standard*. Oxford University Press.
- . 2006. 'Home Biases', 19th Century Style. *Journal of the European Economic Association* 4: 634–643.
- Flandreau, M. and C. Jobst. 2005. The Ties that Divide. A Network Analysis of the International Monetary System, 1890–1910. *Journal of Economic History* 65: 977–1007.
- Flandreau, M. and J. Flores. 2009. Bonds and Brands: Foundations of Sovereign Debt Markets, 1820–1830. *Journal of Economic History* 69: 646–684.
- Flandreau, M. and J. Komlos. 2006. Target Zones in History and Theory: Efficiency, Credibility and Policy Autonomy. *Journal of Monetary Economics* 53: 1979–1995.
- Flandreau, M., J. Le Cacheux, and F. Zumer. 1998. Stability Without a Pact? Lessons from the European Gold Standard 1880–1913. *Economic Policy*: 117–162.
- Flandreau, M. and M. Maurel. 2005. Monetary Union, Trade Integration, and Business Cycles in 19th Century Europe: Just Do It. *Open Economies Review* 16: 135–152.
- Flandreau, M. and C. Rivière. 1999. La grande 'retransformation'? Contrôles de capitaux et intégration financière internationale, 1880–1996. *Economie Internationale* 78: 11–58.
- Flandreau, M. and N. Sussman. 2005. Old Sins, Exchange Rate Clauses and European Foreign Lending in the 19th Century. In *Other People's Money: Debt Denomination and Financial Instability in Emerging Market Economies*, ed. B. Eichengreen and R. Hausmann. Chicago: University of Chicago Press, 154–189.
- Flandreau, M. and F. Zumer. 2004. *The Making of Global Finance, 1880–1913*. Paris: OECD.
- Flora, P. 1987. *State, Economy and Society in Western Europe, 1815–1975. A Data Handbook in Two Volumes*, Vol. 2. Frankfurt: Campus; London: Macmillan, New York: St James Press.
- Flora, P., ed., 1986. *Growth to Limits: The Western European Welfare States since World War II*, Vol. 4. Berlin: de Gruyter.
- Flores, J. 2007. Information Asymmetries and Financial Intermediation during the Baring Crisis: 1880–1890. Working Papers in Economic History, Universidad Carlos III, 07–16.

- Fogel, R. 1964. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- . 1986. Nutrition and the Decline in Mortality since 1700: Some Preliminary Findings. In *Long-Term Factors in American Economic Growth*, ed. S. L. Engerman and R. E. Gallman. Chicago: Chicago University Press, 439–555.
- Fohlin, C. 1998. Fiduciari and Firm Liquidity Constraints: The Italian Experience with German-Style Universal Banking. *Explorations in Economic History* 35: 83–107.
- Forbes, K. and R. Rigobon. 2002. No Contagion, Only Interdependence: Measuring Stock Market Comovements. *Journal of Finance* 57: 2223–2261.
- Ford, A. G. 1960. Notes on the Working of the Gold Standard Before 1914. *Oxford Economic Papers* 12: 52–76.
- . 1962. *The Gold Standard 1880–1914: Britain and Argentina*. Oxford: Clarendon.
- . 1981. The Trade Cycle in Britain 1860–1914. In *The Economic History of Britain since 1700*, Vol. 2: 1860 to the 1970s, ed. R. Floud and D. McCloskey. Cambridge University Press, pp. 27–49.
- . 1989. International Financial Policy and the Gold Standard 1870–1914. In *The Cambridge Economic History of Europe*. Cambridge University Press, pp. 197–249.
- Foreman-Peck, J. 1983. *History of the World Economy*. Brighton: Harvester Press.
- . 1991. International Technology Transfer in Telephony, 1876–1914. In *International Technology Transfer: Europe, Japan and the USA, 1700–1914*, ed. D. J. Jeremy. Aldershot: Edward Elgar.
- Foreman-Peck, J. and R. Millward. 1994. *Public and Private Ownership of British Industry, 1820–1990*. Oxford: Clarendon.
- Førland, T. E. 1993. The History of Economic Warfare: International Law, Effectiveness, Strategies. *Journal of Peace Research* 30: 151–162.
- Fourquet, F. 1980. *Les comptes de la puissance. Histoire de la comptabilité nationale et du plan*. Paris: Recherche.
- Frader, L. L. 1996. Engendering Work and Wages: The French Labor Movement and the Family Wage. In Frader and Rose 1996, pp. 142–164.
- Frader, L. L. and S. O. Rose, eds. 1996. *Gender and Class in Modern Europe*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Frankel, J. A. and D. Romer. 1999. Does Trade Cause Growth? *American Economic Review* 89: 379–399.
- Frtianni, M. and M. Spinelli. 1997. *A Monetary History of Italy*. Cambridge University Press.
- Freeman, C. and L. Soete. 1997. *The Economics of Industrial Innovation*. Third edition. Cambridge, MA: MIT Press.
- Freixas, X., P. Hartmann, and C. Mayer. 2004. European Financial Integration. *Oxford Review of Economic Policy* 20: 475–489.
- Frieden, J. 2006. *Global Capitalism: Its Fall and Rise in the Twentieth Century*. New York: Norton.
- Friedman, M. and A. Schwartz. 1963. *A Monetary History of the United States 1867–1960*. Princeton University Press.
- Gadisseur, J. 1973. Contribution à l'étude de la production agricole en Belgique de 1846 à 1913. *Revue Belge d'Histoire Contemporaine* 4: 1–48.
- Gadrey, J. and Gallouj, F., eds. 2002. *Productivity, Innovation and Knowledge in Services: New Economic and Socio-Economic Approaches*. Aldershot: Edward Elgar.
- Galassi, F. 1986. Stasi e sviluppo nell'agricoltura toscana 1870–1914: primi risultati di uno studio aziendale. *Rivista di Storia Economica* 3: 304–337.

- Galassi, F. and J. Cohen. 1994. The Economics of Tenancy in Early Twentieth Century Italy. *Economic History Review* 47: 585–600.
- Galley, C. 2006. 'George Newman — A Life in Public Health'. In *Infant Mortality: A Continuing Social Problem*, ed. E. Garrett, C. Galley, N. Shelton, and R. Woods. Aldershot: Ashgate.
- García Iglesias, C. 2002. Interest Rate Risk Premium and Monetary Union in the European Periphery: New Lessons from the Gold Standard. *Scandinavian Economic History Review* 50: 31–54.
- Gatrell, P. 1986. *The Tsarist Economy, 1850–1917*. London: Batsford.
- . 2005. Poor Russia, Poor Show: Mobilising a Backward Economy. In Broadberry and Harrison 2005a, pp. 235–275.
- Geroski, P. and A. Jacquemin. 1988. The Persistence of Profits: A European Comparison. *Economic Journal* 98: 375–389.
- Gerschenkron, A. 1962. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- . 1966. Agrarian Policies and Industrialisation in Russia, 1861–1917. In *The Cambridge Economic History of Europe*, Volume 6, Part 2, ed. M. M. Postan and H. J. Habakkuk. Cambridge University Press, pp. 706–716, 763–767.
- Giavazzi, F. and M. Pagano. 1988. The Advantage of Tying One's Hands: EMS Discipline and Central Bank Credibility. *European Economic Review* 32: 1055–1075.
- Giersch, H., ed., 1994. Economic Aspects of International Migration. Berlin: Springer.
- Gillingham, J. 1995. The European Coal and Steel Community: An Object Lesson? In *Europe's Postwar Recovery*, ed. B. Eichengreen. Cambridge University Press, pp. 151–168.
- . 2003. *European Integration 1950–2003: Superstate or New Market Economy?* Cambridge University Press.
- Goetzmann, W. and A. Ukhov. 2006. British Overseas Investment 1870–1913: A Modern Portfolio Theory Approach. *Review of Finance* 10: 261–300.
- Goldin, C. and L. F. Katz. 1998. The Origins of Technology–Skills Complementarity. *Quarterly Journal of Economics* 113: 693–732.
- Goldsmith, R. W. 1961. The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860–1913. *Economic Development and Cultural Change* 9: 441–475.
- . 1985. *Comparative National Balance Sheets: A Study of Twenty Countries, 1688–1978*. Chicago: University of Chicago Press.
- Good, D. F. 1978. The Great Depression and Austrian Growth after 1873. *Economic History Review* 31: 290–294.
- . 1984. *The Economic Rise of the Habsburg Empire, 1750–1914*. Berkeley: University of California Press.
- Goodhart, C. 2003. The Historical Pattern of Economic Cycles and Their Interaction with Asset Prices and Financial Regulation. In W. Hunter et al. (eds.), *Asset Price Bubbles*. Cambridge, MA.: MIT Press, pp. 467–480.
- Gordon, R. J. 1997. Is There a Tradeoff between Unemployment and Productivity Growth? In *Unemployment Policy: Government Options for the Labour Market*, ed. D. Snower and G. de la Dehesa. Cambridge University Press, pp. 433–463.
- . 2004a. Two Centuries of Economic Growth: Europe Chasing the American Frontier. CEPR Discussion Paper 4415.
- . 2004b. Why was Europe Left at the Station when America's Productivity Locomotive Departed? CEPR Discussion Paper 4416.
- . 2006. The Slowdown in European Productivity Growth: A Tale of Tigers, Tortoises and Textbook Labor Economics. Paper presented at NBER Summer

- Institute, Macroeconomics and Productivity Workshop, Cambridge, MA, July 20.
- Gordon, R. J. and I. Dew-Becker. 2008. The Role of Labour Market Changes in the Slowdown of European Productivity Growth. CEPR Discussion Paper 6722.
- Goubert, J.-P. (1988). The Development of Water and Sewerage Systems in France, 1850–1950. In *Technology and the Rise of the Networked City in Europe and America* (Philadelphia: Temple University Press), pp. 116–136.
- Gould, J. 1979. European Inter-Continental Emigration, 1815–1914: Patterns and Causes. *Journal of European Economic History* 8: 593–679.
- Grantham, G. 1989. Agricultural Supply During the Industrial Revolution: French Evidence and European Implications. *Journal of Economic History* 49: 43–72.
- Greasley, D. 1990. Fifty Years of Coalmining Productivity: The Record of the British Coal Industry before 1939. *Journal of Economic History* 50: 877–902.
- Gregory, P. R. 1982. *Russia's National Income, 1885–1913*. Cambridge University Press.
- . 1994. *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan*. Princeton University Press.
- Griffith, R. and R. Harrison. 2004. The Link between Product Market Regulation and Macroeconomic Performance. European Commission Economic Papers 209.
- Griffith, R., R. Harrison, and H. Simpson. 2006. Product Market Reform and Innovation in the EU. IFS Working Paper 06/17.
- Groningen Growth and Development Centre (GGDC). 2007. Total Economy Database.
- Gros, D. and N. Thygesen. 1992. *European Monetary Integration. From the EMS to the EMU*. London: Longman.
- Guinnane, T. W. 2002. Delegated Monitors, Large and Small: Germany's Banking System, 1800–1914. *Journal of Economic Literature* 40: 73–124.
- . 2003. Population and the Economy in Germany, 1800–1990. In *Germany. A New Social and Economic History*, Vol 3: *Since 1800*, ed. S. Ogilvie and R. Overly. London: Arnold, pp. 35–70.
- Gust, C. and J. Marquez. 2004. International Comparisons of Productivity Growth: The Role of Information Technology and Regulatory Practices. *Labour Economics* 11: 33–58.
- Guttormson, L. 2002. Parent–Child Relations. In *The History of the European Family, Vol. 2, Family Life in the Long Nineteenth Century, 1789–1913*, ed. D. Kertzer and M. Barbagli. London: Yale University Press, pp. 251–281.
- Gwartney, J. D. and R. A. Lawson. 2006. *Economic Freedom of the World: 2006 Annual Report*. Vancouver: Fraser Institute.
- Haas, E. B. 1958. *The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–1957*. Stanford University Press.
- Habakkuk, H. J. 1962. *American and British Technology in the Nineteenth Century*. Cambridge University Press.
- Hajnal, J. 1965. European Marriage Patterns in Perspective. In *Population in History: Essays in Historical Demography*, ed. D. Glass and D. Everett. London: Arnold, 101–143.
- Hall, R. E., and C. I. Jones. 1999. Why Do Some Countries Produce So Much More Output Per Worker than Others? *Quarterly Journal of Economics* 114: 83–116.
- Hannah, L. 1983. *The Rise of the Corporate Economy*. Second edition. London: Methuen.
- Hansen, S. A. 1974. *Økonomisk Vækst i Danmark*, Vol. II: 1914–1970. Copenhagen: University of Copenhagen.
- Harris, B. 1998. The Height of Schoolchildren in Britain, 1900–1950. In *Stature, Living Standards, and Economic Development: Essays in Anthropometric History*, ed. J. Komlos. Chicago: University of Chicago Press, 25–38.

- Harrison, M. 1996. *Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945*. Cambridge University Press.
- Harrison, M. (ed.) 1998a. *The Economics of World War II. Six Great Powers in International Comparisons*. Cambridge University Press.
- Harrison, M. 1998b. The Economics of World War II: An Overview. In Harrison 1998a, pp. 1–42.
- . 1998c. Trends in Soviet Labour Productivity, 1928–85: War, Postwar Recovery, and Slowdown. *European Review of Economic History* 2: 171–200.
- . 2002. Coercion, Compliance, and the Collapse of the Soviet Command Economy. *Economic History Review* 55: 397–433.
- . 2003. Counting Soviet Deaths in the Great Patriotic War: Comment. *Europe-Asia Studies* 55, 939–944.
- Hatton, T. 1988. Institutional Change and Wage Rigidity in the UK, 1880–1985. *Oxford Review of Economic Policy* 4: 74–86.
- Hatton, T. J. and J. G. Williamson. 1998. *The Age of Mass Migration: An Economic Analysis*. Oxford University Press.
- . 2005. *Global Migration and the World Economy: Two Centuries of Policy and Performance*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Hautcoeur, P.—C., and P. Sicsic. 1999. Threat of a Capital Levy, Expected Devaluation, and Interest Rates in France During the Interwar Period. *European Review of Economic History* 3: 25–56.
- Hayami, Y. and V. W. Ruttan. 1971. *Agricultural Development. An International Perspective*. Baltimore: The Johns Hopkins Press.
- Heikkinen, S. 1997. *Labour and the Market. Workers, Wages and Living Standards in Finland, 1850–1913*. Helsinki: Finnish Society of Sciences and Letters.
- Henrekson, M., J. Torstensson, and R. Torstensson. 1997. Growth Effects of European Integration. *European Economic Review* 41: 1537–1557.
- Heritage Foundation. 2009. Index of Economic Freedom. www.heritage.org/index/.
- Herranz-Loncán, A. 2006. Railroad Impact in Backward Economies: Spain, 1850–1913. *Journal of Economic History* 66: 853–881.
- Hjerppe, R. 1996. *Finland's Historical National Accounts 1860–1994. Calculation Methods and Statistical Tables*. Jyväskylä: Kivirauma.
- Hjerppe, R. and J. Jalava. 2006. Economic Growth and Structural Change — A Century and a Half of Catching-up. In *The Road to Prosperity. An Economic History of Finland*, ed. J. Ojala, J. Eloranta, and J. Jalava. Helsinki: SKS, pp. 33–64.
- HM Treasury. 2001. *Reforming Britain's Economic and Financial Policy: Towards Greater Economic Stability*, ed. E. Balls and G. O'Donnell. London: Palgrave Macmillan. 2003. EMU and Trade. www.hm-treasury.gov.uk/media/7/21/27/ad-sufo3_456.pdf.
- Hobsbawm, E. J. 1996. *The Age of Extremes: A History of the World, 1914–1991*. New York: Vintage Books.
- Hobson, J. M. 1993. The Military-Extraction Gap and the Wary Titan: The Fiscal Sociology of British Defence Policy 1870–1914. *Journal of European Economic History* 22: 466–507.
- Hoch, S. L. 1994. On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia. *Slavic Review* 53: 41–75.
- Hodrick, R. J. and E. C. Prescott. 1997. Postwar US Business Cycles: An Empirical Investigation. *Journal of Money Credit and Banking* 29: 1–16.
- Hoffmann, W. G. 1965. *Das Wachstum der deutschen Wirtschaft seit der Mitte des 19. Jahrhunderts*. Berlin: Springer-Verlag.

- Hoj, J., M. Jimenez, M. Maher, G. Nicoletti, and M. Wise. 2007. Product Market Competition in OECD Countries: Taking Stock and Moving Forward. OECD Economics Department Working Paper 575.
- Holtfrerich, C.-L. 1986. *The German Inflation*. New York: de Gruyter.
- Holtfrerich, K. L. 1999. Monetary Policy under Fixed Exchange Rates (1948–1970). In *Fifty Years of the Deutsche Mark: Central Bank and the Currency in Germany since 1948*, ed. Deutsche Bundesbank. Oxford University Press, 307–401.
- Honeyman, K. and J. Goodman. 1991. Women's Work, Gender Conflict, and Labour Markets in Europe, 1500–1900. *Economic History Review* 44: 608–628.
- Houben, A. C. F. 2000. *The Evolution of Monetary Policy Strategies in Europe*. Dordrecht: Kluwer.
- Hu, M. Y., C. X. Jiang, and C. Tsoukalas. 2004. The Volatility Impact of the European Monetary System on Member and Non-member Currencies. *Applied Financial Economics* 14: 313–325.
- Huberman, M. 2004. Working Hours of the World Unite? New International Evidence of Worktime, 1870–1913. *Journal of Economic History* 64: 964–1001.
- . 2008. A Ticket to Trade: Belgian Workers and Globalization before 1914. *Economic History Review* 61: 326–359.
- Huberman, M. and W. Lewchuk. 2003. European Economic Integration and the Labour Compact, 1850–1913. *European Review of Economic History* 7: 3–41.
- Huberman, M. and C. Minns. 2007. The Times They Are Not Changin': Days and Hours of Work in Old and New Worlds, 1870–2000. *Explorations in Economic History* 44: 538–567.
- Huffman, W. and J. Lothian. 1984. The Gold Standard and the Transmission of Business Cycles, 1833–1932. In *A Retrospective on the Classical Gold Standard, 1821–1931*, ed. M. D. Bordo and A. Schwartz. Chicago: University of Chicago Press, 455–511.
- Huntington, S. P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- Hutchings, R. 1969. Periodic Fluctuation in Soviet Industrial Growth Rates. *Soviet Studies* 20: 331–352.
- Imlah, A. H. 1952. British Balance of Payments and Export of Capital, 1816–1913. *Economic History Review* 5: 208–239.
- Ingersent, K. A., and A. J. Rayner. 1999. *Agricultural Policy in Western Europe and the United States*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Inklaar, R. and J. de Haan. 2001. Is There Really a European Business Cycle? *Oxford Economic Papers* 53: 215–220.
- Iradian, G. 2007. Rapid Growth in Transition Economies: Growth Accounting Approach. IMF Working Paper 07/164.
- Jacks, D. S. 2005. Intra- and International Commodity Market Integration in the Atlantic Economy, 1800–1913. *Explorations in Economic History* 42: 381–413.
- . 2006. What Drove 19th Century Commodity Market Integration? *Explorations in Economic History* 43: 383–412.
- Jaeger, A. and L. Schuknecht. 2004. Boom–Bust Phases in Asset Prices and Fiscal Policy Behavior. IMF Working Paper WP/04/54.
- James, H. 1985. *The Reichsbank and Public Finance in Germany, 1924–1933: A Study of the Politics of Economics during the Great Depression*. Frankfurt am Main: Knapp.
- . 1986. *The German Stump: Politics and Economics, 1924–1936*. Oxford: Clarendon.
- . 1996. *International Monetary Cooperation since Bretton Woods*. Washington: IMF.
- . 2000. *The End of Globalization: Lessons from the Great Depression*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Janossy, F. 1969. *The End of the Economic Miracle*. White Plains, NY: IASP.

- Janssens, A. 1997. The Rise and Decline of the Male Breadwinner Family. A Review of the Debate. *International Review of Social History* 42, Supplement: 1–23.
- . 2003. Economic Transformation, Women's Work and Family Life. In *Family Life in the Twentieth Century. The History of the European Family*, ed. D. Kertzer and M. Barbagli, Vol. 3. London: Yale University Press, pp. 55–110.
- Jeremy, D. J., ed. 1991. *International Technology Transfer: Europe, Japan and the USA, 1700–1914*. Aldershot: Edward Elgar.
- Jerome, H. 1926. *Migration and Business Cycles*. New York: NBER.
- Jerzmanowski, M. 2007. Total Factor Productivity Differences: Appropriate Technology vs. Efficiency. *European Economic Review* 51: 2080–2110.
- Jobst, C. 2009. Market Leader: The Austro-Hungarian Bank and the Making of Foreign Exchange Intervention, 1896–1913. *European Review of Economic History* 13: 287–318.
- Johnson, P. 1997. Fiscal Implications of Population Ageing. *Philosophical Transactions: Biological Sciences* 352: 1895–1903.
- . 1999. Welfare States. In Schulze 1999, pp. 122–139.
- Jolly, R., L. Emmerij, and T. G. Weiss. 2005. *The Power of UN Ideas. Lessons from the First 60 Years*. New York: United Nations Intellectual History Project.
- Jones, M. T. and M. Obstfeld. 2001. Saving, Investment, and Gold: A Reassessment of Historical Current Account Data. In *Money, Capital Mobility, and Trade: Essays in Honor of Robert A. Mundell*, ed. G. A. Calvo, M. Obstfeld, and R. Dornbusch. Cambridge, MA: MIT Press.
- Jonung L., L. Schicknecht, and M. Tujula. 2005. The Boom–Bust Cycle in Finland and Sweden 1984–1995 in an International Perspective. *European Economy Economic Papers* no. 237.
- Joslin, D. 1963. *A Century of Banking in Latin America*. Oxford University Press.
- Juglar, C. 1862. *Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis*. Paris: Guillaumin.
- Juuti, P. S. and T. S. Katko. 2005. Water, Time and European Cities. History Matters for the Futures. <http://www.watertime.net/Docs/WP3/WTEC.pdf>.
- Kaminsky, G. and C. Reinhart. 2000. On Crises, Contagion, and Confusion. *Journal of International Economics* 51: 145–168.
- Kaminsky, G., C. Reinhart, and C. Végh. 2003. The Unholy Trinity of Financial Contagion. *Journal of Economic Perspectives* 17: 51–74.
- Kaufmann, D., A. Kraay and M. Mastruzzi. 2007. Governance Matters VI: Aggregate and Individual Governance Indicators 1996–2006. World Bank Policy Research Working Paper 4280.
- Kay, A. J. 2006. *Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941*. New York: Berghahn Books.
- Keegan, J. 1999. *The First World War*. London: Hutchinson.
- Kennedy, P. 1989. *The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. London: Fontana.
- Kenwood, A. and A. Loughheed. 1992. *The Growth of the International Economy, 1820–1990*. London: Routledge.
- Khan, Z. 2005. *The Democratization of Invention: Patents and Copyrights in American Economic Development, 1790–1920*. Cambridge University Press.
- Khoudour-Castéras, D. 2002. Taux de changes fixes et migrations internationales: l'étalon-or à l'aune de la théorie des zones monétaires optimales. *Revue de l'OFCE* 82: 82–116.

- . 2005. International Adjustment during the Classical Gold Standard: The Migration Nexus. Working Paper, Chaire Finances Internationales, Sciences Po.
- Kindleberger, C. P. 1964. *Economic Growth in France and Britain, 1851–1950*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- . 1973. *The World in Depression, 1929–1939*. London: Allen Lane.
- . 1985. *Keynesianism vs. Monetarism and Other Essays in Financial History*. London: George Allen & Unwin.
- . 1987. *International Capital Movements. Based on the Marshall lectures given at the University of Cambridge*. Cambridge University Press.
- . 1989. Commercial Policy Between the Wars. In *The Cambridge Economic History of Europe*, Vol. 8, ed. P. Mathias and S. Pollard. Cambridge University Press, pp. 161–196.
- Kintner, H. J. 1985. Trends and Regional Differences in Breastfeeding in Germany from 1871 to 1937. *Journal of Family History* 10: 163–182.
- Kirk, D. 1946. *Europe's Population in the Interwar Years*. New York, London, and Paris: Gordon and Breach Science Publishers.
- Kirkaldy, A. W. [1914] 1973. *British Shipping: Its History, Organisation and Importance*. New York: Augustus Kelly Reprints.
- Klug, A. 1993. The German Buybacks 1932–1939: A Cure for Overhang? Princeton University Press.
- Kneller, R., M. Bleaney, and N. Gemmell. 1999. Fiscal Policy and Growth: Evidence from OECD Countries. *Journal of Public Economics* 74: 171–190.
- Komlos, J. 1978. Is the Depression in Austria after 1873 a 'Myth'? *Economic History Review* 31: 287–289.
- . 1983. The Habsburg Monarchy as a Customs Union: Economic Development in Austria–Hungary in the Nineteenth Century. Princeton University Press.
- . 1985. Stature and Nutrition in the Habsburg Monarchy: The Standard of Living and Economic Development in the Eighteenth Century. *American Historical Review* 90: 1149–1161.
- Komlos J. and Baten J., eds. 2004. *Social Science History*—Special Journal Issue on Anthropometric History. Vol. 28–2. Durham, N.C.: Duke University Press.
- Kondratiev, N. 1926. Die langen Wellen der Konjunktur. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* 56: 573–609.
- Kontorovich, V. 1990. Utilization of Fixed Capital and Soviet Industrial Growth. *Economics of Planning* 23: 37–50.
- Kornai, J. 1992. *The Socialist System: The Political Economy of Communism*. Oxford: Clarendon.
- Krantz, O. 1987. Schweden, Norwegen, Danemark, Finnland, 1914–1970. In *Handbuch der Europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte*, ed. W. Fischer, J. A. van Houtte, H. Kellenbenz, I. Miek, and F. Vittinghoff, Vol. 6. Stuttgart: Klett-Cotta, pp. 222–293.
- . 1988. New Estimates of Swedish Historical GDP since the Beginning of the Nineteenth Century. *Review of Income and Wealth* 34: 165–182.
- Krantz, O. and L. Schön. 2007. Swedish Historical National Accounts, 1800–2000. Lund University Macroeconomic and Demographic Database, www.ehl.lu.se/database/LU-MADD/National%20Accounts/default.htm.
- Krause, K. 1992. *Arms and the State: Patterns of Military Production and Trade*. Cambridge University Press.
- Krause, K. and M. K. MacDonald. 1993. Regulating Arms Sales Through World War II. In *Encyclopedia of Arms Control and Disarmament*, Vol. 2, ed. R. D. Burns. New York: Charles Scribner's Sons.

- Krugman, P. 1991a. Target Zones and Exchange Rate Dynamics. *Quarterly Journal of Economics* 106: 669–682.
- . 1991b. *Geography and Trade*. Cambridge, MA: MIT Press.
- . 1993. Lessons of Massachusetts for EMU. In *The Transition to Economic and Monetary Union*, ed. F. Giavazzi and F. Torres. Cambridge University Press, 241–269.
- Krugman, P. R. and A. J. Venables. 1995. Globalization and the Inequality of Nations. *Quarterly Journal of Economics* 110: 857–880.
- Kulischer, E. M. 1948. *Europe on the Move: War and Population Changes 1917–47*. New York: Columbia University Press.
- Kuznets, S. 1961. *Capital in the American Economy*. Princeton University Press.
- . 1958. Long Swings in the Growth of Population and in Related Economic Variables. *Proceedings of the American Philosophical Society* 102: 25–52.
- Kydland, F. and E. Prescott. 1982. Time to Build and Aggregate Fluctuations. *Econometrica* 50: 1345–1370.
- Kynaston, D. 1995. *The City of London*, Vol. 2: *Golden Years, 1890–1914*. London: Pimlico.
- Lains, P. 1995. *A economia portuguesa no século XIX. Crescimento económico e comércio externo, 1851–1913*. Lisbon: Imprensa Nacional (French edn. L'Harmattan, 1999).
- . 2003. *Os progressos do atraso. Uma nova história económica de Portugal*. Lisbon: Imprensa de Ciências Sociais.
- . 2006. Growth in a Protected Environment: Portugal, 1850–1950. Unpublished paper, University of Lisbon.
- Lains, P. and V. Pinilla, eds. 2008. *Agriculture and Economic Development in Europe Since 1870*. London: Routledge.
- Landes, D. S. 1969. *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. Cambridge University Press.
- La Vecchia, C., F. Levi, F. Lucchini, and E. Negri. 1998. Trends in Mortality from Major Diseases in Europe, 1980–1993. *European Journal of Epidemiology* 14: 1–8.
- Layard, R. 2003. Happiness: Has Social Science a Clue? Lionel Robbins Memorial Lectures 2002/3, London School of Economics.
- League of Nations. 1931. *Statistical Yearbook of the League of Nations 1931/32*. Geneva: League of Nations.
- . 1940. *Statistical Yearbook of the League of Nations 1939/40*. Geneva: League of Nations.
- Leaman, J. 2001. *The Bundesbank Myth: Towards a Critique of Central Bank Independence*. New York: Palgrave.
- Lee, S. J. 1987. The European Dictatorships, 1918–1945. London: Methuen.
- Leibenstein, H. 1966. Allocative Efficiency Versus X-Efficiency. *American Economic Review* 56: 392–415.
- Lenin, V. I. 1963 (original edition 1916). Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. In *Selected Works*, Vol. 1. Moscow: Progress, pp. 667–766.
- Leonard, C. S. 2009. *Agrarian Reform in Russia: The Road from Serfdom*. Cambridge University Press.
- Lévy-Leboyer, M. 1979. L'héritage de Simiand: prix, profit et termes d'échange au XIXe siècle. *Revue Historique* 243: 77–120.
- Lévy-Leboyer, M. and F. Bourguignon. 1990. *The French Economy in the Nineteenth Century: An Essay in Econometric Analysis*. Cambridge University Press.
- Liberman, P. 1996. *Does Conquest Pay? The Exploitation of Occupied Industrial Societies*. Princeton University Press.
- Lindert, P. H. 1969. Key Currencies and Gold, 1900–1913. Princeton Studies in International Finance 24. International Section, Department of Economics, Princeton University.

- . 2004. *Growing Public: Social Spending and Economic Growth Since the Eighteenth Century*. Cambridge University Press.
- Link, W. 1970. *Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921–1932*. Düsseldorf: Droste.
- Linz, J.-J. 2000. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
- Little, I. M. D., T. Scitovsky, and M. Scott. 1970. *Industry and Trade in Some Developing Countries*. Oxford University Press.
- Ljungberg, J. 1997. The Impact of the Great Emigration on the Swedish Economy. *Scandinavian Economic History Review* 45: 159–189.
- Lokshin, E. Y. 1964. *Promyshlennost SSSR: Ocherk istorii 1964–1963*. Moscow: Mysl'. 1964.
- López-Córdova, J. E. and C. M. Meissner. 2003. Exchange-Rate Regimes and International Trade: Evidence from the Classical Gold Standard Era. *American Economic Review* 93: 344–353.
- Lucas, R. E. 1990. Why Doesn't Capital Flow from Rich to Poor Countries? *American Economic Review* 80: 92–96.
- . 2000. Some Macroeconomics for the 21st Century. *Journal of Economic Perspectives* 14 (1): 159–178.
- McCloskey, D. N. 1971. International Differences in Productivity? Coal and Steel in America and Britain Before World War I. In *Essays on a Mature Economy: Britain After 1840*, ed. D. N. McCloskey. London: Methuen, 285–304.
- McCloskey, D. and J. R. Zecher. 1976. How the Gold Standard Worked, 1880–1913. In *The Monetary Approach to the Balance of Payments*. J. A. Frenkel and H. G. Johnson, ed. London: Allen and Unwin, pp. 357–385.
- . 1984. The Success of Purchasing Power Parity: Historical Evidence and Its Implications for Macroeconomics. In *A Retrospective on the Classical Gold Standard 1821–1931*, ed. M. Bordo and A. J. Schwartz. Chicago: NBER, University of Chicago Press, pp. 121–150.
- McKeown, T. 1976. *The Modern Rise of Population*. London: Arnold.
- McNeill, W. H. 1982. *The Pursuit of Power. Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000*. Chicago: University of Chicago Press.
- Maddison, A. 1960. The Postwar Business Cycle in Western Europe and the Role of Government Policy. *Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review*, June, 100–148.
- . 1982. *Phases of Capitalist Development*. Oxford University Press.
- . 1987. Growth and Slowdown in Advanced Capitalist Economies: Techniques of Quantitative Assessment. *Journal of Economic Literature* 25: 649–698.
- . 1989. *The World Economy in the 20th Century*. Paris: OECD.
- . 1991. *Dynamic Forces in Capitalist Development. A Long-Run Comparative View*. Oxford University Press.
- . 1995. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD.
- . 2001. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
- . 2003. *The World Economy. Historical Statistics*. Paris: OECD.
- . 2007. Historical Statistics for the World Economy: 1–2003 AD. www.ggdc.net/maddison/.
- Madsen, J. B. 2007. Technology Spillover through Trade and TFP Convergence: 135 Years of Evidence for the OECD Countries. *Journal of International Economics* 72: 464–480.
- Maizels, A. 1965. *Industrial Growth and World Trade*. Cambridge University Press.
- Malanima, P. 2003. Measuring the Italian Economy, 1300–1861. *Rivista di Storia Economica* 19: 265–295.

- . 2006a. Alle origini della crescita in Italia, 1820–1913. *Rivista di Storia Economica* 22: 307–330.
- . 2006b. An Age of Decline. Product and Income in Eighteenth–Nineteenth Century Italy. *Rivista di Storia Economica* 22: 91–133.
- Mankiw, N., D. Romer, and D. N. Weil. 1992. A Contribution to the Empirics of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics* 107: 407–437.
- Marsh, D. 1992. The Bundesbank. The Bank that Rules Europe. London: Heinemann.
- Marshall, A. [1920] 1977. *Principles of Economics*. Eighth edition. London: Macmillan Reprint.
- Marston, R. C. 1995. *International Financial Integration*. Cambridge University Press.
- Martínez-Galarra, J. 2007. New Estimates of Regional GDP in Spain, 1860–1930. Paper presented to Workshop on Historical Economic Geography of Europe, 1900–2000, Madrid.
- Mášová, H. and P. Svobodný. 2005. Health and Health Care in Czechoslovakia 1918–38: From Infectious to Civilization Diseases. In *Facing Illness in Troubled Times: Health in Europe in the Inter-War Years*, ed. I. Borowy and W. O. Grunes. Frankfurt am Main: Lang, 165–206.
- Matthews, R. C. O. 1968. Why has Britain Had Full Employment Since the War? *Economic Journal* 78: 555–569.
- Matthews, R. C. O., C. H. Feinstein, and J. Odling-Smee. 1982. *British Economic Growth, 1856–1973*. Oxford University Press.
- Mauro, P. 1995. Corruption and Growth. *Quarterly Journal of Economics* 110: 681–712.
- Mauro, P., N. Sussman, and Y. Yafeh. 2002. Emerging Market Spreads: Then Versus Now. *Quarterly Journal of Economics* 117: 695–733.
- . 2006. Emerging Markets and Financial Globalization: Sovereign Bond Spreads in 1870–1913 and Today. Oxford University Press.
- Mellor, J. W. 1995. *Introduction to Agriculture on the Road to Industrialization*, ed. J. W. Mellor. Baltimore: Johns Hopkins University Press, pp. 1–22.
- Mesle, F. 2004. Mortality in Central and Eastern Europe: Long-term Trends and Recent Upturns. Demographic Research, Special Collection 2–Article 3. www.demographic-research.org/special/2/3/.
- Mesle, F. and J. Vallin. 2002. Mortality in Europe: The Divergence Between East and West. *Population* 57: 157–197.
- Metzer, J. 1974. Railroad Development and Market Integration: The Case of Tsarist Russia. *Journal of Economic History* 34: 529–550.
- Michaely, M. 1971. *The Responsiveness of Demand Policies to Balance of Payments: Postwar Patterns*. New York: Columbia University Press.
- Millett, A. R., W. Murray, and K. H. Watman. 1988. *The Effectiveness of Military Organizations*. In *Military Effectiveness*, Volume 1: *The First World War*, ed. A. R. Millett and W. Murray. Boston: Unwin Hyman.
- Mills, T. C. and N. Crafts. 2000. After the Golden Age: A Long-Run Perspective on Growth Rates that Speeded Up, Slowed Down and Still Differ. *The Manchester School* 68: 68–91.
- Millward, R. 1999. Industrial Performance, the Infrastructure and Government Policy. In *The British Industrial Decline*, ed. J. Dormois, and M. Dintenfass. London: Routledge, 47–64.
- . 2005. *Private and Public Enterprise in Europe: Energy, Telecommunications and Transport, 1830–1990*. Cambridge University Press.
- Millward, R. and F. Bell. 2001. Infant Mortality in Victorian Britain: The Mother as Medium. *Economic History Review* 54: 699–733.

- Milward, A. S. 1965. *The German Economy at War*. London: Athlone Press.
- . 1992. *The European Rescue of the Nation State*. Berkeley: University of California Press.
- Milward, A. S. and S. B. Saul. 1977. *The Development of the Economies of Continental Europe, 1850–1914*. London: Allen & Unwin.
- Mironov, B. N. 1999a. *A Social History of Imperial Russia, 1700–1917*. Boulder: Westview Press.
- . 1999b. New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature. *Slavic Review* 58: 1–26.
- Mitchell, B. R. 1976. *Statistical Appendix*. In *The Fontana Economic History of Europe: Contemporary Economies: Part Two*, ed. C. M. Cipolla. Glasgow: Collins/Fontana, 648–655.
- . 1988. *British Historical Statistics*. Cambridge University Press. 2003.
- . *International Historical Statistics: Europe, 1750–2000*. London: Macmillan.
- Mitchell, D. and J. Bradshaw. 1992. *Lone Parents and Their Incomes: A Comparative Study of Ten Countries*. York.
- Mitchener, K. J. and M. Weidenmier. 2007. *Trade and Empire*. Mimeo, Santa Clara University and Claremont McKenna College.
- Modelski, G. and W. R. Thompson. 1996. *Leading Sectors and World Powers. The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Moggridge, D. 1969. *The Return to Gold 1925: The Formulation of Economic Policy and its Critics*. Cambridge University Press.
- Mokyr, J. 2000. Why “More Work for Mother?” Knowledge and Household Behavior, 1870–1945. *Journal of Economic History*, 60: 1–41.
- . 2002. *The Gifts of Athena. The Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton University Press.
- Molle, W. 1980. *Regional Disparity and Economic Development in the European Community*. Farnborough: Saxon House.
- Moravcsik, A. 1998. *The Choice for Europe*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Morel, M-F. 1991. The Care of Children: The Influence of Medical Innovation and Medical Institutions on Infant Mortality, 1750–1914. In Schofield, Reher, and Bideau. 1991, pp. 196–219.
- Morgenstern, O. 1959. *International Financial Transactions and Business Cycles*. Princeton University Press.
- Morys, M. 2006. The Classical Gold Standard in the European Periphery: A Case Study of Austria-Hungary and Italy, 1870–1913. PhD thesis, London School of Economics and Political Science.
- Moser, P. 2005. How Do Patent Laws Influence Innovation? Evidence from Nineteenth-Century World Fairs. *The American Economic Review*, 95: 1214–1236.
- Moser, T. 2003. What Is International Financial Contagion? *International Finance* 6: 157–178.
- Mouré, K. 1991. *Managing the Franc Poincaré: Economic Understanding and Political Constraints in French Monetary Policy*. Cambridge University Press.
- . 2002. *The Gold Standard Illusion: France, the Bank of France, and the International Gold Standard 1914–1939*. Oxford University Press.
- Mundell, R. 1961. A Theory of Optimum Currency Areas. *American Economic Review* 51: 657–665.
- Munting, R. and B. Holderness. 1991. *Crisis, Recovery, and War: An Economic History of Continental Europe, 1918–1945*. London: Philip Allan.

- Myrdal, G. 1970. *The Challenge of World Poverty*. New York: Kingsport Press.
- Neal, L. 2007. *The Economics of Europe and the European Union*. Cambridge University Press.
- Nelson, R. R. and G. Wright. 1992. The Rise and Fall of American Technological Leadership: The Postwar Era in Historical Perspective. *Journal of Economic Literature* 30: 1931–1964.
- Newman, G. 1906. *Infant Mortality. A Social Problem*. London: Methuen.
- Nickell, S. 2005. What Has Happened to Unemployment in the OECD since the 1980s? Unpublished presentation to Work and Pensions Economics Group, HM Treasury.
- Nickell, S., D. Nicolitsas, and N. Dryden. 1997. What Makes Firms Perform Well? *European Economic Review* 41: 783–796.
- Nickell, S. and J. van Ours. 2000. The Netherlands and the UK: a European Unemployment Miracle? *Economic Policy* 30: 135–175.
- Nicolau, R. 2005. Población, salud y actividad. In *Estadística histórica de España, siglos XIX–XX*, ed. A. Carreras and X. Tafunell, Bilbao: Fundación BBVA, 77–154.
- Nicoletti, G. and S. Scarpetta. 2005. Regulation and Economic Performance: Product Market Reforms and Productivity in the OECD. OECD Economics Department Working Paper 460.
- Nordhaus, W. D. 1972. The Recent Productivity Slowdown. *Brookings Papers on Economic Activity* 3: 493–531.
- Nolte, E. 1965. *Three Faces of Fascism; Action Française, Italian Fascism, National Socialism*. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Nordhaus, W. D. 1994. Policy Games: Coordination and Independence in Monetary and Fiscal Policies. *Brookings Papers on Economic Activity* 25: 139–216.
- Norrbinn, S. and P. Yigit. 2005. The Robustness of the Link between Volatility and Growth of Output. *Review of World Economics* 144: 343–356.
- North, D. C. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press.
- Nurkse, R. 1944. *International Currency Experience: Lessons of the Inter-War Period*. Princeton: League of Nations.
- . 1954. International Investment To-Day in the Light of Nineteenth-Century Experience. *Economic Journal* 64: 744–758.
- O'Brien, P. K. 1983. Transport and Economic Development in Europe, 1789–1914. In *Railways and the Economic Development of Western Europe, 1830–1914*, ed. P. K. O'Brien. Basingstoke: Macmillan, pp. 1–27.
- O'Brien, P. K. and C. Keyder. 1978. *Economic Growth in Britain and France 1780–1914: Two Paths to the Twentieth Century*. London: Allen & Unwin.
- O'Brien, P. K. and L. Prados de la Escosura, eds. 1998. The Costs and Benefits of European Imperialism from the Conquest of Ceuta, 1415, to the Treaty of Lusaka, 1974. *Revista de Historia Económica Special Issue XVI*, 1, winter.
- Obstfeld, M. and A. M. Taylor. 2003. Globalization and Capital Markets. In Bordo, Taylor, and Williamson 2003, pp. 121–187.
- . 2004. *Global Capital Markets: Integration, Crisis, and Growth*. Cambridge University Press.
- Obstfeld, M., J. Shambaugh, and A. M. Taylor. 2005. The Trilemma in History: Trade-offs among Exchange Rates, Monetary Policies, and Capital Mobility. *Review of Economics and Statistics* 87: 439–452.
- OECD. 2001. *Historical Statistics*. Paris.

- . 2005. *OECD in Figures*. Paris.
- . 2006. *Revenue Statistics, 1965–2005*. Paris.
- . 2007a. *Social Expenditure Database*. Paris. www.oecd.org/els/social/expenditure
- . 2007b. *Employment Outlook*. Paris.
- . 2007c. *International Migration Statistics*. Paris: OECD.
- Ofer, G. 1987. Soviet Economic Growth: 1928–1985. *Journal of Economic Literature* 25: 1767–1833.
- Offer, A. 1989. *The First World War: An Agrarian Interpretation*. Oxford: Clarendon.
- . 1993. The British Empire, 1870–1914: A Waste of Money? *Economic History Review* 46: 215–238.
- Ó Gráda, C. and K. H. O'Rourke. 1996. Irish Economic Growth, 1945–88. In *Crafts and Toniolo* 1996b, pp. 388–426.
- Oliner, S. D., D. E. Sichel, and K. J. Stiroh. 2007. Explaining a Productive Decade. *Brookings Papers on Economic Activity* 1: 81–152.
- Olmstead, A. L. and P. W. Rhode. 2008. Conceptual Issues for the Comparative Study of Agricultural development. In *Agriculture and Economic Development in Europe since 1870*, ed. P. Lains and V. Pinilla. London: Routledge, 27–51.
- Olson, M. 1963. *The Economics of the Wartime Shortage: A History of British Food Supplies in the Napoleonic War and in World Wars I and II*. Durham, NC: Duke University Press.
- Olsson, U. 1973. *Upprustning och verkstadsindustri i Sverige under det andra världskriget*. Göteborg: Göteborgs Universitet, Ekonomisk-historiska Institutionen.
- O'Mahony, M. 1999. Britain's Productivity Performance, 1950–1996. London: NIESR.
- O'Rourke, K. H. 1997. The European Grain Invasion. *Journal of Economic History* 57: 775–801.
- O'Rourke, K. H. and J. G. Williamson. 1994. Late 19th Century Anglo-American Factor Price Convergence: Were Heckscher and Ohlin Right? *Journal of Economic History* 54: 892–916.
- . 1995. Open Economy Forces and Late Nineteenth Century Swedish Catch Up. A Quantitative Accounting. *Scandinavian Economic History Review* 43: 171–203.
- . 1997. Around the European Periphery, 1870–1913: Globalization, Schooling and Growth. *European Review of Economic History* 1: 153–190.
- . 1999. *Globalization and History: The Evolution of a Nineteenth Century Atlantic Economy*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Owen, N. 1983. *Economies of Scale, Competitiveness, and Trade Patterns within the European Community*. Oxford: Clarendon.
- Palaioret, M. 1995. Real Wages and Earnings in Long-Run Decline: Serbia and Yugoslavia since 1862. In *Labour's Reward. Real Wages and Economic Change in 19th and 20th-Century Europe*, ed. P. Scholliers and V. Zamagni. Aldershot: Edward Elgar, pp. 76–86.
- Pallot, J. 1991. Women's Domestic Industries in Moscow Province, 1880–1900. In *Russia's Women: Accommodation, Resistance, and Transformation*, ed. B. Clements, B. Engel, and C. Worobec. Berkeley: University of California Press.
- Pamuk, S. 2005. The Ottoman Economy in World War I. In *Broadberry and Harrison* 2005a, 112–136.
- . 2006. Estimating Economic Growth in the Middle East since 1820. *Journal of Economic History* 66: 809–828.
- Panic, M. 1992. *European Monetary Union: Lessons from the Classical Gold Standard*. New York: St. Martin's Press.

- Patat, J.—P. and M. Lutfalla. 1990. *A Monetary History of France in the Twentieth Century*. London: Macmillan.
- Peck, M. J. 1989. Industrial Organization and the Gains from Europe 1992. *Brookings Papers on Economic Activity* 2: 277–299.
- Peeters, S., M. Goossens, and E. Buyst. 2005. *Belgian National Income during the Interwar Period. Reconstruction of the Database*. Leuven University Press.
- Pericoli, M. and M. Sbracia. 2001. A Primer on Financial Contagion. Temi di discussione (Economic Working Papers) 407. Bank of Italy, Economic Research Department.
- Petith, H. C. 1977. European Integration and the Terms of Trade. *Economic Journal* 87: 262–272.
- Phelps Brown, E. and M. Browne. 1968. *A Century of Pay: The Course of Pay and Production in France, Germany, Sweden, the United Kingdom, and the United States of America, 1860–1960*. London: Macmillan.
- Pinilla, V. and M.—I. Ayuda, 2002. The Political Economy of the Wine Trade: Spanish Exports and the International Market, 1890–1935. *European Review of Economic History* 6: 51–86.
- Polanyi, K. 1944. *The Great Transformation*. New York: Rinehart.
- POLITY IV: www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm.
- Pollard, S. 1981. *Peaceful Conquest: The Industrialization of Europe 1760–1970*. Oxford University Press.
- Pounds, N. J. G. 1957. *Coal and Steel in Western Europe: The Influence of Resources and Technique on Production*. Bloomington: Indiana University Press.
- Prados de la Escosura, L. 2000. International Comparisons of Real Product, 1820–1990: An Alternative Dataset. *Explorations in Economic History* 37: 1–41.
- . 2003. El progreso económico de España, 1850–2000. Madrid: Fundación BBVA.
- . 2005. El progreso económico de España, 1850–2000. Bilbao: Fundación BBVA.
- . 2007. European Patterns of Development in Historical Perspective. *Scandinavian Economic History Review* 55: 187–221.
- Prati, A. 1991. Poincaré's Stabilization: Stopping a Run on Government Debt. *Journal of Monetary Economics* 27: 231–239.
- Prescott, E. C. 2004. Why Do Americans Work So Much More than Europeans? *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review* 28 (1): 2–13.
- Quinn, D. 2003. Capital Account Liberalization and Financial Globalization, 1890–1990: A Synoptic View. *International Journal of Finance and Economics* 8: 189–204.
- Raiser, M., M. Schaffer, and J. Schuchhardt. 2004. Benchmarking Structural Change in Transition. *Structural Change and Economic Dynamics* 15: 47–81.
- Rajan, R. and L. Zingales. 2003. Banks and Markets: The Changing Character of European Finance. In *The Transformation of the European Financial System*, ed. V. Gaspar, P. Hartmann, and O. Sleijpen. Frankfurt: ECB, pp. 123–168.
- Ravn, M. and H. Uhlig. 2002. On Adjusting the HP-Filter for the Frequency of Observations. *Review of Economics and Statistics* 84: 371–376.
- Regalsky, A. 2002. *Mercados, inversiones y elites: las inversiones francesas en la Argentina 1880–1914*. Caseros (B.A.): UTREF.
- Reinhardt, C. M. and K. S. Rogoff. 2004. The Modern History of Exchange Rate Arrangements: A Reinterpretation. *The Quarterly Journal of Economics* 119: 1–48.
- Reis, J. 1993. *O atraso económico Português, 1850–1930*. Lisbon: Imprensa Nacional Casa da Moeda.

- . 2007. An 'Art', Not a 'Science'? Central Bank Management in Portugal under the Gold Standard, 1863–87. *Economic History Review* 60: 712–741.
- Riley, J. C. 2001. *Rising Life Expectancy. A Global History*. Cambridge University Press.
- Ritschl, A. 1996. An Exercise in Futility: East German Economic Growth and Decline, 1945–1989. In *Crafts and Toniolo* 1996b, pp. 498–550.
- . 1998. Reparation Transfers, the Borchardt Hypothesis, and the Great Depression in Germany, 1929–1932: A Guided Tour for Hard-Headed Keynesians. *European Review of Economic History* 2: 49–72.
- . 2001. Nazi Economic Imperialism and the Exploitation of the Small: Evidence from Germany's Secret Foreign Exchange Balances, 1938–1940. *Economic History Review* 54: 324–345.
- . 2002a. Deutschlands Krise und Konjunktur, 1924–1934. *Binnenkonjunktur, Auslandsverschuldung und Reparationsproblem zwischen Dawes-Plan und Transfersperre*. Berlin: Akademie-Verlag.
- . 2002b. International Capital Movements and the Onset of the Great Depression: Some International Evidence. In *The Interwar Depression in an International Context*, ed. H. James. Munich: Oldenbourg, pp. 1–14.
- . 2003. Dancing on a Volcano: The Economic Recovery and Collapse of the Weimar Republic. In *World Economy and National Economies in the Interwar Slump*, ed. T. Balderston. London: Macmillan, pp. 105–142.
- . 2004. The Marshall Plan, 1948–1951. In *EH.Net Encyclopedia*, ed. R. Whaples. February 10, 2008. www.eh.net/encyclopedia/article/Ritschl.Marshall.Plan.
- . 2005. The Pity of Peace: Germany's War Economy, 1914–1918 and Beyond. In *Broadberry and Harrison* 2005a, pp. 41–76.
- Ritschl, A., and M. Spoerer. 1997. Das Brutto sozialprodukt in Deutschland nach den amtlichen Volkseinkommens- und Sozialproduktstatistiken 1901–1995. *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* 1997: 11–37.
- Rockoff, H. 1998. The United States: From Ploughshares to Swords. In *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison*, ed. M. Harrison. Cambridge University Press.
- Rojec, M. and J. Damijan 2008. Relocation via Foreign Direct Investment from Old to New EU Member States. Scale and Structural Dimension of the Process. *Structural Change and Economic Dynamics* 19: 53–65.
- Romer, C. D. 1989. The Prewar Business Cycle Reconsidered: New Estimates of Gross National Product, 1869–1908. *Journal of Political Economy* 97: 1–37.
- Romer, P. M. 1990. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy* 98: S71–102.
- Rose, A. K. 2000. One Money, One Market: The Effect of Common Currencies on Trade. *Economic Policy* 30: 7–45.
- Rose, A. K. and E. van Wincoop. 2001. National Money as a Barrier to International Trade: The Real Case for Currency Unions. *American Economic Review* 91: 386–390.
- Rose, S. O. 1996. Protective Labor Legislation in Nineteenth Century Britain: Gender, Class and the Liberal State. In *Gender and Class in Modern Europe*, ed. L. L. Frader and S. O. Rose. Ithaca and London: Cornell University Press, pp. 193–210.
- Rostow, W. W. 1961. *The Stages of Economic Growth*. Cambridge University Press.
- Rothénbacher, F. 2005. *The European Population since 1945*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Rothschild, J. 1974. *East Central Europe between the Two World Wars*. Seattle and London: University of Washington Press.

- Rowe, D. 2005. The Tragedy of Liberalism: How Globalization Caused the First World War. *Security Studies* 14: 407–447.
- Rudolph, R. L. 1976. *Banking and Industrialization in Austria-Hungary: The Role of Banks in the Industrialization of the Czech Crownlands, 1873–1914*. Cambridge University Press.
- Sáiz, J. P. 2005. Investigación y desarrollo: patentes. In *Estadística histórica de España, siglos XIX–XX*, ed. A. Carreras and X. Tafunell. Bilbao: Fundación BBVA, 835–872.
- Sala-i-Martin, X., G. Doppelhofer, and R. I. Miller. 2004. Determinants of Long-Term Growth: A Bayesian Averaging of Classical Estimates (BACE) Approach. *American Economic Review* 94: 813–835.
- Sala-i-Martin, X. and A. Subramanian. 2003. Assessing the Natural Resource Curse: An Illustration from Nigeria. NBER Working Paper 9804.
- Salin, E. 1928. Standortverschiebungen der deutschen Wirtschaft. In *Strukturwandlungen der deutschen Volkswirtschaft*, ed. B. Harms. Berlin: Reimar Hobbing, 75–106.
- Sandberg, L. G. 1974. *Lancashire in Decline: A Study in Entrepreneurship, Technology and International Trade*. Columbus: Ohio State University Press.
- Sapir, A. 1992. Regional Integration in Europe. *Economic Journal* 102: 1491–1506.
- Sapir, A. et al. 2004. *An Agenda for a Growing Europe. The Sapir Report*. Oxford University Press.
- Sargent, T. 1982. The End of Four Big Inflation. In *Rational Expectations and Inflation*, ed. T. Sargent New York: Harper & Row, pp. 40–109.
- Sargent, T. and C. Sims. 1977. Business Cycle Modelling Without Pretending to Have Too Much A Priori Economic Theory. In *New Methods in Business Cycle Research*, ed. Christopher Sims. Minneapolis: Federal Reserve Bank of Minneapolis, pp. 45–109.
- Saul, S. B. 1969. *The Myth of the Great Depression, 1873–1896*. Basingstoke: Macmillan.
- Saz, I. 1999. Foreign Policy under the Dictatorship of Primo de Rivera. In *Spain and the Great Powers in the Twentieth Century*, ed. S. Balfour. and P. Preston. New York: Routledge, pp. 53–72.
- Schnabel, I. 2004. The German Twin Crisis of 1931. *Journal of Economic History* 64: 822–871.
- Schofield, R. and D. Reher. 1991. *The Decline of Mortality in Europe*. In Schofield, Reher, and Bideau, 1991, pp. 1–17.
- Schofield, R., D. Reher, and A. Bideau. 1991. *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Clarendon.
- Schön, L. 2000. *En modern svensk ekonomisk historia. Tillväxt och omvandling under två sekel (A modern Swedish economic history. Growth and transformation in two centuries)*. Stockholm: SNS Förlag.
- Schubert, A. 1991. *The Credit-Anstalt Crisis of 1931*. Cambridge University Press.
- Schuker, S. 1976a. *The End of French Predominance in Europe*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- . 1976b. Finance and Foreign Policy in the Era of the German Inflation. In *Historische Prozesse der deutschen Inflation 1914–1924*, ed. O. Büsch and G. Feldman. Berlin: de Gruyter, 343–361.
- . 1988. *American Reparations to Germany, 1924–1933*. Princeton University Press.
- Schulze, M.-S. 2000. Patterns of Growth and Stagnation in the Late Nineteenth Century Habsburg Economy. *European Review of Economic History* 4: 311–340.
- . 2005. Austria-Hungary's Economy in World War I. In Broadberry and Harrison 2005a, pp. 77–111.

- Schulze, M.-S., ed. 1999. Western Europe: Economic and Social Change since 1945. London: Longman.
- Schulze, M.-S. and N. Wolf. 2009. On the Origins of Border Effects: Insights from the Habsburg Empire. *Journal of Economic Geography* 9: 117–136.
- Schumpeter, J. 1939. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. New York: McGraw-Hill.
- Scranton, P. 1997. Endless Novelty: Specialty Production and American Industrialization, 1865–1925. Princeton University Press.
- Sereni, E. 1968. Il capitalismo nelle campagne. Turin: Einaudi.
- Shearer, J. R. 1997. The Reichskuratorium für Wirtschaftlichkeit. Fordism and Organised Capitalism in Germany, 1918–1945. *The Business History Review* 71 (4): 569–602.
- Shorter, F. C. 1985. The Population of Turkey after the War of Independence. *International Journal of Middle East Studies* 17: 417–441.
- Siaroff, A. 1999. Corporatism in 24 Industrial Democracies: Meaning and Measurement. *European Journal of Political Research* 36: 175–205.
- Sicsic, P. 1993. Was the Franc Poincaré Undervalued? *Explorations in Economic History* 29: 69–92.
- Siegenthaler, H. 1987. Die Schweiz 1914–1970. In *Handbuch der Europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte*, Vol. 6, ed. W. Fisher, J. A. van Houtte, H. Kellenbenz, I. Mick, and F. Vittinghoff. Stuttgart: Klett-Cotta, pp. 482–512.
- Simonov, N. S. 1996. Strengthen the Defence of the Land of the Soviets: The 1927 War Alarm and Its Consequences. *Europe-Asia Studies* 48: 1355–1364.
- Simpson, J. 1995. Real Wages and Labour Mobility in Spain, 1860–1936. In *Labour's Reward. Real Wages and Economic Change in 19th and 20th-Century Europe*, ed. P. Scholliers and V. Zamagni. Aldershot: Edward Elgar, pp. 182–200.
- . 1939. *The Refugee Problem*. Oxford University Press.
- Smith, M. S. 2006. *The Emergence of Modern Business Enterprise in France, 1800–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Smits, J.-P., E. Horlings, and J. L. van Zanden. 2000. Dutch GNP and its Components, 1870–1913. N. W. Posthumus Institute, University of Groningen, www.nationalaccounts.niwi.knaw.nl/start.htm.
- Solomou, S. 1998. *Economic Cycles: Long Cycles and Business Cycles since 1870*. Manchester University Press.
- Solomou, S. and W. Wu. 1999. Weather Effects on European Agricultural Output, 1850–1913. *European Review of Economic History* 3: 351–372.
- Solow, R. M. 1956. A Contribution to the Theory of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics* 70: 65–94.
- . 1957. Technical Change and the Aggregate Production Function. *Review of Economics and Statistics* 39: 312–320.
- . 1987. We'd Better Watch Out. *New York Times Book Review* (12 July).
- Spree, R. 1988 [1981]. *Health and Social Class in Imperial Germany*. Hamburg: Berg.
- Stachura, P. D. 2003. Social Policy and Social Welfare in Germany from the Mid-Nineteenth Century to the Present. In *Germany: A New Social and Economic History*, ed. S. Ogilvie and R. Overly. London: Arnold, 227–250.
- Statistisches Bundesamt Deutschland. 2007. *Aktuelle Kreisergebnisse für Deutschland*.
- Steckel, R. H. 1995. Stature and Standard of Living. *Journal of Economic Literature* 33: 1903–1940.
- Steckel, R. H. and R. Floud. 1997. *Health and Welfare during Industrialization*. Chicago: University of Chicago Press.

- . 1998. Height and the Standard of Living. Health and Welfare during Industrialization. *Journal of Economic History* 58: 866–870.
- Stern, R. 1960. A Century of Food Exports. *Kyklos* 13: 44–57.
- Stiglitz, J. E. 2002. *Globalization and Its Discontents*. New York: Norton.
- Stock, J. H. and M. W. Watson. 2004. Understanding Changes in International Business Cycle Dynamics. NBER Working Paper no. 9859.
- Stone, I. 1999. *The Global Export of Capital from Great Britain, 1865–1914: A Statistical Survey*. London: Macmillan.
- Stone, J. F. 1996. Republican Ideology, Gender and Class: France 1860s–1914. In Frader and Rose, 1996, pp. 238–259.
- Studenski, P. 1958. *The Income of Nations: Theory*. New York University Press.
- Summers, P. M. 2005. What Caused the Great Moderation? Some Cross-Country Evidence. *Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Review*, Third Quarter, 5–30.
- Svensson, L. 1995. *Closing the Gender Gap. Determinants of Change in the Female-to-Male Blue Collar Wage Ratio in Swedish Manufacturing, 1913–1990*. Lund, University.
- . 2004. Technology Shifts, Industrial Dynamics and Labour Market Institutions in Sweden, 1920–95. In *Technology and Human Capital in Historical Perspective*, ed. J. Ljungberg and J. — P. Smits. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 79–101.
- Svennilson, I. 1954. *Growth and Stagnation in the European Economy*. Geneva: United Nations.
- Swan, T. W. 1956. Economic Growth and Capital Accumulation. *Economic Record* 32: 334–361.
- Sylos-Labini, P. 1970. *Problemi dello sviluppo economico*. Bari: Laterza.
- Symeonidis, G. 2008. The Effect of Competition on Wages and Productivity: Evidence from the United Kingdom. *Review of Economics and Statistics*. 90: 134–146.
- Taylor, A. M. and J. G. Williamson. 1997. Convergence in the Age of Mass Migration. *European Review of Economic History* 1: 27–63.
- Teichova, A. 1988. *The Czechoslovak Economy, 1918–1980*. London: Routledge.
- Temin, P. 1987. Capital Exports, 1870–1914: An Alternative Model. *Economic History Review* 40: 453–458.
- . 1989. *Lessons from the Great Depression*. Cambridge, MA: MIT Press.
- . 2002. The Golden Age of European Growth Reconsidered. *European Review of Economic History* 6: 3–22.
- Thomas, B. 1954. *Migration and Economic Growth: A Study of Great Britain and the Atlantic Economy*. Cambridge University Press.
- Thomas, M. 2004. The Service Sector. In *The Cambridge Economic History of Modern Britain*, ed. R. Floud and P. Johnson. Cambridge University Press, 99–132.
- Timmer, A. and J. G. Williamson. 1998. Immigration Policy Prior to the Thirties: Labor Markets, Policy Interactions and Globalization Backlash. *Population and Development Review* 24: 739–771.
- Timmer, M. and B. van Ark. 2005. Does Information and Communication Technology Drive EU–US Productivity Growth Differentials? *Oxford Economic Papers* 57: 693–716.
- Tinbergen, J. 1942. Zur Theorie der langfristigen Wirtschaftsentwicklung. *Weltwirtschaftliches Archiv* 55: 511–549.
- Tolliday, S. 1991. Competition and Maturity in the British Steel Industry, 1870–1914. In *Changing Patterns of International Rivalry: Some Lessons from the Steel Industry*, ed. E. Abé and Y. Suzuki. Tokyo University Press, pp. 20–72.
- Tomlinson, J. D. 1984. A 'Keynesian Revolution' in Economic Policy-Making? *Economic History Review* 37: 258–262.

- Toniolo G. 1995. Italian Banking, 1919–1936. In *Banking, Currency, and Finance in Europe between the Wars*, ed. C. H. Feinstein. Oxford: Clarendon, pp. 296–314.
- . 1998. Europe's Golden Age, 1950–73: Speculations from a Long-Run Perspective. *Economic History Review* 51: 252–267.
- . 2005. *Central Bank Cooperation at the Bank for International Settlements, 1930–1973*. Cambridge University Press.
- Toooze, J. A. 2001. *Statistics and the German State, 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge*. Cambridge University Press.
- . 2007. *The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy*. London: Penguin.
- Toutain, J. C. 1997. Le produit intérieur brut de la France, 1789–1990. *Economies et Sociétés, Histoire économique quantitative*, Série HEQ 1 (11): 5–136.
- Travis, A. S. et al. 1998. *Determinants in the Evolution of the European Chemical Industry 1900–1939: New Technologies, Political Framework Markets and Companies*. Dordrecht: Kluwer.
- Trebilcock, C. 1981. *The Industrialization of the Continental Powers, 1780–1914*. London: Longman.
- Triner, G. and K. Wandschneider. 2005. The Baring Crisis and the Brazilian Encilhamento, 1889–1891: An Early Example of Contagion among Emerging Capital Markets. *Financial History Review* 12: 199–225.
- Tugan-Baranovskiy, M. I. 1970. *The Russian Factory in the 19th Century*, trans. A. Levin and C. Levin. Homewood, IL.: Published for the American Economic Association by R. D. Irwin. [Original 1922, *Russkaia fabrika v proshlom i nastoiashchem: istoricheskoe razvitiie russkoi fabрики v XIX v.* Moscow: Moskovskii rabochii.]
- Turnock, D. 2006. *The Economy of East Central Europe, 1815–1989. Stages of Transformation in a Peripheral Region*. London: Routledge.
- Twarog, S. 1997. Heights and Living Standards in Germany, 1850–1939: The Case of Württemberg. In *Health and Welfare during Industrialization*, ed. R. H. Steckel and R. Floud. Chicago: University of Chicago Press, pp. 285–330.
- Ulman, L. and R. J. Flanagan. 1971. *Wage Restraint: A Study of Income Policy in Western Europe*. Berkeley: University of California Press.
- UNDP. 2006, 2007. Human Development Report. New York. www.hdr.undp.org/hdr2007/.
- Union des Associations Internationales. 1957. *Les 1978 Organisations Internationales fondées depuis le Congrès de Vienne*. Brussels.
- . 1960. *Les Congrès Internationaux de 1681 à 1899 / International Congresses 1681 to 1899*. Brussels.
- Urlanis, B. 1971. *Wars and Population*. Moscow: Progress.
- US Department of Commerce. 1975. *Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970*. Washington, DC: GPO.
- Vallin, J. 1991. Mortality in Europe from 1720 to 1914: Long-Term Trends and Changes in Patterns by Age and Sex. In Schofield, Reher, and Bideau 1988, 38–67.
- Van Ark, B. 1996. Sectoral Growth Accounting and Structural Change in Postwar Europe. In Van Ark and Crafts 1996, pp. 84–164.
- Van Ark, B. and N. Crafts 1996. *Quantitative Aspects of Post-War European Economic Growth*. Cambridge University Press.
- Van Ark, B., M. O'Mahony, and M. Timmer 2008. The Productivity Gap between Europe and the United States: Trends and Causes. *Journal of Economic Perspectives* 22: 25–44.

- Van Zanden, J. L. 1991. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914. *Economic History Review* 44: 215–239.
- . 1994. *The Transformation of European Agriculture in the 19th Century: The Case of the Netherlands*. Amsterdam: Vu Uitgeverij.
- Van Zanden, J. L. and A. van Riel. 2004. *The Strictures of Inheritance: The Dutch Economy in the Nineteenth Century*. Princeton University Press.
- Vernon, R. 1966. International Investment and International Trade in the Product Cycle. *Quarterly Journal of Economics* 80: 190–207.
- Villa, P. 1993. Une analyse macroéconomique de la France au XXe siècle. Paris: CNRS.
- Ville, S. 1991. Shipping Industry Technologies. In *International Technology Transfer: Europe, Japan and the USA, 1700–1914*, ed. D. J. Jeremy. Aldershot: Edward Elgar, pp. 74–94.
- Vögele, J. 1998. *Urban Mortality Change in England and Germany, 1870–1913*. Liverpool University Press.
- Volcker, P. and T. Gyohten. 1992. *Changing Fortunes: The World's Money And The Threat to American Leadership*. New York: Times Books.
- Von Hagen, J. 1999. A New Approach to Monetary Policy (1971–1978). In *Fifty Years of the Deutsche Mark: Central Bank and the Currency in Germany since 1948*, ed. Deutsche Bundesbank. Oxford University Press, 403–438.
- Voth, H.-J. 2006. La discontinuidad olvidada: provisión de trabajo, cambio tecnológico y nuevos bienes durante la Revolución Industrial. *Revista de Historia Industrial* 15: 13–31.
- Watkins, S. C. 1986. Regional Patterns of Nuptiality in Western Europe, 1870–1960. In *The Decline of Fertility in Europe*, ed. A. J. Coale and S. C. Watkins. Princeton: Princeton University Press, pp. 314–336.
- Webb, S. N. 1989. *Hyperinflation and Stabilization in Weimar Germany*. Oxford University Press.
- Weitzman, M. L. 1970. Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution. *American Economic Review* 60: 676–692.
- Wheatcroft, S. G. 1999. The Great Leap Forward: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960. *Slavic Review* 58: 27–60.
- White, E. 2001. Making the French Pay: The Cost and Consequences of Napoleonic Reparations. *European Review of Economic History* 5: 337–365.
- Wilkins, M. 1970. *The Emergence of Multinational Enterprise: American Business Abroad from the Colonial Era to 1914*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Wilkinson, R. 1992. Income Distribution and Life Expectancy. *British Medical Journal* 304: 165–168.
- . 2005. *The Impact of Inequality*. London: Routledge.
- Wilkinson, R. and K. Pickett. 2006. Income Inequality and Population Health: A Review and Explanation of the Evidence. *Social Science and Medicine* 62: 1768–1784.
- Williamson, J. G. 1995. The Evolution of Global Labor Markets since 1830: Background Evidence and Hypotheses. *Explorations in Economic History* 32: 141–196.
- . 1997. Globalization and Inequality, Past and Present. *World Bank Research Observer* 12: 117–135.
- . 2002a. Land, Labor and Globalization in the Third World, 1870–1940. *Journal of Economic History* 62: 55–85.
- . 2002b. Winners and Losers Over Two Centuries of Globalization. NBER Working Paper No. 9161.

- Wirth, M. 1893. The Crisis of 1890. *Journal of Political Economy* 1: 214–235.
- Wolf, N. 2008. Scylla and Charybdis. Explaining Europe's Exit from Gold, 1928–1936. *Explorations in Economic History*. Forthcoming.
- Woods, R. 2006. Newman's Infant Mortality as an Agenda for Research. In *Infant Mortality: A Continuing Social Problem*, ed. E. Garrett, C. Galley, N. Shelton, and R. Woods. Aldershot: Ashgate, pp. 33–49.
- World Bank. 2003, 2007. *World Development Indicators*. Washington DC.
- Wrigley, C. 2000. *The First World War and the International Economy*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Yeager, L. B. 1976. *International Monetary Relations: Theory, History, and Policy*. New York: Harper & Row.
- Zilbert, E. R. 1981. *Albert Speer and the Nazi Ministry of Arms*. Rutherford, NJ: Fairleigh Dickinson University Press.
- Zimmermann, K. F. 2005. European Labour Mobility: Challenges and Potentials. *De Economist* 153: 425–450.
- Zurcher, E. J. 2000. *Turkey: A Modern History*. London: Tauris.
- Zylberman, P. 2005. Mosquitos and the Komitadjis: Malaria and Borders in Macedonia. In *Facing Illness in Troubled Times: Health in Europe in the Inter-War Years*, ed. I. Borowy and W. D. Gruner. Frankfurt am Main: Lang, pp. 305–343.

Научное издание

**КЕМБРИДЖСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЕВРОПЫ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

Том 2: 1870—наши дни

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Корректор Людмила Малова
Художник серии Валерий Коршунов
Верстка Сергея Зиновьева

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 1.07.13. Тираж 1000 экз.
Формат 70×100/16. Заказ № 3417.
Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6